

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

АССЕРЦИЯ
И НЕГАЦИЯ

АССЕРЦИЯ
И НЕГАЦИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

АССЕРЦИЯ И НЕГАЦИЯ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН *Н. Д. Арутюнова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»

Москва 2009

УДК 81
ББК 81
Л 69

Издание осуществлено
при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 08-04-16113д)

Редакционная коллегия:

кандидат филол. наук *М. Л. Ковинова*,
кандидат филол. наук *Н. Ф. Спиридонова*,
А. А. Стригина

Логический анализ языка. Ассерция и негация / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Издательство «Индрик», 2009. — 560 с.

ISBN 978-5-91674-036-3

В книге рассматривается широкий круг проблем, связанных с утверждением и отрицанием, ассерцией и негацией.

Это, прежде всего, проблемы, касающиеся *грамматического* строя языка, то есть структура утвердительных и отрицательных высказываний, их морфологических, синтаксических и просодических характеристик, в частности, взаимодействие ассерции и негации с категорией модальности и истинностным значением высказывания.

Большое внимание обращено также на *лексические* средства выражения истинностного значения предложения.

В ряде статей описываются *прагматические* условия использования ассерции и негации, положение этих категорий в разных видах устной и письменной речи, а также в художественном дискурсе (в поэзии Н. Гумилева, Вяч. Иванова, Б. Пастернака, В. Набокова).

В ряде статей рассматривается роль ассерции и негации в религиозных текстах, законоуложениях и правилах поведения: заповедях, запретах, этических нормах, пословицах, пародиях и других видах дискурса.

Категории ассерции и негации описываются как в синхронном аспекте, так и в исторической перспективе их развития.

Анализ категорий ассерции и негации выполнен авторами на материале разных языков — индоевропейских и «экзотических» (селькупского, эвенкийского, тайского, водского).

Авторы статей формируют и формулируют свои точки зрения на фоне широкого спектра философских и филологических концепций и воззрений.

© Текст. Коллектив авторов, 2009

ISBN 978-5-91674-036-3

© Оформление. Издательство «Индрик», 2009

Н. Д. АРУТЮНОВА

КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАКЦИЯ НА ИСТИННОСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ДРУГОГО

Друг мой, я всю жизнь мою лгал.
Даже когда говорил правду. Я никогда
не говорил для истины, а только для
себя... Я, может, лгу и теперь. Главное
в том, что я сам себе верю, когда лгу.
Всего труднее в жизни жить и не лгать
и собственной лжи не верить...

(Достоевский, т.10, с. 497)

Обращаясь к читателям в «Зимних заметках о летних впечатлениях», Ф. М. Достоевский пишет: «Вы знаете тоже, наверно, что если я и навру, то навру, будучи убежден, что не вру... Ну так и дайте мне свободу» (*Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990, т. 5, с. 68). В эпиграфе мы привели слова одного из персонажей Достоевского (Верховенского-старшего), выражающие мысль о том, что в реальной коммуникации, в мыслях человека и в создаваемых им текстах (в том числе и публицистических) преобладают высказывания, лишённые определенной истинностной оценки, неverifiedированные и неverifiedируемые, даже тогда, когда речь идет о непосредственных впечатлениях говорящего. Авторы настоящего сборника *верят* в истинность излагаемых ими взглядов. Вместе с тем они не исключают, что их мнения и концепции вызовут критику коллег. Они будут рады критике. Ведь именно возражения, критические замечания, исправления, уточнения и отрицательные оценки истинности суждений стимулируют развитие и углубление научных концепций, влекут к истине. Они также ориентируют человека в практической жизни, понимании других людей и интерпретации событий и процессов, в которые вовлечен человек.

И та и другая жизненная позиция располагает к отрицанию и повышает статус отрицания в языке. Это можно показать, в частности, на примере текстов Достоевского, писавшего в острополюемический период русской жизни и участвовавшего в журнальной публицистике (см. его «Дневник писателя»).

Так, в «Статистическом словаре языка Достоевского» (М., 2003) зафиксировано 3215 употреблений отрицания *нет* (из них 2615 в художественных текстах) и 2223 случаев употребления *нет* в функции предиката в оппозиции к *есть*. К этому можно добавить около 200 употреблений вариантов отрицательной формы (*нет-с, нету, нетути* и др.), то есть в общей сложности насчитывается более пяти с половиной тысяч случаев употребления отрицания *нет*. Расчет сделан по корпусу в 2889 тыс. графических слов. Отрицание *нет* располагает разными синтаксическими вариантами употребления. Оно используется в ответе на вопрос собеседника, а также в функции внутренней поправки в речи говорящего: ...*Тому прошло уж десять лет... нет, больше — 12 лет* (Пушкин). С *нет* начинаются экспрессивные возражения себе или общепринятому мнению: *Нет, я не дорожу мятежным наслаждением, Восторгом чувственным, безумством, исступленьем...; Нет — легче мне сразаться с Годуновым, Или хитрить с придворным езуитом, Чем с жепщиной: черт с ними, мочи нет; Не дай мне Бог сойти с ума. Нет, лучше посох и сума... Нет-начальное, как показывают приведенные пушкинские строки, характерно не только для споров и диалогов, но и для поэзии. Утвердительная частица *да* употребляется почти в два раза реже, чем *нет*.*

Отрицание *не* встречается в текстах Достоевского тоже весьма обильно — 67 165 раз. В среднем на каждую страницу текста Достоевского приходится около 20 разных видов отрицания. Таким образом, роль отрицания в художественном и диалогическом тексте (не говоря уже о разных видах полемического дискурса) оказывается весьма весомой.

Это отражается на состоянии языка, в котором синтаксис и лексикон слов, включающих в себя компонент отрицания, чрезвычайно богат и разнообразен. Фальсифицируются практически все аспекты и составляющие мироздания и человека — реального и идеального: события, сообщения, суждения, теории, внутренний мир себя и Другого. Но возможна и инверсия отношений истины и лжи, когда очевидная ложь скрывает истину. Так, юмористические произведения, поэзия и художественная литература разработали весьма тонкую технику обращения лжи (неправдоподобного, невозможного, ирреального, фантастического) в истину. Искусство в той или иной степени манипулирует взаимоо-

братимостью истины и лжи, созданием художественных фигур и тропов, основанных на воображении и игре. Эту двойственность поэтического текста понимают как адресаты, так и сами поэты. Приведем несколько пушкинских цитат: «Сказка — ложь, да в ней намек, Добрым молодцам урок»; «В детях, одаренных игривостью ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямоте»; «Все призрак, ложь и сон. И мудрость и народ и слава; Что ж истинно? Одна забава». А вот пример из «Неточки Незвановой», имя которой (*Анна*) в уменьшительной форме, по-видимому, не случайно присоединило к себе отрицание, совпав с началом фамилии. Неточка говорит о своем впечатлении от сказки: «Это была первая сказка, которую мне пришлось слышать... Я сидела, как зачарованная... Не то, чтобы она так действовала на меня, — нет, но я все брала в ней за истину, тут же давала волю своей богатой фантазии и тотчас же смешивала с вымыслом действительность» (Достоевский, т. 2, 165). Так в жизни шкала ценностей не распределена точно и однозначно между действительностью и фантазией, между реальным и ирреальным. Язык пользуется большим репертуаром приемов, позволяющих говорить о сущем словами, несущими в себе не-сущее.

Язык располагает богатым лексиконом слов, значение которых выражает категории «не-сущего». Приведем фрагмент лексикона не-истины: *слухи, сплетни, враки, ерунда, чепуха, дичь, нелепость, выдумка, бред, фикция, фальшь, вымысел, отсебятина, воображение, фантазия, грезы, мечты, галлюцинация, иллюзия, мираж, фантазмодория, ересь, небылица, вздор, лесть, комплимент, клевета, видение, белиберда, абракадабра, ахинея* (от *Афины*). Существует много объяснений происхождения этого последнего слова. Оно подробно описано В. В. Виноградовым в его книге «История слов» (М., 1994, с. 41–54). К этой, далеко не полной группе примыкают глаголы (*оболгать, надуть, обмануть, провести, обдурить* и пр.), а также слова с префиксами *лже-* (*лжеученый, Лжедмитрий, лжесвидетель, лжепророк*), *псевдо-* (*псевдоним, псевдоклассицизм*), *квази-* (*квазиспециалист, квазиталант*).

Мы привели примеры, в которых выражение неистинности не пользуется отрицательными частицами *нет, не, ни, ни-ни*. Многие из них проанализированы и распределены по классам Ю. Д. Апресяном в «Словаре синонимов» (см. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2004) в статье «неправда — ложь — вранье». Отметим, что в русском языке лексическое поле «вранья» весьма обширно. Слова этого поля имеют колеблющееся значение между «болтовней», «ложью» и «фантазией». Приведем пример, демонстрирующий это колебание. Один из персонажей Достоевского говорит: *Я люблю, когда врут*.

Вранье есть единственная человеческая привилегия перед другими организациями. Совеешь — до правды дойдешь! Потому я и человек, что вру. Ни до одной правды не добивались, не соврав наперед раз четырнадцать, а то и сто четырнадцать. ...а мы-то и соврать своим умом не умеем! Ты мне ври, да ври по-своему. Соврать по-своему, ведь это почти лучше, чем соврать по одному по-чужому, в первом случае ты — человек, а во втором ты только что птица (Достоевский, т. 6, с. 155). Колебания между этими значениями заслуживают внимания лексикографа, предлагающего им не всегда достаточно точную интерпретацию.

Теперь вернемся к собственно отрицанию. Итак, отрицание передается в русском языке знаками негации: *нет, не, ни и ни-ни. Нет*, как известно, является слиянием отрицания *не* с 3-м л. ед. ч. наст. вр. глагола *быть* (*не есть*) и является эквивалентом пропозиции, которая ему предшествует в вопросе и может эксплицироваться в ответе: — *Ты пойдешь сегодня в театр?* — *Нет.* (*Нет, не пойду*).

Другое значение *нет* (*не было, не будет*) бытийно-безличное, в котором семантика «бытия» сближается с семантикой «имения», то есть обладания: *у меня нет (не было, не будет) денег*. В наст. времени *нет*, как упоминалось, включает в себя *есть* (*нет = не есть*).

Напомним, что в средневековом языке *нет* имело также субстантивное значение: *Пирог с нетом; До самого нета все было есть*. В старом языке и в говорах *нет* образовывало обширную группу производных разных частей речи: *нету, нетуть, нетути, нетчик, нетчица* (отсутствующий, -ая), *неткать(ся)* (отказываться) и др. В сочетании с местоимениями и наречиями *нет* утрачивает конечный звук, но компенсирует потерю ударением: *нэкто, нэкогда, нэчем, нэгде и пр.* Положение *нет* в истории русского языка и в его диалектах хорошо описано, в частности, в Словаре В. Даля.

Не меньший интерес представляет семантически плодотворная в русском языке частица *не*, употребляющаяся как для образования отрицательных предложений, то есть при предикате, так и входя в состав многочисленной серии слов, в которых она часто утрачивает негативность.

В Словаре В. Даля (см. его «Толковый словарь живого великорусского языка», т. 2, 1979, с. 502–542) зафиксировано более 900 статей, объединяющих слова — литературные, просторечные и диалектальные, начинающиеся с частицы *не-*. Тем самым, если учесть входящие в каждую статью производные, общее число *не-*слов существенно увеличится. Так, статья *негодный* содержит около 20 производных от основы *негод-*, *негож-*: *негодяй, негодник, негодь, негодовать, негожий, негожество, негодня, негодница* и др.

Среди *не*-слов выделяются отдельные группы, в которых *не*-соединяется с определенными префиксами. По данным «Словаря» Ушакова, с *недо*- начинается 135 слов, обозначающих неопределенность: *недоросль, недолет, недокорм, недомолвка, недоразумение, недосуг, недотрога* и т. п.; с *непо*- — более 50 производных: *непослушный, непоседливый, непогрешимый, неповоротливый, непокаянный, непотребный, неполадка* и т. п.

Отрицание, таким образом, часто стремится перейти из синтаксиса в лексику. Оно как бы «перепрыгивает» через связку и примыкает к предикативу. Отрицательная частица становится префиксом. Ср. *Он не глуп. Он не был глуп. Он был неглуп.* Переход в семантику интенсифицирует отрицание: Тот, кто *неглуп, умнее* того, кто *не глуп.* Отрицательный префикс образует обширное лексическое поле признаков и субстантивных слов, в которых он может перетягивать на себя акцент (*неуч, недруг*). Негатив переходит в аффирматив, отрицание — в утверждение. Частица *не* создает новый признак: ср. *Он не (был) высок ростом. — Он (был) невысок ростом.*

Отрицание, естественно, входит в пару со своим оппозитом, то есть с утверждением, выражаемым частицей *да*. *Да*, так же как *нет*, имеет значение эквивалентное суждению (пропозиции): — *Ты будешь сегодня вечером дома? — Да. (Да, буду; Да, я буду сегодня вечером дома).*

Если *да — нет* образуют оппозитивную пару, то их лексикализованные эквиваленты — *истина* и *ложь* не являются, строго говоря, полными антонимами. Истина абсолютна и не имеет лексических вариантов. Слово *истина* не создает производных, не соотносится с однокоренным глаголом (**истинить*). *Истина* входит, прежде всего, в интеллектуальную, научную речь, а также в язык философии и богословия. В текстах Достоевского зафиксирован всего 291 пример употребления этого слова, в то время как *правда* встречается 1370 раз и, кроме того, 626 раз в функции вводного слова. Дважды эти слова сблизились в форме *правда-истина*. «Истина» принимает малое участие в повседневной коммуникации, она как бы не имеет своей прямой целью воздействие на адресата. Между тем ее оппозит *ложь* живет в контексте коммуникации, образует гнездо производных слов (*лгать, лжец, лганье, лгу, лживец, лживица, лживый* и др.). *Лжец* и *лгу* весьма употребительны в речи; тогда как **истинец* ни в каком стиле не находит себе места.

Ложь-фантазия может украшать речь. Не случайно говорят: «Красно поле рожью, а речь — ложью». В обиходной речи, ориентированной на сообщение фактической информации о внешнем и внутреннем мире человека и межличностных отношениях, *ложь* не допускается и слова «гнезда лжи» имеют негативные оценочные коннотации. Они входят в

лексикон этики: во лжи *обвиняют* и *упрекают*, ложь *запрещают* и *не прощают*, за ложь *наказывают*. Ложь сознательна и ориентирована на определенную цель. К «неправде» и «вранью» относятся более снисходительно. Переход от реплики *Неправда!* к обвинительным репликам *Лжеешь! Не лги! Не смей лгать!* присоединяет к истинностной оценке высказывания негативную оценку речевого поведения говорящего. Ложь, имеющая своей целью обвинение человека, становится *клеветой*. Приведем отрывок из разговора Дуни со Свидригайловым, демонстрирующий один из приемов оправдания лжи и способ его отвода: — *Ты жену отравил, я знаю, ты сам убийца!* — *Даже если бы это была и правда, так из-за тебя же все таки — Лжеешь! Я тебя ненавидела всегда... Лжеешь, клеветник!* — *Лгу? Ну пожалуй и лгу, Солгал* (Достоевский).

Прилагательное *ложный* не имеет столь ярко выраженных отрицательных коннотаций. Оно указывает на ошибочность суждения или отрицание определенной концепции.

В отличие от *истины* и *лжи*, *правда* — *неправда* образует пару, в которой на первый план выступают нравственные коннотации: *правда* вызывает ассоциацию с совестью, нравственным законом. С другой стороны, *правда* и *неправда* активно вошли в круг речевого общения: *правда* и *неправда* широко используются в качестве разговорных (диалогических) реплик, подтверждающих или отрицающих слова собеседника. В. Даль в статье «неправда» следующим образом характеризует семантическое развитие этого концепта: слова *правда* — *неправда* «были искажены в значении своем почти на нашей памяти, сделавшись однословами со словами *истина* — *ложь*. Коренное же значение слов *правда* и *неправда* изменено не совсем удачно выражениями *справедливость* — *несправедливость*, *правосудие* — *неправосудие*. Но *истина* относится только до понятий умственных, а *правда* — до качеств нравственных, почему и первое уложение наше, законы правосудия, называлось *Русскою правдою*. Народ остался верен прямому значению слова. Для него «*неправда* — всякая незаконность, дело, противное совести, обида, притеснение, кривосуд, неправый приговор, решение, ложь на деле, криводушие, недобросовестность, кривда» (т. 2, с. 529–530). При переходе слов *правда* — *неправда* из сферы духовного мира в политику и повседневный диалог их нравственный ореол пошел на убыль (ср. фамилию отрицательного персонажа Достоевского *Правдолюбов*). **Правда** «размножилась», **истина** сохранила глобальность.

Е. М. ВЕРЕЩАГИН

АПОФАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ SUB SPECIAE GLOTTOLOGIAE

Апофатическое, или отрицательное, *богословие* (ἀποφατικὴ θεολογία, *theologia negativa*)¹, элементы которого имеются уже в Ветхом Завете, а также и в трактатах Платона, достигло вершины своего развития у греческих отцов Церкви². Его приверженцы не являются агностиками, поскольку, признавая трансцендентность божества, они все же держатся установки на (пусть и особую) познаваемость Нумена³. Бог неизречен (ἄρρητος)⁴, т. е. превосходит всё, что может быть поиме-

Исследование выполнено по исследовательским проектам 2006 г.: «Церковнославянское и синодального перевода русское Евангелие как самостоятельная духовная линия в мировой истории и культуре» (финансируется в рамках программы Отделения ИФН РАН «Русская культура в мировой истории») и «Филологическая история создания древнейшей версии славянского Евангелия и ее уроки для нашего времени» (финансируется РГНФ).

¹ Термин образован от греч. ἀποφατικός «отрицательный» (от ἀπόφρασις «отрицать, отвергать»). Апофатическое богословие противопоставляется *катафатическому* (от катаφατικός «утвердительный»). Оба атрибута применены к богословию уже Дионисием (Псевдо-)Ареопагитом.

² В наиболее развитом виде апофатическое богословие представлено в сочинениях того автора (предположительно начала V в.), который укрылся под именем Дионисия Ареопагита, а также комментатора этих творений Максима Исповедника (VII в.). Корпус сочинений того и другого на греч. и рус. языках см.: [Дионисий 2003]. Традицию апофатического богословствования в дальнейшем продолжил Иоанн Дамаскин; см.: [Иоанн 2002; Творения 1997].

³ О концепте Нумена (условный перевод: «божественность, величие, могущество, сверхъестественность»), восходящем к учению Р. Отто и более емком, чем концепт божества, а также о предпочтительности использования именно этого термина в научном дискурсе см.: [Верещагин, Костомаров 2005: 556–558].

⁴ Термин имеет новозаветное происхождение; о восхитенном в рай человеке в одном из Павловых посланий (2 Кор 12: 4) сказано, что он (восхищенный

новано из его атрибутов и предикативно о нем высказано, но Бог не непознаваем. К тому же апофатическое богословие признает ценность положительных (утвердительных) атрибутов и предикатов (в частности, во-первых, [данных в откровении] имен Нумена и, во-вторых, наивысших дефиниций, как присутствующих в Свщ. Писании, так и выявляемых путем исследования его творений⁵).

Гносеологические особенности этого патристического богословствования проистекают из того, что Нумену приписываются только предикаты с отрицательными частицами οὐ(κ) или μῆ (и в сочетании μῆ οὐ) и атрибуты с приставкой ἀ-, но ничего определенного не высказывается ни о его сущностных, ни о пространственно-временных, ни о причинных (и прочих) характеристиках. На темы апофатического богословия писали и пишут охотно и много⁶. Можно сослаться на целый ряд пронизательных исследований и обобщающих публикаций. Все они вышли из-под пера богословов или философов.

Между тем, апофатическое богословие покоится не только на чистой мыслительной спекуляции, но и на познавательных потенциях греч. языка, причем не только языка терминологического, но и обиходного. Это означает, что необходимо рассматривать апофатическую терминологию также и *sub speciae glottologiae* — иначе говоря, с привлечением лингвистического инструментария. Лингвист (не чуждающийся логики) действительно способен внести свой собственный, неповторимый вклад в выяснение, какие смыслы постигаются и выражаются посредством отрицания, — ведь отрицание как феномен противоречиво и не однозначно, а все формы отрицания имеют языковой генезис и статус.

Конечно, серьезные мыслители как правило внимательны к точности своего изложения. Они обычно сознают как возможности, так и границы языка как основы научного дискурса. Они прилагают усилия, чтобы поставить язык себе на службу. Об этом свидетельствует, в

человек) «слышал неизреченные слова (ἄρρητα ῥήματα)». О патристической семантике лексемы ἄρρητος см.: [Lampe]. В англ. языке, в отличие от русского, нет точного соответствия патристическому концепту, и в словаре [Lampe] дается многословное его описание: *unspoken* «несказанный», *unintelligible* «непостигаемый», *inaudible* «неслышимый», *indescribable* «неописуемый», *immense* «неохватный», *ineffable* «невыразимый (словами)», *that cannot be spoken* «неприизносимый» и др.

⁵ О возможности такого познания имеется новозаветное свидетельство: «Ибо невидимое (ἀόρατα) Его (т. е. Бога), вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы (καθ' ὅρατα)» (Рим 1: 20).

⁶ В любой богословской энциклопедии имеется соответствующая статья. По нашей оценке, хорошие справки можно почерпнуть из фундаментальных книг: [Cross; Komonchak; Православная энциклопедия].

частности, развитая и весьма нюансированная апофатическая терминология. И тем не менее если богослов или философ систематически призывает вслушиваться в язык и, даже изобретая свои слова, предлагает *eo ipso* аргументацию «от языка» (т. е. от общепотребительного языка), он сам оказывается в подчинении языку.

Так или иначе, экспертиза лингвиста в сфере богословия, и прежде всего апофатического, может оказаться нелишней.

*

Открытие конференции «Ассерция и негация» (28 мая) пришлось на День Святого Духа, на второй день двенадцатого праздника Святой Троицы. Особенность троицкого богослужения состоит, в частности, в том, что по завершении литургии сразу же совершается вечерня, и на ней положены особые, т. н. коленопреклонные, молитвы⁷, имеющие весьма насыщенное богословское содержание. Ниже мы выписали начало Первой коленопреклонной молитвы⁸, начинающейся с мощного апофатического аккорда. Отрицательные термины имеются только в строках (1–4), поэтому для заключительных строк (5–7) греч. оригинал не выписан.

(1)	Ἀκραντε,	ἀμίαντε,	ἄναρχη,	
	Пречисте,	неискверне,	безначальне,	
	Пречистый,	неоскверненный,	безначальный,	
(2)	ἀόρατε,	ἀκατάληπτε,	ἀνεξιχνίαστε,	
	невидиме,	непостижиме,	неисследиме,	
	невидимый,	непостижимый,	неисследимый,	
(3)	ἀναλλοίωτε,	ἀνυπέρβλητε,	ἀμέτρητε,	ἀνεξίκακε Κύριε,
	непремѣнне,	неповѣдѣмѣ,	нензѣтѣне,	незлобѣне гдѣ,
	неизменный,	непревосходимый,	неисчислимый,	незлобивый Господи,
(4)	ὁ μόνος ἔχων	ἀθανασίαν,	φῶς	οἰκῶν ἀπρόσιτον,
	ѣдинъ имѣѡн	бесзмѣртїе,	во свѣтѣ живѡи	непрѣтѣпномъ:
	один	имеющий бессмертие,	живущий	в непреступном свете,

⁷ Их всего 7, но при чтении они объединены в 3 группы.

⁸ Названная методика применима к текстам, перевод которых осуществлен по пословному принципу. Полилинейность состоит в том, что две, три, четыре строки (и более) издатель согласует между собой и размещает одну под другой. Спятичность («пространственность», от *spatium*) состоит в том, что соотносимые фрагменты текстов (в данном случае — лексемы) размещаются строго один под/над другим. Эта методика позволяет исследователю непосредственно видеть, какие фрагменты могут быть причислены к переводческим эквивалентам, а какие представляют собой разного рода модификации.

- (5) сотворѣвый нѣо ѿ зѣмлю, ѿ морѣ, ѿ вѣсѣхъ созданиа на нѣхъ,
сътвориый небо, землю, море и все созданное в них,
(6) прѣжде ѣже прои́ти, вѣсѣмъ прошѣнїа подавѣаѣи,
подающий всем просимое прѣжде прошения,
(7) тебѣ моли́ма...
Тебе молимся...

В начале текста, прежде чем начались молебные прошения, следует целая череда (а именно: 14⁹) окличек Нумена¹⁰.

Обычно когда к кому-либо обращаются (почему-либо не прибегая к имени собственному), то используется номинация по некоему признаку, который адресант считает отличительным для окликаемого лица¹¹. «Богородице Дево, радуйся!» — это значит, что адресант признает, в отличие от еретиков, что Родившая в вертепе сына и положившая его в ясли — родила Бога (а не обычного человека) и что при этом она, вопреки человеческому естеству, навсегда осталась Девой¹². И множество других молитвословных обращений к Деве Марии — например,

⁹ Считаем по предикациям.

¹⁰ Соответственно как в греческой, так и в славянской версиях текста использован вокатив. В русской версии коленопреклонной молитвы вокатива, естественно, нет. Скажем о другом: обращает на себя внимание, что почти вся славянская лексика (за двумя исключениями) перекочевала в текст на русский язык. Такова, надо сказать, существенная черта русского богословского языка: его номинативный запас в XIX в. почти полностью состоял из (временами немного измененных) славянизмов, а в языке XX и XXI вв. славянизмы, не господствуя больше безраздельно, все же продолжают превалировать. (Снижение их удельного веса объясняется тем, что появилось немало терминов под влиянием западной теологии, а они обычно формируются вне привязки к славянизмам.)

¹¹ Затем кличка может закрепиться и вторым именем собственным (и даже вытеснить первое).

¹² Эта апория («невозможное» сочетание девства с рождением сына) прекрасно выражена в Богородичном акафисте, приписываемом Роману Сладкопевцу или Константинопольскому патр. Сергию: Ῥήτορας πολυφθόγγους ... ἀποροῦσι γὰρ λέγειν τὸ πῶς καὶ παρθένος μένει καὶ τεκεῖν ἰσχυσας («Ветия многоречивыя ... недоумевают бо глаголати, еже како и дева пребываеши, и родити возмогла еси»). Идея приснодевства в точной и афористической форме выражена в Гомилии на Благовещение, принадлежность которой Иоанну Дамаскину весьма вероятна, но до конца не установлена: ...μόνη ἐν παρθένοισι Παρθένος, ἥ καὶ πρὸ τοῦ τόκου, καὶ ἐν τόκῳ, καὶ μετὰ τόκον παρθένος διαμένουσα («...единая в девах Дева, и до рождения, и в рождении, и по рождении девой пребывавшая») [PG, 96, 656B]. Нередко воспроизводится лат. версия чеканной формулировки: ante partum, et in partu, et post partum (virgo permansisti).

в тропарях и кондаках ¹³ — сводятся или к подчеркиванию, или к приписыванию ей некоторых положительных качеств.

Оклички Нумена в начале коленопреклонной молитвы — совсем другого рода. Строки (1–3) состоят из отрицательных номинаций — отрицательных в том смысле, что все лексемы (за исключением первой) начинаются с приставок — в греческом: ἀ- и в славянском: не- или нег-, которые выражают отрицание (ἀπόφασις, negatio). В логических категориях отрицание описывается как отключение, отрыв предиката от субъекта или следствия от причины (и т. д.), а в данном случае перед нами отделение качества от субстанции.

Обернув тезис Спинозы, мы, конечно, помним, что *omnis negatio est determinatio*, но все-таки что именно утверждает адресант, когда он, согласно окличке, говорит, например, что Бог — *невидим*? Здесь, как представляется, возможны два ответа.

Первый ответ представляет собой (может быть, наивное) приложение житейского опыта к философствованию.

Если некоторая вещь (= Ding) ¹⁴ *невидима*, недоступна зрительному восприятию, то может быть, что она *слышима*, т. е. доступна слуховому восприятию? Грома никогда не видели, но слышали неоднократно. Может быть, далее, невидимая и неслышимая вещь доступна осязанию? Никто не видел и не слышал теплоты, но всякий, пощупав, скажет, теплая вода или нет. Человек обладает еще двумя органами чувств, способными воспринимать материальные вещи (обонянием и вкусом).

Иначе говоря, отрицание одного качества вещи ведет к неопределенности, поскольку другие качества той же вещи могут отнюдь не отрицаться,

¹³ Ср.: *Мати Бога Вышняго, Всепетая Мати, Преблагословенная Дево, Богородительнице Чистая, Заступнице усердная, Боголюбивая Царице, христианская Надежда, Владычице Богородице, благая Помощнице, непрестанная за нас Молитвеннице, Всех скорбящих Радосте, Похвало наша приснопоклоняемая* и т. д. без конца.

¹⁴ Вещь (χρῆμα, ens, Ding, thing, chose) — это обобщающий термин для того, что может быть названо предметом или явлением окружающего мира (= ens reale). Но вещь — это и то, чего в окружающем мире нет, хотя соответствующую сущность можно себе помыслить (= ens imaginarium). Категория вещи — это продукт философской мысли, и при терминологизации обиходного слова *вещь* имел место серьезный разрыв с обиходной семантикой. «Alles, was möglich ist, es mag wirklich sein oder nicht, nennen wir ein Ding» («Все, что возможно, будь оно представлено в действительности или нет, мы называем *вещью*» [Chr. Wolf]; цит. по: [Kirchner's Wörterbuch 1911: 205]). В богословии имеет место и дальнейший отход от действительности: *вещью* здесь называют и то, что невозможно себе представить, и то, что не допускает (непротиворечивой) дефиниции (= ens incogitabile).

а путем противопоставления как раз утверждаться, хотя, однако, неизвестно, какие именно. При этом речь может идти только о равноположенных качествах, т. е. качествах, составляющих определенный класс. Так, в классе восприятий органами чувств всего пять элементов — видимость, слышимость, осязаемость, обоняемость и вкусность. Скажем еще раз: если отрицается видимость вещи, то четыре других качества класса, в который видимость входит пятым членом, строго говоря, совсем не отрицаются.

Отрицание, о котором сейчас говорим, не распространяется на качества той же самой вещи из другого класса. Если о вещи сказано, что она невидима, то допустимо заключить, что она слышима или осязаема, но ничего нельзя сказать, какими качествами она обладает, скажем, в аспектах интенсивности, или распространенности, или объема, или происхождения, или познаваемости, или исчислимости, или изменчивости, или цвета, или прочности и т. д.

Таков вид *внутрикатегорийного* отрицания.

Второй ответ учитывает не многокачественность определенной вещи, а внимание адресанта к *посессивному* аспекту. Адресант высказывается по поводу того, обладает некоторая вещь определенным качеством или не обладает.

Так, предположим, что некоторая вещь описывается с точки зрения ее изменчивости. Если сказано, что она *неизменчива*, это означает только одно: она *стабильна*. Если же сказано, что она *изменчива*, то она *нестабильна*. Поскольку класс обладания состоит всего из двух членов («да» и «нет»), отрицание первого члена ведет к утверждению второго, и наоборот. При этом, конечно, в языковом узусе совсем не всегда появляется формально выраженное отрицание: можно сказать *неизменен*, а можно сказать (без отрицательной частицы) *постоянен*; синонимами являются также *нестабилен* и *переменчив*.

Поскольку обладание или «есть» и его «нет», вид посессивного отрицания бинарно-контрарен: нельзя одновременно утверждать и присутствие и отсутствие некоего качества. Тем не менее само бытие этого качества как такового не подвергается сомнению.

Пусть данный вид отрицания, явно отличный от внутрикатегориального, и называется, как уже упомянуто, *посессивным*.

В отличие от *ἀόρατος* «невидимый», все другие атрибуты строк (1–3) коленопреклонной молитвы (за исключением, вероятно, *ἀνεξίκακος* «терпеливый, смиренный, сносливый») содержат именно посессивное отрицание.

Так, *ἀκατάληπτος*, *ἀνεξιχνίαστος* и *ἀμέτρητος* перечисляют (синонимичные) качества *постижимости* вещи, ее *доступности* исследова-

нию и исчислимости (в смысле возможности создания списка характеристик), и всеми этими качествами Нумен не обладает.

Если Нумен назван *ἄναρχος* и *ἀναλλοίωτος*, то это означает, что он не обладает качествами (пространственного и временного) *начала и конца*¹⁵ и *изменчивости*; Нумен изъят из категорий времени и пространства.

Скажем еще раз, что посессивное отрицание контрарно: с точки зрения житейского опыта, если вещь *непостижима*, она не может быть одновременно *постижима*, а если *неизменчива*, то не может быть также и *переменной* (и, естественно, наоборот).

В апофатическом богословии эта контрарность, безусловно, присутствует, и материал коленопреклонной молитвы служит тому подтверждением.

В то же время можно наблюдать немало случаев, когда контрарность парадоксальным образом отвергается (отнюдь не будучи сводима к феномену известного из философии снятия противоречий). Эта нередкая апофатическая практика, как кажется, не была предметом ни лингвистического, ни логического, ни даже богословского анализа. Поскольку его природа и познавательная ценность не выяснена, мы и поставили его в центр своего внимания.

Проблема ниже рассматривается на историческом фоне.

*

В 451 г. состоялся IV Вселенский¹⁶ (по месту проведения — Халкидонский) церковный собор, и принятое на нем вероучительное определение (его иногда называют Халкидонским символом веры) как раз и характеризуется отказом от контрарности.

Как это характерно для всех вселенских соборов, отцы Халкидонского занимались анализом ересей, на сей раз преимущественно христологических, т. е. относящихся к ипостаси и природе (φύσις) Богочеловека — исторического Иисуса Христа. Собор был созван

¹⁵ Лексема *ἀρχή*, вопреки расхожим представлениям, означает не только «начало», но и «конец», т. е. любой предел бытия вещи. Слав. основа -*кон*'- (присутствующая в лексемах *искони* и *конец*) точно соответствует греч. *ἀρχή*.

¹⁶ На Первом Вселенском соборе (Никея, 325 г.) было отвергнуто арианство; на Втором (Константинополь, 381 г.) — ересь Аполлинария; на Третьем (Эфес, 431 г.) было осуждено несторианство; на Четвертом (Халкидон, 451 г.) — ересь Евтихия; на Пятом (Втором Константинопольском, 553 г.) рассматривалась полемика вокруг т. н. трех глав; на Шестом (Третьем Константинопольском, 680–681 гг.) было осуждено монофелитство; на Седьмом (Втором Никейском, 787 г.) — иконоборчество.

императором Маркианом ради разбора ереси Евтихия, архимандрита одного большого монастыря в Константинополе.

К середине V в. в Церкви накопилось несколько христологических доктрин, из которых наибольшее влияние приобрели четыре (и все они были признаны еретическими). Во-первых, согласно учению Ария (ум. в 336 г.), воплощенный Иисус Христос не имел всей полноты божественной природы; во-вторых, Аполлинарий Лаодикийский (ум. ок. 390 г.), напротив, отрицал его человеческую природу. Оба учения были осуждены на Первом (325 г.) и Втором (381 г.) Вселенских соборах. В-третьих, патриарх Константинополя Несторий (ум. после 451 г.), известный, между прочим, тем, что отрицал именование Девы Марии *Богородицей*, применительно к естеству воплощенного Иисуса Христа учил, что в нем присутствуют две отдельные природы, неспособные к слиянию в одну ипостась и лишь временно вступившие в «неслиянное» (т.е. механическое) сочетание (συνάψις). Несторианство иначе называется диофизитством, и оно было осуждено на III Вселенском соборе, состоявшемся в Эфесе (431 г.). Наконец, в-четвертых, появилась и противоположная точка зрения, которая, по терминологии Халкидонского собора, называется монофизитством. Уже упомянутый Евтихий (ум. в 454 г.) учил, что по воплощении во Христе возобладала лишь одна природа, именно божественная, так что он, следовательно, не имел природы, «единосущной нашей». Этот взгляд ставил под вопрос искупительную миссию Богочеловека и был соответственно отклонен халкидонитами.

Если на Эфесском соборе было отвергнуто диофизитство, то, как представляется, по контрарности следовало бы признать правоту монофизитства. Однако отцы Халкидонского собора, поддержавшие деяния Эфесского собора и не признавшие диофизитства, в то же время отвергли и монофизитство.

Они выпустили широко известное вероучительное определение-орос¹⁷, весьма емкое и насыщенное, направленное против всех четырех ересей. Оно невелико и целиком помещено ниже по-гречески¹⁸. Полная публикация нужна для того, чтобы был сохранен контекст контрарных апофатических терминов, выработанных в Халкидоне.

Имеется перевод определения на русский язык (см. [Деяния III: 48])¹⁹, однако, на наш взгляд, он не лишен неточностей. Мы его пере-

¹⁷ Собственно, термин *ὄρος* (букв. «граница, ограда») имплицитно устанавливает пределы, в которых допустима богословская спекуляция.

¹⁸ По изданию: [АСО].

¹⁹ «Итак, последуя святым отцам, все согласно поучаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа совершенного в божестве».

смотрели, синтаксически перестроили, чтобы добиться пословного соответствия, и, стремясь исключительно к полному постижению высокого богословского смысла, помещаем ниже по полилинейно-спатическому методу ²⁰.

Определение композиционно разделяется на три части: на введение (I) и заключение (III), в которых говорится о верности учению свв. отцов, и на догматические определения и разъяснения, которых общим числом десять (II). Следует помнить, что конструкция τὸν αὐτὸν, которую мы передаем как местоимение в винительном падеже *Сего*, указывает на Вторую ипостась Троицы по воплощении — на исторического Иисуса Христа.

I.

Ἐπόμεινοι τοίνυν τοῖς ἁγίοις πατράσιν

Последуя в этом святым отцам,

ἓνα καὶ τὸν αὐτὸν ὁμολογεῖν

единого ²¹ и Сего (= того сáмого ²²) исповедовать

стве и совершенного в человечестве, истинно Бога и истинно человека, того же из души разумной и тела, единосущного Отцу по божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы — по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа едиnorodного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, — так что соединением несколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно Лице и одну Ипостась, — не на два лица рас-секаемого или разделяемого, но одного и того же Сына и едиnorodного, Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки (учили) о Нем, и (как) сам Господь Иисус Христос научил нас, и (как) передал нам символ отцов.

²⁰ Пришлось пойти на стилистические издержки, но следует помнить, что наш перевод может употребляться лишь как вспомогательное средство (только рядом с греческой параллелью), но не самостоятельно. Кроме того, читатель должен принять две конвенции: 1) в переводе сохраняется синтаксис греч. текста; 2) местоимение *Сей* (с прописной буквы) в вин. падеже (т. е. *Сего*) и соответствующее греч. сочетанию местоимения с артиклем (т. е. τὸν αὐτὸν) указывает на Вторую Ипостась Троицы (т. е. на Бога-Слово, Иисуса Христа).

²¹ *Единого* = (числом) одного и (так как невозможно повторение в будущем) единственного.

²² *Того самого* = того, которого исповедали отцы трех предшествовавших вселенских соборов, (а не другого). Усилительная частица *же* («того же самого») здесь факультативна, и она опущена, чтобы рус. текст как можно ближе подходил к греческому. • В имеющемся рус. переводе ἓνα καὶ τὸν αὐτὸν передано устойчивым словосочетанием «одного и того же», дающим соответственно цельную номинацию:

υἰὸν τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν συμφώνως ἅπαντες ἐκδιδάσκομεν,
Сына, Господа нашего Иисуса Христа, согласно все наставляем²³:

II.

- (1) τέλειον τὸν αὐτόν²⁴ ἐν θεότητι
совершенного Сего в божестве
καὶ τέλειον τὸν αὐτόν²³ ἐν ἀνθρωπότητι,
и совершенного Сего в человечестве;
- (2) θεὸν ἀληθῶς καὶ ἄνθρωπον ἀληθῶς
Бога по истине и человека по истине;
- (3) τὸν αὐτόν²³ ἐκ ψυχῆς λογικῆς καὶ σώματος,
Сего с душой словесной и телом;
- (4) ὁμοούσιον τῷ πατρὶ κατὰ τὴν θεότητα
единосущного Отцу по божеству
καὶ ὁμοούσιον ἡμῖν τὸν αὐτόν²³ κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα,
и единосущного нам Сего по человечеству;
- (5) κατὰ πάντα ὅμοιον ἡμῖν χωρὶς ἁμαρτίας,
по всему подобного нам кроме греха;
- (6) πρὸ αἰώνων μὲν ἐκ τοῦ πατρὸς γεννηθέντα κατὰ τὴν θεότητα,
прежде веков же от Отца рожденного по божеству,

«того же самого». Между тем в греч. оригинале — номинаций две («единого-единственного» и «того самого»), так что союз καὶ употреблен в обычной копулятивной функции. Нетрудно заметить, насколько греч. версия насыщеннее богословски по сравнению с традиционным переводом на рус. язык.

²³ *Наставляем* = поучаем во всей полноте, силой авторитета, а также с тем, чтобы учение было усвоено (всеми). Ἐκδιδάσκω в общезыковом употреблении означает «обучать тщательно и обстоятельно» (teach thoroughly) и «лепить человека» (teach one to be so and so) [LS], а в языке соборов эквивалентом ἐκδιδάσκομεν могли бы стать глаголы «определяем» и «устанавливаем», но в них присутствует семантическая доля инновационности, тогда как соборы, по самопониманию, не изобретают нового, а лишь разъясняют то, что имплицитно содержится в Никео-Царьградском символе веры и в деяниях предшествующих соборов. И на IV соборе всячески подчеркивалась верность свв. отцам. • «Исповедовать наставляем» (= «предписываем признавать в качестве вероучения»), и далее следуют пункты, в нашем переводе пронумерованные и отделенные один от другого точкой с запятой.

²⁴ В имеющемся рус. переводе местоимение τὸν αὐτόν опущено и, стало быть, игнорируется, тогда как в греч. оригинале оно повторяется многократно (всего 7 раз), и его дейктическая функция усилена артиклем. Стало быть, смысловая нагруженность местоименной конструкции входила в намерения соборных отцов. Эта конструкция и наше соответствие «Сего», несомненно, всегда указывают на Вторую ипостась Троицы, т. е. на Бога-Слово, Иисуса Христа.

ἐπ' ἐσχάτων δὲ τῶν ἡμερῶν τὸν αὐτόν²³ δι' ἡμᾶς καὶ διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν
на последние же дни Сего ради нас и ради нашего спасения
ἐκ Μαρίας τῆς παρθένου τῆς θεοτόκου κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα,
от Марии Девы Богородицы — по человечеству;

- (7) ἓνα καὶ τὸν αὐτόν²³ Χριστὸν υἱὸν κύριον μονογενῆ,
единого и того же Христа, Сына, Господа едиnorodного;
(8) ἐν δύο φύσεσιν ἀσυγχύτως ἀτρέπτως ἀδιαίρετως ἀχωρίστως γνωριζόμενον,
в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно
γνωριζόμενον²⁵, —
(9) οὐδαμοῦ τῆς τῶν φύσεων διαφορᾶς ἀνηρημένης διὰ τὴν ἕνωσιν,
так что различных естеств соединением нисколько не нарушается,
σφωζομένης δὲ μᾶλλον τῆς ιδιότητος ἐκατέρας φύσεως
но тем более сохраняется свойство каждого естества
καὶ εἰς ἓν πρόσωπον καὶ μίαν ὑπόστασιν συντρεχούσης,
и соединяется в одно Лице и одну Ипостась, —
(10) οὐκ εἰς δύο πρόσωπα μεριζόμενον ἢ διαιρούμενον,
не на два лица рассекаемого или разделяемого,
ἀλλ' ἓνα καὶ τὸν αὐτόν²³ υἱὸν μονογενῆ θεὸν λόγον κύριον Ἰησοῦν Χριστόν,
но единого и Сего Сына едиnorodного, Бога Слова, Господа Иисуса
Χриста,

III.

καθάπερ ἄνωθεν οἱ προφῆται περὶ αὐτοῦ
как в древности пророки (учили) о Сем,
καὶ αὐτὸς ἡμᾶς Ἰησοῦς Χριστὸς ἐξεπαίδευσεν
и (как) сам Господь Иисус Христос научил нас,
καὶ τὸ τῶν πατέρων ἡμῖν παραδέδωκε σύμβολον.
и (как) передал нам символ отцов.

Предикации (1–6) направлены против Ария и Аполлинария и состоят из догмата о присутствии двух природ у единого субъекта, и это единство (ипостаси), несмотря на двойственность природ, подчеркивается неоднократно (именно: трехразовым) употреблением оборота ἓνα καὶ τὸν αὐτόν. Строка (7) новой богословской предикации не содержит и представляет собой мост-связку для перехода к ересям Нестория и Евтихия. Предикации (8–10) направлены против них, причем повим Халкидонского собора сосредоточен в 8-й предикации, содержащей

²⁵ Ради точности приведем и лат. эквиваленты греч. терминологии: *inconfuse, immutabiliter, indivise et inseparabiliter*.

четырёхзвенную цепь из тщательно обдуманых номинаций, представляющих собой посессивные отрицания.

В рамках небольшой статьи рассмотрим только пару (по грамматическим характеристикам, наречий) ἀσυχύτως «неслитно» (или «неслиянно»; атрибут-прилагательное ἀσύγχυτος = inconfusus) и ἀδιαίρετως «неразлучно» (атрибут ἀδιαίρετος = inseparabilis).

Обильные показательные контексты лексемы ἀσυχύτως содержатся в словаре [Lampe], и они подытожены в семантизациях: «without confusion or mixture», «without losing one's identity» («без слияния или смешения», «не утрачивая своей идентичности») и «while remaining distinct» («оставаясь отделенным»).

Что касается ἀδιαίρετως, то составители словаря [Lampe] предложили следующие семантизации: «undivided, indivisible» («без отделения», «неразделимо») и «undifferentiated» («без различия»). Оправдательной цитатой послужила выписка из Второй проповеди «О крещении Христовом» богослова конца VI в. Григория, епископа Антиохийского [PG, 88, 1877A], которую мы несколько расширили и по привычной методике воспроизводим ниже, тем более что в нее вошли обе интересующие нас номинации:

Μὴ μερίσσητε τὴν θεότητα αὐτοῦ ἀπὸ τῆς ἀνθρωπότητος αὐτοῦ· [...] Не отделяйте божество его (т. е. Христа) от человечества его, [...]

μὴ διέλγητε τὴν ἀνθρωπότητα αὐτοῦ ἀπὸ τῆς θεότητος αὐτοῦ· не отрывайте человечества его от божества его:

ἀδιαίρετος γὰρ αὕτη καὶ ἀσύγχυτος μετὰ τὴν ἕνωσιν... неразлучно ибо оно и неслиянно по соединении²⁶ ...

Яснее и непонятнее изложить невозможно. Если сформулировано посессивное отрицание неразделимости двух природ, то они должны быть перемешаны и слиты, т. е. должны стать одной природой. Если же сформулировано посессивное отрицание неслиянности двух природ, то каждая из них сохраняет свою «идентичность» и, стало быть, одну можно отделить от другой.

Между тем Халкидонский символ веры содержит догмат совместности двух контрарных посессивных отрицаний: и неслиянно, и нераздельно! Два парных отрицательно-посессивных атрибута исключают один другого, и тем не менее они поставлены в ряд.

²⁶ Ср. лат. версию: Ne separetis ipsius divinitatem ab ejusdem humanitate: [...] ne abstrahatis humanitatem ejus ab ejusdem divinitate; est enim hæc inseparabilis simulque inconfusa post unionem.

Логически это невозможно. Возможно только фидеистически. Тертуллиану приписывается афоризм, отлично выражающий то, что мы сейчас имеем в виду: *Credo, quia absurdum*²⁷. Отцы Халкидонского собора выразили невыразимое и сумели убедить самих себя и других.

Невозможное логически возможно в языке: контрарные атрибуты воспринимаются по очереди. Когда отрицается первый, второй еще не попал в поле внимания. Когда же отрицается второй, первый уже вышел из этого поля. Иначе говоря, можно с доверием отнестись и к первому, и ко второму.

Парафразируя А. Эйнштейна, присоединимся к его оптимизму: *Das Unverständlichste am Numinosen*²⁸ ist im Grunde, dass wir es verstehen können («Самое непонятное у Нуминозного в целом состоит в том, что мы можем его понять»).

ЛИТЕРАТУРА

- Верещагин, Костомаров 2005 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы.* М., 2005.
- Деяния 1996 — Деяния вселенских соборов. Т. III. [IV Собор (Часть вторая). V Собор.] СПб., 1996.
- Дионисий 2003 — *Дионисий Ареопагит.* Сочинения. Максим Исповедник. Толкования. Перевод Г.М. Прохорова. СПб., 2003.
- Иоанн 2002 — *Св. Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры // Творения преп. Иоанна Дамаскина. Источник знания / Пер. Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. М., 2002.
- Православная энциклопедия — Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 1. М., б. г.
- Творения 1997 — Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Христологические и полемические трактаты. Слова на богородичные праздники / Пер. свящ. Максима Козлова и Д. Е. Афиногенова. М., 1997.
- ACO — *Acta Consiliorum Oecumenicorum* / Hrsg. von E. Schwartz and J. Straub. T. 2.1 (2). Berlin, 1933.
- Cross — *The Oxford Dictionary of the Christian Church* / F. L. Cross, E. A. Livingstone (eds.). Oxford; N. Y., 2005.

²⁷ Собственно, в привычной форме этот афоризм у Тертуллиана отсутствует. Считают, что имеется в виду пассаж из 5-й главы его трактата «*De carne Christi*»: *Natus est Dei Filius; non pudet, quia pudendum est: et mortuus est Dei Filius; prorsus credibile est, quia ineptum est: et sepultus, resurrexit; certum est, quia impossibile* («Сын Божий распят — это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий — это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес — это несомненно, ибо невозможно»).

²⁸ У Эйнштейна шире: *am Universum*.

- Kirchner's Wörterbuch — Kirchner's Wörterbuch der philosophischen Grundbegriffe / Neubearbeitung von C. Michaëlis. Leipzig, 1911.
- Komonchak — The New Dictionary of Theology / J. A. Komonchak, M. Collins, D. A. Lane (eds.). [Electronic ed.] Collegeville, MN, 2000.
- Lampe 1976 — A Patristic Greek lexicon / Ed. by G. W. H. Lampe. Oxford, 1976.
- LS — A Greek-English Lexicon compiled by H. G. Liddell and R. Scott. Oxford, 1996.
- PG — [= Patrologia Græca] Patrologiæ Cursus Completus, Series Græca / Accurante J.-P. Migne. T. 1–161. Parisiis, 1857–1866.

ОНТОЛОГИЯ ОТРИЦАНИЯ: ПРИСУТСТВИЕ ОТСУТСТВИЯ vs. ОТСУТСТВИЕ ПРИСУТСТВИЯ

Входя в формулировку законов запрещения противоречия и исключенного третьего, правил снятия двойного отрицания и рассуждения от противного, отрицание играет исключительную роль как в классической логике, принимающей эти законы и правила, так и в оспаривающих их девиантных логиках. Именно расхождения в онтологической трактовке отрицания стали источником возникновения целого класса неклассических логик. Цель статьи — дать историко-логический обзор тех последствий, которые влечет выбор той или иной онтологии отрицания для логической техники, то есть признания корректности или некорректности определенных типов рассуждений.

На мой взгляд, центральным вопросом онтологии отрицательных высказываний является вопрос о категориальном статусе «отрицательной реальности». Отрицательные высказывания могут рассматриваться как выражающие «присутствие отсутствия» (иначе говоря, как именующие факты особой «отрицательной реальности») или как результат логического вывода об «отсутствии присутствия» некоторых обычных «позитивных» фактов. Эта дихотомия подходов к онтологической трактовке отрицания прослеживается уже в знаменитой полемике древнеиндийских логических школ навья-ньяя (новая ньяя) и буддизма.

Логики школы навья-ньяя полагали, что определенное знание объекта включает знание его отличия от других вещей. Слово «корова», обозначая корову, является вместе с тем отрицанием всего того, чем корова не является. Корова как объект определенного знания есть отрицание лошади, быка и т. д. Допустим, говорит найяик Вачаспати Мишра, человеку приказали привязать корову. Если корова не представляется ему как отрицание лошади, то он может начать привязывать лошадь. Если отрицание присутствует в его уме, ничего такого не произойдет (см. [Канаева 2002: 73]). Позиция найяиков вполне могла бы быть выражена знаменитой формулой Б. Спинозы *«любое определе-*

ние есть отрицание», однако вряд ли великий рационалист согласился бы с экстремистским сенсуализмом учения навья-ньяи о чувственной воспринимаемости особой сущности *абхава* — небытия, отсутствия, отрицательной реальности.

По наблюдениям найяиков, отрицательная реальность может воздействовать на человека. Приводится классический пример: некто ошибочно принял веревку за змею. Ему разъясняют ошибку, говоря: «Это веревка, а не змея». Эта *не-змея* может, однако, напугать человека в точности так же, как настоящая змея. По типу своего воздействия *абхава* подобна сновидению: человек может умереть от страха, увидев змею во сне, так никогда и не узнав, что причиной его смерти было нечто нереальное.

Существование коровы понимается найяиками как отрицание своего противоположного, то есть отсутствия коровы. Высказывание «Нет коровы» будет истолковано ими следующим образом: «Присутствует отсутствие коровы» или «Корова обладает отсутствием». Выделяется особый вид отсутствия — «взаимное отсутствие», являющееся объектом таких высказываний как, например, «Корова не есть лошадь». Отрицательная частица «не» (*na*) выражает здесь «обладание взаимным отсутствием», и высказывание интерпретируется, соответственно, как «Корова обладает взаимным отсутствием лошади». Отсутствие, не ограниченное во времени, называется постоянным отсутствием, поэтому можно сказать также «Корова обладает постоянным взаимным отсутствием лошади» или, скажем, «Озеро обладает постоянным взаимным отсутствием огня».

Какие последствия для логической техники навья-ньяи влечет столь экзотическая онтология? Именно в качестве онтологического закона найяики принимали принцип запрещения противоречия — там, где наблюдается отсутствие, не может наблюдаться противоположное ему, а там, где наблюдается противоположное отсутствию, не может наблюдаться отсутствие. Известно, что и Аристотель, полемизируя с релятивизмом, трактовал этот закон не только как логический, но и как онтологический принцип. Те, кто оспаривают закон противоречия, ссылаясь на многообразие свойств сущего, полагал он, «на деле отрицают сущность и суть бытия вещи: им приходится утверждать, что все есть привходящее или что нет бытия человеком или бытия живым существом в собственном смысле. В самом деле, если что-то есть бытие человеком в собственном смысле, то это не бытие не-человеком или небытие человеком (и то и другое ведь отрицания первого), ибо одним было означенное и это было сущностью чего-то» [Аристотель 1975: 129]. Однако онтология Аристотеля существенно отличается от онто-

логии навья-ньяи, что предопределяет принципиально иную категориальную структуру его логики. Фундаментальное для аристотелевской логики отношение присущности замещается у найяиков отношением проникновения — *вьяпти*. Вывод у найяиков осуществляется в силу неразрывной связи, проникновения основания вывода и выводимого следствия. *Вьяпти* суждений опирается на онтологическое отношение объектов: один объект «проникает» другой, если наблюдается всегда (или хотя бы в большинстве случаев), когда наблюдается этот другой объект. Само отношение проникновения реалисты найяики полагали чувственно наблюдаемым так же, как отсутствие. В дымности зоркий человек непосредственно воспринимает *вьяпти* огненности, делая вывод: «То, что дымится, воспламенено».

Комбинация двойного отрицания и квантора общности использовалась найяиками для устранения неоднозначности суждений с квантором существования. Рассмотрим утверждение: «Все дымящиеся тела встречаются вместе с огнем». Его интерпретация неоднозначна: можно предполагать, что имеется только одно такое место, например, гора, а можно думать, что дым с горы встречается в долине или дым с долины на горе. Эта операция называется просеиванием. Для устранения указанной неоднозначности исходное утверждение преобразуется в утверждение, содержащее только кванторы общности: «Ни одно дымящееся тело не наблюдается в любом месте, где не имеется ни одного горящего тела (то есть в любом месте отсутствия огня)». В дальнейшем и кванторы общности могут быть элиминированы за счет комбинации абстрактных свойств и отрицаний, приблизительно так: «Дым обладает родовым постоянным взаимным отсутствием постоянного взаимного отсутствия огня» (см. [Инголлс 1974: 63–65]).

Что касается принципа снятия двойного отрицания, то для найяиков эта проблема встает как проблема тождества наличия объекта постоянному отсутствию его постоянного отсутствия. Традиционалисты принимают этот принцип: если имеется горшок, то не наблюдаемо его постоянное отсутствие, а, значит, можно говорить о наблюдении постоянного отсутствия его постоянного отсутствия. «Независимо от того, наблюдается ли горшок, — пишет найяик Матхура, — отсутствие горшка все равно не наблюдается, а поэтому можно утверждать постоянное отсутствие постоянного отсутствия горшка» [Там же: 72]. Критики традиционного подхода, самым известным из которых был Рагхунатха, утверждали, однако, что никакими ухищрениями не превратить отсутствие в объект, природой которого является присутствие; хотя третье отсутствие (три отрицания) тождественно первому.

Полемика найяиков-традиционалистов с их критиками удивительно напоминает спор сторонников классической логики и интуиционистов, не признающих, как известно, принцип снятия двойного отрицания. Позицию классической логики — отрицание нуждается в восполнении — формулирует Г. Фреге, иллюстрируя ее с помощью следующей аналогии. «Я сравниваю то, что нуждается в восполнении, — пишет он, — с одеянием, которое, подобно сюртуку, само по себе держаться не может, а требует, чтобы было нечто, на что его можно было бы надеть. На это нечто можно затем надеть другую одежду, например, пальто. Два одеяния соединяются в одно. Таким образом, возможно двойное истолкование. Можно сказать: человек, уже надевший на себя сюртук, облекся еще во второе одеяние — пальто; или же что на нем комбинированная одежда, состоящая из двух одеяний — сюртука и пальто. Дополнительное одеяние всегда соединяется с уже имевшимся в новое одеяние» [Фреге 2000: 355]. Таким образом, заключает Фреге, «облекая мысль в одеяние двойного отрицания, мы ничего не меняем в ее истинностном значении» [Там же]. Для интуициониста высказывание ψ , вообще говоря, не эквивалентно своему двойному отрицанию $\neg\neg\psi$. «Для доказательства $\neg\neg\psi$, — отмечает А. Г. Драгалин, — достаточно уметь привести к противоречию гипотезу $\neg\psi$, в то время как для доказательства ψ может оказаться необходимым отыскать способы построения некоторых сложных объектов. С интуиционистской точки зрения это далеко не одно и то же» [Драгалин 2003: 35]. Доказуемое не всегда доказано. Задача, имеющая решение, не обязательно решена. Не наблюдая нечто (например, «постоянное отсутствие»), нельзя заключать о наблюдении чего-либо (например, «постоянного отсутствия постоянного отсутствия»)¹.

В отличие от реалистов-найяиков, крупнейший буддистский логик Дигнага полагает, что «вся область нашего познания есть создание нашего мышления, различающего категории субстанции и акциденции; оно не есть выражение действительного бытия или небытия» [Шербатской 1995: 34]. Буддисты считают принципиально невозможным наблюдение отсутствия какой-либо вещи. Отрицательное высказывание, скажем, «Здесь нет горшка», не соответствует, с их точки зрения, какой-либо реальности, а является результатом логического вывода из на-

¹ Никого не увидеть далеко не то же самое, что увидеть Никого — тема знаменитого диалога Алисы с Белым Королем: «...Взгляни-ка на дорогу! Кого ты там видишь? — Никого, — сказала Алиса. — Мне бы такое зрение! — заметил Король с завистью. — Да еще на таком расстоянии! А я против солнца и настоящих-то людей с трудом различаю! [Кэрролл 1979: 183].

блюдения незаполненной области пространства в том месте, где ожидалось увидеть данную вещь — горшок (см. [Заболотных 2002: 264])².

Любопытно, что в ходе эволюции своих взглядов на логическую природу отрицания Б. Рассел, нигде не упоминавший полемику древнеиндийских логиков, по существу переходит от учения найяиков об отрицательной реальности к поддержке буддистского понимания отрицания как логической операции. В гарвардских лекциях 1914 года он выдвинул тезис об отрицательных фактах, соответствующих отрицательным высказываниям. Если имеется, полагал тогда Рассел, утверждение «Сократ не жив», то есть и факт, состоящий в том, что Сократ не жив. Столь крайний реализм, наполняющий мир практически необозримым многообразием отрицаний всякой всячины (в мире Рассела имеется не только факт, что Сократ не жив, но и факты, что он не горшок, не круглый квадрат, не Платон и т. п.), вызвал жесточайшую критику, соглашаясь с которой поздний Рассел ставит задачу устранения отрицательных фактов. Предложенное им решение полностью согласуется с подходом буддистских логиков. «Восприятие, — пишет он теперь, — только тогда ведет к отрицательному суждению, когда соответствующее ему утвердительное суждение уже было высказано или, по крайней мере, осознано. Когда вы ищете что-либо потерянное, то говорите: „Нет, его (ее) здесь нет“; после вспышки молнии вы можете сказать: „Я не слышал грома“» [Рассел 2001: 135]. Любое отрицательное высказывание «*не-р*» «должно определяться тем, что оно выражает» [Там же: 140], а выражает оно неверие в то, что выражено высказыванием *р*. «Каждой вере, — афористически замечает Рассел, — соответствует свое неверие» и дает оригинальное истолкование закона запрещения противоречия. «Мы не можем говорить: „Предложения „это красное“ и „это не красное“ не могут оба быть истинными“, поскольку мы хотим устранить „не“. Мы должны говорить: „Неверие в предложение „вера в то, что это красное, и неверие в то, что это красное, — оба истинны“ всегда является истинным“. Ясно, что таким образом мы хотим заменить „не“ и „ложь“ „неверием“ и „истинностью неверия“. Затем мы вводим „не“ и „ложь“ через определение: слова „это не голубое“ определяются как выражающие неверие в то, что выражается словами

² Ср. притчу об испытании, которому подверг учеников дзенский мастер Хякудзэ. Взяв кувшин, он поставил его на пол и попросил: «Не называя это кувшином, скажите, что это такое». «Это нельзя назвать пнем», — сказал главный монах. Хякудзэ спросил у Исана, что он думает по этому поводу. Исан пнул кувшин ногой. «Главный монах проиграл!» — воскликнул учитель, смеясь (см. [Мумонкан 2000: 269]).

„это голубое“. Так устраняется необходимость в „не“ как неизбежной составной части фактов» [Там же: 139].

Подобно буддистам и позднему Расселу, Ж.-П. Сартр заключает отрицание в рамки «человеческого ожидания»: «мир не обнаружит различных форм небытия иначе, как перед тем, кто сначала положил их как возможности» [Сартр 2000: 45]. Поскольку любая негативность возможна лишь тогда, когда осознается в качестве таковой человеческой субъективностью, следует признать, что «разрушение есть по существу дело человека и что именно человек разрушает свои города посредством подземных толчков или непосредственно, разрушает свои суда посредством циклонов или непосредственно» [Там же: 47]. Вместе с тем, для Сартра отрицание не есть только «качество суждения», «затычка, бездумно вставляемая в некоторые суждения» [Там же: 49]. Предшествуя суждению, оно конституирует условия его возможности. «Когда я вхожу в это кафе, — приводит пример Сартр, — в поисках отсутствующего здесь Пьера, мое ожидание приводит к отсутствию Пьера как *реальному событию*: „отсутствующий Пьер посещает это кафе, являясь условием его ничтожащего превращения в *фон*“. Напротив, суждения, которые я могу, забавляясь, потом сформулировать, типа „Веллингтона нет в этом кафе, Поля Валери также там нет, и т. д.“, суть чисто абстрактные значения, чистые приложения принципа отрицания без реального основания и действительности и не доходят до установления *реального* отношения между кафе, Веллингтоном или Валери: отношение „нет“ — здесь просто *мысленное*. Этого достаточно, чтобы показать, что небытие не приходит к вещам благодаря суждению отрицания: напротив, именно суждение отрицания обуславливается и поддерживается небытием» [Там же].

Оригинальное различение субъективного и объективного в суждениях отрицания проводил казанский логик Николай Александрович Васильев, выдвинувший в начале прошлого века идею «воображаемой логики». «Аксиомы логики множественны, — полагал он, — как множественны аксиомы геометрии. Раз это так, то где гарантия того, что какое-нибудь логическое основание не может быть отброшено, заменено другим? ... Мы не можем утверждать абсолютности всех аксиом и всего содержания логики, как не можем утверждать абсолютности всех аксиом и всего содержания геометрии» [Васильев 1989: 97–98]. Отбрасываться и варьироваться могут, согласно Васильеву, не мета-логические законы, относящиеся к познающему субъекту с его неизменными «рациональными функциями», а логические законы онтологического («эмпирического» в терминологии Васильева) уровня.

Для разных систем объектов могут быть значимы разные логические законы. Так, «воображаемая» логика гипотетически предположенного Васильевым мира «осуществленного противоречия» будет, в отличие от обычной «аристотелевской» логики, отрицать онтологический закон противоречия: «Ни одной вещи не принадлежит предикат, противоречащий ей». Несовместимость противоречащих свойств — онтологическое свойство нашего мира, вообще говоря, не обязательное для мира «воображаемого». Сохраняя неизменными законы металогики, мы можем, согласно Васильеву, варьировать логические законы «эмпирического» уровня.

«Закон противоречия, — пишет Васильев, — есть закон эмпирический и реальный. Эмпирический, поскольку он сводится к факту существования несовместимых предикатов в нашем мире, к факту, который может быть удостоверен только опытом ... Закон противоречия есть сокращенная формула, содержащая в себе бесчисленные факты, вроде того, что красное несовместимо с синим, белым, черным и т. д., тишина несовместима с шумом, покой с движением и т. д. ... Закон противоречия есть закон реальный, ибо он обращается не к мыслям, а к реальности, не к суждениям, а к объектам ... Красный предмет не может быть синим, круг не может быть квадратом — все эти положения, которые вытекают из закона противоречия, суть высказывания относительно красного предмета, круга, все это положения, характеризующие эти объекты» [Там же: 67]. В противоположность Васильеву Рассел полагал, что отрицательное суждение, например, «Здесь никого нет» — это «не бесконечно продолжающаяся конъюнкция: „Браун не здесь, и Джоунз не здесь, и Робинсон не здесь...“ — через весь каталог человеческой расы. Все, что это предложение делает, есть отрицание признака, обычного для мест, где бывают люди, и который мы утверждаем, когда говорим: „Здесь кто-то есть“, как бывает, например, в игре в прятки» [Рассел 2001: 150]. Таким образом, любое утверждение, содержащее отрицание, к числу которых относится закон запрещения противоречия, обращено, по Расселу, не только к объектам, но и к общим принципам, то есть к знанию об этих объектах.

«Эмпирический» и «реальный» закон противоречия может быть, считает Васильев, пересмотрен, ибо противоположное такого рода законам не является невысказанным. В отличие от реального («объективного») закона: «В предметах нет противоречия», формальный («субъективный») закон абсолютного различия истины и лжи: «Одно и то же суждение не может быть зараз истинным и ложным» отбросить нельзя, «ибо тот, кто отбросил бы это положение, — тот, кто бы стал

смешивать истинное с ложным, — перестал бы вообще рассуждать логически» [Васильев 1989: 64]. Возможность отбрасывания «объективного» закона противоречия связана, по Васильеву, с гипотетической допустимостью «иногo отрицания», отличного от того, которое обусловлено устройством наших познавательных способностей, не предполагающих опыта «отрицательной реальности». Для нас, полагал Васильев, отрицательное суждение всегда является результатом вывода, поскольку в нашем чувственном опыте нет ничего отрицательного. Однако можно предположить другой «логический мир», где «сам опыт без всякого вывода убеждает нас в том, что S не есть P» [Там же: 63]. В этом воображаемом мире отрицание, по существу, перемещается с уровня пропозиций на уровень событий. На мой взгляд, именно это обстоятельство и позволяет Васильеву говорить о возможности отбрасывания «объективного» закона противоречия при сохранении «субъективного» закона различия истины и лжи. «События, — как отмечает Н. Д. Арутюнова, — могут быть неожиданными и непредвиденными, они могут обманывать ожидания, но они не могут вступать в противоречие друг с другом» [Арутюнова 1988: 185].

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель 1975 — *Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения*: В 4 т. М., 1975. Т. 1.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. События. Факт. М., 1988.
- Бродский 1973 — *Бродский И. Н.* Отрицательные высказывания. Л., 1973.
- Васильев 1989 — *Васильев Н. А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М., 1989.
- Драгалин 2003 — *Драгалин А. Г.* Конструктивная теория доказательств и нестандартный анализ. М., 2003.
- Заболотных 2002 — *Заболотных Э. Л.* Логико-эпистемологические воззрения Дигнаги и его идейных пресмников. М., 2002.
- Инголлс 1974 — *Инголлс Д. Г. Х.* Введение в индийскую логику навья-ньяя. М., 1974.
- Канаева 2002 — *Канаева Н. А.* Проблема выводного знания в Индии. М., 2002.
- Кэрролл 1979 — *Кэрролл Л.* Алиса в стране чудес. Алиса в зазеркалье. М., 1978.
- Мумонкан 2000 — *Мумонкан.* Застава без ворот. СПб., 2000.
- Рассел 2001 — *Рассел Б.* Человеческое познание: Его сфера и границы. Киев; М., 2001.
- Сартр 2000 — *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.

-
- Фреге 2000 — *Фреге Г.* Отрицание. Логическое исследование // *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М., 2000.
- Шохин 2004 — *Шохин В. К.* Стратификация реальности в онтологии адвайта-веданты. М., 2004
- Шербатской 1995 — *Шербатской Ф. И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. СПб., 1995.

АССЕРЦИЯ. НЕГАЦИЯ. ПРИЧИННОСТЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ

В контексте научной парадигмы «человек в языке» определенный научно-исторический и собственно лингвистический интерес занимает проблема семантически сопряженных категорий, бинарных оппозиций [Малинович 2005]. Это категории типа «Жизнь — Смерть», «Добро — Зло», «Любовь — Ненависть». К их числу следует отнести и категории «Ассерция — Негация» во взаимодействии с Причинностью (о причинности см.: [Малинович 2007]).

Ассерция и Негация являются одной из составных частей ментальной семиосферы человека и его языка. Ментальное всегда реально. И этот факт нельзя не учитывать. Обсуждение названных категорий имеет многовековую традицию в философии, логике и лингвистике. В каждой из этих наук анализ проблем относительно названных категорий осуществляется в рамках той научной теории, на базе которой они строились и развивались. Изучение одного и того же объекта в разных науках всегда необходимо. Но его междисциплинарное обсуждение будет иметь смысл только в том случае, если он рассматривается не с абсолютной точки зрения, то есть не как «вещь в себе и для себя», а в аспекте того, «...как одна теория объектов интерпретируется и переинтерпретируется в другую» [Куайн 1996: 55]. Такой уровень изучения любой научной проблемы означает разрыв «герменевтического круга» (термин Гадамера) той или иной научной теории и выход на новый горизонт теоретического осмысления. Это объективный ход научного знания и познания в его поступательном движении.

Все науки на современном этапе их развития находятся в поисках своего разумения, дальнейшего самоутверждения и развития в тесной интеграции с другими науками. Лингвистика в этом отношении исключением не является.

Цель настоящей статьи — осмысление философских категорий Ассерция, Негация, Причинность, определение их места в ментальной семиосфере человека и соотнесение с семиосферой мира в аспекте концептуальной аналогии. Наше допущение относительно такой аналогии двуаспектно: внешняя аналогия связана с представлением о физическом мире, а внутренняя — с психическими ассоциациями, что естественно «вписывается» в содержание философского концепта «Аналогия», исчерпывающе изложенного Ю. С. Степановым [Степанов 2004]. Суть

возникающих при этом вопросов заключается в следующем: Имеются ли здесь семантически пустые пространства? Чем определяется «сильная» семантико-синтаксическая позиция одного из членов бинарной оппозиции? Правомерно ли соотносить их с семиосферой физического мира? Каковы механизмы и причины взаимного пересечения обсуждаемых категорий?

Вполне естественно, что в рамках небольшой по объему статьи невозможно в достаточно полной мере осветить все эти вопросы. Такая задача нами и не ставилась. Здесь в первом приближении предпринята лишь попытка изложить авторскую позицию и очертить философские, логические и лингвистические контуры означенных выше категорий.

Лингвисту, неискушенному в вопросах философии и логики, обсуждение Ассерции и Негации в указанных аспектах может показаться надуманным. Но такое мнение было бы ошибочным. Поэтому будем придерживаться известного и оправдавшего себя в науке философского принципа: «Сведение вещи к первоначалам предотвращает ее уничтожение» [Бэкон 1977: 201].

Стержневой проблемой философии, как известно, является: «что есть сущее (бытие) в противопоставлении не-бытию». В логике эта проблема представлена в следующих формулировках: «*a* лишено свойства *P*» и «*a* не есть *P*». В лингвистике — это проблема представленности ассерции (утверждения) и негации (отрицания) в многообразии форм их языковой реализации. Эти категории, взятые в отдельности, семантически многослойны и поэтому не всегда достаточно полно объяснены. Они, как ментально сконструированные сущности, являют собой множественность и единичность. Человек мыслит не концептами и категориями, ибо его мышление на первоначальных этапах формирования семантических структур было акатегориально. Об этом достаточно убедительно свидетельствует трехступенчатая генетическая классификация семантических структур, предложенная в свое время Л. С. Выготским и отражающая триаду познания в его динамике: приобретение, структурирование и оперирование значениями и смыслами. Категории же, как известно, являются наивысшими обобщениями бытия и мышления о нем, которые «...организуют игру утверждений и отрицаний, придают законность сходствам внутри представления, гарантируют объективность и действенность понятий» [Фуко 1998: 462].

Первоначально категории были представлены списком Аристотеля, включающим в себя десять наименований, и явились одной из попыток упорядочить хаос бытия всего сущего. В дальнейшем они подвергались различным толкованиям и уточнениям (И. Кант, Г. Райл, С. Пирс, А. Лосев,

Ю. Степанов и др.). Независимо от различных толкований категория Сущность (Substantio), занимающая инициальную позицию в системе категорий Аристотеля, сомнению не подвергалась.

Сущность бытия объекта может быть представлена несколькими категориями одновременно, ибо качества могут сливаться и переходить одно в другое [Пирс 1999]. Эта базовая понятийная категория рефлексивируется в языковом сознании как категория Бытийности (Экзистенции), которая формируется вокруг концептов-смыслов Утверждение и Отрицание.

В бытии, с позиций философии, не существует беспричинных зависимостей. В мире как Сущем «всё происходит по „закону причинности“» [Струве 1997: 182]. Это свидетельство того, что понятийная и сущностная онтология Бытия и Причинности взаимосвязаны. И это находит свое отражение в языковом сознании. Прежде чем раскрыть эту взаимосвязь на конкретном языковом материале, рассмотрим некоторые аспекты сформулированных выше вопросов.

Как только речь заходит об утверждении, сразу же появляется «тень» его противочлена — отрицания.

Следовательно, это семантически сопряженные константы оппозитивной природы. В связи с этим возникает вопрос: оппозитивной природы чего? Где та точка опоры или, в терминологии И. Канта, общий корень как нечто третье? Чтобы иметь точку опоры, необходимо обратиться к понятию синтеза, который позволил бы объединить в одно целое эти взаимосвязанные константы.

Дефиниции синтеза даны в работах философов. Одни из них, например И. Кант, интерпретируют данный феномен как «присоединение различных представлений друг к другу и понимания их многообразия в едином акте познания» [Кант 1964: 173]. Другие же, например В. С. Соловьев, соотносят его с мышлением, «которое, исходя из двух различных сфер конкретного бытия через определение их внутренних отношений, приводит к их высшему единству» [Соловьев 1997: 485]. Эта философская позиция, как нам представляется, дополняет рассуждения И. Канта, потому что только со стадии сформировавшегося мышления (свойства высокоорганизованной материи) и сознания человек начинать различать симметрии и асимметрии, объекты онтологически важного статуса, устанавливать свойства и качества, утверждая или отрицая их наличие.

Понятийная сущность ассерции / негации в толковании Аристотеля есть присутствие чего-либо (соединенность) и отсутствие чего-либо (разъединенность). Несколько иное, но по своей сути то же самое толкование названных сущностей имеет место и в рассуждениях Л. Вит-

генштейна: «существование со-бытий» есть «положительный факт», а «не-существование» — отрицательный [Витгенштейн 1994: 8]. Этот философский постулат в различных его ипостасях зафиксирован также и в толковых словарях: утверждение (ассерция) — это мысль, положение, высказывание, доказывающие, утверждающие что-либо, а отрицание (негация) — мысль, слово — высказывание, отрицающее смысл другого слова или фразы [БТСРЯ 2004: 759, 1405].

Если философы обсуждают проблему синтеза чисто с философских позиций, то языковеды эксплицируют ее в собственно лингвистическом аспекте. Так, например, Н. Д. Арутюнова определяет такое положение дел как отношение бытийности (экзистенции), соединяющей концепт и предмет, понятие и материю. По ее мнению, в бытийном предложении «утверждается существование (или несуществование) в мире или некотором его фрагменте объекта (класса объектов), наделенного определенными признаками» [Арутюнова 1976: 18].

Общим понятийным корнем будем считать бытие (сущность) объектов физической и ментальной природы — *res cogitans* и *res extensa* — в многообразии форм их языкового проявления.

Ассерция и Негация имеют свою специфику в аспекте категоризации, концептуализации и смыслопорождения. По своей природе они являются бинарно оппозитивными. Суть бинарной оппозиции состоит в том, что одна понятийная константа без другой не существует. В противном случае появляется проблема онтологического кеннинга (отсутствие или «пустое» пространство). В своих размышлениях относительно бинарной оппозиции как метафизического принципа философской природы У. Эко, приняв за исходную точку отсчета рассуждения Лейбница о Единице и Ничто, о Боге и Ничто, философские корни бинарного исчисления усматривает в диалектической связи Бога и Ничто, Присутствия и Отсутствия [Эко 2004: 18]. Здесь заметно влияние Ницше, мышление которого, по определению М. Хайдеггера, стоит под знаком нигилизма и исчерпывается короткой фразой «Бог мертв» [Хайдеггер 2006: 13].

Оставляя за скобками теологическую составляющую, восходящую к Платону, Лейбницу, Леви-Строссу и др., имеющую место в рассуждениях Умберто Эко, остановимся на рассмотрении релевантности этого аспекта для лингвистики. Как нам представляется, У. Эко совершенно обоснованно трансформирует свои размышления в плоскость проблемы порождения смыслов, суть которой сводится к следующему: чтобы родился смысл, необходимо наличие другого члена оппозиции. Отсутствие одного из них имплицитно подразумевает отсутствие другого. «Оппозиционное отсутствие, — пишет У. Эко, — становится значимым только в

присутствии какого-то присутствия, его выявляющего. Субстанция плана выражения как раз и обеспечивает очевидность присутствия. Значимо то, что относится к „etic“, но носителем значимости всегда служит „etic“... Пустое пространство между двумя сущностями, которых нет, обретает значение только в том случае, если все три значимости — „да“, „нет“ и пустое пространство между ними взаимообуславливают друг друга» [Эко 2004: 19]. На вопрос «что такое пустое пространство?» четкого ответа в интересующем нас плане нет. Чтобы вещь была иной, как совершенно справедливо утверждает М. Фуко, она прежде всего уже не должна быть той же самой; что реализуется посредством противоположных предикатов, опирающихся на модель *бытия и не-бытия* (выделено автором). «Чтобы различие существовало, необходимо разделить «то же самое» посредством противоречия, ограничить его бесконечное тождество посредством не-бытия, трансформировать его позитивность, которая действует без определенных разграничений, посредством отрицания» [Фуко 1998: 460]. Таким образом, то же самое (сущность = предмет, объект) не исчезает, другими словами, не является «пустым» пространством в смысле У.Эко. Следовательно, речь идет об ином модусе бытия.

Оба члена оппозиции в языковом сознании имеют равноценное восприятие, о чем свидетельствует их одновременная актуализация в различных типах дискурса.

Пример бытового дискурса русскоязычной детской игры:

Вам барыня прислала голик и веник и сто рублей денег. / Что хотите, то берите. / «Да» и «нет» не говорите. / Вы поедете на бал?

В этом дискурсе в имплицитной форме заключен причинный вопрос: Почему не следует говорить «Да» и «Нет».

Пример религиозного дискурса:

34. *А я говорю: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий;*
35. *ни землею, потому что она подножие его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;*
36. *ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.*
37. *Но да будет слово ваше: «да», «да», «нет», «нет»; а что сверх этого, то от лукавого* [Толковая Библия, т. 3. 1987: 102].

В данном типе дискурса взаимодействие категорий Ассерции, Негации и Причинности эксплицируется через актуализацию утвердительной, отрицательной и причинной пропозиции.

Наиболее показателен в этом отношении поэтический дискурс:

Не торопи меня, пожалуйста, / Тебя любить иль не любить. / А потому так долго мешкаю, / Не говорю ни да, ни нет / Что знаю: ставши головешкою, / Не излучишь тепло и свет. / Любовь не сложоговорение, / Не богородская трава, --- / Пока любовь — процесс горения — / Она прекрасна и жива (Марк Сергеев).

В этом дискурсе утвердительный и отрицательный предикаты *любить иль не любить* свидетельствуют о семантической сопряженности категории ассерции и негации в их взаимодействии с причинностью, актуализируемой в последующем высказывании: *а потому так долго мешкаю, не говорю ни да, ни нет*.

Здесь общий понятийный корень — сущее ментальной природы, вокруг которого формируются две категории: «любовь» и «ненависть». При определенных условиях они могут переходить одна в другую, то есть имеет место трансцендентальность. В этом случае говорить о пустом пространстве нет веских оснований. Ментальным сущим здесь является чувство-«горение» как аналог сущего физической природы *огонь* и третьего общего «Да» и «Нет». Заслуживает внимания порядок следования утверждения и отрицания: *Быть или не быть* (русск.); *To be or not to be* (англ.); *Sein oder nicht sein* (нем.). Они могут быть представлены в несколько ином виде, как-то: *быть и не быть*; *любить и не любить* и т. д. В том и другом варианте порядок их следования объясняется тем, что синтаксически «сильную» позицию занимает онтологически доминирующее понятие. А. Мейе, перечисляя порядок следования наименования животных типа «вол» и «корова», «баран» и «овца» в индоевропейских языках, называет их представлениями [Мейе 1938]. И в этом есть своя аксиоматическая логика. В них отражено не только мифологическое и поэтическое восприятие мира, но также, и это важно подчеркнуть, *восприятие целостности мира* (выделено нами. — М. В., Ю. М.). Союз *и* является коннектором, объединяющим два начала в их семантически мерной последовательности. Маркером «сильной» позиции является таксон объектов онтологически более высокого статуса. Такое соположение объектов можно определить как семантико-синтаксический закон меризма, где синтаксис подчинен семантике.

Закон меризма имеет место в семантически оппозитивных парах объектов не только физической, но также и объектов ментальной природы типа *вера и неверие, добро и зло*, где также синтаксически «сильную» по-

зицию замещают представления онтологически более высокого статуса.

Чем дальше временное отстояние человека от сакральных понятий *Бог* и *Ничто*, тем больше профанного «оплотнения» онтологически значимых категорий. Бытие человека в русскоязычной ментальности — это бытие между мирским и сакральным. Оно зримо отражено в семиотике древнерусской иконы, где человек занимает срединную позицию между раем и адом. Он стоит на «грешной» земле. Земля — это своего рода *axis mundi*, что зафиксировано в русских народных сказках:

Далеко, ли близко / Высоко, ли низко / Не на небе, на земле / Жил старик в одном селе (Ершов).

Это один из примеров «оплотнения» двух противоположаемых семантически сопряженных понятий, создающих симметричный ритм поэтического творчества, восходящего к мифологическому творчеству и ритуалам. В данном случае равновесие морфологии и синтаксиса создаст поэтический ритм. Трансформируем сказочную форму представления в обычную повествовательную: *Старик жил на земле. Старик жил не на небе.*

В языковом сознании Сущее актуализируется определенной совокупностью языковых средств, раскрывающих смысловое содержание категории бытийности. Суть языкового механизма порождения данной категории в том, что в основе ее формирования лежат концепты Утверждение / Отрицание, и, следовательно, одноименные категории. Их семантика раскрывается в языковом мире через многообразие конкретных утвердительных и отрицательных высказываний в рамках определенного типа дискурса. Например, в высказываниях:

- с предикатами дуальной семантики в русском языке: *сохранять* (*не терять*), *отказывать* (*не принимать*), *молчать* (*не говорить*), *забыть* (*не помнить*), *отказать* (*не разрешать*), *продолжать* (*не прекращать*), *откладывать* (*не делать*) и др.; в немецком языке: *behalten* (*nicht verlieren*), *schweigen* (*nicht sprechen*), *vergessen* (*nicht erinnern*), *verbieten* (*nicht erlauben*) и др.; в английском языке: *deny* (*not to accept, admit*), *refuse* (*not to allow*), *forget* (*not to remember*) и др.;
- с двойным отрицанием: *ничего нет, никогда не забыть, ничего не хочу, ничто не потревожит* и др.;
- в высказываниях с незавершенной причинной пропозицией. Например, в немецком языке: *Arbeit — eine finstere Besessenheit — immer mit der Illusion, dass es später mal anders wird. Es wird nie anders* (Remarque) [«Работа — это мрачная одержимость, которой мы предаемся с вечной иллюзией, будто живем так временно, а по-

том все изменится. И никогда ничего не меняется»] (пер. Фадеевой). В предложении *И никогда ничего не меняется* причина не названа.

Эти и подобные им высказывания по своей форме нетрудно отличить друг от друга, но в то же время и нелегко определить критерии их различия.

Относительно такого положения дел нет единого мнения. И. Н. Бродский, анализируя концепцию А. Айера касательно отрицательных высказываний, считает: «Хотя в большинстве естественных языков нет единого средства для выражения отрицания, однако какие-то средства для сего выражения должны существовать и лингвистический критерий, каким бы сложным он ни был, в принципе может быть сформулирован» [Бродский 1973: 50]. Это замечание релевантно не только для отрицания, но и утверждения. Таким критерием, как следует из всего вышеизложенного, является одновременная актуализация членов бинарной оппозиции утверждение / отрицание, когда утверждение переходит в отрицание и наоборот. Проиллюстрируем это положение следующим примером:

Был круг друзей. Проверили — кружок! (Здесь имеет место импликация: был — нет) / *Был грозный бог. Проверили — божок!* (также импликация: был — нет). *Был сатана. Он все печати сжег. / Был поцелуй. Проверили — ожог!* / *Была беда. Развевали — туман* (импликация: была — нет) / *Была святость. Глянули — обман* (импликация: была — нет). / *Где было «да» — властвует «нет».* / *Стоит вопрос, где должен быть ответ* (Марк Сергеев).

Утверждение и отрицание в семантически сопряженном представлении есть одна из сторон категории противоречия, то есть антиномии. В этом поэтическом дискурсе в семантике *да* и *нет* заключена антиномия: «нет» — семантически утвердительный знак, а «да» — отрицательный на глубинном уровне языкового сознания. «Да» и «нет» всегда предполагают причинную пропозицию. Это свидетельствует о том, что суть бытия, а следовательно, и языковой категории бытийности может быть представлена одновременно не только категориями ассерции и негации, но и причинности. Последняя «вторгается» в семантическое пространство Ассерции и Негации, образуя общую зону их взаимодействия, через которую раскрывается объективно существующая аналогия между физическим и ментальным миром.

Языковые экспоненты *не, нет, не существует* и их эквиваленты в других разнотипных языках не всегда однозначно эксплицируют отрицательный смысл, а утвердительные — утверждение. Показателями утверждения / отрицания могут служить не только лексические сред-

ства, но также синтаксис и интонация в едином речевом акте. Это специфический структурно-семантический тип предложений эмоциональной негации. Например,

— в русском языке:

Станут такие жертвовать собой! Рихард и детские игрушки!

Сатин: Идем, старик. ... свидетелями будем.

Лука (идет вслед за Сатиным): Какой я свидетель! (М. Горький).

— в английском языке:

I seek wife. I dance. He a gentleman! I and the doctor! Me and dance!

— в немецком языке:

Ich und Angst! Der und wiederkommen!

Смысл таких предложений заключается в выражении удивления, негодования, когда говорящий отрицает какое-либо утверждение по определенной причине.

В заключение подчеркнем: категории Ассерции, Негации и Причинности отражают положение дел ментальной и физической природы в реальном мире. Общим корнем, их объединяющим, является категория бытийности, что снимает проблему „пустого пространства“. При актуализации в определенном типе дискурса эти категории взаимодействуют и могут переходить одна в другую, инициируя порождение нового смысла. Каждая из них эксплицируется в языковом сознании определенным набором языковых средств, позволяющих дать их системное представление.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1976 — Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
 Бродский 1973 — Бродский Н.Н. Отрицательные высказывания. Изд-во Ленинградского ун-та, 1973.
 БТСРЯ 2004 — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2004.
 Бэкон 1977 — Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1977.
 Витгенштейн 1994 — Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. Ч. 1. М., 1994.
 Кант 1965 — Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965.
 Куайн 1996 — Куайн В. Онтологическая относительность // Современные философские науки: Знание, Рациональность, Ценности в трудах мыслителей Запада: Учебная хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996.
 Малинович 2005 — Малинович Ю. М. Философия семантически сопряженных

- категорий бинарной оппозиции // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск. Ч. 1. Иркутск, 2005.
- Малинович 2007 — Малинович М. В. Причинность // Внутренний мир человека. Семантические константы. Иркутск, 2007.
- Мейе 1938 — Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Соловьев 1997 — Соловьев В. Органическая логика как элемент философии // Хрестоматия по философии: Учебное пособие для высших учебных заведений. Ростов-на-Дону, 1997.
- Пирс 1999 — Пирс Ч. С. Принципы феноменологии // Метафизические исследования. Вып. 12. Язык. СПб., 1999.
- Степанов 2004 — Степанов Ю. С. Протей: Очерки хаотической эволюции. М., 2004.
- Струве 1997 — Струве П. Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жукова, А. П. Полякова; вступ. статья и примечания В. Н. Жукова. М., 1997.
- Толковая Библия 1987 — Толковая Библия или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 3. 2-е изд. Институт перевода Библии. Стокгольм, 1987.
- Фуко 1998 — Фуко М. *Theatrum philosophicum* // Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Екатеринбург, 1998.
- Хайдеггер 2006 — Хайдеггер М. Ницше и пустота. М., 2006.
- Эко 2004 — Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. СПб., 2004.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ АФФИКСАМИ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ НЕОЛОГИЗМАХ

Языкознание в разные времена своего существования постоянно ставило перед собой вопрос о том, каким образом, какими средствами пользуется человек для обозначения окружающего мира, который, являясь по своей сути динамичной, развивающейся субстанцией, всегда приносит новые явления, которые требуют обозначения новыми словами. Однако в языке уже существует определенная лексическая система, накладывающая ограничения на творческий процесс создания новых слов.

Исследование словарного состава является давним и плодотворным направлением развития языкознания. В связи с развитием в языкознании второй половины XX в. коммуникативно-прагматической исследовательской деятельности и появлением такой науки о речевой деятельности как психолингвистика, появилась возможность психолингвистического подхода к изучению лексического уровня языка. Психолингвистический анализ слова вообще и нового слова в частности тесно связан с лингвистическим анализом. Если при лингвистическом анализе слово рассматривается преимущественно статически — как законченный продукт написания или говорения, то в психолингвистике слово рассматривается динамически — как продукт речевой деятельности. Психолингвистический анализ слова, затрагивающий проблемы семантики лексических единиц, неизбежно приводит к обращению к психосемантике, науке, изучающей происхождение, строение и функционирование индивидуальной системы знаний. Психосемантика строится на положении, что язык удваивает наш мир. Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово — это особая форма отражения действительности. Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия, может произвольно управлять этим вторым миром [Лурия 1975].

В XX в. наблюдается расширение старых и появление новых областей номинации, что вызвано бурным развитием науки, техники и средств массовой информации. Однако развитие номинативной функции языка отражается не только в расширении и обновлении понятий-

ной сферы соотнесенности наименований, но и в изменении способов номинации. Сложившаяся в языке лексическая система накладывает известные ограничения на творческую деятельность людей, создающих новые слова.

В разные эпохи языкового развития и в разных языках преобладают различные типы образования номинаций, действуют определенные модели активных номинативных процессов. Как отмечают многие отечественные и зарубежные языковеды, вторую половину двадцатого столетия можно с полным правом назвать периодом «неологического бума» как в английском, так и в русском языке. Лингвисты различных школ вносят значительный вклад в разработку теории неологии [Гак 1978; Заботкина 1982; Иванов 1983; Котелова 1978; Медникова 1974; Galinsky 1980; Goose 1975; Gilbert 1971; Schervinsky 1978]. Причины появления новых слов и новых значений старых слов по большей части заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности, а также в развитии мышления [Виноградов 1977].

Появление нового слова является результатом борьбы двух тенденций — тенденции развития языка и тенденции его сохранения. Это обусловлено тем, что в языке существует довольно сильная тенденция сохраняться в состоянии коммуникативной пригодности [Серебренников 1983]. Однако для того, чтобы более адекватно отразить, воспроизвести и закрепить новые идеи и понятия, язык вообще и лексика в особенности вынуждены перестраиваться, дифференцироваться, порождать новые единицы. При этом появление нового слова не всегда вызвано прямыми потребностями общества в новом обозначении. Зачастую появление нового слова — это результат устранения омонимии, т. е. при создании новой лексической единицы зачастую действуют чисто внутриязыковые стимулы.

Анализ способов появления новых слов позволяет выделить следующие традиционные группы неологизмов: 1) фонологические, 2) заимствования, 3) семантические, 4) синтаксические, создаваемые путем комбинации существующих в языке знаков (словообразование, словосочетание). Фонологические неологизмы представляют собой уникальные конфигурации звуков и создаются из сочетания отдельных звуков. Такие слова иногда называются «искусственными» или «изобретенными» [Розен 1966]. Данные неологизмы обладают достаточно высокой степенью коннотации новизны и могут быть отнесены к сильным неологизмам. Вторая группа неологизмов, включающая в себя заимствования, также может быть отнесена к группе сильных неологизмов. Различного

рода заимствования отличаются фонетической дистрибуцией, не характерной для принимающего их языка, а также нетипичным морфологическим членением и отсутствием мотивации. В современной лингвистике возникает вопрос, считать ли заимствованные из других языков слова неологизмами. Следует отметить, что большая часть исследователей склонны считать заимствования новообразованиями, так как они также являются средством обогащения словарного состава какого-либо конкретного языка, следовательно, мы вправе отнести их к новообразованиям. И подобно тому, как неологизмами могут быть не только новые слова в собственном смысле, но и старые в новых значениях, так и заимствования, выражая новые понятия, вырастают из старых языковых ресурсов, в частности из ресурсов международных культурных языков [Будагов 1976]. Заимствование как элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, несомненно может рассматриваться как способ пополнения словарного состава языка. Причем, приобретая статус «новообразование» в языке-реципиенте, заимствование с полной уверенностью может быть отнесено к сильным неологизмам. Именно эта группа новой лексики обладает высокой степенью коннотации новизны благодаря необычности и свежести их формы. Обычно заимствуются слова и реже синтаксические и фразеологические обороты. Заимствование звуков и словообразовательных морфем из других языков происходит в результате их вторичного выделения из большего числа заимствованных слов. Заимствования приспособляются к системе заимствующего языка и зачастую настолько усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа. На первых ступенях заимствованные слова чужого языка могут употребляться в текстах заимствующего языка в качестве иноязычных вкраплений. Каналы заимствований могут быть как устные (на слух), так и книжные, письменные (по буквам). При устном заимствовании слово претерпевает больше изменений во всем своем облике, чем при письменном. Если слово входит в язык другого народа при одновременном заимствовании нового предмета или понятия, то значение этого заимствования не претерпевает изменений, но в случае вхождения нового слова в качестве синонима к уже существующим словам между этими синонимами происходит разграничение значений и наблюдаются сдвиги в исходной семантике. Слова подобного рода иногда называют проникновениями.

Будучи результатом длительного исторического взаимодействия языков, их смешения, заимствования занимают значительное место в

лексике многих языков. Так, например, английский язык продолжает расширяться за счет заимствований, но гораздо в меньшей степени, чем это было в Средние века и в эпоху Ренессанса. Из «принимающего» языка он постепенно превращается в «дающий». Это, очевидно, связано с тем, что английский язык приобрел статус Lingua Franca XX в., статус функционального типа языка, используемого в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов. Однако несмотря на то, что заимствования находятся на периферии лексической системы, без этого слоя невозможно представить себе весь корпус новой лексики, пополняющий словарный состав английского языка. В русскоязычном тексте новые лексические единицы, заимствованные из других языков, могут быть адаптированы с помощью ближайшего окружения в виде пояснительных слов, благодаря которым читателю-адресату становится понятным эмоциональный оттенок высказывания, а отрицательное значение (в данном случае имеется в виду отрицание положительной характеристики) может быть выражено общеупотребительной лексической единицей: *черный тиар*.

В этом случае использование определения «черный» подсказывает адресату-читателю текста отправную точку понимания всего словосочетания. Сама лексема «черный» имеет значение: «темный, отрицательный, преступный, злостный, принадлежащий к непривилегированному обществу». Именно благодаря употреблению данной лексемы читателю становится понятным негативный оттенок всего словосочетания.

Третья группа рассматриваемой классификации неологизмов представляет собой морфологические новообразования и подразделяется на аффиксальные единицы, новые слова, образованные путем словосложения, конвертированные новообразования и сокращения.

Четвертый тип неологизмов целесообразно поделить на морфологические и фразеологические. Изучение моделей образования морфологических неологизмов, которые создаются по образцам, существующим в языковой системе, и из морфем, наличествующих в данной системе, показало, что при образовании именно этой группы неологизмов как в английском, так и в русском языке активно используются отрицательные аффиксы. Иными словами, проблема лексикализации слов с отрицательными аффиксами, а также соотношение отрицание/утверждение затрагивает узловые проблемы появления и функционирования новых слов в системе языка.

Отрицательный аффикс является семантически значимым и прагматически нагруженным и может быть семантически интерпретирован как «отрицание значения слова», уже существовавшего в языке, а так-

же как появление нового лексико-семантического варианта у известной лексической единицы. Примечательно, что продуктивность отрицательных аффиксальных единиц, используемых для образования новых слов русского языка, особенно четко прослеживается в том корпусе неологизмов, употребление которых ограничено рамками молодежного общения и которые могут быть маркированы словарной пометой «сленг». Следует отметить, что сленг как совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи, употребляется преимущественно в условиях непринужденного общения. Сленг состоит из слов и фразеологизмов, которые возникли и первоначально употреблялись в отдельных социальных группах, и отражает ценностную ориентацию этих групп. Сленг — это исторически сложившаяся на базе территориальных диалектов различных регионов и других наиболее древних языковых элементов и в большей или меньшей степени общая всем носителям языка лингво-социальная норма, которая реализуется на уровне разговорной речи (фонетика, грамматика, лексика) генетически и функционально отлична от жаргонных и профессиональных элементов языка; семантика сленговых лексем не всегда восходит к стилистическому переосмыслению, а слова сленга не обязательно используются для создания стилистического эффекта [Маковский 2007]. Нельзя признать правомерным утверждение о том, что сленг представляет собой изолированную «прослойку», занимающую «островное положение» в макросистеме языка. Бытуя в языке, сленг по необходимости входит в его систему, «ткань», образуя более или менее системные микроструктуры. Став общеупотребительными, эти слова часто сохраняют эмоционально-оценочный характер, хотя «знак» оценки может измениться. Элементы сленга либо быстро исчезают из употребления, либо входят в литературный язык, приводя к возникновению тонких стилистических и семантических различий. Только этимологический анализ устанавливает связь некоторых слов литературного языка со сленгом и обнаруживает типичный для сленга в первом значении характер метафоры, лежащей в основе номинации. Широкое употребление сленга огрубляет речь и противоречит нормам, культуре речи. Именно молодое поколение, называющее себя нигилистами русской действительности, стремясь к оригинальности, активно использует отрицательные аффиксы для образования новых лексических единиц. Морфологические неологизмы русского языка, образованные с помощью аффиксов *не-*, *ни-*, *от-*, *без-*, семантически интерпретируются как лексические единицы, имеющие коннотацию отрица-

ния. В качестве примера можно привести новообразование *невруб* или единицы его синонимического ряда *неврубалово*, *неврубон* — непонимание чего-либо, неспособность понять что-либо. Интересным с точки зрения семантического анализа является неологизм *невыездной* — рок- или поп-музыкант, не выезжающий на гастроли за пределы Москвы, работающий в московских ночных клубах. Данная новая лексическая единица является семантической инновацией от прилагательного *невыездной* — человек, которому по политическим соображениям запрещено выезжать за рубеж. Появление нового лексико-семантического варианта у известного слова является не чем иным, как стилистически маркированным неологизмом, несущим в себе эмоциональную коннотацию шутливости и легкой иронии.

Достаточно продуктивным является способ обогащения русского языка за счет англоязычных заимствований, причем «якобы» отрицательная частица «нет», входящая в состав заимствованных слов, является омонимичной формой английского существительного *net* — сеть. Соответственно, слова, образованные с помощью данного заимствованного элемента, воспринимаются носителями русского языка как лексемы, имеющие отрицательное значение, на самом деле таковыми не являясь.

Нетмыл (ср. англ. *Net Mail*) — электронная почта

Нетварь (ср. англ. *Net Ware*) — программное обеспечение

Интересны случаи заимствования, когда английское слово, подчиняясь традициям русского словообразования, принимает суффикс или префикс (иногда и то, и другое) языка-реципиента (*безворковый*, *безандестинед*).

Подобные новообразования могут быть отнесены к группе сильных неологизмов. Несмотря на значительную степень ассимиляции, данные лексические единицы отличаются фонетической дистрибуцией, а также нетипичным морфологическим членением и отсутствием мотивации.

В английском языке, как и в русском, наблюдается механизм образования новых слов способом словосложения из заимствованных элементов, один из которых пришел в английский из русского языка: *babushkaphobia* — неприязнь или отрицание некоторыми женщинами «статуса бабушки» и нежелание тратить свое время на занятия с внуками.

A few biological grandmas go to great lengths to reject all traditional grandmotherly duties. Actress Lauren Bacall is firm about her babushkaphobia: "I don't baby-sit or anything, that's not my function in life, I say, "I've

had my three children, thank you very much; you'll have to deal with your own problems"".

Как в английском, так и в русском языке встречаются новообразования с отрицательными префиксами, имеющие положительное значение. Так, русские новые лексические единицы *недушно, некисло, нереально, нереальный, неслабо, неслабый* содержат отрицательный префикс *не-* и имеют значение «*превосходно, прекрасно, качественно, хорошо, отлично*». Следует оговориться, что все вышеупомянутые слова употребляются преимущественно молодым поколением, и с точки зрения психолингвистического анализа семантики слова несут дополнительный коннотативный оттенок ироничности. Что касается английского языка, здесь тоже наблюдается употребление отрицательных префиксов для образования слов с положительной оценкой: *nonpartisan* — *объективный, nonpartisanship* — *объективность*.

Please for nonpartisan stand stem from Washington's farewell address deploing the baneful effects of the spirit of the party.

С помощью отрицательного префикса *dis-* в английском языке был образован неологизм *disadvantage* «*нищий, бедный*» — эвфемизм, заменивший подобный ему *underprivileged*. С одной стороны, данное образование может быть рассмотрено как лексическая единица, не имеющая отрицательной оценки, с другой, этот лексико-семантический вариант может быть проанализирован с позиции отрицания: *нищий* — человек, который не имеет достаточного количества денежных средств, не обладает определенным набором материальных благ.

I used to think I was poor. Then they told me I wasn't poor; I was needy. I was disadvantaged. I still don't have a dime.

В сопоставляемых языках существует определенная диалектическая связь между языковыми моделями и активными процессами номинации. Создание любого неологизма и, в частности, создание неологизма с отрицательными префиксами происходит в рамках словообразовательных традиций, характерных для каждого из сравниваемых языков. Так, среди способов образования английских неологизмов одним из продуктивных в последние десятилетия является сокращение, которое отражает тенденцию к рационализации языка, к экономии языковых усилий. Среди английских новообразований с отрицательными префиксами нам встретилась аббревиатура *NOPEC*, сокращение от *non-OPEC* — *страны, экспортирующие нефть, но не входящие в ОПЕК*.

The non-OPEC petroleum-exporting countries — "NOPEC" for short — are a breed apart. None has expressed any interest in joining the cartel, even though most follow the organization's lead.

В образовании новых слов находит свое отражение и структурная характеристика языка. Например, аналитизм английского проявляется в создании неологизма *"don't know"* — *колеблющийся избиратель*. Данная лексическая единица представляет собой конвертированный неологизм и образовалась благодаря специальным письменным формам агитации, которые во время опроса общественного мнения перед выборами рассылаются населению. Как правило, в подобных формах для выбора того или иного кандидата предлагаются три возможных ответа: Yes / No / Don't know. Как известно, конвертированные единицы представляют собой особый тип дериватов, так как их производность носит внутренний (семантический) характер. Активизация семы «неуверенность, сомнение, неопределенность», потенциально заложенной в высказывании «don't know», привела к образованию неологизма, основанного на переосмыслении путем конверсии, и несет в себе оттенок ироничного высказывания.

I'm don't know, and everyone knows it's the don't knows who decide the outcome of the elections.

Таким образом, исследование корпуса новой лексики английского и русского языков показало, что отрицательные аффиксы являются достаточно продуктивными при образовании новых слов. Сопоставительный анализ русских и английских новообразований продемонстрировал наличие отличительных и сходных черт в появлении и употреблении анализируемого пласта лексической системы. Одним из наиболее распространенных способов создания новых слов является словообразование, а именно аффиксация. Отрицательные префиксы *ne-, ni-, dis-, non-* обнаруживают себя как продуктивный способ лексикализации отрицательных форм.

Примечательно, что на материале русского языка отрицательные неологизмы встречаются преимущественно в языке молодежи, зачастую маркированы пометой «сленг» и имеют ироничное коннотативное значение. Русский и английский языки продолжают обогащаться за счет заимствований, ассимиляция которых происходит в рамках словообразовательных моделей принимающего языка. Английский язык демонстрирует и подтверждает тенденцию к экономизации языка и сокращению языковых усилий, демонстрируя появление новых слов-аббревиатур, содержащих отрицательные префиксы. Следует от-

метить, что не всегда лексическое отрицание происходит за счет отрицательных аффиксов. Последние могут служить строительным материалом для создания новой лексики, компонентная структура которой не содержит отрицания.

ЛИТЕРАТУРА

- Будагов 1976 — *Будагов Р. А.* Новые слова и значения. Человек и его язык, М., 1976.
- Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Л., 1947.
- Гак 1978 — *Гак В. Г.* О современной французской неологии. Новые слова и словари новых слов. Л., 1978.
- Заботкина 1988 — *Заботкина В. И.* Соотношение прагматической и семантической вариативности в лексике современного английского языка // Вариативность в германских языках: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. Калинин, 1988.
- Иванов 1983 — *Иванов А. Н.* Лексическая номинация как деятельность // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. 1983.
- Котелова 1978 — *Котелова Н. З.* Первый опыт описания русских неологизмов. Новые словари и словари новых слов. Л., 1978.
- Лурья 1975 — *Лурья А. Р.* Речь и мышление. М., 1975.
- Маковский 2007 — *Маковский М. М.* Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология. 3-е изд. М., 2007.
- Медникова 1974 — *Медникова Э. М.* Значение слова и методы его описания. М., 1974.
- Розен 1966 — *Розен Е. В.* Новая лексика в современном немецком языке // Иностранный язык в школе. 1966. № 4.
- Серебrenников 1983 — *Серебrenников Б. А.* О материалистическом подходе к языкознанию. М., 1983.
- Galinsky 1980 — *Galinsky H.* American neologisms in German // *American Speech*. 1980.
- Gilbert 1971 — *Gilbert P.* Dictionnaire des mots nouveaux. Paris, 1971.
- Goose 1975 — *Goose A.* La neologie française aujourd'hui. Paris, 1975.
- Schervinsky 1978 — *Schervinsky F.* Die Neologismen in der modernen französischen Science-Fiction. Meisenheim am Glan, 1978.

В. И. ПОСТОВАЛОВА

«БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ...»:
КОНЦЕПТ «СМИРЕНИЕ»
В ПРАВОСЛАВНОМ МИРОСОЗЕРЦАНИИ

Светлой памяти протоиерея Александра Геронимуса

...научитесь от Меня: ибо Я кроток
и смирен сердцем.

Мф 11: 29

Господь убажает не просто нищих,
но «нищих духом», т. е. смиренных.

Кириан (Керн)

1. СМирЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛОГИКИ
АПОФАТИЗМА-КАТАФАТИЗМА

Реконструкция смыслового содержания концепта смирения предполагает многоуровневую и многоаспектную рефлексивную, первым этапом которой будет выявление наиболее общих, формально-онтологических принципов и логических операций концептуализации православного мирозерцания, к числу которых относятся отрицание (негация) и утверждение (ассерция). Отрицание (негация) и утверждение (ассерция) принадлежат к числу универсальных категорий и логических операций формирования концептуального пространства религиозного мирозерцания в целом. Особенно значима их роль в конституировании системы миропредставлений в мистико-религиозных учениях, где такое их участие находит даже свое терминологическое закрепление. В мистическом богословии говорят о двух путях Богопознания — апофатическом (от греч. ἀποφατικός — отрицательный) и катафатическом (от греч. καταφατικός — утвердительный).

Апофатический, или отрицательный, путь исходит из идеи непостижимости и невыразимости в категориях человеческого мышления глубинного опыта Богопознания. Он заключается в последовательном отрицании всех обозначений, понятий и представлений применительно

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект «Философия языка в России: 1905–2005». При цитировании сохраняется написание оригинала. В названии приводится начало первой заповеди блаженства из Евангелия от Матфея «...блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5: 3).

к Богу, полагая, что Бог не определим ни через какие признаки и имена и что Ему, строго говоря, нельзя приписать даже признака существования, т. е. того, что Он есть Бог и что Он существует¹. Катафатический же путь, или путь утверждений, исходит из возможности познания Бога в Его энергиях (действиях в мире). В итоге осуществления этих двух путей Богопознания Бог предстает и как безымянный, и как «многоименный» — носитель всякого имени (Свет, Премудрость, Любовь, Благодать, Жизнь и др.).

По образу осмысления опыта Богопознания в мистико-религиозных учениях — а к ним относится и православно-христианское мирозерцание — говорят также об апофатико-катафатических способах осмысления человека и его внутреннего мира в данных учениях, соединяя принципы апофатизма и катафатизма с принципом аналогизма (от греч. ἀναλογία — соответствие, сходство). В православно-христианском мирозерцании человек рассматривается как образ и подобие Божие, а реалии и события горизонтального плана реальности, относящиеся к миру человека, — как образы реалий и событий вертикального плана реальности, выступающих в виде их прообразов. По принципу апофатизма-катафатизма, эти реалии горизонтального плана реальности, рассматриваемые в их соотношении со своими прообразами, воспринимаются соответственно и как непостижимые в своей последней глубине («безымянные»), и как постижимые («многоименные»).

Такая логическая конструкция лежит в основании концептуализации и мистико-аскетического феномена смирения в православном мирозерцании, где смирение рассматривается как подражание Христову смирению, а человек, обретающий смирение, — как уподобляющийся Самому Богочеловеку Иисусу Христу, явившему собой неизреченный образ смирения. Основные этапы концептуализации смирения по данной логике включают следующие моменты, касающиеся истолкования природы и путей постижения смирения по образу осмысления абсолютного смирения Бога.

Смирennemудрие, как говорит св. Исаак Сирий, есть «одевание Божества», в которое облеклось вочеловечившееся Слово, и «всякий, облеченный в смирение, истинно уподобился Нисшедшему с высоты Своей, сокрывшему доблесть величия Своего и славу Свою прикрыв-

¹ Образцом чисто апофатического определения Бога является следующее рассуждение А. Ф. Лосева: «Бог не есть ни физическая материя, ни душа, ни дух, ни я, ни личность... Он не есть и ничто из того, что входит в эти области бытия. Он не есть ни свет, ни тьма, ни знание, ни мысль, ни чувство, ни сознание, ни вечность, ни любовь, ни благодать, ни совершенство» [Лосев 1994: 320].

шему смиренномудрием» (цит. по: [Зарин 1996: 474–475]). Как говорит старец Силуан Афонский, «кто познал Бога Духом Святым, тот от Него научился смирению и уподобился своему Учителю Иисусу Христу, Сыну Божию, и на Него стал похож» [Старец Силуан 1996: 270]. Ведь «Бог есть смирение» [Софроний 2003: 267; 2007: 108, 225].

Христово смирение, или «абсолютное смирение Бога», «Божественное смирение» есть Божественное таинство, и как таковое оно апофатично — невыразимо, несказанно (неизреченно), неопишимо и неизъяснимо, поскольку, «выражаемое на... человеческом языке, оно становится противоречивым» [Софроний 2003: 181]. Таково и человеческое смирение, которое в своей последней мистической глубине как дар Духа Святого также несказанно, непостижимо и неизъяснимо. По выражению преп. Иоанна Лествичника, «смиренномудрие есть безыменная благодать души, имя которой тем только известно, кои познали ее собственным опытом; оно есть несказанное богатство; Божественное именование» [Иоанн Лествичник 2001: 169]. Как пишет старец Иосиф Ватопедский: «...если бы смирение было лишь человеческим навыком и мастерством, украшающим и усовершенствующим разумную природу, и не имело бы в себе божественного начала, то человек мог бы осмелиться его описать. Но с того момента, как нам было открыто, что смирение проявило себя свойством Самого Воплощенного Слова, оно тут же стало неуловимым для человеческих умозаключений и постигается отныне только удивлением и изумлением...» [Иосиф Ватопедский 2005: 159–160]. В святоотеческой традиции подлинное смирение редко дерзают описывать, подчеркивая его божественный характер и ссылаясь на его опытную неизведанность. «Говорить о смирении всегда трудно, потому что, в общем, по-настоящему не знает смирения тот, кто не смирился», — говорит митрополит Антоний Сурожский [Антоний 2000: 115].

Однако некоторые признаки смирения как Божественного таинства все же отмечаются и именуются духовно опытными подвижниками и учителями Церкви, которые говорят о смирении обычно очень лаконично, с огромной духовной осторожностью и ощущением бессилия своего слова. Пишет св. Григорий Синаит: «Опытом и разумом найти и постичь смирение есть [счастье] немногих. Распространяющиеся о нем словесно похожи на измеряющих бездну. Мы же, слепые, отрочески догадывающиеся об этом великом свете, скажем немногое» [Григорий Синаит 1999: 55–56]. Из таких признаков со ссылкой на свидетельства Откровения (евангельский образ Христа) и на опыт соборного ведения и воссоздается в православно-христианском самосознании катафатический образ реалии-концепта смирения. Говорит старец Иосиф

Ватопедский: «Опять беседа (о смирении и смиренномудрии. — В. П.) понуждает нас говорить о том, что выше наших сил. Однако, заимствуя у Святых Отцов их опыт и следуя тому, что ими открыто, мы будем свидетельствовать истину, насколько ее может вместить наша немощь» [Иосиф Ватопедский 2005: 159].

Трудность воссоздания и описания образа смирения связана также с тем, что смирение принадлежит к предельным смысловым образованиям православного мирозерцания. Данный концепт осмысливает такую область православно-христианского духовного опыта человека, для которой в высшей степени характерны мистическая тождественность и практическая неразличимость отдельных духовных состояний «внутреннего человека». Как говорила монахиня Гавриилия, «любовь, смирение, терпение, послушание — синонимы» [Гавриилия 2000: 82].

В силу апофатико-катафатического характера феномена смирения, его принадлежности и миру горнего, и миру дольного при его описании с неизбежностью используется как язык отрицания, так и язык утверждения при заметном приоритете первого. Это касается описания концептуализации смирения и в плане горнего, мистического (вертикального) начала, и в плане начала аскетического (горизонтального).

Примером приоритета апофатизма при описании смирения в его вертикальном измерении является описание парадокса сокровенной откровенности и непостижимой постижимости смирения у св. Игнатия (Брянчанинова). По его выражению, смирение как Божественное таинство, открываемое Самим Господом, и «открытое... пребывает сокровенным», будучи «неизъяснимо словом и языком земным», и «постиженное пребывает непостижимым», непостижимо постигаемое разумом духовным [МД 2004: 285]. Примером приоритета апофатизма при описании смирения в его горизонтальном измерении может случить изречение аввы Исайи: «Смиренномудрый даже не имеет языка сказать о ком-либо, что он нерадив или небрежет о спасении своем. Он не имеет очей, чтоб видеть недостатки других. Он не имеет ушей, чтоб слышать слова и разговоры душевредные. Он не заботится ни о чем временном» [ОИБ 1993: 119–120]. Особенно явно приоритет логики отрицания наблюдается при попытке описания состояний «антисмирения» — гордости и эгоизма².

² Развернутое описание такого состояния имеется у старца Иосифа Ватопедского. Отметив признаки отсутствия смирения (неуверенность, страх, подозрительность, возбуждение всех видов и форм неправды и заблуждения относительно спасения), Иосиф Ватопедский делает такую зарисовку духовного состояния антисмирения и его носителя: «Живой образ такого состояния —

Выступая вместе с категорией утверждения в качестве важнейшего средства формирования смыслового содержания миропредставлений в православном мирозерцании, отрицание входит в глубинную инвариантную смысловую структуру и концепта смирения, хотя при этом оно может и не участвовать видимым образом в оформлении языкового облика термина «смирение», что наблюдается во многих языках православной культуры. Многочисленные примеры из святоотеческих текстов свидетельствуют о том, что без использования категории отрицания внутреннее содержание концепта смирения в его разных аспектах и уровнях вообще не может быть эксплицировано³. Что же касается явного участия отрицания в формировании терминологического поля смирения, то здесь в качестве примера можно привести аскетический термин «невменяемость», используемый в отечественной традиции для передачи одного из смысловых компонентов смирения — «самоуничижения».

В святоотеческих текстах религиозный термин «невменяемость» используется и понимается в двух смыслах, связанных с тем, акцентируется ли при этом внимание на моменте самооценки подвижником себя и своего бытия или же внимание акцентируется на том, что подвижник

дьявол, который испытывает и производит все эти негативные и подобные им признаки разрушения личности. Несмиренное мышление, называемое эгоизмом и гордыней, ничего не вмещает в себя и само не может ни во что вместиться, оставаясь изолированным в своем... индивидуализме... Теснота такого самоотрицания, то есть нигилизма, изглаживает из сознания всякое понятие об абсолютном, об истине, о вечности... Развитие нигилизма приводит к анархизму, когда не принимается никакое начало, отрицается любая зависимость, божественная или человеческая, и завершается атеизмом, который является... фактическим существом дьявола и полной погibelью. Что же... представляет собой дьявол в своем существе и свойствах? Он эгоист... Он... ничего не вмещает, кроме самого себя. Не принимает какого-либо другого начала, господства и власти. Всегда и везде он остается одиноким и по необходимости отрицает все, потому что ничего к себе не подпускает. Он стал вне всего, отложился от всякого бытия и остался в ничто своего всеобщего отрицания. Вот почему он ниспал с Неба... » [Иосиф Ватопедский 2005: 163–164].

³ К отрицанию прибегают и сами святые отцы и переводчики-комментаторы их текстов, поясняя аскетическую терминологию, используемую при описании феномена смирения. Характерный пример — фрагмент из поучения Антония Великого, где в русском переводе аскетический термин «лишение» истолковывается с помощью двойного отрицания: «Старайся проходить следующие... подвиги: труд, нищету, странничество, лишения (*ничего неимение*) и молчание. Они сделают тебя смиренным, а смирение принесет тебе отпущение грехов» [Добролюбие 1992: 108].

имеет. В первой ситуации «невменяемость» в аскетическом дискурсе означает «вмениять себя ни во что», т. е. не почитать себя за нечто (или не почитать себя чем-то)⁴. Вот характерный диалог из аскетического дискурса: «Отец мой, что значит вмениять себя ни во что? Брат! Вмениять себя ни во что — значит: ни с кем не сравнивать себя и не говорить о (своем) добром деле... Смирение состоит в том, чтобы ни в коем случае не почитать себя за нечто» [Варсануфий, Иоанн 1993: 204, 206]. Говорит Антоний Великий: «Прежде всего, не считай себя чем-либо, — и это породит в тебе смирение... Смирение... состоит в том, чтоб... человек... прилежал молчанию и себя вмениял ни во что» [Добротолубие 1992: 111, 108]. В предельном случае «вмениять себя ни во что» означает даже не только не почитать себя за нечто, но вообще почитать себя за ничто, относя при этом все, что есть в себе доброго, Богу.

Во второй ситуации «невменяемость» в аскетическом дискурсе означает «не вмениять себе ничего», т. е. не приписывать себе ничего (хорошего)⁵. «Сын мой! — говорит Антоний Великий. — Прежде всего, не вменияй себе ничего: из невменяемости рождается смирение» [ОИБ 1993: 13]. Св. Игнатий (Брянчанинов) дает такое истолкование «невменяемости» в этом смысле: «Невменяемость состоит в том, чтоб не признавать себя имеющим какую-либо добродетель и какое-либо достоинство. Признание за собою добродетелей и достоинств есть пагубное самообольщение, называемое святыми Отцами мнением. Мнение отчуждает человека, зараженных им, от Искупителя» [Там же: 13–14]. Смиранный же человек стремится не только «не верить своим достоинствам», но даже и не подозревать об их существовании — «не знать... о них» [ПС 2006: 106–107].

2. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ СМирЕНИЯ

В ПРАВОСЛАВНОМ МИРОСОЗЕРЦАНИИ: СМирЕНИЕ КАК ПАРАДОКС

Содержательную основу смирения составляет идея совершенства (совершенствования), определяемого идеалом богоподобия человека. В православно-христианском миропредставлении смирение интерпре-

⁴ В церковнославянском языке «вменияти» значит «почитать за что-либо, помышлять...» [Седакова 2005: 84]. В современном русском языке «вмениять» означает «счесть чем-либо, признать за что-либо», а «вменяемость» означает «состояние, в котором человек способен отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими» [СРЯ I: 186].

⁵ Или, в более развернутой форме, — вмениять ни во что все, что у тебя есть, даже если имеешь нечто.

тируется как высшая степень совершенства. Развивая эту мысль, схиигумен Савва пишет: «Истинное смирение... и есть высшая степень совершенства, потому что смиренный приобретает все другие добродетели. И недаром Христос в Своих заповедях „Блаженны“ на первом месте поставил нищету духа, т. е. смирение, сказав: Блаженны нищие духом; ибо их есть Царство Небесное (Мф 5: 3)» [Савва 2003: 743]. Роль смирения в достижении совершенства при этом оценивается так высоко, что в православном Предании совершенство даже отождествляется с глубиной смирения: «„Совершенство, — по точному слову св. Исаака, — замечает П. Евдокимов, — есть глубина смирения“» [Евдокимов 2003: 172]. А св. Игнатий (Брянчанинов) пишет: «...глубина смирения есть вместе с тем и высота преуспеяния» [ОИБ 1993: 30]

Идеал богоподобия человека, лежащий в основании идеи совершенства в православном мирозерцании, проистекает из самой сути христианства как «религии Богочеловечества и богосовершенства человека», преображения его «по образу Спасителя-Богочеловека» [Муретов 2002: 51]. По православно-христианскому вероучению, Бог стал человеком, чтобы человек стал богом по благодати. В святоотеческом представлении путь человека к Богу и обожению лежит через преодоление страстей и обретение добродетелей и особенно через смирение. Как пишут преподобные Варсануфий Великий и Иоанн: «... смирение делает человека селением Божиим; от вселения же Божия (в человека) изгоняются лукавые демоны... с постыдными их страстями, и человек делается храмом Божиим, освящаемым, просвещенным и исполненным всякого благовония, благодати и радости. Человек сей делается Богоносцем; даже более, он бывает богом... » [Варсануфий, Иоанн 1993: 157–158]. По лаконичному выражению преп. Исаака Сирина, «доброе делание и смиренномудрие делают человека богом» [Исаак Сирин 1993: 317].

Смирение в православно-христианском видении есть самый прямой путь к Богу, о чем единодушно свидетельствуют святые отцы и учителя Церкви разных эпох. На вопрос странника, какую добродетелью можно приблизиться к Богу, старец Вонифатий отвечал: «На высоту Божию только выходят смирением» [ССПБ 1994: 529]. А другой старец уточняет: «Насколько человек погрузится в смирение, настолько преуспеет и вознесется» [ОИБ 1993: 371].

Концептуальное пространство православного мирозерцания формируется с помощью мифолого-логических оппозиций, соединяя в себе — и часто самым парадоксальным образом — их смысловые элементы. В состав таких оппозиций входят: Царствие Небесное — Ад,

Небо—Земля (горнее—дольнее), мир—человек («я»), восхождение—нисхождение, обожение—падение, нечто (все) — ничто, верх—низ, высота—глубина, величие—ничтожество, открытость—закрытость (для Бога), первый—последний и др. Центральное место в кругу этих рядов противопоставлений в концептуальном пространстве православного мирозерцания принадлежит логической оппозиции «верх—низ» и ее содержательным конкретизациям: Царствие Небесное — Ад, Небо — Земля (горнее—дольнее), восхождение—нисхождение, обожение—падение. В Уставе св. Бенедикта Нурсийского (V в., Италия) имеется описание смирения в виде лестницы, подобной той лестнице, которая явилась во сне Иакову и на которой он лицезрел сходящих и восходящих ангелов [Клеман 1994: 154–155]. В другом символическом представлении, смирение рассматривается как «древо жизни, возрастающее до небес» [ОИБ 1993: 372].

Движение по ступеням лестницы смирения символизирует путь продвижения подвижника к совершенству, обретению любви Божией и обожению. При подлинном смирении, возносящем подвижника на самый верх лестницы совершенства, сам подвижник видит себя, однако, стремящимся вниз: «... тот, кто имеет смирение... постоянно стремится вниз — к смирению» [Варсануфий Великий, Иоанн 1993: 296]. Он видит себя часто на самой нижней ступени этой лестницы — на земле. «Во всех случаях будем прибегать к смирению; ибо смиренный лежит на земле, а лежащий на земле, куда может упасть?» — восклицают Варсануфий Великий и Иоанн [Там же: 121]. В пределе же смиренномудрый низвергает себя в своем самовоззрении даже в самую бездну ада. Образ такого самовоззрения передает следующее речение преп. Григория Синаита, воспроизводящее ход покаяния смиряющегося монаха: «... будем, душа, считать себя ниже всех людей, как землю и прах под их ногами... Поэтому я, низвергающий себя до ада и лежащий [в нем] прежде смерти, ниже всех.... Обитающий прежде смерти в земле, аде и бездне! Как ты осмеливаешься именовать себя праведным... Горе прельщению и заблуждению твоему бесноватый, пес грязный, посылаемый за это в огонь и тьму!» [Григорий Синаит 1999: 55–56].

Путь подвижника к Богу в аспекте участия в этом категории смирения описывается в святоотеческом Предании с помощью следующих максим: «Гордость и высокоумие низвергли дьявола с неба в преисподнюю — смирение и кротость возносят человека с земли на небо» [ОИБ 1993: 4]; «Глубина смирения есть вместе с тем и высота преуспевания. Нисходя в бездну смирения, восходим на небо. Покушающийся взойти на небо без посредства смирения низвергается в бездну самомнения и погибели» [Там же: 30] и, наконец, «Гордость, если б приблизилась к

небу, то низводится даже до ада: так напротив смирение, если б низошло до ада, — оттуда возводится даже до неба» [Там же: 371–372].

Эта последняя святоотеческая истина в наше время получает свою новую жизнь. Упомянутое здесь «если бы» относительно нисхождения смирения до бездны ада и возведения его до неба становится реальностью. По словам прот. А. Геронимуса, такое откровение о смирении в наши дни получил преп. Силуан Афонский [Геронимус 2001: 45]. Обратившись молитвенно к Господу вразумить его, что должен он помышлять, чтобы душа его была смиренна, старец Силуан получает в душе такой ответ: «Держи ум свой во аде и не отчаивайся» [Силуан 1996: 387]. И проходя таким путем, преп. Силуан опытно постигает предельные бездны человеческого существования. По мысли прот. А. Геронимуса, преп. Силуан Афонский «прошел путь покаяния, смирился вплоть до самоосуждения в ад и обожился еще в этом бытии, стяжав дар Святого Духа» [Геронимус 2001: 62].

Истинное смирение, как замечает св. Игнатий (Брянчанинов), «будучи высочайшей премудростью... кажется безумием для плотского разума» [МД 2004: 285]⁶. И картина восхождения к Богу по лестнице смирения выглядит парадоксальной с позиции обыденного миропонимания⁷. К восхождению наверх по этой лестнице «на высоту Божию» —

⁶ Смирение, о котором идет речь в христианстве, по словам С. С. Аверинцева, будучи «величайшим дерзанием», с точки зрения мудрости века сего есть вообще «непростительная дерзость» и «верх оптимистического безумия» ([цит. по: Василенко 2000: 197]). Ведь «всерьез признать себя малым и ничтожным перед Богом — значит всерьез поверить, что стоишь в некоем реальном отношении к Богу» [Там же].

⁷ С позиции же духовного видения, само устройство человеческого общества в его падшем состоянии видится, по выражению архимандрита Софрония (Сахарова), как «опрокинутая пирамида» [Софроний 2007: 225]. Размышляя о трудностях постижения нашим мышлением кенотического нисхождения Бога в Боговоплощении как образа смирения, архимандрит Софроний замечает: «Говоря о снисхождении Христа, о Его kenose-истощании, мы стоим перед картиною, которую никак не можем уразуметь простым нашим мышлением. Он — безраздельный Владыка всего мира, и Он отдает Себя на унижения. Однако мы постепенно проникаем в тайну любви Бога к нам. Мы как-то начинаем ощущать через откровение Христа, что Бог есть смирение. Этим объясняется, что любовь Его не гордая, а смиренная. И этот характер Божественного смирения Христа проявляется в Его словах, когда Он поставил маленького мальчика перед Собой и сказал: «Если кто не станет подобен сему мальчику, тот не способен к Царству Небесному» (см. Мф 18: 2–4), или когда Он говорил, что наименьший будет великим в Царствии Божием. Видите опрокинутую пирамиду

в Царство Небесное и обожение — ведет смирение, понимаемое в православном мирозерцании как нисхождение, или самоумаление (кенозис), вплоть до самоосуждения в ад. К схождению же вниз — к падению и гибели — ведет самопревозношение в гордости — по евангельскому «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» (Лк 10: 15).

Согласно православно-христианскому миропредставлению, природа смирения вообще парадоксальна и наиболее адекватно раскрывается через парадоксы. Вот некоторые из таких парадоксов: 1) парадокс бытия и знания как небытия и незнания: «Смирение учит „быть, как будто тебя нет“, и „не знать, что ты есть“...» [Евдокимов 2003: 171], 2) парадокс нищеты как богатства: «Он (Господь. — В. П.) ублажает нищих духом, которые нищенствуют духом века сего, ничего от него не стяжав, но богатеют постепенно духом истины и не насыщаются, как будто ничего не приобрели, пока не возымели совершенства» [Макарий 2002: 436], 3) парадокс обладания чем-то как ничем, сформулированный св. Исааком Сириным: «Истинно смиренномудр, кто имеет в сокровенности нечто, достойное гордости, но не гордится и в помысле своем вменяет это в прах» (цит. по: [Зарин 1996: 472]) и др.

Концепты, входящие в концептуальное поле смирения, распадаются относительно участия в актах восхождения и нисхождения подвижника по этой лестнице на два класса. В первый класс входят концепты, отображающие высшие христианско-православные ценности и добродетели (любовь, святость, кротость, простота и др.), способствующие продвижению подвижника к совершенству. Другой класс образуют их оппозиты — концепты, отображающие антиценности и страсти (гордость, тщеславие, дерзость, «высокоумие» и др.), отрицаемые в данном типе мирозерцания как приводящие к падению человека.

Что же касается собственно религиозной терминологии, используемой для передачи смыслового содержания концепта смирения в святоотеческой традиции, то здесь нет единства. Иногда различают смирение и смиренномудрие, но чаще эти термины используются как синонимы. Наиболее четко в православном мирозерцании разработана рубрикация смирения. Святые отцы, учителя Церкви и сами подвижники различают смирение реалистическое, истинное, или подлинное, с одной стороны, и смирение мнимое, демоническое и лжесмирение, с другой стороны.

устройства человеческого общества? Смиренные унаследуют Царство прежде всего» [Софроний 2007: 225].

3. ОБРАЗ СМЕРЕНИЯ В ПРАВОСЛАВНОМ САМОСОЗНАНИИ

Смирение, по свидетельству митрополита Антония Сурожского — «очень сложная тема в том смысле, что это слово покрывает много понятий» [Антоний 2000: 119]. В видении православного самосознания смирение предстает как сложный духовно-семиотический феномен в единстве четырех своих аспектов — эйдетического (сущностного, «чтойного»), мистического, онтологического и аскетического, на рассмотрении отдельных сторон которых мы и остановимся.

3.1. Смирение как эйдетическое образование. Первый вопрос, возникающий при попытке концептуального анализа смирения, касается установления того, что есть смирение как таковое. В святоотеческом Предании и мистико-аскетической практике христианства смирение характеризуется как атрибут и духовное состояние личности, строй и свойство души, а также, что наиболее часто, как наивысшая добродетель («вседобродетель») и высшая духовно-аскетическая ценность христианства и православия. Такая квалификация смирения в православном мирозерцании имеет свою четкую ранжированность.

О святом смирении как неизменном *состоянии, атрибуте и свойстве* личности говорят только в отношении Богочеловека Иисуса Христа и Его Ипостаси. Как замечает старец Иосиф Ватопедский, Воплотившийся Бог Слово включает смирение «не в этическое пространство долга, но в способ бытия личности, делая его свойством и признаком» [Иосиф Ватопедский 2005: 161]. «Наш Иисус, будучи Истиной как она есть, Жизнью и Любовью, поистине и смирен, так как это свойство — общая характерная особенность Его личности. Смирение в полной мере переносится и на тех, кто следует за Господом, в силу их сопричастности Ему» [Там же: 162]. О «смирении Христовом», свойственном Самому Богу, как Его «Божественном состоянии», «атрибуте Божественной любви» и «атрибуте Божию» наиболее явно, по свидетельству архимандрита Софрония (Сахарова), речь идет в писаниях старца Силуана Афонского [Софроний 2003: 181; 2007: 251–252].

О смирении как *свойстве* личности «будущего века», достигаемом в условиях земной жизни лишь частично, говорят применительно к духовному опыту святых, переживающих смирение Христово в особые минуты откровения. Такой опыт получил в наши дни старец Силуан Афонский, которому, по словам архимандрита Софрония (Сахарова), «с первых дней монашеского подвига было дано ощутить Божественное нетварное смирение Бога» [Софроний 2007: 251–252]. И он, как говорит архимандрит Софроний, «жил его, это Христово смирение, но не в полноте», в

полноте же — «только во время откровения»; ибо «если бы оно продолжилось, то плоть земная не выдержала бы» [Софроний 2003: 181].

Духовный опыт старца Силуана приоткрывает, по свидетельству архимандрита Софрония, три основные черты такого состояния.

1) Оно не есть нечто, совсем чужеродное человеку: «Когда нечто действительно великое и божественное приходит к нам, тогда мы живем это откровение как естественное и свойственное нам состояние» [Софроний 2007: 107].

2) Однако, носить в себе это состояние Христова смирения и быть постоянно под его воздействием человек не может: такое состояние земная «человеческая плоть не выносит», поскольку в этот момент человек «выходит из этого мира» [Там же: 251–252].

3) В отличие от «релятивного» аскетического смирения с его принципом «Я хуже всех» в неопишемом смирении Христовом «нет элементов относительности»: оно носит характер абсолютный и не имеет никакого сравнения с чем-либо другим [Там же: 108, 201–202]. Когда же приходит божественное смирение, то оно — «вне всякого сравнения», как и «свойственно Абсолютному Бытию». Тогда нет даже мысли: «Вот на какую высоту вознесен человек!», как нет и следов тщеславия или гордости, а есть только самый ФАКТ, который живет человек как свое собственное состояние» [Там же: 107].

Применительно к духовному опыту новоначальных подвижников (а таковыми — по своему смирению — считают себя все, даже подвижники, достигшие самых больших высот духовной жизни) говорят о смирении только как о высшей *добродетели*, т. е. «устойчивом и постоянном качестве... душевной жизни» человека [Василенко 2000: 58]. «Напрасны труды того, кто вне смирения постится много и несет тяжкие труды» — утверждает авва Исайя [ОИБ 1993: 120]. «Все добродетели ничто без смирения...» — развивает святоотеческую традицию священник А. Ельчанинов [ПС 2006: 106–107].

Применительно же к христианству и православию в целом говорят о смирении как «*вседобродетели*» и *высшей духовно-аскетической ценности*. В святоотеческом представлении, смирение предстает как основание всех добродетелей, как основание всего и как то, в чем содержится все. По словам Иосифа Ватопедского, смирение «входит во все и само все в себя вмещает, оно не имеет страха, смущения, не ищет ничего и, следовательно, не производит движения» [Иосиф Ватопедский 2005: 162]. «Что же касается природы этой „вседобродетели“, — замечает Иосиф Ватопедский, — достаточно будет оставить отеческое определение ее, то есть что она божественна и в своей духовной полно-

те — облачение Божества, и, следовательно, дар одной лишь Благодати Всесвятого Духа» [Там же: 160]. Такое определение смирения указывает на самый глубинный пласт в характеристике смирения — мистический.

3.2. Смирение как мистический феномен. Смирение в святоотеческом представлении «„таинственно“, мистично как по своему источнику, так и по своему значению в духовной жизни христианина» [Зарин 1996: 475]. Оно есть дар Святого Духа и на вершинах своего проявления представляет собой «Божественную силу, действующую во всем и производящую все», благодаря которой человек, ощущая себя «орудием Божественной силы, совершает с ее помощью удивительные Божии дела» [Григорий Синаит 1999: 58].

Как дар Святого Духа, смирение целостно в своей глубине и не сводится к сумме своих проявлений. Настоящее смирение, как замечает св. Григорий Синаит, «не имеет смиренной речи, ни смиренного вида, не понуждает мыслить смиренное, ни, смиряясь, упрекать себя», хотя эти «признаки и образы смирения [суть] как бы разновидности его»; само же смирение — есть «благодать и дар свыше» [Там же: 55]. Оно, по словам преп. Исаака Сирина, «усовершенствует душу в божественных созерцаниях» и делает человека способным к восприятию тайн, которые открываются только смиренномудрым (цит. по: [Зарин 1996: 475]). Ведь только они «сподобляются принять внутрь себя Духа откровений, показывающего тайны» [Там же].

К обретению смирения как пути к наивысшему созерцанию и вхождению в Царствие Небесное постоянно призывают святые отцы и учителя Церкви разных эпох. «По... силе своего внутреннего человека трудись над тем, чтобы смирить свои помыслы, и тогда Бог откроет очи сердца твоего, чтобы видеть истинный свет и быть в состоянии сказать: благодатию спасен я о Христе Иисусе, Господе нашем... » — назидают преподобные Варсануфий Великий и Иоанн [Варсануфий, Иоанн 1993: 157–158]. «Мы всегда и пред всеми должны уничижать себя, следуя учению св. Исаака Сирина: „уничижи себе, и узришь славу Божию в себе...“... Итак, возлюбим смирение, узрим славу Божию; идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается», — говорит преп. Серафим Саровский [ЖСС 1991: 306]. Смирение, продолжает эти мысли св. Игнатий (Брянчанинов), состоит в том, чтобы признавать себя «достойными и скорби, попущенной на нас Промыслом Божиим», в подражание благоразумному разбойнику, который «за осуждение себя удостоился высших разумений и ощущений, за которыми следует Царствие Небесное» [Игнатий 1995: 303].

3.3. Смирение как онтологический феномен. Смирение, в святоотеческом представлении, онтологично по образу онтологичности нетварного Христова смирения, «онтологически свойственного Богу» [Софроний 2007: 108]. По выражению старца Иосифа Ватопедского, смирение есть высший «онтологический принцип самостоятельного бытия личностей», а не «просто отрасль нравственного закона, который противостоит противоположному пороку, как это происходит в отношении других добродетелей» [Иосиф Ватопедский 2005: 161]⁸.

Хотя смиренномудрие называют иногда «добродетелью по преимуществу ума», смирение в целом интерпретируется в святоотеческом Предании как жизнь сердца⁹ и как «сердечное чувство», возникающее от исполнения заповедей, начертанных в Евангелии [Игнатий 1993: 171; 1995: 307]. Само же исполнение заповедей трактуется в христианстве как «единственный вечный закон нашего бытия» [Софроний 1996: 427], откуда и бытийный характер смирения. В евангельских заповедях, в которых Христос открывает «Свои свойства, Свой образ мыслей и действий», воплощаются свойства нового, богоподобного человека — «благость, милосердие, чистота ума, сердца и тела, живая вера, небрегающая о всем суетном, научающая человека всецело последовать Христу, терпение... любовь к Богу и ближнему...» [Игнатий 1995: 307]. Только «вглядываясь в Евангелие, — пишет св. Игнатий (Брянчанинов), — мы можем... мало-помалу выбрасывать из себя понятия и свойства ветхости нашей», заменяя их «мыслями и свойствами евангельскими, Христовыми» [Там же: 197]. Это значит, что ум, наставляемый Евангелием, сможет смириться перед каждым ближним воистину только тогда, когда увидит в нем Христа; ведь «все крестившиеся во Христа, облечены во Христа», и «чем бы и как бы они ни оскверняли себя, риза Христова, до суда Христова, — на них» [Там же: 118].

⁸ Осуществляя акты смирения, т. е. «признавая свое недостойнство, несовершенство в каждый момент свой духовной жизни», человек, по словам С. М. Зарина, подтверждает «бесконечное значение своей личности как носящей в себе высшее сознание бесконечного идеала», на чем основывается высокое «метафизическое значение добродетели „смирение“» [Зарин 1996: 473].

⁹ Такое понимание восходит к словам Иисуса Христа, приводимым в первом эпиграфе к данной работе, о том что Он «кроток и смирен сердцем» (Мф 11: 29). Откровение же о том, что «Воплотившийся Бог Слово был смирен не по внешнему образу, но „сердцем“», по выражению Иосифа Ватопедского, переносит нас в такие сферы и области существования, которые «не подлежат предпочтениям и усилиям воли, но переживаются как духовные состояния» [Иосиф Ватопедский 2005: 161].

Заповеди Христовы духовны. Они, по выражению св. Игнатия, суть Дух и потому ощущения, производимые ими, — духовны» [Игнатий 1996: 520]¹⁰. Первое из таких духовных ощущений и состояний, достигаемых человеком при исполнении евангельских заповедей, и есть «нищета духа», интерпретируемая в святоотеческой традиции как смирение, или «добровольное смиренномудрие» [Григорий Нисский 1997: 10]¹¹. Состояние нищеты духа, принадлежащее, по свидетельству святых отцов и учителей Церкви, уже «естеству обновленному», не достижимо только усилиями человека. Оно — «дар благодати, действие благодати, ее плод, а потому и блаженство» как «проявление в душе небесного царства, как залог спасения, как предощущение вечного блаженства» [Игнатий 1996: 520, 521].

Смирение имеет в христианстве такой высокий онтологический статус, что смиренным, говоря словами священника Александра Ельчанинова, — «блаженство на первой же ступени» лестницы блаженств [ПС 2006: 107]. О первенстве блаженства нищеты духа среди блаженств так пишет св. Игнатий (Брянчанинов): «Нищета духа — блаженство, первое в евангельском порядке, первое в порядке духовного преуспеяния, первое состояние духовное, первая ступень в лестнице блаженств» [Игнатий 1996: 520].

3.4. Смирение как аскетический феномен. Хотя концептуальное воссоздание смыслового образа смирения в его полноте и не является самоцелью в аскетике, но некоторые принципы его понимания и пути к его обретению отрефлексированы здесь очень четко. Смирение как богочеловеческий феномен, в святоотеческом истолковании, синергийно. Оно не только дар благодати, но и аскетический труд самого человека по преобразению в себе с помощью благодати ветхого человека в нового.

По учению святых отцов, смирение как дар Святого Духа даруется тем, кто стремится к его обретению, «кто его желает, кто стремится к нему и с усердием возделывает те качества, которые направляют к стяжанию этого блага» [Иосиф Ватопедский 2005: 166]. На пути продви-

¹⁰ Здесь св. Игнатий опирается на Евангелие от Иоанна: «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин 6: 63).

¹¹ Концептуальный смысл нищета духа в православно-христианском миросозерцании совпадает в своих главных смыслах с концептуальным содержанием смирения. По одной из дефиниций, смирение есть «самоуничтожение пред Богом и людьми — при... сознании... как совершенной во всем зависимости от Бога, так и нравственной нашей поврежденности» [Петр Екатериновский 1994: 264]. А нищета духа («нищета духовная») и истолковывается как осознание своего «недостойства пред Богом... и лишения богатства добродетелей» [ССПБ 1994: 388], «своего бессилия без Бога» [Иосиф Ватопедский 2005: 42].

жения человека к спасению (обожению) и совершенству первенствующую роль в подвижничестве отводится обретению именно смирения. И в этом единодушны подвижники всех времен, утверждающие, что «тщетны труды того, кто, вне смирения, постится много и несет тяжкие подвиги» [ОИБ 1993: 119–120], поскольку «без смирения все, даже величайшие подвиги, не только не полезны, но могут и вовсе погубить человека» [ПС 2006: 104].

Как отмечалось выше, старец Силуан Афонский говорит даже об особом — аскетическом — смирении, суть которого он видит в том, что «мы живем и чувствуем себя неспособными жить по заповедям, начинаем ненавидеть себя и говорить, что „я хуже всех“», и это есть уже смирение [Софроний 2003: 193]. Но это только первый шаг на пути обретения смирения. Главное в подвижничестве — не только смиренно мыслить, но и смиренно действовать. По лаконичной формулировке старца Иосифа Ватопедского, смирение «начинается с того, чтобы мыслить смиренно, и достигает того, чтобы смиренно действовать» [Иосиф Ватопедский 2005: 166], т. е. стать смиренным на деле. А это требует больших аскетических усилий. Как говорится у преподобных Варсануфия Великого и Иоанна: «Смирение состоит в том, чтобы считать себя землею и пеплом — на деле, а не на словах только, и чтобы говорить: кто я такой? И кто считает меня за что-либо? Я ни с кем не имею дела» [Варсануфий, Иоанн 1993: 145].

Смирение как высшая добродетель православного мирозозерцания предстает в подвижничестве как основание духовной жизни подвижничества, универсальное орудие на пути спасения, кратчайший путь к спасению и даже само спасение. Как свидетельствуют великие подвижники и учителя Церкви, смирение есть «сокращенное спасение» [Там же: 51], и без него невозможно спастись. Оно приближает к Богу, привлекает благодать Божию, соделывает человека ангелом, привносит в сердце человека мир, молитву и безмолвие. Его «осеняет милость Божия» [Игнатий 1995: 253]. По учению святых отцов, смирение убивает страсти, покрывает от грехов, разрушает все козни демонов и есть самое сильное оружие против диавола. Говорит Антоний Великий: «Я видел все сети диавола распростертыми поверх земли; увидев это, я вздохнул и сказал: горе роду человеческому! кто возможет освободиться от этих сетей? На это сказано мне: смиренномудрие спасается от них и они не могут даже прикоснуться к нему» [ОИБ 1993: 31].

Смирение как великая и всеобъемлющая сила продвижения подвижника по пути к совершенству есть в святоотеческом представлении показатель меры духовного роста человека, степени совершенства и

преуспеяния подвижника, венец подвижнической жизни монаха. При этом наблюдается такая закономерность: «Чем выше духом человек, тем он смиреннее. И, наоборот, чем смиреннее, тем выше» [ПС 2006: 104].

По выражению преп. Григория Синаита, «существуют, как говорят отцы, два смирения: а) считать себя низшим всех и б) приписывать свои добрые дела Богу. Первое — начало, второе же — конец [смирения]» [Григорий Синаит 1999: 55]. В аскетической практике православно-христианского подвижничества эти две стороны так тесно переплетены друг с другом, что говорить о них в отдельности можно только с большой долей упрощения. Ведь подлинно ощутить, что ты действительно — «низший всех», можно только научившись приписывать все доброе в себе Богу.

Смирennemудрие на обоих этих этапах подвижничества трудно обретается. «Из всего, что может усвоить и постигнуть человек, смирение — самая трудная для него наука» [Николай Сербский 2006: 192]. Ведь страсть превозношения есть почти у всех. Пишет Григорий Нисский: «И никто да не почитает нетрудным и удобно приобретаемым преуспеяние в смирennemудрии. Напротив того, такое дело труднее всякого, какого бы то ни было добродетельного предначинания... поелику страсть превозношения прирождена почти всякому, кто принадлежит к человеческому роду, то Господь с сего поэтому и начинает ублажения... исторгая из нашего навыка гордость тем, что советует уподобляться добровольно Обнищавшему, Который истинно блажен... Царь царствующих, Господь господствующих волею облачается в рабский образ... Царь всей премирной славы не отклоняет от Себя рук исполнителей казни. В этом образце, говорит Апостол, да будет видима тобою мера смирennemудрия» [Григорий Нисский 1997: 11–12].

4. КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ЛИКИ СМИРЕНИЯ В ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОМ МИРОСОЗЕРЦАНИИ

Концепт смирения мыслится и переживается в христианстве и православии не только соборно — в опыте Церкви, но и индивидуально-лично в опыте отдельных народов и личностей, вносящих в общехристианский образ смирения отдельные, часто неповторимые смысловые оттенки, характерные для своего национального и личностного переживания данного концепта¹². Если воспользоваться образным выражением прот. А. Шмемана относительно симфонического характе-

¹² О концепте как образовании, который не только «мыслится», но и «переживается», см.: [Степанов 1997: 41].

ра богословия (а он говорил, что «доколе существуют богословы... богословие останется симфонией, а не унисоном» [Шмеман 2005: 95]), то можно утверждать, что и переживание смирения в культуре симфонично. Другими словами — смирение существует в христианстве во множестве ликов своего переживания и своего проживания при единстве своей инвариантной смысловой основы, связанной с божественным происхождением смирения, явленного Господом Иисусом Христом.

Один из путей привнесения в общехристианский образ смирения индивидуальных смысловых нюансов связан с попыткой проникнуть в духовно-аскетический смысл смирения, опираясь на значение и этимологию слова «смирение» в соответствующем языке или его идиолекте. В проповедях и наставлениях к такому риторическому приему — апелляции к языковой интуиции своих собеседников — обращаются обычно на самых первых этапах введения в мир православного мирозерцания. Известно, что языковое чувство носителей русского языка акцентирует в идее смирения смысловой момент «мира» и «примиренности», основываясь на звучании русского слова «смирение». Это наблюдается во многих размышлениях на тему смирения в текстах богословско-аскетической направленности. Опираясь на свою языковую интуицию переживания смысла смирения в русском языке, св. Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Добродетель — смирение — получила свое наименование от рождаемого ею внутреннего сердечного мира» [Игнатий 1993: 172]. Через призму этой языковой интуиции митрополит Антоний (Сурожский) рисует такой образ смирения: «Смирение, если говорить о русском слове, начинается с момента, когда мы вступаем в состояние внутреннего мира: мира с Богом, мира с совестью и мира с теми людьми, чей суд отображает Божий суд; это примиренность. Одновременно это примиренность со всеми обстоятельствами жизни, состояние человека, который все, что ни случается, принимает от руки Божией» [Антоний 2000: 117].

Латинский язык и родственные ему осмысливают смирение, отталкиваясь от образа земли. Опираясь на такое понимание, митрополит Антоний (Сурожский) продолжает изложение своего толкования смирения через призму видения, навеваемого языковыми интуициями. Он пишет: «...если от русского слова, приводящего к мысли о примиренности, внутреннем покое, строе внутреннем, перейти к тому, как, скажем, латинский язык и производные от него языки определяют смирение, то это тоже дает нам интересную картину. Слово *humilitas* происходит от *humus*, т. е. земля — „плодородная земля“ и просто „земля“. И если взять землю как притчу, то вот — она лежит безмолвная, откры-

тая под небом; она принимает безропотно и дождь, и солнце, и семя; она принимает навоз и все, что мы выкидываем из нашей жизни; в нее врезается плуг и глубоко ее ранит, и она остается открыта, безмолвна, и она все принимает и из всего приносит плод. По мысли некоторых писателей, смирение — это именно состояние человеческой души, которая безмолвно, безропотно готова принять все, что будет дано, и из всего принести плод... И надо просто склониться перед волей Божией; но не пассивно, а склониться, как кладут земной поклон, получить благословение и вступить в подвиг творения дела смирения» [Там же: 118–119].

Рассмотрение содержания концепта через культурно-языковое сознание народа в определенную эпоху может значительно расходиться с его исконным культурно-языковым видением и в этом смысле является субъективным видением определенного исторического времени. Таковым выступает в приведенных примерах и истолкование феномена смирение в современном русском языке через идею мира. Современное русское слово «смиранный» происходит из древнерусского *сѣмѣренъ* от *сѣмѣрити* «умерить, смягчить, подавить». По М. Фасмеру, *мѣра* («мера») с *мир* сближается «по народной этимологии» [Фасмер 1987: 688–689].

Рефлексия над языковой формой религиозного термина, как видим, может не только внести смысловые оттенки в содержание концепта, но вольно или невольно произвести переакцентировку в его смысловой структуре, если реконструкция концепта остановится на чисто лингвистическом этапе. Так, языковой образ религиозного термина «смирение» в русском языке с его подчеркиванием идеи мира акцентирует в смирении момент благодатного характера смирения, затемняя и отодвигая аскетический момент самоотречения и самоуничужения. Языковой образ религиозного термина «смирение» в языках, возводящих переживание феномена смирения к образу земли, акцентирует, напротив, аскетический момент самоотречения и самоуничужения в смысловой структуре данного концепта, затемняя момент благодатности смирения¹³.

¹³ О культурно-языковых образах смирения см. в работе А. Д. Шмелева [Шмелев 2000], где автор поднимает вопрос о сосуществовании в рамках одного языка различных этических систем (традиционные христианские этические представления, современные секулярные представления и др.) и не считает обоснованным предположение о существовании особой национальной этики — «русской», «англосаксонской», «французской». О специфике описания религиозных концептов в сопоставительном аспекте см. [Панова 2000].

Отметим, что и подчеркивание мысли о примиренности (мире) в смирении, и апелляция при его истолковании к образу земли встречаются в мистико-религиозных дискурсах «смирения» разных эпох. Так, авва Исаяя говорит: «Смирennemудрый... сохраняет мир со всеми ради заповеди Божией» [ОИБ 1993: 119–120]. А старец Иосиф Ватопедский приводит слова из древнего патерика: «Как земля никогда не падает вниз, так и смиренный никогда не падает, потому что он всегда внизу» [Иосиф Ватопедский 2005: 171].

По выражению П. Рикера, над каждым словом находится «венчик невыразимого», и в любой момент диалога во взвешенном состоянии находится и то, что непосредственно высказывается, и вся бесконечность невысказанного. Как мы стремились показать в данной работе, все концептуальное пространство смирения в православно-христианском мирозерцании незримо пронизано духом апофатизма, независимо от того, участвует ли отрицание видимым образом в оформлении языковой формы воплощения данного концепта или же нет. Ведь сама идея праведности, лежащая в основе образа смирения в православном мирозерцании, заключается в осознании себя именно «ничем» в перспективе бесконечности: «...все Бог, без Него я ничто. Где же предел этому праведному смирению? Его нет...» [Савва 2003: 734].

ЛИТЕРАТУРА

- Антоний 2000 — *Антоний*, митроп. Сурожский. Человек перед Богом. М., 2000.
- Варсануфий, Иоанн 1993 — *Варсануфий Великий и Иоанн*, препп. Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошания учеников. М., 1993.
- Василенко 2000 — *Василенко Л. И.* Религиозно-философский словарь. М., 2000.
- Гавриилия 2000 — *Гавриилия*, монахиня. Подвиг любви. Свято-Покровская монашеская община, 2000.
- Геронимус 2001 — *Геронимус А.*, прот. Откровение преподобного Силуана // Преподобный Силуан и его ученик архимандрит Софроний. Клин, 2001.
- Григорий Нисский 1997 — *Григорий Нисский*, свт. О блаженствах. М., 1997.
- Григорий Синаит 1999 — *Григорий Синаит*, преп. Творения. М., 1999.
- Добротолубие 1992 — Добротолубие. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.
- Евдокимов 2003 — *Евдокимов П.* Этапы духовной жизни: От отцов-пустынников до наших дней. М., 2003.
- ЖСС 1991 — Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. М., 1991.

- Зарин 1996 — *Зарин С. М.* Аскетизм по православно-христианскому учению: Этико-богословское исследование. М., 1996.
- Игнатий 1993 — *Игнатий (Брянчанинов)*, свт. Аскетические опыты. Т. 4. М., 1993.
- Игнатий 1995 — *Игнатий (Брянчанинов)*, еп. Письма о подвижнической жизни. Paris; М., 1995.
- Игнатий 1996 — *Игнатий (Брянчанинов)*, свт. Аскетические опыты. Т. 1. М., 1996.
- Иосиф Ватопедский 2005 — *Иосиф Ватопедский*, старец. Слова утешения: Беседы о духовной жизни и о монашестве. Богородице-Сергиева Пустынь, 2005.
- Иоанн Лествичник 2001 — *Иоанн Лествичник*, св. Лествица. М., 2001.
- Исаак Сирин 1993 — *Исаак Сирин*, преп. Слова подвижнические. М., 1993.
- Клеман 1994 — *Клеман О.* Истоки: Богословие отцов Древней Церкви: Тексты и комментарии. М., 1994.
- Лосев 1994 — *Лосев А. Ф.* Миф. Число. Сущность. М., 1994.
- Макарий 2002 — *Макарий Египетский*, преп. Духовные слова и послания: Собрание типа I (Vatic. graec. 694). М., 2002.
- МД 2004 — Мудрость духовная в изречениях отцов Православной Церкви. М., 2004.
- Муретов 2002 — *Муретов М. Д.* Избранные труды. М., 2002.
- Назаров 2004 — *Назаров В. Н.* Введение в теологию. М., 2004.
- Николай Сербский 2006 — *Николай Сербский (Велемирович)*, свт. Творения: О Боге и людях. М., 2006.
- ОИБ 1993 — Отечник, составленный святителем Игнатием (Брянчаниновым). М., 1993.
- Панова 2000 — *Панова Л. Г.* Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «peccato») // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000.
- Петр Екатериновский 1994 — *Петр (Екатериновский)*, еп. Указание пути к спасению (Опыт аскетики). М., 1994.
- ПС 2006 — Письма о спасении. М., 2006.
- Савва 2003 — *Савва*, схиигумен. Бисер духовный. М., 2003.
- Седакова 2005 — *Седакова О. А.* Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М., 2005.
- Старец Силуан 1996 — *Старец Силуан Афонский*. М., 1996.
- Софроний 1996 — *Софроний*, иером. Об основах православного подвижничества // *Старец Силуан Афонский*. М., 1996.
- Софроний 2003 — *Софроний (Сахаров)*, архим. Духовные беседы. Т. 1. М., 2003.
- Софроний 2007 — *Софроний (Сахаров)*, архим. Духовные беседы. Т. 2. М., 2007.
- СРЯ 1981 — Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 1. М., 1981.
- ССПБ 1994 — Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX вв. Ч. 2. М., 1994.

- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.
- Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. М., 1987.
- Феофан 2004 — *Феофан (Быстров)*, архиеп. Тетраграмма, или Божественное ветхозаветное имя YHWH. Киев, 2004.
- ХЖД 1991 — Христианская жизнь по Добротолюбию. М., 1991.
- Шмелев 2000 — *Шмелев А. Д.* Плюрализм этических систем в свете языковых данных // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000.
- Шмеман 2005 — *Шмеман А.*, прот. Богослужение и Предание: Богословские размышления. М., 2005.

ОТРИЦАНИЕ И ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Исходным пунктом нашей статьи будет тезис О. Ducrot о том, что существует два вида отрицания: полемическое, то есть вызванное предыдущей репликой: неверно, что р, и дескриптивное, то есть неспровоцированное и семантически автономное: верно, что не-р. Первое «соответствует речевому акту отрицания и представляет собой опровержение предшествующего позитивного высказывания..., а второе есть утверждение негативного содержания без ссылки на предшествующее антитетическое утверждение» [Ducrot 1973: 123–124]. Сказанное в целом соответствует тому, что понимается под отрицанием в классической логике. Так, А. Д. Гетманова, вслед за акад. А. Н. Колмогоровым, выделяет «две основные функции отрицания: 1) логическая операция, противопоставляющая истинному суждению — ложное и ложному — истинное, и 2) действие, указывающее на несоответствие предиката субъекту» [Гетманова 1973: 17]. Вторая функция состоит также и в операции «образования дополнения к данному классу до универсума» [Там же], но ее мы рассматривать не будем.

Характеризуя первый вид отрицания, А. Д. Гетманова подчеркивает его принципиально выводной характер, уточняя при этом тот тип умозаключения, который продуцирует отрицательное суждение: «Вторая фигура категорического силлогизма необходимо дает отрицательный вывод, который имеет самое широкое распространение. Например, в практике судебных выводов, в медицинской диагностике отсутствия болезней, в математических доказательствах» [Там же: 56]. Говоря об отрицании второго рода, автор присоединяется к тем философам, которые не согласны с Кантом, Лотце, Зигвартом, не признающими отрицательные суждения первичными, ибо «отсутствие, неналичие, недостаток определенных признаков тоже следует принимать в качестве признака или понятия» [Там же: 52].

Что касается самого Х. Зигварта, то он действительно утверждает, что «объектом отрицания всегда служит выполненное суждение..., и отрицательное суждение не может, следовательно, рассматриваться как равноправное положительному суждению и одинаково с ним как первичное» [Зигварт 1908: 135]. Ср. также: «Непосредственно, отрицание не может выражать ничего сущего, ни свойства, ни отношения» [Там же: 140]. И, тем не менее, у этого философа мы нашли немало

созвучных нам идей. Прежде всего, Зигварт строго отличает выводные отрицательные суждения от невыводных. Выводные отрицательные суждения дедуцируются по правилам первой и второй фигур простого силлогизма или доказательства от противного и используются для опровержения-несогласия [Зигварт 1908: 247–248]. Как видно, аналогия с полемическим отрицанием напрашивается сама собой. Но сходство легко усмотреть с дескриптивным отрицанием, особенно когда философ говорит о двух смысловых типах невыводного отрицательного суждения: «*privatio*, или лишенность признака и *oppositio*» [Там же: 144]. Первое может касаться как единичного предмета, так и класса предметов. Единичные отрицательные суждения, типа: «*Эти часы не идут, этот цветок не пахнет...*» исходят из того, что я осознаю разницу между данным и просто представленным, разницу между этими часами и идущими часами, между этим цветком и пахнущим цветком» [Там же: 146]. «То же самое отсутствие предиката имеет место и у общих представлений. В основе суждения лишения или отсутствия (*растение не оцвечивает, вода не имеет вкуса*) лежит сравнение с родственным в других отношениях: растений — с животными, воды — с другими жидкостями» [Там же: 148]. Под термином *oppositio* у Зигварта объединяются такие разнообразные понятия, как инобытие или различие, контраст, несовместимость субъекта и предиката и пр. [Там же: 150–154].

Многие современные лингвисты также согласны с идеей вторичности отрицания (см. об этом в [Арутюнова 1999]). Н. Д. Арутюнова, правда, признает, что вторая реплика, для того чтобы иметь возможность опровергнуть первую, сама должна соответствовать чему-то в действительности, то есть необходимо, чтобы устанавливался «как бы прямой контакт между отрицанием и миром, состояние которого оказывается иным, чем это выражается в позитивном суждении» [Там же: 664].

Согласно же «содержательной концепции отрицания» [Бондаренко 1983], отрицательное суждение имеет свой онтологический референт, то есть так же первично, как и коррелятивное ему положительное суждение. Соответственно, такие понятия, как лишенность, несовместимость, отсутствие (признака, действия, явления) и пр., выражают реальные свойства и отношения реальных предметов. К перечисленным Зигвартом видам отрицательных предикатов В. Н. Бондаренко добавляет еще исключение из класса, невозможность (бытия, действия) и пр. [Бондаренко 1983: 32, 188].

К сказанному мы бы добавили, что, если бы отрицательные суждения не отражали непосредственно действительности, невозможны

были бы высказывания типа: «Он не служил в армии, и это факт его биографии». И все же приходится признать, что факты отсутствия, инобытия, несовместимости и пр. являются фактами только по соотношению с нормально имеющими место или ожидаемыми фактами наличия, существования, совместимости и пр. Так, высказывание «N не служила в армии» выражает реальный факт инобытия определенного субъекта по отношению к военной службе (в отличие от тех, кто ее проходил), только если речь идет о жительнице той страны, где девушки служат в армии, в противном случае оно будет просто неуместным. Недаром же сказано, что «отрицательное высказывание всегда что-то подразумевает...», дескриптивное отрицание содержит в себе ссылку на „нормальную“ ситуацию, отбрасывание которой имеет информирующий характер. Для Гастона „нормально“ опаздывать, а сейчас он не опоздал» [Callebaut 1991: 44]. Однако надо иметь в виду, что сказанное касается лишь высказывания относительно единичного «отрицательного» факта, что же касается общеотрицательных суждений, типа «Жиры не растворяются в воде», то их истинность обеспечена тем, что в них выражен закон, который представляет собой некий обобщенный факт.

Итак, резюмируя то, что было сказано в отношении полемического и дескриптивного отрицания, отметим, что теперь эта дихотомия должна состоять уже в двух (а не в одной, как у О. Ducrot) оппозициях: 1) коммуникативно и логически обусловленное (во второй реплике) vs. коммуникативно необусловленное и логически независимое (в автономном высказывании); 2) выводное vs. невыводное (описательное, констатирующее, информирующее) отрицание. Представляется все же, что и эти две оппозиции далеко не исчерпывают всего разнообразия отрицательной информации, которая может быть выражена в естественно-языковых высказываниях.

Во-первых, дескриптивное отрицание не связано исключительно с констатацией факта, отрицанию такого рода не чужда и дедуктивная природа. Например: человек подходит к дому и видит, что в окнах нет света. Какой из этого следует вывод? Наверное, никого нет дома. Эта фраза (или просто мысль) абсолютно автономна и является реакцией на ситуацию, при этом субъект речи-мысли никому не возражает, а просто высказывает предположение (на базе наблюдаемого положения дел).

Во-вторых, полемическое отрицание бывает не только выводным, ибо отрицать можно посредством факта. Например, один студент говорит, что Иванов сегодня здесь, а второй ему возражает, утверждая, что Иванова сегодня нет, и это факт. Но тогда получается, что полемич-

ческое отрицание опирается на дескриптивное отрицание, и это подтверждает тезис Н. Д. Арутюновой о двойственном характере второй отрицательной реплики.

В-третьих, наряду с «Нет»-репликами существуют еще и «Да нет» (франц. *Si* и нем. *Doch*)»-реплики, которые несут в себе положительную информацию и, тем не менее, являются средством опровержения, ибо опровержение есть логическая операция, при которой оператор «неверно что» приложим как к утвердительному (А), так и отрицательному (не-А) суждениям. П. В. Таванец называет такое фальсифицирующее суждение *отрицающим*, чтобы отличить его от обычного *отрицательного* суждения [Таванец 1955: 56]. Например, если некто утверждает, что Иванов пришел, то противоположное суждение оппонента будет отрицательным (*Иванов не пришел*). Если же первое высказывание является отрицательным (*Иванов не пришел*), то возражением ему будет утвердительное высказывание *Да нет, он пришел* (= **не не** пришел). Иными словами, в качестве «отрицающего» может выступать как отрицательное, так и положительное суждение. В суждениях второго рода срабатывает закон двойного отрицания (*duplex negatio affirmat*). Первый вид опровержения (с полемическим отрицанием) мы назовем «Нет»-опровержением, а второй — «Si»-опровержением. Оба вида опровержения могут осуществляться и *ad rem*, т. е. посредством обращения к факту, и путем умозаключения.

В-четвертых, А. Д. Гетманова предлагает выделить еще один вид отрицания — так называемое «редукционное» отрицание (от *reductio ad absurdum*) [Гетманова 1973: 28]. Оно реализуется посредством двух отрицательных морфем в частях доказательства-опровержения.

Практически весь этот спектр отрицательной информации можно наблюдать в ряде фрагментов из Евангелия от Иоанна, представляющих собой полемические диалоги, участники которых активно строят свои гипотезы, опровергают чужие суждения, а это значит, дедуктивный способ получения отрицательной информации является преобладающим. Поэтому прежде чем приступить к анализу этих фрагментов, не лишне будет продемонстрировать те виды отрицательных умозаключений, которые были в этих фрагментах обнаружены. Сначала мы представим прямой способ опровержения (отрицательные модусы первой и второй фигур простого силлогизма), а затем и косвенное опровержение («от противного»). Заметим вкратце, что фигура — это вид простого силлогизма, а модусы — разновидности внутри каждого вида, или фигуры.

1. Прямое отрицательное умозаключение (и опровержение)

Чтобы не загромождать наше изложение специальной логической терминологией, попробуем посмотреть на силлогизм, так сказать, глазами лингвиста. Каждый модус предстанет у нас как некий микро-текст, все три компонента которого объединены следующими тремя понятиями: класс элементов (S), элемент (X), принадлежащий или не принадлежащий классу (S), и свойство (P), ингерентно присущее или не присущее классу (S). Связь этих понятий осуществляется согласно аксиоме, или обобщенному концептуальному содержанию рассматриваемой фигуры.

1-я фигура. Модус Celarent. Аксиома: субъекту X отказывается — в силу его принадлежности к классу S — в обладании тем признаком P , который этому классу S ингерентно не присущ. Формула: 1. Ни один S **не** может быть P . 2. X есть S . 3. Значит, X **не** может быть P . Пример: 1. Жиры **не** могут растворяться в воде. 2. Это вещество — жир. 3. Стало быть, он не может растворяться (и не растворяется) в воде. **2-я фигура.** В ее модусах **Cesare** и **Camestres** происходит исключение элемента X из класса S , в силу обладания (или необладания) его признаком P , ингерентно присущим или не присущим всему классу S . Это и есть аксиома второй фигуры. В **Cesare** большая посылка (1) — отрицательная, а меньшая (2) — положительная, в **Camestres** — все наоборот: меньшая посылка — отрицательная, а большая — положительная. Формулы и примеры: **Cesare**: 1. Ни один S **не** есть P . 2. Данный X есть P . 3. Значит, X **не** есть S . 1. Жиры **не** растворяются в воде. 2. Это вещество растворяется. 3. Значит, это вещество — не жир. **Camestres**: 1. Все S суть P . 2. Этот X **не** есть P . 3. Следовательно, X **не** есть S . 1. Соли растворяются в воде. 2. Это вещество **не** растворяется в воде. 3. Значит, это вещество не соль.

2. Косвенное опровержение («от противного»)

«Нет»-опровержение (в ответ на положительное суждение): Если бы было A (p), то было бы B (q) // если B **нет** ($\text{не-}q$), стало быть **нет** и A ($\text{не-}p$). Логическим итогом Нет-опровержения является контрапозиция с отрицаниями и конверсией. Пример: Если бы он был здесь ($A = p$), его пальто висело бы в гардеробе ($B = q$) // но если пальто **нет** ($B = \text{не-}q$), значит, и его тоже нет ($A = \text{не-}p$). **«Si»-опровержение** (в ответ на отрицательное суждение): Если бы **не** было A ($\text{не-}p$), то **не** было бы B ($\text{не-}q$), но если есть B (q), то есть и A (p). Здесь логический «выход» — конверсия без отрицаний, которая, так же, как и контрпозиция,

является имплицитной. Пример: Если бы тебе это было **не** интересно ($A = \text{не-}p$), то ты бы **не** слушал это так внимательно ($B = \text{не-}p$), но если/раз (конверсия без отрицаний) ты так слушал ($B = q$), значит, тебе **не** было **не**интересно ($A = p$). Положительное заключение получается в соответствии с законом двойного отрицания. И если говорить о «редукционном» отрицании, то оно появляется именно в «Si»-опровержении.

Теперь мы покажем, как эти рассуждения функционируют в полемических диалогах. Чтобы построить такой диалог, надо использовать «конечный продукт» каждого вида умозаключения в качестве реплики оппонента, высказанной в ответ на положительную (или отрицательную, как в случае «Si»-опровержения) реплику проponenta.

1. Прямое опровержение. Для заключения по первой фигуре силлогизма репликой проponenta будет утверждение (можно также и в виде вопроса или предположения) о том, что данный субъект обладает таким-то свойством или совершил такие-то действия. Возьмем в качестве примера хорошо известный диалог из «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина.

Моцарт: *Ах, правда ли, Сальери, что Бомарше кого-то отравил?* —
Сальери: *Не думаю, он слишком был смешон для ремесла такого.*
Моцарт: *Он же гений, как ты да я, а гений и злодейство - - две вещи несовместные.*

Celarent: 'А (Моцарт): Бомарше (X) — злодей-отравитель (P)? —
B1 (Сальери): Он (X) **не** может быть злодеем-отравителем (не-P), потому что он (X) смешон (S), а смешные люди (S) злодеями **не** бывают (не-P). — B2 (сам Моцарт в роли оппонента): Бомарше (X) **не** может быть злодеем-отравителем (не-P), потому что он (X) гений (S), а гении (S) злодеями **не** бывают (не-P)'. Как видно, обе опровергающие реплики построены по одной логической схеме, да и содержательно отличаются друг от друга только предикатами (смешной/гениальный).

Для заключения по второй фигуре опровергаемой первой репликой будет суждение о принадлежности данного субъекта данному классу. *Ужели Моцарт прав, и я **не** гений?* Здесь проponent и оппонент находятся в одном лице (Сальери). **Cesare:** 'А. Я (X) — гений? (S). — В. Нет, я (X) **не** гений (не-S), потому что совершил злодейство = отравил Моцарта (P), а гении (как говорит Моцарт) (S) **не** могут быть злодеями (не-P)'. Следующий пример придуман нами. **Camestres:** 'А. Этот человек (X) — гений (S). — В. Нет, он (X) **не** гений (не-S), потому что

не создал великих творений (не-Р), а гении (S) должны создавать великие творения (Р)'.

2. Косвенное опровержение. Обозначим теперь пропонента и оппонента буквами С и D и вообразим следующие два диалога: в первом С высказывает положительное суждение, а во втором — отрицательное. **«Нет»-опровержение.** С. Похоже, что недавно прошел дождь ($A = p$). — D. Если бы прошел дождь ($A = p$), то трава была бы мокрая ($B = q$)//, но раз трава сухая (не мокрая) ($B = \text{не-}q$), то и дождя не было ($A = \text{не-}p$). **«Si»-опровержение.** С. Я этого субъекта не переношу ($A = \text{не-}p$). — D. Если бы ты его не переносила ($A = \text{не-}p$), ты бы не вспоминала о нем по десять раз на дню ($B = \text{не-}p$) //но раз ты о нем вспоминаешь ($B = p$), значит, ты им интересуешься [= не не переносишь] ($A = p$).

Теперь можно приступить к рассмотрению фрагментов из Евангелия от Иоанна. Этот анализ поможет нам ответить на следующие вопросы: 1) какая отрицательная информация в них реализуется; 2) каковы критерии дифференциации различных ее видов; 3) как соотносится глубинное и поверхностное отрицание (на уровне суждения и текста).

1. Прямое отрицательное умозаключение (и опровержение)

- (1) *Распря о Нем в народе. Многие из народа, услышав сии слова, говорили: Он точно пророк. Другие говорят: это Христос. А иные говорят: Разве из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид?* (Ин, 7: 40–42).

Camestres. 'А. Он (X) — пророк = Христос (S) — В. Нет, он (X) не пророк = Христос (не-S), потому что этот человек (X) из Галилеи = не из Вифлеема (не-Р), а пророк = Христос (S) должен прийти из Вифлеема (Р)'. Несмотря на наивность своего содержания, обе реплики оппонентов (*иных*) содержат в себе вполне различимую логическую форму, что и показывает наша реконструкция. Все опровержение сосредоточено в двух риторических вопросах. Заключение и меньшая посылка локализуются в первом вопросе (*Разве из Галилеи Христос придет?*), который за своей положительной формой скрывает два вида отрицательной информации: фактическую, констатирующую инобытие субъекта по отношению к соответствующему месту (Он из Галилеи = Он не из Вифлеема) в меньшей посылке, и полемическую в заключении (Он не Христос). Второй риторический вопрос, напротив, включает в

себя поверхностный показатель отрицания, следовательно, выражаемое им суждение является положительным: *Не сказано ли в Писании, что Христос придет... из Вифлеема* = 'Сказано, что Христос придет из Вифлеема' (большая посылка). «Класс» S (пророк = Христос) является одноэлементным, и поэтому в заключении речь идет не об исключении из класса, а просто о невозможности отождествить X и S. Вся эта отрицательная информация является имплицитной; единственный эксплицитный отрицательный маркер — частица **не** во втором риторическом вопросе — никакого отрицания не выражает.

- (2) *Распря среди фарисеев (по поводу исцеления слепорожденного). Повели бывшего слепца к фарисеям. А была суббота, когда Иисус сделал брение, и отверз ему очи. (а) Тогда некоторые из фарисеев говорили: не от Бога этот человек, потому что не хранит субботы. (б) Другие говорили: как может человек грешный творить такие чудеса? (Там же, 9: 13–16).*

Сначала мы рассмотрим компонент (а), который не только служит опровергаемой репликой для (б), но и представляет собой полностью автономный речевой акт, являющийся реакцией не на слова, а непосредственно на создавшуюся ситуацию.

- (а) *Тогда некоторые из фарисеев говорили: **не** от Бога этот человек, потому что **не** хранит субботы.*

Camestres. 'Этот человек (X) **не** (от) Бога (не-S), так как он (X) **не** хранит субботу (не-P), а человек от Бога (S) обязан хранить (и хранит) субботу (P)'. Здесь заключение (Он **не** (от) Бога) представляет собой диагноз, выведенный на основании реального факта несоблюдения Закона (Он **не** хранит субботу = делает нечто в субботу) через посредство имплицитной большей посылки нормативного характера. Весь силлогизм почти полностью (кроме положительной большей посылки) представлен в структуре сложноподчиненного предложения: главная часть воплощает заключение, а зависимая — меньшую посылку. Обе части СП содержат в себе эксплицитное отрицание в виде частицы **не**, выражающей, соответственно, дескриптивно-выводное (в заключении) и просто дескриптивное отрицание (в меньшей посылке). Первое состоит в исключении субъекта (Он) из класса (богоугодных людей), а второе фиксирует факт инобытия субъекта по отношению к Закону (несоблюдение). Понятно, что полемическое отрицание здесь отсутствует.

Теперь это же заключение-диагноз (Он **не** (от) Бога) будет рассматриваться уже в качестве опровергаемой реплики, а стало быть, центр внимания аналитика перемещается на реплику (б).

- (а) Тогда некоторые из фарисеев говорили: не от Бога этот человек, потому что не хранит сabbоты;
- (б) Другие говорили: как может человек грешный творить такие чудеса?

Cesare. 'А. Этот человек (X) не от Бога = грешный (S). — В. Нет, он (X) не грешный (не-S), потому что он (X) может творить чудеса (P), а человек грешный (S) (никак) не может (не-P)'. Весь силлогизм заключается в одном положительном риторическом вопросе, который явно содержит в себе общеотрицательное суждение, а значит, и большую посылку. Остальные части рассуждения — меньшая посылка и заключение — полностью имплицитны. Большая посылка, в которой отражена неспособность субъектов класса S (грешные люди) к деятельности типа P (творить чудеса), является дескриптивно-отрицательной, заключение содержит в себе полемическое отрицание (опровержение поставленного ранее диагноза), меньшая посылка (факт совершения чудес) является положительной.

- (3) Распря между иудеями (по поводу слов Иисуса). Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца, и жизнь Мою полагаю за овец <...>. Сию заповедь получил Я от Отца Моего. От этих слов произошла между Иудеями распря. Многие из них говорили: Он одержим бесом и безумствует, что слушаете Его? Другие говорили: это слова не бесноватого: может ли бес отверзать очи слепым? (Там же, 10: 15–21).

Cesare. 'А. Он (X) одержим бесом (S). — В. Нет, он (X) не одержим бесом (не-S), потому что он (X) может отверзать очи слепым (P), а одержимые бесом (S) этого не могут (не-P)'. Нетрудно видеть, что и с логической, и с содержательной точки зрения это рассуждение почти полностью повторяет предыдущее и отличается лишь степенью выраженности посылок и заключения. Так, первая часть сложной конструкции (до двоеточия) выражает заключение, а вторая часть (в виде риторического вопроса) — большую посылку. Полемическое отрицание вполне эксплицитно (частица не), чего нельзя сказать о дескриптивном отрицании в большей посылке, где общеотрицательное суждение о неспособности субъектов типа S выполнять действия типа P скрывается за положительной формой риторического вопроса.

- (4) Иисус и иудеи. Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел, и возрадовался. На это сказали Ему Иудеи: Тебе еще нет пятидесяти лет, и ты видел Авраама? (Там же, 8: 56–57).

Celarent: 'А. Я (X) видел Авраама (P). — В. Ты (X) не мог видеть Авраама (не-P), потому что ты (X) — человек молодой (S), а молодые

люди (молоче пятидесяти) не могут видеть Авраама (не-Р)'. Весь силлогизм заключен также в рамках одного высказывания, первая часть которого содержит в себе положительную меньшую посылку, ибо отрицательная морфема здесь выражает одновременно как отсутствие одного признака, так и наличие другого: человек, которому нет и 50 — в любом случае слишком молодой человек, чтобы видеть Авраама. Вторая же часть конструкции имеет вид положительного по форме риторического вопроса, за которым стоит отрицательное заключение: *...и ты видел?* = 'Ты **не** можешь видеть' (полемическое отрицание). Отрицательное заключение выводится через посредство имплицитной большей посылки, в которой утверждается физическая невозможность для земного человека видеть то, что выходит за пределы его земной жизни (дескриптивное отрицание).

2. Косвенное опровержение

2.1. «Нет»-опровержение

- (5) *Христос и фарисеи. Я говорю то, что видел у Отца Моего, а вы делаете то, что видели у отца вашего. Сказали Ему в ответ: отец наш есть Авраам. Иисус сказал им: если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога: Авраам этого не делал* (Там же, 8: 38–40).

'С. Мы дети Авраама. — D. Если бы вы были дети Авраама ($A = p$), то дело Авраамово делали бы ($B = q$) // но (контрпозиция с отрицаниями): раз вы **не** делаете дело Авраама ($B = \text{не-}q$), то есть делаете то, чего он не делал, значит, вы **не** дети его ($A = \text{не-}p$)'. Как и полагается косвенному доказательству, две первые его части представлены в ирреально-условной конструкции, третья и четвертая — полностью имплицитны. Покажем, как разворачиваются этапы косвенного «Нет»-опровержения. Сначала опровергающее заключение формулируется косвенно в виде положительного антитезиса (*Вы дети Авраама*), полностью повторяющего опровергаемое суждение — своего рода логическая уступка мнению собеседника. Далее из положительного антитезиса выводится положительное же следствие (*Вы делаете его дело*), а ввиду того, что это следствие противоречит реальному факту, то и антитезис также оказывается ложным. «Прямое» отрицательное заключение (*Вы не дети Авраама*) появляется только в контрпозиции и является самой последней частью рассуждения. Поскольку опровержение является косвенным, поверхностная структура отрицаний не содержит. Маркером операции опровержения-отрицания в частях услов-

ной конструкции является частица **бы**, трансформировавшаяся в свой глубинный аналог — частицу **не** в итоговой контрпозиции.

2.2. «Si»- опровержение

- (б) Спор между книжниками и человеком прозревшим. *Они же укорили его и сказали: ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики. (а) Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он. (б) Человек прозревший сказал им: <...> От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному. (в) Если бы он не был от Бога, не мог бы творить ничего* (Там же, 9: 28–33).

Ввиду того, что в этом фрагменте частица **не** употреблена несколько раз, есть смысл разделить его на три компонента (а, б, в), чтобы рассмотреть каждый из них с точки зрения того вида отрицания, который в нем выражен. В (а) в замаскированном виде представлен все тот же диагноз, уже имеющий статус факта: *Сего не знаем, откуда он* означает 'Мы знаем, что он не от Бога'. Компонент (б) представляет собой общее суждение, в котором отрицание также носит информирующий характер; речь идет о неспособности земного человека творить чудеса исцеления (*отверзать очи слепорожденному*). Будучи высказанным оппонентом (*человеком прозревшим*), оно предваряет собой последующее косвенное опровержение:

'С. Он **не** от Бога. — D. Если бы он **не** был от Бога ($A = \text{не-}p$), **не** мог бы творить ничего ($B = \text{не-}q$) //, но (конверсия без отрицаний): раз/если Он может творить чудеса ($B = q$), значит, Он **не не** от Бога = от Бога ($A = p$)'. Здесь рассуждение начинается уже с отрицательного антитезиса, повторяющего отрицательное же суждение проponenta. Далее из отрицательного антитезиса (Он **не** от Бога) выводится отрицательный же «антиаргумент» (Он **не** может творить чудеса), который своей ложностью опровергает отрицательный антитезис. Логическим итогом является конверсия, вторым членом которой оказывается опровергающее утверждение (Он от Бога), завершающее рассуждение. Обе части ирреально-условного предложения, выражающие, соответственно, антитезис и «антиаргумент», содержат в себе отрицательные форманты, реализующие «редукционное» отрицание.

В завершение анализа хотелось бы подвести некоторые итоги.

Прежде всего, следует отметить, что в текстах и диалогах, имеющих полемическую направленность, содержательный вид отрицательной информации во многом зависит от способа умозаключения и

опровержения. При прямом способе умозаключения (первая и вторая фигуры силлогизма) реализуются три вида отрицания: 1) дескриптивно-невыводное, 2) дескриптивно-выводное, 3) полемическое отрицание. Дескриптивно-невыводное отрицание фигурирует в посылках умозаключения, а распределение отрицательной информации зависит от модуса соответствующей фигуры простого силлогизма. В модусе **Camestres** отрицательной является меньшая посылка, отражающая единичный факт, например, инобытия субъекта X по отношению к чему-либо. В модусах **Cesare** и **Celarent** отрицательной является большая посылка, в которой, как в нашем случае, отражается законоподобная информация о невозможности для субъектов класса S делать P, причем невозможность совершения P выступает, с одной стороны, как неспособность, то есть отсутствие внутренних ресурсов у самих субъектов, а с другой — как некое препятствие, преодолеть которое им не дано (физическая, материальная невозможность).

Дескриптивно-выводное отрицание появляется в заключении, дедуктивном по модусу **Camestres**. Выражается в автономном, коммуникативно необусловленном высказывании, представляющем собой реакцию на наблюдаемое положение дел (первичный диагноз). Содержание его состоит в исключении субъекта X из класса S (богоугодных людей в (2a)). Ввиду того, что это отрицательное суждение не является фальсифицирующим, его назначение состоит в непосредственном установлении истины: «Истинно, что X не есть S». Полемическое отрицание осуществляется во второй реплике, имеющей целью опровержение первичного диагноза. Главной его функцией является фальсификация положительного суждения, но ввиду того, что такое отрицательное суждение также претендует на истину — выражает исключение из класса, неотожждественность X и S, если S — одноэлементный класс (по модусам **Cesare** и **Camestres**) — то получается, что полемическое отрицание содержит в пресуппозиции дескриптивно-выводное отрицание. И поэтому его логическая валентность будет: Ложно, что X есть S = Истинно, что X не есть S. Это, конечно, относится и к заключению по модусу **Celarent**, хотя характер отрицательной информации будет несколько иной: Ложно, что X может делать P = Истинно, что X не может делать P.

Все это говорит о том, что сферы действия дескриптивного отрицания неизмеримо шире, чем у полемического отрицания, хотя бы уже потому, что полемическое отрицание всегда опирается на некий «отрицательный» факт. Поэтому приходится признать, что «чистое» полемическое отрицание (в отрыве от дескриптивного отрицания) не суще-

ствуется, и единственный критерий для его идентификации может быть только функциональным. В связи с этим трудно согласиться с мнением Е. В. Падучевой, согласно которому отрицание как таковое сводится к глубинной операции «неверно что» (см. об этом в [Падучева 1974: 151]), ибо это определение оставляет в стороне природу соотношения дескриптивного и полемического отрицания. К тому же операция «неверно что», как мы отмечали выше, совершается и над отрицательным суждением (в случае «Si»-опровержения) и является опровержением, но не отрицанием.

На уровне текста вся эта отрицательная информация может заключаться в одной морфеме *не*, реализующей эксплицитный способ выражения отрицания как такового. Что же касается того, какой вид отрицательной информации несет в себе эта морфема, то на этот вопрос легко ответить, если уровни суждения и предложения более или менее совпадают. В этом случае опровергающая реплика содержит, как минимум, две части или компонента; в первой части находится заключение, а во второй — одна из посылок, большая или меньшая (третья посылка, как правило, остается «в уме»). Соответственно, *не* в первой части будет нести полемическое отрицание, а во второй — дескриптивное. Но если «рациональный» синтаксис уступает место «аффективному», то отрицание — дескриптивное и полемическое — оказывается полностью имплицитным. Особенно это касается тех случаев, когда все опровержение реализуется в одном риторическом вопросе, который за своей положительной формой скрывает два отрицательных суждения: большая посылка с дескриптивным отрицанием и заключение с полемическим.

Как только мы вступаем в область косвенного опровержения, то там дихотомия дескриптивного и полемического отрицания уходит в «тень». На передний же план выступает вопрос о соотношении таких двух морфем, как *бы* и *не*, диспозиция которых в поверхностной структуре свидетельствует об определенном виде опровержения. Если обе части условной конструкции включают в себя только частицу *бы*, то мы имеем дело с «Нет»-опровержением; частица *бы* является глубинным аналогом отрицания, что и проявляется в итоговой контрпозиции. Наличие на поверхности частиц *бы* и *не* свидетельствует о Si-опровержении, ибо на глубинном уровне отрицания, выражаемые обеими частицами, нейтрализуют друг друга по закону двойного отрицания (конверсия). В данном случае частица *не* является носителем «редукционного отрицания», в том смысле, который вкладывает в этот термин А. Д. Гетманова. Однако сочетание частиц *не* и *бы* в обеих частях

сложной условной конструкции характерно не только для косвенного опровержения: за ним может скрываться совсем другое содержание, например, то, что мы назвали контрфактическим объяснением [Рагозина 2008]. Первое, как и всякий логический процесс, разворачивается в сознании поэтапно, «кадр» за «кадром», второе, в идеальном случае, представляет собой просто иной способ фиксации каузальной зависимости между двумя наличными ситуациями. Но при этом опровержение и объяснение сходны в том, что оба они являются косвенными, то есть осуществляются «от противного», а это значит, что частица *не* в обоих случаях остается при своем «редукционном» значении. Такое же значение частица *не*, по-видимому, имеет и в риторическом вопросе, который также выражает свою информацию «от противного».

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Бондаренко 1983 — *Бондаренко В.Н.* Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.
- Гетманова 1973 — *Гетманова А.Д.* Отрицание в системах формальной логики. М., 1973. Дисс. д-ра филос. наук.
- Зигварт 1909 — *Зигварт Х.* Логика. Т. 2. Вып. 2. Учение о методе. СПб., 1909.
- Иадучева 1974 — *Иадучева Е.В.* О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Рагозина 2008 — *Рагозина И.Ф.* «Если б да кабы...»: Об одном подходе к анализу контрфактических условных предложений // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. М., 2008.
- Таванец 1955 — *Таванец П.В.* Вопросы теории суждения. М., 1955.
- Ducrot 1973 — *Ducrot O.* La preuve et le dire. Language et logique. Tour/Man, 1973.
- Callebaut 1991 — *Callebaut Br.* La négation en français contemporain. Une analyse pragmatique et discursive. Bruxelles, 1991.

«ОНТОЛОГИЗАЦИЯ НЕГАЦИИ» КАК АНОМАЛИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ

Одна из главных проблем в философии — это признание или непризнание онтологической сущности отрицания: существует ли реально то, что отрицается, или это лишь результат логической операции над существующими в реальности объектами, явлениями, признаками, процессами, событиями и пр.? Иными словами, отрицание *не красный* (= *быть не красным*) не является позитивным, наличным в реальности признаком предмета, в отличие от позитивного *красный* (= *быть красным*), и не может быть осмыслено в качестве реально существующего атрибута. Аналогично таким номинациям, как *не стол* или *не дверь*, не может быть приписан референтный статус реальных объектов (нельзя в онтологии *быть не дверью*). Этой точке зрения способствует эмпирический опыт восприятия человеком мира, который состоит в ощущении присутствия объекта в области, доступной нашим чувствам: ощущение же отсутствия невозможно, оно было бы противоречием, *contradictio in adjecto*.

Однако при этом как вполне рационально осмысляемые воспринимаются суждения типа *Это не стол* или *Это не красное*. Как пишет Н. Д. Арутюнова: «Суждение устанавливает связь между миром человека и мышлением о мире. В нем соединены гетерогенные сущности: субъект — представитель мира, предикат — представитель человека, той концептуальной системы, которая присутствует в его сознании. Задача субъекта — идентифицировать предмет речи, задача предиката — указать на те его признаки, которые релевантны для целей коммуникации» [Арутюнова 1999: XI–XII].

Отсюда представляется вполне очевидным существенное различие между *не стол*, *не красный* и *нестол*, *некрасный*. *Не стол* — это предикат, т. е. нечто, находящееся в сфере мыслимого: *Нечто не стол* = ‘нечто не является столом’, т. е. не относится к классу столов, так же, как *нечто не красное* = ‘нечто не имеет в составе своих признаков красный цвет’. *Нестол* — это субъект, т. е. нечто, находящееся в сфере реального: **Нестол стоит у окна* (= ‘у некой сущности, именуемой нестолом, говорящий открывает свойство стоять у окна’), так же, как *некрасный* — это непредикативный, т. е. имманентный («онтологический») признак предмета: **Некрасный стол стоит у окна* (= ‘предмет,

называемый стол, имеет позитивное свойство быть некрасного цвета, наряду с формой, размером, материалом и пр.').

Получается, что отрицание конкретного, реального предмета или признака находится в сфере ментальной деятельности познающего субъекта, а не в сфере реального бытия. Нет такой реальности, которая по существу своему состояла бы в невозможности быть воспринятой чувствами. Нет, следовательно, реального небытия. Есть только небытие гипотетическое. Это обуславливает факт асимметрии утверждения и отрицания в логике и в языке [Арутюнова 1999: 664]. Это соотносится и с положениями Л. фон Витгенштейна, согласно которым отрицательное предложение для того, чтобы отрицать некоторое предложение, должно сначала сделать его в определенном смысле истинным [Витгенштейн 1985: 88–123]. С этой точки зрения получается, что отрицание менее фундаментально, чем утверждение, и производно от него.

При этом отметим, что подлинная асимметрия имеется лишь в случаях, когда предмет или признак имеет проекцию на реальный мир («стол», «дверь», «зеленый» и пр.). Если же и исходный позитивный предмет или признак, и отрицаемый — оба принадлежат концептуальному пространству, т. е. исходный, отрицаемый предмет или признак суть предикатное имя или предикатный признак в логическом смысле (абстрактная сущность типа *счастье* или ролевая несременная типа *друг*, оценочный предикат *красивый* и т. п.), то вполне возможно рациональное осмысление отрицаемого (*несчастье*, *некрасивый*). Правда, и в этом случае перед нами — не «чистая негация», а ассерция в режиме косвенного речевого акта (*несчастье* = *горе*, *беда*; *некрасивый* = *уродливый* и т. п.).

В современной логике отрицательная частица квалифицируется как оператор, в сферу действия которого входит утверждение. То есть предполагается несамостоятельность отрицания, предполагается, что отрицание не рождает самостоятельную сущность, а лишь отрицает в мысли наличие предмета или события в реальности.

С другой стороны, если постулировать особую сферу бытия, особое бытие для несуществующих объектов и признаков, возникает своего рода параллелизм равноправного существования положительных и отрицательных сущностей. Так, согласно А. Ф. Лосеву, не-сущее, т. е. отрицательное (не-предмет), должно существовать в качестве взаимоопределяющего диалектического начала того, что есть сущее, и в том, что существует. А. Ф. Лосев назвал эту метафизически постигаемую не-сущность *меон* и определил для ее существования в каче-

стве «иного», того, что диалектически противоположно сущему, особую сферу существования — иррациональную, непостижимую умственно, из которой рождается форма и определенность, т.е. то, что отличает один сущий предмет от другого. То есть сфера существования отрицательных сущностей мыслится, постулируется как параллельная миру явлений, наблюдаемых с помощью органов чувств [Лосев 1990: 141–147].

В современной терминологии можно было бы говорить о том, что отрицательные предметы или свойства существуют в «возможном мире», мире мыслимого, параллельном миру, постигаемому посредством органов чувств. Но и в этой трактовке отрицательная сущность не фиксируется как существующая в мире реальном.

В естественном языке, который соответствует «наивной» картине мира, «наивной философии», некоему «прототипическому миру», конвенционально общему для носителей языка, осмысление отрицательной субстанции в качестве реально существующей и в одном ряду с реально существующими «положительными» сущностями представляется очевидным отклонением от нормы. Это мы и назвали «онтологизация негации» — придание отрицаемому реальному предмету или признаку «нормального» онтологического статуса, равноправного с предметами и признаками «позитивными».

Иными словами, согласно этому типу языковой концептуализации, субстанция *дверь*, находящаяся в реальном пространстве-времени, и конструкт *недверь*, мыслимый лишь в пространстве логическом, концептуальном, оказываются, так сказать, оба в одном мире, что происходит в результате своеобразного «смещения миров» (мира реального и мира мыслимого) в такой языковой концептуализации. В классификации аномалий, развиваемой в нашей книге [Радбиль 2006], подобные явления рассматриваются как «аномалии языковой концептуализации мира», или просто «концептуальные аномалии», чтобы подчеркнуть их отличие от чисто системно-языковых нарушений (которые здесь, разумеется, тоже присутствуют, но лишь как следствие логических).

В настоящей работе мы рассматриваем разнообразные случаи такого «онтологического» употребления слов, обозначающих отрицательные субстанции или акциденции, в качестве реальных объектов или свойств. Исходным пунктом наших рассуждений будет положение о том, что и этот тип аномалии, как и многие другие, изучаемые нами, обладает значительным креативным потенциалом, а также может подлежать рациональной осмысляемости в режиме идиоматичной, небуквальной интерпретации.

Показательным примером является такой термин в современной акустике, как *небелый шум* 'шум с неравномерным распределением частот волн', который вводится в противоположность понятию *белый шум* 'шум, при котором разнонаправленные звуковые волны распределены по частотам примерно равномерно'. Здесь очевидна вторичная метафорическая интерпретация *небелый* (от первичного, тоже метафоризованного употребления *белый* в составе типичной для научного дискурса номинативной метафоры), при которой не отрицается, а утверждает-ся наличие у объекта ряда признаков ('неравномерное распределение частот'), которые эмпирически противоположны признакам у другого, сопоставляемого с ним по этим признакам объекта ('равномерное распределение частот').

Тот же принцип идиоматичной интерпретации используется и в другом типе дискурса, предполагающем уже наличие эстетической функции — ср. пример из В. Хлебникова: *И вот уже в лапах небога...* *Небог* здесь рассматривается как некое существо с неясной референцией и неопределенной денотативной сферой, но это именно существо, чье бытие полагается реальным (к нему можно *попасть в лапы*). Для этого существа можно постулировать и наличие ряда классификационных признаков, которые придают ему возможность рациональной осмысляемости. Они вытекают из ряда (1) логических и (2) коммуникативно-прагматических свойств негации.

(1) Логические возможности рациональной осмысляемости основаны на разграничении пресуппозитивных и ассертивных компонентов семантики, при котором в сферу действия логического оператора отрицания попадает только ассертивная часть. То есть, если слово *Бог* мы определяем как 'верховное всемогущее сверхъестественное (не принадлежащее миру человека) существо, управляющее миром', то пресуппозитивная часть семантики 'сверхъестественное (не принадлежащее миру человека) существо' не отрицается. Отрицается только 'верховность', 'всемогущество' 'свойство управлять миром'. Таким образом, наше существо *небог* не принадлежит миру человека (это не человек), но и лишено свойств, приписываемых *Богу* → это что-то вроде *духа, демона, черта, дьявола* и пр.

Другое логическое основание для рационального осмысления подобной «онтологической негации» — это модель метафорического переосмысления (с последующим переходом, т. е. преобразованием) предикативного употребления в негационной конструкции: *Он мне не друг* (= 'он не является другом') в предметное употребление *недруг* (= 'враг'). Такая модель вполне релевантна для предикатных имен типа

друг, но в режиме переосмысления предметных имен как предикатных (когда *стол* есть нечто, обладающее свойством «столовости»), в особых условиях коммуникации, может распространиться и на сферу конкретных имен: *нестол* → 'будучи по природе столом, не обладающий в полной мере свойством столовости, не выполняющий роль стола, не проявляющий себя как стол'.

(2) Коммуникативно-прагматические возможности рациональной осмысляемости подобной «онтологизации негации» опираются на особую коммуникативно-прагматическую природу языковой аномальности вообще, которая связана со сформулированным Дж. Р. Серлем в работе «Косвенные речевые акты» «постулатом об идиоматичности» как важнейшим принципом обыденной коммуникации: «Говори идиоматично, если только нет особой причины не говорить идиоматично» [Серль 1978: 215]. Суть этого постулата состоит в том, что адресат, в рамках соблюдения принципа кооперации речевого общения, «по умолчанию» вынужден интерпретировать высказывания, нарушающие языковую или коммуникативную конвенциональность, в режиме косвенного речевого акта, если его буквальная интерпретация ведет к бессмысленности, тавтологичности или неинформативности.

Иными словами, если я слышу или читаю что-то вроде *в лапах небога*, то я, в рамках кооперативности речевого общения, сначала должен искать пути интерпретации этого высказывания исходя из того, что говорящий хотел мне что-то сказать именно так, как сказал, а уже потом, когда все возможности на этом пути исчерпаны, просто предположить его недостаточную языковую компетенцию, невладение нормами. Именно для буквального, т. е. неидиоматичного понимания высказывания должны быть особые основания: идиоматичность автоматически вытекает из принципа кооперации и предполагается «по умолчанию».

Одним из вариантов идиоматичной интерпретации адресатом такого высказывания является переключение модуса восприятия данного высказывания из режима «серьезного» употребления языка (Дж. Р. Серль) в режим фатической коммуникации, одной из разновидностей которой является художественная речь. Таким образом, адресат просто «обязан» искать пути трактовки онтологической реальности такой сущности, как *небог*, в направлении метафорического, небуквального истолкования типа 'кто-то, непохожий на Бога', 'не ведущий себя так, как следует, в нашем представлении, вести себя Богу', или 'кто-то, по сущности, Бог, но, с точки зрения говорящего, почему-то недостойный называться Богом, т. е. «плохой», «некачественный» Бог' и пр., тем более что в речевой практике известна вполне нормальная идиома-

тичная интерпретация выражения типа «он не писатель» — в смысле 'он — плохой писатель'. И вполне можно допустить релевантность для речевой практики модели метафорического перехода предикативного употребления *не писатель* в субъектное или объектное употребление *не-писатель* и даже *неписатель* (по аналогии с *друг* → *недруг*): **Так много неписателей развилось среди писателей.*

В особых, «свободных» условиях коммуникации, для которых не в полной мере релевантны и не всегда соблюдаются требования конвенциональности, указанные ненормативные явления могут быть распространены довольно широко. Естественной средой обитания разнообразных аномалий, в том числе и связанных с вышеназванной «онтологизацией негации», является Интернет-коммуникация, особенно такие ее разновидности, как «сетература», форумы, блоги и пр., — т. е. среда повышенной «коммуникативной свободы» и пониженной «коммуникативной ответственности» (со всеми плюсами и минусами этого явления). Думается, что многие языковые, коммуникативные и логические аномалии проходят в этой среде своеобразную «проверку на прочность», и некоторые типы инновационных употреблений и даже целых моделей имеют шанс войти в систему языка.

Активность модели онтологического употребления субстантива в форме негации, особенно в фатической коммуникации, подтверждается тем, что это даже становится основным (и крайне выразительным) конструктивным текстообразующим приемом в ряде произведений, выставленных в сети Интернет, чаще всего в поэтических текстах, как, например, в шуточном стихотворении Ильи Слонина «...памяти Котенка...»:

Похмельный чад и потолок...
Не сон, но и не пробужденье...
На недовери лишь незамок
*Как **непрепятствие** к вхождению.*

И телефона незвонок,
И душ замерзших несближение...
Непотепление, неурок,
Несмерть-нежизнь, и непростенье...

В рукав со сна засунешь нос,
Решив: котенок спит с тобою...
И неглаза полны неслёз...
И тараканы на обоях...

И непосуды немытье.

И печужих немилосердьё.

И в ванной грязное бельё.

И жить напрасное усердьё...

Данный пример примечателен тем, что в нем, как нам кажется, представлены практически все возможные идиоматичные интерпретации субстантивов в форме «онтологической негации». Причем указанные интерпретации неодинаковы по «степени идиоматичности», а значит, и по «степени аномальности». Эта степень во многом зависит от категориальных лексико-грамматических свойств этих существительных.

Минимальная «степень идиоматичности», которая находится практически на грани приемлемой, нормативной семантической интерпретации подобных существительных, присуща отвлеченным именам — девербативам, с семантикой представления процесса или результата действия в качестве предмета речи. Так, *несближение*, *непрощенье*, *непотепление*, *немытье* вполне нормально интерпретируются как ‘отсутствие сближения, прощения, потепления, мытья’. К этим случаям близки существительные-девербативы с семантикой чувственно воспринимаемого проявления, результата действия: *непрепятствие* (‘отсутствие препятствия’), *незвонок* (‘отсутствие звонка’). То же справедливо и для предикатных имен состояний — *нежизнь*, *несмерть*, и для отадективных имен — *немилосердьё*.

Однако в семантическом представлении таких существительных просто как отсутствия процесса или состояния никакой идиоматичности в интерпретации не было бы вообще. А она в этих случаях все же явно присутствует. Это связано с включением в их семантическое представление «человеческого фактора»: *незвонок* — это не просто отсутствие звонка как факт, это значимое для говорящего отсутствие звонка в момент, когда он должен иметь место. То есть это факт внутреннего мира говорящего, проявление его интенционального состояния, его позиции по отношению к миру. Так и *непотепление* — это отсутствие нужного говорящему, ожидаемого им потепления.

Сама возможность присутствия в идиоматичной интерпретации подобных слов некой очевидной проекции на ментальный мир говорящего, как нам представляется, есть проявление фундаментального свойства «отрицательных имен» вообще — свойства быть предикатами внутреннего состояния говорящего, а не собственно именами, имеющими референцию к реальному событию, т. е. принадлежать сфере мыслимой, а не реальной действительности.

Указанное свойство логической операции отрицания при субстантивах особенно ярко проявляется в случаях, имеющих «максимум идиоматичности» (и «максимум аномальности») в восприятии. Это случаи «онтологической негации» имен с конкретным значением — *недверь*, *незамок*, *неурок*, *неглаза*, *неслезы*, — или с собирательным: *непосуда*.

«Максимум идиоматичности» в семантическом представлении подобных употреблений, как нам кажется, проявляется в том, что здесь нет подлинного отрицания бытия предмета, названного исходным субстантивом. Иными словами, *недверь* — это и не отсутствие двери, и не какой-либо иной предмет, не принадлежащий к классу дверей. *Недверь* — это некий предмет, имеющий как бы «двойное бытие» — одновременно в мире реальном и в «возможном мире», мире концептуальном, мыслимом.

Это происходит потому, что оператор отрицания *не* отрицает небытие двери, которое наличествует в пресуппозиции (в рамках аксиомы существования) и потому неотрицаемо, а некую точку зрения говорящего на дверь, некие важные для него свойства или функции двери, т. е. фиксирует определенное расхождение между «прототипической дверью» в сознании говорящего и наблюдаемым им эмпирическим фактом бытия реальной двери в момент говорения. *Недверь* — это в каком-то отношении дверь (онтологически — дверь), а в каком-то отношении не дверь (эпистемологически или психологически — не дверь).

На наш взгляд, для концептуальных аномалий в области «онтологизации негации» возможны два пути максимально идиоматичной интерпретации в особых коммуникативных условиях фатической коммуникации, главным образом — в режиме эстетического употребления языка, оба из которых связаны (правда, по-разному) с переключением из модуса реального восприятия в модус ментальной активности говорящего (модальной или эпистемологической оценки, эмоционально-экспрессивной реакции и пр.).

(1) Модальная интерпретация в плане пропозициональной установки «кажимости» (гипотетичности) или неверия, о которой, со ссылкой на Б. Рассела, пишет Н. Д. Арутюнова: «Б. Рассел полагал, что отрицание в предложениях восприятия есть принадлежность не предиката, а пропозициональной установки: „Ясно, что суждение: „Это не красное“ может быть суждением восприятия, если только „это“ есть цвет, отличающийся от красного. Это суждение может быть истолковано как неверие в предложение „это красное“ при том, что неверие является таким же положительным состоянием, как и вера“ [Рассел 1957:159]» [Арутюнова 1999: 665].

В нашем случае максимально идиоматичная интерпретация словоупотребления *недверь* могла бы быть такой: 'дверь, но такая дверь, которая кажется не-дверью'; 'дверь, в которую не верит говорящий'; 'дверь, в которой он сомневается, потому что его не устраивают важные для него свойства или функции, которые он приписывает двери (может, без особых на то оснований) — например, открываться перед приходом друзей или возлюбленной'. *Недверь* — это дверь, которая в каком-то отношении не соответствует ожиданиям говорящего, не соответствует некоему идеалу, образцу, т.е. тому, какой должна быть «прототипическая» дверь в его «воображаемом мире».

(2) Оценочная интерпретация в плане переноса говорящим своего психологического состояния на свойства и признаки окружающих предметов по общеоценочной шкале «хорошо—плохо».

В нашем случае максимально идиоматичная интерпретация словоупотребления *недверь* могла бы быть такой: 'дверь, не соответствующая нормам говорящего, его представлениям о том, какова должна быть «правильная», «хорошая» дверь'; 'плохая дверь, потому что мне плохо'; 'некачественная дверь, потому что я вижу в ней корень своих бед'; 'дверь, недостойная именоваться этим словом, потому что «плохо себя ведет», и пр.

Кстати, постулируемое нами разграничение модального и оценочного типов интерпретации напрямую связано с проблемой истинности и отчасти коррелирует с противопоставлением двух видов мнения, обсуждавшимся в работах Анны А. Зализняк, И. Б. Шатуновского и др., в которых разграничиваются мнение-предположение (то, что можно узнать, проверить, верифицировать) и мнение-оценка, которое отражает субъективную точку зрения, не подлежащую проверке или верификации, потому что ориентируется на систему ценностей, вкусовые предпочтения и т. п. [Зализняк 1991; Шатуновский 1991 и др.].

Возвращаясь к анализируемому тексту, отметим, что в нем, скорее, реализуется первый тип модальной идиоматичной интерпретации, потому что контекст не дает оснований считать, что эти слова в таких высказываниях, как, например: *На недвери лишь пезамок...; И неглаза полны неслёз...* — имеют отрицательную оценочную коннотацию. Однако в других примерах, напротив, на первый план может выходить второй тип оценочной идиоматичной интерпретации, а чаще всего совмещаются оба, так как модальная и оценочная идиоматичные интерпретации могут находиться в отношениях мотивированности 'не соответствует прототипу → плохой'.

Надо сказать, что «онтологизация негации» может быть использована как основной конструктивный прием и в текстах прозаических

жанров, как это происходит, например, в одном из текстов, выставленных в Интернете — в тексте сказки, созданной в рамках культурного кода рок-культуры, под характерным названием *«Несказка о нелюдях»*: *Был мир. И была страна. И город в этой стране тоже был. И район был в этом городе. Вот там-то в одном из переулков стоял недом. Все дома в районе были старые, кирпичные и покрашенные в желтый цвет, а недом был высокий, блочный. Создавалось впечатление, будто его перенесли сюда из совсем другого района. / В этом недоме был нефлэт. Квартирой это нельзя было назвать, а флэтом тем более — там не вписывали, и было это помещение весьма странное. И вот однажды в этом недоме, на нефлэту, поселилась девушка-нелюд...*

С самых первых строк «несказки» в контексте, особенно в подчеркнутых нами фрагментах, проявляется своеобразное «обнажение приема» прибавления *не-* к предметному имени — адресату подсаживается возможное направление идиоматичной интерпретации: *недом* *высокий, блочный* — это онтологически дом: *недомом* в глазах рассказчика его делает его подчеркнуто «мажорский» характер, т. е. несоответствие требованию «естественности», нарочитой «неэстетичности», «непарадности». *Недом* — это «неправильный дом в системе ценностей, заданной рассказчиком»; «дом, негативно оцениваемый рассказчиком». *Нефлэт* — «неправильный флэт (квартира для тусовки), потому что там «не вписывают» (не позволяют на время поселиться любому незнакомому «тусовщику»)».

Такое тотальное и осознанное использование номинативных единиц с *не-* в качестве конструктивного текстообразующего приема и средства художественной выразительности мы условно именуем «*не-приемом*». Дальнейший текст интересен тем, что в нем осуществляется дальнейшее разворачивание «*не-приема*» (его «обнажение») посредством последовательной словесной экспликации разных типов идиоматичной интерпретации номинативных субстантивных единиц с приставкой *не-*.

(1) Модальная интерпретация: *Иногда перодители уезжали, тогда девушка жила без них, и звала на нефлэт других нелюдей. Когда нелюди приходили, их встречал странный белый зверь, похожий на кошку, но с нетипичными повадками. Как-то они решили, что это существо будет зваться Некошкой... Затем все шло на некухню, где было дополнительное спальное место и телевизор, который был вовсе нетелевизор, т. к. его не смотрели. На некухне стоял нехолодильник, в котором хранились нееда и недуршлаг (кастрюля с дырками)...* — Здесь *некошка* — «кошка с нетипичными повадками»; *некухня* — «кухня с признаками другого типа помеще-

ния»; *нетелевизор* — ‘телевизор, не выполняющий своей функции’; *недуришлаг* — ‘кастрюля, похожая на дуришлаг’ и пр.

(2) Оценочная интерпретация: *На нетелевизоре стояли нечасы, которые показывали не время, а полную ересь. И статуэтка неангела (какой ангел без головы?)... Нелюди играли на негитаре (ну разве ЭТО гитара?), звонили друг другу по нетелефону, упорно показывающему одни нули...* — Здесь *нечасы* — ‘плохие, неисправные часы’; *неангел* — ‘сломанный, а значит, эстетически неполноценный ангел’; *негитара* — ‘плохая, некачественная гитара’; *нетелефон* — ‘негодный, неисправный телефон’.

Подобные словоупотребления могут выражать несовпадение точки зрения и системы оценок говорящего с общепринятой точкой зрения и системой ценностей «обычных людей», по умолчанию выражаемыми языковыми значениями исходных слов: *На стенах местами висели необои, неплакаты и даже одна неблагодарность.* — Здесь *необои* и *неплакаты* выражают неприятие рассказчиком из мира рок-тусовки обычных, традиционных вкусов и пристрастий взрослых, в том числе типичных для стандартных квартир обоев. В этом же примере интересно каламбурное обыгрывание висящей на стене в рамке благодарности как *неблагодарности*. *Неблагодарность* здесь означает неприятие пошлого, с точки зрения рассказчика, обычая вешать на стены традиционные приметы «мещанского» семейного интерьера (фотографии, дипломы, благодарности и пр.).

(3) Совмещение модальной и оценочной интерпретации: *Неродители вообще не читали, так как думали, что все это — некниги, вместо чтения они неработали (это была не работа) и получали за это неденьги, которых всегда не хватало...* — Здесь, видимо, *некниги* ‘книги, которые не нужно читать (для интерьера) и ‘книги, не входящие в круг интересов, т. е. в систему ценностей субъекта оценки’; *неденьги* — одновременно ‘небольшие деньги, т. е. не соответствующие представлению говорящего о должном размере зарплаты’ и поэтому ‘плохие, некачественные деньги’.

Совмещение двух типов идиоматичной интерпретации характерно для ключевых понятий данного текста — *несказка* и *нелюди*. *Несказка* здесь одновременно означает и текст, который повествует якобы о реальных событиях (т. е. не является канонической «сказкой»), как бы «анти-сказка», — и текст, в известном смысле травестирующий жанр сказки, который попадает в поле негативной оценочности как репрезентант мира «обычных людей», т. е. того самого «пошлого» мира, которому противостоит рок-культура, в смысле «плохая», «неправильная» сказка.

Нелюди — это сравнительно замкнутый круг людей, разделяющих систему идеалов и ценностей данной субкультуры, осознанно противопоставляющих себя миру «нормальных людей» (в смысле «если те называют себя «людьми», значит, мы должны именоваться иначе»); это и «плохие» люди (панки), в смысле «плохо себя ведущие», попирающие нормы морали и нравственности «пошлого» мира нормальных людей, не рокеров.

Отметим, что «не-прием» есть органичное для рок-культуры (как и для всех молодежных субкультур: толкиенистов, байкеров и т. п.) проявление установки на неконформизм, на ревизию и подчеркнутое отрицание всех идеалов и ценностей «среднего человека», которая естественным образом проявляется в их языковой практике — в создании альтернативного жаргона («язык паддонков»), экспрессивной «языковой игре», карнавальное переименование оценочных «минусов» на «плюсы» и наоборот и пр. Мир ценностей «среднего человека» признается мнимым, иллюзорным («липа», по выражению культового персонажа Дж. Д. Сэлинджера), а подлинными ценностями являются естественность поведения и открытость в общении с миром, презрение к материальным благам и социальной реализации, любовь к природе, культивирование в себе «ребенка» и пр.

Значимая для мира рок-культуры ценностная оппозиция «настоящее/мнимое» отчетливо проявляется в финале данного текста, где возникает словесная экспликация и самого основного критерия, по которому номинативные единицы с *не-* противопоставлены своим исходным, «положительным» прототипам: *Из настоящего там была одна лишь пепельница, да и та не ихняя, а нечестно позаимствованная из одного клуба...* — Здесь слово *настоящий* является ключом к возможной «расшифровке», интерпретации всех номинативных единиц с *не-*. Оно также понимается двояко, в рамках нейтрализации «двух типов мнения»: *настоящий*₁ — «соответствующий своей истинной сущности, истинному предназначению» = *истинный, подлинный, реальный*; *настоящий*₂ — «соответствующий идеалам и ценностям говорящего» = *хороший, правильный, подходящий*.

Активность модели «не-приема» в современном, особенно молодежном, культурном сознании отчасти подтверждается возникновением разнообразных пародий и стилизаций, иронически снижающих «популярность» этого приема в среде пишущих в Интернете:

Нестол, да и нетабурет...
И небюро тебе какое...

*А на коленке клал поэт
На лист нетленное такое!*

Понятно, что пародируется или стилизуется только явление, значимое для той или иной культуры, осознаваемое в ее среде как важный элемент «культурного кода».

В целом надо сказать, что «онтологизация негации» и ее активная эксплуатация в современной культуре в качестве «не-приема» вполне коррелирует с многими современными неклассическими постмодернистскими моделями философии, связанными с признанием центральной роли отрицания в эпистемологии и в истории познания. Так, например, французский постструктурализм Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра заявляет о «ф и л о с о ф и и н е» — философии, построенной на принципах отрицания, без которого невозможно выходить на новые уровни осмысления реальности ни в науке, ни в искусстве, ни в религии.

Как раз в возможности выхода на новые уровни осмысления реальности и кроется значительный креативный потенциал моделей «онтологизации негации». Этот потенциал видится нам в том, что при «онтологизации негации» на самом деле ничего не отрицается, а, напротив, утверждается бытие предмета или свойства в новом качестве. Это новое качество заключается в том, что в новой не-номинации предмета одновременно наличествует и материальный предмет, и его, так сказать, «эйдос», идеальное бытие, то, каким он должен быть. С другой стороны, в этой новой не-номинации одновременно присутствует и сам предмет, и точка зрения на него говорящего, т. е. он выступает и как реально существующая субстанция, и как факт концептуальной сферы говорящего. Подобное «двоемирие» вполне соответствует современным представлениям о присутствии наблюдателя в объекте наблюдения, о субъективном и интенциональном характере акта познания мира и о роли пресловутого «человеческого фактора» в философии, логике, культуре и языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1987 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Витгенштейн 1985 — Витгенштейн Л. Философские исследования. Фрагменты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Зализняк 1991 — Зализняк Анна А. *Считать и думать*: два вида мнения // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

- Лосев 1990 — *Лосев А. Ф.* Философия имени. М., 1990.
- Радбиль 2006 — *Радбиль Т. Б.* Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие, М., 2006.
- Рассел 1957 — *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957.
- Серль 1978 — *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.
- Шатуновский 1991 — *Шатуновский И. Б.* «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

ОТРИЦАНИЕ — ЗАПРЕТ — ОПРАВДАНИЕ: ОТ СТРУКТУРЫ ДИСКУРСА К «АЛГЕБРЕ СОВЕСТИ» (ПО В. А. ЛЕФЕВРУ)

Отрицание — важнейшая категория не только в лингвистике, логике и философии, но и в этике. Причем «этическое» отрицание позволяет взглянуть на некоторые вопросы отрицания в лексике и речи в новом свете. Так, утверждение-призыв «Делай добро!» и отрицание-запрет «Не делай зла!» на первый взгляд кажутся почти идентичными/ синонимичными. Однако они имеют разные следствия. Причем из этих следствий складывается цельная система ценностей, которая представляет собой «алгебру совести». Сущность «алгебры совести» в том, что между противоположными исходными этическими понятиями *добро* — *зло* возможно не только противостояние, но и *компромисс*, причем от выбора одного из этих двух отношений зависит и отношение к другому человеку, и формирование морально-этической системы общества, которые проявляются не только в невербальном поведении, но и в вербальном, коммуникативном. В целом характер морально-этической системы определяется отрицательным или положительным отношением к компромиссу между добром и злом и к компромиссу между людьми, особенно в ситуации конфликта.

Формальные законы оперирования категориями истины и лжи являются предметом исследований уже более двух тысячелетий, а формальные законы оперирования категориями добра и зла впервые были разработаны совсем недавно, в книге нашего соотечественника, известного психолога В. А. Лефевра «Алгебра совести» [Lefebvre 1982; Лефевр 2003]. В книге вычисляются закономерности принятия моральных решений. Часто такие решения принимаются автоматически: они как бы диктуются совестью. «Алгебра совести» — операции с этическими категориями — в книге формализованы и действительно представлены в виде булевой алгебры. Но из математических вычислений следуют не только формальные, но и содержательные выводы. Они описывают важные морально-этические явления: идеологию общества и его нормативные ценности, психологический профиль типичных представителей данного общества, особенно в ситуации конфликта, культивируемые в обществе социальные отношения, типы поведения и мн. др. Все они имеют оценочный характер. Причем то, что в одном

обществе — положительные ценности, в другом — отрицательные. В статье очень кратко будет показано, что «алгебра совести» отдельного человека — не «самостоятельное явление»: она согласована с некоторой общественной морально-этической системой ценностей. Ярким примером этому могут служить художественные произведения, в частности, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Как закалялась сталь» Н. Островского и «Гамлет» В. Шекспира.

Оппозиция «добро — зло» может быть в двух состояниях: поляризация/ конфронтация и интеграция/ компромисс. Эти отношения носят фундаментальный характер и не могут быть сведены к более простым. Поэтому этическая система ценностей, или идеология, может формироваться только двумя путями: через запрет зла или через декларацию добра. На первый взгляд может показаться, что это просто различные формулировки триумфа добра, но оказывается это не так [Левфевр 2003: 148].

Между двумя на первый взгляд почти тождественными морально-этическими установками, отрицательной и положительной: «Не делай зла!» и «Делай добро!» — непреодолимое противоречие. Призыв «делать добро» не исключает применения «злых» методов: *цель оправдывает средства*. А запрет делать зло абсолютен и не зависит от того, какова цель. Поэтому эти установки не только противоположны с моральной точки зрения, но и формируют две противоположные морально-этические системы и культуры: «первую» и «вторую». Различия между ними прежде всего в том, что первая этическая система отрицательно относится к компромиссу между добром и злом, а вторая — положительно.

Первая этическая система (ЭС-1) нашла свое наиболее яркое воплощение в христианских заповедях Ветхого Завета (Второзаконие 5: 17–5:21) с их запретами: *не убивай, не кради* и т. д. В них компромисс между добром и злом квалифицируется как зло, и поэтому «Даже одно убийство ради счастья всего человечества есть зло». Новый Завет может рассматриваться как соответствующая этим заповедям «нормативная теория личности». Он призывает к компромиссным отношениям между людьми, ср. «Любите врагов своих» (Евангелие от Матфея 5:44). В ЭС-1 моральные запреты делать зло координированы с поведением так, что предписывают компромиссные отношения между людьми. ЭС-1 нашла свое воплощение в западном обществе.

Вторая этическая система (ЭС-2) нашла свое наиболее яркое воплощение в «кодексе строителя коммунизма». Там есть декларация до-

бра и нет пропаганды зла, но нет и запрета на совершение зла: есть предписания и призывы, каким быть и что делать, но нет указаний, каким не быть и каких поступков не совершать: «будь честным, правдивым, гуманным, морально чистым, простым, скромным» и т. д. [Лефевр 2003: 145–146]. При этом компромисс между добром и злом, отраженный, например, в императиве «Ты должен быть готов защищать общественную собственность даже ценой доноса на своего отца» оценивается положительно, а отказ от доноса — как осуждаемая конфронтация. Поэтому отношения между людьми разделяются на «свой — чужой»: на отношения между товарищами и врагами, ср. товарищеская взаимопомощь vs. нетерпимость к врагам. В целом вторая этическая система представляет собой этический компромисс со злом и бескомпромиссное отношение к врагу: положительное отношение к компромиссу между добром и злом и отрицательное отношение к компромиссу между людьми, особенно в ситуации конфликта. А первая этическая система — это отрицательное отношение к компромиссу между добром и злом и положительное отношение к компромиссу между людьми, особенно в ситуации конфликта.

Так, в ЭС–1 идеальный индивид, т. е. полностью разделяющий господствующую идеологию, негативно оценивает компромисс между добром и злом, но, тем не менее, стремится установить отношения компромисса или союза с другим индивидом, даже в ситуации конфликта. В ЭС–2 идеальный индивид позитивно оценивает компромисс между добром и злом, но, тем не менее, стремится к конфронтации с партнером (по коммуникации и социальному взаимодействию). Это своего рода парадокс: этическая бескомпромиссность связана с компромиссом в человеческих отношениях, а этический компромисс — с бескомпромиссностью в человеческих взаимоотношениях [Лефевр 2003: 37]. О том, что одни и те же ценности в разных системах понимаются по-разному и получают разную оценку, свидетельствует множество фактов, в частности, отрицание или утверждение в ответах на такие вопросы, как, например: 1. Должен ли врач скрывать от пациента, что тот болен раком, чтобы уменьшить его страдания? 2. Может ли хулиган быть наказан строже, чем требует закон, чтобы это послужило предостережением для других? 3. Можно ли дать ложные показания в суде, чтобы помочь невиновному избежать тюрьмы? 4. Можно ли послать шпаргалку на экзамене другу, чтобы помочь ему? и мн. др. [Лефевр 2003: 58]. Понятие морально-этической системы уточняется при помощи понятий моральное сознание, этический статус индивида, рефлексивный образ себя и типология индивидов.

В каждом развитом обществе и даже индивиде могут присутствовать обе этические системы и культуры. Поэтому культуры, в которых доминирует первая или вторая этические системы, не гомогенны. В норме они представляют собой арену борьбы между двумя системами. Однако всегда можно установить преобладающую в обществе этическую философию и нормативный, диктуемый ею, характер индивида. Они определяются стилем воспитания и образования и формируют моральное сознание — неотъемлемый атрибут личности. Моральное сознание действует, включая различные элементы воспринимаемых ситуаций, в особенности цели и средства, в оценивающий механизм «добро — зло» [Лефевр 2003: 53]. Автоматическое, независимое от индивида функционирование этой оппозиции на высших этажах сознания порождает психологические феномены, которые мы осознаем как *чувство вины, осуждение, страдание, покаяние* и др. Так, обнаружение зла в себе связано с категориями вины/самоосуждения и раскаяния: чувство вины — это «усмотрение зла в себе» [Там же: 82]. Если индивид, находящийся в состоянии зла, осознает это состояние, он переходит в состояние добра. Этот феномен проявляется в восточной медитации и в христианском *покаянии* [Там же: 59–60].

Развитие морального сознания напоминает процесс усвоения ребенком родного языка и работает автоматически: человек не может выйти из-под его «юрисдикции», так же как он не может перестать понимать родной язык. Но если человек до некоторой степени свободен в своих поступках, то не в тех чувствах, которые эти поступки у него вызывают. Отрицательная оценка любого из моральных феноменов вызывает в индивиде душевную боль: страдание. Это объясняется тем, что моральное сознание включает «рефлексивный образ себя»: способность оценивать свое поведение и взаимодействие с другими людьми. Это этическая самооценка, которая играет роль *совести* [Лефевр, Веббер 2001: 39]. Так, люди обладают способностью *винить себя* и потому *страдать*, если они полагают, что делают что-то плохое, или *осуждать* другого, если он, по их мнению, делает что-то плохое. Если индивид оценивает отрицательно ситуацию, то он испытывает чувство страдания. Эти чувства градуируемы. Чем лучше образ себя у индивида, тем меньше у него чувство вины; чем лучше образ ситуации, тем меньше его страдание; чем лучше у него образ партнера, тем меньше осуждение.

Этим, в частности, объясняются причины различий в априорных отношениях к партнеру в первой и второй этических системах. Так, «образ себя» не дает (идеальному) индивиду второй этической системы

в ситуации конфликта идти на компромисс, даже если это ему трудно, ведь иначе «он уронит себя в своих глазах» и будет страдать. При этом (идеальный) индивид первой этической системы по той же причине вынужден вести себя компромиссно даже в ситуации конфликта. Однако у него могут возникнуть *сомнения* в правильности образа себя, ситуации и партнера. Так, сомнения в правильности образа себя у индивида, по сравнению с такой же структурой сознания без сомнений, всегда приводят к большему чувству вины. Сомнения в правильности образа партнера при этом не усиливают чувство вины. Отсутствие сомнений влечет за собой невозможность одновременного появления чувства вины и осуждения: если субъект ни в чем не сомневается, то он никогда не чувствует вины: вина и осуждение не могут появиться у него одновременно. При этом чувство вины более характерно для индивида первой этической системы. Поэтому необходимым условием для превращения зла в добро в первой этической системе является одновременное появление чувства вины и осуждения, тогда как во второй этической системе для этого достаточно одного из этих условий. В первой этической системе отсутствие сомнений препятствует превращению зла в добро, в ЭС-2 оно не препятствует такому превращению. Никогда не сомневающийся индивид в ЭС-1 может иногда испытывать чувство вины, а в ЭС-2 — никогда [Лефевр 2003: 84–90].

Моральное сознание формирует этический статус индивида — соответствие его морального поведения официальной идеологии общества. Важнейшей характеристикой этического статуса выступает «корректность образа себя» и «образа другого человека» (друга и врага). Так, этический статус индивида с корректным образом себя выше этического статуса индивида с некорректным образом себя, а этический статус индивида, который сомневается в корректности образа себя, выше, чем у индивида, который не сомневается в образе себя. При этом сомнения формально связаны с чувством вины: чувство вины у индивидов, которые сомневаются в корректности образа себя, сильнее, чем у тех, у кого таких сомнений нет. Чувство вины представляет собой своего рода самоосуждение [Там же: 81–82]. Этический статус индивида отражает степень его сопротивления искушениям среды.

Отношение к компромиссу между добром и злом и к компромиссу между людьми, нормативное для некоторой культуры, предопределяет типологию индивидов, принадлежащих к этой культуре: существует определенная связь между этической философией индивида и его психологическим типом. Наиболее всего идеологии общества соответствуют индивиды с высоким этическим статусом. Это «*святой*» и «*герой*».

Они обладают наиболее развитым этическим сознанием, не позволяющим им поступаться своими принципами и тем самым «падать в своих глазах». Они готовы *жертвовать* собственным спокойствием и благополучием ради своих принципов. При этом если герой чувствует, что он идет на жертву, то святой жертвы не осознает, он скромнен и обладает наибольшим этическим статусом. Жертвенность — это готовность нарушить свой собственный внутренний комфорт во имя другого человека, торжества идеи или самоутверждения. В разных этических системах жертвенность проявляется по-разному. Индивид в ЭС-1 склонен к жертвенному компромиссу: «Я не знаю этого человека, но я упаду в собственных глазах, если продемонстрирую враждебность. Хотя это и трудно, я должен протянуть руку и улыбнуться. Мое проявление доброжелательности это жертва, но я должен ее принести, чтобы уважать себя». Это упрощенное понимание идеологии, которая отражена в тенденции к компромиссу с партнером [Там же: 117–135].

Индивид в ЭС-2 склонен к жертвенному конфликту: «Я не знаю этого человека, но я упаду в собственных глазах, если буду доброжелательным или подобострастным. Хотя это и трудно, я должен продемонстрировать готовность к борьбе. Моя враждебность это жертва, но я должен принести ее, чтобы уважать себя». Это упрощенное описание идеологии, которая отражена в тенденции к конфликту с партнером. Если индивид ЭС-1 уже находится в конфликте с другим индивидом, у него есть тенденция к диалогу и переговорам, которые могут уменьшить напряжение и, таким образом, увеличить этический статус образа себя. Индивид в ЭС-2, будучи в конфликте с другим индивидом, будет стараться драматизировать ситуацию, поскольку все, что уменьшает напряжение, уменьшает и этический статус образа себя.

Индивиды, для которых психологический комфорт дороже соблюдения моральных требований, разделяются на «*обывателей*» и «*лицемеров*». Они стараются никогда и ничем не жертвовать и не испытывать угрызений совести (вины). У них низкий этический статус. При этом лицемер нескромен, он обладает завышенной самооценкой и свое обывательское поведение он необоснованно расценивает как жертву, «геройство» (как Лужин в «Преступлении и наказании» в ситуации с женитьбой). Когда он принимает обывательское решение, то видит себя принявшим героическое решение. Он обладает наименьшим этическим статусом [Там же: 120].

Индивиды жертвенного типа (святой и герой) в ЭС-1 стремятся к компромиссному поведению, а в ЭС-2 они ведут себя агрессивно. Индивиды нежертвенного типа (обыватель и лицемер) в ЭС-1 агрес-

сивны, а в ЭС-2 стремятся к компромиссу. Если обыватель в первой этической системе стремится уменьшить страдание (а не увеличить этический статус образа себя), то он будет выбирать конфликт, а во второй — компромисс. У обывателя поэтому низкий этический статус и высокое чувство вины. В любом случае, соотношение между страданием и виной таково, что когда одно из этих чувств растет, другое уменьшается. Именно эти несовместимые тенденции делят индивидов на героев и обывателей. Если индивид при этом неправильно осознает свой выбор отношений с другим, то связь между страданием и виной у него будет иной: он способен одновременно и уменьшать чувства вины и страдания, и увеличивать их. Одновременное уменьшение страдания и чувства вины возможно только путем нарушения адекватности отражения индивидом своего внутреннего мира [Там же: 120–121].

Если индивид, наоборот, принял героическое решение, но видит себя обывателем, то его этический статус максимален: и чувство вины, и чувство страдания одновременно достигают максимума, причем он видит себя при этом испытывающим минимально возможное страдание. У такого индивида, святого, низкая самооценка, которая не соответствует его объективно высокому этическому статусу. Отличие святого от героя, обывателя и лицемера в том, что если герой минимизирует чувство вины, обыватель — свое страдание, а лицемер — и чувство вины, и чувство страдания, то святой максимизирует и чувство вины, и чувство страдания. При этом *совершенный индивид не может видеть себя совершенным*, он склонен к самоосуждению. Это объясняется тем, что совершенство — это внешняя характеристика, человек может быть совершенным только с точки зрения других людей, но не со своей: собственное совершенство недостижимо для внутреннего взора самого индивида [Там же: 124].

Святой обладает еще и неожиданной формальной особенностью: невозможно выделить «негативное чувство», которое он минимизирует, он стремится максимизировать и чувство вины, и чувство страдания, тогда как герой стремится минимизировать чувство вины, обыватель — страдание, лицемер — и вину, и страдание. Связь между чувством вины и страданием проявляется в процедуре выбора индивидом своих взаимоотношений с партнером. Так, максимизируя этический статус образа себя (и уменьшая тем самым чувство вины), индивид одновременно увеличивает свое страдание. Это жертвенное поведение: уменьшение чувства вины ценой увеличения страдания. Показательно, что очень редко жертвы приносятся ради того, чтобы сделать добро

другому человеку. Обычно жертва совершается во имя идеи или для самоутверждения. Ее значение почти всегда чисто символическое. Жертва не приносит прибыли. Она приносит одни убытки. Тем не менее, готовность принести жертву всегда рассматривалась как одно из высших качеств человека.

Главная черта реального самопожертвования — это движение против адаптации и рациональности. Механизм жертвенного поведения становится более понятным, если рассмотреть его как проявление принципа максимизации этического статуса образа себя. Так, привлечение для этой цели героев Достоевского позволяет понять, что ими движет: почему Раскольников, страдая, убивает старуху, а Соня Мармеладова, страдая, продает себя. Они испытывают чувство вины и пытаются его уменьшить. Психологический механизм жертвенного поведения состоит в том, что индивид добровольно выбирает путь, увеличивающий его страдание, чтобы уменьшить чувство вины. Здесь проявляется мистическая тенденция к страданию, свойственная русскому православному сознанию: увеличивая страдание и наблюдая себя страдающим, человек искупает свою вину и тем самым повышает свой этический статус в своих глазах [Лефевр 2003, 115–116]. Чувство вины чаще появляется в первой этической системе, чем во второй. Отсутствие сомнения в корректности образа себя ведет к исчезновению чувства вины в ЭС–2, но этого не происходит в ЭС–1.

Сомнения в правильности образа противника в ЭС–1 ведут к повышению этического статуса индивида, а в ЭС–2 — к снижению. Идеальный индивид ЭС–2 сомневается в образе себя и не сомневается в образе противника. Отсутствие сомнений в корректности образа противника психологически может привести к бескомпромиссной борьбе с ним, а наличие таких сомнений — к критическому пересмотру собственного мнения о противнике и поиску возможностей для компромисса [Там же: 94–100, 128]. Сомнения в положительности образа себя и сомнения в отрицательности образа противника — самый важный движущий момент в моральном выборе поведения в ситуации конфликта, помогающий его преодолеть и преобразовать в конструктивную ситуацию компромисса и согласия. Поэтому индивид ЭС–2, по определению не имеющий права сомневаться в образе противника, вынужден вступать в конфликт с ним. Индивида, который не сомневается ни в образе себя, ни в образе противника, можно назвать *фанатиком*.

Тип индивида может измениться, особенно под воздействием внешней среды: обыватель может стать героем и наоборот, и т. д. Это объясняется тем, что в процессе взаимодействия индивидов разных ти-

пов проявляется их «средний этический статус» — соотношение между их активным и пассивным этическим статусом. Этический статус становится активным, когда индивид сам устанавливает отношения с другим индивидом, или становится пассивным, когда отношения устанавливает другой. В результате при пассивности обывателя или лицемера в отношениях с героем или святым их средний этический статус повышается, тогда как при пассивности святого или героя при их взаимодействии с обывателем или лицемером их средний этический статус понижается. Так, пассивный этический статус лицемера во время взаимодействия со святым становится выше, чем его активный статус. Поэтому когда мера активности лицемера минимальна, а мера активности святого максимальна, то святой увеличивает средний этический статус лицемера до уровня героя. Если же святой абсолютно пассивен, а лицемер абсолютно активен, то лицемер уменьшает средний этический статус святого до уровня обывателя, ср. у Н. Д. Арутюновой [2000: 430]: «Общественность молчит». При этом отношения, которые в активном состоянии пытается установить тот или иной тип индивида, зависят от этической системы, к которой он относится [Лефевр 2003: 132].

Итак, самый большой этический статус у святого, затем идет герой, далее обыватель и лицемер. При этом описание жертвенных индивидов в каждой этической системе соответствует описанию нежертвенных индивидов в другой системе. В обеих этических системах жертвенность — свойство святого и героя, а не обывателя и лицемера. В целом можно сказать, что выбор индивидом своих отношений с другим индивидом — союз или конфронтация — определяется его *самооценкой*, которая автоматически генерируется его когнитивной системой. В рамках первой этической системы самооценка повышается при выборе союза, в рамках второй — при выборе конфронтации. В результате в ЭС-1 доминирующим отношением является единение, а в ЭС-2 — противостояние, и это не зависит от практической *пользы*, связанной с выбором данного отношения [Там же: xii].

Таким образом, к важным этическим понятиям относятся в первую очередь: 1) этические типы индивидов: положительные — святой, герой, и отрицательные — обыватель, лицемер; 2) чувства, которые они испытывают в процессе морального выбора и под воздействием своего морального сознания — совести: вина, страдание, осуждение, покаяние; 3) отношения, в которые они вступают с другими людьми: компромисс, союз, конфронтация, конфликт. Оценка этического понятия, положительная или отрицательная, зависит одновременно от двух условий: 1) от того, в какой этической системе производится оценка, и

2) какими типами индивидов производится оценка. Так, компромисс в отношениях оценивается положительно «положительными» типами индивидов (святым и героем) в ЭС–1 и «отрицательными» (обывателем и лицемером) в ЭС–2, и отрицательно — «отрицательными» типами индивидов ЭС–1 (обывателем и лицемером) и положительно «положительными» типами индивидов ЭС–2; конфликт — наоборот.

Поэтому то, что в одной системе оценивается положительно, в другой — отрицательно: то, что в одной системе геройство и смелость, в другой — обывательство и трусость. В результате выстраивается «морально-этическая» система противопоставлений: согласованная система ценностей и взглядов [Лефевр 2003: 165], которая показывает, насколько по-разному воспринимаются в разных культурах и разными типами индивидов *добро, зло, нравственность, добродетель, мораль, совесть, конфликт, конфронтация, компромисс, союз, ложь, закон, жертва, страдание, вина, осуждение, покаяние, сомнение, героизм, святость, лицемерие, обывательство, фанатизм, трусость, цель, средство, польза* и мн. др., а также *свобода, выбор, борьба, самооценка, пропаганда, моральная дилемма, унижение* и т. п. [Там же: 165–190, 265–292] и при каких обстоятельствах изменяется отношение к ним.

Связь между ними определяется тем, что фундаментальные понятия «система ценностей» и «этическая система» не совпадают. Если «система ценностей» — это набор элементов, которые оцениваются данным обществом положительно или отрицательно, то «этическая система» — это набор правил перехода от элементарных ценностей к их комплексам. Система ценностей усваивается членами общества в процессе воспитания и обучения и составляет неотъемлемый атрибут личности. Но для решения социальных задач владения этой системой недостаточно: необходимы правила оперирования комплексом ценностей и отнесения их к категории добра или зла — этические системы. Поэтому два общества, имеющие тождественные системы ценностей, могут быть совершенно различными, если у них разные этические системы. Важнейшим интегрирующим комплексом ценностей выступает пара *цель — средство* [Там же: 51].

В целом «алгебра совести» 1) отражает одну из древнейших формаций ментальности человека и его неотъемлемый атрибут — моральное сознание, диктующее ему моральный выбор и принципы поведения; 2) показывает связь между моралью, идеологией и политической организацией общества; 3) позволяет вывести этический статус индивидов в нем, их иерархию и особенности их поведения; 4) объясняет взаимоотношения между членами данного общества, тенденции в его

развитии, систему его ценностей, их связь с поведением и мн. др. (Так, во второй этической системе индивид стремится выглядеть бескомпромиссным борцом (отсюда — дистанция в общении (с незнакомцами), неприветливость и потому часто демонстрация агрессивности), тогда как в первой этической системе индивид стремится выглядеть союзником, готовым к компромиссу, и потому намеренно демонстрирует эмпатию (например, улыбкой, приветствием и т. д.); 5) показывает, почему культуры различаются. Она использует для этого глубинные понятия воспитания и образования, которые предопределяют стиль мышления и поведения в данном обществе. В результате она позволяет выявить наименее осознаваемые и наиболее сокрытые от наблюдения социально и исторически сложившиеся морально-этические устои общества: понятие морально-этической системы отражает самый глубинный системообразующий уровень организации общества и его морально-этических ценностей.

Тем самым становится ясно, что: 1. общество, в котором реализована первая этическая система, имеет тем больше возможности к самоорганизации, чем выше этический статус его членов; 2. общество, в котором реализована вторая этическая система, наоборот: имеет тем больше возможности к самоорганизации, чем ниже этический статус его членов. Поэтому общество, основанное на ЭС–2, достигает стабильности, когда уничтожает живых носителей своего героического идеала [Там же: 154]. Это объясняется тем, что этическая система непосредственно связана с политической организацией общества. Так, в идеале все индивиды принадлежат к героическому типу. В ЭС–1 в этом случае каждый индивид готов идти на компромисс в отношениях с любым другим индивидом. Такая система, благодаря потенциалу к компромиссу, оптимальна для образования кооперативных подсистем — открытой экономики [Там же: 14]. В ЭС–2, в идеальном случае, когда все индивиды принадлежат героическому типу, мы видим общество, все члены которого находятся в бескомпромиссном конфликте друг с другом и отличаются готовностью к жертве.

Так, изменение морали в России произошло в результате октябрьской революции 1917 г., которая не только изменила политическую и социально-экономическую структуру общества, но еще в большей степени изменила его мораль. Ее главной целью стало уничтожение людей, не разделявших коммунистические взгляды, т. е. постоянная конфронтация с инакомыслящими: «героев» (нравственно развитых людей) насильно заставляли превращаться в обывателей. Такому обществу грозит перманентная гражданская война. Поэтому реакцией

правительства явилось создание беспрецедентной репрессивной системы, уничтожившей наиболее активную часть населения. Так что ЭС–2 содержит в себе страшную ловушку: триумф героя ведет к кровавой анархии, вынуждающей создавать карательные органы. Все сколько-нибудь независимые люди при сталинском режиме были уничтожены или сломлены тем, что подписывали признание в своей антиправительственной деятельности и переходили в категорию обывателей. Так что после террора тридцатых годов во главе Советского Союза остались только совершенно послушные люди ЭС–2 [Там же: 150–153].

Различие между западным обществом и коммунистической системой более глубоко, чем обычно полагают: оно затрагивает фундаментальные структуры, связанные с категориями добра и зла. Советская культура в этом отношении не уникальна. ЭС–2 была реализована в Китае, в некоторых странах Индокитая, Ближнего Востока и Африки. Она может быть связана не обязательно с коммунистической идеологией, но и с фашизмом, с некоторыми экстремистскими религиозными философиями и т. п. Просто советское общество — наиболее «развитое» в этом отношении и позволяет провести анализ различных фаз развития обществ, основанных на ЭС–2 [Там же: 35]. О том, что человек дохристианской эпохи принадлежал к ЭС–2, свидетельствует анализ скандинавских сказаний [Гуревич 1979; Лефевр 2003: 172].

Соответствующие идеи, помимо прочего, создают новое «измерение» в анализе межкультурной коммуникации. Так, люди, как правило, не осознают различий в этических системах [Лефевр 2003: 121]. Поэтому существование в разных этических системах одних и тех же понятий, которые на самом деле имеют противоположные коннотации, приводит к существенным ошибкам взаимного восприятия индивидов, которые принадлежат к разным этическим системам. Достойный в своей этической системе индивид воспринимается представителем другой этической системы как недостойный, а недостойный — как достойный.

Глубокие неформальные модели человека в контексте морально-го выбора можно встретить в художественной литературе. Наиболее значительную из таких моделей мы находим в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание». В нем вскрыта анатомия субъективного мира человека, переживающего моральный кризис. Неслучайно, что этот роман оказал огромное влияние и на литературу, и на философию, и даже на юриспруденцию. Фабулу романа можно представить просто: стараясь возвыситься в своих глазах, молодой человек совершает убий-

ство. Параллельно с развитием детективной истории Достоевский проводит скрупулезный микро- и макроанализ поведения героев романа. На макроуровне мы видим человека, стоящего перед выбором между добром и злом, и мир, толкающий его к противоположным полюсам. На микроуровне мы видим детальную картину течения морального выбора. Стержнем сюжета служит противостояние двух этических систем. Писатель вводит эти системы двумя путями: во-первых, они сталкиваются в душе главного героя и, во-вторых, другие персонажи, представляя разные этические системы, конфликтуют друг с другом.

При этом важны следующие три характеристики персонажа: 1) его философия: сознательное, «декларативное», дискурсивно выраженное положительное или отрицательное отношение к компромиссу между целью и средствами; 2) жертвенность, т. е. готовность нарушить свой собственный внутренний комфорт во имя другого человека, торжества идеи или самоутверждения; 3) поведение, агрессивное или неагрессивное, т. е. склонность к конфликту или к компромиссу с другими людьми [Лефевр 2003: 135–136]. Соответственно, Соня Мармеладова и Лужин относятся к ЭС–1 (к разным типам), Свидригайлов (ср. «единичное злодейство позволительно») и Лебезятников (ср. «Все, что полезно человечеству, то и благородно») — ко второй этической системе (и тоже к разным типам), а сам Раскольников — персонаж, в котором борются обе этические системы.

У Раскольникова две личности, разрывающие его душу. У каждой из них своя философия и свой тип поведения, но у них есть общая черта — жертвенность. Раскольников описывает одну из своих философий в своей статье, в которой говорится, в частности, о научных открытиях и способах придания им известности и которую он пересказывает Порфирию. В ней он допускает, что «выходящие из колен люди... должны быть преступниками», и тем самым ясно формулирует принцип «цель оправдывает средства». Но в другом своем разговоре с Порфирием Раскольников утверждает, что он «верует в Бога», и тем самым отвергает этот принцип. Каждая философия Раскольникова связана с соответствующим типом поведения. Временами одна личность овладевает Раскольниковым, временами — другая. Их борьба отражена в его метании между Соней и Свидригайловым. Компромиссная философия ведет к бескомпромиссному действию: убийству старухи. Бескомпромиссная философия ведет к компромиссному действию: в раскаянии он становится на колени перед людьми. Убийство старухи — это особая жертва, тяжелый поступок человека, принадлежащего ЭС–2. За этим убийством не кроется никакой утилитарной цели.

Вторая личность жертвенно раскаивается и приклоняет колени и тем самым принадлежит ЭС–1 [Там же: 137–139].

Соня — это совесть первой личности Раскольников. Она религиозна и потому принадлежит ЭС–1. Она жертвенна — продает себя ради маленьких сестер и брата. Это безропотное существо, старающееся всем угодить: она предпочитает компромисс в отношениях с другими людьми. Свидригайлов — таинственный злодей, возможно, убийца и совратитель, но ему присущи щедрость и благородство; он агрессивен, готов жертвовать жизнью, но не идти на компромисс. Его решимость идти до конца описывается в сцене с Дуней: «Дуня поняла, что он скорее умрет, чем отпустит ее». Духовно опустошенный, он в конце концов убивает себя. Так что Свидригайлов олицетворяет идеальную форму второй личности Раскольника: компромиссная философия и бескомпромиссная агрессивность и жертвенность [Там же: 140]. Философия Лужина противоположна философии Лебезятникова. У него традиционные взгляды на мораль, в своих собственных глазах он респектабелен и верит, что цель не оправдывает средств. В отличие от Раскольника, у Лужина мораль и поведение разделены: он агрессивен и безнравственен («Злоба его удвоилась, когда он вдруг сообразил, что не следовало бы сообщать вчера о вчерашних результатах Андрею Семеновичу. Это была вторая вчерашняя ошибка, сделанная им сгоряча, от излишней экспансивности»), а Лебезятников труслив и безнравственен («Лебезятников... постоянно трусил напоминания об этой истории»). Ни Лужин, ни Лебезятников не приносят никаких жертв.

Таким образом, Раскольников является жертвенным типом и первой, и второй этической системы, как, соответственно, Соня и Свидригайлов, а Лужин и Лебезятников являются нежертвенными индивидами соответственно первой и второй этических систем. При этом авторская интонация, с которой описаны указанные герои, также служит некоторым индикатором этического статуса героя, который проецируется тем самым на шкалу «уважение — презрение» [Там же: 143–144].

В советской литературе нормативный образ героя соответствует непримиримому борцу; яркие примеры — романы «Железный поток» А. Серафимовича и «Как закалялась сталь» Н. Островского. В первом главный герой, красный командир Кожух, вообще ни в чем не сомневается, ни в образе себя, ни в образе врага, он типичный фанатик ЭС–2. Во втором произведении в образе Павла Корчагина воплощен «идеальный герой» ЭС–2: он самокритичен, у него множество сомнений в правильности образа себя, но у него нет никаких сомнений в правильности

образа врага. Если он находится в конфликте с кем-нибудь, ситуация не может измениться. Его конфликт социален, а мир людей дихотомичен и делится на врагов и друзей [Там же: 104].

Совсем по-другому рисуется образ героя в западной литературе. Так, в одном из наиболее выдающихся произведений западной культуры — в пьесе Шекспира «Гамлет» — описывается конфронтация добра и зла: Гамлета и его дяди Клавдия, ставшего королем Дании после смерти отца Гамлета. Появляющийся призрак отца сообщает Гамлету, что он был отравлен Клавдием. Казалось бы, Гамлет должен мстить за убийство отца, но он сомневается, был ли призрак действительно призраком его отца. Чтобы рассеять сомнения относительно образа своего противника, Гамлет придумывает театральную постановку, воспроизводящую гибель отца. Она символизирует сомнения Гамлета в правильности его образа Клавдия. А знаменитый диалог Гамлета «Быть или не быть...» символизирует сомнения Гамлета относительно самого себя.

Творчество Шекспира совпадает с периодом активного формирования системы ценностей в Европе. Громадная популярность «Гамлета» показывает, что эта пьеса глубоко соответствует этическому духу западной цивилизации: она имеет нормативную значимость и подчеркивает морально-этическое одобрение сомнений в корректности образа себя и образа «врага».

«Алгебра совести» основана на понятии рефлексии. Первоначально оно было использовано В. А. Лефевром в связи с потребностями больших проектов в военной сфере, при моделировании разного рода конфликтов [Лефевр 1967]. Однако официальная наука отвергла «субъективные» идеи автора. Он эмигрировал в Америку, где получил лабораторию для разработки своих идей. С начала 1990-х гг. рефлексивный подход получил и у нас в стране широкую поддержку, и не только в психологии, философии, науковедении, социологии и др. науках, но и в теории и практике управления психологическими, социальными, информационными, экономическими, организационными, производственными, административными, политическими и др. процессами, а также в лингвистике и др. науках. См., например, [Kohlberg 1984; Worth 1984; Lefebvre 1992; 1997; Miller, Sulcoski 1999; Щедровицкий 2001; Богатырев 2001; Лефевр, Адамс-Веббер 2001; Анисимов 2002; Лефевр 2003а; Степанов 2003; Крупнов 2003; Рябцева 2005; 2006].

«Фактически рефлексивные процессы и строящееся на них управление — остро востребованный продукт на современном этапе социокультурного развития, в первую очередь — России. Понять мысли и

чувства другого — значит упростить (в высоком смысле) его и свою жизнь, причем это касается субъекта любой степени общности: от индивида до общества в целом, особенно группового субъекта, ответственного за принятие решений»; «В. А. Лефевр открыл («сконструировал») совершенно особый язык, позволяющий прояснить и осмыслить то, что чаще всего спрятано под спудом слов. Поэтому... мало сказать о его теории «вклад в науку» (хотя это, несомненно, так). Речь доподлинно идет о вкладе в культуру, ибо Лефевр предложил образец того, как человек и человечество могут осознать себя» [Лепский 2001: 33, 19].

Книга В. А. Лефевра «Алгебра совести» заканчивается словами: «Вглядываясь в себя, субъект способен увидеть мир, а вглядываясь в мир — увидеть себя». Перефразируя это утверждение в соответствии с целью данной статьи, можно сказать, что, вглядываясь в то, что человек утверждает или отрицает, можно увидеть мир, в котором он живет, а вглядываясь в мир, в котором он живет, можно увидеть то, что он утверждает и отрицает.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов 2002 — *Анисимов О. С.* Развитие России и культура принятия государственных решений. М., 2002.
- Арутюнова 2000 — *Арутюнова Н. Д.* Феномен молчания // Язык о языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2000.
- Богатырев 2001 — *Богатырев К. К.* Лингвостилистический прием как средство выражения этической оценки // Рефлексивные процессы и управление. М., 2001. № 1. Т. 1. С. 120–123.
- Гуревич 1987 — *Гуревич А. Я.* Эда и сага. М., 1987.
- Лепский 2001 — *Лепский В. Е.* (гл. ред.) Рефлексивные процессы и управление. Международный научно-практический журнал. М., 2001. № 1. Т. 1.
- Лефевр 1967 — *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М., 1967.
- Лефевр 2002 — *Лефевр В. А.* Просчеты миротворчества // Рефлексивные процессы и управление. М., 2002. № 2. Т. 2. С. 48–51.
- Лефевр 2003 — *Лефевр В. А.* Алгебра совести. М., 2003.
- Лефевр 2003а — *Лефевр В. А.* Рефлексия. М., 2003.
- Лефевр 2001 — *Лефевр В. А., Адамс-Веббер Дж.* Функции быстрой рефлексии в биполярном выборе // Рефлексивные процессы и управление. М., 2001. № 1. Т. 1. С. 34–46.
- Крупнов 2003 — *Крупнов Ю. В.* Рефлексивные практики, инфраструктуры и государственность — основа реконструкции России // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы IV Международного симпозиума. М., 2003. С. 64–67.
- Рябцева 2005 — *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. М., 2005.

- Рябцева 2006 — *Рябцева Н. К.* Металингвистика: Новое направление в языкознании // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Ульяновск, 2006.
- Степанов 2003 — *Степанов А. М.* Нейрокибернетические аспекты рефлексивных процессов // Рефлексивные процессы и управление. М., 2003. № 2. Т. 3. С. 57–69.
- Щедровицкий 2001 — *Щедровицкий Г. П.* Рефлексия и ее проблемы // Рефлексивные процессы и управление. М., 2001. № 1. Т. 1. С. 47–54.
- Lefebvre 1982 — *Lefebvre V. A.* Algebra of conscience: A comparative analysis of Western and Soviet ethical systems. L.: Reidel Publishing, 1982.
- Lefebvre 1992 — *Lefebvre V. A.* A psychological theory of bipolarity and reflexivity. Lewiston: N. Y: Edwin Mellen Press, 1992.
- Lefebvre 1997 — *Lefebvre V. A.* The cosmic subject. Moscow: RAS, 1997.
- Kohlberg 1984 — *Kohlberg L.* The psychology of moral development. San Francisco: Harper & Row, 1984.
- Miller 1999 — *Miller L. D., Sulcoski M. F.* Reflexive models of human behavior: Variations on a Lefebvre theme // Proceedings of the workshop on multi-reflexive models of agent behavior / ARL-SR-64, 1999.
- Worth 1984 — *Worth D.* Vertical imaginary in the "Igor's Tale" // *Cyrrillomethodianum*. 1984. N 8–9.

«ПРЕЖДЕ НЕЖЕЛИ ПРОПОЕТ ПЕТУХ,
ТРИЖДЫ ОТРЕЧЕШЬСЯ ОТ МЕНЯ...»
(СЕМАНТИКА ОТРИЦАНИЯ И ОТРЕЧЕНИЯ В БИБЛИИ)

Идея отрицания, так или иначе присутствующая в идеях противодействия, протеста, упорства, несогласия, неприятия, отречения, отказа, отторжения и т. д., приобретает в Библии разнообразные формы прямого и косвенного выражения. Интерес представляет функционирование глагольных и именных единиц с семантикой отречения, отказа, непризнания в первоисточниках и переводах Библии: древнееврейском тексте Ветхого Завета [Heb], греческом тексте Нового Завета [Grk], Вульгате [LatB], Русском Синодальном переводе [РСП], переводах Библии на германские языки (Библия короля Якова в редакции 1769 г. [KJB], Библия Мартина Лютера в редакции 1912 г. [MLB], исландская Библия 1815 г. [IceB], датский, норвежский и шведский переводы Библии [DanB, NorB, SwB]), а также во французском переводе Louis Segond [FrB]. Эквиваленты исследуемых единиц устанавливаются с помощью электронной программы bible-online, включающей версию конкорданса Стронга.

В Русском Синодальном переводе (далее — РСП) существительное *отрицание* не встречается; глагол *отрицать* употреблен один раз в форме средне-возвратного залога со значением «отказываться»:

И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне? Когда же все *отрицались*, Петр сказал и бывшие с Ним: Наставник! народ окружает Тебя и теснит, — и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мне? (Лук. 8:45)

При этом в Ветхом и Новом Завете довольно часто встречаются глаголы *отрекаться* и *отречься*, имеющие сходную внутреннюю форму и морфологическую структуру (префикс со значением удаления/противодействия и корень со значением говорения) и способные, таким образом, рассматриваться в качестве этимологических дублетов глагола *отрицать*. Глаголы *отрекаться* и *отречься* дают в РСП в общей сложности 40 употреблений (11 в Ветхом Завете и 29 в Новом Завете).

Анализ контекстов указанных единиц позволяет выявить основные признаки концепта «отречение» в Русском Синодальном переводе. В Ветхом Завете это:

1) отказ от Бога, несоблюдение заповедей Божьих:

Это также было бы преступление, подлежащее суду, потому что я *отрекся* бы *тогда* от Бога Всевышнего (Иов 31:28, также Прит. 30:9).

2) отпадение от Бога целого народа. О народе Израиля говорится, что он *отрекся* от Бога:

Ты живешь среди коварства; по коварству они *отрекаются* знать Меня, говорит Господь (Иер. 9:6) (см. также Прит. 21:7, Пс. 77:10, Иер. 11:10).

В Новом Завете речь идет главным образом об отречении от веры. Структура концепта усложняется следующими признаками:

1) отречение от Христа впадших в грех и последующее отречение Христа от грешников перед именем Бога-Отца:

а кто *отречется* от Меня пред людьми, *отрекусь* от того и Я пред Отцем Моим Небесным (Матф. 10:33).

Если терпим, то с Ним и царствовать будем; если *отречемся*, и Он *отречется* от нас (2 Тим. 2:12).

2) способность людей отречься от Бога и верность Бога себе:

если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя *отречься* не может (2 Тим. 2:13).

3) устное выражение преданности Христу и отказ от имени Христа и от его учения из страха за собственную жизнь. Наиболее известным в этом смысле эпизодом является отречение Петра, описанное во всех четырех Евангелиях (Матф. 26:34, 35, 70, 72; Марк 14:31, 68, 70; Лук. 22:57; Иоан. 1:20; 18:25, 27). Приведем в качестве примера отрывки из Евангелия от Матфея:

Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды *отречешься* от Меня.

Говорит Ему Петр: хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не *отрекусь* от Тебя. Подобное говорили и все ученики (Матф. 26:34, 35).

И далее, в той же главе:

Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином.

Но он *отрекся* перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь.

Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем.

И он опять **отрекся** с клятвою, что не знает Сего Человека.

Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя.

Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух.

И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды **отречеши** от Меня. И выйдя вон, плакал горько (Матф. 26:69–75).

Обращение к другим библейским текстам и сопоставление первоисточников и переводов позволяет выявить некоторые интересные факты, связанные с лексическими способами выражения отрицания в Библии. В различных текстах — первоисточниках и переводах эквивалентами русских глаголов *отрекаться* и *отречься* выступают единицы с иной внутренней формой и, главное, несколько иной семантикой, что наводит на мысль о концептуальных различиях между текстами.

Попытаемся проследить лексические различия в способах выражения идеи отречения в первоисточниках и переводах на примере новозаветных стихов Матф. 26:72, 75 и ветхозаветного стиха Прит. 30:9. Начнем с уже процитированного отрывка из главы 26 Евангелия от Матфея, приводя примеры из первоисточника — греческого текста Нового Завета:

καὶ παλὶν **ᾠρησάτο** μεθ' ὁρκου ὅτι οὐκ οἶδα τὸν ἀνθρώπον <...>

καὶ ἐμνησθῇ ὁ πέτρος τοῦ ῥήματος τοῦ ἰησοῦ εἰρηκότος αὐτῷ ὅτι πρὶν ἀλεκτορα φωνῆσαι τρίς **ἀπαρνήσῃ** με καὶ ἐξέλθων ἐξῶ ἐκλαύσεν πικρῶς.

В KJB эквивалентом глаголов ἀρνέομαι и ἀπαρνέομαι выступает глагол deny «отрицать, не признавать, отказываться от своих слов». В отличие от современного английского языка, в Библии глагол deny употребляется с прямым одушевленным дополнением:

And again he **denied** with an oath, I do not know the man. <...>

And Peter remembered the word of Jesus, which said unto him, Before the cock crow, thou shalt **deny** me thrice. And he went out, and wept bitterly.

Этимологически глагол deny восходит через франц. (dé)nier к латинскому negare, в основе которого лежит отрицательный префикс или отрицательная частица не-с. В соответствующих стихах Вульгаты также стоит negare (Luc 22:34 — abnegare):

et iterum **negavit** cum iuramento quia non novi hominem <...>

et recordatus est Petrus verbi Iesu quod dixerat priusquam gallus cantet
ter me **negabis** et egressus foras ploravit amare.

Интересно, что в тексте французского перевода Louis Segond, в целом следующего Вульгате, стоят также восходящие к *negare* глаголы *nier* и *renier*:

Il le **nia** de nouveau, avec serment: Je ne connais pas cet homme. <...>

Et Pierre se souvint de la parole que Jésus avait dite: Avant que le coq chante, tu me **renieras** trois fois. Et étant sorti, il pleura amèrement.

В Библии Мартина Лютера, как и в немецком языке в целом, идея отречения выражается с помощью глаголов *leugnen* и *verleugnen* «отрицать, отказываться, отпираться» (двн. *liogan*, совр. *lügen* «лгать»):

Und er **leugnete** abermals und schwur dazu: Ich kenne den Menschen nicht.

Da dachte Petrus an die Worte Jesu, da er zu ihm sagte: “Ehe der Hahn krähen wird, wirst du mich dreimal **verleugnen**”, und ging hinaus und weinte bitterlich.

Хотя значение «лгать» нехарактерно для этих глаголов в современном языке и не было характерно уже в эпоху Лютера, здесь их употребление кажется вполне уместным. Петр, безусловно, лжет, говоря, что не знает Христа.

В готской Библии обнаруживаются два глагола со значением отречения: *laugnjan*, этимологически близкий глаголам *leugnen* и *verleugnen* (Matt. 26:70), и *afaikan* (Matt. 26:72, 75) — префиксальный дериват глагола *aikan* «говорить», своего рода эквивалент немецкого *absagen*:

Da **laugnida** faura þaim qīþands: ni vait hva qīþis. <...>

Jah aftra **afaiaik** miþ aīþa svarands þatei ni kann þana mannan. <...>

Jah gamunda Paitrus vaurdis Iesuis qīþanis du sis: þatei faur hanins hruk þrim sinþam **afaikis** mik. Jah usgaggands ut gaigrot bairtraba.

В исландской Библии в исследуемых контекстах стоят глаголы *neita* и *afneita* «отрицать, отказываться, отрекаться» (< исл. *ney* «нет»):

En hann **neitaði** sem áður og sór þess eip, að hann þekkti ekki þann mann. <...>

Og Pétur minntist þess, er Jesús hafði mælt: “Áður en hani galar, muntu þrisvar **afneita** mér.” Og hann gekk út og grét beisklega.

Практически такое же использование простого глагола и префиксального деривата, образованных от отрицательной частицы, обна-

руживается в переводах Библии на датский, шведский и норвежский языки:

Og han *nægtede* det atter med en Ed: “Jeg kender ikke det Menne-ske.” <...>

Og Peter kom Jesu Ord i Hu at han havde sagt: “Førend Hanen galер, skal du *fornægte* mig tre Gange.” Og han gik udenfor og græd bitterligt (DatB)

Eter *nekade* han med en ed och sade: “Jag känner icke den mannen.” <...>

De kom Petrus iheg Jesu ord, huru han hade sagt: “Förrän hanen gal, skall du tre genger *förneka* mig.” Och han gick ut och grät bitterligen. (SwB)

Og atter *nektet* han det med en ed: Jeg kjenner ikke det men-ske. <...>

Da kom Peter Jesu ord i hu, at han hadde sagt til ham: Før hanen galер, skal du *fornekte* mig tre ganger; og han gikk ut og gret bitterlig. (NorB)

Из общего ряда библейских переводов выделяются Bible in Basic English (BBE), Good News Bible (GNB) и ее немецкий аналог Gute Nachricht Bibel (GUTB) — упрощенные переводы, в которых идея отречения подменяется идеей непризнания, так что слова Иисуса, обращенные к Петру в стихе 75, фактически повторяют слова самого Петра в стихе 72:

And again he *said* with an oath, I *have no knowledge of* the man. <...>

And the word of Jesus came back to Peter, when he said, Before the hour of the cock's cry, you will *say* three times that you *have no knowledge of* me. And he went out, weeping bitterly (BBE).

Again Peter *denied* it and answered, “I swear I *don't know* that man!” <...>

And Peter remembered what Jesus had told him: “Before the cock crows, you will say three times that you don't know me”. He went out and cried bitterly (GNB).

Und wieder *stritt* Petrus es *ab* und schwor: “ich kenne den Mann überhaupt nicht!” <...>

[In diesem Augenblick krähte ein Hahn,] und Petrus erinnerte sich daran, dass Jesus zu ihm gesagt hatte: “Bevor der Hahn kräht, wirst du

mich dreimal *verleugnen und behaupten, dass du mich nicht kennst*" (GUTB).

Параллельное прочтение ветхозаветных стихов дает подобную картину. Приводя стих Прит. 30:9 в различных переводах (соответствующий стих в готской Библии не сохранился), отметим, что идея отречения передается в Ветхом и Новом Завете сходным образом. От большинства переводов отличаются Bible in Basic English, Good News Bible и Gute Nachricht Bibel: используемый в них парафраз ведет к значительному обеднению смысла.

РСП: дабы, пресытившись, я не *отпрекся Тебя* и не сказал: „кто Господь?“ и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всеу.

LatB: ne forte saturatus iniciar ad *negandum* et dicam quis est Dominus et egestate compulsus furer et peierem nomen Dei mei.

FrB: De peur que, dans l'abondance, je ne te *renie* Et ne dise: Qui est l'Eternel? Ou que, dans la pauvreté, je ne dérobe, Et ne m'attaque au nom de mon Dieu.

KJB: Lest I be full, and *deny thee*, and say, Who *is* the LORD? or lest I be poor, and steal, and take the name of my God *in vain*.

MLB: Ich möchte sonst, wo ich zu satt würde, *verleugnen* und sagen: Wer ist der HERR? Oder wo ich zu arm würde, möchte ich stehlen und mich an dem Namen meines Gottes vergreifen.

BBE: For fear that if I am full, I may *be false* to you and say, Who is the Lord? or if I am poor, I may become a thief, using the name of my God wrongly.

GNB: If I have more, *I might say that I do not need* you. But if I am poor, I might steal and bring disgrace on my God.

GUTB: Habe ich zu viel, so *sage ich vielleicht: "Wozu brauche ich den Herrn?"* Habe ich zu wenig, so fange ich vielleicht an zu stehlen und bringe deinen Namen in Verruf.

IceB: Ég kynni annars að verða of saddur og *afneita* Og segja: "Hver er Drottinn?" eða ef ég yrði fátækur, kynni ég að stela Og misbjóða nafni Guðs míns.

DanB: at jeg ikke skal blive for mæt og *fornægte* og sige: "Hvo er HERREN?" eller blive for fattig og stjæle og volde min Guds Navn Men.

SwB: Jag kunde eljest, om jag bleve alltför matt, *förneka* dig, att jag sporde: "Vem är HERREN?" eller om jag bleve alltför fattig, kunde jag bliva en tjuv, ja, förgripa mig på min Guds namn.

NorB: forat jeg ikke ner jeg blir mett, skal *fornekte* dig og si: Hvem er Herren? og ikke ner jeg blir fattig, stjele og forbanne min Guds navn!

Обычный контрастивный анализ переводов дает возможность определить специфику того или иного перевода в способах выражения тех или иных понятий, но не позволяет выявить степень отступления от первоисточника. Для определения отношений эквивалентности между единицами переводов и первоисточников используется разработанный нами метод лексико-контекстуального апплицирования и реапплицирования, заключающийся в наложении микроконтекстов определенных единиц библейского перевода на текст первоисточника или другого перевода, выявлении эквивалентов исследуемых единиц, и последующем наложении, т. е. реапплицировании, микроконтекстов этих эквивалентов на текст первого перевода с последующим анализом соответствий и несоответствий (подробнее см. [Яковенко 2007]).

Лексико-контекстуальное апплицирование и реапплицирование включает в самом общем случае следующие этапы:

1) сплошная выборка из текста перевода контекстов исследуемой единицы;

2) апплицирование на первоисточники: поиск древнееврейских (для Ветхого Завета) и греческих (для Нового Завета) эквивалентов данной единицы;

3) реапплицирование: подбор для каждого выявленного в ходе апплицирования древнееврейского и греческого слова эквивалентов в тексте перевода, которому принадлежит исследуемая единица;

4) анализ соответствий vs. несоответствий между а) словом, стоящим в оригинале, и способами выражения соответствующего понятия в переводе; б) способами выражения одного понятия в различных переводах Библии.

Используя данный метод, определим эквиваленты русских, английских, немецких, исландских единиц со значением отречения в текстах первоисточниках. В ходе лексико-контекстуального апплицирования были выявлены следующие древнееврейские и греческие эквиваленты исследуемых единиц:

- kashash «лишаться (*жир*а), исхудать; раболепствовать, притворно покоряться; отвергать, отрицать; лгать, обманывать; раболепствовать, ласкательствовать, подлизываться, потворствовать»;
- mawas «презирать, отвергать, пренебрегать, гнушаться; быть отверженным, быть презренным или пренебрегаемым; исчезать, пропадать»;
- mawen «отказываться, отвергать, отрекаться, не хотеть»;

- αρνέομαι «отрицать, отвергать, отрекаться, отказываться»;
- αλαρνέομαι «отрекаться, отвергать(ся), отрицать».

Лексико-семантическое реаплицирование контекстов древне-еврейских и греческих единиц на переводы, в частности, РСП, КJB, MLB, IceB, дает весьма любопытные результаты, приводимые в следующей таблице:

др.-евр./ греч.	РСП	KJB	MLB	IceB
kachash	отрекаться/ отречься (не) признаваться запираться (со)лгать утаивать обманывать раболепствовать	deny lie deal falsely dissemble submit fail deceive	verleugnen leugnen ableugnen Lügen betrügen fehlen	afneita
mawas	пренебречь отвергнуть отбросить презирать презреть отвратиться отречься	reject despise refuse cast away	verachten verschmähen verwerfen	hafna «отвергать, отказываться» fyrirlita «презирать»
mawen	отказаться не захотеть не согласиться отречься отвергнуть	refuse	nicht willen weigern	ekki vilja «не хотеть»
αρνέομαι	отречься отвергнуть отказаться	deny refuse	leugnen verleugnen	neita afneita
αλαρνέομαι	отвергнуться отречься	deny	verleugnen	afneita

Из таблицы хорошо видно, что единицы переводов не полностью передают смыслы широкозначных единиц первоисточников, актуализуя то один, то другой концептуальный признак. Идея отречения сочетается в Ветхом и Новом Завете с идеями:

- 1) обмана, утаивания чего-либо, отказа от собственных слов;
- 2) непризнания, предполагающего широкий спектр отрицательных оценок: неприятия, пренебрежения, презрения, отторжения;
- 3) отказа как нежелания выполнить какое-либо действие.

Все эти идеи получают в переводах дискретное языковое выражение.

Таким образом, анализ средств вербализации одного концепта дает яркий пример языковых и концептуальных расхождений между картинами мира, представленными в первоисточниках и различных переводах Библии.

ЛИТЕРАТУРА

- РСИ — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе. Переспечатано с Синодального издания. Объединенные Библейские Общества, 1993 г.
- Яковенко 2007 — Яковенко Е. Б. Homo biblicus. Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования). М., 2007.
- BBE — The Bible in Basic English, 1965 // www.onlinebible.org
- DanB — Danish Bible // www.onlinebible.org
- FrB — Bible Louis Segond // www.onlinebible.org
- GNB — Good News Bible. Today's English Version. The United Bible Societies. 1982.
- GotB — F. L. Stamm's Ulfilas oder die uns erhaltene Denkmäler der gothischen Sprache. Paderborn, 1872.
- Grk — греческий текст Нового Завета // www.onlinebible.org
- GUTB — Gute Nachricht Bibel. Revidierte Fassung 1997 der "Bibel in heutigem Deutsch". Stuttgart, 2000.
- Heb — древнееврейский текст Ветхого Завета // www.onlinebible.org
- IceB — Biblían. Útgáfa 1815 // www.onlinebible.org
- KJB — Holy Bible. Authorized King James Version. World Bible Publishers. 1989. Также в: www.onlinebible.org
- LatB — Biblia Sacra Vulgata. Stuttgart, 1994.
- MLB — Die Bibel nach der Übersetzung Martin Luthers, 1912 // www.onlinebible.org
- NorB — Norsk Bibel // www.onlinebible.org
- SwB — Swedish Bible // www.onlinebible.org

В. Б. БОРЩЕВ, Е. В. ПАДУЧЕВА, Б. Х. ПАРТИ,
Я. Г. ТЕСТЕЛЕЦ, И. С. ЯНОВИЧ

СИНТАКСИЧЕСКОЕ, СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Проблема. Что считать отрицанием предложения (1)?

(1) *Коля в Лондоне.*

Наша работа посвящена обсуждению этого вопроса. Есть два потенциальных кандидата, которых мы будем называть **предложением с *не*** и **предложением с *нет***:

(1-НЕ) *Коля не в Лондоне.*

(1-НЕТ) *Коли нет в Лондоне.*

«Хотя формальная структура первого варианта находится в соответствии с принципом построения позитивной формы..., реально более употребителен второй вариант, следующий экзистенциальной модели. Бытийное построение локальных предложений имеет общеотрицательное значение... Если бы локальные предложения не пользовались отрицанием *нет*, то в них общее отрицание для форм настоящего времени не отличалось бы от частного отрицания, относящегося к локализатору, т. е. предложение *Петя не здесь* могло бы означать и 1) *Петя не находится здесь*, и 2) *Петя находится не здесь* (а в другом месте). Язык, однако, дифференцировал эти смыслы, включив в систему форм

Работа выполнена при частичной поддержке National Science Foundation grant BCS-0418311 to Borschev and Partee for the project "The Russian Genitive of Negation: Integration of Lexical and Compositional Semantics." Мы благодарны Е. В. Рахилиной, участникам FASL-14 и Хане Филип. Доклад представляет собой часть исследования, результаты которого кратко изложены в [Borschev et al. 2006], см.: <http://people.umass.edu/partee/docs/FASL14.pdf>.

локальной предикации отрицание *нет*, заимствованное у быгтийных предложений» [Арутюнова 1976: 214–215].

Вопрос об отрицательном корреляте возникает и для других примеров с референтным подлежащим, нулевой связкой и локативным или локативно-посессивным предикатом, таких как (2):

- (2) а. *Наша машина на стоянке.*
 б. *Ваше письмо у секретаря.*

В то же время для многих предложений, таких как (3а), нет никаких сомнений в том, что считать их отрицанием:

- (3) а. *Петров работает в МГУ.*
 б. *Петров не работает в МГУ.*
 с. *Петров работает не в МГУ.*

Все согласятся с тем, что отрицанием (3а) является (3б). Предложение (3б) является синтаксическим, или, как мы будем говорить, следуя англоязычной терминологии, *сентенциальным* (*sentential*) отрицанием (S-Neg) предложения (3а). Семантически оно является логическим отрицанием предложения (3а) — по крайней мере, при некоторых естественных пресуппозициях. Предложение (3с) называется *конституентным* отрицанием (C-Neg) предложения (3а). Семантически оно является суждением, *противоположным* (*contrary*) к (3а), см. раздел 3 ниже. Можно сказать, что предложение (3с) отрицает (3а), но его нельзя назвать логическим отрицанием последнего.

«Идеальным отрицанием» утвердительного предложения ϕ можно назвать предложение, являющееся:

- а) синтаксически — сентенциальным отрицанием ϕ ,
 б) семантически — логическим отрицанием ϕ ,
 в) имеющим структуру, отличающуюся от ϕ только «добавлением» отрицания (и сохраняющим все другие его структурные особенности — тема-рематическую структуру и т. п.).

Не каждое предложение имеет «идеальное отрицание». В общем случае соотношение между утвердительным предложением и его возможными отрицаниями нетривиально, и пример (1) демонстрирует именно это.

Отрицанием локативного предложения типа (1) «должно бы» быть предложение с *не* (1-НЕ), отличающееся от (1) только отрицательной частицей. Но как утверждают [Арутюнова 1976, Chvany 1975, Babby 1980, Harves 2002a] и другие авторы, предложение с *не* (1-НЕ) является конституентным отрицанием (1), а «правильным» отрицани-

ем (1) является предложение с *нет* (1-НЕТ). Предложение с *нет* содержит генитив отрицания (Gen Neg) — признак того, что это синтаксическое sentенциальное отрицание (S-Neg). Хорошо известно [Пешковский 1956, Babby 1980, Богуславский 1985], что генитив отрицания возможен только при sentенциальном отрицании (S-Neg) и невозможен при конституентном отрицании (C-Neg), даже в тех случаях, когда семантика (S-Neg) и (C-Neg) неразличима, как в предложениях (4а, б) (в версии $NEG > \forall$ для обоих предложений¹), каждое из которых может рассматриваться как семантическое отрицание (5).

- (4) а. *Мы не решили всех задач.*
б. *Мы решили не все задачи / *всех задач.*
(5) *Мы решили все задачи.*

Но идея, что предложение с *нет* (1-НЕТ) является отрицанием (1), представляется далеко не очевидной: (1) — типичное локативное предложение [Арутюнова 1976, 214–15, Падучева 1992, Kondrashova 1996]. Оно содержит нулевую форму связки, но не форму *есть*, и его подлежащее референтно. А (1-НЕТ) имеет признаки как локативного, так и бытийного предложения: референтный субъект, но Gen Neg (т.е. генитив субъекта, и *нет*), что характерно для бытийных предложений. Типичные предложения с *нет* являются отрицаниями бытийных предложений с *есть*:

- (6) а. *В холодильнике есть еда.*
б. *В холодильнике нет еды.*

Работа посвящена решению загадки отрицательного коррелята к локативному предложению. Попутно мы хотели бы уточнить общую проблему — как утвердительное предложение может соотноситься со своим отрицанием.

В предложении с *не* (1-НЕ) используется нулевая форма глагола *быть*, поэтому можно рассмотреть две возможные структуры — (7а) и (7б). Л. Бэбби [Babby 1980] и другие авторы считают, что в предложении с *не* используется конституентное отрицание (7а), и аргументируют это тем, что в значении этого предложения присутствует неявная контрастивность (*не в Лондоне, а в...*).

¹ Для (4б) это единственная интерпретация, в то время как для (4а) — маркированная версия, требующая специальных интонационных средств. Эта разновидность sentенциального отрицания называется **смещенным отрицанием**, оно подробно описано Е. В. Падучевой ([1974, 2005]; см. еще [Кобозева 1976, Богуславский 1985: 40–53]).

- (7) а. Структура конституентного отрицания: Коля $\emptyset_{\text{быть}}$ [не [в Лондоне]]
 б. Структура сентенциального отрицания: Коля [не [$\emptyset_{\text{быть}}$ в Лондоне]]

Действительно, предложение с *не* можно интерпретировать контрастивно, но мы считаем, что возможна и неконтрастивная интерпретация. Близкое по структуре предложение (8) в этом отношении еще яснее: оно утверждает только отсутствие дежурного на посту, говорящий может не знать, где был дежурный.

- (8) Дежурный $\emptyset_{\text{быть}}$ (был) не на месте.

Мы согласны с Л. Бэбби в том, что предложение с *не* содержит конституентное отрицание (C-Neg), хотя приводим в пользу этого другие, на наш взгляд, более убедительные аргументы [Borschev et al. 2006].

Наиболее существенный аргумент опирается на структуру предложений с кванторами в прошедшем и будущем времени. Если бы предложение (1-HE) имело структуру (7b), то такую же структуру должно было бы иметь и предложение (9c). Но тогда мы должны спросить — какова сфера действия отрицания в (9c), есть ли там две возможности интерпретации, как в предложении (9a), в котором, вне всякого сомнения, используется сентенциальное отрицание, либо там возможна только одна интерпретация, как в предложении (9b), где используется конституентное отрицание. В (9b) подлежащее находится вне сферы действия отрицания, в то время как в (9a) есть две возможные интерпретации (при разной интонации). Но в (9c) возможна только одна интерпретация (с узкой сферой действия отрицания, не включающей подлежащее). Поэтому естественно предположить, что (9c) и (1-HE), аналогично (9b), имеют структуру конституентного отрицания (7a).

- (9) Контекст: причина, по которой Королевский балет не выступает в Лондоне, в то время, когда наш друг находится (или будет находиться) там.

а. Все балерины не будут в Лондоне.

Варианты: (i) $\forall > \text{NEG}$: все балерины будут находиться вне Лондона

(ii) $\text{NEG} > \forall$ [вариант со смещенным отрицанием]:

не все балерины будут в Лондоне

б. Все балерины будут не в Лондоне.

один вариант: (i) $\forall > \text{NEG}$

с. Все балерины не в Лондоне.

один вариант: (i) $\forall > \text{NEG}$

Таким образом, в предложении (1-HE) мы имеем дело с конституентным отрицанием.

Можно ли считать предложение с *ne* (1-НЕ) отрицанием предложения (1)? На первый взгляд кажется, что нет, вроде бы «правильное» отрицание должно быть сентенциальным. Однако в том случае, когда «идеальное отрицание» к некоторому предложению отсутствует, вместо него может употребляться «неидеальное» как прагматический эквивалент. Мы постараемся показать, что предложение с *ne* (1-НЕ) нельзя считать ни синтаксическим, ни семантическим отрицанием предложения (1), но можно считать его **прагматическим** отрицанием.

2. Отрицание: синтаксическое, семантическое и прагматическое. В классической семиотике [Morris 1938] **синтаксис** описывает свойства выражений языка, **семантика** соотносит эти выражения с их значениями и **прагматика** соотносит выражения, их значения и их использование в возможных контекстах.

Аналогичным образом мы различаем синтаксические, семантические и прагматические понятия, относящиеся к отрицанию. Вопрос «Является ли предложение S1 отрицанием предложения S2» на самом деле состоит из нескольких вопросов и только в простейшем случае кажется легким.

2.1. Синтаксические понятия S-Neg и C-Neg. Как замечает Л. Хорн [Horn 1989], критерии выделения S-Neg в английском языке, установленные О. Есперсеном [Jespersen 1924] и Э. Климой [Klima 1964], могут противоречить друг другу. Критерий Есперсена для S-Neg (nexal negation в терминологии Есперсена) — это каноническая позиция для морфемы отрицания. Критерии Климы — это набор тестов, включающий так называемые tag questions, противопоставление наречий *too* vs. *either* и особых местоимений (*so* vs. *neither*). И Есперсен, и Клима рассматривают предложения *John didn't arrive* 'Джон не приехал', *John didn't eat anything* 'Джон ничего не ел' как S-Neg; оба считают, что *They're arguing about nothing* 'Они спорят ни о чем' — это C-Neg. Но некоторые предложения, которые для Есперсена относятся к C-Neg (special negation), являются S-Neg для Климы, например *No one objected* 'Никто не возражал', *John ate nothing* 'Джон ничего не ел', *Not everyone agreed* 'Не все согласились'.

Для русского языка критерии Есперсена и Климы дают одинаковый результат: в русских переводах почти всех английских предложений с сентенциальным отрицанием (S-Neg) по критерию Климы отрицательная частица *не* стоит перед глаголом, согласно критерию Есперсена. Так что для русского языка синтаксический термин S-Neg бесспорно соответствует *приглагольному (фразовому) отрицанию*, а C-Neg — *присловному отрицанию*.

- (10) а. Русское синтаксическое S-Neg: *Иван не пришел. Никто не пришел. Он не решил всех задач. Всего я не понял.*
 б. Русское синтаксическое C-Neg: *Это был не портрет. Пришел не Иван. Петя ездит не быстро. Он решил не все задачи. Я понял не все.*
 с. Неясные случаи: *Коля не в Лондоне. Коля не готов. Коля не женат. Коля не дурак.*

Таким образом, неясные случаи в русском языке — это предложения с нулевой формой глагола *быть*.

2.2. Семантика. Семантическое отрицание высказывания *p*. Отрицание — семантическое понятие. Именно в семантике мы определяем, что значит, что одно предложение является отрицанием другого, или, точнее, что значит, что одно **высказывание** является отрицанием другого². Хорошо известные таблицы истинности в логике — это простейший случай, идеализация, предполагающая, что каждое высказывание либо истинно, либо ложно (т. е. игнорирующее пресуппозиции). Отрицание в этом случае определяется как функция над истинностными значениями: $\neg p$ истинно, если и только если p ложно. В философской логике в этом случае говорят (следуя Аристотелю) о **контрадикторном отрицании** (contradictory negation). Аристотель рассматривает и более «слабое» понятие — **контрарное отрицание** (contrary negation): говорят, что высказывание q является контрарным отрицанием p , если и только если p и q не могут быть истинны одновременно (но могут быть одновременно ложны). Предложение (3б) является контрадикторным отрицанием предложения (3а)³; предложение (3с) является контрарным отрицанием (3а). Для удобства приведем парадигму (3) еще раз:

- (3) а. *Петров работает в МГУ.*
 б. *Петров не работает в МГУ.*
 с. *Петров работает не в МГУ.*

Будем исходить из следующих предположений:

- Семантически высказывание можно рассматривать как множество возможных ситуаций, для которых оно истинно.

² Заметим, что мы здесь занимаемся соотношением предложений (высказываний), тем, какое предложение естественно считать отрицанием данного (**семантическое отрицание**), а не теми различными способами, которыми можно отрицать то или иное высказывание в реальном диалоге (**риторическое отрицание**).

³ Предложение (3б) можно считать логическим (контрадикторным) отрицанием (3а), если мы либо не предполагаем существование Петрова, либо мы считаем, что универсум U , о котором мы говорим ниже, содержит только ситуации, в которых Петров существует.

- Тогда, если U — универсум возможных ситуаций, то высказывание p — это некоторое подмножество U , контрадикторное отрицание p — это множество $U-p$ (дополнение p в U), а любое высказывание q , являющееся контрарным отрицанием p — это подмножество U , не пересекающееся с p .
- Тем самым понятия контрадикторного или контрарного отрицания p всегда рассматриваются относительно универсума U . «Сокращая» U удалением ситуаций, в которых ни p , ни q не истинны (т. е. удаляя все ситуации, в которых ложны пресуппозиции p), мы трансформируем контрарное отрицание p в контрадикторное отрицание.
- Например, **общее отрицание** определяется в [Падучева 1974: 145, 151] как отрицание, сохраняющее пресуппозиции, т. е. общее отрицание p является дополнением p во множестве ситуаций, в которых истинны все пресуппозиции p . Общее отрицание p является контрадикторным отрицанием в таком множестве ситуаций, но будет контрарным отрицанием p во множестве ситуаций, в котором не обязательно верны все пресуппозиции p , например, в максимальном универсуме U .
- Выбор универсума U — это прагматический вопрос, мы проиллюстрируем это в разделе 2.3.

Заметим, что описанная выше схема представления ситуаций и интерпретации в них высказываний, соответствующих предложениям естественного языка, может уточняться самыми разными способами. Интерпретация собственных имен, статус и роль пресуппозиций, разного рода встроенные прагматические факторы, такие как тема-рематическая структура, структура перспективы [Borschev, Partee 2002a, b], Наблюдатель [Падучева 1992, 1997], существенные при рассмотрении многих примеров, усложняют рассмотрение предложений, которые мы обсуждаем.

Как же соотносятся понятия семантического и синтаксического отрицания? Если в предложении нет ни кванторов (или других элементов, задающих сферу действия), ни пресуппозиций (что бывает редко), то тогда его сентенциальное отрицание (S-Neg) является и его контрадикторным отрицанием. В других случаях это может быть не так. Например, английское предложение *Every boy did not come* 'Каждый мальчик не пришел' в случае (дефолтной) интерпретации с «широкой» сферой действия квантора является контрарным, а не контрадикторным отрицанием предложения *Every boy came* 'Каждый мальчик при-

шел'. Синтаксическое C-Neg часто интерпретируется как контрарное отрицание, как в (3с), но не всегда — иногда оно может быть контрадикторным отрицанием.

Не все синтаксические сентенциальные отрицания (S-Neg) являются контрадикторными отрицаниями «соответствующих» утвердительных предложений. И не для всех утвердительных предложений их контрадикторные отрицания могут быть выражены как их сентенциальные отрицания S-Neg. Скажем, в примере (11) ниже, как (11а), синтаксически ближайшее S-Neg для (11с), так и (11b), C-Neg для (11с), являются контрарными отрицаниями предложения (11с).

- (11) а. *Коля не пошел из-за вас на концерт.*
 б. *Коля пошел не из-за вас на концерт.*
 с. *Коля пошел из-за вас на концерт.*

Контрадикторное отрицание предложения (11с) должно быть верно в любой ситуации, в которой (10с) неверно, включая ситуации, в которых Коля не пошел на концерт (независимо от того, было ли это *из-за вас* или по другой причине). Но, видимо, единственный способ выразить это суждение — парафраз (11d) *Неверно, что Коля пошел из-за вас на концерт.*

2.3. Семантика и прагматика. В современных теориях различие между семантикой и прагматикой не является ни четким, ни стабильным. Но независимо от ярлыков важно принимать во внимание пресуппозиции и контекст, так как это «формирует» универсум *U* релевантных ситуаций.

Так как прагматика занимается отношениями между выражениями, их денотатами и контекстом, в которых эти выражения употребляются, естественно рассматривать **прагматическое отрицание** как трехместное отношение:

- **Прагматическое отрицание:** При данных контекстуальных предположениях ⁴ Σ говорящий может использовать предложение *S'* с семантической интерпретацией *q* как прагматическое отрицание предложения *S* с интерпретацией *p*, если относительно всех ситуаций, удовлетворяющих Σ , *q* является контрадикторным отрицанием *p* (т. е. дополнением *p*).

Мы можем проиллюстрировать понятие прагматического отрицания на нашем примере (3) «про Петрова». Вообразим универсум *U*, раз-

⁴ Контекстуальные предположения могут включать прагматические пресуппозиции, предположения о контексте самого разговора и т. п.

деленный на 4 типа ситуаций: миры W_1 , в которых нет Петрова, миры W_2 , в которых Петров есть, но не работает, W_3 , в которых Петров работает, но не в МГУ, и W_4 , в которых Петров работает в МГУ.

Таблица

<div>Пропозиции</div> <div>Классы ситуаций</div>	(3aі) [Петров] _{ТОР} работает в МГУ	(3aіі) [Петров работает] _{ТОР} в МГУ	(3b) [Петров] _{ТОР} не работает в МГУ (S-Neg)	(3c) [Петров работает] _{ТОР} не в МГУ (C-Neg)
W_1 : Петрова нет	#	#	#	#
W_2 : Петров нигде не работает	Ложно	#	Истинно	#
W_3 : Петров работает, но не в МГУ	Ложно	Ложно	Истинно	Истинно
W_4 : Петров работает в МГУ	Истинно	Истинно	Ложно	Истинно
# = нарушение прагматической пресуппозиции: неуместное (infelicitous) употребление (Мы следуем тут анализу Л. Хорна, трактуя пресуппозиции прагматически.)				

Утвердительное предложение (3a) соответствует классу W_4 . Что является его контрадикторным отрицанием?

- Относительно U, игнорируя все пресуппозиции, даже существование Петрова, ответом будет $W_1 \cup W_2 \cup W_3$, — но это не естественная интерпретация (3b) *Петров не работает в МГУ*.
- Чтобы придать предложению (3b) более естественную интерпретацию, рассмотрим только контексты (ситуации), в которых Петров существует, сокращая U до $W_2 \cup W_3 \cup W_4$ (срезая верхнюю строку таблицы). Утвердительное предложение (3a), когда *Петров* — это Тема/Топик (3aі), верно в W_4 и ложно в W_2 и W_3 ; и (3b) является контрадикторным отрицанием предложения (3a), а (3c) — только контрарным.

- Предположим теперь, что *Петров работает* является Темой в (3с) и в (3а), см. (3аii). В таком случае выполняется прагматическая пресуппозиция, что Петров работает, и релевантный универсум сокращается до $W_3 \cup W_4$, т. е. двух нижних строк таблицы. Тогда контрадикторное отрицание предложения (3а) равным образом выражается предложениями (3b) и (3с). В этом случае говорящему естественно использовать более информативное (3с) как отрицание (3а).
- Таким образом, предложение (3с) является хорошим «прагматическим отрицанием» в таком контексте: оно более информативно, чем (3b), и говорящий выражает пресуппозиции, которые, как он предполагает, он делит со слушающим.
- Если мы рассматриваем большинство пресуппозиций как прагматические, то общее отрицание (Падучева 1974) можно считать прагматическим отрицанием: оно является контрадикторным отрицанием в универсуме U , сокращенном до такой степени, что он включает только ситуации, в которых все пресуппозиции выполняются, но контрарным отрицанием в неограниченном, максимальном универсуме.

3. Вывод относительно предложения с *не* (половина решения). Теперь мы можем сказать, в каком смысле предложение с *не* (1-НЕ) может рассматриваться как отрицание предложения (1). Предложение с *не* (1-НЕ) не является S-Neg, но оно может быть прагматическим (и практическим) отрицанием предложения (1).

Семантически оно представляет собой только контрарное отрицание предложения (1), но контекст может «сократить» универсум U , делая (1-НЕ) контрадикторным отрицанием предложения (1).

4. Анализ предложения с *нет*. Предложение с *нет* (1-НЕТ) является S-Neg, но не очевидно, что оно может считаться отрицанием (1) на формальных основаниях (синтаксических или семантических): надо понять, на чем основано его отношение к (1).

Есть разные точки зрения на то, к какому типу предложений принадлежит (1-НЕТ): бытийным [Borshev, Partee 1998, 2002a, b], локативным [Babby 1980, Chvany 1975, Harves 2002a, b], перцептивному подтипу локативных предложений [Падучева 1997] или смешанному бытийно-локативному типу [Partee, Borshev 2004, 2007]. Это существенно для нашей задачи анализа предложений типа (1-НЕТ), но это слишком большая тема, чтобы тут в нее углубляться. Мы используем в

той или иной степени некоторые идеи этих работ, не следуя в точности каждой из них. Мы будем опираться на следующие три предположения⁵:

(I) Есть некоторая специфическая особенность, которая маркирована противопоставлением номинатива и генитива в отрицательных предложениях. Согласно В. Б. Борщеву и Б. Парти, это структура перспективы — а именно, то, что является «центром перспективы». В подходе Е. В. Падучевой это наличие (и место) наблюдателя. В утвердительных предложениях нет морфологических свидетельств (манифестаций) центра перспективы или наблюдателя. Мы предполагаем, что утвердительные предложения типа (1) двусмысленны с этой точки зрения, см. (1 i-ii) ниже.

(II) Порядок слов определяется прежде всего тема-рематической структурой (Topic vs. Focus), эта структура перевешивает структуру перспективы, если они не совпадают, см. пример (12) ниже:

- (12) а. У Маши есть бумага.
б. Бумага есть у Маши.

В дефолтном случае субъектно-предикатная структура, тема-рема и центр перспективы согласованы. Определенность и одушевленность тоже не случайным образом связаны с соотношением подлежащее/тема/центр перспективы.

(III) Если (I) и (II) правильно, то утвердительные предложения не имеют никаких морфосинтаксических индикаторов структуры перспективы, так как порядок слов определяется тема-рематической структурой.

⁵ Эти предположения разделяются большинством авторов, однако один автор (В. Борщев) относится к ним скептически. Он считает, что предложение (1) однозначно, центр перспективы в нем — это Коля. Тем не менее при некоторых условиях (1-НЕТ) можно считать прагматическим отрицанием предложения (1), хотя они имеют одинаковую структуру Темы-Ремы, но разную структуру перспективы.

Допустим, что Говорящий в Лондоне, а Коля может быть как в Лондоне, так и вне его. Если Коля тоже в Лондоне, то Говорящий, в принципе, может сделать Центром перспективы как Лондон, так и Колю, произнеся в первом случае что-то вроде *В Лондоне (сейчас) Коля*, а во втором случае описать эту ситуацию предложением (1). Но если Коля не в Лондоне, а Говорящий, как мы предположили, в Лондоне, то ему естественно выбрать Лондон Центром перспективы, т. е. в этом случае ему более естественно описать эту ситуацию (отсутствия Коли в Лондоне) предложением (1-НЕТ), чем предложением (1-НЕ), несмотря на то, что (1) и (1-НЕТ) имеют разную структуру перспективы.

рой. Поэтому *Коля* не обязательно является Центром перспективы в (1). Мы постулируем две возможные структуры (1 i-ii) для (1).

- (1) (i) $[[\text{Коля}_{\text{ЦЕНТР ПЕРСП.}}]_{\text{ТЕМА}}] \emptyset_{\text{БЫТЬ}} \text{ в Лондоне.}$
 (ii) $[\text{Коля}_{\text{ТЕМА}}] \emptyset_{\text{БЫТЬ}} [\text{в Лондоне}_{\text{ЦЕНТР ПЕРСПЕКТИВЫ}}].$

В дефолтном случае в предложении (1) *Коля* одновременно тема и центр перспективы, как (1-i). Выбор между (1-i) и (1-ii) определяется естественностью той или иной структуры: структура (1-i) может быть естественно использована в ситуации, когда ситуационный Центр перспективы — это *Коля*, и будет неестественна, когда ситуационный Центр перспективы — Лондон⁶.

Противоположный выбор центра перспективы для (1), обозначенный как (1-ii), также возможен, хотя он более маркирован (из-за несовпадения темы и центра перспективы). Предложение с такой структурой будет естественным только в контекстах, когда ситуационный центр перспективы — Лондон: например, если говорящий находится в Лондоне и обсуждает, кто еще теперь находится в Лондоне.

«Ожидаемое» отрицание для (1-i) — это (13)

- (13) $*[[\text{Коля}_{\text{ЦЕНТР ПЕРСП.}}]_{\text{ТЕМА}}] \text{ не } \emptyset_{\text{БЫТЬ}} \text{ в Лондоне. (S-Neg, но *)}$

Но структура (13), содержащая *не* перед $\emptyset_{\text{БЫТЬ}}$, невозможна, как показано выше в разделе 1.

Рассмотрим структуру темы-ремы и структуру перспективы для однозначных случаев (1-НЕ) и (1-НЕТ) — (1-НЕ') и (1-НЕТ') соответственно:

- (14) а. (1-НЕ') $[[\text{Коля}_{\text{ЦЕНТР ПЕРСП.}}]_{\text{ТЕМА}}] \emptyset_{\text{БЫТЬ}} \text{ не в Лондоне.}$
 б. (1-НЕТ') $[\text{Коли}_{\text{ТЕМА}}] \text{ нет } [\text{в Лондоне}_{\text{ЦЕНТР ПЕРСП.}}].$

При невозможности (13), говорящий, который хочет отрицать, что *Коля* в Лондоне при структуре (1-i), сохраняя структуру темы-ремы и структуру перспективы, вынужден использовать синтаксическое C-Neg, результирующее в (1-НЕ). Мы уже показали выше, что это хорошее прагматическое отрицание (1) в таком контексте.

Если же утвердительное предложение имеет структуру (1-ii), контраридикторное отрицание (1) может быть выражено как (1-НЕТ), сохраняя структуру темы-ремы и структуру перспективы.

⁶ Следуя (Borschev, Partee 2002a, b), мы считаем, что понятие перспективы выражает свойство ситуаций. Для описания некоторой ситуации используется соответствующая ей структура перспективы. Если между структурой перспективы и свойствами ситуации возникает противоречие, это приводит к неестественности предложения, его неприменимости для описания ситуации.

В ситуации, когда естественно сделать МЕСТО центром перспективы (или местом нахождения наблюдателя), предпочтительна структура (1-НЕТ); это иллюстрируется в (15а, б), где использование *здесь* делает предпочтительным использовать МЕСТО как центр перспективы. Наоборот, в (16а, б) наречие *пока* форсирует выбор номинативного подлежащего. Так как структура перспективы определяется говорящим, часто оба выбора возможны.

(15) а. *Коли здесь нет.*

б. *#Коля не здесь.*

(16) а. *Коля пока не в Лондоне*

б. *#Коли пока нет в Лондоне.*

Чтобы формализовать наше рассуждение в терминах высказываний как множеств возможных ситуаций, мы представим универсум U с четырьмя типами ситуаций, как показано в (17). Предположение, что структура перспективы отражает свойства ситуаций, дает нам четыре возможности. Для каждой данной ситуации говорящий выбирает предложение с соответствующим маркированием структуры перспективы, чтобы избежать прагматической неестественности.

(17) W_1 : Коля — Центр перспективы; Коля находится в Лондоне.

W_2 : Коля — Центр перспективы; Коля не в Лондоне.

W_3 : Лондон — Центр перспективы; Коля находится в Лондоне.

W_4 : Лондон — Центр перспективы; Коля не в Лондоне.

Предложение (1-i) естественно в W_1 и W_2 , истинно в W_1 и W_3 .

Предложение (1-ii) естественно в W_3 и W_4 , истинно в W_1 и W_3 .

Несуществующее S-Neg (13) было бы естественно в W_1 и W_2 , истинно в W_2 и W_4 .

S-Neg (1-НЕТ) естественно в W_3 и W_4 , истинно в W_2 и W_4 .

C-Neg (1-НЕ) естественно в W_1 и W_2 , истинно в W_2 и W_4 .

«Ожидаемое» отрицание (1-i) — это невозможное предложение (13): S-Neg, которое сохраняет тема-рематическую структуру и структуру перспективы утвердительного предложения и соблюдает условия естественности. Это контраридикторное отрицание.

Однако, поскольку предложения (13) не существует, лучшим выбором для отрицания (1-i) является (1-НЕ): хотя предложение (1-НЕ) — это C-Neg, оно в остальном не отличается от (13).

Наконец, как мы заметили выше, идеальным выбором в качестве отрицания (1) со структурой (1-ii) является S-Neg (1-НЕТ), которое имеет ту же, что и (1-ii), тема-рематическую структуру, структуру пер-

спективы, удовлетворяет условию естественности и является контрадикторным отрицанием предложения (1).

В заключение обратим внимание на то, что, хотя (1-НЕТ) не является (прототипическим) бытийным предложением, мы считаем, что оно, подобно бытийным предложениям, имеет центр перспективы в МЕСТЕ (в данном случае, в Лондоне) или там же расположенного наблюдателя (это естественно, если говорящий находится или воспринимает ситуацию, воображая себя в Лондоне); в терминологии Е. В. Падучевой — это ситуация «наблюдаемого отсутствия» (Коли в Лондоне). Предложение (1-НЕ) не обладает такими структурными свойствами.

Мы отмечали, что каждое из рассмотренных отрицаний ((1-НЕ) и (1-НЕТ)) может быть выбрано в данном контексте в отсутствие идеального отрицания для случая, когда Коля является центром перспективы.

Для более удовлетворительного решения нашей проблемы потребуется лучшее понимание взаимодействия различных факторов — синтаксических, семантических и прагматических «предпочтений». Заметим, что изучение такого рода взаимодействия тонких механизмов семантики и прагматики отрицания в предложениях с нулевой формой *быть* поможет понять, как работают эти механизмы, когда нет простых соответствий между утвердительным предложением и его отрицанием.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
 Арутюнова 1983 — Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
 Арутюнова 1997 — Арутюнова Н. Д. Бытийные предложения. Энциклопедия «Русский язык». М., 1997. С. 57–59.
 Богуславский 1985 — Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
 Борцев 2002 — Борцев В. Б., Парти Б. Х. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002. С. 59–78.
 Кобозева 1976 — Кобозева И. М. Отрицание и пресуппозиции. Автореф. канд. дисс. МГУ, 1976.
 Падучева 1974 — Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
 Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
 Падучева 1992 — Падучева Е. В. О семантическом подходе к синтаксису и генивном субъекте глагола БЫТЬ // Russian Linguistics. № 16. 1992. С. 53–63.
 Падучева 1997 — Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. № 2. 1997. С. 101–116.

- Падучева 2005 — *Падучева Е. В.* Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // *Русский язык в научном освещении*. № 2 (10). 2005.
- Пешковский 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1956.
- Babby 1980 — *Babby L. H.* Existential Sentences and Negation in Russian // *Ann Arbor*. Michigan: Karoma Publishers, 1980.
- Borschev 1998 — *Borschev V., Partee B. H.* Formal and lexical semantics and the genitive in negated existential sentences in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. № 6. The Connecticut Meeting 1997 / Eds. Ž. Bošković et al. *Ann Arbor*. Michigan Slavic Publications, 1998. P. 75–96.
- Borschev 2002a — *Borschev V., Partee B. H.* The Russian genitive of negation in existential sentences: the role of Theme-Rheme structure reconsidered // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série)*. V. 4 / Eds. E. Hajičová et al. Amsterdam: John Benjamins Pub. Co., 2002. P. 185–250.
- Borschev 2002b — *Borschev V., Partee B. H.* The Russian genitive of negation: Theme-rheme structure or perspective structure? // *Journal of Slavic Linguistics*. V. 10. 2002. P. 105–144.
- Borschev 2006 — *Borschev V. et al.* Sentential and constituent negation in Russian BE-sentences revisited // *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Princeton Meeting 2005 (FASL 14)* / Eds. J. Lavine et al. *Ann Arbor*. Michigan Slavic Publications, 2006. P. 50–65.
- Bowers 1993 — *Bowers J.* The Syntax of Predication // *Linguistic Inquiry*. V. 24. 1993. P. 591–656.
- Chvany 1975 — *Chvany C. V.* On the Syntax of BE-Sentences in Russian. Cambridge, MA: Slavica, 1975.
- Harves 2002a — *Harves S. A.* Unaccusative Syntax in Russian. Princeton University: Ph. D. dissertation, 2002.
- Harves 2002b — *Harves S. A.* Genitive of negation and the existential paradox // *Journal of Slavic Linguistics*. V. 10. 2002. P. 185–212.
- Horn 1989 — *Horn L. R.* A Natural History of Negation. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Jespersen 1924 — *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar. London: Allen and Unwin, 1924.
- Klima 1964 — *Klima E.* Negation in English // *The Structure of Language* / Ed. F. J. Katz. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1964. P. 246–323.
- Kondrashova 1996 — *Kondrashova N.* The Syntax of Existential Quantification. University of Wisconsin, Madison: Ph. D. dissertation, 1996.
- Morris 1938 — *Morris Ch.* Foundations of the Theory of Signs // *International Encyclopedia of Unified Science* / Eds. O. Neurath et al. Chicago: University of Chicago Press, 1938. P. 77–138.
- Partee 2007 — *Partee B. H., Borschev V.* Existential sentences, BE, and the Genitive of Negation in Russian // *Existence: Semantics and Syntax* / Eds. I. Comorovski and K. von Steussner. Dordrecht: Springer, 2007. P. 147–190.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ АССЕРЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: *КОНЕЧНО*

1. Ассерция и негация — это две противопоставленных друг другу сферы речевых единиц. Отрицание в диалоге и в монологической речи обычно рассматривается во взаимодействии с ассерцией. В диалоге ассерция и негация выражены так называемыми «словами-предложениями» *да, нет* или показателями подтверждения (*конечно, разумеется, несомненно, бесспорно, безусловно, пожалуй, возможно* и др.) и последующими развернутыми утвердительными или отрицательными высказываниями. В случае простого подтверждения — это нейтральные речевые единицы. Но часто ассертивные высказывания имеют оттенок категоричности, выражают форсированное подтверждение, то есть утверждение в прямом смысле этого слова.

Одним из слов-предложений, выражающих подтверждение (ассерцию), является *конечно*. В этой функции оно принадлежит категории *достоверности* — одной из трех категорий модальных оценок в русском языке (*вероятности, кажимости, достоверности*). Об этом подробно в [Гатинская 2005].

Это слово не обойдено вниманием лингвистов: о лексеме *конечно* писали А. Вежбицка, А. Н. Баранов и И. М. Кобозева, Е. С. Яковлева, Т. В. Шмелева, Е. Р. Добрушина. В книге Ю. Д. Апресяна представлены разные точки зрения на свойства этой лексемы [Апресян 1995]. В русле идей Д. Пайара описание этой лексемы составлено К. Л. Киселевой [ДС 1998].

2. Современное бытование показателя *конечно*, достаточно полно представленное в работе К. Л. Киселевой, часто не дает возможности увидеть цельный облик лексемы. Возможно, анализ всего спектра его значений в раннем бытовании и на последующих этапах позволит полнее показать образ этой единицы.

Большинство модально-оценочных показателей русского языка встречается в лучшем случае в текстах XVIII в. В отличие от них история лексемы *конечно* началась в древнерусский период. Современный исторический словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII) представляет нам семантический портрет этого слова, который не всегда соответствует тому, к которому мы привыкли. Рассмотрим это сло-

варное описание. В нем представлены четыре значения наречия *конечно*: 1) 'в последний, в крайний срок'; 2) 'совершенно, окончательно'; 3) 'действительно'; 4) 'несомненно' [СлРЯ XI–XV/7: 274].

Самое раннее употребление наречия *конечно*¹ — это пример из «Рогожского летописца» (XV в.) в значении 'в последний раз'. Оно вынесено вперед и будет рассмотрено вначале, поскольку наречие используется здесь как знаменательная единица.

- (1) (1399) И якоже || понесоша благороднии князи тѣло любезнѣишаго отца, народу же бе числену сушу, мужъ и женъ и детѣй, ... кождо хотяи *конечно* видѣти одръ любимого си господина. Рог. лет. 175 [Там же].

Расширив контекст, мы видим, что толкование верно:

- (1a) ...народу же бе числену сушу, мужъ и женъ и детѣй, выгнѣтахуться людѣ зѣло, кождо хотяи *конечно* видѣти одръ любимого си господина.

— [на похоронах благоверного князя Михаила Александровича Тверского] народу было несметное количество, сильно теснились люди, каждый хотел увидеть любимого господина *в последний раз* на одре.

Других примеров с четким контекстом, исключающим другие толкования, которые бы свидетельствовали о раннем знаменательном употреблении наречия *конечно*², пока не найдено.

Рассмотрим пример, иллюстрирующий первое значение лексемы *конечно*, — 'в последний, в крайний срок':

- (2) Въ 5-й день мая изъ Москвы *конечно* хотѣли ѣхать въ Польшу... да его величество заболелъ лихорадкою, которая продолжилась до 22-го числа того мѣсяца. Пох. Журн., 3. 1705 [Там же].

Чтобы увидеть, соответствует ли этой дефиниции семантика слова в высказывании, рассмотрим контекст этого примера по источнику. В предтексте сказано, что до этого 19 апреля Петр I приехал из Воронежа в Москву, затем ездил в Троицкий монастырь и возвратился в Москву 27 апреля. Таким образом, в предтексте ничего не говорится о разных сроках выезда из Москвы (например: *собирались выехать в этот день*,

¹ В словарях, отражающих древнерусский язык XI–XIV вв., таких как «Материалы к словарю древнерусского языка» И. И. Срезневского и современный исторический словарь древнерусского языка (СлДРЯ), наречие *конечно* не отмечено, есть только прилагательное *конечный*.

² В церковнославянском словаре Г. Дьяченко наречие *конечно* имеет значение 'наконец' [Сл.Д.: 261], поэтому в данном случае нет аргументов в пользу смешения русского *конечно* с семантикой церковнославянского слова.

затем на неделю позже), следовательно, дефиниция ‘в последний, крайний срок’ не верна. С этой дефиницией можно было бы согласиться, если бы лексема *конечно* употреблялась в начале последующего высказывания: *...поѣхали из Москвы мая в 31 день* [Пох. Журн., 1705: 3].

Для выражения смысла ‘в последний, в крайний срок’, по данным Словаря, в древнерусских текстах существовала целая группа наречий: *кончае, кончая, конче, кончѣе, кончѣсь*: (*нынѣ въ четвертокъ или кончае въ пятокъ*) [СлРЯ XI–XVII/7: 284, 286].

По-нашему мнению, в примере (2) выражается значение ‘обязательно, непременно’. Необходимо также сделать комментарии по поводу такого источника, как «Походный (камер-фурьерский церемониальный) журнал». Он включает записи событий, которые часто отражены в письмах самого Петра I. Для «коммуникативных элементов языка» (по выражению Т. М. Николаевой), к которым относится слово *конечно*, письма с их непосредственно высказанной реакцией на события можно считать первичным источником, а «Походный журнал» — вторичным, не вполне надежным, так как это пересказ.

В петровских документах есть множество примеров, в которых *конечно* используется в более четком контекстном окружении. Это разного рода директивные высказывания: *учини конечно по сему; напиши, дабы он конечно ехал* и т. п. В них *конечно* имеет квазимодальный смысл ‘обязательно, непременно’.

Важно понять, характерно ли знаменательное употребление для слова *конечно* в конце XVII — начале XVIII в. Думается, на этот вопрос можно ответить отрицательно. Если, как мы считаем, *конечно* уже не употреблялось как знаменательное слово, то надо знать, какими единицами выражались смыслы ‘наконец’, ‘в конце концов’ и т. п. Словарь показывает, что эти смыслы выражали наречия *конечигѣ* и *конечигѣе*³.

Вернемся к словарной статье *конечно*. Значение ‘совершенно, окончательно’, второе в словарной статье, иллюстрируется следующими примерами:

³ КОНЕЧНѢ, наречіе 1. Наконец, в конце концов. Сотворише послѣднюю победу на казанцы и крѣице *конечіе* взяша Казань. Каз. лет. 93 XVII в. ∞ XVI. [СлРЯ XI–XVII/7: 274]. Лексема *конечигѣ* в САР-1 имеет помету сл. — славянское [САР-1/3: 769]. Употребление слова *конечно* в значении ‘наконец’ (*досадно бы ми есть еще так долго, покаѣсть войско конечно двигнется, ждати*. Юдиф. 84. 1674 [СлРЯ XI–XVII/7: 274]) следует отнести к смешению с семантикой церковнославянских слов *конечно, конечнѣ*. Необходимо учитывать, что носители русского языка долгое время находились под сильным влиянием церковнославянского языка — языка духовного чтения и богослужения.

- (3) А будст *конешно* откажутъ и доктора съ нимъ не похотять послать, и Роману промышлять въ Любкѣ докторомъ самому. АИ II, 32, 1600.
- (4) Да пришлите мнѣ старца на обмѣну, а я нынече *конешно* боленъ, козаки замучили на смерть. Арх. Стр. II, 419, 1616.

Это усилительное значение *конечно*, характерное для древнерусских текстов, впоследствии было утрачено. Оно впервые было отмечено в СЦРЯ 1847⁴.

Значения (3) 'действительно' и 'несомненно' (4) как будто ближе к современному употреблению этой лексемы. Насколько соответствует семантика примеров этим толкованиям?

'Действительно'(3):

- (5) Вѣдомо де ему учинилось, что *конешно* ѿне вскоре на гѣдрны украеные черкасские и полские города приход воинских людей будетъ. А. Дедил воев. избы, № 12. 1660.
- (6) И коль скоро приведоша его [сына воеводы], то он [Разиш] начать его спрашивать о таможенных поименных денгахъ *конечно* де отец твой теми денгами воскорыстовался. Астрах. бунт. Раз., 23, XVIII в. [СлРЯ XI–XVII/7: 274–275].

Если следовать толкованию 'действительно', то в примере 5 должна подтверждаться реальность событий, о которых сообщается в предтексте (о чем у людей, вовлеченных в эту ситуацию, могли возникнуть сомнения).

Ср.: Он узнал, что на города *действительно* напали.

А в исходном примере сообщается о будущих событиях, дан прогноз их высокой вероятности — 'точно, наверняка'.

— Он узнал, что *точно* ныне скоро на государевы окраинные черкасские и польские города нападут войска.

Пример 6 совсем иной. Высказывание построено как прямая речь (пересказ выражен лишь частицей *де*) и содержит категорическое утверждение — 'я уверен, безусловно':

— *Конечно*, отец твой те деньги взял.

Этот пример следовало бы отнести к следующему значению 'несомненно', которое иллюстрируется примерами из деловых документов:

- (7) И тѣ вышеописанныя три статьи *конечно* должны всѣ послы и посланники, которые къ намъ приѣзжают, принимать без отговору. Спаф. Китай, 322. 1678.

⁴ Конечно. нар. <...> 3) *Стар. Совершенно, совсем*. А живут в великом безстрашѣ и *конечно* от крестьянской вѣры отстали. Акты. Архсогр. Экспед. I, 456 [СЦРЯ 1847/II: 197].

- (8) И часть онъ Степанъ, что въ тотъ промыселъ на Царицынъ пойдутъ съ Дону *конечно* многис люди, потому что де они Донские казаки къ тому походу всѣ охотны. ДАИ X, 396. 1683. [Там же].

Для понимания примера 7 необходимо знакомство с широким контекстом источника. В предтексте говорится об унижительных условиях, которые поставлены китайским богдыханом русскому посланнику Николаю Спафарию: (1) он должен говорить смиренные речи богдыхану, как будто его подданный; (2) поминки от царя богдыхану именуются как дань или ясак; (3) подарки от богдыхана русскому государю и государству посылаются как милость и жалованье [Спаф. Китай: 321]. Далее в тексте этот сюжет завершается следующим образом: условие принять эти требования посланником отвергнуто, и его вынудили покинуть Пекин. Контекст показывает, что значение 'несомненно' не подходит, *конечно* в приведенном высказывании понимается как 'обязательно'.

В предтексте примера 8 сказано, что посланный с грамотой от великих государей на Дон Степан Мосаковской сообщил: «*И войсковою де атаман и всѣмъ войскомъ... говорили, что они всѣ ради служить... и пошлютъ многихъ казаковъ конницею и пѣхотою*» [ДАИ X: 396].

Высказывание со словом *конечно* — пересказ мнения Степана, его вывод о том, что попытка набрать казаков для войска будет успешной: *...И надеется он, Степан, что...* В этом случае, наряду с предикатом будущего времени *пойдут*, *конечно* выражает смысл 'по всей вероятности, наверняка'.

Недостатки словарной статьи, рассмотренной нами, вполне извинительны. Надо вспомнить, что том Словаря со словарной статьей *конечно* был выпущен в 1980 г. В то время только начинали появляться работы, специально посвященные служебным словам. И даже сейчас более или менее адекватное описание лексемы *конечно* в историческом аспекте возможно только после специального ее исследования.

3. В современном русском языке для показателя *конечно* особая категоричность не характерна. Но в памятниках до Нового времени и в Петровскую эпоху языковой материал показывает, что это слово проявляло своеобразную «энергию» во всех значениях.

Чтобы понять, как появились эти свойства, обратимся к семантике словообразовательного гнезда. Внутренняя форма слова унаследована им от существительного *конец*, прилагательного *конечный*.

В «Словаре церковнославянского и русского языка» (СЦРЯ) 1847 г. толкование прилагательного *конечный* сохранило некоторые дефиниции

САР-1⁵, но значения перегруппированы и уточнены: 1) на конце находящийся; 2) имеющий конец. *Конечный мир*. — *Конечная величина*. 3) Совершенный, крайний — *Конечное разорение* [СЦРЯ 1847/II: 197].

По Словарю Грота–Шахматова первое значение слова *конечный* связано с семантикой физической предельности, при этом во втором значении прилагательное *конечный* определяется как ‘имеющий конец, смертный (в противоположность бесконечному)’. Например:

(9) Гдѣ время царь, там все *конечно* (Карамзин, «Отставка» (т. 1, 86)).

(10) Сверхив *конечный* свой удѣль Онѣ [*мертвый*] в жизни слов своих и дѣль Путь начинать безконечной. Веневит. Апоѳеоза художника [Словарь Грота–Шахматова: 1824].

Выясним, какой же из трех компонентов семантической структуры прилагательного создает категоричность, характерную для слова *конечно*: 1) смысл физического предела; 2) ‘имеющий конец, смертный’; 3) ‘совершенный, крайний’?

Допустим, что категоричность наречия *конечно* идет от второго значения прилагательного *конечный* в текстах, толкующих Священное Писание, хорошо знакомых каждому носителю древнерусского языка. См. ранний пример:

(11) не вѣмъ кде мѣсто *конечное* брата моѣ(г) носифа бысть да шедъ оубо быхъ тамо и сѣтоваль сиротства своѣго *Пал.* 1406. 89 в. [СлДРЯ/4: 260].

Но это предположение можно считать несостоятельным. Думается, что предназначенное в будущем для выражения модальных смыслов, функций служебного показателя слово *конечно* с самого начала устроено иначе, чем знаменательное слово. Функциональный смысл, который актуализируется в лексеме *конечно*, можно выразить как ‘достижение предела’. По-видимому, эта смысловая доминанта, сочетаясь с экспрессивно окрашенной коннотацией ‘совершенно, крайне’, создает ядро семантики наречия *конечно*.

4. Анализ словарной статьи *конечно* в СлРЯ XI–XVII показал, что значения, выражаемые этой лексемой, необходимо уточнить. В процессе работы с материалами Картотеки (КДРС) по лексеме *конечно* и по дру-

⁵ По Словарю Академии Российской (1789–1794) прилагательное *конечный* имеет три значения: 1. На конце находящийся, довершающий. *Конечный склад*. 2. Совершенный, крайний. *Конечное разорение*. *Конечная Гибель*. 3. Последний в рассужденіи преждебывших. *Конечное разорение Іерусалима было при Веспасіанѣ* [САР-1/3: 767]. Ср. в церковнославянском словаре: *Конечный* — совершенный, окончательный [Сл.Д.: 261].

гим источникам языковой материал расширился. Проанализированы древнерусские тексты, тексты XVII в. и материалы Петровской эпохи. Это позволяет сделать некоторые предварительные выводы о семантике лексемы. Они расходятся со словарным описанием СлРЯ XI–XVII.

Для удобства сравнения составим описание, подобное словарной статье.

Для того чтобы впоследствии статья служебным словом — показателем подтверждения, лексема *конечно* должна была десемантизироваться. После того как это произошло, одним из основных значений лексемы стало усилительное, прекрасно показанное в статье Словаря. Более того, *конечно* выступает как универсальный усилитель: а) наречие ‘совершенно, совсем’ (примеры 12, 13); в высказываниях–запретах, содержащих отрицание, его можно интерпретировать как ‘вообще не’ (пример 14); б) *конечно* используется в роли усилителя директивных актов ‘обязательно, непременно’ (примеры 15, 16, 17, 18).

1. Наречие, ‘совершенно, совсем’:

(12) ...которо(о) вы дна ѿ нас поѣхали, и того дни Иван снѣ разнемогся и ѿнече *конечно* болен, и что есма с вами приговорили, что было нам ѣхати къ Москве в Середѣ заговѣвши <...>, а нам дождова Бог помилует Ивана снѣ, ѣхати ѿтсюды невозможно (Письмо Ивана Грозного боярину Н. Р. Юрьеву и дьяку А. Шелкалову, ноябрь 1581) [Лихачев 1903: 56].

(13) ...откуда на такое многолюдство пища и питие обрѣташесь? А монастырь от осады *конечно* оскудѣ всякими потребами, а вотчины монастырские всѣ в разореніи быша КДРС*⁶ [Ч. Серг.Р.Аз: 27]. 1654 г.

= ‘вообще не’:

(14) [По указу имп. 1720 г.]⁷ Золотые материи и шелковые штофы и Немѣцкие парчи... *конечно* никому покупать и продавать и в рядах держать не велѣно ПСЗ XI: 733 [СлРЯ XVIII/10: 134].

2. Наречие, ‘обязательно, непременно’:

(15) [приехал китайский чиновник и объявил] А что тебе жить до утра / об этом и подумать нѣльзе. ...и для того тебѣ *конечно* нынѣ ѣхать, чтоб сегодня хоть при вечерѣ, только б из Пежина выѣхаль. ...только чтоб богдыханово слово исполнилось [Спаф. Китай: 328].

(16) И *конечно* ему Николаю, будучи у китайскова хана *домогатца*... накрѣпко, чтоб в хановѣ листу царское величество имянованье титуло было во всемъ противъ его царского величества и достоинства [Спаф. Китай: 320].

⁶ Знак * означает, что пример дополнен по источнику.

⁷ Уточнение к этому примеру содержится в последнем Словаре Академии [Словарь Грота–Шахматова: 1825].

Интересно, что в примерах (15) и (16) из текстов последней четверти XVII в. мы видим безлично-инфинитивные конструкции, характерные для древнерусских текстов⁸.

Ср.: Тебе *непременно*⁹. нынче ехать. Николаю *обязательно* добить-ся, чтоб царское величество именовали по его достоинству.

Позднее в переписке Петра I *конечно* используется в директивных актах почти как побудительная частица при сказуемом, имеющем форму императива или инфинитива:

(17) Я <...> писал, чтоб до указу вам не ходить к рубеску, а *итить* и *осадить конечно* Дерпт¹⁰. о чемъ и нынѣ подтверждаю пишу, чтоб сего Богомъ данного случая не пропустить <...>. *конечно*. не отлагая. с помощію Божію подите. и осаждайте. еще в третѣе подтверждаю. пишу: *конечно* учини по вышеописанному и пиши немедленно к намъ (Петр I — Б. П. Шереметеву, 12 мая 1704) [Петр III: 69].

(18) Буде не поспѣють обѣ [*яхты*] то *конечно* одну яхту к Великому посту *поставить* в Питербурхъ со всѣмъ, что приналежит снаружи и внутри (Петр I — Ф. М. Склаеву, 25 ноября 1705) [Там же: 514].

При анализе текстов о Смутном времени и других, более поздних, источников можно видеть примеры, в которых *конечно* как будто выражает усиление, но эквивалентов ему в современном русском языке найти нельзя. Покажем это на примере памятника, изданного с параллельным переводом. В этом случае слово *конечно* не переведено. Таков пример из «Хронографа 1617 года»:

⁸ В древнерусских документах директивные высказывания: памяти и наказы слугам от господ, дипломатам от царя — в качестве предиката использовали только инфинитив с субъектом в форме дат. п. «Там, где мы предпочли бы сказать *можно, могу, следует, надо, не следует, нельзя* с инфинитивом, или употребить повелительное наклонение, древнерусский автор пользуется одним инфинитивом или инфинитивом с отрицанием. Ср.: ...*И то поместье, кому будет дано за службу и после его жене ж и детям, или кому нибудь, никому им того поместья не продати, и не заложити, и в монастырь и к церкви по душе не отдавать* (Котош., 95)» [Булаховский 1950: 295].

⁹ Наречие *непремѣнно* в СлРЯ XI–XVII означает 'неизменно, постоянно, непрерывно': *И тако бысть брань по двю дне непремѣнно*. Пов. Кат. Ростовского¹, 589. XVII в. [СлРЯ XI–XVII/11: 245].

¹⁰ *Конечно* в значении 'обязательно' употреблялось и при финитной форме глагола: Толстому, буде не поѣхаль, не дай му болше тут жить, чтобъ *конечно* ѣхаль (Петр I — Ф. М. Апраксину, 21 мая 1703) [Петр II: 169]. ...*укажь съ двѣ недѣли отсель послан во Псковъ, что(бъ) Оельтмаршаль конечно осадить Дерптъ* (Петр I — Ф. М. Апраксину, 4 мая 1704) [Петр III: 57].

- (19) В лѣто 7113-го восхити престолъ Русьскаго царства розстрига Григорей Отрепѣвъ. Глаголаша же о немъ мнози, яко <...> вся проклятыя вѣры похваляа, а на православное христианство лютое мучительство простирая и хваляся на все страны греческия, еже погасити въ ней Христово благочестис и святыню его изгнити. Но не попусти ему Христова сила *конечно* сего *сотворити* [БЛДР 14: 536].

Высказывание со словом *конечно* переводится так: «Но не допустила сила Христова, чтобы так *свершилось*» [Там же: 537]. В современном русском языке *свершиться* является книжным и высоким вариантом глаголов *совершиться*, *произойти*. Следовательно, усилительный оттенок, вносимый словом *конечно*, в данном переводе никак не передается.

На вопрос, насколько в этом контексте слово *конечно* необходимо, можно ответить двояко. Компонент *конечно* мог быть необходимым дополнением в сочетании с инфинитивом в том случае, если инфинитив совершенного вида с приставкой *со-* (*сотворити*) не выражал результативности. Если же результативность инфинитивом выражалась, тогда можно сделать вывод, что компонент *конечно* здесь избыточен, является усилителем, экспрессивным средством публицистического стиля Хронографа 1617, характерного для памятников Смутного времени.

Рассмотрим значение лексемы *конечно*, которое возникало в узких контекстных условиях — в высказывании-прогнозе с предикатом в будущем времени. Это смысл гипотетичности. Вместе с основным значением лексемы — ‘несомненно’, этот оттенок создает значение высокой вероятности события, см. пример 8.

3. ‘С большой вероятностью, скорее всего, наверняка’. Например:

- (20) А при нашсмъ становѣъ были озерка невеликія самородныя из ключей, глубокія. И въ тѣхъ озеркахъ асканяма ¹¹ сказал, что *конечно сыщется* жемчугъ; и посланникъ [*пишет о себе в третьем лице*] тому не вѣрилъ, велелъ служилымъ людемъ нырять и искать раковины, и нашли многія, а жемчуг нашли только в одной — мелкой, а въ иныхъ еще не родился [Спаф. Сибирь. 1676: 28].

Специализированные средства выражения гипотетичности (степеней вероятности события) можно видеть в письменной речи только со второй трети XVIII века — это показатели *наверное*, *наверно*, модусная рамка ¹² *вероятно*, *что* и др. [Гатинская 2003; 2005]. Но носители

¹¹ Сопровождающий китайский чиновник (*оксаняма*), соответствующий чину российского думного дьяка (Примеч. источника).

¹² Термин «Коммуникативной грамматики» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 280].

языка, по-видимому, и ранее испытывали необходимость выразить эти смыслы, поэтому, как показывают источники, в последней четверти XVII в. и в Петровское время для обозначения высокой вероятности события использовалась лексема *конечно*.

Наконец обратимся к значению, которое составляет основу семантической структуры лексемы *конечно* — ‘несомненно’. Оно реализуется в разных высказываниях так, что в каждом случае возникает свой оттенок.

4. ‘Несомненно, точно, безусловно’:

- (21) Понеже нынѣ от Посла Петра Толстого вѣдомость получена, что турки *конечно* войну начали противъ насъ, того ради по получении сего возвратись въ свою губернію (Петр I — Д. М. Голицыну, 23 декабря 1710) [Сб. РИО 11: 92].

= несомненно

- (22) А на третій день недалеко от селѣ *Наунскихъ* встрѣтилъ меня старый восвода и иные многіе честные ихъ люди Китайскіе и служилые, человекъ съ пятьсотъ, <...> и издали слазили съ коней и оружие скинули [*и требовали от посланника документ от богдыхана*]. ...я показалъ им лист государя ихъ въ ящикѣ в желтомъ бархате, поднявъ с честію, а они всѣ, что были, пали на колѣни съ великимъ страхом, только увидели, познали и не прочтши листъ говорили, что нынѣ вѣрять обо всемъ, что имъ говорилъ, и *конечно, что* посланъ от тебя, великого государя, и впредь будетъ всякая честь и удовольствованіе [Спаф. Сибирь. 1676: 11–12].

= безусловно

- (23) ...служивые люди, которые ѣздили по дрова, привели одного старика. А въ распросѣ сказались, что Борбуцкого роду. Генваря 8-й день взять того старика в вожи. Генваря въ 9 день отпустили Барбуцкого вожа назадъ. И как возвратился тотъ старикъ назадъ, [*посланник*] приказалъ ночью кони стеречь накрѣпко, для того, что в тѣхъ мѣстахъ барсовъ много, и коней по ночамъ бьютъ. И въ ту же ночь, гдѣ ночавали, не сыскали четырехъ коней и поутру сыскали слѣдъ конной и человѣчий, и *конечно что* украдены от Барбуцкихъ КДРС* [Спаф. Сибирь: 148–149].

= уж точно

В примерах (22) и (23) мы видим редкое употребление — модусную рамку *конечно, что*. С оттенком ‘точно, действительно’ слово *конечно* используется в альтернативном вопросе:

- (24) ...бугдыханово величество опять велелъ спрашивать, *конечно ли* желает царское величество чтобы таких людей [*кто из русских в Китае в плену, в аманатах*] отдать на окупъ или без окупу. А про то, что *конечно ли*

царское величество желает про таких людей, и царское величество *одно-конечно* желает ...дать на окуп или без окупы [Спаф. Китай: 281–282].

Ср. — *Точно ли* царское величество желает, чтобы ему отдали пленных русских на выкуп или без выкупа? — Царское величество *конечно* желает этого¹³.

Как показывает языковой материал¹⁴, в ситуации, когда в текстах не обнаружено других модальных показателей и иных средств выражения этих смыслов, *конечно* обозначает и достоверность, и в некоторых случаях гипотетичность, служит усилителем директивных актов, одним словом, он был частотен и многозначен.

В ходе работы с этими источниками обнаружили еще две единицы для обозначения гипотетичности события. Это предикатив *знатно*, что у Спафария (5 примеров)¹⁵, модусная рамка *знать, что* в письмах Петра I (1 пример)¹⁶. Они обозначают гипотезу-вывод ‘по-видимому’. Например:

(25) ...а ближний человекъ [богдыхана] говорилъ, что де у нихъ таково железа не любятъ, и у нихъ много ево есть, а *знатно*, что он хвастаетъ [Спаф. Китай: 288].

¹³ Как синоним слова *конечно* выступает лексема *всёконечно*. В СлРЯ XI–XVII наречие *всёконечно* и его варианты имеют такие значения: 1) окончательно, совсем; 2) несомненно, точно, подлинно, например: *Всёконечно* прямых нищих в богадельнях у церквей прокормить мочно. Пис. подметн., 24. 1700 г. [СлРЯ XI–XVII/3: 122].

¹⁴ Основные источники таковы. Это документы посольства в Китай, осуществленного в 1675–1678 гг. Николаем Спафарием (путевой дневник и статейный список посольства). На 350 страниц текста 24 примера со словом *конечно*. Использовалась переписка Петра I и его соратников. Привлекались другие источники, в частности повести о Смутном времени. Материалы, составленные Спафарием, как будто могут считаться не вполне надежными, ведь он иностранец. Но Николай Милеску Спафарий был православным, он получил образование в греческой патриаршей школе в Константинополе, знал множество языков, в Россию прибыл по рекомендации патриарха Досифея в 1671 г., работал переводчиком, отправился посланником от России в Китай через четыре года после приезда. Документы он составлял, возможно, вместе с сопровождавшим его подьячим Тимофеем Долговым.

¹⁵ В «Записках» Ф. И. Соймонова о событиях 1730 г. используется однократный показатель *знатно* (9 примеров): ...за праведно (запрошено?) было, не учинил (учинилось?) ли бы кому обиды от произвождения Языкова, а коллежские секретари в ответе написали, что по справке де ни от кого челобитья не было; однако *знатно* подать опасались [Морской сборник 1888: 110].

¹⁶ А. А. Потебня определил смысл показателя *знать* как ‘вероятно’ (*знать*, он богат, *знать* она сильна) [Потебня 1958: 396, 397].

- (26) Письмо ваше от 1 дня сего мѣсяца писанное, я принялъ. Зѣло дивно, что так долго малыс суда дѣлають; *знать, что* не радѣють. Здѣсь, за помощію Божіею, все готово (Петр I — Б. П. Шереметеву, 6 апреля 1703) [Петр II: 140].

Учитывая это, можно сделать вывод, что уже тогда показатели гипотетичности различались по выражению степени вероятности события. Высокая степень вероятности события обозначалась показателем *конечно*.

5. Семантика лексемы *конечно* и ее функции в современном русском языке понимаются в данной работе, исходя из того, что она имеет единый смысл, и модально-оценочной единицей она стала в диалоге, будучи показателем подтверждения. Именно эта функция делает данную единицу показателем достоверности. Прагматические смыслы в семантике этой лексемы таковы, что можно утверждать: их наслоение произошло именно в диалоге и позволило носителям языка использовать эту единицу в монологической речи. Говорящий, используя дискурсивное слово *конечно*, вносит диалогичность и во внутреннюю речь.

В современном русском языке лексема *конечно* ведет себя как дискурсивное слово — организует текстовые фрагменты. Словарь русского языка XVIII века (СлРЯ XVIII) и наша выборка текстов этой эпохи показывают, что в конце XVIII в. употребление лексемы *конечно* сформировалось и было близко к современному. Но, как следует из нашего материала, это можно видеть и в более ранних источниках, в текстах XVII — начала XVIII в., например, в значении ‘как можно ожидать’:

- (27) Да изволь приказать отобрать самыхъ лучшихъ соболей, какіе в Сибирскомъ приказе сыщутся; да собрать мѣхъ чернолисій завойчетый из самыхъ лучшихъ лисиць. *Конечно сіе*, мой государь, вскорѣ надобно (Приписка Петра I на письме Ф. А. Головина — Ф. Ю. Ромодановскому, 6 июня 1704) [Петр III: 661].

В более ранних памятниках, например, в повестях о Смутном времени, лексема *конечно* употребляется в сочетаниях *и конечно*; *и уже конечно*; *и еще конечно*. Например:

- (28) И по се время мало не до конца Російское царство ему, врагу, предали. <...> И паки тѣ ево доброхоты, а наши злодѣи, вси об нем радять и во всемъ ему добра хотять, и великое Російское царство до конца хотять ему отдати <...> и того ради онъ окаянный не хочетъ так сотворити, яко же намъ годѣ, *и уже конечно* в умѣ своемъ мыслить, что великое наше государство обовладѣль. А бѣсовскаго сво||его воинства всю нашу землю напол-

ниль, и конечно надеженъ стал быти, и тѣхъ посланныхъ нашихъ [митрополита Филарета и Василия Голицына] держать и всякою нужею, гладомъ и жаждою конечно морить и пленомъ претить [Новая повесть: 373–374].

- (29) И тѣснять, сами вси видите и еще конечно мыслять со всѣми своими пособники, како бы его, государя погубити [Там же: 380].

Сочетания с *конечно* сопровождают часть высказывания, в котором говорится о замыслах, чаяниях субъекта высказывания (*врага*). Под врагом повествователь подразумевает дьявола и его пособников: не только иностранных интервентов, но и правителей из «Семибоярщины». Сам же говорящий, повествователь как патриот России желает совсем иного: разрушить эти ожидания. По нашему мнению, неявное противопоставление (*они уже конечно мыслят, надеются, что..., но мы...*) составляет пружину повествования. Автор призывает сограждан сделать так, чтобы чаяния врагов не осуществились.

Доказательством давней истории *конечно* как дискурсивного слова может служить следующий пример:

- (30) И посланник спрашивал у езуита, что не бояться ли они [китайцы] отъ царского величества и отъ приближенныхъ государскихъ людей не бояться ли, и онъ говорил, что *конечно* бояться, а Москва далеко, и чають, что большому войску притить трудно, а въ ближнихъ мѣстѣхъ живутъ люди небольшие, которые не могут имъ ничего вредить [Спаф. Китай, 326].

Этот пример напоминает современные употребления дискурсивного слова *конечно*. Текстовые отрезки, противительные построения формируются следующим образом. Находясь в инициальной позиции, *конечно* обозначает первоначальное согласие субъекта высказывания с мнением говорящего (*посланника*), как в примере (30), или согласие говорящего с мнением собеседника. В монологическом высказывании часто это воображаемый собеседник. Вторая часть вводится противительным союзом и содержит аргументы против.

6. Рассмотрим лексикографическую историю лексемы *конечно*. В САР-1 ее описание находится в большой словарной статье *КОНЕЦ*:

- (31) *Конѣчно*. Сл. *Конечнѣ*. нар., употребляемое 1) для подтверждения сказанного: точно. *Он конечно человек честной*; 2) При случас вопрошения: кажется, видно. *Вамъ, конечно, об этом не сказано* [САР-1/3: 769]¹⁷.

¹⁷ Здесь же дана статья: *Всекоконечно* нар. Не ложно, точно, подлинно [САР-1/3: 770].

В описании *конечно* и других единиц, выражающих модальную семантику (*может быть, точно*), в САР-1 сделан акцент на отражение речевых интенций¹⁸. Это можно видеть в пояснениях к значению и в примерах. Во втором издании Словаря (САР-2) все эти замечания, да и примеры убраны как несущественные, таким образом, авторы САР-1 в своем желании отразить разговорную речь и ее показатели позднее были не поняты коллегами.

В СЦРЯ 1847 словарная статья САР дополнена в толкованиях:

- (32) КОНЕЧНО, нар. 1) точно, верно. *Конечно так*¹⁹; 2) кажется, видно, вероятно. *Вам, конечно, об этом не было сказано.* 3) *Стар.* Совершенно, совсем. *А живут в великом безстрашиѣ и конечно от крестьянской вѣры отстали.* Акты Археогр. Экспед. I, 456 [СЦРЯ 1847/II: 197].

В последнем из Словарей Академии, в выпуске, изданном А. А. Шахматовым, составители возвращают комментарий к речевому употреблению лексемы:

- (33) Конечно нарѣч. 1. Без сомнения, несомнѣнно, точно, вѣрно (усиливает утверждение). *А можно тут на скамейкѣ присесть.* — «*Конечно можно*»... *На то и скамейки поставлены*». Тург. Дым. XVIII. *Да, он! Конечно он.* Тург. Конец Чертопх. X. // Кажется, видно, вѣроятно, надо быть (Слов. Акад. Д.) 2. *Стар.* Окончательно, совершенно, совсем, вовсе (Слов. Акад. Д.). *По указу имп. с 1720 года золотые материи конечно никому покупать не велено* (П.С.З. 1742 № 8680); *Острый предѣ тем разумѣ имѣвъ, мозгу своего, от повторения ударов, конечно лишился.* К. Прутков. Из записок дѣда, 16. *Я еще конечно и страшно борюсь помышлениями.* Арх. Смарагд Письма Ефимии, 1858. [Словарь Грога–Шахматова: 1825].

¹⁸ Показатель *может быть* определен в САР-1 как 'может статься': во образе нарѣчия сумнительного. Вѣроятно. *Может быть сіе случится. Может быть он сюда придетъ. В состояніи ли вы это сделать? Может быть* [САР-1/4: 203]. Точно, нар. Подлинно, истинно. *Точно онъ сдѣлалъ это. Точно вещь сія мнѣ принадлежитъ. Точно ли вы об этом слышали? Поступать во всем точно* [САР-1/6: 216].

¹⁹ В комедиях Д. Фонвизина, кроме *конечно, так*, можно видеть и другие варианты оформления подтверждения: Стародум. ...*без знатных дел знатное состояние ничто.* Софья. *Конечно, дядюшка* (Д. Фонвизин. Недоросль, IV акт, вариант) [РЛ XVIII: 367]. Советница. *А вы сами видите, какова я.* Стародум. *Конечно, видим* (Д. Фонвизин. Бригадир) [Там же]. В современном русском языке слово *так* выступает в качестве предиката в подтверждении: *это так*, — а не является эквивалентом слова *да*. Ср. в польском языке: *tak czy nie?* — да или нет?

Рассмотрим последний пример. Поставив слово в сочиненный ряд *конечно и страшно*, автор возвращает ему внутреннюю форму и экспрессивность.

Ср.: — Я еще борюсь с собой в помышлениях, *до конца, непримиримо* и страшно.

В [САР-1] и в [СЦРЯ 1847], по сути, отражено современное нам употребление этой лексемы. Исключение составляет лишь третье значение в [СЦРЯ 1847] с примером из древнерусских источников. Значение усиленного подтверждения ‘точно, вѣрно’ отмечено только в Словаре Грота–Шахматова, ему соответствует пример: *Да, он! Конечно, он!*

В текстах XVIII — начала XIX в. есть признаки, которыми лексема отличается от современного употребления. Небольшие нюансы можно обнаружить в баснях. Они не отражены в словарных описаниях САР. Рассмотрим пример:

(34) Вчерась приятеля в карсте видел я; // Бедняк — приятель мой, я очень удивился, Чсм столько он разжился? // А он поведал мне всю правду, не тая. // Что картами себе имсье он доставил // И выше всех наук игру картежду ставил. // Ссегодня же пешком попался мне мой друг. // «*Конечно*, — я сказал — // спустил уж все ты с рук?» // А он, как философ, гласил в свосм ответе: // «Ты знасшь, колесом вертится все на свстс» (И. Крылов, Судьба игроков, 1788) [РЛ XVIII: 587].

— *Конечно*, спустил уж все ты с рук?

Ср. в современном русском языке: Ты, *конечно*, все уже с рук спустил?

Рассмотрим пример из прозы:

(35) В сем-то государстве, как сказали мне, представлена будет новая драма. Все места были в минуту заняты. «*Конечно*, — спросил я у одного сидевшего подле меня, — господин автор очень любим здешним обществом, что такое множество собралось зрителей смотреть его сочинения?» «Нет, — отвечал мне мой сосед, — мы еще совсем не знаем автора; но публика здешняя очень жалуется новости» (И. Крылов, Почта духов, 1789–1791) [Крылов: 290].

В этих примерах представлено отмеченное словарями употребление *конечно* в вопросительных высказываниях. Но в них есть то, что осталось вне поля зрения лингвистов прошлого, — категоричность *конечно* именно в вопросах. Это значение можно определить как ‘скорее всего, наверняка, точно’. Заметим, что слово *конечно* в вопросах могло занимать инициальную позицию, чего не бывает в современном упо-

треблении. Нехарактерна сейчас и категоричность для слова *конечно* в вопросах, этого требуют негласные правила речевого этикета.

Итак, мы выяснили, что семантика слова *конечно* сформировалась давно, раньше других модальных показателей достоверности. Лексема *конечно* была семантически яркой, одно из значений ее в древнерусском языке — ‘совершенно, совсем’. Возможно, поэтому ей была свойственна бо́льшая категоричность, чем в современном русском языке. Впоследствии она утратила эту категоричность, стала слабее семантически. Думается, ведущую роль в этом сыграл смысловой компонент ‘как можно ожидать’. Это значение не согласуется с семантикой предельности и со значениями ‘совершенно, совсем’; ‘непрерывно, обязательно’, которые имеют экспрессивные коннотации. По мере того как эти значения исчезают, лексема *конечно* постепенно утрачивает связь с внутренней формой, связывающей ее со словообразовательным гнездом, и окончательно переходит в разряд служебных единиц.

Пестрота и противоречивость современного употребления лексемы *конечно* обусловлена следующими причинами: (1) этот показатель был предназначен для диалога и в монолог только перенесен, сохранив диалоговые свойства; (2) лексема *конечно* имела в прошлом больший набор значений и сохранила какие-то их отзвуки. Переключка с этими смыслами и функциональная гибкость, полученная употреблением в диалоге, создает богатство и неуловимость ее семантики.

ИСТОЧНИКИ

- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. Конец XVI — начало XVII века. СПб., 2006.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим. Т. X. СПб., 1867.
- Крылов — *Крылов И. А.* Почта духов, 1789–1791 // *Крылов И. А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. Проза. М., 1955.
- Лихачев 1903 — *Лихачев Н. П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина. СПб., 1903.
- Морской сб. 1888 — Морской сборник, издаваемый под наблюдением Морского ученого комитета / Ред. В. Куприянов. СПб., 1888. Т. 217. № 9.
- Новая повесть — Новая повесть о преславном российском царствѣ и великом государствѣ Московском // Памятники древнерусской письменности, относящиеся к Смутному времени. (Русская историческая библиотека. Т. 13). 2-е изд. СПб., 1909.
- Петр — Письма и бумаги Петра Великого. Т. II (1703–1703). СПб., 1889; Т. III (1704–1705). СПб., 1893.
- Пох. Журн. — Камер-фурьерский церемониальный журнал. Походные журналы 1705 г. СПб., 1854.

- РБ — Русская басня XVIII–XIX вв. / Вступ. ст. Н. Л. Степанова. Сост. и коммент. В. П. Степанова и Н. Л. Степанова. Л., 1977. (Сер. Большая библиотека поэта).
- РЛ XVIII — Русская литература XVIII века / Сост. Г. П. Макогоненко. М., 1970.
- Рог. лет. — Рогожский летописец / Полное собрание российских летописей, издаваемое государственною Археографическою комиссиею российской Академии наук (ИСРЛ). Т. XV. 2-е изд. Вып. 1. Пг., 1922. Репринт: М., 2000.
- Сб. РИО — Русское Историческое общество. Сборник. СПб., 1873. № 11.
- Спаф. Китай — *Арсеньев Ю.* Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675–1678 гг.) // Вестник археологии и истории. Вып. 17. СПб., 1906. С. 162–339.
- Спаф. Сибирь — Путешествие чрезъ Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева // Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XI. Вып. 1. СПб., 1882.
- Спаф. Сибирь. 1676 — Путевой дневник от Нерчинского острога до Пекина русского посланника в Китай Н. Г. Спафария в 1676 г. / С введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева // Известия Оренбургского отдела имп. Русского географического общества. Вып. 10. Оренбург, 1896.
- Ч. Серг. Р. Аз — Книга о чудесах преп. Сергия Радонежского. Творение Симона Азарьина / Сообщ. С. Ф. Платонов. СПб., 1888 (Памятники древней письменности и искусства, № 70). 1646–1654 гг., сп. XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Булаховский 1950 — *Булаховский Л. И.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.
- Гатинская 2003 — *Гатинская Н. В.* Концепт «вероятность» в русском языке (Статья 1) // Вестник РУДН. Серия русский язык филологам: теория и практика. № 1 (4). 2003.
- Гатинская 2005 — *Гатинская Н. В.* Квантификация в сфере модальных оценок в русском языке // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005.
- ДС 1998 — Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания // Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М., 1998.
- Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
- САР-1 — Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794; Т. 6. СПб., 1794. Переиздано: Т. 1–6. М., 2000. Т. 2. М., 2002; Т. 4. М., 2004.
- СлДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. II. М., 1989; Т. IV. М., 1991.

- Сл.Д — Полный церковнославянский словарь / Сост. Г. Дьяченко. М., 1993. Репринтное воспроизведение 1900 г.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10 (Кастальский–Крѣпостца). СПб., 1998.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 (В–Волога). М., 1975; Вып. 3 (Володѣние–вящѣшина). М., 1976; Вып. 7 (К–Крагуярь). М., 1980; Вып. 11 (Нс–нятый). М., 1986.
- Словарь Грота–Шахматова — Словарь русского языка, выпущенный вторым отделением Императорской академии наук. СПб.; Л., 1895–1937. Т. 4. Вып. 6. СПб., 1912.
- СЦРЯ 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Т. I–IV. СПб., 1847. Т. II.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРИСТАВКИ В ПЕРЕВОДНОМ ДРЕВНЕРУССКОМ ПАМЯТНИКЕ

I. В начальный период письменной истории русский язык включал в себя две не всегда различимые языковые стихии — устную, народную, древнерусскую, и книжную, конкретно — идущий от Кирилла и Мефодия церковно-славянский язык. Эти стихии в различных пропорциях представлены в дошедших до нас памятниках древнерусской письменности XI–XIV вв. Среди памятников письменности особое место и по числу, и по месту в них устных и книжных элементов занимают переводные произведения, которые, с точки зрения исследователя, имеют преимущества перед оригинальными: в них обнаруживается механизм выбора слова; средневековый переводчик, приспосабливаясь к чужому языку, то и дело вызывал к жизни скрытые возможности своего языка, входил в пограничные зоны еще зыбких норм.

Рассматривая средневековую лексику в ракурсе современной, можно видеть различие исторических судеб отдельных слов, разную успешность их выживания. Одни — обыкновенные слова [Срезневский I: IV] — сохранили до нашего времени те же значения, обогатив свою семантику за счет новых социально-исторических и культурных контекстов. Другие покончили свое существование там же, где получили жизнь. Это слова необычные, странные, интересные. Между этими полюсами находится срединная лексика — слова, вполне узнаваемые сегодня, хотя и претерпевшие формальные и смысловые изменения. Лексика с отрицательными приставками — не единственная, но показательная область, где можно обнаружить хотя бы приблизительно причины, по которым слову удалось или не удалось выжить.

Предметом настоящего исследования являются сложные слова, первая часть которых выражена полнозначными основами на месте отрицательных греческих приставок. Сложные слова в массе появились в русском языке под влиянием переводов богословской и богослужебной литературы [Истрин 1922/II: 184] и представляют мощный слой лексики церковно-славянского языка, сюда входят и переводы греческих композитов с начальной отрицательной частью ἄ-, δυσ-.

Арсенал отрицательных приставок в средневековом русском языке был шире, чем сейчас, за счет полнозначных лексем. Переводные эквиваленты отрицательных приставок отличаются семантической на-

полненностью, градуированностью, наличием степени убывания признака, заключенного в главной основе. В роли отрицания отмечены полноценные основы **вѣдно**, **злѣ** (зло), **неудовь**, даже **люто**. В силу семантической полновесности любая из этих приставок в благоприятных синтаксических условиях осмысливалась в самостоятельное слово, в наречие или прилагательное.

Материалом для статьи послужил в основном перевод XI в. греческой Хроники Георгия Амартола (ХГА) IX в. в древнерусском списке XIV в. под названием Временник Георгия Монаха (ВГМ), текст по изданию [Матвеевко, Щеголева 2006]¹; остальные памятники цитируются по [СДРЯ I–VII] с читаемыми сокращениями.

II. Приставочный элемент вѣдно- связывает производящую основу с переживанием беды, отрицая семантику главной основы полностью или частично. Присмотримся к нескольким употреблением: 1. **время грѣховъ вѣдноносно**; 2. **злыхъ вѣднѣхъ и вѣдноизглана стрѣти**; 3. **волица члѣва видѣ вѣднооудна и нетерпѣлива**; 4. **вѣднооудержни** (юноши); 5. **дѣла вѣднооутѣшена**; 6. **вѣднооумно, вѣдно тѣшти**, 7. **безмѣры оубо бж(с)тво и разоумѣти вѣдно**; 8. (вода) **горка во вѣ родомъ и вѣдно пити кѣ**. Все приведенные композиты и сочетания с наречным элементом **вѣдно** сохраняют узнаваемую главную основу и в общем понятны с точки зрения современного русского языка. Проблема заключается в определении степени полноты отрицания.

Пример 1 — гневный упрек императрице Евдоксии в послании папы Римского Иннокентия императору Аркадию по поводу изгнания и успения Златоуста; Евдоксия названа новой Далидой, которая подняла (взяла на себя) бремя грехов, охарактеризованное **δυσβάστακτον adj.** Б601 ‘трудное для ношения’ или ‘непереносимое’. Перевод придал отрицанию осязаемый смысл. Сейчас о моральном бремени лучше сказать *неподъемное*, так как бремя, и реальное и мыслимое, обладает тяжестью, сначала оно должно быть поднято; другое дело — грехи, страдания и под., их не берут на себя добровольно, они сами наваливаются на человека; грехи, страдания — *непереносимы*. Таким образом, совр. язык различает определения к понятиям бремя греха и грех. Средневековое **вѣдноносимъ**, имеющее к тому же бесприставочную основу, не могло сохраниться в требуемом контекстом значения.

В примере 2 с помощью стандартной гиперболы (страдания **δυσέξήγητα** ‘с трудом выражаемые’ ‘невыразимые словами’, ‘несказан-

¹ Ссылки на страницу и строку в скобках. Греческие примеры по изданию де Боора [Boor 1904], ссылки под литерой Б.

ные'), размытой временем и частым употреблением, говорится о злых страданиях иудеев из-за разорения Иерусалима: *престрои истиньна злыхъ ѿнѣхъ и вѣдноизглана исповѣдати стрѣти(и)* (433₃) «истина заставила (Иосифа Флавия) (о) тех злых и невыразимых поведать страданиях».

В примере 3 из-за своеобразия перевода базовой основы смысл композита по первому прочтению непонятен: что значит *вѣдноугоднѣ* человек? Переводимая основа *δυσ-ἄρεστος* имеет два альтернативных по диатезе значения, перевод — только одно, и не то, которое предполагает контекст. Прилагательное *δυσἄρεστος*: 1. букв. 'с трудом угождающий другим' с семей 'обращенность на других'; 2. 'недовольный другими', такой, которому никто (или ничто) не может угодить с семей 'обращенность на себя': недовольный другими, или всем на свете, или собой, человек вздорный, капризный и т. п. Такова и бесприставочная основа: *ἄρεστος* 'приятный, угодный другим', 'нравится другим' и 'сам доволен, ему все приятно, нравится'. У производящего глагола *ἄρεσκω* из множества значений выделяются те же 'быть приятным для других' и 'быть довольным другими и собой'. Наши *угодныи* и *угодити* не имеют полярных значений по диатезе; *угодити* и *угождать* *акт.* можно только другим, для значения угодить себе имеется с древности возвратный глагол *угодитиса* (быть довольным собой). Прилагательное *угодныи* связано с глагольной основой невозвратного глагола, все его значения — угоден для других [Срезневский III: 1137], как и современные *угодить*, *угодный кому-л.* Получается, что *вѣдноугодныи* примера 3 с обращенностью на себя, зд. 'недовольный', оказывается уродцем в этой небольшой семантической семье. Время его жизни было предопределено нестыковкой уже с тогдашней системой значений лексики угождения. Второй сильной причиной было наличие более нейтрального образования с приставкой *не*, ср. *непослоушливок...* и *неугоднок* (223₁₆) — два близких синонима-кальки (*τὸ δυσπείθεῖς... δυσἄρεστος* B145₁₂) характеризуют дело разделения наследства между братьями.

Пример 4: бедноудержные афинейские юноши ← *δυσκᾶνκτοι* 'с трудом сдерживаемые, неудержимые, несдержанные' — юноши то ли совсем неудержимые, то ли с трудом удерживаемые. Сейчас о человеке, который не сдерживает себя настолько, что его поведение воспринимается как превышение нормы, мы говорим решительно: *несдержанный*, с полным отрицанием сдержанности.

В примере 5 на сложность семантики приставки наложилась проблема семантики основы, вследствие чего лексема оказалась чуждой

семантическим соотношениям в лексике своего времени. Базовая основа — результат калькирования новозаветного значения $\delta\upsilon\sigma\text{-}\pi\alpha\rho\acute{\alpha}\kappa\lambda\eta\text{-}\tau\omicron\nu$ *асс.* Б130₃ ‘безутешную’, в то время как в контексте реализуется поздневизантийское (и новогреческое) ‘неумолимую’, ‘которую трудно упротить, умолить’. Глагол $\pi\alpha\rho\alpha\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omega$ зафиксирован в историческом ряде: классич. ‘призывать’, НЗ *акт.* ‘утешать’, далее ‘просить, умолять’. НЗ эпоним Святого Духа Παράκλητης Параклит «Утешитель» широко употребляется в переводных и оригинальных произведениях [Срезневский II: 879], например, у Кирилла Туровского XII в. находим и грецизм, и, по спискам, перевод Утешитель [СДРЯ VI: 350–351]. Переводчик ВГМ очевидным образом находился под влиянием этого важнейшего для христиан понятия. Переводчик как бы промахнулся, взял слово не для того значения, такие переводы называют семантическими кальками. Семантическая калька понятна тому, кто ее придумал, но вряд ли понятна читателю, читатель видит только то, что есть: утешение. Современный исследователь, анализируя ход мысли переводчика, обязан увидеть за материалом написанного слова значение, ему несвойственное, такое, как в современном слове *умолить*.

Какова степень отрицания признака? Бедно умоленная — это какая: ее трудно или нельзя умолить? Так как искомое слово находится в синонимической паре с ‘непреклонная’ ← $\acute{\alpha}\mu\epsilon\acute{\iota}\lambda\iota\kappa\tau\omicron\nu$ *асс.* Б130₃ (оно до неузнаваемости испорчено в представленном примере ВГМ²), то можно предположить более сильное и видеть здесь полное отрицание.

Пример 7. $\rho\alpha\zeta\omicron\upsilon\mu\acute{\epsilon}\tau\iota$ **вѣдно** — перевод $\delta\upsilon\sigma\theta\epsilon\acute{\omega}\rho\eta\tau\omicron\varsigma$ [СДРЯ I: 359] Григ. Богослов ‘трудный для понимания’. Элемент **вѣдно** в постпозиции к определяемой основе стал полноценным наречием. Понятие понимание подвижно и безгранично, в силу этой его природы его обычно не отрицают полностью, надеясь хоть на малое понимание.

В отношении Иерихонской воды (пример 8), которая горка **вѣ родомь и вѣдно пити кѧ** (313₂) ← $\delta\upsilon\sigma\tau\omicron\tau\omicron\varsigma$ Б258 ‘ужасная’, можно высказаться определенно: грамматически самостоятельное наречие **вѣдно** равно здесь полному отрицанию.

Итак, элемент **вѣдно** в качестве соответствия греч. отрицательным приставкам, не потеряв собственного значения, может значить как полное отрицание реализации качества, так и трудность реализации.

² На месте $\acute{\alpha}\mu\epsilon\acute{\iota}\lambda\iota\kappa\tau\omicron\nu$ ($\mu\epsilon\acute{\iota}\lambda\iota\sigma\sigma\omega$ букв. ‘успокаивать’, далее ‘успокаивать’, $\mu\epsilon\acute{\iota}\lambda\iota$ ‘мёд’) находим не **приложн[ть]** **тѣскоу** (211₂₁) — переосмысление из-за прочтения финали $\text{-}\iota\kappa\tau\omicron\nu$ как омофона $\text{o}\acute{\iota}\kappa\tau\omicron\nu$ *асс.* ‘жалость, сожаление’. В. М. Истрин предполагает первич. прил. ***неприложитѣскоу** [Истрин II: 320]. Место остается темным.

Сложения с **вѣдно** не часты, СДРЯ отмечает всего несколько употреблений из ВГМ и перевода Слов Григория Богослова. В современном языке они не сохранились.

III. Элемент **неоудовь** для перевода ἄ-, δυσ- был очень распространен. О сохранении собственного значения 'неудобно', то есть 'неудобно, не ко времени', свидетельствует управление: **неоудовь на + вин.**, **неоудовь + инф.** Лексема соотносится с 'невозможный' (совсем) или 'неудобный' (ко времени), сохраняя амбивалентность переводящего языка. Семантическая наполненность обуславливает градацию при отрицании признака базовой основы.

Скажем, трудно или невозможно перейти вброд реку Ганг, если в нем «зуботомитель» живет? Пример 9. «О жизни брахманов» Палладия: **рѣкоу же глѣють неоудовь преврести зане звѣрь ксть в нем глѣмыи зоуботомитель звѣрь же тои велии ес въ рѣцѣ живыи могын слона пожрети цѣла** (142₁₅) ← δυσπαραλότου В37₈ 'трудно проходимый' — казалось бы, всего лишь трудно, опасно, но, преодолевая опасность, можно. Однако из дальнейшего контекста следует, что на те сорок дней, когда мужчины «бредут» к своим женам, «зуботомитель» убегает. В остальные дни года, когда «зуботомитель» находится в реке, мужчины не переправляются к своим женам.

Далее: трудно или невозможно взять Иерусалим? Иерусалим времени Соломона (пример 10) описан как город большой и прекрасный, выложенный белым камнем, огромный по размерам и — **неоудовь погывноути кмоу** (263₁₈) сделал его Соломон δυσάλωτος *acc. sg.* В195₁₀. Примерно так же сказано о Иерусалиме времени второго храма: он окружен тремя стенами и **неоудовь на погывель ваше** (328_{20 21}) ← δυσάλωτος ὑπῆρχεν В278₅ 'неуязвим для захвата', 'недоступен' от глагола ἀλίσκομαι 'попадать в плен'. В истории многим неприступным крепостям приходилось быть покоренными, в том числе Иерусалиму. Это не мешает называть их *неприступными*. Реальная возможность покорения отступает на второй план, и мы говорим и считаем хорошо укрепленный город *неприступным*. В наречии **неоудовь** приходится видеть не неудобство, а невозможность.

К гиперболе **вѣднонзглаголанъ** (пример 2) есть синоним с приставкой **неоудовь** (пример 11): Александр Македонский многие и многие победы, и **неоудовь изглѣмыа и паче слова створи** (139₃₀) ← δυσδιήγητα καὶ λόγον ὑπερβαίνοντα В34_{4 5}. Приставочные элементы **вѣдно** / **неоудовь** к этой основе взаимозаменяемы, равны по значению, что говорит о близости их к статусу приставки.

О значении полного отрицания в приставке (наречии) **неоудовь** свидетельствует синоним с приставкой **не** (пример 12): **неоудовь ицѣлн-тисѧ** (406₂₆) и **неицѣльныѧ строуѣ** (587₂₉).

На неполное отрицание в **неоудовь** указывает контекст с противопоставлением обоих видов отрицания. О грешниках говорится (пример 13): **неоудовь ицѣльна ли везъицѣльна бывають** Пандекты Никона Черногорца [СДРЯ I: 124]. Трудность и невозможность реализации признака все время рядом и в греческом слове, и в переводном, как в песне недавнего времени: *Трудно высказать и не высказать все, что на сердце у меня.*

Сейчас есть несколько сложных прилагательных и производных от них существительных с первой частью, оформленной по законам русского словообразования: *неудобопроизносимый* и под. Не исчезла полностью и древняя форма **неоудовь**, она сохранилась в сущ. *неудобь* ‘непригодная для посевов земля’ и прямо во фразеологизме *неудобь сказуемый* [Орфографич. словарь 1999: 591].

IV. Лексема **зѣло** довольно регулярно используется для перевода отрицательных приставок **α-**, **δυσ-**, как и для полнокровного **κακός**. Отрицание сближено с понятием зла: 14. **злосмртны[и] конецъ**; 15. **зловоннаѧ** ← *το δυσώδες*, **зловонаник** ← *δυσωδία*, **зѣла вонѧ** Тр. Сб. XII–XIII в., 155об.; **злоу воню** ← *τῆς δυσωδίας* Панд. Ник. Ч. 1296 г., 71; 16. **злосмрадне**, **злосмрадынн источникъ**; 17. **зловонаник**; 18. **зловѣрныи**, **зловѣрство**; 19. **злонравик**; 20. **злообразъи**.

Обратим далее внимание на лексику зоны аксиологических понятий, для которых «норма не лежит в середине шкалы, а совпадает с ее позитивной частью» [Арутюнова 1998: 84]. В контекстах 15–17 отрицается не запах, а хороший запах. **Вонѧ**, как и современное *запах*, требует немедленной оценки [Там же: 40], появляется в сочетании с предикатом положительной или отрицательной оценки: добрая, благая, чистая, мирная (от миро), воня Святаго Духа, пречюдная, подобная аромат бесценных; с другой стороны, злая воня, смрад вони. Сущ. **вонѧ**, без определения, — обязательно ‘благовоние’ [Срезневский I: 300]. Глагол **вонати** — ‘издавать запах (любой или дурной)’.

Сохранились церковные слова *зловоние* и *благовоние*. Производящий глагол **вонати** утратил нейтральное значение, унаследовав отрицательное. Взгляд на современное значение со стороны истории продуктивен: отрицательное значение — не переосмысление, а победитель в состязании с нейтральным. То же произошло с сущ.: **вонѧ** ‘запах’ стало просто *вонью*.

Композит **злосмрадиѣ** ← *το δυσώδες*, известный с самых первых памятников славянской письменности [СтСл: 617], интересен плеоназмом: значение древнего славянского корня ‘запах’ + ‘неприятный’ расширено повтором: ‘злой’. Совр. *смрад* не нуждается в прибавке.

Композиты с корнем **вѣр-**: **зловѣрьнѣ**, **зловѣрьк**, **зловѣрьство** интересны тем, что отрицается не любая вера, а христианская вера, она — норма, отрицание которой равно зловерию; **вѣрьнѣ** — ‘верный христианству’; **зловѣрьнѣ** = ἄπιστος NT всего лишь ‘неверующий’: **не велико что мни. аще кого недостостаща зловѣрна знаменна твораще видиши** Панд. Никона Черногорца XIV в. То же в наречии: **зловѣрьнѣ** хульствуют об оживлении мертвых КЕ XII в. *δυσσεῶς*. Наряду с **зловѣрьк** было **зловѣрьство**: **зловѣрьству двери отверзе** Григ. Богослов XIV в. ← *τῇ ἀσεβείᾳ* ‘безверию’.

Совр. *безверие* и *неверие* — отрицание веры во что-либо хорошее, не связывается с конфессиональной принадлежностью. Но *неверующий человек* — это о Боге. Сохранилось *благоверный*, *правоверный*, но не **зловѣрьнѣ**.

Композит примера 19: **злонравьнын Никифоръ** изгнал богонравную Ирину (Житие Феодора Студита XII в.) ← *δύστρολος* ‘плохого нрава’. То же **злонравьк** (232,) ‘упрямство’ — отрицается не всякий нрав, а хороший нрав. Замечательно редкостное бесприставочное **оживляющин нравьнини крүгъ** ГБ XIV в., 626 [СДРЯ V: 438] ← *τῶν ἀρετῶν* ‘добродетелей’, имеющее здесь значение ‘хороший нрав’, при обычном нейтральном сущ. **нравъ**: **которнын нравъ**, **кроткын нравъ**, **нравъ сотоннынъ** [СДРЯ V: 437–438].

Обычным был глагол **зловбразовати** ← *ἀσχημονέω* ‘непристойно вести себя’ и ‘терпеть непристойное поведение других’. Быть вне образца поведения и для византийского автора, и для средневекового переводчика подобно злу. Сущ. **злообразьк** — как будто ‘дурной поступок’ [СДРЯ III: 419], с полноценным элементом ‘зло’. Обращает на себя внимание синонимичность **злообразик** / **безобразіѣ** в двух переводах одного и того же памятника: Панд. Никона Черногорца, сл. 36 [Срезневский I: 1004] ← *ἀσχημοσύνη*. Значит, элемент **зло** близок простому отрицанию.

Сущ. **злообразьк** на месте *ἡ ἄγνοια* ‘незнание, непонимание’ появилось в контексте: «какое оправдание Книг непонимания (*τῆς ἀγνοίας*) выдумать любители насмешек (могут)?» → **ω испытаныи книгъ злообразьк** (536_{24, 25}) — это свободный перевод по логическому выводу: не понимать единственной правильной Книги значит истолковывать ее злообразно, во зло.

Упомянем несколько других сложений с элементом **зло**: **злородье** (Пчела XIV в.) не отрицание рода, а отрицание хорошего рода, ‘плохой род’, ‘урод’, как и его текстовая параллель $\delta\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\nu\epsilon\iota\alpha$ ‘неблагородство’, $\delta\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\nu\acute{\eta}\varsigma$ ‘неблагородный’.

Вычурное **злогласованьк** (536₂₄) погибло в конкуренции со **злов**-**словием**.

Сложения **зло** + **слава**: **злославно** *сущ. ср. ед.* Григ. Богослов XIV в., **злославник** *сущ. ср. ед.* Ефр. Корм. 218 1100 г., **злослоуѣе** *ср. ед.* Григ. Богослов XIV в. следуют за семантическими моделями источника: $\tau\acute{o}$ $\delta\upsilon\sigma\phi\eta\tau\iota\varsigma$ и $\delta\upsilon\sigma\phi\eta\tau\acute{\iota}\alpha$ ‘дурная слава’ — не отрицание славы, а отрицание доброй славы.

V. Единично отмечены уникальные приставки **люто** и **хоудо**, принадлежащие к той же семантической группе: **люди непослоушныа и жестошница и лютоводитыа** (215₃) ← $\lambda\alpha\acute{o}\nu\ldots \delta\upsilon\sigma\acute{\alpha}\gamma\omega\gamma\omicron\nu$ *acc. sg.* Б134_{1,2} ‘(народ) трудно водимый, трудно управляемый, непокорный’ ($\delta\upsilon\sigma$ - + $\acute{\alpha}\gamma\omega$ ‘вести’); **хоудородьнъ** ← $\delta\upsilon\sigma\upsilon\epsilon\nu\acute{\eta}\varsigma$ ‘незнатный’, ‘неблагородный’.

VI. Обычные для русского языка отрицательные приставки **вез** и **не**. Приставка **вез**-, как и ее современный аналог, в сложении с отыменными признаками «некомплектных» предметов [Арутюнова 1998: 82] была очень продуктивна. Отличие современного языка состоит не только в регулярных новообразованиях типа *безалкогольный, безлиазовый* и под. или в утрате самостоятельности базовой лексемы, как в *безделье, безлюдье, безотцовщина* и т. д., но в изменении семантики отношения между приставкой и основой. В качестве примера рассмотрим тройку **везстрашнь** — **нестрашнь** — **страшнь**.

Безстрашик ‘безбоязненность’ и **везстрашнь** ‘не имеющий страха’ человек (поступок, поведение) в контекстах средневековой литературы прочно связаны с безбоязненностью перед Богом: **везстрашик вожик** — это когда человек не боится Бога. Быть безбоязненным в отношении Бога — отрицательное качество человека, о чем прямо так и сказано: **идеже во страхъ ѿжи. тоу и любы. и единомысльство вратни. а идеже вестрашье тоу и рвение и зависть**. Троицкий сб. XII–XIII в., 118 [СДРЯ I: 140]. Лексема выжила и в нерелигиозных контекстах приобрела положительные коннотации. Современное *бесстрашие*, как и его синоним *безбоязненность*, — положительное качество человека.

Иное дело **везстрашик** как результат семантического калькирования, как представитель значения ‘безнаказанность’ в переводе того же *сущ.* $\acute{\alpha}\delta\epsilon\iota\alpha$, которое имеет характерную для греческого языка историю

развития значений (не характерную для славянского). Человек, которому приписано $\alpha\delta\epsilon\iota\alpha$, не имеет страха перед кем-л., не опасается кого-л., он без, вне опасности, следовательно, это его «свобода», следовательно, «свобода от наказания», следовательно, «ненаказуемость» — это последнее значение реализовано в ХГА в сюжетах о Давиде по 2Цар 12.7–9 и Соломоне. О Давиде сказано: «Давид долго жил в безнаказанности», что переведено так: **много приять вѣстрашыѣ** (255₁₉) ← $\alpha\delta\epsilon\iota\alpha$ *gen. sg.* Б186. Здесь значение ‘безнаказанность’ однозначно диагностируется контекстом: Бог напоминает Давиду о прежних ненаказанных грехах, угрожает наказанием и сильно наказывает (сын Вирсавии погибает). Так ниже и о Соломоне (269₃₁). Интересно, что и в Летовнике, болгарском переводе ХГА XIV в., тоже **вѣстрашиѣ** ЛМ75₁₅, что говорит о многом: на всем едином культурном пространстве славянского мира XI–XIV веков [Лихачев 1973: 24] семантическая калька **вѣстрашиѣ** была живой, но далее она не выдержала конкуренции с прямым и устойчивым значением: *бесстрашный* = ‘не имеющий страха’.

Прилагательное **вѣзстрашыѣ**, характеризующее место на земле, отмечено в прозрачном контексте: **да проводим ю (ладью) сквозѣ всако страшно мѣсто, дондеже придетъ в вѣстрашно мѣсто** Ипат. лет. ок. 1425 г. Страшное место вызывает страх, бесстрашное не вызывает страха.

Итак, **вѣзстрашыѣ** ‘не вызывающий страха’ имело синоним **нѣстрашыѣ** и омоним **вѣзстрашыѣ** ‘не имеющий страха’ и оказалось недееспособным рядом с ними. Оба конкурента победили и выжили. Современное *нестрашный* ‘не вызывающий страха’ имеет антоним *страшный* ‘вызывающий страх’. *Бесстрашный* ‘не имеющий страха’ включилось в синонимический ряд *смелый*, *отважный* — человек, зверь, их поведение, действия, сердце, ум и т. д. Но *бесстрашный* ‘не вызывающий страха’ — невозможно, так как это значение закрепилось за лексемой *нестрашный*; как невозможно и *бесстраиный* ‘не имеющий страха’ о предмете, не обладающем чувствами.

С другой стороны, не выжило и **нѣстрашно сѣрдце**, появившееся в единственном (зафиксированном в СДРЯ) употреблении: **Фѣѡдоръ... досаженьи нелѣпыми дерзновеньюу дшѣю и нѣстрашномъ** ($\alpha\phi\omicron\beta\omega$ *dat.*) **срѣмъ изгна на влѡѣу Ха** ВГМ (491₄) «Феодор (Моисеустский)... оскорбления нелепые дерзкой душой и безбоязненным сердцем изливал на Владыку Христа». В тогдашней лексической системе здесь просилось бы **вѣзстрашномъ**. Переводчик слабо чувствовал систему? Заметим, что в греческом адъективе $\alpha\phi\omicron\beta\omega\varsigma$ совмещаются оба, разделенные в славянском, значения: ‘не имеющий страха, не боящийся’ (о живом) и ‘не вызывающий страха’ (о любом предмете).

Многообразие лексем, включающих приставки без- и не-, утраченных и переосмысленных в исторической жизни языка, приведем далее перечнем «сейчас» — «тогда».

Есть *нелетица* и *нелепый*, архаичное *лепота* — была *везлѣпница* и *везлѣпнично* слово, *лѣпота* и *везлѣпота* ‘некрасота’. Есть *немиловитивый человек* — было безмилостивное гонение. Есть и было *безмужняя жена* — был к тому же омоним *везмоужьнѣ* ‘немужественный’; но было и *везженьць* И426₁₆ = ἄνηλος ‘не сосуший груди’, ‘не кормленный женщиной’. Есть *безотцовщина* — было *везматерѣство* и *везматернын*. Сейчас *неизлечимый* — его древний аналог *везлечьнын*. Сейчас *неисцелимый* — было безисцельные согрешения. Сейчас *нетрудно* ‘легко’ — было *везтроудьно*. Сейчас *неумный* — было в этом значении *везоумьнын*. Есть *неразумие* — было *везразоумье* ‘незнание’. Есть *безмолвие* — был *везмолвникъ* ‘молчальник’, монах исихаст. Сейчас *неумолчный*, *неумолчно* — было: *женѣ даны везмолчны ѹсты*. Ангелы безмолчно поют молитву Ему (286₁₃). Сейчас *неуместный*, *неуместно* — было *везмѣстънѣ*. Было больше попен *agentis*: *везматѣжьникъ*, *безнадежникъ*, *везпечальникъ*, *везприовыщенникъ* ‘лишенный приобщения, церковного Причастия’, *везчастьникъ* ‘неудачник, несчастный’, *везчиньникъ*. Были *везименьники* ‘не имеющие имения, имущества’, *везградникъ* — наилучший эпитет святого. Есть *нечестивый* — было наряду с тем и *везщестивно* (113₇). Сейчас *нетленный* — было *нетлѣннѣ* и *везизтъленье* (тел святых). Есть *несчастье* — было безчастье ‘отсутствие счастья’. Есть *беспутный человек* ‘отошедший от правильного пути’ — было беспутное место ‘где нет путей’: *птицы пролетаютъ везпѹтная и широкая та места*. Сейчас *нескончаемый* (*пир, крик, веселье*) — было *неконьчакмын*, *неисконьчающинса* и др. [СДРЯ V: 359], но и *бескончаемое веселье*. Сейчас *бесчисленные страдания, неприятности, заботы, потери, повторы* — была *вещисльнага радость* (294₃) ← ἀμετρία τῆς χαρᾶς ‘не имеющая меры радость’.

VII. В представленной коллекции интересны полнозначные приставки, на которых лежит ответ от собственных значений соответствующих основ. В таких приставках отрицание признака колеблется между полным и частичным, окрашенным в беду, зло, лихо или неудобство. У каждого дожившего до современности слова была индивидуальная судьба, умирали слова тоже в одиночку и как будто по закону случайности, но для некоторых слов проясняются причины, помешавшие их выживанию; главная причина — несоответствие семантической систе-

ме уже средневекового языка, а также конкуренция с синонимичными средствами, которым язык отдал предпочтение.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Истрин 1922 — *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. I. Пг., 1920; Т. II. Пг., 1922.
- Лихачев 1973 — *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVIII вв. Эпохи и стили. Л., 1973.
- Матвеевко, Щеголева 2006 — *Матвеевко В. А., Щеголева Л. И.* Книги временные и образные Георгия Монаха. Ч. 1. Интерпретированный текст Троицкой рукописи. М., 2006.
- Орфографич. словарь 1999 — Русский орфографический словарь. / Отв. ред. В. В. Лопатин. М., 1999.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903. Фототипическое переиздание. М., 1958, 2003.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–7. М., 1988–2004.
- СтСл — Старославянский словарь (по рукописям X–XI ввек). М. 1999.
- Boor 1904 — *Georgii monachi chronicon*, ed. Carolus de Boor. Leipzig, 1904 (Ed. stereotypa ed. anni 1904. Corr. cur. Peter Wirth. 2 Bde. Stuttgart: Teubner, 1978. Vol. 1–2. Электронная версия: Musaios).

«НЕЗНАЧАЩЕЕ» И «НЕВЫРАЖЕННОЕ» ОТРИЦАНИЕ (КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНАНТИОСЕМИИ)

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В настоящей статье речь пойдет о двух взаимосвязанных явлениях: во-первых, о случаях, когда языковое выражение, содержащее показатель отрицания, означает приблизительно то же самое, что это же выражение без отрицания (*отнюдь нет* \approx *отнюдь*; *долго не решался* \approx *долго решался*; *ждать, пока он не придет* \approx *ждать, пока он придет*), и, во-вторых, о случаях, когда одно и то же языковое выражение может означать две противоположные вещи (т. е. имеет место так называемая энантиосемия). Эти два явления непосредственно связаны между собою: действительно, отрицая одну из противоположных вещей, мы нередко утверждаем противоположную. Поэтому, скажем, с тем фактом, что слово *погода* характеризуется междиалектной энантиосемией (в одних говорах оно означает ‘ненастье’, а в других — ‘вёдро’) непосредственно связано то, что слово *непогода* (означающее ‘ненастье’) синонимично слову *погода* (т. е. тому же слову без отрицания) в одном из двух «противоположных» диалектных значений.

Говоря об энантиосемии, необходимо учитывать, что принятое в лингвистической литературе определение ее как «внутрисловной антонимии» может вводить в заблуждение. Антонимия в строгом смысле слова, как правило, предполагает, что два слова с «противоположными» значениями принадлежат одному языку, имеют одинаковые стилистические характеристики и сочетаемость. Иными словами, «противоположность» их значений в норме проявляется в том, что они могут появляться в одних и тех же контекстах, но при этом означают «противоположные»

Статья представляет собою развитие положений об энантиосемии как системном явлении, впервые высказанных автором в докладах на семинаре по логическому анализу языка в Институте языкознания РАН (в декабре 1996 г.) и на Максимовских чтениях в МПГУ (в конце февраля 1997 г.) и частично отраженных в публикациях [Шмелев 2004] и [Шмелев 2005]. Данный вариант статьи написан в рамках работы по проекту INTAS “Core vocabulary in a typological perspective: semantic shifts and form / meaning correlations (TypVoc)” (Ref. Nr 05-1000008-7917).

вещи. Но при столь строгом понимании антонимии едва ли возможно, чтобы «антонимичные» значения выражались одним и тем же словом. В самом деле, если предположить, что одно и то же слово в одних и тех же контекстах регулярно выражает разные и притом «противоположные» значения, остается совершенно непонятным, как же носители языка понимают, какое именно из «противоположных» значений имеется в виду.

В реальности, как это видно из примеров энантиосемии, приводимых в лингвистических сочинениях, она понимается существенно шире. К ней причисляются случаи, когда разные значения языкового выражения оказываются распределены по контекстам употребления. В этом случае проблема понимания не возникает: контекст употребления однозначно указывает, в каком из «противоположных» значений употреблено языковое выражение. Так, можно говорить об энантиосемии морфем или морфемных комплексов, меньших, чем слово, когда одна и та же морфема или морфемный комплекс в составе разных слов имеет противоположные значения (*торопиться* — *оторопеть*, *исход дела* ‘конец’ — *исходная точка* ‘начальная...’). Кроме того, об энантиосемии часто говорят, выходя за пределы одной языковой системы и привлекая данные истории языка, диалектный и жаргонный материал и даже межъязыковые сопоставления (напр., указывая, что по-чешски *čerstvý chléb* значит ‘свежий хлеб’). В этом случае «противоположные» значения языкового выражения оказываются распределены по разным подъязыкам в пределах одного языка, периодам существования языка или разным языкам (разумеется, в этих случаях об «одном и том же языковом выражении можно говорить с некоторой долей условности; точнее говорить об этимологически тождественных языковых выражениях).

Следует отметить, что часто энантиосемию понимают еще шире, причисляя к ней также случаи, когда в разных значениях слово соотносится с конверсивами или с разными актантами одной и той же ситуации (О. П. Ермакова [2002: 64–65] использует выражение «актантная энантиосемия»). Если происходит поляризация актантов ситуации, к которой отсылает языковое выражение, какие-то два ее участника начинают восприниматься как «противоположные», а описание ситуации с точки зрения одного из этих участников — как «противоположное» описанию этой же ситуации с точки зрения другого. Поскольку ситуация одна и та же, для ее описания может использоваться одна и та же лексическая единица (со сменой диатезы), которая тем самым может восприниматься как энантиосемичная (напр., глагол *одолжить* в конструкциях *кому* и *у кого* — ср. анекдот: *Рабитович, вы не могли бы одолжить сто рублей?* — *Хорошо, а у кого?*). Ср. также пример, при-

водимый Шарлем Балли, — французский глагол *louer*, означающий как ‘сдавать в наем’, так и ‘брать в наем’ — ср. *louer un appartement* ‘сдать/снять квартиру’, *louer une voiture* ‘дать напрокат/арендовать автомобиль’ и т. п. [Балли 1955: 191]. Кроме того, от единицы, обозначающей некоторую ситуацию, могут быть образованы обозначения «противоположных» участников этой ситуации, нередко даже при помощи одних и тех же словообразовательных средств. Напр., слово *терпимый* может обозначать как того, кто склонен терпеть (*человек, терпимый к недостаткам*), так и то, что можно терпеть (*терпимые условия*). Если соответствующие участники ситуации воспринимаются как «противоположные», возникает «актантная энантиосемия». «Актантная энантиосемия» может быть не связана с использованием словообразовательных средств. Так, французское *hôte* описывает «противоположных» участников ситуации, когда один человек «гостит» у другого: оно может переводиться на русский язык и как *хозяин* (*remercier ses hôtes de leur hospitalité* ‘благодарить хозяев за гостеприимство’), и как *гость* (*bienvenu, vous êtes notre hôte* ‘добро пожаловать, будьте нашим гостем’) [Гак, Триумф 1991: 525]. Приведем еще несколько примеров, когда наличие у слова «противоположных» значений связано с поляризацией актантов. Глагол *торговать* используется для обозначения одной и той же ситуации купли-продажи, но с разных точек зрения: его основное значение в современном языке — ‘заниматься продажей, отпуском товаров покупателям’ (напр., *торговать хлебом, лесом; торговать в лавке*). Наряду с этим, «Малый академический словарь» выделяет у него и устарелое или просторечное значение ‘собираясь купить что-л., прицениваться, сговариваться о цене’, иллюстрируемое примером из пьесы А. Н. Островского «Бешеные деньги»: *Я вспомнила, что видела одну купчиху в магазине, которая торговала кусок материи; ей жаль и много денег-то отдать, и кусок-то из рук выпустить* [Евгеньева 1984б: 385]. Таким образом, этот глагол может описывать деятельность как продавца, так и покупателя — «противоположных» участников ситуации купли-продажи. Существительное *купец* в современном языке обозначает того, кто занимается торговлей, продает; однако в «Малом академическом словаре» у этого слова выделяется также устаревшее значение ‘покупатель’; слово *должник* в современном языке обозначает того, кто взял в долг; но в языке начала XIX в. могло означать и «противоположного» участника ситуации — кредитора, т. е. того, кто дал в долг. В цитированной выше статье О. П. Ермаковой [2002] в качестве примера «актантной энантиосемии» приводится слово *отказник*: это слово имеет значения, соотносимые с «противоположными» актан-

тами некоторой специальной ситуации, когда родители отказываются от своего ребенка: 'родитель, который отказался от своего ребенка' и 'ребенок, от которого отказались родители'. По-видимому, сюда же относятся такие случаи, как «противоположность» значений английского прилагательного *arguable*, которое в зависимости от контекста может означать и 'спорный' (т. е. такой, против которого можно найти аргументы), и 'доказуемый' (т. е. такой, в защиту которого можно найти аргументы).

Случаи мены диатез, приводящие к тому, что слово оказывается собственным конверсивом, и случаи обозначения разных участников одной ситуации одним и тем же словом, встречаются довольно часто. Однако, не вдаваясь в обсуждение спорного вопроса, можно ли считать конверсивы или обозначения участников одной ситуации антонимами, а «противоположность» значений одного и того же языкового выражения, связанную с поляризацией актантов, — энантиосемией, отметим, что как бы то ни было «поляризованные» актанты не являются отрицанием друг друга и поэтому в дальнейшем случаи такого рода рассматриваться не будут.

Перейдем к рассмотрению причин, которые могут приводить к таким парадоксальным явлениям: «незначашему» отрицанию и энантиосемии. Подчеркнем, что для целей настоящего обзора не столь существен статус рассматриваемых явлений: действительно ли они конвенционализировались и вошли в инвентарь языковых средств или окказионально возникают в речи. Нас интересует прежде всего типологическая сторона дела, а с точки зрения типологии то, что регулярно повторяется в речи, имеет хороший шанс конвенционализироваться в каком-то языке и потому обладает типологической значимостью не меньшей, чем конвенционализированные явления.

ДАВЛЕНИЕ ПОВЕРХНОСТНОГО ОТРИЦАНИЯ

На первый взгляд случайным, но типологически не так уж редким оказывается случай, когда говорящий «путается» в отрицаниях, напр. вставляет в предложение лишнее *не*. Это может произойти, если в предложении уже есть другое (выраженное или не выраженное) отрицание. Александр Борисович Пеньковский как-то вспоминал, что когда он читал наизусть на школьном празднике стихотворение в прозе Ивана Тургенева «Русский язык», то последнее предложение прочел так: «Но нельзя *не* верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» (в оригинале: *Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан велико-*

му народу!). Надобно признать, что сложная синтаксическая структура этого предложения и наличие в нем уже двух отрицаний (*нельзя и не был дан*) прямо-таки провоцируют ошибку такого рода.

Замечание. В некоторых случаях подобные ошибки связаны с регулярными явлениями. Коснемся одного из таких случаев. Как известно, часто общий вопрос с отрицанием значит почти то же самое, что и такой же вопрос без отрицания (ср. вопросы у газетного киоска: *У вас нет газеты «Известия»?* и *У вас есть газета «Известия»?*), так что здесь мы также имеем дело со своего рода «незначашим» отрицанием. В то же время иногда наличие (или, наоборот, отсутствие) поверхностного отрицания оказывается обязательным: ср. *Ты не забыл ключи?* vs. *Ты сделал уроки?* В частности, в русском языке поверхностное отрицание обязательно, когда общевпросительное предложение используется в значении просьбы (*Вы не могли бы передать мне соль?* и *Вам не трудно передать мне соль?*)¹. Интерес в связи с этим представляют вопросы, которые задаются кающемуся человеку о его грехах. Как известно, грехи можно подразделить на грехи совершения, когда человек делает то, чего делать не должно (*sins of commission*), и грехи упущения, когда человек не делает того, что делать должно (*sins of omission*); при этом часто речь идет лишь о способе концептуализации одного и того же греха (ср. *нарушать пост* и *не соблюдать пост*), и указание на грех совершения предполагает скрытое отрицание, так что «совершение» фактически оказывается «упущением» (*нарушать* и значит ‘не соблюдать’). Вопросы, касающиеся возможных грехов совершения, в русском языке могут включать или не включать поверхностное отрицание (*Не нарушал ли ты постов?* или *Нарушал ли ты посты?*) и на грех указывает положительный ответ (*Да, нарушал*), а вопросы, касающиеся возможных грехов упущения, никогда не включают поверхностного отрицания (*Соблюдал ли ты посты?*), при этом на грех указывает отрицательный ответ. В английском языке речевая практика несколько иная, так что и вопросы, касающиеся возможных грехов совершения, и вопросы, касающиеся возможных грехов упущения, в

¹ Отсутствие отрицания в побудительном высказывании, выраженном общевпросительным предложением, возможно в случае раздраженного требования: *Вы можете помолчать хоть пять минут?* В этом отношении английский язык коренным образом отличается от русского: в английском языке общевпросительное предложение в значении просьбы не должно включать отрицания (*Could you pass me the salt?*), но в случае раздраженного требования отрицание как раз уместно (*Couldn't you shut up?*).

норме не включают поверхностного отрицания. Ср. первые два вопроса из раздела *Preparation for confession: self-examination* в молитвослове, выпущенном Антиохийским патриархатом для американских прихожан: *Have I believed in God the Father, the Son, and the Holy Spirit?* (на грех — упущения — будет указывать отрицательный ответ) и *Have I failed to trust in God and His mercy?* (на грех — формально грех совершения — будет указывать положительный ответ). Так же соотносятся первые два вопроса, касающихся пятой заповеди (о почтении к родителям): *Have I respected my parents and been obedient to them?* (на грех — упущения — будет указывать отрицательный ответ) и *Have I been guilty of deception, or caused them pain by my words and actions?* (на грех — совершения — будет указывать положительный ответ). Указанная практика (все вопросы без поверхностного отрицания независимо от того, касаются ли они грехов совершения или упущения) строго выдерживается на протяжении всего указанного раздела; при этом некоторые грехи совершения фактически представляют собою грехи упущения, поскольку включают глаголы со скрытым отрицанием (*to fail*, *to neglect* и т. п.). Попытка объединить два вопроса в один при помощи сочинительной связи иногда приводила к тому, что составитель раздела не справлялся со скрытыми отрицаниями; ср., напр.: *Have I neglected to receive Holy Communion regularly or without a due preparation?* В обоих случаях речь идет об «упущении», концептуализуемом как «совершение», и, соответственно, в обоих случаях формулировка включает в себя скрытое отрицание (*to neglect to receive Holy Communion regularly* и *to receive Holy Communion without a due preparation*). Однако скрытое отрицание связано с разными синтаксическими позициями в этих формулировках, и потому сочинение их приводит к абсурдной формуле (*to neglect to receive Holy Communion without a due preparation*).

Однако во всех рассмотренных случаях мы имеем дело со случайными ошибками. Интерес представляют случаи, когда ошибки такого рода становятся настолько обычными, что уже не вполне ясно, остаются ли они ошибками или могут считаться языковыми конвенциями особого рода. Рассмотрим два примера.

Как известно, в английском языке есть глагол *to unpack* ‘распаковать’, образованный присоединением отрицательного префикса *un-* к глаголу *to pack* ‘паковать’; соответственно *unpacked* означает ‘распакованный’. Однако наличие отрицательного префикса регулярно приводит к тому, что, когда говорящему необходимо выразить смысл ‘не

распакованный', он использует то же самое слово *unpacked*, которое, таким образом, может означать и 'распакованный' (буквальное значение), и 'не распакованный' (на это мое внимание обратила Барбара Холл Парти). Пуристами такое употребление иногда оценивается как ошибочное, но оно весьма часто встречается в речи носителей языка, строго следующих предписаниям литературной нормы. Приведу пример дискуссии по поводу этого выражения.

Дж. Нанберг, известный лингвист из Стэнфордского университета, поместил 16 мая 2005 г. на сайте *Language Log*² историю, в которой рассказал, как Дэн Менакер, который работал проверяльщиком в журнале *New Yorker*, обнаружил в одном из рассказов предложение, которое прошло мимо глаз трех других редакторов. Предложение гласило: *They had only just moved in; their boxes lay on the kitchen floor; still unpacked*. Дж. Нанберг комментировал это следующим образом: "What the writer meant to say, of course, was «not yet unpacked,» or more accurately if less grammatically, «still unpacked.» But most people take a moment to realize that the sentence doesn't actually mean that." Далее он восклицал: "And indeed, if Menaker hadn't spotted the mistake, it would have made it into the pages of the *New Yorker*." Марк Либерман охарактеризовал это употребление как "insidious overnegation", при этом отметив, что такое употребление является весьма обычным (в сообщении, размещенном на том же сайте на следующий день³, он указал, что поиск при помощи системы Google дал 785 примеров употребления выражения *still unpacked* и, более того, встречаются многочисленные примеры, когда слово *unpacked* (без сопровождения *still*) значит 'не распакованный', напр.:

Amid the clutter and *unpacked* boxes, Charlotte schleps her laptop around the house, trying to get a grip on the erotic novel she's working on.

Особенно эффектны примеры, когда в пределах одного предложения *unpacked* означает и 'не распакованный', и 'распакованный':

Are you the kind of person who puts *unpacked* boxes in the basement of your new home to be *unpacked* at a later date (5 years later!)?

I finally got fed up that our office is a labyrinth of *unpacked* boxes from when we moved like five months ago, so to make a point, I hid the computer chair and stacked a bunch of boxes in front of the computer, so that we can't do anything on the computer until the boxes are *unpacked*.

² <http://itre.cis.upenn.edu/~myl/languagelog/archives/002164.html>

³ <http://158.130.17.5/~myl/languagelog/archives/002169.html>

В свою очередь Дж. Шейдлоуэр, полномочный редактор Оксфордского словаря английского языка, указал, что примеры, в которых *unpacked* означает 'не распакованный', в значительном количестве встречаются у известных авторов и не должны считаться ошибкой. Более того, в самом Оксфордском словаре среди значений слова *unpacked* приведено и такое: 'not taken out of a pack or parcel', иллюстрируемое примером из текста 1721 г.: *Loads of ill Pictures, and worse Books..., lye unpacked and unthought of when they come into the Country*. Впрочем, как оказалось, многие носители языка, даже те, кто сам употребил это выражение, все же считают это ошибкой и, когда им на нее указывают, поправляются. Любопытно, кстати, что после опроса информантов Дж. Нанберг признал, что такое употребление может считаться законным и назвал его «автоантонимией»⁴, отметив, что это не единственный случай «автоантонимии» ("Sanctioning something can mean either permitting it or setting penalties for it; renting an apartment can mean either being a tenant or being a landlord; and there are other examples."). Там же он указал на то, что идиоматическое выражение *couldn't care less* эквивалентно тому же выражению без отрицания (*could care less*); впрочем, легко видеть, что приведенные им примеры энантиосемичных выражений не связаны с давлением поверхностного отрицания, а имеют другой источник. (Ср. также популярное изложение этой дискуссии в колонке Яна Фримана в газете «Бостон глоб» от 25 мая 2005 г.).

Дж. Нанберг связал такое употребление слова *unpacked* с гаплогогией, с желанием избежать повтора сегмента *un* (*ununpacking* → *unpacked*). Думается, причина здесь несколько иная, хотя и близкая. Требуется выразить смысл 'не распакованный', включающий в себя отрицание действия, связанного с упаковкой, — и говорящий использует слово включающее как отрицательную морфему *un*, так и морфему, указывающую на упаковку, — *pack*. То, что на самом деле речь должна идти о действии, противоположном действию 'паковать', остается незамеченным.

Сходный механизм привел к появлению и широкому распространению использования глагола *разморозить* в таких сочетаниях, как *разморозить систему отопления*, в которых оно парадоксальным образом означает 'вывести из строя отопление, так что температура падает до критического уровня и система замерзает' (т. е. скорее *заморозить*). Приведем лишь несколько примеров из Интернета:

разморозенный, обезвоженный и обесточенный во время холодов город Щелкино (<http://www.kalitva.ru/2006/02/24/6511.html>)

⁴ <http://itre.cis.upenn.edu/~myl/language-log/archives/002212.html>

Разморожены котельная, болсе 1,5 км теплотрассы, системы внутреннего отопления в 7 домах. Без тепла остались 105 человек, в том числе 20 детей. (http://www.federalpost.ru/moroz/issue_5564.html)

Если нет опасности *размораживания* системы отопления вследствие прекращения работы котла (из-за перебоев в подаче электроэнергии, из-за падения давления газа или по другим причинам), то систему можно заполнить водой (лучше дистиллированной). ...Если *размораживание* системы возможно, то стоит рассмотреть вариант с применением антифриза. (<http://www.topdom.info/sprorg1217.php>)

...в ночь с 4 декабря на 5 декабря в 21 час резко упала температура в трубах отопления, которая была и так очень низкая, и началось *размораживание* стояков отопления и батарей с конвекторами. (<http://risk-inform.ru/text/2006/06/shagonar06.html>)

При температуре минус 35 градусов в поселке Марха, примыкающем к городу Якутску, из-за аварии оказались *размороженными* 25 жилых домов. ... Сегодня восстановлено теплоснабжение в восьми домах, ведется замена *размороженных* труб и радиаторов на остальном жилье поселка Мархи. (<http://www.radiomayak.ru/doc.html?id=54415&cid=>)

Представляется, что причина такого употребления заключается в том, что говорящий стремится одновременно выразить смысл 'вывести из строя' (при помощи приставки *раз-*) и смысл 'низкая температура, замерзание' (при помощи корня *мороз*). При этом он пренебрегает тем, что словарное значение глагола *разморозить* противоположно: 'путем нагревания дать возможность оттаять чему-л. замороженному' [Евгеньева 1984а].

«ПОДРАЗУМЕВАЕМОЕ» ОТРИЦАНИЕ

Как известно, некоторые слова и выражения употребляются преимущественно или исключительно в контексте отрицания. Поэтому эти слова уже сами по себе наводят на мысль об отрицании, так что эксплицитно выражать отрицание как будто и не обязательно, так что в некоторых случаях оно пропускается. Так устроено, напр., русское слово *отнюдь*. В соответствии с нормами литературной речи оно употребляется перед отрицанием (*отнюдь не* или *отнюдь нет*), «усиливая» его. В то же время широко распространилось употребление одиночного *отнюдь* в качестве отрицательного ответа на общий вопрос: *Вы любите сыр? — Отнюдь*. Это употребление вызывало возражения у поборников чистоты русской речи; ср. раздраженное замечание Ивана Бунина:

Распад, разрушение слова, его сокровенного смысла, звука и веса идет в литературе уже давно.

— Вы домой? — говорю как-то писателю Осиповичу, прощаясь с ним на улице. Он отвечает:

— Отнюдь!

Как я ему растолкую, что так по-русски не говорят?

Не понимает, не чувствует:

— А как же надо сказать? По-вашему, отнюдь нет? Но какая разница?

Разницы он не понимает. Ему, конечно, простительно, он одессит. Простительно еще и потому, что в конце концов он скромно сознается в этом и обещает запомнить, что надо говорить «отнюдь нет».

Однако такое употребление одиночного слова *отнюдь* (в котором оно фактически означает то же самое, что *отнюдь нет*) встречалось еще у Достоевского (в «Идиоте»):

«...известная особа сейчас дала знать, что желала бы очнь с вами секретное свидание иметь». — «Для чего же секретнос? Отнюдь. Я у ней буду сам, хоть сегодня».

В дальнейшем оно распространилось и широко используется в литературе. Ср.:

Баронесса. Хватит! Вы издеваетесь! Бургомистр. Отнюдь. Я просто хочу объективно разобраться (Г. Горин).

Более того, оно встречается даже у признанных стилистов, напр.:

«Это, значит, не воск?» — спросил Драйер. Изобретатель поднял палец: «Отнюдь. Вот это один из секретов. Упругое, эластичное вещество, окрашенное в розоватый или желтоватый цвет, — по выбору» (В. Набоков).

Такого рода явление, когда слово, употреблявшееся преимущественно или исключительно в контексте отрицания, само приобретает отрицательное значение, привело к тому, что во французском языке отрицательные значения слов *personne*, *rien*, *plus*, *jamais* конвенционализировались и стали словарными значениями. В результате возникла энантиосемия, когда, напр., слово *jamais* означает 'никогда', а выражение *à jamais* — 'навсегда'. Иногда эта энантиосемия даже не устраняется контекстом. Так, изолированное выражение *plus de sucre* может означать и 'больше сахара' (напр., в названии музыкального альбома, о котором одна женщина критик отозвалась так: «*Plus de sucre pour adoucir la mise à nu volontaire de "Jean-Philippe" Nataf en chanteur désenchanté*»), и 'больше нет сахара' (в рекламе диетического продукта).

ОТРИЦАНИЕ ПРИ «МИНИМИЗАТОРАХ»

П. Постал в «Скептических лингвистических очерках»⁵ в пятой главе, посвященной памяти Джеймса Макколи, описал парадоксальное поведение английских «вульгарных минимизаторов» (таких слов, как, *a squat*). Предложения с этими словами обозначают одно и то же и при наличии, и при отсутствии отрицания: и предложение *Eddie knows squat about phrenology*, и предложение *Eddie doesn't know squat about phrenology* предполагают, что Эдди ничего не знает о френологии. Семантический механизм, порождающий этот парадоксальный эффект, вполне очевиден: рассматриваемые слова и выражения указывают на пренебрежимо малое количество, эквивалентное нулю; в контексте отрицания речь идет о том, что нет даже этого малого количества, что опять-таки эквивалентно нулю.

Сходным (хотя и не полностью тождественным) образом обстоят дела с «вульгарными минимизаторами» в русском языке: в целом ряде контекстов при употреблении таких «минимизаторов» обнаруживается синонимия предложений с отрицанием и без отрицания (если пренебречь малозаметным сдвигом семантического акцента). Возьмем следующие примеры из «Национального корпуса русского языка»:

И *хрен*-то поменяется в этой стране, пока они будут орать со своих трибун про поддержку отечественного, а сами будут сажать своих любовниц и сатрапов на дорогие иномарки (Письмо месяца // «Автопилот», 2002.12.15);

И ведь, *хрен* остановишь гада... (Н. Рубан. Тельняшка для киборга // «Боевое искусство планеты», 2003);

Хрен возразишь (С. Эйгенсон. Искусство и жизнь // «Лебедь» (Бостон), 2003.05.26);

Хрен вам теперь чего выгорит! Института им захотелось. Перебьетесь! — перекосив рот, проорал Жукович (С. Данилюк. Рублевая зона (2004)).

Добавив в них отрицания, получаем: *Ни хрена-то не поменяется в этой стране...*; *Ни хрена не остановишь гада*; *Ни хрена не возразишь*; *Ни хрена вам теперь не выгорит!* — смысл практически не меняется.

Аналогичный механизм объясняет тот любопытный факт, что высказывания *Плевать я хотел!* и *Плевать я не захочу!* выражают одно и то же пренебрежительное отношение к объекту речи. Ср.:

⁵ <http://www.nyu.edu/gsas/dept/lingu/people/faculty/postal/papers/skeptical/>

Я на твой примус *плевать хотел* (В. Каверин);
Да *плевать я хотел* на этого Плеваку! (Ю. Домбровский);
Скажешь мне: «Прости!» — а я *плевать не захочу!* (В. Высоцкий);
Сто лет буду солдаткой, а на таких, как ты, *плевать не захочу* — противно (Ч. Айтматов).

«КОНВЕНЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЭФФЕКТОВ»

Конвенционализация речевых импликатур. Для целого ряда единиц на основе конвенционализации речевых импликатур развиваются значения, антонимичные исходным значениям. Их возникновение подчиняется общей закономерности, сформулированной Е. С. Яковлевой: «модализация слова способствует развитию у него значения, антонимичного исходному, прототипическому» [Яковлева 1994: 263]. Так, слово *буквально* в модальном значении является показателем гиперболы (ср. *Ты буквально оглушил меня этой новостью*) и тем самым представляет собою своего рода сигнал адресату речи: «Не понимай меня буквально!». С конвенционализацией импликатур можно связать и энантиосемию таких приставочных глаголов, как *переизбрать* <X-а> ‘избрать X-а еще раз’ и ‘избрать другого человека вместо X-а’; *обойти* ‘пройти стороной’ (*обойти джугу*) и ‘пройти по всему пространству’ (*обойти сад*); *пройти* (*мимо*) и *пройти* (*насквозь*). Здесь само значение приставок таково, что непосредственно допускает возникновение прямо противоположных импликатур. Так, глаголы с приставкой *пере-* в значении повторного совершения действия могут означать ‘снова делать то же самое’ или ‘делать по-другому’: *переписать* может значить ‘скопировать, воспроизвести текст’ или ‘написать текст заново, иначе’. Энантиосемия приставок *про-* и *об-* связана с некоторой общей закономерностью языковой концептуализации «движения мимо». Говоря об «удивительной на первый взгляд» противоположности смыслов, которые может выражать русское слово *мимо*, Анна А. Зализняк заметила, что оно, «описывая траекторию движения одного объекта (X) относительно другого (Y), может обозначать как то, что они „встретились“, так и то, что они „разминулись“» [Зализняк 1994: 261]. Соответственно, глаголы движения с приставкой *про-* (во многом аналогичные сочетаниям со словом *мимо*) могут имплицировать как движение через некоторый пункт, так и движение, при котором данный пункт остается в стороне. Эта же двойственность сохраняется и во многих глаголах, не являющихся глаголами движения: *просмотреть* — ‘смотря, ознако-

миться' и 'смотря, пропустить, не заметить'; *прослушать* (доклад) — 'выслушать' и 'не слышать, пропустить'. Аналогичным образом, движение, на которое указывают глаголы с приставкой *об-*, может предполагать как последовательный контакт (*объехать все города*), так и отсутствие контакта (*объехать город стороной*). В результате многие глаголы с этой приставкой оказываются энантиосемичными — ср. *обнести* 'обойдя, угостить каждого' (*обнести гостей вином*) и 'обходя, не угостить' (*всех угостил, а меня обнес*). Заметим, что энантиосемия такого рода возникает не только у приставочных глаголов: в сочетании *кризис миновал* глагол *миновать* указывает на то, что кризис имел место (но закончился), а в сочетании *беда миновала* — на то, что беда не случилась, хотя могла случиться [Зализняк 1994: 276].

Противоположные импликатуры возникают также у выражений со значением чего-то бросающегося в глаза: они могут имплицировать как то, что это не подлежит сомнению, является очевидным, так и нечто прямо противоположное: что это лишь одна видимость, а в действительности дело обстоит совсем по-другому. Именно отсюда возникает энантиосемия английского слова *apparent*. По данным словарей, оно означает 'очевидный, явный' (*apparent error* 'явная ошибка') и, наоборот, — 'кажущийся, мнимый' (*apparent cause* 'кажущаяся причина, т. е. не истинная').

С конвенционализацией речевых импликатур связано и то, что выражение *долго решался* <сделать что-то> означает почти то же самое, что оно же с отрицанием — *долго не решался*: и то, и другое указывают на длительное состояние нерешительности. Действительно, когда человек *решается* нечто сделать, это имплицитно, что он пока не решился. Соответственно, если человек *решается* на что-то долго, это имплицитно, что он долго не может решиться, т. е. *долго не решается*.

Нежелание вступать в контакт с человеком может быть обусловлено как тем, что его считают намного ниже себя, так и тем, что его считают намного выше себя. Отсюда две противоположных импликатуры и, соответственно, два противоположных понимания слова *неприкасаемый*. С одной стороны, это член низшей касты в Индии; с другой стороны, в современных текстах это слово часто прилагается для обозначения особо важных, *неприкосновенных* персон, которых даже нельзя подвергнуть преследованию. Ср., с одной стороны: *Я низшая секта, неприкасаемый* (В. Гроссман), а с другой — пример из «Национального корпуса русского языка»: *Даже если свидетельские показания и прямые улики приводят к боссам, действительным владельцам «товара», они остаются неприкасаемыми* (В. Скворцов. «Каникулы вне закона», 2001). Особенно забавно выглядит следующий пример (тоже из «На-

ционального корпуса русского языка»), в котором выражение *священная корова*, восходящее к индийским реалиям, сочетается с употреблением слова *неприкасаемые*, противоположным тому, как оно понимается по отношению к Индии: *Есть ли в крае «священные коровы», неприкасаемые для вас?* (Ю. Чувашев. Для нас неприкасаемых нет // «Красноярский рабочий», 2003).

Ироническое отрицание, или антифразис. Ироническое отрицание, или антифразис, т. е. экспрессивное употребление языкового выражения в противоположном смысле (напр., *Хорошенькое дельце!*), по существу представляет собою окказиональную энантиосемию. Иногда такое употребление конвенционализуется для некоторой данной лексической единицы (в определенном типе употребления) и воспринимается как ее идиосинкратическое свойство, заслуживающее словарной фиксации. Так, в «Малом академическом словаре» у прилагательного *хороший*, среди прочего, выделяется значение, которое эксплицируется следующим образом: «Употребляется для выражения иронического отношения к кому-, чему-л., пренебрежительно-неодобрительной оценки кого-, чего-л.» (указывается, что это значение реализуется обычно в краткой форме) — ср.: *Ты-то сам хорош. Сам убежал, а меня оставил* [Евгеньева 1984б: 621]. Выражение *очень нужно* толкуется в том же словаре как ‘нет никакой необходимости’ [Евгеньева 1982: 514], что также может свидетельствовать о конвенционализации иронического употребления. Отметим, впрочем, что такое же значение в сочетании с глаголами несовершенного вида появляется и у других слов и выражений со значением надобности, ср. употребление изолированного *нужно* в высказывании *Нужно мне с ним советоваться!* (по-видимому, полностью конвенционализированным можно считать появление этого значения в сочетании с наречием *больно*, напр. *больно надо...; больно нужно...*). Ср. также современное значение глагола *честить* ‘ругать’, восходящее к ироническому употреблению старого значения этого глагола, иллюстрируемому примером из «Малого академического словаря»: *...там ее любили и честили великим почетом* (Мельников-Печерский) [Евгеньева 1984: 671]. Ироническое употребление выражения *Как же!* вполне конвенционализировалось, так что в подавляющем числе случаев оно означает отрицание (≈ ‘Нет’); любопытно, что если оно предворяется союзом *а*, то значение остается противоположным: *А как же!* (≈ ‘Да, конечно’).

Конвенционализация оценочных коннотаций. Конвенционализация оценочных коннотаций может происходить в том случае, когда некото-

рое слово устойчиво употребляется с оценочными компонентами. Энантисемиа возникает в том случае, когда оценка оказывается различной в разных типах употреблений. Так, слово *погода*, по свидетельству В. И. Даля, «*на юге, западе... нередко значит ведро, хорошее, ясное, сухое время, в прочей же Руси... непогода, ненастье, дождь, снег, метель, буря*» [Даль 1980: 155]. Устойчивым является появление оценочных коннотаций у слов со значением 'запах', при конвенционализации таких коннотаций они приобретают значение 'приятный запах, аромат, благоухание' или, напротив, 'дурной запах'. Отсюда противоположность значений (межъязыковая энантисемиа) русского слова *вонь* и этимологически тождественного церковнославянского *воня* 'аромат, благоухание', энантисемиа английского слова *odor*, которое имеет несколько устаревшее значение 'аромат, благоухание' и распространенное в современной речи (напр., в рекламе дезодорантов) значение 'неприятный запах'.

Разумеется, едва ли есть основания называть энантисемией (как это делается в статье [Матвеева 2003]⁶) просто сам факт соединения в одном слове значений, ассоциируемых с противоположными оценками, или даже всего лишь возможность употребления слова как с положительной, так и с отрицательной оценкой (или в сочетании со словами, обозначающими положительно или отрицательно оцениваемое явление). Но не всегда легко решить вопрос, приводит ли возможность употребления слова с противоположными оценками к энантисемии в собственном смысле слова. Так, во многих европейских языках (в частности, в русском) слова, связанные с 'гордостью', неоднозначны с точки зрения положительной или отрицательной оценки. Это связано с тем, что характерное для средневекового миропонимания христианское восприятие гордости как первого из смертных грехов и источника всех пороков постепенно утрачивает свою роль в европейской системе моральных ценностей. Можно добавить, что в подязыке советской публицистики это слово употреблялось в положительном смысле (ср. штамп *прекрасные, гордые люди*), тогда как в церковно-проповедническом подязыке, напротив, обозначает отрицательно оцениваемое качество. В принципе возможны различные способы представить это различие в описании. Можно было бы постулировать полисемию, а можно считать, что значение здесь одно, а оценочные различия обусловлены различием этических систем. Первое решение принимается, напр., боль-

⁶ Большинство примеров, разбираемых в этой статье, представляя определенный интерес для анализа особенностей поэтики С. Довлатова, вообще не имеет отношения к энантисемии даже в самом широком понимании.

шинством толковых словарей английского языка для слов *pride* и *proud* (в отношении русского слова *гордость* ср. [Санников 2003: 97]); второе решение принимается А. Вежбицкой для русских слов *гордый* и *гордость* и для английских слов *proud* и *pride* [Wierzbicka 1992: 196–197].

У образованного от глагола *заслужить* прилагательного *заслуженный* «Малый академический словарь» [Евгеньева 1981: 572] выделяет в качестве отдельных оттенков значения ‘достигнутый трудом, заслугами’ (*заслуженная награда; заслуженная благодарность*) и ‘получаемый в соответствии с поведением, поступками; справедливый’ (предполагается, что поступки плохие — ср. *заслуженное наказание; заслуженные упрёки*). Однако, можно полагать, что значение здесь одно и то же, а оценочный компонент просто «наводится» существительным, с которым сочетается прилагательное *заслуженный*. Даже если признать, что мы действительно имеем дело с разными «оттенками значения», эти оттенки трудно счесть в полном смысле слова «противоположными». А вот в слове *заслуга* (*Х-а*) можно видеть зачатки энантиосемии. В своем основном, свободном значении оно может быть истолковано как ‘то, что сделано Х-м и достойно положительной оценки’ (*боевые заслуги; Это его заслуга; У него много заслуг*), а в устойчивом выражении *получить по заслугам* чаще употребляется для указания на нечто достойное отрицательной оценки (стандартный заголовок заметки в рубрике «Из зала суда» — *Преступник получил по заслугам*). Однако последнее выражение может использоваться и в тех случаях, когда речь идет о деятельности, достойной положительной оценки (напр., *Ученый получил награду по заслугам*), поэтому в настоящее время энантиосемия слова *заслуга* существует лишь потенциально и говорить о ней как о факте современного русского языка, по-видимому, нет оснований.

Можно упомянуть также слово *ангел*, которое может обозначать как св. ангела (это значение является свободным), так и злого духа (как правило, это значение появляется лишь в определенных контекстах — ср. *ангел тьмы, ангел сатаны*). В последнем случае в узусе, ориентированном на церковнославянское произношение, часто произносится (и пишется) *аггел* (ср. диалог из «Белой гвардии» М. Булгакова: *Он уехал в царство антихриста в Москву, чтобы подать сигнал и полчища аггелов вести на этот Город в наказание за грехи его обитателей. Как некогда Содом и Гоморра... — Это вы большевиков аггелами? Согласен*); однако распространено и написание (и произношение) *ангел*, независимо от того, идет ли речь об «ангеле света» или «ангеле тьмы»; именно оно используется, напр., в синодальном переводе Священного Писания, даже когда речь идет о «злых ангелах». Здесь опять-таки можно посту-

лизовать два разных лексических значения: ‘добрый дух’ и ‘злой дух’ (и тогда имеет место энантиосемия). Но можно считать, что значение одно и то же (‘существо духовное, одаренное разумом и волею’ [Даль 1978: 16]), а противоположность оценок вытекает из контекста употребления (и тогда, конечно, никакой энантиосемии нет)⁷.

Энантиосемия оценок.

Объединение в значении слова «разнонаправленных прагматических компонентов». Как заметила О. П. Ермакова, объединение в значении слова «разнонаправленных прагматических компонентов» (т. е. ориентации как на желательный, так и на нежелательный результат или объект) особенно характерно для жаргонизмов, освоенных литературным языком, и слов литературного языка, освоенных жаргоном. Ср. такие примеры как *светит* ‘грозит нечто плохое’ или ‘предстоит нечто хорошее’; *крыша* ‘то, что защищает от преступников’ и ‘то, что служит прикрытием для преступной деятельности’ и др. [Ермакова 2002: 66]. Можно добавить, что это явление вообще часто имеет место при взаимодействии различных подъязыков, напр. при использовании в современной русской речи церковнославянизмов или книжных слов. Так, прилагательному *пресловутый* приписывается в «Малом академическом словаре» два значения: ‘знаменитый, славный’ (это значение, соответствующее исходному значению церковнославянского слова, характеризуется как «устарелое») и (с пометой «неодобрительное») ‘вызывавший много толков, на шумевший’ [Евгеньева 1984а: 384]. Слово *перл*, имеющее метафорическое значение ‘лучший образец, яркое проявление чего-л.; нечто выдающееся по своим достоинствам’ (обычно применяется к речевой деятельности — ср. *перлы остроумия, красноречия*), может иронически употребляться (почти исключительно в применении к речевой деятельности) в значении ‘нечто выдающееся по своим отрицательным качествам’. Заметим, что этот последний тип

⁷ Те же самые два круга употреблений есть и у английского слова *angel*; соответственно, толкование ‘добрый дух’, предложенное для него А. Вежбицкой в 1972 г. в книге “Semantic primitives” [Вежбицка 1983: 235], очевидным образом не отвечает целому ряду его употреблений, напр. в следующих примерах из Священного Писания (нумерация псалмов дается в соответствии с православной традицией): *sending evil angels* (Пс. 77, 49); *everlasting fire, prepared for the devil and his angels* (Мф. 25, 41); *the angel of the bottomless pit* (Откр. 9, 11). Вопрос, следует ли постулировать для них особое лексическое значение, остается открытым; в различных толковых словарях английского языка на этот счет принимаются разные решения.

употребления (выделенный как особый оттенок значения в «Малом академическом словаре») в современной речи является более частотным, нежели употребление слова *перл* в качестве похвалы. Так, многие экзаменаторы собирают коллекцию *перлов* из проверенных ими сочинений; такое ироническое употребление слова *перл* стало полностью клишированным в советской прессе — ср. ироническую отсылку к этому клише в статье Максима Соколова: «...в начале 80-х годов газета „Правда“, критикуя заморских ковбоев, поместила острую статью под заголовком „Перлы Ричарда Перла“» (Известия, 16 июня 2001). Глаголы *изволить* и *соизволить* с инфинитивом в современной речи употребляются не для выражения почтительной вежливости, а для выражения неодобрения. Решение вопроса о том, можно ли усматривать в случаях такого рода энантиосемию, зависит от того, насколько мы готовы считать соответствующие значения «противоположными».

Источник потенциальной энантиосемии в примерах такого рода несколько иной, нежели в случаях таких единиц, как *погода* или *вонь/воня*, когда исходно нейтральное слово приобретает в разных типах употребления различную оценку. Здесь мы имеем дело не с приобретением различных оценок в разных типах употребления, а с иронией, но не с ироническим отрицанием, а с иронической переоценкой (нечто хорошее иронически оценивается как плохое). При этом конвенционализация иронического употребления может приводить к разным результатам в отношении семантической структуры слова. О. П. Ермакова на своем материале заметила, что, «как правило, частое употребление подобного рода слов приводит к расширению значения: действие ориентируется на актанта любой оценки, и первоначальная ирония перестает ощущаться» [Ермакова 2002: 67]. Как кажется, именно это и произошло с глаголом *заслуживать*. Однако возможен и иной результат. Напр., первоначально ироническое употребление может почти полностью вытеснить исходное, как это произошло с прилагательным *пресловутый*.

Положительные и отрицательные оценки в семантике местоимений. «Энантиосемия противоположных оценок» нередко возникает у местоимений и местоименных выражений. Это и понятно. Бедность дескриптивного содержания таких выражений приводит к тому, что в определенных условиях какие-то семантические компоненты у них «домысливаются».

Интересный пример энантиосемии представлен употребительным в современной сниженной речи фразеологизмом *тот еще*. Приведем ряд примеров из современных средств массовой информации, подтверждающих достаточно широкую употребительность данного фразеологизма:

Мой босс — тот еще фрукт (Столичная вечерняя газета 15.03.2004); *А как изменились аэропорты! Теперь багаж на тротуаре оставлять нельзя — вдруг там бомба. Да и ботинки заставляют снимать, проверяют, запах тот еще, но никто не возмущается* (Огонек, 2004, № 8); *На первой песне звук был тот еще. Большие всего удивило звучание голоса самой Хьюстон — он был жестким и плоским. <...> Оказывается, таким непотребным образом был настроен центральный микрофон* (Газета 12.02.2004); *Кошки-то дикие, не дающиеся на руки. Характер у них тот еще...* (Т. Зелюкина, Еженедельный Журнал № 109, 2.03.2004); *Но смущает какая-то детская, ябедническая логика: Марьиванна, вот вы меня из класса выгнали, а мелом все кидались, чего ж вы Кольку не трогаете... Да, наша Марьиванна — тот еще педагог, Колька кидался, но он любимчик. Однако возможна ведь и другая постановка вопроса* (А. Кабаков, Столичная вечерняя газета 11.03.2004). Преимущественно фразеологизм *тот еще* используется для выражения отрицательной оценки. При этом в сочетании с существительными, которые уже сами по себе предполагают отрицательную оценку, он усиливает эту оценку (*тот еще проходимец; тот еще бардак*), а в сочетании с оценочно нейтральными существительными оказывается единственным показателем отрицательной оценки (*тот еще преподаватель*). Однако отрицательная оценка не вытекает из местоименной внутренней формы данного фразеологизма, и не удивительно, что мы обнаруживаем примеры, в которых он используется для выражения противоположной, т. е. положительной оценки. Ср.: *«Настоящий танец сейчас рок-н-ролл. У нас его ещё не танцуют. В Москве, и то мастера. <...> Тот ещё танец! — прицёлкнула Ася. — Только точно не могу показать, сама не видела»* (А. Солженицын, Раковый корпус).

Оценки на шкале интенсивности. Противоположные оценки могут располагаться не только на оси «хорошее — плохое», но и на шкале интенсивности: нечто может характеризоваться как более или менее значительное. Рассмотрим некоторые примеры развития противоположных оценок на шкале «значительное — незначительное» у некоторых местоименных выражений. Русское слово *так*, по наблюдениям А. Б. Пеньковского, служит универсальным маркером незначительного, того, чем можно пренебречь (*так, пустяки*) [Пеньковский 1995; 2004]. Ср. ряд примеров из статьи [Пеньковский 1995: 38]: *...все это так, пустяки, тени пустяков* (В. Набоков); *Кто я ей, собственно говоря? Так, случайный знакомый* (В. Голубев); *Ты что задумался? — Нет, ничего... Это я так...* (В. Слепцов); *«...пожалуйста, покажите ваш фокус! — Ах, стоит ли... Это так, пустое...» — заскромничал он* (В. Набоков); *Да ничего он мне не говорил... Мы и виделись-то так, мельком* (М. Ганина). Соответственно,

слово *так* может использоваться для намеренного умаления значимости: *Это не преступление, а так, мелкий проступок; Он не жегших, а так, просто знакомый*. В то же время слово *так* может использоваться и как интенсификатор (т. е. для повышения значимости) — ср. *так хорошо/плохо* (\approx 'очень хорошо/плохо'); *Я так устал* (\approx '...очень устал'). Характерно такое «усилительное» употребление слова *так* в стихотворении Пастернака «Ты так играла эту роль!» Стихотворение, как мы помним, заканчивается: *Ты так! — ты лучшие всех ролей / Играла эту роль!* Энантиосемия слова *так* отмечается и словарями. В «Малом академическом словаре» ему, с одной стороны, приписано значение 'ничего, ничего особенного, о чем стоило бы говорить' с оттенком 'употребляется при оценке чьих-л. качеств (обычно средних, невысоких) или действий (несерьезных, неосновательных)', а с другой — значение, толкуемое следующим образом: «Обозначает высокую меру, сильную степень проявления какого-л. качества, действия, состояния» [Евгеньева 1984б: 332].

Сходная энантиосемия представлена и в совокупности употреблений слова *ничего*. С одной стороны, оно имеет значение, толкуемое в «Малом академическом словаре» как 'несущественно, неважно, не имеет значения' [Евгеньева 1982: 501]; не случайно, как отметил А. Б. Пеньковский, «*ничего* — частый спутник *так*: — *Это так, ничего; Ничего, это так...*» [Пеньковский 1995: 38]. С другой стороны, оно используется в составе клишированного оборота *ничего себе*, указывающего на то, что нечто обращает на себя особое внимание, являясь чем-то выдающимся по своим качествам.

Совмещение в одном слове противоположных оценок на шкале интенсивности возможно не только для местоименных выражений. Так, русское слово *бесценный* имеет устарелое значение, толкуемое «Малым академическим словарем» как 'неценный, малоценный' [Евгеньева 1981: 87], и современное, «противоположное» значение 'выше всякой цены, драгоценный'. Если русское выражение *сумасшедшие цены* в норме предполагает чрезвычайно высокие цены, то его аналоги в некоторых западноевропейских языках (ср. французское *les prix fous*, английское *crazy prices*) могут указывать как на чрезвычайно высокие, так и на чрезвычайно низкие цены (не случайно они используются в рекламных объявлениях, сообщающих о небывалых скидках)⁸.

⁸ По-русски в рекламных объявлениях о скидках или снижении цен чаще всего используется выражение *смейные цены*. Однако иногда в рекламе (чаще всего переводной) обнаруживается и сочетание *сумасшедшие цены*, которое тем самым становится энантиосемичным и в русском языке. Ср.: «Сумасшедшие цены» от SAS! Вот это цены! Города Европы всего 200 евро (туда и обрат-

Эмоциональные оценки. Часто противоположные значения развиваются у слов, выражающих сильную эмоциональную оценку. Так, характерно использование слов, в исходном значении предполагающих отрицательную оценку объекта, для выражения восхищения. Так, отец героя повести Анатолия Алексина «Поздний ребенок», чтобы замаскировать свое восхищение сыном, хвалил его «как бы в шутку», а «иногда грубовато»: *Вот ведь способный какой, мерзавец!; Память какую имеет, мерзавец!; Смелый, мерзавец!* («Слово „мерзавец“ он всегда произносит ласково, даже нежно», — комментирует рассказчик). При конвенционализации такого употребления возникает знантиосемия, и она часто фиксируется в словарях. Напр., у слова *шельма* в «Малом академическом словаре» выделяется особый оттенок значения, толкуемый следующим образом: «...употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-л.» [Евгеньева 1984б: 709]. Сходное явление происходит с некоторыми английскими ругательствами (swear words), которые могут использоваться по отношению к адресату для выражения дружеского отношения к нему. Ср. примеры из книги Т. В. Лариной, отмечающей, что для ряда ругательств «словари фиксируют подобную знантиосемию, когда в одной лексеме сочетаются противоположные значения» [Ларина 2003: 187]⁹: *You're a right, little bastard* (девушка — парню, с нежностью); *Come here, you little bollocks* (мать — своему трехлетнему сыну, с любовью); *You are a silly bugger* (дружеское восклицание после прозвучавшей шутки). Еще пример: английское *terrific*, по данным словарей, может означать как 'ужасающий' (ср. *terrific spectacle* 'страшное зрелище'), так и 'потрясающий, изумительный' (последнее значение является более распространенным в современной разговорной речи).

Бывает, впрочем, и обратная ситуация, когда слово, в исходном значении предполагающее положительную оценку, используется для выражения резко отрицательной эмоциональной оценки. Так, француз-

но), Нью-Йорк 375 евро (<http://www.rasprodaga.ru/actions/travel/1100012032>); Купи технику по СУМАСШЕДШИМ ЦЕНАМ в следующих магазинах М.ВИДЕО (<http://www.mvideo.ru/adv-txt/?p=crazyprice>); С четверга 10.04 по воскресенье 13.04 пройдут сумасшедшие дни в Стокманн! Только 4 дня с 10:00 до 23:00 сумасшедшие цены! (<http://www.mirskidok.com/catalog/sharc/odezhda-obuv-aksessuary-nizhnee-bele/aksscuary/stockmann/>).

⁹ Т. В. Ларина приводит пример словарной статьи слова *bugger* (буквально 'содомит') из «Нового Большого англо-русского словаря»: «1. Груб. мерзавец, тип; *You are a bugger!* — Ах ты сволочь! 2. разг. ласк. *шельмец* (о мальчике, собаке); *poor bugger* — бедняжка» [Апресян и др. 1999: 287].

ское слово *sacré* 'священный' часто используется в значении 'проклятый, чертов' (ср. *sacré menteur* 'проклятый лгун').

«СМЕШАННЫЕ ЧУВСТВА»

Помимо указанных, можно выделить еще ряд интересных источников, порождающих энантиосемию. Один из них связан со «смешанными чувствами», т. е. с ситуацией, когда субъект пребывает в некотором эмоциональном состоянии, совмещающем в себе характерные черты двух противоположных эмоциональных состояний, — подобно лирическому герою известного стихотворения Катюлла «*Odi et amo*».

Впрочем, обозначения эмоциональных состояний вообще легко переходят на смежные эмоции, в результате чего выстраиваются семантические цепочки, звенья которых вполне могут соответствовать эмоциональным состояниям, воспринимаемым как «противоположные». Отсюда возможность энантиосемии «эмоциональных терминов».

Так, *жалость* может ассоциироваться как с любовью (в некоторых русских диалектах *жалеть* и значит 'любить'), так и с презрением (И. Б. Левонтина отмечает, что у прилагательного *жалкий* «эта оценка входит непосредственно в значение» [Левонтина 1997: 110]). Само по себе презрение, вероятно, не могло бы считаться противоположностью любви; но презрение часто соединяется с ненавистью, и это соединение представляется «вполне естественным для нашего сознания» [Пеньковский 2004: 59–60]¹⁰, а то, что ненависть противоположна любви, кажется очевидным. Впрочем, поскольку значение ненависти у русских слов с корнем *жал* реально не развилось, говорить об энантиосемии в строгом смысле слова в этом случае, пожалуй, пока нет оснований (хотя возможный когнитивный источник энантиосемии налицо).

В то же время слова со значением 'жалость' дают материал, непосредственно связанный с энантиосемией. Напр., польское слово *litość* 'сострадание, милосердие, жалость' этимологически тождественно русскому *лютость*. «Переходное звено» здесь представлено чешским

¹⁰ О том, что презрение родственно ненависти, свидетельствует и «паразитительный параллелизм словообразовательного состава и семантической структуры глаголов *презирать* и *ненавидеть* (*пре-* 'через, поверх' = *на-* 'сверху, поверх' + *~зир~* = *~вид~* + *-а-ть*)», и «обычно в литературном языке пушкинской эпохи, но не замеченное нашими словарями (их нет ни в БАС, ни в «Словаре языка Пушкина») употребление *ненавидеть* в значении 'презирать'» [Пеньковский 2004: 59]. Отметим, кстати, что, если принять это описание внутренней формы глагола *ненавидеть*, мы обнаружим в нем «незначашее» отрицание!

словом *litost*, обозначающим специфическую эмоцию, подробно охарактеризованную М. Кундерой в романе «Книга смеха и забвения» и истолкованную Анной А. Зализняк (со ссылкой на книгу А. Вежбицкой [Wierzbicka 1992: 166–169]) как ‘чувство острой жалости к самому себе, возникающее как реакция на унижение и вызывающее ответную агрессию’ [Зализняк 2000: 101].

‘Начинать Р’ — ‘начинать не Р’
(ANTI₁ [Апресян 1974: 288–292])

Еще один вид «противоположности» значений, как известно, обусловлен противоположной направленностью действий (*приехать* — *уехать*; *поднять* — *опустить*; *включить* — *выключить* и т. п.); это антонимия типа ‘начинать Р’ — ‘начинать не Р’, или ANTI₁, по Ю. Д. Апресяну [Апресян 1974: 288–292]. О. П. Ермакова пишет, что антонимы рассматриваемого типа «не могут существовать в пределах одного слова и, следовательно, не образуют случаев энантиосемии», справедливо указывая, что ироническое употребление членов таких пар не приводит к появлению антонимического значения: «в таких случаях наблюдается ирония „отрицания факта, названного словом“» (ср. *Как же! Приехал! Так он и поедет сюда!*) [Ермакова 2000: 63–64].

Однако выясняется, что противоположность значений данного типа все же может быть обнаружена в пределах одного слова, только возникает она не вследствие иронии, а с тем, что сходные действия могут приводить к противоположным результатам. Так, сильная струя воздуха может как разжечь, так и погасить огонь — отсюда энантиосемия глагола *задуть*, проявляющаяся в сочетаниях *задуть догню* и *задуть свечу*¹¹. Е. В. Рахилина заметила, что русский глагол *идти* в некоторых контекстах значит ‘приближаться, подходить’ (*Из Гонконга идет новый вирус гриппа; Ой! Мой трамвай идет!*), а в некоторых, напротив того, ‘уходить’ (*Можете идти; Скажите, в котором часу идет поезд на Лугу?*) [Рахилина 2000: 306–310]. В отношении глагола *идти* не вполне очевидно, действительно ли в соответствующих случаях есть основания говорить о противоположных лексических значениях глагола (хотя опять-таки потенциальный источник энантиосемии обнаруживается); однако материал ряда других языков дает более «чистые» примеры энантиосемии. Так, в санскрите глагол *varj* (исходное значение ‘поворачивать’ — см. [Кочергина 1978: 567]) может употребляться «как

¹¹ Здесь еще существенна энантиосемия приставки *за-*, которая может, как отмечалось выше, указывать и на начало, и на конец существования.

для обозначения „притягивания к себе“ (бога), так и для „отталкивания от себя“ (чего-л. злого)» [Иванов, Топоров 1960: 129]. В славянских языках интересный пример межъязыковой энантиосемии представлен глаголами, возникшими в результате развития праславянского **lqčiti* (вероятно, ‘гнуть’): белорусским *лучыць*, польским *łączyć* ‘соединять’, с одной стороны, и болгарским *лъча*, сербским *лучити*, чешским *loučiti* ‘отделять, отлучать’ — с другой. К этому же типу энантиосемии при-мыкают и такие примеры, как *рубить* <избу, мебель> ‘строить’ и ‘уда-ряя острым орудием, разрушать’, *вывести* <кроликов, тараканов> ‘произвести на свет, вырастить’ и ‘уничтожить, истребить’.

МЕТАФОРЫ ВРЕМЕНИ

К числу регулярных источников энантиосемии относится наличие двух противоположных пространственных метафор времени. В основе одной из них лежит представление, при котором мир представляется стабильным, неподвижным, а время — «идущим» мимо него, — в таком случае то, что было раньше, воспринимается как идущее впереди, а то, что должно произойти позже — как идущее сзади. В основе дру-гой метафоры находится представление, при котором время постоянно и неподвижно, а «наблюдатель» движется сквозь время из прошлого к будущему. При таком представлении впереди находится то, что еще только будет, а сзади — то, что было раньше.

В результате одни и те же языковые выражения с исходным про-странственным значением при их использовании по отношению к вре-мени могут обозначать прямо противоположные вещи. И то, что было раньше, и то, что будет позже, может мыслиться находящимся впереди. Отсюда энантиосемия приставки *пред-* при ее использовании во вре-менном значении (в прилагательном *предыдущий* она указывает на бо-лее ранний момент времени, а в прилагательном *предстоящий* — на более поздний), наречия *вперед*, которое может значить как ‘прежде’ (*вперед подумай, потом сделай*), так и ‘после, в будущем’ (*вперед не ссреди меня*).

Энантиосемичными (соотносящимися как с «более ранними», так и с «более поздними» периодами времени) оказываются и некоторые языковые единицы, указывающие на «нахождение сзади». Так, выра-жение *задним числом*, по данным «Малого академического словаря» [Евгеньева 1981: 516], может означать как ‘позднее, спустя некоторое время’ (ср. выражение *утвердить документ задним числом*), так и ‘бо-лее ранним, прошедшим числом’ (ср. выражение *пометить документ*

задним числом). Приставка *за-*, с которой, по-видимому, этимологически связан корень *зад*, может соотноситься как с началом, так и с концом какого-либо процесса. Приведем примеры двух энантиосемичных слов с данной приставкой. Наречие *затемно*, по данным «Малого академического словаря» [Там же: 582], имеет два значения: 'до рассвета, пока темно' и 'когда стемнеет'. Противоположность этих значений ярко проявляется в том, что в первом значении слово *затемно* естественным образом сочетается со словом *еще* (как в обоих примерах, иллюстрирующих это значение в «Малом академическом словаре»: ... *уехал еще затемно*; ... *по старой шахтерской привычке просыпался еще затемно*...), а во втором — со словом *уже* (как в примере из «Малого академического словаря»: *Астахов вернулся к взводу уже затемно*). Существительное *завязка* в литературном языке имеет, среди прочего, значение 'начало, исходный пункт каких-л. действий' [Там же: 506]; но в современном городском жаргоне оно используется в «противоположном» значении 'конец чего-л.; состояние, когда с чем-л. навсегда покончено' [Елистратов 1994: 146]: *Все, завязка, больше ни грамма не пью*.

ВРЕМЕННАЯ МЕТОНИМИЯ

Слова с темпоральной семантикой вообще в высокой степени склонны к энантиосемии, и наличие двух противоположных пространственных метафор времени не единственный ее источник. Другой важный источник энантиосемии в этой области связан с тем, что при обозначении времени активно используется метонимия, т. е. перенос по «смежности», а смежными часто оказываются отрезки времени, которые концептуализуются как «противоположные». Так, слово *мясопуст* получило в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [Словарь 1982] следующие толкования: '1. Допущение в пищу молочных и мясных продуктов по церковному уставу'; '2. Воскресенье перед масленицей, мясное заговение, с которого по уставу православной церкви не разрешалось употреблять мясную пищу'; '3. Великий пост перед пасхой, продолжающийся сорок дней (четыредесятница), а также пост вообще' [Булыгина, Шмелев 1997]. Поскольку «пост вообще» и Великий пост в частности предполагает как раз запрет на вкушение молочных и мясных продуктов, мы видим, что первое и третье значения слова *мясопуст* оказываются прямо противоположными. Разгадка парадокса состоит в том, что слово *мясопуст* связано с «терминологическим» сочетанием *мясопустная неделя*, обозначающим воскресенье перед масленицей, последний день, когда по уставу разрешается вкушение

мясной пищи (этому сочетанию эквивалентно слово *мясопуст* во втором из приведенных выше значений). Но оно может метонимически переноситься как на период, непосредственно предшествующий этому дню (т. е. период, когда вкушение мяса разрешено), так и на период, наступающий после этого дня (т. е. период, когда вкушение мяса запрещается, — масленицу и Великий пост). Энантисемичность слова *мясопуст* поддерживается возможностью различного осмысления его внутренней формы: второй элемент может ассоциироваться как с глаголом *пустить* (т. е. 'разрешить'), так и со словом *пустой* (предполагающим отсутствие, т. е. недопущение в пищу)¹².

По-видимому, именно с временной метонимией связано то, что отрицание оказывается «незначашим» в выражениях типа *подождать, пока он (не) придет*. Пока время ожидания длится, «он» не приходит; но момент окончания времени ожидания — это момент, когда «он» приходит.

С метонимическими сдвигами при обозначении времени связан тот факт, что некоторые языковые единицы могут обозначать как праздничные, выходные, так и рабочие дни. Напр., в итальянском языке слово *feria* (от устаревшего глагола *feriare* 'не работать, отдыхать'), наряду со значением 'праздник, день отдыха' (во множественном числе *ferie* может обозначать каникулы или отпуск), имеет разговорное значение 'будни' (для производного прилагательного *feriale* значение 'будничный' является основным — ср. выражение *giorno feriale* 'рабочий день'). Со сходным парадоксом можно столкнуться и на материале русского языка. Так, во многих славянских языках воскресенье обозначается словом, восходящим к сочетанию *не делать* (ср., напр., украинское *неділя*, белорусское *нядзеля*, болгарское *неделя*, польское *niedzela* и т. д.). Собственно, и в русском языке это значение сохранилось в выражениях, восходящих к церковнославянским календарным терминам (таким, как упомянутое выше сочетание *мясопустная неделя*). В то же время в русском языке слово *неделя* было метонимически перенесено на семидневный период, включающий воскресенье, а в современном языке преимущественно обозначает его рабочую часть, т. е. употребляется противоположно исходному значению¹³.

¹² Здесь проблема интерпретации слова *мясопуст* изложена несколько схематично; более подробное изложение можно найти в уже цитированной статье [Булыгина, Шмелев 1997].

¹³ Ср. примеры из книги [Шмелев 2002: 327]: *Приходите на неделе* (скорее всего, не в субботу или воскресенье) или даже *Мало вам недели, так вы еще и в выходные звоните*. Семантический пересход здесь типологически близок

ОСОБЫЕ СЛУЧАИ

Этим не исчерпываются факторы, порождающие энантиосемию. Так, противоположность значений сербского *спор* 'медленный' (ср. также такие выражения, как *спорити* 'замедлять', *споровозни* 'отправляемый малой скоростью') и этимологически тождественного русского *спорый* 'быстрый' объясняется наличием двух противоположных способов увеличить результат работы: можно работать дольше или же с большей производительностью. Отсюда два пути развития прилагательного, которое первоначально, очевидно, означало 'обильный'¹⁴: с одной стороны, 'длительный' и тем самым 'медленный', а с другой — 'интенсивный, эффективный' и тем самым 'быстрый'. Энантиосемию активно используемого в общем жаргоне глагола *обломиться/обламываться*¹⁵ можно объяснить наличием двух противоположных метафор для ситуации, когда человек затевает какое-то дело в надежде нечто получить в результате.

Интересным в этом плане оказывается существительное *интерес* и прилагательное *интересный*. Определить, что такое *интересное*, достаточно сложно; но во всяком случае ясно, что это не просто нечто любопытное, занимательное. Категория *интересного* занимает важное место в современной жизни: преподаватели стремятся пробудить у учащихся *интерес* к изучаемому предмету, создаются клубы *по интересам*, разносторонние люди *интересуются* самыми разными явлениями. Распространенный способ отказаться от обсуждения какого-либо вопроса — сказать, что он не представляет *интереса*.

появлению у английского слова *week* 'неделя' значения 'рабочая неделя', иллюстрируемому такими примерами, как *40-hour week* 'сорокачасовая рабочая неделя'; *She spends the week in town but is at home on Sundays* 'Неделю (имеется в виду: с понедельника до субботы) он проводит в городе, а по воскресеньям дома'. Заметим, кстати, что слово *weekday* (буквально 'день недели') в современном английском языке имеет единственное значение 'будний день'.

¹⁴ Ср. церковнославянские *спори бывшие* 'умножившись', *спорина* 'изобилие, избыток', *споро* 'обильно, богато' [Дьяченко 1993: 650–651].

¹⁵ Он используется для обозначения как ситуации, когда человек получает желаемое, так и ситуации, когда дело заканчивается неудачей (*обломом*), — правда, в последнем случае в качестве глагола совершенного вида чаще используется форма *обломаться*. Ср. примеры из «Словаря московского арго» [Елистратов 1994: 285]: *Кажется, дело обламывается* (не удастся, проваливается); *Ституха обламывается* (не будут платить); *Играю-играю, а ничего не обламывается* (о неудаче в лотерее). Ср. также: *Мы обращались в различные фонды, но нам никогда ничего не обламывалось* и *Мы обращались в различные фонды, но у нас всегда все обламывалось* — предложения имеют почти тождественное значение.

Категория *интересного* для нас столь привычна, что кажется странным ее отсутствие в традиционном (в частности, средневековом) миропонимании. Для ее обозначения европейские языки выбрали слово, восходящее к латинскому глаголу *interesse* 'иметь важное значение' и первоначально обозначавшее выгоду, пользу. Русский язык первоначально заимствовал слово *интерес* именно в этом значении 'выгода, польза' (ср. выражения *в чьих-либо интересах, играть на интерес* 'на деньги'), а затем, вслед за западными языками, перенес заимствованное слово на новую категорию. Поскольку категория интересного раньше в картине мира отсутствовала и была заимствована с Запада, оказалось естественным заимствовать и ее обозначение. Это новое значение заняло главенствующее место в сознании носителей языка, в результате чего многие из них переосмыслили выражение *играть на интерес* и стали понимать его как 'играть не на деньги, а только ради развлечения'. Ср. примеры из Интернета:

...так прикинь там играть можно *на интерес*, либо на деньги (<http://point.ziox.ru>)

Наш сервис предоставляет возможность играть с реальными противниками как на деньги, так и на интерес. (http://comewithus.ru/games/?page_id=43)

Бывают также случаи, когда источник энантиосемии не вполне ясен. Рассмотрим известный пример межъязыковой энантиосемии — сербское слово *вредно* 'полезно, стоит' и русское *вредно*. Принято считать, что эти слова восходят к корню со значением 'гнойник, нарыв' (ср. *бередить (рану)* 'растрavлять, причинять боль неоднократным прикосновением к болячке')¹⁶. Семантический путь к значению 'вред, порча' кажется очевидным. Одно из возможных объяснений появления значения 'полезно, стоит' состоит в следующем. Значение 'боль, страдание' естественно переходит в значение 'работа' (ср. такой переход в слове *страда*). Отсюда значения 'трудолюбивый, прилежный; имеющий силу; достойный' у соответствующего прилагательного (эти значения действительно засвидетельствованы у сербского прилагательного *вредан*)¹⁷. В предикативном употреблении такое прилагательное естественно понимается как 'стоит, полезно' (напр., *то је вредно урадити* 'это стоит сделать')¹⁸.

¹⁶ В словаре Даля содержится слово *веред*, толкуемое как «чирей, болячка, боляток, стержневой нарыв», и глагол *вередить*, иллюстрируемый, в частности, такими примерами: *Довередил зуб до того, что опять разболелся; Развередил больное место* [Даль 1978: 179].

¹⁷ Ср. также болгарское прилагательное *вреден*, имеющее значения 'вредный' и 'дельный, способный'.

¹⁸ Возможны и изолированные случаи, когда энантиосемия возникает как результат совпадения в звучании двух различных слов с противоположными

Но в любом случае трудности и нерегулярности, связанные с интерпретацией отдельных примеров, не опровергают общего вывода: в большинстве случаев явления «незначашего» отрицания и энантиосемии имеют регулярные источники и даже могут быть предсказаны.

ЛИТЕРАТУРА

- Агранович, Стефанский 2003 — *Агранович С. З., Стефанский Е. Е.* Миф в слове: продолжение жизни (очерки по мифолингвистике). Самара, 2003.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.
- Апресян и др. 1999 — *Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др.* Новый Большой англо-русский словарь. Т. 1. М., 1999.
- Балли 1955 — *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Барроу 1976 — *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Референция и смысл выражений *мясопуст* (*мясопустная неделя*) и *сыропуст* (*сыропустная неделя*) // Вопросы языкознания. 1997. № 3.
- Гак, Триомф 1991 — *Французско-русский словарь* / Ред. В. Г. Гак, Ж. Триомф. М., 1991.
- Даль 1978 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.
- Даль 1980 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1980.
- Дьяченко 1993 — *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь. М., 1993 [Репринтное воспроизведение издания 1900 г.].
- Евгеньева 1981 — *Словарь русского языка* / Ред. А. П. Евгеньева. Т. 1. М., 1981.
- Евгеньева 1982 — *Словарь русского языка* / Ред. А. П. Евгеньева. Т. 2. М., 1982.
- Евгеньева 1984а — *Словарь русского языка* / Ред. А. П. Евгеньева. Т. 3. М., 1984.
- Евгеньева 1984б — *Словарь русского языка* / Ред. А. П. Евгеньева. Т. 4. М., 1984.

значениями. Так, в книге Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова в качестве примера слов, которые «начинают употребляться в качестве символов, имеющих множество значений, иногда противоречивых», приводится «*ari* ‘враг’ и одновременно ‘друг’» [Иванов, Топоров 1960: 129]. Но, по данным Т. Барроу [Барроу 1976: 42, 232], *ari* ‘преданный, надежный’ и *ari* ‘враг’ имеют различное происхождение. Также различное происхождение характеризует слова *изможденный* и просторечное *изнеможденный* (вместо этимологически правильного *изнеможенный*).

- Елистратов 1994 — *Елистратов В. С.* Словарь московского аргю: материалы 1980–1994 гг. М., 1994.
- Ермакова 2002 — *Ермакова О. И.* Существует ли в русском языке энантиосемия как регулярное явление? Вспоминая общую этимологию начала и конца // *Логический анализ языка. Семантика начала и конца.* М., 2002.
- Зализняк 1994 — *Зализняк Анна А.* Праздник жизни проходит мимо (Заметки о неоднозначности некоторых русских слов) // *Wiener Slawistischer Almanach.* 1994. Bd. 34.
- Зализняк 2000 — *Зализняк Анна А.* О семантике шепетильности (*обидно, советно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // *Логический анализ языка. Языки этики.* М., 2000.
- Иванов, Топоров 1960 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Санскрит. М., 1960.
- Кочергина 1978 — *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь. М., 1978.
- Ларина 2003 — *Ларина Т. В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
- Левонтина 1997 — *Левонтина И. Б.* **Жалость** // Новый объяснительный словарь русского языка. Первый выпуск. М., 1997.
- Матвеева 2003 — *Матвеева И.* Энантиосемия как феномен смыслового сдвига лексических единиц (на примере произведений С. Довлатова) // *Text processing and cognitive technologies.* 8. Varna; Moscow, 2003.
- Пеньковский 1995 — *Пеньковский А. Б.* Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // *Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке.* М., 1995.
- Пеньковский 2004 — *Пеньковский А. Б.* Тезисы о тимиологии и тимиологических оценках // *Пеньковский А. Б.* Очерки по русской семантике. М., 2004.
- Рахилина 2000 — *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Санников 2003 — *Санников А. В.* **Достоинство 2, гордость 1, самолюбие** // Новый объяснительный словарь русского языка. Третий выпуск. М., 2003.
- Словарь 1982 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Выпуск 9 (М). М., 1982.
- Шмелев 2004 — *Шмелев А. Д.* Энантиосемия как системное явление // *Лингвистика и поэтика.* М., 2004.
- Шмелев 2005 — *Шмелев А. Д.* Источники энантиосемии // *Русский язык и его функционирование.* Глазов, 2005.
- Wierzbicka 1992 — *Wierzbicka A.* Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. New York, Oxford: Oxford University Press. 1992.

И. Кор-Шанин, Е. В. Рахилина

ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ ГЛАГОЛУ ХВАТАТЬ?

1. ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Хватать как многозначный глагол. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые особенности русского глагола *хватать*, нестандартного и с синтаксической, и семантической точек зрения.

Прежде всего, обращает на себя внимание необычное соотношение его главных значений. Действительно, исходным и первым словарным значением *хватать* является ‘брать и держать руками’, как в сочетаниях типа *хватать за полы сюртука / за руку*. Это физическое действие, результат которого — физический контакт человека с некоторым предметом. Второе же главное значение *хватать* описывает состояние, причем крайне абстрактное: ‘иметься в достаточном количестве’, ср. *пока хватает сил* или в контексте отрицания, особенно тесно связанном с этим значением: *пряников сладких всегда не хватает на всех* (Б. Окуджава).

Таким образом, речь идет о весьма нестандартном, можно сказать, неожиданном, семантическом сдвиге, типологическая релевантность которого, по мнению специалистов, не вполне ясна (Анна А. Зализняк, устное сообщение). Тем не менее, по-видимому, когнитивная связь между этими значениями есть, потому что в русском языке есть глагол *достать*, демонстрирующий похожее совмещение значений: в контексте отрицания симметричное отношение возникает в примерах типа *(не) достает с полки → недостает знаний*.

Мы не имеем возможности обсуждать сам семантический переход и его природу, в дальнейшем нас будет интересовать только результирующее, нефизическое значение *хватать*: мы покажем, что именно в

данном значении этот глагол имеет много особых свойств, причем оказывается, что часть из них ярче всего проявляется при отрицании.

Множественность конструкций. В значении состояния глагол *хватать* выступает в довольно большом числе синтаксических конструкций, подробнее см. [Kor-Chahine 2008]; хорошо противопоставлены (и синтаксически, и семантически) две из них: конструкция с дательным падежом (обозначим ее как DAT) и локативная конструкция (LOC), ср.:

DAT: *Крестьянам не хватает уборочной техники*

LOC: *В России не хватает своего газа*

В конструкции с дательным выражен субъект, который испытывает недостатку и как правило опущена характеристика времени и места — оно фиксировано ситуацией (своеобразный дейктический ноль), а в конструкции с локативом акцент как раз на месте, а субъект имеется в виду любой, релевантный для ситуации в данном месте; такой субъект обобщенный как правило не выражен (субъект здесь — синтаксический ноль квантора общности, т. е. с обобщенным значением), ср.:

DAT: *X-у (не) хватает Y* ('в данное время и в данном месте')

LOC: (всякому *X*) (не) хватает *Y* в Z_{loc}

Промежуточное положение занимает конструкция с предлогом *у* при глаголе *хватать*: *У X-а (не) хватает Y*; мы условно обозначили ее как POSS. Действительно, она оказывается близка к LOC, если лексическое наполнение *Y* имеет в ней локативную семантику — ср. лексему *место*, а если нет (ср. такие характерные заполнители *Y*, как *время*, *силы*, *деньги*), то POSS оказывается ближе к DAT. Итак:

POSS = LOC: *У меня уже [ни для чего = X] не хватает места в холодильнике;*

как видим, *у меня* в этом случае выражает локализацию, а субъект — которому не хватает места — опущен, точно так же, как и в локативной конструкции, и точно так же получает обобщающее значение.

POSS = DAT: *У меня хватает денег ≈ Мне хватает денег,*

здесь предложная группа в POSS выступает в роли субъекта, а в пространственном отношении ситуация поверхностно не охарактеризована (как и в DAT). В такого рода случаях конструкции выглядят как квазисинонимичные, во многих случаях возможна замена POSS на DAT

или DAT на POSS без заметного изменения смысла предложения, ср. примеры из Национального корпуса русского языка с соответствующими вариантами (косая черта вводит искусственный пример):

Впрочем, аналитики как раз отмечали, что при всем масштабе активов «Росхлебпродукта» у компании_{POSS} / компании_{DAT} не хватает средств для их развития («Известия», 2001.10.30).

Когда Буратино_{DAT} / у Буратино_{DAT} не хватает аргументов, чтобы оправдать свои безобразия, ему помогают Дунаевский и братья Покрас («Итоги», 1996).

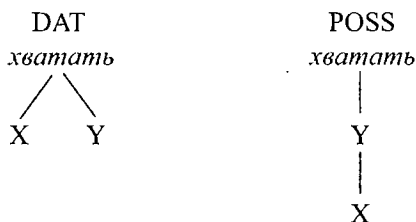
В своей статье мы остановимся именно на этом языковом явлении, свойственном *хватать*: паре мнимых синонимов POSS — DAT и загадках, касающихся их противопоставления в конкретных типах контекстов. Действительно, можно показать, что, несмотря на свою семантическую близость, в определенных случаях данные конструкции оказываются противопоставлены и их синонимия нарушена даже в том случае, когда *У* заполнен лексемой с нелокативной семантикой. Любопытно, что нарушение происходит, так сказать, и в ту, и в другую сторону: конструкция с DAT может быть не трансформируема в POSS без нарушения грамматической правильности, но и конструкция с POSS может (правда, реже) не допускать переход к DAT.

Ниже приводятся четыре примера (А–Г), иллюстрирующие запреты такого рода: в них исходная конструкция несинонимична соответствующей парной и не заменяется на нее без нарушения исходного значения, — причем, как мы полагаем, каждый из случаев имеет свою природу, т. е. предполагает другую причину запрета. Задачей этой статьи будет их объяснить.

- (А) *Зарплата у меня небольшая, но мне / *у меня зарплаты хватает.*
- (Б) *Знаешь, мне / *у меня хватает нашей соседки.*
- (В) *Ему / *у него не хватает только иутовского колпака.*
- (Г) *У него / *ему не хватает переднего зуба.*

2. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

И. М. Богуславский [1989], решая другие задачи, связанные с глаголами того же ряда, что и *хватать*, предположил, что для их описания нужны две разные синтаксические структуры: с одновременным и последовательным подчинением: первая описывает DAT, вторая соответствует POSS:

Такое решение кажется правдоподобным, и мы тоже будем его придерживаться (см. также [Kor-Chahine 2008]). Надо сказать, что в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой [1988] выделяется только вторая структура — правда, и примеры на нее за единственным исключением приводятся с предлогом *у*. Фактически это означает, что проблема синтаксического противопоставления DAT и POSS в этой монографии не рассматривалась, по-видимому, как достаточно частная.

Между тем принятое нами синтаксическое решение имеет по крайней мере два следствия, одно — семантическое, а другое — синтаксическое.

Семантическое следствие. По наблюдению И. М. Богуславского [1989], при последовательном подчинении прототипический *У* описывает заранее имеющийся у *Х-а* ресурс. Действительно, последовательную структуру можно интерпретировать следующим образом: ‘хватает *У-а*, такого что он принадлежит *Х*’ — т. е. в этом случае *У* загодя должен принадлежать *Х*, составляя его «ресурс», который затем оценивается как достаточный или нет.

Отсюда предпочтительность DAT перед POSS в конструкциях с будущим временем типа:

Нам (??у нас) хватает денег, которые обещал РФФИ

— ведь в такой ситуации ресурс отсутствует, денег еще нет (или требуется специальная интерпретация, согласно которой будущее осмысляется говорящим как уже реальное событие).

Более жесткие запреты, по-видимому, возникают в итеративных контекстах — и как раз этот случай представляет наш пример (А): *мне / *у меня зарплаты хватает*. Дело в том, что зарплата платится ежемесячно, поэтому в данном контексте нельзя говорить о заранее заданном множестве-ресурсе, и форма *хватает* здесь, согласуясь с именем, понимается итеративно: ≈ ‘каждый раз, когда выдается зарплата, ее оказывается достаточно’. Ср. неитеративное понимание: *выяснилось, что майской зарплаты хватает только на то, чтобы один раз поесть в ресторане*.

Синтаксическое следствие. Если мы принимаем такие варианты синтаксических структур, мы тем самым утверждаем, что у *Y* в них разная синтаксическая роль, а именно: роль подлежащего при последовательном подчинении (т. е. в случае POSS) и дополнения при соподчинении (т. е. в случае DAT). Дело усугубляется тем, что глагол *хватать* имеет генитивное управление, а значит, речь идет, соответственно, о генитивном подлежащем (POSS) и генитивном дополнении (DAT). И здесь, для того чтобы продвинуться дальше, необходимо определить, какова, по нашему мнению, семантическая интерпретация этих синтаксических ролей.

Г. А. Золотова [1988] справедливо считает, что семантика генитивного подлежащего (POSS) количественная, как в конструкции с числительными типа *пятеро / много / несколько солдат*, а значит, паритивная. Это очень важно: ведь тогда в POSS в значении *Y*, который называет множество-ресурс, вообще говоря, не должны допускаться единичные объекты. И действительно — мы говорим: *у меня хватает денег*, но не: **у меня хватает дома / Пети* — или, ср. (Б) **нашей соседки*. Таким образом, данное ограничение мотивирует запрет, представленный во втором из четырех интересующих нас примеров.

3. ГЕНИТИВНЫЙ ОБЪЕКТ ПРИ ГЛАГОЛЕ *ХВАТАТЬ*: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Теперь о том, какова семантика генитивного *объекта* при *хватать*. Ясно, что это совершенно другой класс случаев — его надо сближать с глаголами *искать*, *ждать*, *требовать*, *обещать*, имеющими интенциональную интерпретацию [Карнап 1959; см. также Арутюнова 1989], и нереферентный объект: ‘если есть лаборанты / зарплата..., то достаточно’.

Сказанное согласуется со всем, что мы до сих пор говорили про DAT — в частности, что эта конструкция прекрасно принимает будущее время и нереферентные итеративные контексты. С другой стороны, это согласуется и с семантической спецификой дательного падежа в целом — в частности, в свое время мы показали ([Рахилина 2001], ср. также [Mikaelian, Roudet 1999]), что в посессивных контекстах с дательным падежом типа *отец солдатам* или *памятник Пушкину* выражается, в отличие от генитивных конструкций (*отец солдата*, *памятник Пушкина*) не актуальная, а так называемая потенциальная посессивность или адресованность потенциальному посессору.

В принципе, мы могли бы ожидать, что при глаголе *хватать* в конструкции DAT будет реализована, так сказать, «расщепленная» модель

поведения объекта — тогда в случае, если этот объект был бы определенным и референтным, он кодировался бы стандартно, аккумулятивом, а если он нереферентен — генитивом. Эта стратегия реализуется в русском языке при некоторых интенциональных глаголах (хотя и не всегда последовательно), примером может служить пара *искать Петю*_{Acc} VS. *искать уединения*_{Gen}, с невозможностью «перепутать» падежи: в современном русском языке нельзя сказать ни **искать Пети*_{Gen}, ни **искать уединение*_{Acc}, потому что в данном случае аккумулятивное маркирование связано с конкретной референтностью имени собственного и его полной определенностью, а генитивное — с интенциональной интерпретацией ситуации, при которой объект обозначает нечто не существующее в реальном мире (*уединение*), он нереферентен.

Между тем *хватать* (в интересующем нас значении) демонстрирует иное, «нерасщепленное» поведение: этот глагол не допускает иного маркирования объекта, кроме генитивного, и при этом не запрещает конкретно-референтные имена в позиции объекта, т. е. возможны не только сочетания типа *хватает денег*_{Gen}, но и типа *хватает Пети*_{Gen}. Обратим, однако, внимание, что в случае *Мне хватает Пети* происходит явный сдвиг значения конструкции (и, кстати, ее интонационного контура, что служит для слушающего своеобразным маркером этого сдвига). *Мне хватает Пети* значит ‘хватает Петиних капризов, скандалов...’ — т. е. не ‘достаточно’, как в стандартном случае, а ‘слишком много’. Иначе говоря, такого рода разновидность конструкции служит, скорее, ответом на вопрос: можно ли *добавить еще?* и не соответствует простой констатации, как в обычном: *мне хватает денег*. При этом собственное имя, как мы видели, меняет свою семантику: *Петя* (как и *наша соседка* в примере Б) уже не означает конкретного лица, а только множество свойств этого лица или особенностей его поведения и тем самым не вступает в конфликт с интенциональной интерпретацией предложения. Понятно, что в этом случае генитивное маркирование его вполне оправданно.

Таким образом, теперь мы знаем не только причины неприемлемости примера (Б) с POSS, но и причины приемлемости его с DAT: особые свойства DAT провоцируют семантический сдвиг этой конструкции в контексте референтного определенного объекта, и это обеспечивает допустимость примеров типа (Б).

4. Загадка отрицания

Из всего сказанного можно, несколько огрубляя, сделать вывод, что единичный объект в качестве *У* «не нравится» ни DAT, ни POSS: они

предпочитают множества. Загадка состоит в том, что он тем не менее в ряде контекстов допустим на этом синтаксическом месте, причем в обеих конструкциях, и прежде всего это касается контекстов отрицания.

Наша гипотеза состоит в том, что с точки зрения аргументной структуры такое имя не заполняет место *Y*, а вводит другой аргумент *Y'*, с семантической точки зрения служащий своеобразным *дополнением* до множества, обозначаемого *Y*. Важно, что *Y'* имеет в каждой из двух наших конструкций свою интерпретацию — именно этим объясняется существенная разница в значении соответствующих примеров, а в ряде случаев невозможность взаимозамены DAT и POSS, как, например, в (B) или (Г). Рассмотрим последовательно каждую из конструкций с этой точки зрения.

Семантика «дополнения» *Y'* в DAT. Рассмотрим предложение *Мне не хватает карандаша*. Приблизительно, значение можно перефразировать как 'еще мне нужен карандаш' или, несколько более формально, следующим образом: \approx 'если есть ресурс *Y*, то для выполнения некоторой цели *Q* его все равно недостаточно: в дополнение к нему нужен еще *Y'* (карандаш), который пока отсутствует'.

Как и положено, при добавлении отрицания к пропозиции с *хватать* отрицается достаточность ресурса *Y*, а прагматическим следствием этого является желание дополнить *Y* на отсутствующий (недостающий до гипотетического «полноценного» ресурса) *Y'*; обратим внимание, что и гипотетический полноценный ресурс, и дополнение до него по самой своей природе нереферентны и потенциальны, что согласуется и с интенциональной семантикой предикации в целом, и с семантикой дательного, и с генитивной кодировкой объекта.

Другое важное замечание: в том же интенциональном смысле невозможно употребить альтернативную конструкцию POSS **у меня не хватает карандаша*. К объяснению этого обстоятельства мы перейдем чуть ниже, потому что здесь нам важно обсудить пример (B) в его дативном варианте: как кажется, (B) является всего лишь более яркой разновидностью только что рассмотренной фразы с карандашом.

Действительно, предложение (B) *Ему не хватает только шутовского колпака* означает, что в поведении человека, о котором идет речь, очень много дурацкого, так что для полноты картины, т. е. для образования того самого «полноценного множества», о котором мы говорили в предыдущем случае, не хватает всего лишь шутовского колпака. Таким образом, требуемый шутовской колпак является дополнением (*Y'*) к другим дурацким свойствам (*Y*).

Частица *только* в данном случае не просто усиливает ситуацию в целом, но и провоцирует некоторый семантический сдвиг, так что можно говорить о своеобразной разновидности отрицательной DAT-конструкции, реализация которой может выступать исключительно в контексте *только*. Действительно, как и в только что разобранном примере с карандашом, колпак гипотетичен, его нет, — но его (в отличие от карандаша) и не существует в природе, и более того, он и не нужен ни для какого Q (в отличие опять-таки от карандаша), поэтому трудно представить себе продолжение этого примера с целевым *чтобы*, а если ситуация Q и вводится, то не как целевая, а просто как следствие, тоже гипотетическое и, вообще говоря, нереализуемое, с помощью *и можно*, ср.: *ему не хватает только шутовского колпака — и можно в сумасшедший дом*.

И опять-таки в том же значении нельзя **У него не хватает только шутовского колпака*. Теперь попробуем объяснить этот запрет.

Семантика «дополнения» Y' (POSS) в сопоставлении с Y' (DAT).

Итак, тот же пример — но в «исполнении» другой конструкции: *У меня не хватает карандаша*. Он выглядит очень естественным в ситуации обнаруженной потери или кражи и может быть описан так: \approx 'у меня есть некоторый ресурс (Y), но его недостаточно, потому что в нем отсутствует имевшийся ранее Y'', который дополнил бы его до нужного количества'.

Мы видим, что толкование этого отрицательного предложения тоже, как и с DAT, требует введения дополнительного по сравнению с его исходным положительным коррелятом аргумента — в данном случае Y''. Вообще говоря, то, что в отрицательном контексте у ряда русских глаголов определенной семантики — непереходных, обычно движения, в основном с приставкой *до-*, как *дойти*, *нести*, *дотянуться* и под. — в принципе может возникать дополнительный аргумент, ср. *добежать до финиша* — *не добежать до финиша последних двух километров* — **добежать до финиша последние два километра*, известно из работы [Апресян 2006: 133–134], см. также [Эршлер 2009]. Факт этот известен, но с точки зрения композициональности структуры отрицательного предложения, типологии отрицания и др. пока это обстоятельство все-таки остается неразрешенной проблемой, причем наш глагол *хватать* ее существенно усложняет, потому он нарушает и морфологическую (приставка *до-*), и семантическую (преимущественно глаголы движения) гомогенность данного класса. Однако в настоящей работе мы вынуждены оставить эту задачу в стороне и опираться на достоверность факта как такового: при отрицании глагол *хватать* вводит дополнительный аргумент в свою структуру.

Отдельная трудность — и это и есть тот вопрос, который мы обсуждаем — состоит в том, что семантика этого дополнительного аргумента меняется в зависимости от варианта модели управления, выбранного *хватать*, т. е. получается, что POSS и DAT имеют *разные* дополнительные аргументы. Действительно, Y' не тождественно Y'' : первое можно было бы назвать «*проспективным* дополнением» исходного ресурса Y , а второе — «*ретроспективным*». Проспективное дополнение складывается с Y , и в результате образуется множество, которое требуется субъекту для выполнения цели Q . Ретроспективное дополнение восполняет «утраченный» фрагмент самого Y , который в этом случае не требует увеличения.

С точки зрения композициональности семантики конструкций важно, что такое осмысление дополнительного аргумента возникает не случайно, оно мотивировано исходными свойствами неотрицательных DAT и POSS, а именно, с одной стороны, интенциональностью и проспективной семантикой дательного падежа (отсюда проспективное дополнение), а с другой — идеей заранее заданного, презумптивного «ресурса» (отсюда ретроспективное дополнение). Но это значит, что в этих конструкциях речь идет об одном и том же новом аргументе, предсказуемо сдвигающем свою интерпретацию под воздействием описанных нами свойств контекста.

5. О ЗАПРЕТАХ

Понятно, что в каких-то ситуациях допустимо только проспективное дополнение и запрещено ретроспективное, а в каких-то — допустимо только ретроспективное и невозможно проспективное. Первый случай мы наблюдали на материале примера (B) — о шутовском колпаке: поскольку колпака нет и даже на самом деле, как мы выяснили, не требуется, проспективная интерпретация дополнительного аргумента вполне возможна. Однако ретроспективная интерпретация дополнения невозможна без полного нарушения смысла ситуации: получилось бы, что пропал реально существовавший шутовской колпак. Таким образом, для (B) допустим DAT, но не POSS.

Противоположный пример (запрет на проспективное дополнение) касается таких Y -ов, которые мы назвали бы «непополняемыми множествами» или «непополняемыми ресурсами». Сюда относятся некоторые групповые части объектов, и прежде всего, так сказать, групповые части тела. Хорошей иллюстрацией этого случая является пример (Г), где возможно *У него не хватает переднего зуба* (POSS), но не **Ему не хватает переднего зуба*.

Здесь естественна ретроспективная интерпретация: зуб утрачен, поэтому его не хватает, так что конструкция POSS оправдана. Что же касается DAT, то эта конструкция, предполагающая проспективное понимание, невозможна, потому что зубов не может быть ни 35, ни 40, ни 234 и т. д. — их число нельзя произвольно увеличивать. Ср. аналогичный пример из корпуса:

*У него (*ему) не хватает одного зуба, как раз переднего, и от этого он шепелявит* (В. Некрасов. «В окопах Сталинграда» (1946)).

Еще одна любопытная «минимальная пара» тоже подсказана корпусным материалом: *Маме не хватает молока — У мамы не хватает молока.*

Проспективное понимание годится для случая, когда при приготовлении какого-то блюда у мамы как субъекта ситуации не оказалось (или оказалось в недостаточном количестве) коровьего или козьего молока, ср. *маме не хватает молока — сбегай в магазин, пожалуйста* или: *...спроси у соседки, нельзя ли у нее одолжить до завтра.*

Но для ситуации, в которой объектом выступает грудное молоко кормящей матери, представляющее тот самый непополняемый ресурс, проспективная интерпретация не годится: речь идет о том, что того количества молока, которое было раньше, теперь у нее нет — т. е. что ее молока стало меньше. Следовательно, здесь возможна только конструкция с POSS, а ее коррелят DAT исключен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материал настоящей статьи был организован вокруг четырех пар подобранных нами примеров с глаголом *хватать*. Они иллюстрировали нетривиальные свойства этого глагола в контексте двух типов близких конструкций: с дательным падежом (DAT) и с предлогом у (POSS) — в частности, невзаимозаменимость этих конструкций и предпочтение одной перед другой. Содержание статьи состояло в том, чтобы дать семантико-синтаксическое объяснение этим фактам, исходя из анализа особенностей DAT и POSS — как синтаксических (например, отсутствие или наличие субъекта), так и связанных с ними семантических (интенциональность, партитивность, проспективный или ретроспективный вариант интерпретации дополнительного аргумента при отрицании и др.).

Однако главная цель нашей статьи — привлечь внимание лингвистов к загадкам этого нестандартного глагола; здесь представлена лишь малая их доля, для очень многих у авторов пока нет решения.

Итак, наш вывод: глаголу *хватать* (но не: *у глагола *хватать*! — см. выше раздел 4) **не хватает хорошего описания.**

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 2006 — *Апресян Ю. Д.* Основания системной лексикографии / Ред. Ю. Д. Апресян // *Языковая картина мира и системная лексикография.* М, 2006.
- Арутюнова 1989 — *Арутюнова Н. Д.* Предисловие / Ред. Н. Д. Арутюнова // *Проблемы интенциональных и прагматических контекстов.* М., 1989.
- Богуславский 1989 — *Богуславский И. М.* О некоторых типах семантического взаимодействия между словами со значением 'достаточно' и частицами / Ред. Н. Д. Арутюнова // *Проблемы интенциональных и прагматических контекстов.* М., 1989.
- Золотова 1988 — *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Карнап 1959 — *Карнап Р.* Значение и необходимость / Пер. с англ. М., 1959.
- Рахилина 2001 — *Рахилина Е. В.* Показатели посессивности и их функции в русском языке / Ред. С. А. Шубик // *Исследования по языкознанию: К 70-летию чл.-корр. РАН А. В. Бондарко.* СПб., 2001.
- Эршлер 2009 — *Эршлер Д. А.* Генитив отрицания и непациентные значения аккузатива: феноменология и семантика // *Вопросы языкознания.* 2009 (в печати).
- Kor-Chahine 2008 — *Kor-Chahine I.* Le verbe impersonnel *xvatat'* / *xvatit'*: de la syntaxe à la sémantique // *Questions de linguistique slave: Etudes offertes à Marguerite Guiraud-Weber.* Aix-en-Provence, 2008.
- Mikaelian, Roudet 1999 — *Mikaelian I., Roudet R.* Русский датив: от адресата к субъекту // *Russian Linguistics.* 1999. 23.1.

ЭКСПРЕССИВНОЕ ОТРИЦАНИЕ В ДИАЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОЙ И ПОРТУГАЛЬСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)

Отрицание является важнейшим организующим моментом в диалогической речи, поскольку «чаще всего отрицательное высказывание осуществляется в такой ситуации, когда соответствующее утвердительное высказывание было сделано ранее или входит в общую презумпцию говорящих, то есть существует как ответная реплика в диалогическом единстве» [Зеликов 2005: 19]. С прагматической точки зрения особый интерес представляют синтаксические модели отрицательных предложений, в которых «связь контекста и речевого акта максимально напряжена» [Арутюнова, Падучева 1985: 7]¹.

В настоящей статье анализируется один тип отрицательных собственно-эмотивных предложений испанской и португальской разговорной речи, построенных на принципе экспрессивной развернутости и содержащих избыточные элементы.

Рассмотрим следующие примеры: исп. *¿Has estado a punto de ir a la cárcel y todavía piensas en la pasta? — le pregunto. — ¡Qué cárcel ni qué ocho cuartos! Pero si estaban ansiosos por librarse de nosotras, Cris. No somos más que tres niñas pijas a las que les han metido un susto* («Ты чуть было не угодила в тюрьму и все еще думаешь о деньгах? — спрашиваю я. — **Да какая там к черту** (ocho cuartos букв. 'восемь грошей') **тюрьма!** Они сами хотели избавиться от нас поскорее, Крис. Мы для них всего лишь три избалованные девчонки, на которых они нагнали страх») (Prozac: 251); порт. — *Com que então, o problema é teu. — Meu... isto é, nosso, dos estudantes, da juventude. — Qual juventude nem qual carapuça! Sabeis lá o que andais a fazer* («— Ну, значит, это твоя проблема. — Моя, вернее, наша, студентов, молодежи. — **Да какая там** (сараруца букв. 'колпак') **молодежь!** Вы даже не знаете, что собираетесь делать!») (Linha: 78).

¹ Подробный анализ различных моделей отрицательных предложений испанской разговорной речи содержится в книге М. В. Зеликова «Синтаксис испанского языка». СПб., 2005. На материале португальской диалогической речи некоторые отрицательные высказывания рассматриваются в книге D. Maçãs «Fórmulas interlocutórias do diálogo no português moderno coloquial». Coimbra, 1976.

Эмоциональность, высокая степень экспрессивности, использование в конкретных ситуациях речи определяют разговорный характер подобных высказываний. Они функционируют, как правило, в составе диалогического единства, в репликах-возражениях и характеризуются контекстной зависимостью.

Следует отметить их отнесенность к фамиллярной разновидности разговорной речи, к области лексико-грамматических категорий экватива (равенства собеседников) и глумливатива (пренебрежительного отношения к собеседнику).

Данные структуры представляют собой соединение варьируемых знаменательных слов с постоянными элементами *qué... ni qué, qual... nem qual*. В первой части структуры содержится имплицитное отрицание — повтор части предыдущей реплики, вызвавшей возражение (*qué cárcel, qual juventude*). Появление вопросительно-восклицательных местоимений *qué, qual* объясняется тем, что их сочетания со знаменательными словами в испанском и португальском языках способны выражать имплицитное отрицание: исп. — *Pero Dios hizo así el mundo y hay que aguantarse*. — ¡*Qué Dios, Dios!.. ¡Aquí no hay más que latrocinio descarao! Crea usted* («— Но Бог создал мир таким и приходится терпеть. — *Да какой там Бог!* Кругом только наглый грабёж! Уж поверьте мне») (Pobres: 182); порт. — *Os senhores do Grémio... — Qual senhores! Ladrões é o que eles são!* («— Сеньоры Гремиу... — *Да какие они сеньоры!* Воры, вот кто они!») (Bicicleta: 33). Причем это отрицание имеет характер «энергичного протеста» [Maçãs 1976: 220].

Отрицательные структуры с лексическим повтором *qué Dios, qué cárcel; qual juventude, qual senhores* являются первичными по отношению к более сложным моделям. Затем с помощью подхватывающего отрицания *ni, nem* во второй части вводится интенсификатор отрицания — экспрессивное образное отрицание (*qué ocho cuartos, qual carapuça*). Выбор второго компонента-интенсификатора отрицания не случаен. Говорящий, возражая собеседнику, не ограничивается простым отрицанием факта, неприятного ему по какой-либо причине, но и добавляет другое слово, часто нелепое, для того, чтобы подчеркнуть в эмоциональной форме неприятие данного факта. Подобные образные усилители не представляются избыточными в акте коммуникации, поскольку они не только акцентируют отрицание, но и позволяют выказать ироническое, насмешливое, а подчас и пренебрежительное отношение к собеседнику и предмету мысли [Beinhauer 1991: 214].

Проанализированный нами испанский языковой материал содержит следующий лексический состав второго компонента — образного

отрицания: *cacaos* (какао, плоды какао), *caracoles* (улитки), *cuentos* (сказки, басни), *hostias* (букв. 'облатка причастия'), *gaitas* (дудки), *garambaina* (безвкусные украшения, финтифлюшки), *narices* (носы), *niño/hijo muerto* (мертвый ребенок/сын), *ocho cuartos* (восемь грошей), *pan caliente* (горячий хлеб), *sueños* (мечты, сновидения), *zambomba* (самбomba, барабан), *zanahorias* (морковки), etc.: — *¿Te has golpeado con el acordeón?* — *¡Qué acordeón ni qué hostias! Ya os he dicho que anoche le arrojé el despertador a la cabeza* («— Ты ушибся об аккордеон? — **Да какой там к черту аккордеон!** Я же вам сказал, что вчера вечером я запустил ему будильником в голову») (Bilingüe: 58); — *¿Crees que podría (yo) tener el mal de Alzheimer, la enfermedad del olvido?..* — *¡Qué olvido ni qué narices!* — *gruñó Cuxot.* — *Empinas demasiado el codo, eso es lo que te pasa* («— Как ты думаешь, может быть, у меня болезнь Альцгеймера, болезнь потери памяти? — **Да какая там потеря памяти!** — проворчал Кушот. — Ты слишком много прикладываешься к бутылке, вот в чем дело») (Bilingüe: 174); *En cada nuevo ejercicio te negaban una revisión salarial aduciendo que el país en general y la empresa en particular atravesaban una crisis. ¡Qué crisis ni qué niño muerto! Ellos llamaban crisis al descenso de beneficios, no a la falta de ellos* (Prozac: 35) («На каждом новом месте тебе отказывали в повышении зарплаты, объясняя, что и страна в целом, и предприятие в частности переживают кризис. **Какой там кризис!** Они называли кризисом простое снижение доходов, а не их отсутствие»); — *¿Sabe usted que Ernesto se fue con la marabunta?* — *Jesús, Jesús... ¿Quién es la marabunta? ¿Alguna señora nueva que ha venido?* — *Mujer, qué señora ni qué garambaina! La marabunta, la marabunta, la chiquillería, la gente joven de la residencia* («— Вы знаете, что Эрнесто ушел с тусовкой? — Господи, господи... А кто такая эта тусовка? Какая-нибудь новая сеньора приехала? — Подруга, **да какая там сеньора!** Тусовка, тусовка — это юнцы, молодежь из гостиницы») (Farsa: 223).

Отметим, что в испанском языке репертуар таких слов практически не ограничен. Они постоянно возникают в речи.

На материале португальского языка мы зафиксировали всего два существительных — интенсификатора отрицания: *cabaça* (тыква), *carapiça* (колпак): — *Homem, tu? Qual homem nem qual cabaça!* («— Мужчина, ты? **Какой ты к черту мужчина!**») (Máscaras: 229); — *O Estêvão está morto e bem morto. — Qual morto nem qual carapiça!* («— Эштеван умер, в самом деле умер. — **Да какое там умер!**») (Máscaras: 267).

Многие из перечисленных выше образных отрицаний могут употребляться и самостоятельно: исп. *¡Caracoles!*, *¡Gaita!*, *¡Narices!*, *¡Qué niño muerto!*, *¡Zambomba!*, *¡Zanahoria!* [Beinhauer 1991: 209, Левинто-

ва 1974: 122]. Применительно к португальскому языку А. Мартиньш Барата отмечал, что в самостоятельном употреблении *qual cabaça!* и *qual carapuça!* означают отрицание, протест, несогласие [Martins Barata 1989: 46, 57]:— *É ela, ela só pensas nela. — Qual cabaça, ela foi o que foi* («— Это она, она, ты думаешь только о ней. — *Да при чем здесь она*, она уже в прошлом») (Silêncio: 14).

Как писал В. Бейнхауер, происхождение подобных лексических усилителей отрицания в испанском языке синхронно не мотивировано. Оно может быть обусловлено экстралингвистическими факторами, а именно сюжетами народных представлений, фольклорными традициями, историческими анекдотами и т. п. [Beinhauer 1991: 216]. В частности, в отношении экспрессивного отрицания *ni qué niño muerto* существуют две версии его происхождения. Первая связана с существовавшей когда-то дискуссией по поводу необходимости включения в списки переписи населения детей, умерших до момента крещения. Вторая версия повествует о том, что некогда одна знаменитая актриса забыла текст своей роли и стала импровизировать по ходу пьесы, рассказывая о прошлом своей героини, ее любовниках, беременностях, умерших детях. Партнер этой актрисы, желая покончить с создавшейся ситуацией, воскликнул: *¡Qué amante ni qué niño muerto! ¡Tu hijo se llama Faustino y aparece en la próxima escena!* («*Да какой там любовник, какой мертвый ребенок!* Твоего сына зовут Фаустино, и он появится в следующей сцене!») [Buitrago 2004: 606; Calles Vales, Bermejo Meléndez 2001: 64]. Возможно, что ни одна из этих версий не является истинной. В любом случае, на наш взгляд, основным критерием выбора таких слов является их нелепость.

В испанском языке также наблюдаются случаи повтора первого компонента отрицательной структуры во второй ее части, в качестве усилителя отрицания: — *La edad... — ¡Qué edad ni qué edad! Es que no se hace cargo, eso es lo le pasa* («— Возраст... — *Да при чем здесь возраст!* Дело в том, что он не берет на себя ответственность, вот что») (Dos días: 86); — *...mis pobres nervios saltan, son cuerdas de violín. — Mira, Carolina. ¡Qué nervios ni qué violines! Una gaita, eso es lo que son tus nervios* («— ...мои бедные нервы натянуты прямо как струны скрипки. — Послушай, Каролина. *При чем тут нервы и скрипки!* Чушь это — твои нервы») (Agüño: 71). Такой повтор можно объяснить тем, что говорящий, в силу эмоционального напряжения, не находит стереотипных формул отрицания и повторяет первый компонент.

Таким образом, в основе проанализированной нами модели отрицательных предложений заложено тройное отрицание: имплицитное

отрицание *qué, qual*, подхватывающее отрицание *ni, nem* и лексические усилители отрицания.

Признаками типизированности данных высказываний являются спонтанность и автоматизм употребления, а также связанность их синтаксической структуры, обусловленная наличием в ней опорного лексического компонента (повторяемого слова), закрепленность фразообразующих компонентов (*qué... ni qué, qual... nem qual*), фиксированный порядок следования компонентов, синтаксическая нечленимость. Все это позволяет рассматривать их как фразеосхемы, неразрывно связанные с определенной интонацией. Синонимическая замена знаменательных слов в них ограничена, так как они входят в определенный контекст [Земская 1979: 177].

Анализ языкового материала позволил нам выявить варианты данной структуры в испанской и португальской разговорной речи.

В испанском языке это вариант, основанный на подхватывающем отрицании *ni... ni*: — *Oye, escúchame lo que te voy a decir: o matas a este tío o aquí se va a armar la gorda. — ¡Pero mujer!.. — ¡Ni mujer, ni cáscaras!* (« — Послушай-ка, что я тебе скажу: или ты убьешь этого типа, или разразится дикий скандал. — Но, дорогая!.. — **Какая я тебе к черту дорогая!**») (Novelas: 219); — *Pero ya sabe usted que el diálogo... — ¡Ni el diálogo ni gaitas!* (« — Но вы же знаете, что диалог... — **Какой там еще диалог!**») (TE 61–62: 11).

Следует особо выделить структуры, в которых второй компонент отрицания представлен отрицательным местоимением *nada* (ничто). Такого рода высказывания чрезвычайно экспрессивны, поскольку говорящий, отрицая какой-либо факт, не может найти подходящего слова для выражения своего эмоционального несогласия и ограничивается словом *nada*, которое в сочетании с отрицательной частицей *ni* еще больше усиливает отрицание: — *¡Señorita! — ¡Ni señorita ni nada! ¿Le convengo o no le convengo?* (« — Сеньорита! — **Какая я вам сеньорита!** Я вам подхожу или не подхожу?») (TE 54–55: 373); — *Anda, Carol, bonita... No daremos guerra. — Ni guerra ni nada... ¿No te fastidia el crío este?* (« — Ну ладно, Кароль, дорогая... Не будем ссориться. — **При чем тут ссора...** Неужели тебя не раздражает этот ребенок?») (Farsa: 109).

В португальском языке мы выявили два варианта структуры с усилением отрицания.

1) *qual* + S1 + *qual* + S2

Выше уже говорилось о способности вопросительно-восклицательного местоимения *qual* употребляться в качестве имплицитного отрица-

ния. В данных высказываниях в обеих частях структуры содержится местоимение *qual*, а формальные показатели отрицания отсутствуют. Проанализированный материал показал, что в качестве второго компонента отрицания обычно выступает слово *carapuça*: — *A lei!.. — Qual lei qual carapuça!.. A lei aqui sou eu, entendes?* («— Закон!.. — Да какой там закон!.. Закон здесь я, ясно тебе?») (Teatro: 167); — *Norte, rumo de amor. — Qual amor, qual carapuça! Eu sei o que ele não sabe, o que ela não imagina* («— Север, курс на любовь. — Да какая там любовь! Я знаю то, что не знает он и о чем не догадывается она») (Silêncio: 17).

Категоричность отрицания достигается путем использования во второй части местоимения *qual*, усиленного *o quê (quê)*: — *Corália! — Qual Corália qual o quê! Luísa, meu burro. Se tornas a chamar-me Corália, não sei que te faço* («— Коралия! — Какая я тебе Коралия! Луиза, осел. И если еще раз ты назовешь меня Коралией, я даже не знаю, что я с тобой сделаю») (Vento: 43); — *E quanto aos sapatos, sucede-lhe o mesmo: só tem dois pares. — De facto é pouco. Com este frio... — Qual frio qual quê! Não tem mas é dinheiro para comprar mais nenhuns, é o que é* («— А насчет туфель, так и с ними у нее то же самое: только две пары. — Действительно, мало. А еще при таком холоде... — Да какой там холод! Денег у нее нет, чтобы купить, вот в чем дело») (Negro: 42). Следует отметить, что *qual (o) quê* используется в качестве усиленного отрицания и в независимом употреблении, наряду с другими устойчивыми отрицательными сочетаниями: *qual carapuça!*, *qual nada!*, *nada disso!* *longe disso!* [Martins Barata 1989: 252].

2) *qual* + S1 + *nem meio(a)* + S1

Такие высказывания характеризуются повтором одного и того же слова, вызывающего возражение, в обеих частях структуры. Вторым компонентом вводится отрицательной частицей *nem* и числительным *meio(a)* (половина) перед повторяемым словом, подчеркивая тем самым несущественность, абсурдность отрицаемого факта: — *Qual escândalo nem meio escândalo! Que idiotice a minha! Se o houvesse, não seria comigo, decerto* («— Да какой там скандал! Какой же я идиот! Если бы он и разразился, то наверняка не со мной») (Negro: 72).

Если же говорящему кажутся недостаточно категоричными подобные отрицательные конструкции, он может их комбинировать для достижения еще большей экспрессивности: *Qual dinheiro nem meio dinheiro nem qual carapuça!* («Да какие там к чертям деньги!») [Martins Barata 1989: 249].

Как можно убедиться, экспрессивность отрицания зависит от особого взаимодействия синтаксической структуры, лексических средств и окружающего контекста.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Armiño — *Benavente J.* Campo de armiño. La ciudad alegre y confiada. Madrid, 1964.
- Bicicleta — *Gralheiro J.* O homem da bicicleta. Lisboa, 1982.
- Bilíngüe — *Marsé Juan.* El amante bilingüe. Barcelona, 2006.
- Novelas — *Cela C. J.* Novelas cortas y cuentos. Moscú, 1970.
- Dos días — *Caballero Bonald J. M.* Dos días de septiembre. Barcelona, 1967.
- Farsa — *Medio D.* Farsa de verano. Madrid, 1973.
- Linha — *Cabral A.* A linha e o nó. Coimbra, 1977.
- Máscaras — *Tavares Rodrigues U.* As máscaras finais. Lisboa, (s. a).
- Negro — *Hernani Anjos.* Um negro no país das loiras. Lisboa, 1968.
- Pobres — *Muñoz Arconada C.* Los pobres contra los ricos. Obras escogidas. T. 1. Moscú, 1972.
- Prozac — *Etxebarria L.* Amor, curiosidad, prozac y dudas. Barcelona, 2005.
- Silêncio — *Ruben A.* Silêncio para 4. Lisboa, 1974.
- TE 54–55 — Teatro español 1954–1955. Madrid, 1956.
- TE 61–62 — Teatro español 1961–1962. Madrid, 1963.
- Teatro — *Rebello L. F.* Teatro de intervenção. Lisboa, 1978.
- Vento — *Babo A.* Sem vento de feição. Lisboa, 1972.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Падучева 1985 — *Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 3–42.
- Зеликов 2005 — *Зеликов М. В.* Синтаксис испанского языка. СПб, 2005.
- Земская 1979 — *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- Левинтова 1974 — *Левинтова Э. И.* К изучению отрицания в испанском языке // Вопросы испанской филологии. Л., 1974. С. 122–128.
- Beinhauer 1991 — *Beinhauer W.* El español coloquial. Madrid, 1991.
- Buitrago 2004 — *Buitrago Jiménez A.* Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid, 2004.
- Calles Vales, Bermejo Meléndez 2001 — *Calles Vales J., Bermejo Meléndez B.* Dichos y frases hechas. Madrid, 2001.
- Maçãs 1976 — *Maçãs D.* Fórmulas interlocutórias do diálogo no português moderno coloquial. Coimbra, 1976.
- Martins Barata 1989 — *Martins Barata A.* Dicionário prático de locuções e expressões da língua portuguesa. Braga, 1989.

АССЕРЦИЯ И НЕГАЦИЯ В РУССКОМ АНЕКДОТЕ

Анекдот как особый вид текста, пуанта которого создается нарушением нормальной логики языка и мышления, не мог не отразить различие общих вопросов, требующих отрицательного или положительного ответа, и специальных вопросов, с необходимостью требующих содержательного ответа. В статье рассматриваются разные типы анекдотов, тем или иным образом обыгрывающие правила построения вопросно-ответного диалога ¹.

ДА И НЕТ КАК УМОЛЧАНИЕ

Первый тип анекдотов представляет собой абсолютно правильно построенный диалог, в котором краткие, не распространенные ответы на общие вопросы интерпретируются слушателями как сознательное умолчание, нежелание обсуждать запретные темы.

- 1) — Рабинович дома? — Нет.
— На работе? — Нет.
— В командировке? — Нет.
— Я Вас правильно понял? — Да.

Любопытно, что в контексте тридцатых годов двадцатого века слушатели однозначно «правильно понимали», что Рабиновича посадили (поэтому этот анекдот мог быть рассказан и о *Петрове* или

¹ Мы не будем в рамках данной статьи рассматривать анекдоты-загадки: *Может ли лошадь прыгнуть выше Исаакиевского собора? — Может, так как Исаакиевский собор вообще не прыгает.* Хотя такие загадки имеют давнее хождение в русском городском фольклоре, они не занимают в нем значимого места, в отличие, например, от американского фольклора. Так, не случайно именно в США, начиная с шестидесятых годов прошлого века, широкое распространение получил цикл «анекдотов о слонах» (elephant joke cycle), которые представляют собой диалог из двух или четырех лаконичных реплик — вопросов и ответов. Анекдоты о слонах строятся на соотношении полного стереотипного набора характеристик животного (по отношению к которому история абсурдна) с небольшой группой характеристик (чаще — одной характеристикой), в пределах использования которой все оказывается неожиданно логичным, например: *Может ли слон спрятаться на вишневом дереве? — Да, если он покрасит ноги в вишневый цвет.*

Габриэляне), а в контексте семидесятих годов слушатели понимали, что Рабинович уехал в Израиль, поэтому герой анекдота не мог «сменить фамилию».

К этому же типу относятся анекдоты, в которых краткие правильные ответы на общие вопросы сопровождаются неожиданными, зачастую абсурдными комментариями, например:

- 2) — У эмигранта Ицика, кое-как устроившегося в лондонской гостинице, звонит телефон. «Прошу прощения, — звучит в трубке вежливый голос. — Мне нужен барон Ротшильд. Я правильно попал?» — «Ой, как неправильно вы попали!» — отвечает Ицик.
- 3) Скажите, а что, Рабинович умер? — Да. — То-то я смотрю, он в гробу лежит.

ДА И НЕТ В ОТВЕТ НА СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Другой тип анекдотов — это анекдоты, пуанта которых строится на том, что на специальный вопрос вместо ожидаемого содержательного ответа дается «неправильный» ответ «да» или «нет», например:

- 4) — Имеете ли вы судимость? — Нет.
— Есть ли родственники за границей? — Нет.
— Были ли вы на оккупированной территории? — Нет.
— Национальность? — Да.
- 5) В купе довольно долго, молча, едут два пассажира. Наконец, один говорит: «Послушайте, мы едем уже два часа и еще словом не обмолвились. Давайте хоть познакомимся. Я Иванов. А вы?» — «А я нет».

В анекдоте (4) первые вопросы стандартной анкеты, которую хотя бы раз в жизни заполнял каждый советский человек, — это общие вопросы, на которые нужно ответить «да» или «нет», а последний вопрос требует содержательного ответа — названия национальности (*русский, украинец, армянин* и т. п.). Пуанта анекдота строится на том, что в СССР в семидесятые годы прошлого века — время бытования этого анекдота — и рассказчику анекдота, и его слушателям было очевидно, что существует одна «маркированная» национальность — евреи. В анекдоте (5) ответ на содержательный вопрос «Как ваша фамилия?» подменяется ответом на вопрос «Вы русский?» (*Иванов* — типичная русская фамилия).

КОММЕНТАРИЙ В ОТВЕТ НА СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС (ВМЕСТО ОТВЕТА *ДА* ИЛИ *НЕТ*)

Пуанта третьего, самого распространенного типа анекдотов строится на том, что на общий вопрос вместо утвердительного или отрицательного ответа дается неожиданный содержательный ответ. Заметим, что в отличие от утвердительного или отрицательного ответа на содержательный вопрос, очевидно нарушающего логику построения вопросно-ответного диалога, содержательный ответ на общий вопрос может быть вполне релевантным. Так, всякому человеку очевидно, как можно ответить на вопрос «Играете ли вы на скрипке»: «Да, играю» или «Нет, не играю». Но, как известно, персонаж анекдота отвечает: «Не знаю, не пробовал». Не то чтобы такой ответ нельзя дать на общий вопрос, неожиданность ответа заключается в том, что у нас есть априорное представление, что играть на скрипке трудно, этому надо долго учиться. Но ответ «Не знаю, не пробовал» на общий вопрос «Любите ли вы помидоры?» мог бы быть вполне обоснованным, если бы речь шла, например, о жителях тех стран, где обычно не едят помидоров. Однако на этот вопрос герой анекдота дает другой, также формально абсолютно правильный ответ:

- 6) — Гиви, ты помидоры любишь?
— Кушать люблю, так — нет!

Неожиданный комментарий как «соль» анекдота. Внутри анекдотов третьего типа можно выделить анекдоты, в которых однозначный ответ на общий вопрос сопровождается неожиданным комментарием, в котором и заключается соль анекдота. Очень распространен этот прием в этнических анекдотах советского времени, например:

- 7) Принимают грузина в партию. Парторг говорит: «Гиви, когда ты станешь членом партии, тебе левые доходы нельзя иметь, на „Воле“ ездить нескромно, три квартиры иметь тоже. Понимаешь, да?» — «Конечно, понимаю», — говорит Гиви. Парторг продолжает: «Гиви, когда ты станешь членом партии, тебе по ресторанам ходить нельзя, любовниц иметь тоже. Надо, чтобы у тебя был моральный облик настоящего коммуниста, понимаешь, да?» — «Конечно, понимаю», — говорит Гиви. «И последний вопрос, — говорит парторг, — готов ли ты отдать жизнь за дело коммунизма?» — «Конечно, готов, — говорит Гиви, — зачем мне такая жизнь?»
- 8) Проходит в тундре обмен паспортов. Милиционерам неохота объезжать все стойбища, собирать фотографии. Они думают: «Все чукчи

на одно лицо. Можно одного сфотографировать и эту фотографию во все паспорта наклеить». Так и сделали. И вот раздают милиционеры паспорта, один чукча взял, другой, третий. И вдруг один говорит: «Начальник, однако паспорта не моя». Ну, паспортисты испугались, что сейчас их обман обнаружится, давай чукчу уговаривать: «Как это не твой паспорт? Посмотри на фотографию, разве это не твое лицо?» — «Лицо-то моя, начальник, — говорит чукча, — кухлянка, однако, не моя!»

- 9) Уезжает еврей в Израиль и везет с собой старого мудрого говорящего попугая. Таможенник ему говорит: «Гражданин! Живых птиц через границу Советского Союза провозить нельзя. Можно только тушкой или чучелом». Еврей задумался: «Что делать? Не бросать же попугая! Может, никуда не ехать?» И тут попугай ему и говорит: «Абрам! Тушкой или чучелом, но ехать надо!»

К этому подтипу анекдотов примыкают анекдоты с правильными ответами на сложные вопросы, но неожиданными объяснениями таких ответов. Как правило, такие ответы даются типичными «глупцами» русских анекдотов — сумасшедшими или милиционерами. Например:

- 10) Экзамен в школе милиции. Экзаменатор: «Вот перед вами фото подозреваемого в профиль, какие особые приметы вы можете назвать?» Первый курсант: «У подозреваемого одно ухо». Экзаменатор: «Неправильно, это же фото в профиль. Двойка. Вы, товарищ курсант?». Второй курсант: «У подозреваемого один глаз». Экзаменатор: «Вам тоже двойка. Напоминаю, это фотография в профиль. Неужели нет среди вас хоть одного наблюдательного человека?» Третий курсант: «Подозреваемый носит линзы». Экзаменатор с удивлением: «Наконец-то, отлично, товарищ курсант, только расскажите своим тупым коллегам, как вы пришли к такому выводу». Третий курсант: «Это элементарно: на одном ухе очки не будут держаться!»

Подмена вопроса. Очень частым приемом построения шуанты анекдотов, имеющих вопросно-ответную структуру, является подмена вопроса, как в известном советском анекдоте семидесятых годов прошлого века:

- 11) Несколько еврейских семей хотят уехать в Израиль. Вызывают их в КГБ побеседовать с майором. Майор говорит: «Не понимаю, зачем вам уезжать. Климат в Израиле ужасный. Полгода идет сплошной дождь. На улицу выйти нельзя, всё в воде, на работу не добраться».

Все сидят, молчат, только Хаим все как-то волнуется, то поднимет руку, то опустит, как будто сам с собой что-то обсуждает. Майор продолжает: «Полгода там жара, дождя вообще не бывает, все выгорает». Опять все сидят, молчат, только Хаим все руками машет. В конце беседы майор спрашивает у Хаима: «Я вижу, вы поняли, какой в Израиле ужасный климат, так что, надеюсь, вы никуда не поедете?» — «Не в том дело, — говорит Хаим, — я никак не могу решить, брать зонтик — не брать зонтик?»

Поскольку ответ на обсуждаемый вопрос — надо ли уезжать из СССР в Израиль — очевиден и персонажам анекдота, и его слушателям, колебания связаны с тем, что дается ответ на другой вопрос: брать зонтик — не брать зонтик? Ср. также анекдот с неожиданным ответом на общий вопрос, которому дается столь же неожиданное объяснение:

- 12) Молодой еврей спрашивает раввина: «Ребе, я хочу жениться на младшей дочери Шнеерсона». — «Так женись». — «Но ее родители против». — «Так не женись». — «Но я ее люблю». — «Так женись». — «Но и мои родители против». — «Так не женись». — «Но я не могу без нее жить». — «Так женись». — «Но нам будет не на что жить!» — «Так не женись. А еще лучше знаешь что? Крестись!» — «Ребе, почему же я должен креститься?» — «Чтобы ты морочил голову попу, а не мне».

По-видимому, не случайно вопросно-ответная структура анекдота, обыгрывающая разные типы парадоксальных ответов на простые вопросы, является распространенной структурой еврейских анекдотов. Евреи как персонажи анекдотов, как известно, настолько любят задавать вопросы, что всегда отвечают вопросом на вопрос² и, как правило, не довольствуются кратким ответом на вопрос, а хотят разузнать все досконально: *Едет еврей в автобусе, впереди него стоит парень. Еврей ему говорит: «Молодой человек, ви на следующей остановке выходите?»*. — «Да, выхожу». — «Точно выходите?» — «Да-да, выхожу». — «А впереди вас стоит мужчина, он выходит?» — «И он выходит!!» — «А ви спрашивали?» — «Даа-ааа!!!» — «Ну и что он говорит?» Многие еврейские анекдоты восходят к талмудическим притчам, в которых раввина задают разные каверзные вопросы и он дает на них убедительный, зачастую парадоксальный и несколько ка-

² Хаим, почему евреи всегда отвечают вопросом на вопрос? — А как надо? Ср. еще варианты ответов: Ой, кто это вам сказал? А почему ты меня об этом спрашиваешь?

зуистический ответ. Есть немало анекдотов, в которых раввин отвечает на тот или иной вопрос, но отвечает по законам жанра, например, известный анекдот о раввине, который соглашался с обеими спорящими сторонами, говоря: «И ты прав!», «И ты прав!», а на замечание жены о том, что нельзя одновременно соглашаться с двумя противоположными точками зрения, отвечал: «И ты, женщина, права!». Ср. также:

- 13) В одной из синагог Одессы перед одной из молитв половина молящихся всегда вставала, а другая половина оставалась сидеть. Те, что сидели, начинали кричать вставшим, чтобы они сели, а стоящие требовали, чтобы сидящие встали. Раввин не знал, как быть, и решил обратиться за советом к старому Мойше, который был основателем этой синагоги. Он пригласил с собой по одному представителю от «стоящих» и «сидящих», и они отправились выяснять, какой традиции следует придерживаться. Приходят они к старому Мойше. «Стоящий» спрашивает старого Мойше: «Стоять во время этой молитвы — это наша традиция?» — «Нет, — отвечает старый Мойше, — это не наша традиция». «Сидящий» обрадовался, говорит: «Значит, сидеть во время этой молитвы — это наша традиция?» — «Нет, — снова возражает старый Мойше, — это тоже не наша традиция». Тут вмешивается раввин: «Мойше, видите ли, молящиеся все время ругаются по поводу того, должны ли они сидеть или стоять во время этой молитвы». Старый Мойше ему говорит: «Вот это и есть наша традиция!»

К еврейским анекдотам-притчам примыкают анекдоты об армянском радио, в которых на заданные слушателями каверзные вопросы даются, как и положено, «диалектические» ответы, например:

- 14) Армянское радио спрашивают: «Будут ли деньги при коммунизме?». Армянское радио отвечает: «Китайские догматики говорят, что не будут, югославские ревизионисты говорят, что будут. А мы подходим к этому вопросу диалектически: у кого будут, а у кого и нет!»
- 15) Армянское радио спрашивают: «Можно ли построить коммунизм в Израиле?» Армянское радио отвечает: «Зачем такой маленькой стране такое большое счастье!»

Ложная пресуппозиция

И, наконец, последний тип — это анекдоты, в которых даются ответы на вопросы, содержащие ложную пресуппозицию. Как известно, на такие вопросы нельзя просто ответить ни да, ни нет: утвердительно-

ный ответ является попыткой проигнорировать ложность пресуппозиции, а отрицательный ответ является попыткой ответить на ложность пресуппозиции, но, как правило, является неправильным и вводит собеседника в заблуждение. Максимально кооперативным ответом на такие вопросы является объяснение ложности пресуппозиции; затем, после того как собеседнику разъяснили, в чем его ошибка, можно ответить на вопрос, выполнить просьбу и пр. Классическим примером вопросов с ложной пресуппозицией является, как известно, вопрос, заданный Карлсоном «домомучительнице» фрекен Бок: «Ты перестала пить коньяк по утрам, отвечай — да или нет?». Убедившись, что ни ответ «да», ни ответ «нет» не годятся, Малыш находит наконец нужный ответ: «Она не перестала пить, потому что никогда не начинала»³. Пуанта анекдотов часто строится на том, что персонажи анекдотов трактуют обычные общие вопросы как вопросы с ложной пресуппозицией, причем дают на такие вопросы отрицательные ответы, которые, по их представлениям, отвечают на ложность пресуппозиции. Например:

³ Ср.: Фрекен Бок окинула Карлсона безумным взглядом, а потом обратилась к Малышу: — Разве твоя мама предупредила меня, что этот мальчик будет у нас обедать? Неужели она так распорядилась? Малыш постарался ответить как можно более уклончиво, но дружелюбно: — Во всяком случае, мама считает... что Карлсон... — Отвечай, да или нет, — прервала его фрекен Бок. — Твоя мама сказала, что Карлсон должен у нас обедать? — Во всяком случае, она хотела... — снова попытался уйти от прямого ответа Малыш, но фрекен Бок прервала его жестким окриком: — Я сказала, отвечай — да или нет! На простой вопрос всегда можно ответить „да“ или „нет“, по-моему, это не трудно. — Представь себе, трудно, — вмешался Карлсон. — Я сейчас задам тебе простой вопрос, и ты сама в этом убедишься. Вот, слушай! Ты перестала пить коньяк по утрам, отвечай — да или нет? У фрекен Бок перехватило дыхание, казалось, она вот-вот упадет без чувств. Она хотела что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова. — Ну вот вам, — сказал Карлсон с торжеством. — Повторяю свой вопрос: ты перестала пить коньяк по утрам? — Да, да, конечно, — убежденно заверил Малыш, которому так хотелось помочь фрекен Бок. Но тут она совсем озверела. — Нет! — закричала она, совсем потеряв голову. Малыш покраснел и подхватил, чтобы ее поддержать: — Нет, нет, не перестала! — Жаль, жаль, — сказал Карлсон. — Пьянство к добру не приводит. Силы окончательно покинули фрекен Бок, и она в изнеможении опустилась на стул. Но Малыш нашел наконец нужный ответ. — Она не перестала пить, потому что никогда не начинала, понимаешь? — сказал он, обращаясь к Карлсону. — Я-то понимаю, — сказал Карлсон и добавил, повернувшись к фрекен Бок: — Глупая ты, теперь сама убедилась, что не всегда можно ответить „да“ или „нет“... (Астрид Линдгрен. «Карлсон, который живет на крыше»).

- 16) Стук в дверь: «Здесь живет Рабинович?». Голос из-за двери: «Нет». «А вы кто?» — «Рабинович». — «Почему же вы сказали, что вы здесь не живете?» — «Разве это жизнь?»⁴
- 17) Снимают муж с женой квартиру. Хозяйка спрашивает, есть ли у них дети, потому что не хочет сдавать квартиру семье с детьми. «Нет», — отвечает муж. Через неделю хозяйка приходит в квартиру и видит там кучу детей. «Почему же вы сказали, что у вас нет детей?» — возмущается она. «Это не дети, — говорит муж, — это сволочи!»

Если персонажи анекдотов (16) и (17) полагают, что на вопрос с ложной пресуппозицией следует отвечать негативно, персонажи других анекдотов своими содержательными ответами демонстрируют несогласие с установками спрашивающего, например:

- 18) У старого Хаима спрашивают: «Как здоровье?» — «Не дождетесь!».
- 19) Стоит толстый грузин в дубленке в центре Москвы и пересчитывает большую пачку денег. Мимо него бежит худенький студент в рваном пальтишке и спрашивает: «Вы не скажете, как пройти к Большому театру?». Грузин смотрит на него с неодобрением и говорит: «Слушай, делом займись, делом!»

Ответом «Не дождетесь!» Хаим опровергает имеющуюся у его собеседника неправильную пресуппозицию, что Хаим — старый, больной человек и может скоро умереть, а советом заняться «делом», т. е. зарабатыванием денег, грузин опровергает также ложную, по его представлениям о жизни, установку, что надо ходить в театр. Такое поведение, строго говоря, нельзя назвать неправильным, мы все часто именно так и отвечаем на вопросы с ложной, по нашим представлениям, пресуппозицией (напр., *Не знаешь, где у нас стоит «Грамматика-80»?* — *Зачем она тебе, там совершенно ничего об этом не написано!*), однако такие ответы могут быть расценены как невежливые и некооперативные. Гораздо более вежливо и кооперативно отвечает на вопрос с ложной пресуппозицией продавщица из известного анекдота про фарфоровую крысу:

- 20) Приходит мужик в магазин, чтобы купить жене подарок, и говорит продавщице: «Заверните мне, пожалуйста, вон ту фарфоровую крысу». Продавщица ему говорит: «Пожалуйста. Только это не фарфоровая крыса, а глава правительства Российской Федерации Владимир Владимирович Путин». — «Не фиг себе, — говорит мужик, — тогда дайге две!»

⁴ Ср. также: *Армянское радио спрашивают: «Есть ли жизнь на Марсе?» Армянское радио отвечает: «Тожже нет».*

Как и следовало ожидать, анекдоты отразили и нарушение существующих в русском языке правил ответов на отрицательные вопросы. Как известно, в русском языке отрицательный ответ на вопрос, содержащий отрицание, также содержит отрицание: *Ты не забыл ключи? — Нет, не забыл.* А вот как отвечают на такие вопросы персонажи анекдотов: *Вы не играете на тромбоне? — Да. — Что да? — Не играю.*

Таким образом, в пространстве русского анекдота одним из способов создания комического эффекта является игра с ассерцией и негацией — утвердительными и отрицательными ответами на всевозможные типы вопросов.

Н. Б. Мечковская

ОТКАЗ: ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ ДИКТУМ И МОДУС В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ РЕАКЦИЯХ НА ПОБУЖДЕНИЕ?

0. О терминах теории коммуникации, существенных при изучении отказов. Когда в начале XX в. лингвисты стали исследовать не только язык, но и процесс общения, то заново открыли одну из самых глубоких идей европейской схоластики — различение диктума и модуса, объективной константы высказывания и его субъективной переменной¹. В каждом высказывании стали различать два содержательных пласта: 1) содержание, которое непосредственно относится к реальности, к «положению вещей» и является объективной константой сообщения; и 2) субъективную переменную сообщения — то содержание, которое заключает в себе точку зрения говорящего (его оценки, желания, интерпретации) относительно того «положения вещей», о котором он говорит. В современной традиции это противопоставление присутствует в разной терминологии: у Ш. Балли *диктум* и *модус*², в лингвистической философии — *пропозиция* и *пропозициональная установка*, в семиотике — (отчасти) в различении *семантики* и *прагматики*

¹ В одной из пионерских работ по теории коммуникации — в книге «Язык и жизнь» Шарля Балли (Женева 1913; русск. перевод — М., 2003) — указанная оппозиция представлена как различение в любом высказывании и даже слове объективного и субъективно-оценочного содержания; в 30-х гг. для обозначения этого бинама Балли использует термины средневековой учености *диктум* и *модус*. Термин *пропозиция*, также связанный со Средневековьем, распространился после статьи Бертрانا Рассела «О пропозициях: что они собой представляют и каким образом обозначают» (1919).

² При этом Балли видел в модусе «душу предложения», его «главную часть», «без которой вообще не может быть предложения» [Балли [1944] 2001: 44].

(после «Оснований теории знаков» Ч. Морриса 1938 г.)³. Различение диктума и модуса имеет ключевое значение при исследовании диалога — самого живого и естественного вида коммуникации, где роль субъективно-личностного («модусного») начала в общении особенно велика.

При изучении отказов представляется важным учесть две особенности данного вида высказываний: во-первых, отказы — это всегда «вторые реплики» в диалоге (Н. Д. Арутюнова), со всеми вытекающими последствиями для их формальной и семантической полноты и самодостаточности; во-вторых, отказы — это высказывания отрицательные. Подобно тому как большинство отрицательных высказываний представляет собой реакцию не непосредственно на «положение дел», а на некоторое утверждение [Арутюнова [1990] 1998: 665], так и отказ есть отрицательная реакция на побуждение, предпринимаемая, так сказать, в целях защиты существующего «положения дел» (нарушаемого высказанным побуждением).

1. Побуждение и отказ как конечные (стратегические) интенции регулятивного диалога. Побуждение может сопровождаться обоснованиями и другими речевыми и невербальными действиями, направленными на оптимизацию контакта (комплименты, улыбки и т. п.) или, напротив, на его ужесточение (ультиматумы, угрожающие жесты и мимика и т. п.). Все сопутствующие побуждению тактики, речевые ходы и речевые акты инициатора носят вспомогательный характер: обосновывая побуждение, они указывают, что действие адресата необходимо (*Это спасет меня*), или выгодно (*Тебе хорошо заплатят*), или осуществимо (*Ты справишься*), или имеет прецеденты (*Ваня уже сделал*), или общепринято (*Все так делают*).

Отказ, т. е. встречная отрицательная реакция на побуждение, также может иметь свою стратегию, в которой несогласие с инициатором, возражение ему, отрицание (неприятие) или опровержение его доводов (критика разного плана) — суть вспомогательные речевые тактики и ходы в стратегии отказа, в то время как собственно отказ есть кульминация и завершение сложного речевого действия.

2. Диктум и модус побуждения как частичные детерминанты отказа. Анализ семантики и прагматики отказа предполагает анализ позиции

³ Противопоставление *семантики* и *прагматики* в целом сложнее, поскольку в сферу прагматики входит модус не только говорящего, но и адресата, а также все аспекты их взаимодействия.

обоих участников ситуации, поскольку в анамнезе отказа лежит не только коммуникативная неудача инициатора, но и конфликт двух сторон — инициатора побуждения и отказчика. Такой анализ естественно начать с характеристики побуждения — его диктального и модусного слагаемых.

2.1. В зависимости от онтологии и семантики (диктума) действия, к которому говорящий побуждает адресата, различаются шесть основных типов побуждений.

2.1.1. Побуждение дать что-либо инициатору или 3-му лицу (3-м лицам) (навсегда или на время, одолжить, продать, дать напрокат и др.): еды, питья, денег, жилье, рубашку, книжку, инструмент, собаку, шофера, охрану и др.

2.1.2. Побуждение произвести действие, физическое или интеллектуально-психологическое, в интересах инициатора или третьих лиц (однако не речевые действия, адресованные инициатору; они составляют отдельный разряд 2.1.3): *построй дом, посади дерево, женись на Маше, покорми собаку, поймай рыбку, поговори с Иваном, сдай экзамен, пойдик врачу, объясни сыну, сообщи милиции, позвони родителям* и др.

2.1.3. Побуждение сообщить говорящему ту или иную информацию: рассказать (*Что там случилось?*), ответить на вопрос (*Когда ты придешь?*), высказать свое мнение (*Что ты думаешь об этой истории?*), оценку (*Тебе понравилось кино?*).

2.1.4. Побуждение разрешить, позволить говорящему совершить то или иное действие (*Можно я погуляю?*; *Ты не против, если я погуляю?*; *Разрешите мне уехать на неделю*).

2.1.5. Побуждение не производить то или иное действие (из перечисленных в разрядах 2.1.1–2.1.4), т. е. инициатор запрещает (или не советует, не рекомендует, отговаривает и т. д.) давать (*Не надо сдачи; Не давай ему денег*), делать (*Не помогай мне, я сам*), сообщать (*Не всё рассказывай, что знаешь*) или запрещает побуждать не совершать определенного действия (*Не пугай меня; Не указывай мне, что делать; Даже не пытайся уговаривать меня идти на футбол*). Отдельную подгруппу в разряде 2.1.5 составляют побуждения не быть в каком-либо физиологическом или психологическом состоянии (*Не мерзни!* (иногда с обоснованием рекомендации или с указанием на способ избежать нежелательного: *Оденься теплее* и т. п.); *Не бойся; Не волнуйся*). Особенность таких побуждений в том, что на них нельзя ответить отказом, который относился бы именно к состоянию (поскольку оно является произвольным и неконтролируемым), однако адресат может отвергать само побуждение (*— Не мерзни! — Да мне тепло*) или указывать на невозможность следовать побуждению (*— Не бойся. — Тебе легко говорить!*).

Побуждение не производить то или иное действие амбивалентно: являясь производным от побуждений первых четырех видов (т.е. наследуя их структуру), оно становится не ясным по семантике и прагматике, поскольку отрицание делает всю ситуацию открытой и непредсказуемой: ср. *Налей мне супу* и *Не наливай мне супу*); интенциональный и диктальный фон второй прескрипции не ясен. Если же речь идет о действии по отношению к 3-му лицу (*Не наливай ему супу*), то неопределенность возрастает еще больше.

2.1.6. Побудительные этикетные (сверхконвенциональные) клише, среди которых имеются модальные формы сообщений, побуждений и вопросов, однако их исконная модальность в той или иной мере редуцирована: *Будьте здоровы!*; *Звони, не забывай!*; *Разрешите вам представить NN*; *Будьте любезны...*; *Могу я вас попросить...?*; *Не хочешь с нами пойти? Еще кофе?*; *Как поживаете?*

Их общая этикетно-побудительная модальность связана с конвенцией, согласно с которой инициатор ожидает встречную этикетную реплику (иногда в сочетании с диктальной информацией): (1) *Поздравляю! — Спасибо*; (2) *Приветствую вас! — Здравствуйте*; (3) *Будьте любезны... — Пожалуйста*; (3) *Не хочешь с нами пойти? — Спасибо, с удовольствием (или: — Спасибо, но к сожалению, не могу)*; (4) *Как дела? — Нормально, а у тебя?*

2.2. Модусы побуждения произвести какое-либо действие (из представленных в разрядах 1–4) либо не производить действие (разряд 5) определяются взаимоотношениями коммуникантов и содержанием побуждения и представляют собой модально-семантический континуум, основные точки которого в общем (не терминологическом) словаре обозначены с помощью слов *мольба, просьба, совет, рекомендация, предложение, предписание, требование, приказ*, а оттенки между ними — с помощью словосочетаний (ср. «разновидности» *предложений*: *предложение взвешенное, встречное, выгодное, деловое, дипломатическое, жесткое, заманчивое, издевательское, интересное, казенное, лестное, мягкое, осторожное, партнерское, приемлемое, продуманное, торговое, финансовое, формальное*; *предложение начальства, предложение о капитуляции, предложение руки и сердца; предложение, от которого невозможно отказаться*; и др.).

3. Модусный континуум реакций на побуждение: от безоговорочного подчинения до полного отказа.

3.1. Полное согласие выполнить прескрипцию. Полностью позитивные встречные высказывания не отсрочены во времени от испол-

нения самого действия (*На!; Есть право руля!; Уже иду*), т. е. реплика сопровождает предписываемое неречевое действие. В тех случаях, когда адресата побуждали к сообщению информации, полное согласие выполнить прескрипцию или совпадает с речевым действием (в случае перформативов: — *Так и быть, обещаю!*), или непосредственно предваряет исполнение (*Мне легко сказать, что я думаю об этой ссоре: Ваня здесь оказался...*), или является имплицитным (*Дело было так: идем мы, как обычно...*). Целиком позитивные реакции на побуждение, как и полное согласие адресата с сообщаемым ему мнением, оценкой, как и его подтверждение какой-то информации, ведут к окончанию или свертыванию диалога.

3.2. Частичное послушание. В отличие от полного послушания, в ситуациях частичного выполнения прескрипции словесные реакции более разнообразны и образуют континуум, в конечных точках которого находятся «почти полное» послушание и «почти полный» отказ от выполнения: 1) небольшие (?) отсрочки исполнения (*Приду, но не сегодня*); 2) обещания (со своей градацией уверений по силе: от *Клянусь, до завтра всё сделаю, вот увидишь!* до *Завтра сделаю*); 3) принятие прескрипции с различными ограничениями относительно полноты исполнения (*Сделаю, но только свою часть*), объективных возможностей выполнения предписанного (*Пойду, если лед будет держать*) и т. п., а также с выдвижением встречных условий (*Утром деньги, вечером стулья; Приду, если декан позовет*). Условия могут быть невыполнимыми (декан не будет звать) или даже нереальными (декан не имеет отношения к той встрече, о которой идет речь); в таком случае цитированный ответ на предложение прийти (*Приду, если декан позовет*) — это отказ, близкий к ответу *Приду, когда рак свистнет*. Приведённый пословичный отказ, насмешливый или издевательский (что конкретизируется в зависимости от ситуации, в том числе взаимоотношений коммуникантов), — это уже полный отказ, причем не смягченный, хотя еще и не полярный случай отказа-агрессии.

3.3. Стилистические регистры полных отказов, их прагматические факторы и корреляты. Экспрессивно-стилистическая тональность полного отказа зависит от ряда факторов: 1) от степени эмоциональной вовлеченности адресата в конфликт (вызванный побуждением, которое адресату представляется «незаконным» и/или чрезмерным), что проявляется в степени экспрессивности (резкости) его отказа; 2) от диктума (содержания) побуждения; 3) от социально-образовательного статуса и возраста коммуникантов; 4) от степени иерархичности и вежливости в их взаимоотношениях (если такие отношения были до возникшего кон-

фликта), т. е. от возрастной и социальной дистанции между коммуникантами, от «вектора» вежливости — была ли вежливость позитивной (сближающей) или негативной (удерживающей дистанцию).

Высказывания, содержащие полный отказ, в совокупности составляют стилистико-прагматическую градацию, в которой можно выделить три основные группы отказов: 1) официально-деловые (книжные), как правило, характерные прежде всего для письменной речи; 2) неофициальные (разговорно-обиходные), устные; 3) фамильярные (просторечные и вульгарные).

Модальный континуум полных отказов (от мотивированных отказов-извинений до отказов-агрессий) дифференцируется в зависимости от прагматических характеристик отказа и его языковых маркеров: на одном полюсе вежливость, пространность, эмоциональная сдержанность, стремление уменьшить (смягчить) отрицательное впечатление от отказа, индивидуализированный выбор речевых средств; на другом — грубость, категоричность, краткость, экспрессивность, клишированность языковой формы отказа.

3.3.1. Отказ в официально-деловом общении. Официальный вежливый отказ (ср.: *В ответ на Ваше предложение принять участие в музыкальном фестивале «Энская весна-2007» сообщаем, что, ввиду запланированных на июль 2007 г. гастролей ансамбля в Липве, мы, к нашему сожалению, вынуждены отказаться от участия в фестивале*) смягчают такие компоненты и черты высказывания: 1) указание на причину отказа; 2) выражение сожаления; 3) указание на вынужденность отказа; 4) полнота, развернутость высказывания⁴.

3.3.2. Отказ в разговорно-обиходном нормативном общении. Высказывания со значением отказа, находящиеся в лексических границах стандарта, могут быть при этом достаточно резки и агрессивны, ср. *А при чем здесь я?; Не может быть и речи!; Ни за что!; Ни за какие коврижки!; Только этого не хватало!; Не впутывайте меня в эту историю; Обойдется!; Благодарю покорно! (ирон.); Только без меня!; Всю жизнь мечтал! (ирон.)*.

⁴ В современных руководствах по коммуникации, в пособиях и разговорниках учат гибким отказам, способным смягчить связанную с отказом напряженность. «В качестве альтернативы может использоваться отказ-перенадресация: „Я прекрасно вас понимаю и был бы рад вам помочь, но руководство запрещает мне (правила не позволяют мне)...“. Эта тактика формирует отношения солидарности между коммуникантами („мы с вами против системы“)» [Иссерс 2006: 242]. Организаторам конкурсов рекомендуется, сообщая участнику о его неудаче в конкурсном отборе, благодарить за участие, ободрять, вселять веру в будущий успех и т. п.

3.3.3. Отказ в просторечном и сленговом общении. В субстандартном стилистическом регистре высказывания со значением отказа более резки и агрессивны (чем в нормативной разговорной речи) вследствие именно лексической и лексико-семантической субстандартности: *Я в этом деле пас; Ни в жизнь!; Не приставай!; Отвяжись!; Даже не заикайся об этом; Отзынь!; Да пошёл ты!; А ну вас к бабушке!* и т. п.

3.4. Прагматический спектр полных отказов (от официально-вежливых и ласковых до агрессивных). Приведенное стилистико-прагматическое разделение (3.3.1–3.3.3) коррелирует со степенью вежливости и смягченности отказа (прежде всего благодаря наличию обоснований отказа) и (что, может быть, интереснее всего) со степенью содержательной (референтной) эксплицитности ситуации побуждения и отказа, однако при значимой частичной элиминации прямых маркеров отказа.

Чем более вежлив, смягчен и культурен отказ, тем более завуалирована его отрицательная суть (ср. письма-отказы в официальной переписке: *Принято решение воздержаться от публикации присланной рукописи; Мы вынуждены обратиться к другому специалисту; Желателен специалист, имеющий 3–4-летний стаж практический работы*). Ср. также устный отказ с полной элиминацией слов собственно отказа и вообще морфем или частиц с семантикой отрицания: *Мне очень жаль, но столько работы, просто ужас*.

Обоснование отказа, служащее его смягчению, может быть связано с разными содержательными компонентами (включаемыми в высказывания). Отказ может содержать опровержение той информации, которую инициатор использует для обоснования прескрипции: например, отказчик может отрицать истинность обоснования (*Ты преувеличиваешь, у меня нет свободных денег*) или справедливость (*Почему опять я должен ехать?*). Отказ смягчается также путем указания на непреодолимые трудности, о которых не знал (или умолчал) инициатор (*Я не успею, до утра уже не будет электричек; У меня температура; Меня там никто не станет слушать*). Судя по пословицам, собранным В. Далем, народ понимал ценность отговорок: *Добрая отговорка стоит дела*; при этом пословицы с неодобрением говорят о тех, у кого отговорок слишком много: *У него на все причина есть. У него на все отговорка готова*.

С рассмотренной стилистико-прагматической градацией коррелирует также количественный рост клишированных и фразеологизированных отказов, в том числе со свойствами идиоматичности: в обиходном общении их больше, чем в официальном, а в субстандартной речи, естественно, больше, чем в разговорно-обиходной литературной речи (см. пункт 4).

3.5. Эмоционально-прагматическая основа агрессивных отказов.

Агрессивные отказы связаны с эмоциональной вовлеченностью человека в конфликт. Адресат побуждения нередко испытывает негативное отношение к инициатору; это отношение могло быть давним, но могло возникнуть и «только что» — как реакция на побуждение, которое обернулось конфликтом интересов и, как следствие, — эмоциональным конфликтом сторон. Адресат может почувствовать обиду, возмущение несправедливостью или агрессивностью инициатора; почувствовать горечь или отчаяние от невезенья или от собственного бессилия в противостоянии инициатору; от невозможности выполнить то, к чему его побуждают; от неблагоприятных для себя последствий, вызванных отказом сделать то, к чему его побуждал инициатор; и др.

4. Онтология (диктумы) полных и несмягченных отказов. Полные отказы противостоят согласию / готовности выполнить побуждение частично, а смягченные отказы, в том числе полные, содержат то или иное обоснование отказа (см. выше, пункт 3). Таким образом, полные и несмягченные отказы — это самые категорические и решительные отказы; их основная коммуникативная среда — живое общение, преимущественно устное: литературная некодифицированная (разговорная) речь и субстандартные формы речи (просторечие, диалекты, сленг).

С категоричностью и решительностью полных отказов связано то, что в их содержании преобладает модус, обусловленный иллюзией отказчика — отказать сильно. Однако, с другой стороны, реплика отказа, как всякая вторая реплика в диалоге, зависит от инициативной реплики. Эта зависимость прежде всего диктальная (онтологическая, содержательная). Поэтому основные диктальные группы отказов соответствуют диктальным группам побуждений: это отказы «дать», «сделать, произвести действие», «сказать, ответить», «разрешить». Однако чем сильнее и энергичнее модус отказа, тем слабее в такой реплике диктальное содержание. Во многих случаях одна и та же клишированная реакция (например, *А почему это делать должен я?* или, тем более, междометие *Дудки!*) может быть отказом в ответ на побуждение «дать», «сделать», «разрешить»⁵.

⁵ Ср.: «Модальные реакции, равно как и реплики, связанные с модусом, сравнительно независимы от конкретного содержания сообщения. Они по своему стереотипны и легко стандартизуются, превращаясь в речевой штамп. <...> Напротив, нейтральные в модальном отношении реплики находятся в зависимости от бесконечно варьирующегося содержания сообщения, и это ограничивает возможность их стандартизации» [Арутюнова 1970: 47].

Для высказываний, выражающих полный отказ, характерна отчетливая и сильная тенденция к их фразеологизации. Эта черта объясняется двумя особенностями таких реплик. Во-первых, высказывания отказа существуют только в диалоге, причем именно как вторые реплики, вполне понятные в контексте ситуации и инициативных реплик и потому могущие (без ущерба для понимания) быть неполными и эллиптическими, т. е. такими, которые вне контекста оказались бы несамостоятельными и недостаточными. Во-вторых, в силу категоричности реплик полного и несмягченного отказа, для них характерна сильная модусность, с чем связано активное привлечение в такие высказывания языковых средств с оценочной коннотацией, стилистически маркированных и образно-экспрессивных. Таким образом, для реплик энергичного отказа характерны, с одной стороны, свернутость, сжатость формы, а с другой — выразительность. Это как раз те черты, которые способствуют развитию у свободных сочетаний слов свойств воспроизводимости (т. е. повторяемости в качестве готовых, клишированных оборотов) и идиоматичности (т. е. невыводимости или неполной выводимости значения целого из узуальной семантики компонентов).

Почти все реплики со значением отказа представляют собой предикативные единицы; в этом их главное отличие от фразеологизмов (как воспроизводимых неоднословных номинативных единиц). Реплики со значением отказа, в силу своей предложенческой природы, сближаются не с собственно фразеологизмами (номинативными средствами языка), но с синтаксическими фразеологизмами (коммуникативными несвободными средствами)⁶.

4.1. Отказы «дать». Фило- и отногенетически побуждения «дать» (и, соответственно, отказы «дать») — это, по-видимому, хронологически самые ранние акты регуляции поведения. Косвенное подтверждение этому можно видеть в том, что у Даля в сборнике «Пословицы русского народа» (1861/1862) подборка клишированных отказов «дать» и пословичных комментариев к таким именно ситуациям количественно превышает клише, относящиеся к отказам сделать что-либо. Поразительно, что в большинстве таких паремий отражены ситуации, связанные с едой

⁶ Фразеологизированные структурные схемы (противопоставляемые структурам обычных («свободных») предложений), по определению Н. Ю. Шведовой, представляют собой «образцы, в которых отношения между компонентами с точки зрения живых синтаксических связей являются немотивированными, т. е. не опираются на действующие в языке синтаксические правила» [Русская грамматика 1980/II: 85]. В структуре фразеологизированных схем часто имеется лексически ограниченный или даже закрытый компонент.

(иногда только в генезисе, но не актуальном употреблении): *Отошел, как нёсолоно хлебал; Только облизался; Поймал облизня* (т. е. отказ ⁷); *Поклонись да облизнись!; Облизнись да домой воротись!; Кукиш с маслом тебе; Дать кому киселя* (т. е. вытолкать коленкой); *Приди по обед* (т. е. после обеда), *а теперь хлеба нет; Теперь у самих нет, а съедим, так и вам дадим; Есть молоко, да доставать далеко; Этот квас не про вас; Есть сало, да про вас его не стало* и т. п.

Для характеристики крестьянского русского менталитета значимы также стоические и насмешливые осуждения «хотений» (в качестве источника побуждений «дать», а также «разрешить»): *На хотенье есть терпенье; Я хочу! — Ну и хоти, поколе не расхочешь; Мне хочется! — Погодим, авось расхочется; Мне хочется! — А мне хохочется* [Даль [1861/1862] 1957].

С развитием товарно-денежных отношений, распространением городской культуры побуждения «дать» сближаются с побуждением «дать в долг» или «дать с той или иной компенсацией» (напрокат, в обмен и др.). В то же время область действия побуждения «дать» все более ограничивается отношениями в малых группах (в семье, между соседями, детьми в классе и т. п.).

Клишированные отказы «дать» группируются вокруг нескольких логико-синтаксических моделей.

4.1.1. Модель «Фигу тебе под нос!» ⁸ с инвариантным значением 'получи вместо того, о чем просишь, нечто плохое или малое'. Модель реализуется в высказываниях с разными формами модальности, с чем может быть связана разная категоричность отказа и разная экспрессия, например, в побудительных по форме репликах ([*На*] *от козла уши!*), утвердительных (*Хрен получишь!*), вопросительных вариантах (*А фигу с маслом не хочешь?; А хи-хи не хо-хо?*).

4.1.2. Модель «Обойдешься!», с инвариантным значением 'ты вполне можешь прожить без того, о чем ты просишь; умерь аппетиты'. Варианты: *Переживешь!; Перебьешься*; в форме пословицы: *Обойдется цыганская свадьба без марципанов*.

4.1.3. Модель «А ключ от квартиры не хочешь?» с иронической готовностью дать значительно больше, чем просят. Есть утвердительные и вопросительные варианты: *Держи карман шире; А больше ничего не хочешь?*

⁷ Пояснения в скобках принадлежат В. И. Далю.

⁸ Основные источники иллюстративного материала: Белянин, Бутенко 1994; Даль [1861/1862] 1957; Даль [1880–1882] 1978–1980; Левикова 2003; Меликян 2001.

4.1.4. Модель «А морда не треснет?» с иронической заботой-предупреждением о плохих последствиях, возможных после получения того, о чем просьба. Есть утвердительные, побудительные и вопросительные варианты: *Больно жирно будет!*; *[Смотри,] морда треснет!*; *Смотри не подавись! Не подавись только!*; *А не подавишься?*; *А не лопнешь?*; *А не жирно будет?*; *А плохо не станет?*; *А не поплохее?*

4.1.5. Модель «Ишь чего захотел!» с инвариантным значением 'неодобрение желания инициатора'; повторяющаяся структурная особенность — наличие глагола в прошедшем времени: *Раскатал губы!*; *Мало ли кто чего захотел*; *Размечтался!*

4.1.6. Модель «Не проси!» с инвариантным значением 'перестань просить!'; реализуется в отрицательном императиве глаголов речи (*Даже не заикайся!*) и близких по смыслу фразах (*Не может быть и речи!*; *И разговора быть не может!*), в императиве глаголов со значением 'отстать, отделиться, исчезнуть' (*Отстань!*; *Сгинь!*; *Отзынь!*; *Не приставай!*) нередко в форме риторических вопросов (*Что ты привязался!*; *Что пристал как банный лист?!*).

4.1.7. Модель «— Дай одну! — Пойди ко дну!» — насмешливый отказ-дразнилка, выраженный рифмованным глаголом в императиве со значением 'делай что-то совсем другое' (иногда 'пропади, исчезни'); сейчас модель встречается преимущественно в детской речи.

4.2. Отказы «сделать». Вследствие разнообразия действий, к которым побуждает говорящий, клишированные отказы лексически более разнообразны, чем отказы «дать».

4.2.1. Модель «Всю жизнь мечтал(а)!» с иронической готовностью сделать больше, чем просят, или сделать быстрее: *Только об этом и мечтал(а)!*; *Бегу и падаю!*; *Спешу и падаю!*; *Сплю и вижу*; *Аж три раза!*; *Как раз!*; *Ага, разбежалась!*; *Разогнался!*; *Разбежался!* Есть вопросительные варианты: *А шкурки тебе не погладить?*

4.2.2. Модель «На кой черт?!» с утверждением ненужности дела (к которому побуждают) или необоснованности побуждения адресата со стороны инициатора, а также отсутствия желания выполнять эту работу даже за вознаграждение: *На кой дьявол?!*; *На кой леший?!*; *За каким чертом?!*; *На фиги?!*; *С какой стати?*; *Какого лешего? Какого рожа?* *Еще чего не хватало!*; *С какой радости?!*; *Была охота!* (ирон.); *Вот еще новости!*; *Больно нужно!*; *Очень нужно!*; *Ни за какие коврижки*; *Ни за 100 порций*; *Благодарю покорно!* (ирон.); *Делать мне (нам) больше нечего!*

4.2.3. Модель «Ищи дурака!» с инвариантным значением 'достойный человек не будет делать эту работу': *Нашел дурака!?*; *Что я, лысый!*; *Я что, ёжик, чтобы...;* *Я тебе не негр*; *Слуга покорный!* (ирон.). Ср. диа-

лог у М. Жванецкого: «— Я сказал — полный вперед! — Это на такой зарплате — полный вперед? Ищи другого идиота!» («Менеджерам России»).

4.2.4. Модель «Размечтался!» ('напрасно надеешься, что я это сделаю') с инвариантными семантическими компонентами 'неодобрение намерения инициатора побудить к работе адресата' и 'намерения инициатора не будут выполнены', иногда с ироническим одобрением или локуций адресата, при этом одобрение на самом деле означает осуждение: *Мечтай!; Мечтать не вредно.*

4.2.5. Модель «И не подумаю!» с инвариантным значением 'даже не начну делать': *И пальцем не пошевелю.*

4.3. Отказы «сказать, ответить». Русские клишированные отказы ответить в своем большинстве принадлежат XX веку и более позднему времени (за исключением модели 4.3.1).

4.3.1. Модель «Не могу знать!» с инвариантным значением, совпадающим со значением приведенного образца (который представляет собой предписанный российским / советским армейским уставом ответ младшего по званию на вопрос старшего, если младший не знает ответа). У Даля [Д, 1979: 523] есть дериват *немогузнайка* 'кто на все отвечает: *Не могу знать*'; бестолковый, беззаботный, неисправный или уклончивый человек' и народная сентенция: «*Немогузнайка себе на уме*». К этой же модели относятся клише: *Не моего ума дело; Это меня не касается; Это не моя забота* и т. п.

4.3.2. Модель «Не твоё дело!» с инвариантным значением 'запрашиваемая инициатором информация его не касается'. Примеры: *Не твоего ума дело; Не все тебе знать; Не суй свой нос в чужой вопрос; Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.*

4.3.3. Модель «Много будешь знать — скоро состаришься» с инвариантной идеей ненужности или вредности знания: *Меньше знаешь — крепче спишь.*

4.3.4. Модель «Куда? — На кудыкину гору!». насмешливый отказ-дразнилка, представляющий собой эхололическое и рифмованное повторение вопроса: (1) — *Где?* — *У тебя на бороде*; (2) *Кто?* — *Конь в пальто!*; (3) — *Кто?* — *Дед пихто!*, (4) *Почему?* — *Потому!* (Вариант ответа: *Потому что кончается на -у*); (5) *Откуда* — *От верблюда!* (восходит к стихотворению К. Чуковского «Телефон»).

4.3.5. Модель «Большой секрет!» со следующим инвариантным значением (часто шутивным): 'запрашиваемая информация ценна, и я не хочу ее сообщать'. Примеры: *Военная тайна!; Коммерческая тайна!; Мой ответ денег стоит!; Ишь чего захотел! А ты сам разузнай!*; иногда по-английски: *Top secret!*

4.4. Отказы «разрешить, пустить; согласиться». В русской ментальности, так сказать, «нормальное положение шлагбаума — закрытое». Даль в изобилии приводит перестраховочные (хотя и шуточные) паремии, которые свидетельствуют о том, что люди склонны скорее не пускать, чем пускать: *Мало ль можно чего, да не для чего; Мало ль чего можно (бы), да нельзя; Чего нельзя, того не можно; Оно бы и очень можно, да никак нельзя*. Эта русская деонтическая модель позже была осознана как «советская» (*Если нельзя, то нельзя; а если можно, то всё равно нельзя*), в отличие от «британской» (*Если можно, то можно; если нельзя, то нельзя*) и «французской» (*Если можно, то можно; а если нельзя, но очень хочется, то все-таки можно*). Впрочем, Даль приводит паремию и «французской» модели: *Нельзя, нельзя — а всё можно* [Даль 1979, II: 522]. В XX в. появилась такая решительная формула отказа «разрешить», как *Только через мой труп!*

5. В репликах отказа модус более существен, чем диктум. Для инициатора (побуждающей стороны) отказ есть коммуникативная неудача, которая является одновременно и неудачей в конкретной жизненной ситуации — попыткой, которая не удалась. Для отказчика с его речевым действием отказа связано психологическое напряжение: он в той или иной мере портит отношения с инициатором, но, если он идет на отказ, это означает, что он не может / не хочет / не умеет выполнить побуждение инициатора. Для обеих сторон ситуация отказа есть конфликт со своими последствиями.

Диктум реплики отказа определяется диктумом побуждения: пропозициональная (референтная) суть у них одна и та же: *Дай хлеба! — Не дам*. Модус отказа определяется с двух сторон: со стороны инициатора и со стороны отказчика, и именно их взаимодействием. В аспекте детерминации отказа со стороны инициатора существен как диктум побуждения, так и его модус, при этом в одних ситуациях приоритетным может быть диктум⁹, а в других — модус¹⁰. В аспекте детерминации

⁹ Например, когда незнакомые между собой коммуниканты выступают в чисто ситуативных и шаблонных ролях: — *Не скажете, как пройти на Красную площадь?* — *К сожалению, не знаю, я тоже приезжий*.

¹⁰ Как, например, в диалоге между 6-летней девочкой и ее матерью: — *Ма, дай денежку на Барби, она в таком комбинезончике...* — *Отстань!* Отказ матери — целиком модусный; взятый вне контекста, он не позволяет понять, каков диктум отказа: реплика *Отстань!* может быть реакцией на все основные виды надоедливых побуждений: на побуждение «дать», «сделать», «разрешить», «ответить».

отказа со стороны отказчика существенны два момента: во-первых, взаимоотношения коммуникантов, что определяет степень психологической, этической и юридической правомерности, обычности побуждения; при этом чем меньше правомерность побуждения, тем скорее в отказе будет преобладать модусная (модальная и экспрессивная) реакция на модус¹¹; во-вторых, для характера отказа (с учетом позиции отказчика) существенно, как соотносятся содержание побуждения (его диктум) и реальные жизненные обстоятельства, в которых находится адресат побуждения и в которых он решает, выполнять побуждение или отказаться, выполнять полностью или частично и т. д. Чем «тяжелее» побуждение (если его выполнение требует чрезмерных, с точки зрения адресата, усилий, времени, средств) и одновременно чем менее оно «законно», тем скорее отказ будет полным и тем сильнее будет в отказе негативный модусный компонент.

В силу конфликтности ситуации полного отказа, в живом общении в репликах отказа преобладает (или занимает значительное место) модусное содержание. Сильный модус отказов в соединении с их статусом второго (реплицирующего) высказывания в диалогических единствах обусловил то, что для реплик отказа характерна структурно-семантическая свернутость, эллиптичность и экспрессия, с чем связано обилие в разных языках клишированных (фразеологизированных) выражений отказа; при этом такие выражения сохраняют «след» диктума побуждения, вызвавшего отказ. Существующие в языках модели модусно насыщенных отказов представляют значительный когнитивно-эвристический интерес: они позволяют понять, какие побуждения и почему воспринимаются людьми отрицательно.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1970 — Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке / Филологические науки. 1970. № 3. С. 44–57.
- Арутюнова [1990] 1998 — Арутюнова Н. Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора / Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 660–668.
- Балли [1944] 2001 — Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001.
- Белянин, Бутенко 1994 — Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений (1929 статей, 2558 единиц). М., 1994.
- Даль [1861–1862] 1957 — Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.

¹¹ Ср. разговор между двумя соперничающими студентами при неожиданной встрече у общих знакомых: — *Что ты здесь делаешь?* — *А ты что, мент?*

- Даль [1880–1882] 1978–1980 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978–1980 [факсимиле издания 1880–1882 гг.].
- Иссерс 2006 — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
- Левикова 2003 — *Левикова С. И.* Большой словарь молодежного сленга. М., 2003.
- Меликян 2001 — *Меликян В. Ю.* Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М., 2001.
- Русская грамматика — *Русская грамматика*. Т. II: Синтаксис. М., 1980.

ОБ ОТРИЦАНИИ В КОНТЕКСТЕ СЧАСТЬЯ И ПЕЧАЛИ

Когда человек покидает этот мир, уходит его язык. Необратимо меняется идиолект осиротевшей семьи. Осознание этого — в горестном опыте — пришло к автору после потери мамы (2004 год). Возникла потребность по возможности запечатлеть отзвучавший язык семьи, а через него саму фактуру подаренного и утраченного счастья, драматизм судьбы. После потери прежний язык и особенно языковая игра существуют лишь в цитации, в мысленном обращении ко времени, когда все были живы и сознание не испытало самого страшного.

По памяти собран файл домашних высказываний, почти 8 тысяч записей [Семенова 2006; 2007]. Многие высказывания выплывали лишь месяцы (и даже годы теперь уже) спустя после удара. Больше всего в файле высказываний ушедшего человека, но не только. Записываются говоренные в душевном комфорте реплики оставшихся членов семьи, воспроизводившиеся в семье колоритные высказывания знакомых, звучавшие дома пословицы, крылатые стихотворные и песенные строчки, пародировавшие идеологические клише разных эпох, бережно цитировавшие мамой высказывания бабушки, которым уже тогда была присуща виртуальность. В файл собирается все, что имеет в памяти звуковой образ — в голосах, интонациях, часто в игровых фонетических искажениях. Есть некоторое количество повторов; повторы пока не сводятся, они служат свидетельством достоверности воспоминаемого. Есть повторы высказываний с изменением порядка слов — видимо, фрагмент звучал не раз и в обоих вариантах. Записи не сортируются, идут в порядке вспоминания; файл стал протоколом потока памяти.

Ушедшая языковая игра представляется сейчас текстовым доказательством того, что было счастье — иначе в ней не было бы постоянной потребности. Вначале в файл записывались только игровые единицы — каламбуры, обороты, домашние прозвища, экспромтные номинации, шуточные диалоги, «неканоничная фонетика». Потом добавились отрывки обыденной речи и звучавшее серьезное, тревожное, печальное. Комментарии «на злобу дня», просьбы, медицинские опасения, заветы.

Что можно сделать в ситуации потери? По-видимому, только переосмысливать и записывать, по возможности фиксировать ушедшее. В такой деятельности у лингвиста как у человека пишущего, быть мо-

жет, чуть больше навыка, чем у людей других профессий — некоторое «преимущество» в диалоге с БЕЗМОЛВИЕМ.

Наряду с лексическим файлом записывается хроника жизни семьи — по годам, начиная с 1978 г. — года смерти бабушки, маминой мамы, и до последнего маминго утра (6 марта 2004 г.). Это прожитое, длиной в 26 лет, встает перед глазами с неожиданной степенью детальности; наиболее насыщенные событиями периоды вспоминаются буквально по дням. Летопись ведется, конечно, прежде всего с целью мемориальной, личной. Но представляется, что она могла бы найти некоторый отклик и в читательской среде, в научном сообществе. Ведь судьба конкретного человека неизбежно отражает историческую эпоху (в нашем случае сначала 1980-е гг., тонкие и разногранные, затем 1990-е — «смену формаций», а затем шквальное для уже подорванного здоровья начало 2000-х). В хронике хотелось бы воссоздать личность ушедшего человека и его сложный опыт, который мог бы быть полезен живущим. Опыт преодоления болезней, личностного возрастания, самоотвержения. Хроника — это и попытка ответить на извечный риторический вопрос: «На что ушла жизнь?!»

Вернемся к файлу высказываний. Конечно, ушедшее семейное словесное творчество имеет черты и индивидуальные, и общие, сходные с тем, как говорят в других семьях — этой эпохи и социальной принадлежности. Тем самым, файл в определенной мере также мог бы служить общей задаче (и социолингвистической, и психолингвистической) изучения семейной речи — речевой деятельности, в которой человек наиболее коммуникабелен и естественен.

Как определить место данного файла по отношению к другим подобным материалам языковедческих исследований? В чем он им подобен, с какой проблематикой связан? Непринужденное речевое творчество традиционно притягивает к себе внимание исследователей; известными работами конца XX в., посвященными русской разговорной речи, являются [Земская и др. 1981] и [Земская 1983], и многое звучавшее в семье служит иллюстрацией отмеченных в них явлений — речевых масок, приемов балагурства, каламбуров, неузуальных употреблений и другого. Проблема соотношения языка и памяти как глобальных феноменов поднималась в работах, выполнявшихся в русле логико-лингвистических исследований; в [Дмитровская 1991] отмечается созерцание прожитого прошлого двояким «я»: «я» тогдашним и «я» теперешним; обнаружение в себе этого раздвоения оказалось неизбежным при ведении как файла, так и хроники. Особенности современной русской семейной речи посвящены работы [Занадворова 2000; 2001 и др.]. Содержание файла име-

ет сходство с собранием фрагментов транскрибированной речи [Китайгородская, Розанова 1996], где зафиксированы речевые особенности носителей из разных социальных групп в разных речевых ситуациях. Файл и хроника перекликаются и с так называемым эго-текстом (текстом, написанным человеком о самом себе с субъективной точки зрения); эго-текст с различными его малыми жанрами подробно анализируется в [Михеев 2007]; из приведенных в этой монографии жанров наиболее близкой представляется домашняя письменность. Вопрос об изучении лексики физического страдания (как собственно русской, так и в сравнительном ключе) недавно был поставлен в [Бонч-Осмоловская и др. 2007]. Что касается электронной формы, то в связи с развитием компьютерной лексикографии и корпусов в последние годы активизировался вопрос о разного рода электронных коллекциях разговорной речи [Кобозева, Захаров 2004; Беликов 2006; Гришина 2007]. В случае с рассматриваемым файлом значимо, что виртуальная среда способна совместить две функции, научно-информационную и мемориальную — служить и средством доступа к коллекции (нейтральную, наименее личную часть файла предполагается представить в Интернете), и памятником отзывчившему.

От четверти до трети записей файла содержат разного рода отрицание. Этот материал хотелось бы охарактеризовать далее — с точки зрения свойств разговорной речи и с учетом семантики говорившегося. Приведем некоторые случаи отрицаний.

Например, отрицание в общем вопросе. Известно, что если общий вопрос содержит *не* перед предикатом, то он отягощен некой модальностью, дополнительной по сравнению с чисто информационной, некими специфическими установками спрашивающего. В семье эта форма была подчас свидетельством эмоционального накала: *Ты как? Не легче? Не получше?* Такое *не* было выражением робкой надежды, страха лишиться надежды. И в других ситуациях, например если долго не звонил кто-то из друзей, в вопросе с отрицанием тоже звучала тревога: *Не случилось ли чего? Не* в общем вопросе бывало и в контексте эмоционально нейтральном, но когда, например, все-таки была коммуникативная установка на отрицательный ответ: *Радио не слушала? Что в мире «деется»?* (Мама уверена заранее, что автор не слушал. Утвердительная форма в таком вопросе могла бы означать другое — например, что она знает о каком-то важном событии, которое должно было быть освещено по радио).

В бытийной, утилитарной ситуации утвердительная и отрицательная формы почти синонимичны: *Есть хочешь?* или *Устала?* мало от-

личается от *Есть не хочешь?* и *Не устала?*, только в варианте с отрицанием больше заботливости, встревоженности, единения.

Утвердительная форма свойственна, например, состоянию покоя, душевного комфорта, иронии; она звучала в ситуациях, когда ответ очевиден. За ужином: *Ну, наелись?* И в частой второй фразе — отрицание, но лишь формальное, которое нейтрализуется подкванторным словом с отрицательной семантикой: *Вы не голодные?*

Только утвердительная форма может быть у вопросов-обращений за разрешением в прескриптивном диалоге: *Я шоколадку украду?* [из собственного холодильника] — *Укради, укради, только мне не давай, а то у меня будет диабет!*; или в вопросах-констатациях того или иного положения вещей: *Ты уже вскочила? Ты совсем не спишь!*

Отрицательная форма была невозможна, например, в вопросе автора, заданном перед последней поездкой на «Диалог», в 2003 г.: *Ты сможешь без меня пять дней?* — *Я всё смогу, моя Россия!* Этот вопрос невозможно было не задать, без него нельзя было уезжать, и невозможно было отрицательной формой заронить сомнение, даже показать дорожному человеку, что допускаешь это сомнение в себе.

В разговорном потоке, эмоциональных репликах, уговорах, убеждениях, просто в общении отрицание выступало средством перефразирования, семантического повтора (или почти повтора), средством малого развития предыдущей части, добавления фразы с небольшим приращением смысла. Например, про одну знакомую, с иронией: *Она любит молодых, она стариков не любит!* Или упрек, что автор долго не приходил обедать: *У тебя, наверно, весь желудок спится уже от голода! Там уже никакого желудка нет!* Или утешение: *Многие в таком положении, не ты одна!* Такое отрицание — как инструмент почти тавтологии или минимального развития — было в и счастливой «болтовне», в приговаривании: не просто «Ты моя», а *Ты не чья-нибудь, а моя! Личная!* Было в ироничной речи, клишированной, видимо цитированной: *Вон как у нас! Не как у вас!* Бывало с игровыми искажениями, под просторечие: *Тапереча не то, что давеча!*. Звучало в несбывшемся: *Живы будем, не помрем!*

В той же функции малого развития смысла выступал и позитив после негации: например, в упреке и в выражении досады, что забыли что-то нужное сделать: *Никто не напомнит! Всё одна голова должна думать!*

Конечно, при смене модальности (с плюса на минус и наоборот) развитие смысла от первого ко второму предложению бывало и существенным, например содержательным пояснением первой фразы:

Отойди, ты не стеклянная! (значит, загораживаешь свет); *Не горюй! Жизнь такая короткая!* (т. е. не расстраивайся по пустякам, не порти эту жизнь пустыми огорчениями).

В фатическом дискурсе, в репликах счастья, в веселой домашней цитации отрицание могло десемантизироваться, как десемантизировалось порой и всё высказывание, произносимое просто ради звучания. Например, про дачные дела: *Тачку убрал? — Грязной тачкой рук не пачкай!* (Этот ответ означал: «Да, убрал, не забыл, не волнуйся!»). *Идите ужинать! — Ужин не нужен, был бы обед!* (Конечно, на самом деле ужин был нужен.) *Ешь кашу! — Кашу маслом не испортишь!; Съешь печеного яблока! — Не учи ученого, съешь яблоко печеное!* (Ответы — веселые ассоциативные отклики на кашу и яблоко). Или, например, пародия на известное клише: *Идите обедать! — Кто не обедает, тот не ест!* Пример с недоцитированным отрицанием: *Зонтик взял? — Рыбке зонтик в ненастную погоду!* (= да, взял, спасибо, что напомнила). В подобных репликах отрицание часто появляется просто ради рифмы. Рифма с отрицанием может служить своего рода литературным приемом малого развития смысла: *Ты мое дитя, и нет тебе пути!* (наличие / отсутствия пути в данном случае малоактуально; отрицательная часть присоединяется почти исключительно для рифмы); обращение к соседскому ребенку: *Андрюшка-без-брюшка* («отсутствие брюшка» тоже служит для рифмы, но некоторую (малую) семантическую нагрузку оно всё же несет — мальчик худенький). В целом такие десемантизированные высказывания (вместе с интонацией) обретают роль кода, передающего один, обобщенный смысл душевного уюта, доброго юмора.

В оборотах, конструкциях *не* способно выступать как выражение утверждения, подтверждения, употребляться для усиления утвердительного смысла (или утвердительной части) высказывания: *Не говори, подружка!* (= Да! Я с тобой согласна!); *Не прошло и года!* (= Почти год прошел, как начали некую затянувшуюся работу и только сейчас ее закончили!); *Не думай, дома так тяжело!* (= Дома действительно тяжело; тяжелей, чем на работе). *Вода холодная, невозможно!* (= Вода настолько холодная, что сводит руки). *Нет таких слов, чтобы выразить, как я тебя люблю! Нет таких слов!*

Во фразеологизмах (и общеупотребительных, и семейных) *не* обрело смысл аксиологической оценки. Например, отрицательной («нехорошо», т. е. «плохо»): *Не фонтан!; Это тебе не фунт изюму!; Не Бетховен!* (Последнее — про какой-нибудь шлягер по радио, состоящий «из одной ноты»); *Не по Шелтону!* (про пищу, в которой намешано

много ингредиентов). Или, наоборот, оценки положительной («неплохо» (не самое плохое), т. е. «хорошо»): *Не зима!* (То есть на улице не слишком холодно, не простудимся); *Это еще не конец света!*; *От этого еще никто не умер!* Очевидно, что дело в оценке сущности, стоящей под оператором отрицания, а сам оператор переворачивает оценку на противоположную. Конечно, аксиологичны не раз звучавшие ироничные обороты, риторические фигуры: *Надо хуже, да нельзя!*; *Лучше некуда!*

Аксиологическая оценка ([еще] «не самое плохое») воплотилась в одном памятном высказывании последней осени: *Что ты всё расстраиваешься?! Ведь все ещё живы!* Формально здесь отсутствует не; оно замещено другими средствами выражения негации.

В речевом семейном творчестве отрицание также служило инструментом шутильной интерпретации разных житейских наблюдений, прежде всего негативных. Например, про новое блюдо: *Очень вкусно, но больше так не делай!* О том, что кругом много неподлинного, фальшивого, что везде недовложения: *При [этих временах] соль не соленая и сахар не сладкий!* Про человека, казавшегося личностно невзрачным: *как министр без портфеля!* Шутильное самодовольное менторство автора, стилизованное под персонажа, подобного Козьме Пруткову: *Не надо работать за природу!* (мол, не отжимай белье, оно само стечет). Вот другая нарочито вульгаризованная реплика — в ответ на замечание, что вода не слишком чистая: *Ничего нет чище воды!* При комментировании ситуаций привлекался фольклор, и классический, и советский: *На те, Боже, что нам негоже!*; *Телевизор КВН: Купил, Включил — Не работает.*

Фразеологизмы, обороты, пословицы изобилуют отрицаниями; отрицание информативно, оно составляет коммуникативный и эмоциональный фокус высказывания: *ни уму ни сердцу; ни складу ни ладу; ни с какого боку; ни сном ни духом; ни заботы ни печали; ни на какой козе не подъедешь.* Любимы, например, были пословицы, где отрицание выражает грустную сторону обыденного знания — о вероятностности этого мира, об иллюзорности человеческих возможностей: *Насильно мил не будешь; Загадала баба с вечера, утром встала — делать нечего!*; *Загад не бывает богат!*; *От тюрьмы и от сумы не зарекайся!*

Если к срыву какого-нибудь задуманного дела возможно было отнестись с юмором, то любили цитировать советскую классику: *Кипа не будет; Недолго музыка играла.* В подобной ситуации поминалась и фраза из давней передачи «Вокруг смеха»: *Косой на связь не вышел!* Какую-нибудь необычную, но в то же время нетрагичную ситуацию комментировали: *Старожилы не помнят!*

В файле много высказываний, выражающих отрицание, но формально не имеющих *не*; частица заменена другой лексикой или конструкцией с отрицательной семантикой (эти замещающие элементы здесь подчеркнуты). Коммуникативные намерения высказываний разные. Например, мягкий домашний запрет в форме риторического вопроса: *Что ты? Разве можно?* Упрек: *Можно подумать, что у тебя семеро по лавкам сидят!* (т. е. что тебе абсолютно некогда собой заняться). Стремление приободрить: *Хватит кашлять!* Отказ: *Пойдем в кондитерскую?* — *Иди, а я здесь постою* (о противопоставлениях речь пойдет и ниже). Комментарии, по большей части печальные: *изобразить видимость бурной деятельности*; *Полное отсутствие всякого присутствия!*; *Ну, как сходили [в поликлинику]? — По нулям!*; *Спихотехника!* (про стремление врачей «спихнуть», «отфутболить» тяжелого больного); *Концерт окончен!* (про конфузливо-неудачный исход какого-нибудь мероприятия); *От чего ушел, к тому придешь*; *Каждый только себя понимает!*

Привычны были реплики шуточные: *Запомитай вкус!* (когда заканчивалась какая-нибудь вкусная сезонная еда); *плотник-теоретик*; пародийные: *без толку*, *без «чуйств»*, *без расстановки*. В приземленных домашних ситуациях часто обыгрывались идеологические клише разных прожитых эпох, в том числе содержащие явный или скрытый компонент негации: *ЧК не дремлет* (о маминой наблюдательности); *социализм в основном построен* (о какой-нибудь недоделанной домашней работе); *зато демократия* (о нищете, антисанитарии, трамвайном хамстве и т. п.).

Отрицаниями без формального *не* изобилуют звучавшие фольклорные фразы: *Пустота — шаром покати!* (и с фонетикой: *Шар котится!*); *Понял больше половины* (= ничего не понял); *Ясно, как в тумане*; *на блюдецке с голубой каемочкой* (про что-то нереальное); *Век живи, век учись, дураком помрешь*; песенная цитата: *Где ты раньше был, целовался с кем?!* Близка к этой группе и нарочито неправильная фольклорная реплика: *Это было давно и неправда*.

В подобных репликах отрицание, а именно оно важно и составляет цель высказываний, зачастую содержится в имплицатурах, быть может, не одноступенчатых, и как раз дальние ступени наиболее точно раскрывают вкладываемый смысл: *Каждый только себя понимает* ⇒ не понимает других ⇒ не понимает тех, кому *тяжелее*, чем ему самому; *дураком помрешь* ⇒ всему невозможно научиться ⇒ всё невозможно *предусмотреть*.

«Нижняя граница» отрицания не всегда ясна. Например, можно ли считать, что оно содержится в излюбленной горестной поговорке:

Были когда-то и мы рысакими? То есть рысакими были раньше, а сейчас уже **не** рысаки. Что в этом высказывании коммуникативно более важно, положительный факт прошлого [прямая интерпретация] или грустное положение вещей в настоящем [импликатура]? Возникает вопрос, как в плане прагматики связаны идея негации и грамматическое время, отличное от настоящего. Для пословицы *Хорошая мысль приходит опосля* отрицание усматривается именно в имплицатуре (хорошая мысль вовремя **не** приходит), и импликатура явно более значима, чем исходное «положительное» утверждение. Обращает на себя внимание двойственная сущность отрицания, сходство его с известной дихотомией «объект-фон», когда важно, как «посмотреть» на описываемый факт; если отрицается некое положение вещей, то утверждается противоположное ему; из констатации положительного факта в прошлом или будущем может выводиться негатив в настоящем.

Отрицание с перефразированным *не* не обошло и тему, особо горестную и значимую: *Мы здесь гости!*; *Хоть бы мне взглянуть одним глазком, как ты будешь без меня!*

В файле много противопоставлений (которые можно рассматривать как отрицания особой структуры — конструкции, связывающие части с антонимичным значением). В противопоставлениях особо памятно нравственное, материнская совесть и жалость: *Я себя преступником чувствую: ты работаешь, а я отдыхаю...; Она всё только мне покупает, а себе ничего!*; *Уж я не то, что вы — два кацея!*

Звучали и шуточные оценки, выражаемые противопоставлениями: *Не врачи — писатели!*, и ироничный фольклор: *Не жизнь, а малина!*; *Во работа — не пыльна, а денежна: Мужикам коров доить, бабам на собрание; У меня болезнь мигрень: есть хочется, а работать лень; Нос вылез — хвост завяз.* Цитировалась бабушкина фраза, когда она изображала торговца, расхваливавшего свои фрукты: *Сам бы ел, да деньги нужны!* Когда кто-нибудь в семье в оживлении начинал что-нибудь сущее (в том числе не съедобное) нахваливать *взахлеб*, другой счастливый собеседник иронизировал: *Сам бы ел, да...*

Хотелось бы также, отвлекаясь от лексики и конструкций, обратиться к бытийной, онтологической стороне высказываний, к тому, **что** отрицается в отрицании, и соответственно, **что**, наоборот, утверждается, какие иллюкативные цели ставятся.

Значим контекст **заботы** — главной стороны бытия ушедшего человека, а в заботе неизбежны **предостережения** (самой разной степени важности): *Смотри, паспорт не потеряй!*; *Не пугайся, я сейчас муху*

ударю!; Не ешь с пожа! Порежешь слизистую! Слизистая совсем не заживает!; Никогда не вставай на табуретку!; Зажги свет! Не надо в темноте, а то ослепнешь!; Береги сердце! Не доводи себя до моего состояния! В заботе звучали **просьбы-упреки**: В день яблока не съест!; Ты совсем не отдыхаешь!

Мучает домашняя **рутина**, и констатируется, что **нет** в ней про-света: Я за день не прилегла!; Я опять неделю не выходила на улицу — всё дела...; Делаем, делаем, а деланого не видно; Братцы, за что мне братья?!

Звучат **упреки**: Все по принципу: «Ничего не будет!»; Не знает — и будет доказывать!; Вы, два кандидата! Ни одна ручка не пишет, нечем телефон записать!; Ничего к тебе хорошего не прививается! (Противоположен по настроению кокетливый, пародийный упрек автора — в сладостном контексте счастья: Ты совершенно не следишь за моим варе-е-еньем! (за тем, чтобы варенье было на столе) — Ну, какого тебе варенья? — ВкусноВА! — Хочешь вишню?)

Ситуация **досады**, «ворчание» — если падал со стола кусок хлеба и прочего: Не повалявши, не поест!

Грустные **размышления** «о времени и о себе»: У человека ничего нет, кроме детства!; Как все постарели! Себя не видишь...; Что время с людьми делает!; Теперь всё надо самим уметь! Надо самому себе быть и слесарем, и плотником, и сапожником! Двадцать первый век! — Да, единственное, что человек не может — сам себе зубы пломбировать!; Сделали, чтоб люди носились по рынкам, где подешевле — пока ноги не переломают; Рельсы украли — лечь не на что; Дивиденды — держи карман шире! Игра на полисемичном местоименном слове ничего (у которого основное современное значение 'не плохо', но возможно противоположное значение 'не хорошо'): Ты как? — Ничего! Настолько ничего, что дальше некуда! Часто цитировавшаяся в последние годы радиочитата из стихотворения А. Дементьева: «Никогда ни о чем не жалеете вдогонку...». Почему эта строка так запала в душу уходящему человеку?

Особое, трагическое звучание обретает (прямое или перефразированное) не болезни, немощи, симптомов, физического страдания: Не ложись на левый бок! [из-за сердца] — Я немножко, отдохну...; Ты как? — Да всё никак не улягусь!; Ты как? — Не спится, няня!; Ты как? — На двойку!; Я совсем развалилась!; Я совсем не человек!; Одни перебои! Сердце совсем не работает!; Душно! Сердце останавливается!; Пойдешь [на улицу] — открой у меня форточку, а то нечем дышать!; Сейчас упаду и умру, так устала...; Не могу себя уговорить...

Комментариев на медицинские темы было немало, как с иронией, так и без: *Давление космическое — 120/80!; В больнице нужно здоровье!; Как тебя беречь и приумножить? — Уже не приумножишь, хуже бы не было!; Учти, ты моя жизнь!! — Твоя-то твоя, но я не вечная, не от меня зависит...* Горестная пародия на старый еврейский анекдот: *Вы, конечно, будете смеяться, но у меня опять приступ!* [сердечный]. Про некоторых врачей: *Не хотят иметь дело с таким тяжелым и опасным больным!*

Не служило свидетельством поступи рока и в других судьбах, судьбах близких: *Ира напоследок говорила, что не может выносить людской болтовни.* Давний сосед бабушки, некий Пяткин, оставил после себя фразу: *«И что будет, когда Пяткина не будет?!»*

Отрицание — это и поведенческое, нравственное кредо, а значит, в данном случае оно помогает ощутить личностную меру ушедшего человека: *Лучше пусть будут перед тобой виноваты, чем ты виноват!; Хуже нет себя жалеть!; Это счастье, когда некогда; Если я не умею, я никогда не скажу, что умею!; Не оставляй ошибок! Как ошиблась, так сумей и исправить!; Не дай бог у тебя будут такие приступы! Тебе не выдержать! Это только я могу!; Меня никто не собьет — я убежденная!*

Не в форме императива выражает и просьбу, и мольбу, и совет, и завет. Вот одно из таких человеческих не — самоотверженный завет, который невозможно выполнить: *Не надо так меня любить!* Объяснение не было высказано явно, но оно открылось **после**: иначе слишком трудно расставаться.

ЛИТЕРАТУРА

- Беликов 2006 — Беликов В. И. Словарь «Языки русских городов»: подбор примеров и Интернет // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.). М., 2006. С. 57–60.
- Бонч-Осмоловская и др. 2007 — Бонч-Осмоловская А. А., Рихилина Е. В., Резникова Т. И. Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.). М., 2007. С. 76–82.
- Гришина 2007 — Гришина Е. А. О маркерах разговорной речи (Предварительные исследования подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка, www.ruscorpora.ru) // Там же. С. 147–156.
- Дмитровская 1991 — Дмитровская М. А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 78–85.

- Занадворова 2000 — *Занадворова А. В.* Прозвища и обращения в семейном речевом общении // *Русский язык сегодня*. Вып. 1. М., 2000. С. 260–275.
- Занадворова 2001 — *Занадворова А. В.* Цитата в семейной речи // *Жизнь языка*: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. М., 2001. С. 234–240.
- Земская и др. 1981 — *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Земская 1983 — *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест* / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1983.
- Китайгородская, Розанова 1996 — *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.
- Кобозева, Захаров 2004 — *Кобозева И. М., Захаров Л. М.* Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2004»* («Верхневолжский», 2–7 июня 2004). М., 2004. С. 292–297.
- Михеев 2007 — *Михеев М. Ю.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007.
- Семенова 2006 — *Семенова С. Ю.* Об ушедшем языковом творчестве // <http://dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/semenova.htm>
- Семенова 2007 — *Семенова С. Ю.* О файле памяти // *Понимание в коммуникации*. 2007. Язык. Человек. Концепция. Текст: Тезисы докладов Международной научной конференции (28 февраля — 1 марта 2007 г.). М., 2007. С. 114–116.

ОТРИЦАНИЕ КАК НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА ИСТИННОСТИ

1. Вводные замечания. В качестве вступления к теме кратко повторим ряд сформулированных ранее положений, на которых базируется наша концепция отрицания. В рамках этого подхода отрицание рассматривается как негативная оценка истинности некоторой информации, которая в той или иной модальности уже актуализирована в общем поле зрения говорящего и слушающего [Труб 1990, 1994, 2005]. Если утверждение — это способ увеличения, «накапливания» передаваемой информации, то отрицание — это способ коррекции некоторой уже имеющейся информации. Таким образом, в отрицательных предложениях объектом опровержения является не смысл, который только формируется в процессе восприятия утвердительно-го предложения, а уже как бы воспринятый, «готовый» смысл. Тем самым имеется в виду, что в сферу действия отрицания попадает «готовая» пропозиция, теме которой уже сопоставлена определенная рема. Функция отрицания состоит в указании на «неправомерность сопоставления данной ремы соответствующей теме» [Богуславский 1985] и в информационной коррекции — сопоставлении исходной теме другой, «правильной» ремы, степень конкретизации которой может варьироваться.

Характеризуя современное состояние разработки теории «Смысл \Leftrightarrow Текст», Е. В. Падучева отмечает, что сейчас это соответствие мыслится скорее не как переход от смысла к тексту, а в обратном направлении — от текста к смыслу. «Если МСТ вначале ориентировалась на порождение текста, то теперь ключевым словом становится интерпретация, а полное соответствие между смыслами и текстами было и остается заданием на будущее. Установка же на интерпретацию дает возможность определять соответствие „текст \Rightarrow смысл“ в локальном плане — на уровне отдельных слов или конструкций, но так или иначе двигаясь вперед» [Падучева 2005: 333–334]. Подход к отрицанию, рассматриваемый в данной работе, также является сугубо интерпретативным. Задача представления семантики отрицательного предложения предполагает, в частности, выявление того «утвердительного смысла», который опровергается данным предложением. В то же время в работах [Падучева 1974; Боршев, Падучева и др. (в наст. сб.)]

и многих других активно обсуждается вопрос противоположного, синтетического направления: какое предложение является отрицательным для данного утвердительного? Как представляется, такой подход не всегда способствует выявлению реального соотношения между отрицательным предложением и опровергаемым в нем смыслом. Например, в последней из цитируемых работ рассматривается соотношение между утвердительным предложением (1) *Коля пошел из-за вас на концерт* и разными видами его контрарного отрицания: (1а) *Коля не пошел из-за вас на концерт* и (1б) *Коля пошел на концерт не из-за вас*. Между тем понятно, что в (1а) и (1б) отрицаются разные смыслы. Так, наиболее естественное понимание (1а) предполагает предварительно актуализованное ожидание того, что Коля пойдет на концерт (например, он собирался это сделать). Тогда в (1а) речь идет о том, что действия слушающего воспрепятствовали реализации этого намерения Коли. При этом обстоятельство причины *из-за вас* появляется в самом отрицательном предложении, а в исходном утвердительном оно, в отличие от (1), отсутствует. Другое возможное интонационное прочтение (1а), при котором главный фразовый акцент падает на обстоятельство причины (ср. *Коля не пошел из-за вас на концерт*) предполагает совершенно иную интерпретацию. Опираясь на прагматическую презумпцию 'Коля не пошел на концерт', фраза выполняет функцию ассертивного отождествления: 'Причина, из-за которой Коля не пошел на концерт — вы'. В этом случае (1а) неправомерно считать отрицательным предложением, поскольку отрицание входит в нем в тематическую часть сообщения [Арутюнова, Ширяев 1983]. Предложение же (1б) опирается на прагматическую презумпцию 'Коля пошел на концерт' и опровергает идею о том, что причиной этого факта является слушающий: 'Причиной того, что Коля пошел на концерт, являетесь не вы (а кто-то другой)'. Как справедливо отмечено в [Боршев, Падучева и др.], при контрарном отрицании не обязательно сохраняются все презумпции исходного утвердительного предложения. Так, присутствующая в (1) презумпция нежелательности посещения концерта (для Коли) сохраняется в (1б), но нарушается в (1а), где перспектива этого посещения изначально оценивается положительно.

Положение о том, что отрицание служит негативной оценкой истинности уже актуализированной информации, нисколько не исключает того, что эта информация может актуализироваться внутри самого отрицательного предложения. Ср. пример из [Труб 1994]: (2) *В те дни гостей Еревана возили прежде всего не в Эчмиадзин и не на Севан,*

как диктовала давняя традиция, а на Театральную площадь, где представление об установившейся ранее традиции обхождения с гостями Еревана возникает в процессе восприятия предложения.

В то же время не всякий смысл, опровергаемый негативной оценкой истинности, может быть нормативно выражен тем или иным утверждением. Например, такие предикаты как *зрячий, живой, трезвый, дышит*... в принципе не могут быть использованы для выражения утверждения, а не истинностной оценки. Ведь способность видеть, слышать, дышать, быть живым — это естественные и необходимые атрибуты функционирования любого млекопитающего, необходимые атрибуты бытия как такового вообще. Это норма, о которой не говорят [Арутюнова 1998]. Так, в распространенном в советское время лозунге «Трезвость — норма жизни» *трезвость* обозначает преодоление пьянства как нарушения некоторой естественной нормы. В то же время любое сообщение о наличии подобного нормативного свойства обречено на коммуникативный провал в силу его неинформативности. По большому счету следует признать, что смысл, подвергаемый отрицанию в предикатах типа *слепой, пьяный, мертвый* — это осознаваемый всеми смысл, который в действительности не может быть вербализован в статусе утверждения. Это обстоятельство, в частности, дает почву для разнообразных юмористических построений типа рубрики «Дети шутят»: Ребенка привели домой из детского сада. Он рассказывает, что сегодня к ним приходили врачи. — Ну и что они с вами делали? — Они проверяли, дышим мы или нет).

Подобные «тривиальные» утверждения становятся возможными, если в их состав входят атрибутивы, характеризующие качество соответствующего естественного свойства — ср. *Он хорошо (плохо) видит (слышит); Он глубоко дышит*. Кроме того, как показано в работе [Падучева 2005], они употребимы в предложениях, в которых выходят на поверхность обозначения т. н. «инкорпорированных участников», сопровождаемые атрибутом или квантификатором — ср. *дышу свежим воздухом*, но **дышу воздухом*.

Иногда использование отрицательного предложения служит нетривиальным приемом введения представления о такой опровергаемой ситуации, которую адресат речи или текста раньше вообще не мог себе представить. При этом структура предложения построена так, как будто опровергаемая в нем идея была актуализована ранее, чем на самом деле не было. Данный прием часто используется в газетно-журнальных заголовках как способ заинтриговать читателя. Так, заглавие «Ослы не будут носить подгузники» скорее всего рассчитано на то, что идея о

том, что ослы могут носить подгузники, раньше вообще не могла прийти читателю в голову.

2. Типы семантической интерпретации отрицательных предложений. Традиционно принято различать нейтральное отрицание вида *не Р* и противопоставительное (контрастивное) — *не Р, а Q*, где компонент *Q* нормативно соотносится с «правильной» ремой, которой следует заменить первоначальную рему *P*. Мы считаем, что преобразование, манифестируемое последней структурой, является универсальным, т. е. что противопоставительное отрицание отражает сущность любого отрицания — ср. [Труб 1990]. Тем самым структура *не Р, а Q* является более глубоким уровнем представления структуры *не Р*. Семантическое представление отрицательного предложения должно отражать ту реальную трансформацию, которой подвергается исходное значение *P* под воздействием оператора 'То, что *P*, неверно'. Именно эта трансформация отличает отрицательное предложение от утвердительного, в котором определенная рема непосредственно сопоставляется компоненту, являющемуся темой.

В одних случаях сфера действия поверхностного противопоставительного отрицания может совпадать со сферой действия нейтрального. Ср. (3а) *Коля не спит* и (3б) *Коля не спит, а ходит*, где в (3а) и в (3б) в качестве темы выступает компонент 'вид поведения Коли в обсуждаемом временном интервале'. В других случаях такое совпадение отсутствует — ср. (4) *Коля не спит, а дремлет*, темой которого является 'степень релаксации организма Коли'.

Мы исходим из того, что на глубинном уровне нейтральное отрицание также имеет противопоставительную структуру, которая, в отличие от поверхностных контрастивных конструкций, является неизменной. Таким образом, употребление эксплицитного поверхностного противопоставления не является единственным необходимым свидетельством его наличия в глубинной структуре предложения. Далее мы сосредоточимся на вычленении ряда типов этих глубинных противопоставлений:

1. Отрицание пропозиции, построенной на базе «параметрического» глагола — ср. [Апресян 1974, Богуславский 1985, Падучева 2004а]. В подобных случаях особенность отрицания состоит в том, что, хотя глагол и сохраняет свое исходное значение, пропозиция, подвергаемая отрицанию, не тождественна по смыслу результату восприятия предложения, построенного на основе утвердительной формы соответствующего предиката. Так, в (5) *Мешок не весит 50 кг* объектом опровер-

жения является мысль не о том, что мешок весит 50 кг, а о том, что он весит 50 кг или больше — ср. (6) *Вес мешка не менее (минимум) 50 кг; Вес мешка — от 50 кг.*

2. Случай, когда компонент Q глубинной противопоставительной структуры 'не Р, а Q' может быть «вычислен» с помощью оператора Anti [Жолковский, Мельчук 1967]. В подобных ситуациях значение, соответствующее компоненту Q, оказывается прямо противоположным значению компонента Р. Так, фраза (7) *Он не будет соблюдать правила* на глубинном уровне соотносится со структурой 'Он будет действовать не в соответствии с правилами, а вопреки правилам'.

3. Наиболее распространенный случай, когда степень конкретизации компонента Q остается недостаточно информативной; можно лишь утверждать, что значение Q определено на таком множестве значений произвольной природы, в состав которого не входит значение Р. Ср. (8) *Отца не было на пляже* \approx 'В рассматриваемом временном интервале местопребывание отца было не пляж, а было определено на множестве мест за вычетом пляжа'. При этом имеется в виду, что говорящий не может дать более информативную конкретизацию параметра 'местопребывание отца'.

В этом контексте (когда никак не указывается один из множества возможных вариантов 'не Р') полезно рассмотреть приведенный в [Борщев, Падучева и др. (в печати)] пример (9) *Петров не работает в МГУ*. Эта фраза заведомо неоднозначна. С одной стороны, ее можно рассматривать как отрицание смысла, заложенного во фразе (10) *Место, где работает Петров — МГУ*, т. е. в этом случае (9) \approx 'Петров работает не в МГУ'. С другой стороны, в (9) может опровергаться смысл, соотносящийся, на первый взгляд, с предложением, в котором *Петров* занимает тематическую позицию: *Петров / работает в МГУ* \approx 'То, что можно утверждать о Петрове, есть: он работает, причем в МГУ'. Как видим, в тематическую часть этого предложения входят по сути две пропозиции, каждая из которых может быть подвергнута отрицанию. Поэтому, как неоднократно отмечалось (ср., например, [Падучева 1974, 1977]), подобные предложения не могут иметь нормального отрицания. В связи с этим естественно полагать, что во втором своем значении (9) опровергает смысловое образование, которому соответствует условное предложение, основанное на гипотетической модальности каждой из данных пропозиций: 'Если Петров где-то (где-нибудь) работает, то возможно (не исключено...) что в МГУ', где следствие связано с посылкой не однозначно, а вероятностно, поскольку оно отражает лишь предположение об одном из потенциальных мест работы Петрова. Тогда, со-

гласно восходящему к Г. Фреге правилу (отрицание условного предложения равносильно отрицанию его следствия — ср. [Фреге 1977]), в своем втором значении (9) может быть представлено как: 'Если Петров где-то (где-нибудь) и работает, то не в МГУ'.

4. В случаях, когда в СД нейтрального отрицания попадают событийные предикаты, в качестве единственной альтернативы Р выступает Q вида 'продолжение состояния, которое нормативно прерывается каузативом, образующим значение данного предиката'. Ср. (11) *Иван не приехал* \approx 'Ожидалось, что в момент T_i Иван с помощью транспортного средства окажется в У — месте, в котором находится говорящий (или лицо, о котором идет речь). В T_i и далее Иван продолжал находиться не в У, а за пределами У'.

5. Случаи, когда глубинная противопоставительная структура может быть представлена с помощью т. н. «компонентной» модели. Данный подход предусматривает, что в основе логико-семантического представления предложения (и не только отрицательного) лежит утверждение о тождестве разных типов обозначения одного и того же множества произвольной природы. Одно его обозначение может быть задано той или иной дескрипцией, а другое описывает то же множество через перечисление составляющих его элементов, степень детализации которых может варьироваться.

При таком подходе репрезентация противопоставительной структуры 'не Р, а Q' предусматривает, что компоненты Р и Q отражают разные представления о составе одного и того же множества. Данный тип интерпретации касается прежде всего отрицательных предложений с предикатами, которые предусматривают, что по крайней мере один из участников описываемой ими ситуации представляет собой нераспределенное множество. Таким, например, является глагол *участвовать*, указывающий на некоторое коллективное действие с нераспределенным множественным субъектом. Ср. (12) *Иван не участвовал в дискуссии* \approx 'Можно было полагать, что в состав множества М, образующего субъект дискуссии, входил и Иван, т. е. что М тождественно $\{M_i \& \text{Иван}\}$. Множество М тождественно не $\{M_i \& \text{Иван}\}$, а $\{M_i\}$ '.

Аналогичным образом на более глубоком уровне смысл 'Коля не пошел на концерт', входящий в состав значения рассмотренного ранее примера (1а), может быть представлен как 'Можно было полагать, что в состав множества М слушателей концерта будет входить и Коля, т. е. что М будет тождественно $\{M_i \& \text{Коля}\}$. Ассерция: Множество М тождественно не $\{M_i \& \text{Коля}\}$, а $\{M_i\}$ '. Другие аналогичные примеры см. в работе [Труб 2005].

6. Имплицитное противопоставление, выраженное посредством определенной комбинации частицы *не* с тем или иным адвербиальным количественным модификатором — ср. *очень, вполне, довольно, совсем, совершенно, абсолютно, окончательно...*

Рассмотрим подробнее типы употреблений этих оборотов в утвердительных и отрицательных контекстах.

6.1. Адвербиальные модификаторы типа *очень* в утвердительных предложениях используются для указания на высокую степень проявления того или иного непредельного признака, свойства: *он очень обеспокоен, очень встревожен, очень опечален, очень рад...*

Поскольку семантика отрицания так или иначе связана с разрушением ожидания ситуации, нормативно обозначенной тем или иным опровергаемым предикатом, представляют интерес особенности взаимодействия самого предиката ожидания с адвербиальными модификаторами в утвердительном контексте. В самом общем виде ситуация ожидания может быть представлена как ‘X знает (или считает), что должно произойти (или может осуществиться) ситуация Р, так или иначе затрагивающая интересы X-а’. Пропозициональная валентность данного предиката может быть реализована по крайней мере двумя альтернативными способами:

а) в виде отглагольного существительного: (13) *Иван ждет приезда Петра*;

б) в виде придаточного предложения: (14) *Иван ждет, что придет Петр*.

Употребление в (13) отглагольного существительного указывает на т. н. «уверенное» ожидание — то, что Иван должен приехать, собирается это сделать, обещал и т. д. Употребление же в (14) придаточного предложения указывает на предположительность данного события, которое субъект рассматривает как достаточно вероятное. Хотя, разумеется, «обманутыми» могут оказаться оба типа ожиданий — может сорваться мероприятие, к которому велась интенсивная подготовка на самом высшем уровне, а может просто не оправдаться то или иное предположение. Рассмотрим теперь некоторые особенности сочетаемости данного предиката с адвербиальными модификаторами.

В (15) *Он очень ждет приезда Ивана* речь идет о том, что приезд должен обязательно осуществиться, а наречие *очень* указывает на большую желательность этого приезда для субъекта ожидания. В то же время в (16) *Он очень ждет, что придет Иван* это наречие одновременно указывает как на большую желательность приезда Ивана, так и на то, что субъект считает этот приезд очень вероятным.

Рассмотрим теперь (17) *Он с нетерпением ждет приезда Ивана*. В отличие от *очень*, адвербиал *с нетерпением* при любых условиях (независимо от способа оформления пропозициональной валентности) однозначно указывает на необходимость наступления ожидаемого события. Поэтому аномальность (18) **Он с нетерпением ждет, что придет Иван* естественно объясняется противоречием: *с нетерпением* однозначно указывает на то, что Иван должен приехать, а придаточное предложение — лишь на то, что субъект считает этот приезд вероятным.

В то же время адвербиальный модификатор *с ужасом* ведет себя иначе. В (19) *Он с ужасом ждет приезда Ивана* имеется в виду, что неизбежный приезд Ивана крайне нежелателен для субъекта и эта неизбежная перспектива повергает его в ужас. А в (20) *Он с ужасом ждет, что придет Иван* модификатор одновременно указывает и на крайнюю нежелательность приезда Ивана, и на то, что субъект считает этот приезд очень вероятным.

6.2. Адвербиальные модификаторы типа *вполне*, *довольно* указывают на превалирование то ли положительного, то ли негативного свойства. При этом *вполне* может отражать преобладание только положительного свойства — ср. *вполне благополучно*, *вполне достаточно*, *вполне чисто*, *вполне нормально...*, но не **вполне перитмично*, **вполне фальшиво*, **вполне грязно*, **вполне ненормально...*

В то же время *довольно* может употребляться вместе с обозначениями как положительных, так и негативных свойств, указывая на преобладание как первых, так и вторых — ср. *довольно чисто* (*четко, ритмично, благополучно...*) и с другой стороны, *довольно грязно* (*нечетко, перитмично, фальшиво...*).

Употребление подобных показателей обязательно предусматривает согласованность степени проявления характеризуемого ими признака (т. е. его неполноты) с той степенью проявления признака, которая заложена в самом характеризуемом свойстве. Поэтому данные модификаторы не могут сочетаться с обозначениями свойств, достигших своего предельного, максимального значения — ср. **вполне замечательно* (*восхитительно, великолепно, потрясающе...*), **довольно отвратительно* (*возмутительно...*).

6.3. Адвербиальные модификаторы, указывающие на предельное значение некоторого шкального признака: *абсолютно*, *совершенно*, *совсем*, *полностью*, *окончательно...* Следует отметить наличие определенных ограничений на сочетаемость данных модификаторов с обозначениями признаков. Так, *совсем* характеризует преимущественно имплицитно нулевое значение шкального признака: *совсем лысый* ('ни

одного волоса на голове'), *совсем седой* ('ни одного волоса с естественным цветом пигмента'), *совсем голый* ('на теле нет никакой одежды'). В то же время нельзя сказать **Это совсем верно (правильно, справедливо...)*; **совсем уверен (убежден)* (надо: *совершенно (абсолютно) верно (правильно, справедливо...)*; *совершенно (абсолютно) уверен (убежден)*). Между тем у *абсолютно, совершенно* нет таких ограничений — ср. *совершенно (абсолютно) лысый (седой, голый...)*.

Большинство модификаторов этого типа могут указывать как на изначальное обладание полнотой некоторого признака, так и на достижение его предельного значения. В последнем случае они (хотя и с некоторыми узусными ограничениями) сочетаются с соответствующими глаголами СВ: *совсем, полностью облысел (поседел, разделся...)*, *абсолютно (совершенно) облысел (поседел)*, но не **совершенно (абсолютно) разделся*. В то же время адвербиальный модификатор *окончательно* может указывать только на достижение предельного значения признака: *окончательно облысел (поседел, разделся...)*, но не **окончательно лысый (седой, голый...)*.

Поскольку данные модификаторы нормативно характеризуют признак или свойство, достигшие предельного значения, они естественным образом не могут сочетаться с обозначениями неопределенных свойств или признаков, интенсивность которых (с точки зрения языка) не имеет верхнего предела — ср. (21) **Это его совсем (абсолютно, совершенно...) беспокоит (тревожит, радует...)* (надо: (22) *Это его очень беспокоит (тревожит, радует...)*).

В отрицательных предложениях функция разнообразных сочетаний количественных модификаторов с частицей *не* состоит в указании «алгоритма вычисления» компонента Q. При этом следует учитывать различия в областях определения P и Q для разных типов опровергаемых предикатов, как например:

а) количественная характеристика (мощность) того или иного множества, которая может варьироваться от нуля (0) до произвольного целочисленного значения (n);

б) шкала определенного свойства (предельного или неопределенного), крайней левой точкой которого является нулевое значение — ср., например, шкалу степени достоверности мнения или истинностной оценки описываемого тем или иным ментальным предикатом, которая определена на интервале со значением от 0 (однозначная недостоверность) до 1 (однозначная достоверность);

в) шкала эмоциональных состояний с разным «размещением» минимальных и максимальных значений интенсивности и т. д.

Выделяются следующие три подтипа отрицательных предложений:

6.4.1. Неполное проявление признака, задаваемого опровергаемой пропозицией. На это указывают адвербиальные модификаторы вида *не совсем, не вполне, не очень...* — ср. (23) *Он не вполне (не совсем, не очень уверен...), что $P \approx$* ‘Можно было полагать, что степень достоверности его мнения о реализации P равна 1. Ассерция: Степень достоверности его мнения о реализации P равна не 1, а располагается в интервале между 1 и 0,5 (т.е. меньше 1 и больше, чем 0,5)’

6.4.2. Слабое проявление признака, выражаемое адвербиальными модификаторами *не очень, мало и, в отдельных случаях, совсем не*:

(24) *Он не очень надеется, что $P =$ Он мало надеется, что P (мало в отличие от *немного*, которое может использоваться в асертивном утверждении — ср. (25) *Он немного надеется, что P* , но не в негативной оценке истинности) \approx ‘Можно было полагать, что степень достоверности его мнения о реализации желательного для него события P располагается в интервале между 0,5 и 1 (больше, чем 0,5 и меньше, чем 1). Ассерция: степень достоверности его мнения о реализации желательного P располагается не в интервале от 0,5 до 1, а в интервале больше 0 и меньше, чем 0,5’;*

(26) *Он совсем не уверен, что $P \approx$* ‘Можно было полагать, что он уверен в P , т.е. что степень достоверности его мнения о реализации P равна 1. Ассерция: степень достоверности его мнения о реализации P равна не 1, а располагается в интервале между 0 и 0,5 (больше 0 и меньше, чем 0,5)’.

Здесь следует отметить специфику области определения степени достоверности для отрицательных форм *не уверен, не убежден*. В эту область принципиально не входит нулевое (0) значение, так как при предикатах уверенности оно может быть выражено только посредством внутреннего отрицания: *уверен, что не P* — когда предельной степени достоверности (равной 1) достигает мнение о том, что «не P ». Поэтому, в отличие от других случаев употребления *совсем не P* , сочетания типа *совсем не уверен (не убежден)* указывают не на полное отсутствие признака, а на его слабое проявление.

6.4.3. Полное отсутствие признака. Непредельное свойство, т.е. свойство, не имеющее верхнего предела, вполне может иметь нижний («нулевой») предел. Поэтому указания на полное отсутствие проявления признака (его нулевое значение) могут выражаться посредством адвербиальных модификаторов типа *совсем не, нисколько не, отнюдь не, ничуть не, абсолютно не, совершенно не...*

(27) *У него совсем не осталось денег \approx* ‘Можно было полагать, что он (еще) располагает хотя бы небольшой денежной суммой.

Ассерция: сумма, которой он располагает, является не небольшой, а равна 0'.

(28) *Он совсем (ничуть, нисколько, отнюдь...) не надеется на Р* \approx 'Можно было полагать, что он надеется на Р, т. е. что степень достоверности его мнения о реализации Р определена на интервале больше 0 и меньше 1. Ассерция: степень достоверности его мнения о реализации Р определена не на интервале больше 0 и меньше 1, а равна 0'.

Значение отрицательных предложений, в которых полностью опровергается то или иное эмоциональное состояние субъекта, обусловлено спецификой шкал этих эмоциональных состояний. Крайней левой точкой шкалы неопредельного состояния обеспокоенности, тревожности является нулевое значение этих эмоций, т. е. состояние душевного покоя. Ср. (29) *Это (Р) его совсем не беспокоит (не тревожит)* \approx 'Имеет место Р. Можно было полагать, что Р вызовет его большое беспокойство. Степень его обеспокоенности является не значительной, а равна 0, т. е. он продолжает пребывать в спокойном состоянии'.

В то же время неопредельные состояния печали и радости образуют противоположные участки единой шкалы, центральная точка которой соотносится с состоянием душевного покоя. Важно подчеркнуть, что семантической интерпретации предложений, в которых опровергается наличие этих состояний, свойственна асимметрия в «вычислении» компонента Q.

Ср. (30) *Это (Р) его совсем (нисколько, совершенно...) не печалит* \approx 'Имеет место Р. Можно было полагать, что Р введет его в интенсивное негативное эмоциональное состояние. Он испытывает не интенсивное негативное эмоциональное состояние, а продолжает пребывать в состоянии душевного покоя'.

С другой стороны, (31) *Это (Р) его совсем (нисколько, совершенно...) не радует* \approx 'Имеет место Р. Можно было полагать, что Р введет его в интенсивное положительное эмоциональное состояние. Он испытывает не интенсивное положительное эмоциональное состояние, а негативное эмоциональное состояние'.

Таким образом, отрицание печали указывает на срединный участок шкалы — сохранение спокойствия. В то же время отрицание радости указывает на ее противоположность — пребывание в печали.

3. Коммуникативные типы интерпретации отрицания. В чисто коммуникативном плане можно выделить следующие типы функционирования структуры 'не Р, а Q' как глубинного средства интерпретации отрицания.

1. Компонент Q находится в фокусе внимания и конкретизирован — это и есть та «правильная» рема, которой заменяют исходную, «неправильную» рему — ср. большинство приведенных примеров.

2. Компонент Q находится в коммуникативном фокусе и не конкретизирован. В этом случае следует различать два подвида:

2.1. Несмотря на отсутствие информации, находящейся в фокусе внимания слушающего, высказывание не воспринимается как семантически незавершенное — ср. (8) *Отца не было на пляже*, которое на глубинном уровне интерпретируется как 'Отец был не на пляже'. Здесь реальное местонахождение отца, которое не может быть уточнено в рамках предложения, продолжает оставаться в фокусе внимания говорящего. В то же время в нем имеется в виду, что говорящий не может более точно указать местопребывание отца, благодаря чему фраза не производит эффекта незавершенности.

2.2. При выполнении тех же условий фраза воспринимается как семантически незавершенная, если на поверхностном уровне в СД отрицания попадает не предикат, а его актанта или сирконстант — ср. поверхностное предложение (32) *Отец был не на пляже*. В этом случае поверхностная структура предложения как бы приобретает «сильную валентность» на противопоставительный компонент Q, которая, однако, не заполняется. Тем самым возникает впечатление, что говорящий, зная реальное значение переменной Q, сознательно его не указывает, что и создает эффект семантической незавершенности. Подобный прием часто может использоваться и в «эвфемистических» целях, если из контекста и так ясно, какой не названный элемент имеется в виду — ср. *Петра Савича Кузнецова не избрали в Академию наук, но от этого пострадал не он...*

3. Компонент Q не находится в фокусе внимания и не конкретизирован: ср. (33) *Иван не приехал*, (34) *Иван тогда не присутствовал (отсутствовал) в кабинете*. В обоих случаях реализуется локативное значение — указание на то, что лицо, о котором идет речь, не находится там, где этого можно было ожидать. В то же время в этих примерах важен лишь сам факт отсутствия лица X в месте Y (то, что X находится в «не Y»). В фокус внимания здесь попадает компонент 'не Р' — важен именно он или те выводы, которые из него вытекают. А конкретизация компонента Q (установление реального местопребывания X-а) интереса не представляет.

По такому же принципу может быть интерпретировано одно из значений рассматриваемого в [Боршев, Падучева и др.] примера (35) *Коли нет в Лондоне*. На первый взгляд это кажется странным — ведь

(35) формально наиболее близок к примеру (8) *Отца не было на пляже*, который естественно интерпретируется по типу 2.1. Причина различного анализа этих фраз связана с различиями в масштабах локусов, обозначенных обстоятельством места. Локальный, обозримый локус (ср. *пляж, веранда* и т. д.) свидетельствует о том, что информация, содержащаяся во фразе, является результатом визуального наблюдения говорящего или наблюдателя. Факт же отсутствия Коли в пространстве Лондона не может быть установлен визуально. Он то ли устанавливается другим способом (например, путем наведения справок), то ли изначально известен говорящему. Отсюда и неоднозначность подобных предложений.

В первом случае имеется в виду, что местопребывание Коли является предметом интереса — например, слушающему или кому-то другому необходим контакт с Колей, для чего нужно как минимум знать его местонахождение. В этом случае (35) опровергает предположение о том, что Коля мог быть в Лондоне. При этом реальное местопребывание Коли продолжает оставаться в коммуникативном фокусе (конкретизация противопоставительного компонента ‘не в Лондоне, а в ...’ продолжает интересовать слушающего).

Вторая же интерпретация (35) предполагает, что контакт с Колей по той или иной причине необходим не где-либо, а именно в Лондоне (например, Лондон — естественное, очевидное для обоих коммуникантов местопребывание Коли, хотя и не обязательно постоянное). В этом случае в коммуникативном фокусе оказывается сам факт отсутствия Коли в Лондоне и все вытекающие из него следствия, а его реальное местонахождение является нерелевантным и интереса не представляет.

Очень близкое значение имеет фраза, в которую введено временное обстоятельство *сейчас*: (36) *Коли сейчас нет в Лондоне*. Реализованное в (36) значение *сейчас* указывает на синхронное речевому акту (шире — времени говорящего [Апресян 1986]) состояние ситуации (местонахождение Коли), отличное от состояния, имевшего место ранее. В утвердительном предложении (37) *Коля сейчас в Лондоне* подразумевается, что раньше Коля был не в Лондоне. Кроме того в (37) имеется в виду, что нынешнее пребывание Коли в Лондоне является временным (в отличие, например, от (38) *Коля теперь в Лондоне*, где о временности текущей ситуации ничего не сообщается). Напротив, в (36) посредством высказывания, опирающегося на прагматическую презумпцию ‘Коля ранее был в Лондоне’, говорящий сообщает о текущем отсутствии Коли в Лондоне, а также о временности этого отсутствия. Ср. в этой связи странность аналогичной фразы с обстоятельством места, указывающим на обозримый

локус: (38) *Коли сейчас нет на веранде*. Ведь отрицательное локативное предложение с обозначением обозримого локуса нормативно предполагает, что содержащаяся в нем информация основывается только на визуальном наблюдении говорящего, что исключает его предварительную осведомленность о текущем положении дел, а тем более о временности этого положения, которую навязывает *сейчас*.

С точки зрения современной теории дифференциации коммуникативных рангов (ср. [Падучева 2004б]) различия в коммуникативных типах интерпретации отрицания могут быть объяснены следующим образом. В большинстве рассмотренных примеров, как и в (8), (12), (32), в пределах коммуникативного Центра находится вся глубинная структура 'не Р, а Q' (независимо от степени эксплицитности обозначения компонента Q). В то же время в случаях типа (33–34), второй интерпретации (35), примера (36) и им подобных в рамках коммуникативного Центра оказывается только компонент 'не Р', а компонент Q имеет нулевой ранг, т.е. остается «за кадром».

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1986 — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28. С. 5–33.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Арутюнова, Ширяев 1983 — *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
- Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Борщев, Падучева и др. (в наст. сб.) — *Борщев В. Б., Падучева Е. В., Парти Б. Х., Тестелец Я. Г., Янович И. С.* Синтаксическое, семантическое и прагматическое отрицание в русском языке.
- Жолковский, Мельчук 1967 — *Жолковский А. К., Мельчук И. А.* О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. № 19, М., 1967.
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева 2004а — *Падучева Е. В.* О семантике просодических сдвигов и вкладе просодии в семантику предложения // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка. Т. 63. 2004. № 5.
- Падучева 2004б — *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

- Падучева 2005 — *Падучева Е. В.* Соответствие «смысл ⇔ текст» в исторической перспективе // Восток — Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл ⇔ Текст», Языки славянской культуры. М., 2005.
- Труб 1990 — *Труб В. М.* К проблеме функционального сходства нейтрального и контрастивного отрицания // Логический анализ языка: Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.
- Труб 1994 — *Труб В. М.* О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценке истинности // Вопросы языкознания. М., 1994. № 1.
- Труб 2005 — *Труб В. М.* Противопоставительная структура как средство семантической интерпретации отрицания // Восток — Запад: Вторая Международная конференция по модели «Смысл ⇔ Текст», Языки славянской культуры. М., 2005.
- Фреге 1977 — *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977. С. 181–210.

Н. М. АЗАРОВА

ГРАММАТИКА ОТРИЦАНИЯ И АВАНГАРД

Тема «Грамматика отрицания и авангард» подразумевает обращение не только к историческому авангарду, но и ко всей авангардной русской поэзии XX–XXI вв.

Поиск нового отрицания как стратегия очевиден, начиная с обэриутов, именно в это время появляется идея, которую можно назвать *скользящим отрицанием*. *Скользящее отрицание*, прежде всего, как недоопределение в утверждении-отрицании, затем развивается в поэзии неоавангарда. В футуризме, казалось бы, отрицание старого и утверждение нового предполагает гораздо более жесткую оппозицию, чем и отличаются тексты исторического авангарда от неофутуристических. Однако у Велимира Хлебникова это не так: *скользящее отрицание* у него присутствует, что, в частности, и обратило на него внимание обэриутов, но причины его появления несколько иные, не связанные прямо с эстетикой авангарда. Хлебников не может остановить процесс непрерывного превращения, в его поэтике утверждение и отрицание постоянно меняются местами (превращаются). Так, в стихотворении «В этот день голубых медведей...» [Хлебников 1986: 113], в слове «медведей», кроме очевидного «медведёвны-михайловны» (по отчеству сестер Синяковых — Михайловны, которых прозвали медведевнами), выдвижение в специальную позицию начальной буквы и придание ей самостоятельной семантической роли позволяет легко произвести ее замену или переразложить слово *медведей* по-новому, превратив его в утверждение-отрицание. Сам Хлебников объясняет это на слове *лебеди*, где он свободно заменяет *л* на *н* и получает новое построение *небеди*, *небязество* (*в этот вечер за лесом летела пара небедей* [Гофман 1956: 217]). В случае «медведей» это также могли бы быть «недведи» или «нёведи», которые прямо сопрягаются со всеми остальными словами с корнем «вед» или «вест» в стихотворении (*буревестник*, *неизвестных*):

«Мне протянуто море и на нем буревестник: // И к шумящему морю, вижу, птичая Русь // Меж ресниц пролетит **неизвестных**». «Медведь» как «**медведь**» от «**не**-ведать» у Хлебникова, безусловно, ассоциируется с одним из его частотнейших образов «невесты», сопологающимся, в частности, с образом революции: «Помолвлено лобное место. // И таинство воинства — это // В багровом слетает невеста...» (Ладомир) [Хлебников 1986: 284]. Любопытный нюанс в пару «медведь — невеста» вносит еще один хлебниковский контекст: «В **медвежьем** тулупе едет **невеста**» («Русь зеленая в месяце Ай...») [Хлебников 1986: 160]. Интересно, что эту трансформацию «ме — не» вряд ли можно считать чисто хлебниковской. Возможно, стоит рассматривать *ме* как дополнительное или потенциально второе отрицание: во всяком случае оно появляется не только в поэтическом, но даже в философском языке XX века. А. Ф. Лосев в «Философии имени», поэтически этимологизируя греческий «меон» (ничто), переразлагает *меон* как *ме-он*: «Меон есть нечто цесамостоятельное, а только зависящее от того, в отношении чего он ме-он» [Лосев 1990: 147–148]. Очевидно, что *ме-он* в данном случае идентично *не-он*, то есть *иное*, а *ме* = *не*.

Еще одну трансформацию «ме — не» как *скользящего отрицания* демонстрирует устойчивая рифма *предмет — нет*, встречающаяся у огромного количества авторов. Потенциальная отрицательность в *ме*- (по типу «медведёй») возникает даже в таком слове, как *предмет*: «Я теперь считаю так: // **меры нет**. // Вместо **меры** наши мысли // заключённые в **предмет**. // Все предметы оживают // бытиё собой украшают» [Хармс 2000: 326]; «Вот // **Предмет** // Смотришь — // **Нет**» [Сапгир 1999/1: 135]; «ты чувствовал, как мир играл, переходя в простой **предмет** // но некому его собрать, создать // город везде и где-то // но там тебя **нет**» [Аристов 2008а: 6]. В стихотворениях современных поэтов пара *предмет — нет* разворачивается в сюжет, причем слово *предмет* уже имплицитно некоторую отрицательность, вернее, как любое *ме — не* потенциальную отрицательность, потенциальное исчезновение: «на кухне падает **предмет** // мне кажется // что звук раздается в моей комнате // он мне очень знаком // я сразу понимаю // что происходит // аккуратно // на цыпочках // я пробираться на кухню // но там уже // никого // нет» [Леденев 2008: 29].

Кроме отрицания на *ме*-, в авангардной поэзии актуализируются возможности *а* как отрицания, причем не в префиксальных заимствованиях, а *а* как самостоятельного независимого отрицания, что иногда обыгрывается и иронически: «и вместо *аааааа* я *ееееееет* ему мычу, // и *нету* сил мне *оборвать* мычанье...» [Аронзон 2006/1: 147]. В поэтиче-

ском тексте фонетическими и графическими средствами раскрывается апофатика *a* как фонемы философско-теологической: у Геннадия Айги «а-а-а-а!» — это звук, вбирающий в себя полноту отрицания, наполненное отрицание: «Разгуляемся снова, разгуляемся, // снова заснем и пройдем // не вчера, не сегодня, не завтра, а-а-а-а!» [Айги 2006: 17]. В одной из поздних записей поэта *a* в усиленном варианте *aa* прямо соотносится с теологической семантикой положительного ничто: «Бог, в наших краях, — // все более звучанье *aa* : будто — // *aa*-поле, и снова продолженье: *aa*, — // о, стихотворение Бога» (Айги, рукопись).

Русская авангардная поэзия оказывается в несколько менее выгодной позиции по отношению к европейской из-за особенностей структуры глагольного отрицания в русском языке, в частности — возможности апофатического отрицания. У Пауля Целана, поэта, более всего повлиявшего на структуру отрицания в поэзии конца XX века, в распоряжении находится такая блестящая рифма, как «*nein — sein*», где *sein* — это либо *быть*, либо *бытие*, либо и то и другое одновременно: «*Nein. // Laß anderes sein*» [Celan 1998: 84].

Но и в русском языке ощущается явный недостаток конструкций типа «смеркается не», «придет не», «будет не», такого отрицания в позиции, которое особенно выразительно у Целана по-немецки, где сильная вторая часть отрицания (*nicht*) позволяет и обозначить конец строчки, и поставить отрицание в сильную позицию: «*Wir // wissen ja nicht // was // gilt*» [Целан 2008: 106]. Декларация подобной нехватки в русской поэзии эксплицирована в подчеркнуто аномальном употреблении *не*: «и это всё // и это всё // я понимаю не» [Шифрин 2008: 408].

Русский язык обходится косвенными приемами: например, ставит в конец строчки отрицательные местоимения (никто, ничто) в разных формах, однако по выразительности это не то же самое, что глагольное отрицание. Но при многократном повторе («В тебе нет ничего» Монастырского, рукопись) «нет ничего» воспринимается как единый звуковой семантический комплекс, который на основе ритмического повторения можно трактовать как один большой глагол с отрицанием в конце. Андрей Монастырский в 2001 г. пытается создать синтетический текст, нечто среднее между философской апофатикой, поэтическим текстом и перформансом. Верлибр основан на бесконечном повторении формулы «в тебе нет ничего», предназначен для чтения вслух в течение одного часа; между строчками могут забиваться поэтические формулы любой стилистики, любые грамматические конструкции и вообще любые слова: «в тебе нет ничего // в чем я застаиваюсь... // в тебе нет ничего // что хороводится по сырой яме // в тебе нет ничего // что

ограничено обычной землей... // в тебе нет ничего // все равно // в тебе нет ничего // табло // в тебе нет ничего // фон // в тебе нет ничего // ну и ну // в тебе нет ничего // как же так // в тебе нет ничего // ты где // в тебе нет ничего // кто // в тебе нет ничего // ага // в тебе нет ничего // вокруг» [Монастырский 2001].

Варианты глагольного отрицания в постпозиции не единичны в русской поэзии. В немецком именно анжамбеман на «nicht» создает иллюзию законченности, которая потом и опровергается: «...geritzt; es // harzt, will nicht // vernarben» [Celan 1998: 128]. Отрицательный анжамбеман в русском языке менее выразителен, так как *не*, завершающее строчку, все равно оставляет впечатление незаконченности. Так, например, отрицательный анжамбеман чрезвычайно характерен для поэзии Иосифа Бродского, однако в структуре его стиха этот формальный прием маркирует ритмический разрыв (поэзия Бродского вообще изобилует анжамбеманами далеко не обязательно отрицательными) и не несет дополнительной семантической нагрузки: «*вырывается и летит вовне // механический, нестерпимый звук, // звук стали, вписавшейся в алюминий; // механический, ибо не // предназначенный ни для чьих ушей»* [Бродский 2003: 199]. Прием Бродского осознается настолько узнаваемым для его идиостиля, что в ироническом стихотворении Тамары Буковской аллюзия на Бродского угадывается именно благодаря отрицательному анжамбеману: «*Литературная премия Веспасиана // могла бы превосходить по размеру // Нобеля и уж во всяком случае не // пахла бы ни динамитом, ни кровью»* [Буковская 2006: 19].

Авангардная поэзия пытается решать более сложные задачи: анжамбеман в следующем примере содержит своеобразный подвох: глагольное отрицание («светлеют не») подменяется именным («не // дома»): синтаксис остается конвенциональным, но все-таки удастся сказать «светлеют не», то есть поставить глагольное отрицание в постпозицию: «*когда в окне светлеют не // дома не окна не в окне — // бо видишь небо перемену»* [Сапгир 1999/1: 179].

Таким образом, отрицательный анжамбеман — один из популярных приемов альтернативного отрицания и одно из средств *скользящего отрицания*. Отрицательный анжамбеман в интертекстуальной поэзии конца XX века может сопровождаться пересегментацией слова: «*кнемуне // зарастетие // бесная тро // па»* [Мнацаканова 1982: 11].

Создавая семантику присутствия утверждения в отрицании в стихотворениях второй половины XX века, анжамбеман строится большей частью следующим образом: строчка оканчивается непосредственно на *не*, а следующая начинается как будто с положительного утвержде-

ния (особенно характерно наличие подчеркнутого обобщения в сильной позиции, выраженного наречиями *весь, вся, всегда*). В этих конструкциях с большой вероятностью может присутствовать рамочная конструкция: отрицание в начале строчки и отрицательный анжамбеман, в результате чего происходит отбрасывание (скольжение) от *не* и к *не* (в том числе и в противоположном направлении):

Одна	балканская	страна		
Смутно	неприкаянно	родная		
Шла	неравномерным	шагом	и	не
	вся	была	видна	
	из	этого	окна	
длинного	как	корабль	дребезжащего	трамвая

[Аристов 2008а: 84]

У Генриха Сапгира сложный перенос «не / мы е» совмещает анжамбеман с пересегментацией слова и созданием слова внешне похожего на поэтико-философский термин «не-волнение» по модели философского «не-я»: «*мы — обл и не // мы е и не — // волнение в душе*» [Сапгир 1999/1: 203]. Заметим, что «не — волнение» пишется через тире, а не через дефис, как можно было бы ожидать; это скорее всего не понятие «не-волнения», а свойственное Сапгиру колебание между отрицанием и утверждением. Поэзия последних лет в сходных конструкциях использует дефисное отрицание, более адекватно передающее семантику *скользящего отрицания*:

*Вдоль по матушке-тишине
Движение не-
присоединившихся страных,
Воспарение лёгких...*

[Бсляков 2006: 16].

Одна из популярных моделей постмодернистской поэзии — это выделение или обособление форманта *-нет* в 3 л. ед. ч. как самостоятельного *нет*: «*камнем ста // нет мой // смех // стих // нет // стих*» [Мнацаканова 1982: 32]. Наиболее эпической разработкой одного приема является цикл стихотворений Елизаветы Мнацакановой «НАСТАНЕТ МАРТ». Для Мнацакановой из-за партитурной организации текста, к тому же сориентированного на католическую ораторию, очень важно иметь как средство глагол в постпозиции и финальное строчечное отрицание. Попытки подобных построений с *нет* по типу *nicht*, вероятно, калькированы с немецкого, однако *нет* в постпозиции после глагола в русском языке не создает апофатического звучания положительного отрицания, а только

усиливает отрицание: «НАСтанет МАРт как будет МРАк нас ТАМнет // НЕстанет НЕ станет настанет НАС // Нестанет НЕ НЕ НЕ станет // не станет нас как будто март устанет // НЕ СТАНЕТ НАС но БУДЕТ МАРТ настанет» [Там же: 104–105].

Даже незначительные выдержки из этого цикла уже дают представление о масштабности просодической и графической разработки *нет* в постпозиции: «*настанет март нас манит мрак как будет март // настанет // нас // танет нас станет не станет нас на // станет не станет нас станет не станет нас... // НАСТАНЕТ МАРТ И БУДТО СМЕРТЬ НАСТИГНЕТ // свет...*»

когда-нибудь когда ни будь когда не
 ни не будь будь когда нас не ни не
 будет
 не будет нас когда-нибудь когда не будь не
 будет
 ...
 весенний март веселый март
 настанет
 нагрянет
 когда-нибудь когда ни нас не
 станет
 не
 встанет не на
 на на на
 станет
 ...
 смотрит смерть когда нибудь не // будь не будет когда.

[Там же: 104, 90, 91]

Весь цикл Мнацакановой построен на приеме графики и партитурности — как разработка темы «неба». Тем не менее она не приходит к положительному отрицанию — *poli* — это риторическое подчеркивание отрицания, ритмическая отрицательная каденция:

<i>noli</i>	<i>noli</i>	<i>noli</i>		
	<i>oblivisci</i>		<i>noli</i>	<i>oblivisci</i>
но	ли	ли	не	
	бо	бо	бо	
	не			
	бо	бо	ли	
	ли			
бо	марта	не		
не	бо	ли	бо	не
	бо	не	бы	ли...

[Там же: 84–85]

Но и в существительных формант *-нет* стремится к обретению статуса глагольного отрицания в постпозиции. Весьма остроумными способами. Так, устойчивая и очевидная пара как для современной поэзии, так и непоззии, «интернет-нет» приводит к восстановлению традиционной пары *ест* как бытийного *есть*. С другой стороны — введение «съедобной» семантики в отрицание, в *нет* — окказионально: «но вот приходит // Cannibal Corpse // и всех // ЕСТ // „И паразитный трафик Интернета не поможет?“ // — Нет» [Шепелев 2006: 152].

Борьба с отсутствием отрицания в конце строчки приводит к особому вниманию поэтов к рифмам на *не* — особенно ударному *не*, которое при определенном чтении (даже внутренним голосом в силлаботонике) имитирует конечное отрицательное *не*: «с роскошной девой при луче // вот так меня читают боги // в своей высокой тишине!» [Аронзон 2006/1: 179]. Но даже и безударное *не* в женской рифме при определенных условиях может достигать того же эффекта: «Ветра не было в помине, // не звенела бы река, // если б Пушкин на равнине не // на коне б не проскакал» [Аронзон/1: 148]. Конечное *не*, несколько раз повторенное, в сочетании с *не* внутри строчки создают ощущение анжамбемана без анжамбемана (особенно при повторе во втором случае). Действительно, *не* может получать дополнительное ударение при определенном чтении и восприниматься как конечное *не*, что можно трактовать как попытку создать своеобразную рамочную конструкцию, состоящую из *не* в середине строчки и *не* в конце, очертить границы отрицанием, внутри которого и будет создаваться перетекающее положительное пространство. Леонид Аронзон, безусловно, опирается на достижения обориутов, в частности, на знаменитое стихотворение Александра Введенского «Мне жалко, что я не зверь...». Введенский переворачивает *не* на конце строчек, превращая его в *-ен*:

Мне не нравится, что я смертен.

Мне жалко, что я не точен.

[Введенский 1993: 183]

Апофатика как ограничение отрицанием положительного поля приводит к поиску рамочных конструкций любого типа, особенно эффективно перевернутое отрицание палиндромического типа «не- ... -ен». Микропалиндром в стихотворении Введенского подчеркивается также звучащим *не* в многократно повторяющемся *мне*, что создает определенную рамочную конструкцию, связывающую отрицающим утверждением или утверждающим отрицанием конец и начало строки.

Путь от конечного *не* к конечному *-ен* продолжается; следующим шагом явное развитие «-ен»-отрицания даже без непосредственной поддержки *не* появляется в начале строки:

*но недавно был уничтожен-
ен, и это на пользу ему пошло.*

[Давыдов 2006: 53]

В то же время микропалиндром «не — ен» как рамочная апофатическая конструкция в вышеприведенных примерах не тождественна тому же палиндрому «не — ен» как средству полного неразличения отрицания и утверждения. Так, у Елены Кацюбы палиндром «не — ен» — это декларация палиндромического снятия оппозиции утверждения и отрицания. Недаром «не — ен» чисто графически меняются местами в шахматном порядке несколько раз: *«Не убегай — // все равно растерзают... // Он ен од мертис — // но не до смерти. // Но не до смерти — // он ен од мертис»* [Кацюба 2003, 62].

В самой современной поэзии (возьмем, например, журнал «Воздух» за 2006 год) мы видим попытки дальнейшего расширения возможностей «рамочного отрицания» или «разорванного рамочного отрицания». Например, отрицание встраивается в такую строчку, как «нам всё о нём напоминает», где три начальных *и* подряд — в нам, в о нём, в напоминает, рифмующемся с *нет*, заставляют воспринимать строчку как рамочное отрицание *и* + *-ет*:

*нам всё о нём напоминает...
вот вот опять не слынишь нет
нет?*

[Канат Омар 2006: 66]

Обэриуты преобразовывают *скользящее отрицание* из формы «быть или не быть» в «быть не быть». Формула «быть не быть» была заявлена как тема для исследований обэриутами, что отражено как во множестве высказываний, так и в заглавиях философских работ Якова Друскина и стихотворений Даниила Хармса. Глава, названная «РАССУЖДАТЬ НЕ РАССУЖДАТЬ» посвящена Хармсу [Друскин 2000: 622]. Друскин прочел ее Хармсу, посту она, по-видимому, показалась близкой настолько, что он даже предложил свое название, принятое философом. Для конца XX — начала XXI в. характерна попытка придания логической конструкции «быть или не быть» (в варианте «быть не быть») звучания экзистенциальной ситуации. Экзистенциальность формально выражена наречием «здесь», а философские основания подобной языковой конструкции:

*Ты был ты не был здесь не каждым
и медленно отдельно под уклон...*

[Аристов 2008а: 84]

— это попытка найти истинное именно для этого момента и для говорящего соотношение-присутствие утверждения и отрицания (объем

присутствия утверждения в отрицании и отрицания в утверждении); при этом имеется в виду, что в следующий момент это соотношение изменится именно в объеме, но тем не менее оно будет тоже истинным и возможным для выражения.

Одной из задач подобных построений является смыть разницу между дискретностью и континуальностью и привести к выраженной недоопределенности как к становящейся недоопределенности в противовес неопределенности:

*ты ради этого вечера сюда
достигнул долетел добрался*

— что далее поддержано в тексте: *«не полночь за полночь // прошла»* [Там же].

Приемов, воплощающих семантику положительного отрицания (в том числе в варианте положительного нуля) в авангардной поэзии немало. Характерны преобразования *ничто* и *ничего* в положительную конструкцию, содержащую колеблющийся объем отрицания. В следующих двух примерах из Аронзона сохранение некоторого объема отрицания в преобразованном утверждении подчеркивается формой родительного падежа, то есть используется не форма *ничто*, а субстантивируется генитив: *нету ничего* преобразуется в форму *святое ничего*: *«Взгляни сюда — здесь нету ничего!.. // святое ничего там неубывно есть»* или *«Санта Клаус, // уже раздавший дары: а тебе, мол, вот! — ничего, // не ничего не принес, а принес ничего»* [Аронзон 2006/2: 159, 164]. Для поэзии Айги характерно постоянно убывающее и пребывающее отрицание и утверждение (как сообщающиеся сосуды): *«о есмь // твоя поверхность // горящая невидимо // от соприкосновения не-есмь», «не-скрыто-не-раскрыто // а как — в толпе святого тихо сердце»* [Айги 1982: 419, 297], *«все поле мерещится поле пустое о минус-мой-друг»* [Айги 2006: 107].

И наконец, для авангарда и поставангарда очень актуально встраивание *не* и *нет* в слова на правах равенства части и целого, равенства форманта и слова. *Встроенное отрицание* — это тип «отрицательной константы» как выявления отрицательной семантики в слове, не имеющем отрицательного лексического словарного значения, или в неотрицательной словоформе. Наличие *встроенного отрицания* определяется формальным присутствием в слове (словоформе) сегмента, омонимичного отрицательному форманту *не* (или в отдельных случаях формантам *ни* или *нет*), и устойчивым (регулярным, частотным, преимущественным) попаданием данного слова или словоформы в отрицательное семантическое поле.

Описывая *встроенное отрицание* в поэтических текстах, прежде всего необходимо отметить семантику отрицания, встроенную в грамматические формы, самой характерной из которых является форма личного местоимения *мне*. Как мы уже видели, в «Мне жалко что я не зверь...» Введенского *мне* может наделяться отрицательной семантикой. Это не единичный случай, у Введенского находим также: «неясно мне значение игры» [Введенский 1993: 89]. Но и далее, в поэзии конца XX века соответствие «мне-не» становится достаточно регулярным: «виденье — поле и ничтожна // давно мне никакая тьма» [Айги 2006, 196]; «Куда бы время ни текло — // мне всё равно. Я вижу радость, // но в том, что мне её <не> надо: // мне даже сниться тяжело» [Аронзон 2006/1: 204]. Здесь в рукописи *не* не было, хотя при реконструкции текста выявилось, что оно как будто необходимо. Аронзон настолько ощущает встроенность *не* в форму *мне*, что следующее повторение *не* кажется ему избыточным.

Очевидно, что если продолжить линию местоимений, то отрицательную семантику можно найти в формах *в ней, о ней*. Очень интересный случай выявления потенциальной отрицательности или отрицательной потенции находим также в падежных формах местоимений *с ним, в нем*: «Там на улице Красина // есть один закат такой // Что не отслоить его от стены дома // желтой // Я не знаю что мне делать с ним // я остался в нем // Ни разъять ни отъять никак // И в помощники прохожие люди // не идут» [Аристов 2008а: 30].

В следующем примере рифмуется сравнительная степень наречия на *-нее* с *не-я*. Вообще, в сравнительной степени наречия на *-нее* или *-ней* часто выделяется семантика отрицания: «мне все яснее // что я — не я // Мне все понятней // я что я ни не ить» [Кедров 2002: 115]. Не может также акцентироваться в сравнительной степени прилагательных (*ней, нее*): «если роскошь мудрей // то наверно не кудрей // если ветреных тепей // то умней» [Введенский 1993: 81–82].

Некоторые русские глагольные формы потенциально содержат отрицание (*станет*). Однако такое отрицание нельзя считать встроенным, так как в сознании говорящего оно не настолько актуализировано как лексико-грамматический изоморфизм (например: *не — снег, не — мне*).

Принцип сочетания анаграммы и отрицания очень важен: ряд анаграмм имеют уже устойчивый культурологический характер — это регулярные анаграммы или анаграмматические константы. Типичной регулярной анаграммой является Ницше, фамилия которого содержит формант *nie*; возможно, это в какой-то степени способствовало тому, что именно Ницше стал олицетворением нигилизма в философии и культу-

ре. К устойчивым закодированным отрицаниям по анаграмматическому принципу в русском языке можно отнести *встроенное отрицание* в словах *небо* и *снег*. *Встроенное отрицание* в слове *небо* — регулярная культурологическая анаграмма, реализующаяся во множественных контекстах: «*Смотрите, смотрите — нет места земле // От края небес до оврага*» [Пастернак 1985/1: 55]; «*Несчастно как-то в Петербурге. // Посмотришь в небо — где оно?*» [Аронзон 2006/1: 198]; «*Потому с вопросом, где бы? // я хожу, хожу по небу, // но уж много, много лет // в Петербурге неба нет*» [Там же: 154]; «*дома не окна не в окне — // бо видит небо перемену*» [Салгир 1999/1: 179]. Явная традиционная утвердительность *встроенного отрицания* в семантике неба декларативно подчеркивается в стихотворении Дмитрия Веденяпина, эксплицирующем превращение *нет* в *есть* как отрицательного неба в положительное *небо*: «*Пустота как присутствие, дырка как мир наяву // „Нет“ как ясное „есть“ вместо „был“ или „не был“ // Превращают дорогу в дорогу, траву в траву. // Небо в небо*» [Веденяпин 2006: 9].

Говоря о *встроенном отрицании*, очень важно иметь в виду, что не происходит обособление форманта *-не-* внутри слова *снег*, то есть пересегментации слова *с-не-г* по шарадному принципу, а имеет место присутствие *не* как целого в *снеге* как целом, то есть тождество *не* и *снега*: «*и вокруг снег — руина, но все ж нерушим*» [Аристов 2008б: 249], «*В снегу по пояс и невесел*» [Аронзон 2006/2: 37], «*а будь что есть их нет // снега мой друг снега*» [Айги 1982: 316], «*чтобы узнать: ты во сне. // видишь моря из белил?! // нет ничего, что не снег*» [Котов 2005: 5]. Тот же принцип, соответствия двух целых, реализуется в приводившихся выше примерах пары *не* и *мне*. Явную семантику отрицания содержит и слово *сон*, вернее, словоформа *сне*. Следующие строчки можно прочитать как «есть здоровое *да* в нездоровом *не*»: «*скажет: чувак погулял и всё // ты же скажешь: аи нет вот не всё // есть здоровый смысл в нездоровом сне*» [Давыдов 2006: 82]; отрицательная семантика *сне* напрямую концептуализируется Константином Кедровым в формуле *не-сне*, подчеркнуто восходящей к философским текстам: «*отныне // я в тесном не-сне живу*» [Кедров 2002: 96].

Заложенное в жанре «сонет» отрицание — это не отрицание жанра, а вхождение отрицания в определение границ и семантики жанра: именно регулярное соответствие «сонет — нет», эксплицированное или нет, определило развитие этого жанра в последней трети XX — в начале XXI в. Авангард трактует не только и не столько форму «сонета», сколько отталкивается от самого слова *сонет*, а восприятие слова как содержащего отрицание *нет* уже, в свою очередь, навязывает отсут-

в сонете обыгрывается многократно: «*СОНЕТ О ТОМ ЧЕГО НЕТ*» [Сапгир 1999/2: 31], «*СОНЕТ — НЕТ*» [Кедров 2002: 19], «*Ещё шесть строк, ещё которых нет, // я из добытия перетащу в сонет*» [Аронзон 2006/1: 162].

Авангардная поэзия, начиная с «исторического» авангарда вплоть до начала XXI века, не довольствуется существующими *не* и *нет* в их привычных позициях и, параллельно философским текстам, ищет альтернативное или дополнительное отрицание. Поиск отрицания продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

- Айги 1982 — Айги Г. Отмеченная зима. Paris, 1982.
Айги 2006 — Айги Г. Поля — двойники. М., 2006.
Аристов 2008а — Аристов В. Месторождения. М., 2008.
Аристов 2008б — Аристов В. Избранные стихи и поэмы. СПб., 2008.
Аронзон 2006 — Аронзон Л. Собрание произведений: В 2 т. СПб., 2006.
Беляков 2006 — Беляков А. Бесследные марши: стихотворения 2001–2005 годов. М., 2006.
Бродский 2003 — Бродский И. А. Письма римскому другу: стихотворения. СПб., 2003.
Буковская 2006 — Буковская М. То самое электричество. По следам XIII Российского Фестиваля верлибра. М., 2006.
Введенский — Введенский А. Полное собрание произведений: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
Веденяпин 2006 — Веденяпин Д. Значенье свиста // Журнал «Воздух». 2006. № 2.
Гофман 1956 — Гофман В. Язык литературы. Л., 1956.
Давыдов 2006 — Давыдов Д. Сегодня нет, вчера: Четвертая книга стихов. М., 2006.
Друскин 2000 — Друскин Я. «Сборище друзей, оставленных судьбою...» Т. 1. М., 2000.
Канат Омар 2006 — Канат Омар // Журнал «Воздух». № 4. 2006.
Кацюба 2003 — Кацюба А.А., Вознесенский А.А., Кедров К.А. Алмазный фонд. М., 2003.
Кедров 2002 — Кедров К.А. Ангелическая поэтика. М., 2002.
Котов 2005 — Котов М. Уточненные ласки: книга стихов. М., 2005.
Кривулин 2001 — Кривулин В. Стихи после стихов. СПб., 2001.
Леденев 2008 — Леденев В. Запах полиграфии. М., 2008.
Лосев 1990 — Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990.
Мнацаканова 1982 — Мнацаканова Е. Шаги и вздохи (Четыре книги стихов). Wien, 1982.
Пастернак 1985 — Пастернак Б.Л. Избранное: В 2 т. Т. 1. М., 1985.
Сапгир 1999 — Сапгир Г. Собрание сочинений. Т. 1–2. М., 1999.

Хармс 2000 — Хармс Д. «Сборище друзей, оставленных судьбою...». Т. 2. М., 2000.

Хлебников 1986 — Хлебников В. Творения. М., 1986.

Целан 2008 — Целан П. Стихотворения. Проза. Письма. М., 2008.

Шепелев 2006 — Шепелев А. // То самое электричество. М., 2006.

Шифрин 2008 — Шифрин Б. // Петербургская поэтическая формация: сборник. СПб., 2008.

Celan 1998 — Celan P. Choix de poèmes. Gallimard, 1998.

А. В. БЕЛОВА

УТВЕРЖДЕНИЕ И ОТРИЦАНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ В ПОЭТИКЕ Н. ГУМИЛЕВА

...поэт, достойный этого имени, пользуется именно формой как единственным средством выразить дух.

Н. Гумилев

Высокая мотивированность поэтического языка предполагает высокую значимость всех языковых единиц текста в создании образности. При этом на фоне металоогических средств художественной выразительности, тропов, и стилистических фигур активно себя ведут в этом процессе и автологические элементы, в том числе отрицательные слова (*нет, нельзя, не надо...*) и отрицательные частицы *не, ни*, подчиняясь особым законам поэтической речи, в частности закону тесноты стихового ряда. Целью данной статьи является анализ различных способов создания утверждения/отрицания в поэтических текстах Н. С. Гумилева. Для этого анализа мы избираем два образа в поэтике Гумилева — образ автора и образ Анны Ахматовой.

Образ автора, как известно, является стержнем структурно-семантической характеристики идиостиля. В образе автора эксплицирована интенсивность внутренней борьбы поэта, которая отражается в выборе императивной интонации (повеление), в автоадресации — обращениях к самому себе, в разнообразных авторских идентификациях, в насыщенной признаковости текста, в экспрессивной окраске.

Роль языковых форм утверждения и отрицания в поэтическом языке не ограничивается только изобразительной функцией, но прежде всего способствует осмыслению и пониманию подлинного Я поэта, масштабов его внутреннего мира, его языковой картины в целом. Свой самый первый поэтический сборник «Путь конквистадоров» девятнадцатилетний автор открывает утверждением: *Я конквистадор в панцире железном*. Эта строка настойчиво повторяется в конце второго катрена сонета, что можно характеризовать как минус-прием, разрушающий, с одной стороны, строгую сонетную форму, в которой не допускается лексический повтор, с другой — создающий таким образом кольцевую структуру утверждения. Последний терцет стихотворения

начинается также утверждением: *Я пропастям и бурям вечный брат*. Образ воина и рыцаря проходит через все творчество Гумилева, вплоть до предсмертных стихов. В своем последнем прижизненном сборнике «Огненный столп» автор предстает как поэт-пророк. Но еще ранее, в «Пятистопных ямбах» (сборник «Колчан»), прозвучало: *Я ж — прошлого увидевшие очи, Грядущего разверстые уста*. И это одно из самых ярких гумилевских пророчеств сбылось, слово поэта преодолело отрицание советской эпохи. «Есть какая-то высшая справедливость в том, что именно тот поэт, которого расстреляли, оказался поэтом не прошлого, а будущего...» [Бем 2001: 365].

Итак, обратимся к примерам авторской идентификации в утвердительных конструкциях, где вспомогательная часть предиката представлена глаголами-связками *быть, бывать, стать*. Номинативная часть предикатов может быть выражена субстантивами, адъективами, местоимением и в некоторых случаях отделяется от субъекта посредством тире:

— нулевая связка есть: *Я конквистадор в панцире железном; Я пропастям и бурям вечный брат...; Я угрюмый и упрямый зодчий Храма, восстающего во мгле...; Древних ратей воин отсталый, К этой жизни затаив вражду, Сумасшедших сводов Валгаллы, Славных битв и пиров я ждущу...; Я ж — прошлого увидевшие очи, Грядущего разверстые уста; Я грешник страшный, я злодей... Прости, Господь, прости меня. Душе измученной моей Прости, раскаянье ценя; Он [Геракл] был героем, я — бродягой, Он полубог, я — полузверь, Но с одинаковой отвагой Стучим мы в замкнутую дверь* — в последнем примере укажем на эллипсис (опущение глагольной связки в прошедшем времени) и емкий прием контраста, который строится на взаимодействии контекстуальных антонимов *герой — бродяга, полубог — полузверь* и имеет характерную для данного идиостиля сниженную автохарактеристику. К именной части предиката может примыкать слово как: *Те моря... я слушаю их звоны, Ясно вижу их покров червленый В душной комнате, в тиши ночной, В час, когда я — как стрела у лука. А душа — один восторг и мука Перед страшной женской красотой; Я — как мальчик, схваченный любовью К девушке, окутанной шелками; Моя душа осаждена Безумно странными грехами, Она — как древняя жена Перед своими женихами; Да! Это только чары, что судьбою Я побежден, Что почью звездный дождь над головою, И зови, и стои. Я вольный, снова верящий удачам, Весь мир мне дом, Целую девушку с лицом горячим И с жадным ртом; Всегда живой, всегда могучий, Влюбленный в чары красоты*.

В своих самооценках Гумилев выступает как объективный свидетель. В стихотворении «Память» представлена галерея его ипоста-

сей-идентификаций: колдовской ребенок, Бог и царь, поэт, избранник свободы, мореплаватель и стрелок. Говоря о самом первом, он выделяет внешнюю некрасивость, из-за которой в молодости страдал: *Самый первый: некрасив и тонок, Полюбивший только сумрак роцц, Лист опавший, колдовской ребенок, Словом останавливавший дождь...* Отрицание красоты физической вообще свойственно автопортретам Гумилева. Так, во второй части поэмы «Блудный сын» он изображает себя уродливым рабом-слугой на пиру жизни «в мире, которым владеет превратность», то есть ложь: *Не правда ль потешен Тот раб косоглазый и с черепом узким?* Внешний облик Гондлы в одноименной драматической поэме также создается через отрицание красоты: *Что ж! жених некрасив и горбат...* Вводя далее в текст ряд отрицательных конструкций (не + глагол, даже не + глагол, но не..., а...), автор достигает контрастивного отрицания [см. Арутюнова, Ширяев 1983: 63]: *Вы не любите Гондлы, я знаю, Может быть, даже сам не люблю, Но не Гондле я Леру вручаю, А Ирландии всей королю.* Но за внешней некрасивой оболочкой скрыто лебединое сердце (*Лебединое сердце поет*).

Отметим, что внутреннее достоинство личности, ее благородство и духовная красота составляют оппозицию внешнему некрасивому облику героя, которому суждено возродить страну. Именно этим объясняется выбор в пользу Гондлы одного из властителей: *Осмотрительно, мудро и тонко Я давал наставленья послам, Чтоб оттуда достать лебедёнка Благородного выводка нам.* Кстати, у Ахматовой образ юного Гумилева сравнивается также с лебеденком: *Только ставши лебедем надменным, Изменился серый лебеденок. А на жизнь мою лучом петленным Грусть легла, и голос мой незвонок.* («В ремешках пенал и книги были...» 1912).

— глагольная связка **быть** (инфинитив и формы прошедшего и будущего времени): *Я клялся быть стрелою, брошенной Рукой Немврода или Ахилла; За то, что эти руки, эти пальцы Не знали плуга, были слишком тонки; Я буду вихрем грозovým, и громом, и огнем;*

— глагольная связка **бывать**: *Иногда я бываю печален, Я, забытый, покинутый бог, Созидаящий в груде развалин Старых храмов — грядущий чертог;*

— глагольная связка **стать**: *Стать вольным и чистым, как звездное небо. Твой посох принять, о Сестра Ниццета; Стань [поэт] ныне вещью, Богом бывши, И слово вещи возгласи.*

К характеристикам образа автора можно отнести не только идентификации, но и утвердительные конструкции, привносящие дополни-

тельные сведения о пространственно-предметном мире, который его окружает: *Говорил, что жизнь — его подруга, Коврик под его ногами — мир.*

Наряду с утвердительной самооценкой в поэтике Гумилева можно наблюдать примеры отрицательных авторских оценок: *Но нет, я не герой трагический, Я ироничнее и суше, Я злюсь, как идол металлический Среди фарфоровых игрушек; Почему же не счастлив я, словно дитя, Почему не спокоен, подобно царю?*

Следует указать на такие случаи, когда отрицается семантика слов с негативным значением. В подобных примерах выражение приобретает положительное звучание. Чаще всего это прилагательные отрицания: *На руке моей перчатка, И ее я не сниму, Под перчаткою загадка, О которой вспомнить сладко И которая уводит мысль во тьму... И о ней мне вспомнить сладко, И ее до новой встречи не сниму; Я не печалюсь, что с природы Покров, ее скрывавший, снят; Так долго лгала мне за картою карта, Что я уж не мог опьяниться вином.*

Обратим внимание также на примеры, в которых контрастно сочетается утверждение и отрицание. Они представляют особый интерес, так как передают внутреннее напряжение, вносят особую экспрессивность в семантику поэтического языка: *Явления волшебства — лишь игры вечных числ, Я знаю все слова и их сокрытый смысл, Я все их спросил, но нет ни одного Сильнее тайны сил флюида твоего; Я сам над собой насмеялся И сам я себя обманул, Когда мог подумать, что в мире Есть что-нибудь, кроме тебя... Как странно подумать, что в мире Есть что-нибудь, кроме тебя, Что сам я не только ночная Бессонная песнь о тебе; Он совсем не нравится мне, это Он хотел стать Богом и царем; И тело мне ответило мое, Простое тело, но с горячей кровью: «Не знаю я, что значит бытие, Хотя я знаю, что зовут любовью».* В раннем стихотворении «Credo» юный Гумилев смело заявляет о себе, о своем внутреннем мире, используя в композиции текста чередование утвердительных и отрицательных форм глаголов первого лица: *Откуда я пришел, не знаю... Не знаю я, куда уйду, Когда победно отблестает В моем сверкающем саду. Я не ищу большого знания, Зачем, откуда я иду; Я знаю, было там сверканье Звезды, лобзающей звезду. Я знаю, там звенело пенье Перед престолом красоты.* В стихотворении «Адам» авторская речь, обращенная к первому человеку, строится на соположении отрицания и утверждения: *За то, что не был ты как труп. Горел, искал и был обманут, В высоком небе хоры труб Тебе греть не перестанут. В суровой доле будь упрям, Будь хмурым, бледным и согбенным, Но не скорби по тем плодам, Неискупленным и презренным.*

В следующем примере на фоне общей контрастности текста большую роль играет признаковость: *Зачарованный викинг, я шел по земле, Я в душе согласил жизнь потока и скал, Я скрывался во мгле на моем корабле, Ничего не просил, ничего не желал. В ярком солнечном свете — надменный павлин, В час ненастья — внезапно свирепый орел, Я в тревоге пучин встретил остров уедин, Я летучее счастье, блуждая, нашел.* Как явствует из приведенного примера, автор ощущает себя неотделимым от свободной природной стихии. Поэтому ему так легко совершать метаморфозы, ощущать себя и древним воином, и царем, и, подобно Гондле, прекрасным лебедем. Пожалуй, образ птицы по отношению к нему является доминантным. Не случайно А. Куприн в своем воспоминании о Гумилеве пишет о том, что он напоминал птицу.

Образ Анны Ахматовой является сквозным в творчестве Гумилева. Она становится адресатом его юношеской лирики, ее образ вплетается даже в африканские стихи, он неизменно присутствует в произведениях зрелого поэта. Внутренний диалог этих двух художников (то диалог-спор, то диалог-согласие) длился на протяжении всего творчества каждого из них. Их взаимная портретистика насыщена утвердительно-отрицательной семантикой. Ахматова: *Он любил три вещи на свете: За вечерней пенью, белых павлинов И стертые карты Америки. Не любил, когда плачут дети, Не любил чая с малиной И женской истерики. ...А я была его женой* («Он любил...», 1910). Гумилев, изображая Ахматову: *Из логова Змиева, Из города Киева, Я взял не жену, а колдунью. А думал — забавницу, Гадал — своенравницу, Веселую птицу-певунью.*

В стихотворении «Отказ» заглавие и текст вступают в отношения темы/ремы. Весь текст становится семантическим предикатом по отношению к заглавию. В самой лексеме «отказ» уже заключено отрицание. [Основой для написания стихотворения послужили реальные события. Известно, что несколько раз до утвердительного ответа А. Горенко на предложение руки и сердца он получал отказ]. В композиции стихотворения первые две строфы являются утверждением, в них дана мотивация отказа. Образ героини-царицы (*Царица иль, может быть, только печальный ребенок... капризный ребенок... усталый ребенок с бессильною мукою взгляда*) объясняет, почему именно так называется стихотворение, в чем причина ее недоступности. Она предстает (вторая строфа) как повелительница природы, ведь ей даже дельфины «предлагали свои глянцевиные спины». В заключительной строфе актуализировано отрицание *не надо*: *Но голос хрустальный казался особенно звонок, Когда он упрямо сказал роковое: «Не надо»...* Сгущение и взаимодействие тропов в этой строфе — эпитеты *хрустальный* голос, *упрямо* сказал, *бессильная*

мука; синекдоха *он* (голос) *сказал*; метафора *мукою взгляда* — включают в свое тропеическое поле и отрицание *не надо* благодаря эпитету *роковое*. В свою очередь синекдоха «снимает» вину за этот отказ: это словно говорит не героиня, а лишь ее голос. Отрицание с префиксом *бес-* в последнем стихе *бессильною мукою...* свидетельствует о том, что, отказывая, героиня сама испытывает при этом муки страдания.

Заметим, что с Ахматовой в поэтике Гумилева связаны такие важные образы, как образы *рая, смерти, сна, сада*.

В стихотворении «Мне снилось» автор создает образ возлюбленной через описание сна, который оказывается противоположным, контрастным по отношению к реальности. Этот сон можно объяснить как желание сердца, уставшего от долгих страданий: *Лежим с успокоенным взглядом... Но странно, что сердцу не больно, что сердце не плачет... Бессильные чувства так странны, Застывшие мысли так ясны, И губы твои нежеланны, Хоть вечно прекрасны*. В тексте используется четырехкратное отрицание: *сердцу не больно, сердце не плачет, бессильные чувства, губы нежеланны*. Семантика категории состояния *странно* и адъектива *странны* нейтрализует отрицание предикатов и порождает утвердительное значение: то есть сердцу в действительности должно быть больно, и чувства тоже должны быть сильными — такими, какие они и есть на самом деле. Образ героини также приобретает признаки, отнюдь не свойственные ей в реальной жизни: *И губы твои не желанны, Хоть вечно прекрасны*.

В «Садах души» основную часть текста занимает портретная характеристика лирического объекта — *девушки в венке великой жрицы*, которая живет в вымышленных садах души поэта-романтика, в его мечтах. Это возвышенный образ почти неземной красоты. Облик создается с помощью ярких сравнений и рядом последовательных отрицательных словосочетаний с использованием конструкций *ни + не + глагол*: *Глаза, как отблеск чистой серой стали, Изящный лоб, белей восточных лилий, Уста, что никого не целовали И никогда ни с кем не говорили. И щеки — розоватый жемчуг юга, Сокровище немыслимых фантазий...* Образ восхитительной богини вполне объясняет, почему лирический субъект настолько погружен в свой внутренний мир, отрицая суету: *Я не смотрю на мир бегущих линий, Мои мечты лишь вечному покорны. Пускай сирокко бесится в пустыне, Сады моей души всегда узорны*.

В хрестоматийном «Жирафе» перед нами образ не спящей красавицы, не богини и жрицы, а реальной женщины, способной плакать, у которой *сегодня... особенно грустен взгляд*. Поэт приоткрывает важную особенность в тонких отношениях своего героя и героини: с одной

стороны, ощущается его желание и горячая готовность ее утешить (утверждение *Я знаю... веселые сказки таинственных стран...*), с другой — ее нежелание на эту готовность откликнуться (отрицание *Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя*). Таким образом, как и в стихотворении «Мне снилось», мы наблюдаем явление семантической оппозиции, которая возникает благодаря использованию поэтом утвердительных и отрицательных конструкций.

Наконец, в «Пятистопных ямбах» — поэтической исповеди Гумилева — образ Ахматовой раскрыт с предельной глубиной и силой. Здесь они оба, два поэта, прежде всего трагические фигуры своего времени. В тексте два речевых субъекта, я и ты. Как верно замечает И. И. Ковтунова, второе лицо уничтожает дистанцию между говорящим и предметом речи. «Установление речевой связи, диалог с предметом речи — это знак внутренней причастности, близости автора к предмету речи, один из способов его познания», — пишет этот ученый [Ковтунова 1986: 89–90]. В речевой структуре героини использованы лексические повторы с отрицанием (не + деепричастие). Заканчивается ее монолог утвердительной конструкцией (с отрицательной коннотацией) *Навек я отрекаюсь от тебя*. Семантическое значение глагола неопределенного действия настоящего времени *отрекаюсь* дополняется темпоральным наречием *навек*. Это уже не отказ, это суровый приговор — ранее близкого человека объявляют навсегда чужим: *Сказала ты, задумчивая, строго: «Я верила, любила слишком много, А ухожу, не веря, не любя. И пред лицом всевидящего Бога, Быть может, самое себя губя, Навек я отрекаюсь от тебя»*. В речи лирического героя, которая следует после монолога-отречения героини, ярко отражено душевное состояние поэта, его глубокое страдание, сознание своей вины и то же время сила духа. В тексте этого фрагмента, почти полностью основанном на автологии, это состояние передается с помощью различных способов отрицания: *Твоих волос не смел поцеловать я, Ни даже сжать холодных, тонких рук... Я не скорблю. Так надо было. Правый Перед собой, не знаю я обид. Ни тайнами, ни радостью, ни славой Мгновенный мир меня не обольстит... Лишь изредка надменно и упрямо Во мне кричит ветшающий Адам. Но тот, кто видел лилию Хирама, Тот не грустит по сказочным садам...*

Итак, анализ способов утверждения и отрицания при создании образа Ахматовой в поэтике Гумилева (сборники «Романтические цветы», 1908 и «Колчан», 1916) позволяет сделать выводы о заметной эволюции идиостиля поэта, о смене приоритетов в его образной парадигме (он уже... *не грустит по сказочным садам*), о движении к ясности и

простоте языкового выражения. О последней поэт пронизательно заметил, что «для нее одной открыто будущее» [Лукницкая 1990: 148].

В следующем разделе статьи даются примеры многообразных способов отрицания в поэтическом языке Гумилева на материале как раннего творчества (сборники «Путь конквистадоров» и «Романтические цветы»), так и позднего («Огненный столп»), а также на материале стихотворений и поэм, не включенных в авторские сборники. Основное количество примеров составляют приглагольные отрицания с частицей *не*; затем по частотности следует этот же тип, осложненный усилительной частицей *ни*; широко представлены отрицания, включающие отрицательное слово *нет*. Обратимся к примерам:

— **не + глагол**: *Память, память ты не сыщешь знака, Не уверишь мир, что то был я; Я в лес бежал из городов, В пустыню от людей бежал... Теперь молиться я готов, Рыдать, как прежде не рыдал; Ты теперь безмятежнее дня, Белоснежней его облаков, Ты теперь не захочешь меня. Не захочешь моих жемчужов; Крикнул я... но разве кто поможет, Чтоб моя душа не умерла?; Это было, это было в те года, От которых не осталось и следа. Это было, это было в той стране, О которой не загрезишь и во сне; И зато мне не снился Путь, ведущий к добру; Семь почей не закрывал я глаз, От дверей твоих не отходил; Я же с напудренного косой Шел представляться Императрице И не увиделся вновь с тобой; Черная пред ним чернела круча. Старый кручи в темноте не видел, Рухнул так, что затрещали кости, Так, что чуть души себе не вышиб; Видишь, зенды с ветками омелы Тростниковые корзины тащат, Торговать они идут, не биться; Давно вода в мехах иссякла, Но как собака не умру: Я в память дивного Геракла Сперва отдам себя костру; Ах, не слушал я совета, Не спалил ему усов;*

— **не + модальный глагол + инф.**: *Я не смел подойти и не мог отойти И не в силах был словом порвать тишину; И не в силах я бороться, Я спокоен, я встаю — в последних двух примерах модальный глагол заменяется фразеологически устойчивым сочетанием не в силах; Просто золото краше тела И рубины красней, чем кровь, И доныне я не умела Понять, что такое любовь. Значение невозможности, выраженное посредством модальных конструкций с отрицанием, может преобразовываться в абсолютную невозможность, невыполнимость действия при введении в предложение отрицательной частицы *ни* с усилительным значением: Ни шоколад, ни карамели, Ни ананасная вода Меня утешить не умели В сознание моего стыда; Ведь всю ночь, пока ты спала, Ни на миг я не мог заснуть; Петербургская злая ночь; Я один и перо в руке, И никто не может помочь Безысходной моей тоске;*

— **не + императив:** *Не дремлет конь, его не тронь, Огонь в глазах его, огонь; Уйдите, звери, звери! Рак, не тронь! Скорей от козе-рога! Особое внимание следует обратить на повтор отрицательной императивной конструкции. Так, повторяющееся четырехкратное отрицание при императиве в начале центральных трех строф стихотворения «Слоненок» способствует эмфатической окраске всего текста. Композиционно оно поддерживается заключительным *нет* в завершающей строфе: **Не предлагай** ему французских булок, **Не предлагай** ему кочней капустных... **Не плачь**, о нежная, что в тесной клетке Он сделается посмеяньем черни... **Не думай**, милая, что день настанет... **Нет**, пусть тебе приснится он под утро В парче и меди, в страусовых перьях, Как тот, Великолепный, что когда-то Нес к трепетиному Риму Ганнибала;*

— **не + имя (сущ., прил.), местоимение:** *Мы, увы, со змеями не схожи, Мы меняем души, не тела; А не в небо черное, где блещут Недоступные чужие звезды; «Нет, — сказала, — это не цветочки, Это просто золотые пальцы Нам показывают на равнину...»; И плывем мы древним путем Перелетных веселых птиц, Наяву, не во сне плывем К золотой стране небылиц; Мне отмищенье, а не вам отмищенье!;*

— **не + причастие:** *Еще не появившиеся крылья;*

— **не + деепричастие:** *А ухожу, не веря, не любя;*

— **не + наречие:** *Виночертия взлюбил я не сегодня, не вчера. Не вчера и не сегодня пьяный с самого утра; Вымолвил и сразу лег на землю, Не ничком на землю лег, спиной;*

— **не + ни** (тип отрицания, усиленного отрицательными местоимениями и наречиями, при глагольном предикате): *Уста, что никого не целовали И никогда ни с кем не говорили...; Я не знаю, что живо, что нет, Я не ведаю грани ни в чем...; Печальный мир не очаруют вновь Ни кудри душевные, ни взор призывный, Ни лепестки горячих губ, ни кровь, Стучавшая торжественно и дивно; И не спастись ни в глубь, ни в высь, Как змеи стрелы понеслись; Смерть? Но сперва эту сказку поэта Взвесь осторожно и мудро исчисли, — Жалко не будет ни жизни, ни света, Но пожалеешь о царственной мысли; Я предлагал им перья страуса, Плоды, коралловую нить, Но ни один стремленья паруса Не захотел остановить; Я уйду, убегу от тоски, Я назад ни за что не взгляну, Но, сжимая руками виски, Я лицом упаду в тишину; Уверенную строгость береги: Твой стих не должен ни порхать, ни биться, Хотя у музы легкие шаги, Она богиня, а не танцовщица; И ни во сне, ни наяву Невиданные туберозы; Ничего плохого не случилось: Овцы не наелись молочая, Дождь огня священного не залил, Ни косматый лев, ни зенд*

жестокий К нашему шатру не подходили; И ничего не зная о любви, Все ж мучится таинственным желаньем; На высоких кипарисах замолчали соловьи. Лишь один запел так громко, тот, не певший ничего; Но злая Судьба нам не даст наслаждения... И вот мне не любы Ни солнце, ни месяц высокий, Никому не нужны мои губы И бледные щеки; С той поры, что я живу, со мною Ничего худого не бывало, И мое выстукивает сердце, Что и впредь худого мне не будет; По хребту горы помчалась к бездне, Ей никто не побегал вдогонку.

Семантические возможности *нет* широко представлены в поэтическом языке Гумилева. Чаще всего оно используется в значении отрицательной частицы в ответах и противоположно утвердительному да: *Нет, ты должен, мой убийца, Умереть в стране моей; Нет, то просто красных медуз Проплывает огромный рой; Всем оскорбителям мы говорим привет, Превозносителям мы отвечаем — нет!; Ты, обожаемая, злая, Мне гордо отвечаешь: «Нет!»; Нет, буду ждать, чтоб мне, как рыбаю, Явился в облаке Христос.*

Другое значение *нет* — не имеется в наличии, отсутствует — и противоположно есть: *Ее ответу Он внимлет, смущенный: «Мне подобных нету На земле зеленой»; Он станет порхать по дугу, Садиться на вязы эти И звать подругу, Которой уж нет на свете; Только вспомнишь — и нет вокруг Тонких пальм, и фонтан не бьет, Чтобы ехать дальше на юг, Нас не ждет большой пароход.*

Конструкции с *нет* могут осложняться отрицательными частицами *не* и *ни*, а также отрицательными местоимениями и наречиями: *Где пел Гюго, где жил Вольтер, Страдал Бодлер, богов товарищ, Там не посмеет изверг Плясать при зареве пожарниц... И нет, не нам, твоим жрецам, Разбить в куски скрижаль закона; Нет, ничего не изменилось В природе бедной и простой, Все только дивно озарилось Невыразимой красотой; На террасе отеля сесть И спросить печеных лангуст. Ничего нет в мире вкусней Розоватого их хвоста, Если соком рейнских полей Пряность легкая полита — в данном контексте *нет* употреблено в значении не существует, не бывает вовсе; Я знаю все слова и их сокрытый смысл. Я все их спросил, но нет ни одного Сильнее тайны сил флюида твоего; Еще не наступил рассвет, Ни почти нет, ни утра нет; В горах мне люб и Божий свет, Но люб и смерти миг единый! Не заманить меня вам, нет, В пустые, скучные долины — категорическое отрицание при инфинитиве усилено семантикой *нет* в постпозиции, несущего на себе логическое ударение;*

— *нельзя: О любви спросить у мертвых неужели мне нельзя?*

— *нельзя + ни: Уже ни пить, ни смотреть нельзя;*

— **предлог и префикс без-(с-):** *На льдах тоскующего полюса, Где небосклон туманом стерт, Я без движенья и без голоса, Окровавленный, распростерт; Сердце безгневно и взор твой делеен; Их давит власть бездонных слов; ...И рыдают бессильные гномы В тишине своих новых владений... Их, оставленных ласковым светом, Окруженных безрадостной ночью; И на дне мирового колодца Он безумье свое проклянет; И в безумствах теокалли Что-то слышится шное, Жизнь без счастья, без печали, И без бледного покоя; Для чего мы не означим Наших дум горячей дрожью, ... Для того ль, чтоб бесполезно, Без блаженства, без печали Между Временем и Бездной Начертать свои скрижали. ... Бросить тягостные знаки Утомленья и бессилья;*

— **совсем не:** *И совсем не в мире мы, а где-то На задворках мира средь теней;*

— **так..., что не:** *Так пыльна здесь каждая дорога, Каждый куст так хочет быть сухим, Что не приведет единорога Под уздцы к нам белый серафим;*

— **ни + ни (+ ни):** *Но что нам делать с розовой зарей Над холодеющими небесами, Где тишина и неземной покой, Что делать нам с бессмертными стихами? Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать;*

— **отрицательное наречие + не + глагол:** *Машенька, я никогда не думал, Что можно так любить и грустить; Никогда сюда тропа не завела Пэра Франции иль Круглого Стола, И разбойник не гнезвился здесь в кустах, И пещерки не выкапывал монах.*

Кроме того, отметим случаи двойного отрицания со значением утверждения: пример литоты, отрицание отрицания — *И будет твой услышан зов, Мольба не явится бесплодной, Уйдя от радости лесов, Ты будешь божески свободной* — утвердительное значение всего контекста строфы поддерживается глагольной связкой в будущем времени и семантикой наречия *божески* со значением сравнения, будешь свободной как Бог. Двойное отрицание *не... не:* *Хоть он [огонь] жжжет, но он всеми любим, Он лучистый венок для Христа, И не может он быть не живым.*

Гумилев утверждал, что не следует начинать стихи с отрицания, с *нет* и *не*. Однако мы находим у поэта немало стихотворений, которые начинаются отрицанием: «Не всегда чужда ты и горда...», «Не знает кто из нас мотива...», «Не семью печатями алмазными...», «Нет воды вкуснее, чем в Романье...», «Нет дома, подобного этому дому!...», «Нет, не думайте, дорогая...», «Нет, ничего не изменилось...», «Нет тебя тревожней и капризней...», «Нет, я не в том тебе завидую...»

Через утверждения и отрицания, через снятие масок (*Я откинул докучную маску*) поэт выходит «на священные тропы» подлинного слу-

жения искусству, очищая свое сердце и душу на этом пути и уже не боясь предстать перед этим миром таким, каков он есть на самом деле. Это движение к ясности, к ясности в самом себе, а следовательно, и в языке, от образа конкистадора в панцире железном к библейскому «да» — «нет».

ЛИТЕРАТУРА

- Аругюнова, Ширяев 1983 — *Аругюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
- Бем 2001 — *Бем А. Л.* Исследования. Письма о литературе. М., 2001.
- Гумилев 1991 — *Гумилев Н. С.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1991.
- Гумилев 2000 — *Гумилев Н. С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000.
- Ковтунова 1986 — *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Лукницкая 1990 — *Лукницкая В.* Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под. ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

НИКТО, НИЧТО И КТО УГОДНО: «АПОФАТИКА» Ю. БУЙДЫ

В статье описано употребление отрицательных конструкций в рассказах Ю. Буйды, определена их роль в формировании центральных мировоззренческих концептов *Жизнь, Смерть, Любовь*. Показано, что широкое распространение негации в прозе писателя восходит к традициям апофатики.

Ю. Буйда принадлежит к тем современным писателям-филологам, чье глубокое знание мировой культуры находит свое отражение в художественном творчестве. Частое обращение Ю. Буйды к апофатическому и катафатическому способу рассуждений свидетельствует об осознанном использовании приема, направленного на прояснение центральных мировоззренческих концептов, раскрытие которых и составляет основное содержание его произведений, определяет построение сюжета, образы персонажей, язык описания и структуру произведений.

Представляется очевидным, что сам стиль его повествования направлен на постоянное обнаружение того загадочного «нечто», которое неизбежно ускользает от любого осмысленного предложения или эксплицитного правила. Поэтому там, где речь идет об онтологических проблемах Бытия (вопрос о смысле жизни, о сущности Красоты и Любви), автор отдает явное предпочтение апофатическому методу исследования.

Термин «апофатика» связан с апофатической теологией, применяющей метод отрицания, парадокса и антиномии в богопознании (греч. *Apophatikos* — «отрицательный»). К ее основным положениям принадлежит убеждение, что сущность Бога и тайны веры невозможно постигнуть, прибегая лишь к разуму, и что в языке нет адекватных слов для выражения Божественной сущности¹.

Катафатическая (утвердительная) теология признает метафоричность используемых позитивных утверждений в познании Бога, считая такой способ оправданным ввиду аналогичности тварного бытия. По

¹ На рубеже веков в Сирии неизвестным христианским писателем был создан ряд богословских трактатов, опирающихся на библейскую традицию и на традиции философии неоплатонизма, который был издан (для авторитетности) под именем Дионисия Ареопагита (V–VI вв.). Корпус «Ареопагитики» включает пять трактатов, в которых автор размышляет о сущности божественного Имени [НФЭ 2000/1: 151].

отношению к Ю. Буйде термины «апофатический» и «катафатический» употребляются в несколько расширительном смысле, поскольку объектом рефлексии является у него не только Бог, но и Красота, Любовь, Тайна. Все они рядоположены и связаны в конечном итоге с центральными концептами Жизни и Смерти.

Отрицание всякого определения и содержания, составляющее основу отрицательного понятия, может иметь различное происхождение и смысл. Оно может указывать на невыразимость и неопределенность того, что погашается отрицанием, и совпадать в этом смысле с греческим οὐκ οὐ (укон) — «полное отрицание», чему соответствует понятие «бесконечное суждение» в логике или апофатический метод в теологии. Но оно может также означать и отсутствие определения — неопределенность, соответствуя греческому μὴ οὐ (меон), которое в данном случае должно быть передано как «еще не», или «пока не», или «уже не» (эволюционно-диалектический путь развития мысли, катафатический метод познания). Первое соответствует невозможности определения, второе обозначает невыявленность и неопределенность как потенциальность бытия.

В рассказе «О реках, деревьях и звездах» катафатический способ определения отвергается как ничего не дающий для понимания загадки бытия: *«Ну, в самом деле, что можно сказать о реке? Течет себе в глинистых берегах, весной и осенью разливаясь, затопливая сенокосы в пойме, зимой тихонько урчит подо льдом. Деревья шумят под ветром, сбрасывают листья, чтобы весной зацвести и осенью пожелтеть»* [Буйда 1998: 272]. Аналогичным образом автор отвергает и возможности научного знания. Вместо этого говорится о возможности вчувствования в мир, которое может дать мгновение постижение его как Целого. Тем не менее при этом не может быть достигнуто словесное определение того, что переживает человек. Отсюда частые у Буйды отрицательные конструкции со словами, означающими знание: *«любовь не весть к чему и к каму», «Один он, как Бог, хотя при чем здесь Бог, неизвестно», «Я не знаю что...»*. Буйда говорит о невыразимости Тайны: *«но выразить это словами? Какими? Главное... по-прежнему ускользает от слов»* [Там же: 272]. Он признает ограниченность самих возможностей языка, ибо *«слово „река“, слово „дерево“ или слово „звезда“ ничего не значат перед рекой, деревом или звездой»* [Там же: 272]. Употребляя отрицательные конструкции со словами «река», «дерево», «звезда», автор эксплицирует их символическое значение: «река» — «время», «дерево» — «жизнь», «звезда» — «тайна» и утверждает невозможность определения сущности Жизни, Времени и Тайны мироздания. Поэтому герои его рассказов лишь *«беспричинно»* смотрят на звезды, а *«беспри-*

чинные» герои рассуждают о жизни и смерти. Употребляя эпитет «беспричинный», Буйда указывает на то, что тайна и смысл жизни постигаются не рациональным, но интуитивным путем, т. к. выходят за рамки привычной для нас логики: *«Не смерти ты боишься, а жизни. Смерти нет — есть только похороны»*, — полагает «беспричинный» человек Митя Северин из рассказа «Беспричинный человек» [Буйда 1998: 275]. Подобные утверждения парадоксальны: они обнажают антиномичную сущность истины и не имеют логического завершения.

С другой стороны, автор намеренно использует познавательные возможности логического отрицания, в котором положение «S не есть P» указывает на категорию Небытия как Бытия и являет собой небытие одного в другом: *«Девочки не было. Девочка была. Скорее всего оба утверждения одинаково справедливы, и с этим, увы, надо примириться, хотя это и невозможно. Девочка, женщина... Я никогда не встречаю ее — я никогда не расстанусь с ней»* [Там же: 260]. Это сложное парадоксальное высказывание, построенное на отрицании, является непосредственной рефлексией героя рассказа «Женщина и река», в котором методом антиномий, воссозданным посредством последовательного чередования «Да» и «Нет», Буйда обнажает противоречивую сущность истины и конструирует параллельные художественные миры, в каждом из которых действуют свои законы, но которые при этом способны пересекаться и даже сливаться (сновидения, реальность, воображение). Мерцания смысла между «Да» и «Нет» позволяют писателю выразить зыбкость, пограничность, относительность определений. Чем стала Восточная Пруссия для Буйды, одновременно *«гордивившимся победой славян и поляков под Грюнвальдом и сострадавшего судьбе Ульриха фон Юнгингена, погибшего в схватке с литовцами и похороненного в часовне замка Бальга»*? Только «невестой», «именно невестой: не чужой, но и не женой» [Там же: 8].

Отрицательные определения способны обозначить ту жизнь, которая всегда «между»: между вымыслом и реальностью, сном и воображением; определить то время, которое «еще не» или «уже не» и которое вообще «вне времени», потому что оно «вечное» (имплицитное отрицание времени, будет рассмотрено дальше).

Отрицание катафатического способа приводит писателя одновременно к крайним выводам апофатики о невыразимости Сущего. Наиболее наглядно это представлено в рассказе «Рита Шмидт Кто Угодно» [Буйда 1998: 116], где рассуждения о Боге прямо встраиваются в апофатическую традицию: *«Он не мужчина, не женщина. Не ребенок. Не русский, не немец, не еврей. Он — Никто. Он — Кто Угодно»*.

То есть Никто». В построении подобных конструкций автор пользуется хорошо знакомым методом христианской апофатики, составляющей основу работы Дионисия Ареопагита («О божественном Имени»): *«Бог — это не душа и не ум, а поскольку сознание, мысль, воображение и представление у Него отсутствуют, то Он и не разум, и не мышление и ни уразуметь, ни определить Его — невозможно»* (см. Дионисий Ареопагит [Христианская мудрость 2007: 66]).

Конечно же, апофатика Буйды имеет существенные отличия: во-первых, отвлеченную понятийную лексику Ареопагита («тьма», «свет», «истина», «утверждение») у Буйды сменяет конкретная лексика: *«мужчина», «женщина», «ребенок», «еврей», «русский»*. Во-вторых, мысль писателя движется от отрицательных суждений к утвердительным — катафатическим, на которых автор делает особый смысловой акцент. Ареопагит допускает катафатику в случае Божественного откровения, явленного человеку в образе Святой Троицы, однако важнейшей для него остается мысль о трансцендентной сущности Бога. Буйда же подчеркивает сопричастность Божественного и человеческого начала, так как полагает, что именно этот факт является определяющим в жизни человека. Словесным изображением Троицы: *«Он — Кто Угодно. То есть в том, кто готов стать Кем угодно. Как Его Сын, самый великий Кто Угодно... Может быть, только потому и живут люди в таком мире, что существует этот Кто Угодно...»* — завершается мучительное размышление главной героини Риты Шмидт о взаимосвязи божественной и человеческой сущности [Буйда 1998: 146].

Данные особенности апофатики писателя связаны с идеей сопричастности Божественного и человеческого начала, которая составляет основу мировоззренческой концепции автора, иначе Бог, который был бы только трансцендентен миру, оставался бы для человека совершенно нейтральным, равнозначным чистому Ничто (полному отрицанию). Поэтому, подбирая определения для обозначения таких сложных, но вместе с тем важных философских понятий «Бог», «Тайна», «Красота», «смысл жизни», Буйда отдает предпочтение отрицательным определениям, указывающим на невозможность их словесного обозначения, на их неопределенность: *«нечто недоконченное», «невысказанное или недосказанное», «что-то непрощенное», «неопределенное»*. Если эпитеты христианской теофании² строятся в определе-

² Теофания — это временное и частичное самооткровение Бога, инициированное Им Самим, явленное человеку в откровениях, в которых человеческое сознание способно его воспринять [Герасимчук В. Имя Божье как одно из форм ветхозаветной теофании // <http://monotheism.narod.ru/bibliotheca.htm>].

ниях «сверх» (*«Всемогущий», «Всевышний», «Вечный»*), то Буйда, указывая на то, что *«злоупотребление превосходными степенями прилагательных применительно к качествам Бога выдает его склонность к мегаломании»* [Буйда 2001: 24], отдает предпочтение отрицательному префиксу «НЕ». Определения, построенные подобным образом, сочетают в себе возвышенность с непостижимостью и вместе некоторую соотнесенность с человеческой жизнью: *«безумные высоты», «непонятная сила звука», «что-то возвышенно-бессмысленное», но «ради этой бессмыслицы можно было и умереть»* («Рыжий и Рыжая») [Буйда 1998: 239].

В рассказе «Рыжий и Рыжая» художественная «теофания» представляет собой развернутую картину, построенную на парадоксальных суждениях, метафорах и эпитетах, основу которых составляет лексическое и синтаксическое отрицание: *«Это было что-то, похожее на пение, но нет, это была не песня (хотя, конечно, чаще всего именно песня), вообще не что-то определенное. Звук был чистым, божественно чистым, был так высок, его было так много, что его как бы уже и не было»* [Там же: 238]. Там, где в текстах Буйды речь идет о сущности истины и высших смыслах жизни, нарушаются привычные нам лексические и грамматические нормы. Это вполне закономерно, так как всякая теология в поисках языка, подходящего для описания невыразимого, приходит к парадоксам: *«невозможно выразить, что Бог находится по ту сторону языка, без обращения к языку, поэтому должен быть найден некий компромисс»* [Мечковская].

Положительное богословие признает, что мы должны использовать слова, желательно самые лучшие и возвышенные, отрицательное — отказывается от компромиссов. Буйда находит свой компромисс, заключающийся в последовательном сочетании отрицания и утверждения. Возникающая при этом множественность смыслов открывает свободное пространство для игры лингвистических абстракций. Всякий используемый предикат отбрасывается как имеющий частицу лжи и корректируется, чтобы снова быть отброшенным. Тайна, не являясь ни положительной, ни отрицательной, должна содержать все возможные слова, но напряженность между сказанным и несказанным остается:

«Смерти нет — есть похороны» («Беспричинный человек» [Буйда 1998: 274]); *«Добра-то много, да добра-то нет»* («Продавец добра» [Там же: 261]); *«...А никакой другой правды и нету. Впрочем, ее и во все нету. Это разве правда? Правда?!.. Но какой же тогда язык нужен, чтобы поведать эту правду — и не умереть? Небесный? Живой? Земной? Мертвый?»* («Рита Шмидт Кто Угодно» [Там же: 148]).

Следовательно, факты восприятия внутреннего и внешнего мира указывают на необходимость создания системы понятий, в которых идея бесконечности является первоначально в отрицательной форме. Однако мысль не довольствуется этой отрицательной формулировкой идеи, а превращает ее в положительную идею бесконечного пространства, вечности, актуальности и совершенства. Эту положительную идею Бесконечности Гегель называет «истинной Б.», в противоположность «дурной Б.». Буйда говорит о том, что *«Тотального... „Нет“ никогда не существовало»* [Там же: 307]. Между Абсолютным и относительным пролегает грань творческого «Да будет», которое превращает «ничто» в свой особый центр. Поэтому акт творчества (творения), по мысли писателя, уподобляется вечному возвращению и узнаванию скрытых смыслов. По мысли писателя *«рассказчик есть рассказ»* — то есть «*nihił*», Ничто с потенцией Нечто (греч. μή ον (меон), в своем творчестве преодолевающий смерть. Поэтому «поэт» — это «Да», он — «Всегда».

Поскольку отрицание становится источником новых смыслов и является одним из важнейших художественных приемов в творчестве писателя, мы можем выделить несколько лексико-семантических групп с отрицательными конструкциями:

1. ЛСГ, выражающая идею непостижимости, неисчерпаемости смысла жизни и Божественного имени. Отсутствие лексемы, способной обозначить сущность красоты, любви, тайны мироздания, приводит в этом случае к употреблению отрицательных определений, выраженных формой словосочетания:

«Непонятная сила звука» («Рыжий и Рыжая»), *«неуловимое, влекущее и невыразимое»* («О реках, деревьях и звездах»), *«невывыказанное и недоказанное, ...что-то неопределенное»* («Рита Шмидт Кто Угодно»).

2. ЛСГ, выражающая идею «безумия», под которой автор подразумевает иррациональный способ постижения смысла жизни, неподвластного причинно-следственным законам и постигающегося на уровне чувств. Эту группу составляют такие лексемы, как *«юродивый», «сумасшедший», «безумный», «беспричинный», «бессмысленный», «дурак»*. Они образуют синонимический ряд, объединенный значением «отступление от нормы», «иной, не такой, как все»³.

³ Концепту «дурак» помимо широкой семантической вариативности, присуща оценочная амбивалентность: в мифологической модели дурак — добрый, нравственный человек; в идейной модели (юродивый) — правдивый, праведный, святой [Басурина 2007: 338–345].

Именно герои, лишённые рассудочности, способны почувствовать любовь, проявить сострадание. Таковы мечтательный, странный Чекушенок, быстро осознавший, что *«свобода — это неестественность»* («Братья мои жаворонки»), городской сумасшедший Вита Маленькая Головка («Апрельское завешание», «Вита Маленькая Головка») и другие. «Безумис» героев становится не ущербностью вследствие потери рассудка, но является врожденной особенностью, отличающей их от других людей и дающей возможность приобщиться к Тайне. Поэтому «безумные», «сумасшедшие» герои Буйды близки юродивым, которые издавна на Руси считались *«Божьими, Божевольными людьми»* (Сл. В. Даля).

3. ЛСГ, выражающая идею *вечности* и *бесконечности* мироздания. Лексема «вечность» имеет несколько значений; в обоих случаях они содержат семантику отрицания. Во-первых, В. означает свойство и состояние существа, безусловно не подлежащего времени, т. е. не имеющего ни начала, ни продолжения, ни конца во времени, но содержащего зараз, в одном нераздельном акте, всю полноту своего бытия; такова В. существа абсолютного [НФЭ 2000, 1: 390]. Под В. разумеется также бесконечное продолжение или повторение данного бытия во времени [СУ 1940]. Следовательно, лексема «вечность» содержит имплицитное отрицание категории времени, а также отрицание понятий «начала» и «конца». Данная мысль является важной составляющей мировоззрения писателя, утверждающего беспредельность пространства и времени: *«Я жил в вечности, во всех временах вечности шел дождь»* [Буйда 1998: 7], *«Бог — это созданный им мир. Бесконечный и вечный, как сам Бог»*, *«Время бесконечно, пространство безгранично»* [Там же: 188].

Будучи опровержением предшествующего утверждения, отрицание подразумевает диалог [Бондаренко 1983: 186–190]. В этом значении оно выступает в качестве композиционного структурообразующего элемента во многих произведениях писателя («Рассказы «СТВО»», «Дерево смерти», «Апрельское завешание», «Рита Шмидт Кто Угодно», «Синие Губы», «По имени Лев», «О реках, деревьях и звездах», «Рыжий и Рыжая»). Движение мысли в диалоге направлено от отрицания к утверждению: Буйда намеренно использует логический концепт преодоления ложного знания через отрицание. Зачастую финальное высказывание в этом диалоге принадлежит самому автору и составляет сильную текстовую позицию — своеобразное резюме рассказа: *«Вот и вся история рыжей Лизы и рыжего Петра Иевлевых. Хотя я не думаю, что это вся история, думаю даже, что что-то осталось за пределами этой истории — жизнь ли, Бог ли, любовь ли, звук ли какой, предшествующий слову, как*

любовь предшествует жизни. — что-нибудь да осталось, — иначе зачем живы мы, Господи?» («Рыжий и Рыжая»).

Таким образом, отрицательные конструкции в произведениях Ю. Буйды являются одним из основных художественных приемов, отражающих особенности авторского мировоззрения. Логическое отрицание у писателя обрастает образностью и зачастую представляет собой непосредственную рефлексию героев в моменты их высшего душевного напряжения. Оно выступает как выразительное средство языка, придающее художественному дискурсу экспрессивность и эмоциональность, служит развитию внутренней и внешней полемики, участвует в экспликации мыслительной деятельности автора, указывая на возможные пути положительного развития идеи.

ЛИТЕРАТУРА

Буйда 1998 — Буйда Ю. Прусская невеста. М., 1998.

Буйда 2001 — Буйда Ю. Желтый дом. М., 2001.

Бондаренко 1983 — Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.

Басурина 2007 — Басурина Е. В. Дурак // Антология концептов. М., 2007.

Дионисий Ареопагит — Дионисий Ареопагит. Христианская мудрость / Сост. В. В. Лавский. М.; Ростов-на-Дону, 2007.

Мечковская — Мечковская Н. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религии // http://www.fictionbook.ru/author/mechkovskaya_nina/yazik_i_religiya.

НФЭ — Новая философская энциклопедия. М., 2000. Т. 1.

СУ 1940 — Толковый словарь русского языка. Т. 1 / Гл. ред. Д. Н. Ушаков. М., 1940.

А. Г. ГРЕК

ОТРИЦАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ «УТВЕРДИТЕЛЬНОЙ» ПОЭТИКИ: ВЯЧ. ИВАНОВ И Б. ПАСТЕРНАК

Памяти Георгия Чистякова

Не потрясения и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Души воспламененной чьей-нибудь.

Понятие «утвердительная» в отношении поэтики условно. С. С. Аверинцев, сравнивая Пастернака и Мандельштама, прибегает к аналогии с известными в богословии понятиями: *via positive* — «путь утвердительный» и *via negative* — «путь отрицательный» [Аверинцев 1990: 214]. Так, при характеристике поэтики раннего Пастернака он обращается к «ряду утвердительных констатаций», устанавливая важность того, что у «Пастернака есть». При описании мандельштамовской поэтики центр тяжести, по словам Аверинцева, перемещается «на констатации отрицательные: крайне важно, чего у Мандельштама *нет*» [Там же: 213].

«Утвердительный» характер поэтики Пастернака обнаруживает себя в перенасыщенности словаря необычными лексемами, в присутствии редких речений, в размытости границ между именем собственным и нарицательным [Там же: 214]. В этот ряд входят и сравнительные конструкции, обилие которых, их нетрадиционный характер составляет одну из отличительных особенностей языка поэта [Ковтунова 2003/1995]¹.

«Утвердительной» можно назвать и поэтику Вяч. Иванова, язык которого отличается богатством и полнотой реализованных в нем возможностей, о чем писали современники поэта [Зелинский 1917: 109], не уставал повторять один из наиболее проницательных его читателей последней трети XX в. [Аверинцев 1976: 62; Аверинцев 2001: 72]. Биограф

¹ Обилие сравнений-метафор в поэзии Пастернака сопоставимо с поэтикой древнеиндийской драмы Шудраки «Глиняная повозка» — см. [Топоров 1998: 280–314].

и друг Вяч. Иванова О. Шор-Дешарт об «утвердительной» доминанте его поэзии писала так: «Есть поэты от *Да* и поэты от *Нет*. В поэзии В. И. (Вячеслава Иванова. — А. Г.) *Да* есть основной звук и первый двигатель. Не даром само имя его — Вячеслав — значит славословие <...> Иванов не боится наименовывать» [цит. по: Иванов 1971/Л: 45].

Богатство, полнота реализации, наличие в языке, средствах выражения, сходство в принципах отношения поэта к миру могут, таким образом, служить основанием для сравнения двух таких разных поэтов, как символист и религиозный мыслитель Вяч. Иванов и Б. Пастернак, который, по справедливому замечанию Аверинцева, «очень решительно сопротивлялся возведению поэта в ранг метафизика и теолога»². В формировании положительной константы мира у символиста Иванова и критически воспринимавшего символистов³ Пастернака участвуют средства негации. Этот парадокс выражения «утвердительности» через негацию хорошо известен языку. Он связан с логикой языка, определенными мыслительными навыками, типом культуры [Арутюнова 1976: 215; Падучева 1974: 144–145; Аверинцев 1997: 227, 229; и др.⁴]. Об этом парадоксе в текстах христианской тра-

² О том, что эти различия носят относительный характер, свидетельствуют, в числе прочего, факты «поэтической биографии». Так, Б. Пастернак в письме к родителям из Петровского на Оке от 20 июля 1914 г. пишет: «Часто захожу к Ивановым. Он знает, что мы разных с ним толков, но нескрываяемо <...> — благоволил ко мне. Доказывает, что то, что я называю просто обостренною выразительностью и вообще истинной, оригинально созданной художественностью — есть — я-с-н-о-в-и-д-с-н-и-е!! И когда я ему говорил что-то о наблюдениях над змеей, или о том, как я представляю себе солнце в Египте, с тою, свойственной мне манерой *независимости* от нехудожественной *привычки* и верности свежему впечатлению, к каким бы неожиданностям оно меня ни приводило, он повторял, что это все плоды ясновидения...» [Пастернак 2004: 106–107].

³ Ср. «Искусство реалистично как деятельность и символично как факт», а также рассуждения Пастернака об историческом символизме как «огромном гнезде, слеполенном из земли и неба, жизни и смерти и двух времен, наличного и отсутствующего» [Пастернак 1985/П: 7, 194].

⁴ В указанном труде («Поэтика ранневизантийской литературы») один из ключевых мотивов христианской мысли определяется как «сопоставление двух неизмеримых, непроницаемых бездн — бездны греха и бездны благодати». Там же о «парадоксальных антиномиях «неслиянного и нераздельного» совмещения Бога и человека в личностном единстве воплощенной второй ипостаси, такого же совмещения человеческой муки и радостной божественной победы в страданиях Христа», определяющих собой коренную специфику христианства (с. 229); о контрастах «Книги притч Соломоновых» (с. 161); об антиномиях и «диалектике» ранневизантийской литературы, ее различных

диции Востока и Запада, посвященных Богородице и Деве Марии, писал в одной из своих последних статей Г. Чистяков — филолог-классик, историк древностей, богослов, ученый, журналист, священник⁵.

«Отрицание» в атмосфере «утвердительности», которая царит и в поэзии Иванова, и в творчестве Пастернака, связано с определенными сферами опыта человеческого бытия, определяется глубинным отношением поэта к миру, в основе которого лежит христианское мирозерцание, взглядами на природу искусства, поэтической традицией, индивидуальностью. Выбор форм отрицания, их отмеченность в языке и текстах каждого из поэтов обусловлены их стилистической ориентацией и языковой стратегией, а также специфической организацией поэтического стихотворного текста.

Вяч. Иванов, по словам С. С. Аверинцева, «как будто не веровал, а просто видел и знал бытие Божие из непосредственного опыта» [Аверинцев 2001: 63]. Это видение, онтологическая укорененность в Божественном определяют модус «положительности» и ее высокий градус в поэзии Иванова, мифологизм и близость к ритуалу которой отнюдь не препятствовали этому. Программное стихотворение Иванова «Красота» (сб. «Кормчие Звезды») — о посвящении лирического героя в таинство Поэзии и Красоты⁶ — воспринимается как утверждение бытия, см.: *Я пошу кольцо И мое лицо — Кроткий луч таинственного «Да»*⁷.

жанров, об изощренной парадоксальной игре образов и звуков и т. д. (с. 79, 187, 229, 248 и др.).

⁵ Эпитеты, которыми в славянском «Часослове» «награждается Богородица» и которые в исходных греческих словах начинаются с префикса α-: ασπλε — *Нескверная*, αβουτε — *Неблазная*, αφορε — *Нетленная*, αφρατε — *Пречистая*, αγγη — *Чистая* — представляют, по мысли автора, своего рода «апофатическую» мариологию христианского Востока, цель которой показать, что Св. Дева никоним образом непричастна ни греху, ни скверне, ни пороку, ни глению, ни какой бы то ни было нечистоте. Все эти прилагательные сродни лат. *immaculate* — *Непорочная*» [Чистяков 2006: 126].

⁶ Ср.: «символизм держался верой, что настоящая жизнь символиста начинается с некоей инициации, делающей его символистом, и что все предшествовавшее — предыстория, значения не имющая» [Аверинцев 2001: 69].

⁷ В цикле «Царство Прозрачности» (сб. «Прозрачность») контексты с их символикой разных камней призваны обнаружить смысловое многообразие этой формы, за которым открывается полнота бытия, ср.: *Луча божественное Да; Как Да пылающее, яр; Земли божественная значность, Ее рождающее Да* и т. д.

Другое известное стихотворение Иванова — «Молчание»⁸ (сб. «Cor Ardens») запечатлевает опыт встречи поэта с Божественным через отказ от слова, речи⁹, вообще от восприятия звуковой стороны мира, см.:

В тайник богатой тишины
От этих кликов и бряцаний,
Подруга чистых созерцаний,
Сойдем — под своды тишины,
Где реют лики прорицаний,
Как радуги в луче луны.

[Иванов 1974/II: 262]¹⁰

Свидетельство поэта-символиста о *via negative*, о духовной безмолвной молитве как пути мистического единения с Богом¹¹ находит выражение в апофатическом строе текста¹²: именах, референтный смысл которых исключает речь-слово и всякий звуковой образ¹³: *молчание* (2 употр.), *тишина*, *созерцание*; *молитва*; адъективах с префиксами *без-* и *не-*¹⁴: *безглагольный*, *безмолвный*, *неизреченный*; *слож-*

⁸ Стихотворение обращено к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал — второй жене поэта и писательнице из круга символистов.

⁹ О роли идеи молчания в различных доктринах конца античной эпохи и начала средневековья см. [Аверинцев 1997: 56–57]. См. также о природе молчания с привлечением широкого круга текстов русской и западной литературной традиции в статье свящ. Г. Чистякова «Язык обитателей Неба» [Чистяков 1998: 18].

¹⁰ Далее при ссылке на это издание указывается только том и стр.

¹¹ В опыте Восточной Церкви такая молитва связана с *исихазмом* [Лосский 1991: 233] — от *исихия*: греч. ἡσυχία, — обозначающим идеал уединенной и отрешенной аскетической сосредоточенности. На славянский язык слово *исихазм* переводилось по традиции словом *безмолвие* [Аверинцев 1997: 272, 80]. Об ином молчании, отражающем глубочайший кризис России и вместе с тем чувство истощенности ресурсов творчества, Иванов скажет в одном из разговоров с М. Альтманом: «Мы дошли до такой грани, когда уже не следует ничего говорить. Только молчать» [Альтман 1995: 76].

¹² Об изоморфизме формы и содержания в мифопоэтическом тексте см. [Топоров 1995: 575–576 и др.].

¹³ Толкование каждой из этих лексем может включать компонент 'отрицание речи'.

¹⁴ *Без-* (орфогр. также *бес-*), *не-/не* обозначают отсутствие или противоположность [РГ-80/I: §686, 697; Апресян 1995: 309–310]. О практике перевода греческих прилагательных с приставкой *α-privativum* в древнерусском языке XI–XIV вв. прилагательными с приставками *без-* и *не-* см. [Виноградова 1967: 22–24].

ных образах и конструкциях: см. *лики прорицаний* со «снятой» семантикой говорения¹⁵ и др.

Употребление апофатических форм в поэзии Иванова в значительной мере обусловлено его символистским мировосприятием, интересом к миру духовному и метафизическим основам человеческого бытия. Христоцентричность мировоззрения поэта, не исключаящая живой заинтересованности в античности, его не боящаяся крайностей языковая стратегия отражаются в характере употребления этих форм, их семантике.

Диагностически важным в указанном отношении является стихотворение Иванова «Богопознание» (сб. «Свет Вечерний»). О противопоставленности рационального опыта Богопознания, выраженного в слове, мысли, и опыта сердца — мистического, иррационального, поэт говорит, используя форму негации, в первой строфе:

Мужи богомудрые согласно
Мудрствуют, что Бог *непостижим*.
Отчего же сердцу дивно ясно,
Что оно всечасно
Дышит Им,
И Его дыханью сопричастно,
И всему живому с Ним?

[III: 552–553]

Апофатизм предиката *непостижим* при слове *Бог* изоморфен здесь непостижимости Божественного на путях рационального познания (см. *мудрствуют*) и в ситуации, когда слова бессильны обозначить Его запредельность, огромность, исключительность. Сердце же, напротив, способно почувствовать присутствие Бога и ощущать бытие в Боге. Все предикаты, относящиеся к сердцу и выражающие позицию лирического субъекта, имеют утвердительную модальность: *дивно, ясно, дышит, сопричастно*.

Вторая строфа содержит отрицание опыта «святого сердца» как единственного пути, на котором открывается любовь Господня: *И дана та часть в любви Господней. Не святому сердцу одному: Нет, чем грех черней и безысходней, Тем из преисподней Зов к Нему Естеству земному соприродней*. Это двойное отрицание — ступенька к утвердительному высказыванию о пути противоположном: от греха,

¹⁵ Прорицание ‘предсказание’ от *прорицать*, *прорѣкати* — тот же корень, что и в слове *речь* [Срезневский II: 1562–1563]. *Лики прорицаний* — предсказания, как бы отраженные в зрительных образах.

но сходном с первым на глубине, ибо он тоже ведет к встрече с Богом: *И спучится Гость в тюрьму.*

Особенно много стихов, где о путях духовных сказано на языке апофатики, в «Кормчих Звездах». Буквально пронизан формами с *не* «Стих о Святой горе»: *Уж и к той ли горе дороги неезжены, И тропы к горе неторены... И того следы неслежены... А числом угодники нечислены, Честным именем подвижники неявлены, Неявлены — неизглаголаны... Что сами творят, не видят, не ведают, Незримое зиждут благолетие...* [I: 557]. Стихотворение «Альпийский Рог» с его пушкинской эхо-образностью содержит слова с *не-*, определяющие некоторые черты высшего, ангельского мира, запечатленного гением в своем творчестве: *неизреченно-сладостных* (созвучий), *незримого* (хора духов), *неземных* (орудий).

В стихотворении «Аттика и Галилея» (сб. «Cor Ardens») поэтическая формула *Невеста Невенестная* из «Акафиста Пресвятой Богородице», несмотря на преобразования (дистантная связь, введение глагола с распространяющим именем): *Невенестная сходит с водоносом Невеста* — обозначает, как и в каноническом тексте, единство и сопряжение противоположного в христианском мировоззрении¹⁶. В стихотворении «Ты царским поездом назвал...» (сб. «Нежная Тайна»), посвященном А. Блоку, поэтическая формула с *не-* выражает одну из констант символистского мировоззрения — устремленность к Вечности: *Чрез мрак — туда, где молкнут бури, К недвижным ледяным звездам.* В стихотворении «И снова ты пред взором видящим...» (сб. «Свет Вечерний»), написанного на тему Рождества, апофатические формы служат обозначению свойств Вифлеемской Звезды перед лицом стихий мира с их разрушительным динамизмом: *Но твой маяк с высот не сдвинется, Не достигнет их океан.*

Морфема *не-*, слово *нет* и другие средства негации обнаруживают в творчестве Иванова устойчивую связь с «дионисийским» комплексом, в состав которого входят образы хаоса, неконтролируемого динамизма, стихийности [Грек 2003]. Строй, ставший пленом, порождает отрицание, т. е. разрушение сложившегося ранее порядка. В «радикальном», волевом и категоричном варианте отрицание выражается словом *нет*¹⁷, а распространяющие его имена обозначают явления,

¹⁶ Ср. принцип эквивалентности контрастных признаков, прилагаемых к одной и той же сущности («противная в тожде собравшая»), в «Акафисте Богородице»: *Взбранной воеводе победительная — и имущая державу непобедимую; Ангел рецы Богородице — и глубоко неудобозримая и ангельскими очима.*

¹⁷ См. [РГ-80/II: §2464]. Об отнесении предложений с «бытийным отрицанием» (с *нет*) к классу экзистенциональных см. [Арутюнова 1976: 214].

противоположные по своим свойствам стихийному динамизму. «Дионисийским» комплексом образов и смыслов пронизано стихотворение «Океаниды», заключительная (XI) строфа которого содержит целых 5 конструкций со словом *нет*, реализующим указанную семантику:

Серебропенные Мэнады!
О, Хаос! страшен ваш завет:
Нет воле вне себя преграды...
Вам *нет* победы, *нет* отрады,
И *нет* надежд, — и мира *нет*!

[I: 526–527]

Число апофатических форм в этой строфе равно количеству строк, но в своем построчном расположении эти формы отражают градиционный принцип — изоморфный набирающей силу морской стихии. Части стихотворения: с III по VI и с IX по XI строфы — также пронизаны апофатичностью. Из 9 форм с *не* — адъективные формы (4) демонстрируют функциональное «равновесие» данной морфемы: 1) служить отрицанию покоя, стабильности и тем самым выражать идею динамизма, стихийности, см.: *непримиримые*, *Неудержима*¹⁸ и, напротив: 2) выражать устойчивость духовной реальности, которая противопоставлена стихиям мира с их негативным динамизмом: *Невозмутимый* (*небосвод*), *Незыблемым* (*препоам*). В стихотворении «Музыка» [I: 542] многочисленные формы апофатичности выражают идею полноты, неисчерпности, ускоряющегося динамизма, силы: *И лиют, не вместив, золотые края Неисчерпно-кипящую волю; Неизбытых пыланий; Ненасытного семя и светоч огня; Несказанная воля*¹⁹.

Позитивная, жизнедательная сила «дионисийства» как динамического начала, в котором хаотическое предшествует упорядоченности, ярко выступает в составе корнесловных повторов антитетического типа. «Двойчатку» таких повторов можно видеть в стихотворениях из «Римского Дневника», написанных одно вслед другому²⁰: *В нестрое*

¹⁸ Так, в *неудержима* (о Волне) префикс служит отрицанию признакового действия со значением 'не давать двигаться' [МАС 1981/1: 389].

¹⁹ В семантику этого ряда слов с элементами апофатики входит градуирование. Ср. толкования в Словаре Ушакова: *ненасытный* — «поглощающий в чрезмерном количестве» [II: 521]; *неисчерпно- / неисчерпаемый*, как и *неистощимый*, «чрезвычайно обильный, не прекращающийся» [511]; *несказанный* — «неописуемый, чрезвычайный» [549]. *Неизбытых* (в СУ и др. отсутствует) можно толковать как противоположное «избыток».

²⁰ Датированы соответственно 16 и 17 мая 1944 г.

земли Гармония строится мира («Широкие реки текут...») и *Надейся!* Видимый нестрой Свидетельство, что Некто строит («Кому речь Эллинов темна...») [III: 611, 612]²¹.

Среди грамматических форм, выражающих апофатический смысл, и в современном литературном языке, и в церковнославянском особо выделяются прилагательные и причастия с *не*-²². Язык Вяч. Иванова в отношении этих форм отражает общую закономерность и обнаруживает индивидуальные черты: в выборе определенных форм, их семантике и сочетаемости, интенсивности употребления, функциональной значимости, которая обнаруживает себя в пространстве конкретного поэтического текста²³. Об интенсивности и напряженности апофатизма в этой сфере грамматики поэта свидетельствует неполный список адъективов из стихов сб. «Кормчие Звезды»: *неведомый, неверный, невиданный, невозвратный, недвижимый, недвижный, недольный, недостижимый, неизбытый, неизменный, неизреченный, неисчерпнокипящий, незакатный, незримый, ненасытный, неотступный, непокорный, непочатый, неприсутный, непрозренный, неразгаданный, неразделенный, нерожденный, нерукотворный, несказанный, нестерпимый, нестройный, неустойчивый, неустойчивый, неустойчивый, неустойчивый, неустойчивый*²⁴.

²¹ Как наследник поэтической традиции византийского средневековья и славянской гимнографии, Иванов в использовании этого типа повтора не ограничивается сферой дионисийства. См.: *неуместующий ум; разум неуразумеваемый; безумьем разумеать; ненадежных надеянье; числом угодники нечислены; незрящие, зрящие очи; в земном прозревших неземное; И небылица былью станет; печалью беспечальной* и др. [Грек (в печати)]. Ср. с аналогичными повторами из текстов канонической традиции: *разум недоразумеваемый, ненадежных надеянье, хитрословесные бессловесные, немудрых умудривый, неместимого вместилце, вольные мои грехи и невольные, непобедимая победа*.

²² В церковнославянском языке, по данным Срезневского, число этих форм достигает 500 единиц: в современном литературном языке этот порог выше более чем на две сотни единиц [Срезневский 1895/II; МАС 1982/II].

²³ См. об этом в работах [Ковтунова 2003; Топоров 2003].

²⁴ См. сочетаемость и порядок, отражающий последовательность употребления форм в стихах сб.: *неразделенный* (порыв), *неустойчивые* (крыла), *неизменная* (надежда), *недостижимая* (близь), *непрозренные* (облики), *неведомый* (Бог, Юг), *неисчерпнокипящая* (воля), *неизбытые* (пыланья), *ненасытный* (огонь), *несказанная* (воля), *нерожденная* (земля), *недвижное* (сиянье, время, озера), *недвижимые* (времена), *нерукотворный* (Спас), *невиданная* (Церковь), *недольная* (печаль), *неустойчивый* (стан), *неприсутная* (Красота), *непокорные* (крылья), *неустойчивый* (Аполлон), *неотступные* (лики), *неясные* (слова), *нестерпимое* (напряженье), *неверный* (звон), *невозвратные* (дни), *неустойчивый* (бег, душа, корма), *неизреченная* (синева) и т. д.

Из слов этого списка высокий индекс частотности в творчестве поэта имеют прилагательные *незримый* и *неведомый*, представляющие собой кальки с греч.: *ἀθέατος*, *ἀγνωστος*. Прилагательное *незримый* фиксируют более поздние памятники духовной литературы²⁵, а *неведомый* активно употреблялось уже в раннюю эпоху славянского языка и к XVII в. имело достаточно развитую семантическую структуру [СРЯ XI–XVII 1986/11: 125, 30]. В поэзии Иванова с ее сильным созерцательным компонентом, ученой и учительной, оба слова оказались востребованными, но лидером является *незримый*. Сфера «незримого» в творчестве Иванова включает символы и знаки христианской веры: *крест, престол, чаша, благолепие*; культурные образы: *флейты, тирсы, страна*; явления природного мира и лица — пространственно удаленные от лирического субъекта или трудно воспринимаемые в силу определенных свойств: *солнце, дальние воды, тайник, рой, звезды, взгляды, вождь, обитатель*. В сочетаемости прилагательного *незримый* с образами первой группы Иванов продолжает церковнославянскую традицию, а с двумя другими — наследует язык Пушкина. По отношению к обоим традициям язык поэта-символиста оказывается богаче, вместительнее²⁶. Обращение к диагностически важным текстам, проявляющим особенности семантики этого слова в языке поэта, помогает уточнить его функции. Так, в «Стихе о Святой Горе» оно определяет характер духовного деланья святых подвижников: *незримое зиждет благолепие*; в «Альпийском Роге» участвует в изображении сферы духовного поднебесного мира, к которому чуток гений: *Незримый духов хор*; в стихотворении «Атлантида» прилагается к *нетленной стране*: *Над темным Океаном Незримая, она*. Связанный с пушкинской метафорой²⁷ образ *незримого роя* в одном из сонетов Иванова обнаруживает в апофатической форме прилагательного символический смысл, см.:

Не ты ль поведала подругам пчелам,
Где цвет цветет, и что таит, любимый?

²⁵ Срезневский приводит лишь однокоренное *зърѣти* [1893/1: 1012].

²⁶ В языке Пушкина сфера сочетаемости слова *незримый* замтно уже: *и. арфа, человек. люди, гроза, глубь сердец* [СЛЯП 1957/II: 796]. По неопубликованным еще материалам «Словаря языка русской поэзии XX в.» ближе всего к Иванову по употреблению слова *незримый* стоит Блок (28 употр.). На противоположном полюсе — Мандельштам (1), Пастернак (с *adverb.* 4), Анненский (5), Цветаева (6). Л. Л. Шестаковой за предоставление этих материалов выражаю искреннюю благодарность.

²⁷ Ср.: *незримый рой гостей* [СЛЯП 1957/II: 1957].

С каких лугов слетелся рой незримый
И золотом звенит окрест весельем?²⁸

Прилагательное *неведомый* в языке Иванова употребляется не так часто, но в составе ключевых образов-символов оно выражает устремленность лирического «я» к познанию мира эмпирического и духовного в их единстве и противопоставленности, масштаб личности поэта, вмещающего «родное и вселенское». Ср.: *Неведомому Богу, к неведомым пределам, неведомого Юга, неведомой земли, неведомой денницы, неведомой зари*²⁹.

В целом апофатические прилагательные с *не-* в творчестве Иванова обнаруживают ориентацию автора на церковнославянскую книжную традицию³⁰. Поэтика этих форм у Иванова отличается смысловой напряженностью корнесловов, а оценочность и экспрессивность³¹ возникают главным образом в контексте и при участии разного рода повторов, см.: *нежгучий* пожар, *немолкнуцим* рыданьем, Нам дух пьянит *недолюная* роса, Над синевой *неизреченной*. И плачем вечно мы в тоске *неутоленной*.

В поэтическом синтаксисе Иванова отрицание связано с конструкциями противопоставления, сравнения и параллелизма, с побудительными и вопросительными предложениями, другими формами диалогично-

²⁸ Первый катрен 2-го сонета из триптиха «Розы» [II: 434].

²⁹ Сочетаемость этого прилагательного у Иванова отражает установку автора на синтез двух традиций: церковнославянской, где *неведомый* определяет *Бога, слово, дух, силу Христову* [Срезневский 1895/II: 384] и литературного языка в его пушкинской традиции. Так, *неведомый* в языке Пушкина сочетается с: *птицы, лес, тишь, воды, Пиит / Пиита, сила, судьбина, наука, чувство* [СЛЯ II: 763]. Ср. в этом плане стихотворения Иванова «*Неведомому Богу*» (сб. «Кормчие Звезды») и сонет «В слинянных снах, смыкая тело с телом...» (сб. «Cor Ardens»), где это слово употреблено в контексте античной образности, см.: *Двоих Эрот к неведомым пределам На окрыленных носит раменах...* Ср. также употребление Ивановым парадигматически близких прилагательных *неудержный* (бег, крылья, души простор), *недвижный* (столпы, хаос, день, тени, сиянье, озера) и *недвижимый* (святыня, времена, лагуны, воды) с материалами [СЛЯ II: 778–779] и [Срезневский 1895/II: 374].

³⁰ См.: *неопалимый терп & купина, неизреченное слово, неустанная молитва, неверный звон, нецельные светлы, нерукотворный Спас* и др. Речь обиходная, немногочисленные знаки которой тоже имеются в этой сфере языка поэта, имеет для него периферийную значимость. Ср.: *ненужная ревность, несломленная судьба, несбыточная надежда* и др.

³¹ Часто обусловленная сближением отрицательной оценки и отрицания [Арутюнова 1988: 210] и обычно сопровождаемая и тонкими семантическими оттенками [Апресян 1995: 311–312].

сти³². Отрицательный параллелизм, формулу которого А. Н. Веселовский справедливо связывал с параллелизмом положительным и сравнением³³, в поэзии Иванова имеет свои особенности: восхождение символиста в мир духовных сущностей, мистический компонент, мифологизм творчества располагают к отрицанию привычных представлений и выходу в сферу трансцендентного, инобытийного. См.: *Железа не тяжки: но тяжело весят — розы; Не пчелка сладкий мед собирает С лилеи, данницы луча: Над воском огонек играет И ярый пьет, но не сгорает Сорокоустная свеча; Ибо нам любовь ковала Не разлучница Паллада, Не семейственница Гера, — Но стрелою, полной яда, Ранил нас крылатый лучник*. Отрицательная часть такой параллели часто представляет привычный, эмпирически достоверный, часто предугадываемый образ или серию образов: *Уж не утварью гончарной, А красой редчайших ваз; Не гордых сил привольная игра, — За огонек востепленный тревога В себе и в милом ближнем; Не снег сиял, а нежный, снежный пух. Не белая гора несла нас двух — В алмазах реял облик голубиный; Счастье не то, что годиною случается И с мимолетной годиною кончается: Счастья не жди, не лови. Дух, как на царство, на счастье венчается, В счастье, как в солнце, навек облачается: Счастье — победа любви*³⁴. Противительный союз в подобных структурах усиливает контрастность сопоставляемых образов и картин; анафорический союз («и») повышает градус их экспрессивности и вносит архаичную окраску: *Ты сердцу близко, Солнце вечернее, Не славою нимба, краше полуденной, Но тем, что коней огнегневных К Ночи стремиться в неукротимом беге; Великое бессмертья хочет, А малое себе не прочит Ни долгой памяти в роду, Ни слав на Божием суду; И взыгравшей светлой бури Нам угрозы не страшины; И волнуемой лазури Возделенны глубины*.

³² При анализе глубинной структуры отрицательных предложений закономерно представление отрицания в виде оператора, сферой действия которого является утверждение [Падучева 1974: 144].

³³ Отрицательный параллелизм, по Веселовскому, — это выход из параллелизма, положительная схема которого предполагается сложившеюся. «Это как бы подвиг сознания, выходящего из смутности сплывающихся впечатлений к утверждению единичного; то, что прежде врывалось в него как соразмерное, смежное, выделено, и если притягивается вновь, то как напоминание, не предполагающее единства, как сравнение» [Веселовский 1989: 145].

³⁴ Образец такого определения счастья, когда противоположности и сложности определяемого явления говорящим субъектом не сняты. Не случайно С. С. Аверинцев приводит эти стихи в качестве примера, который характеризует поэта, человека, «знавшего, что такое вера» [Аверинцев 2007: 22]. Ср. с описанием слова *счастье* в русском языке в работе [Зализняк 2003: 94–97].

Как автор в высшей степени диалогичный³⁵, Иванов обращается к отрицательной форме параллелизма в составе диалогической конструкции: с целью характеристики одного из «голосов», которому другой «голос» содержательно не противопоставлен: *«Не прети же Ты, Мати, мне младу Алые цветики собирать... <...> — «Ты нарви, нарви Матери, Чадо. Набери Мне семь цветиков алых... («Под дровом кипарисным»); нескольких «голосов» в составе партии лирического субъекта, который на эту же тему говорит нечто иное: Я ж: «Мое не схоже счастье», Ей отвечал: «ни с розой Нежной, ни с лилей снежной, Ни с безоблачной лазурью: Золотой мне жребий выпал» («Золотое счастье»)*³⁶. В мистическом диалоге, когда субъект выходит за пределы своего эмпирического «я» в область трансцендентного, негация служит изображению духовного роста этого «я»: — *Хочешь всем владеть? Не владей ничем. Насладиться всем? Все умеи презреть. Чтобы все познать, Научись не знать <...> Не хочу богатств, улад, Введенья, Всего: Быть хочу одним из чад Бога моего («Todo nada»)*³⁷.

Вопросительные конструкции с отрицанием встречаются в стихах Иванова не часто. Их отмеченность связана с диагностически важными текстами. Например: *Не тонкие ль жерди В пурпурных гроздах — Висят на звездах Полуночной тверди?* («Вечеря любви»); *Не медом ли воскресших полных лет Он напоен, сей кубок Дня венчальный? Не Вечность ли свой перстень обручальный Простерла Дню за гранью зримых мет?* («Пью медленно медвяный солнца свет...»); *Не прадеды ли впускам убирают Стол тишественный скатертью бранной?* («Via Appia») [III: 554, 582, 638]. Информативный смысл вопросительных предложений в поэтической речи располагает к проявлению у них изобразительной функции, а вопрос и отрицание создают богатый и сложный спектр модальных значений и оттенков³⁸. Эти возможности данных конструкций обуславливают их употребление в композиционно значимых позициях текста, их роль в изображении процесса восприятия и динамики поэтического мышления, при характеристике субъекта речи, предполагающего нечто, колеблющегося или, наоборот, уверенного в том, что у адресата вызывает сомнение.

Звукопись стиха, то разлитая по всему тексту, то локализуемая в определенных его фрагментах, характер господствующих в стихотворении звукообразов также сказывается на употреблении апофатических

³⁵ См. сказанное об этом в книге [Аверинцев 2001: 167].

³⁶ [I: 555, 763].

³⁷ Посвящено испанскому мистику св. Иоанна Креста [III: 627–629].

³⁸ См. об этом в работах И. И. Ковтуновой [1986: 136; 2002: 222].

средств. В поэзии Иванова можно наблюдать разные способы включения апофатического *не-* в звуковую цепь стиха, см.: *Внеми мне: змия змий не жалит, / Пламени пламень не опалает; Ось неизблемых небес твой одержит остов нежный; / Ты смиряешь волц набег из слоковой кости Баиця!* В начале строки (сильная позиция), морфема *не* выделяет одну из главных звуковых тем стихового фрагмента: *И несусь, и несу / Неизбытых пылаций глухую грозу*³⁹; *Да крови не видит, / Не видит Керы, / Не видит бездны, / Ах! и не видит / Цветов умильных* [I: 691]. Включенность *не-* в звукопись влечет за собой частичную нейтрализацию смысла этой морфемы в тексте, а ее фоническое выдвигание, наоборот, способно актуализировать апофатический смысл.

Тенденция к сокращению числа апофатических средств на протяжении всего творчества Иванова хорошо заметна в употреблении адъективов с *не-*: если в «Кормчих Звездах» поражает их изобилие, то в стихах сб. «Свет Вечерний» они представлены умеренно. Не сказалась ли в этом особая чувствительность поэта к негации большевистской идеологии⁴⁰ — негации религиозного и исторического измерения человеческой жизни?..

У Пастернака дистанция между бытом и бытием «до конца упразднена» [Аверинцев 1990: 214]. Свое «отношение к жизни» сам Пастернак определял как «удивление перед тем, как я счастлив и какой подарок — существование»⁴¹. В поэтическом мире Пастернака «вещи разнородные и далекие, по существу, не уравниваются <...> вещи приравниваются по их равноправному месту в мироздании» [Ковтунова 2003: 150]⁴². Определяя поэзию, искусство как «движущийся язык образов, т. е. язык сопроводительных признаков»⁴³, сам поэт писал о том, что в процессе

³⁹ В стихотворении «Музыка», откуда взят данный пример, целый ряд апофатических прилагательных занимает начальную позицию стиха: *Неисчерпно-кипящую... / Неизбытых... / Ненасытного... / Несказанная... / Нерожденную...*, благодаря чему интенсифицируется вертикальная смысловая и фоническая связь всех *не-*.

⁴⁰ См. об этом [Аверинцев 2001: 98] со ссылкой на «Беседы» Альтмана.

⁴¹ Из письма сестре Жозефине от 12 мая 1958 г. Этим отношением поэт, по его словам, обязан отцу: «очарованность действительностью и природой была главным нервом его реализма и технического владения формой» [Пастернак 2004: 817].

⁴² Ср. также: «...поэзия Пастернака <...> тот второй мир, который снова и снова возвращает его к настоящей действительности» [Лихачев 1985: 28].

⁴³ «Охранная грамота». Там же о рождении поэзии из «перебоев этих рядов, из разности их хода, из отставанья более косных и их нагроможденья

рождения целостного образа из действительности детали, признаки, подробности взаимозаменяемы: «каждую можно заменить другою», однако «любая драгоценна», а их выбор определяется силой, «длительной лишь в момент явления» [Пастернак 1985/II: 174]⁴⁴.

Созданный Пастернаком «образ гармонически устроенного мира, части которого внутренне согласованны» (И. И. Ковтунова), включает ряды признаков с апофатическими формами в составе различных конструкций и приемов. Чаще всего это параллелизм, сравнительные конструкции⁴⁵. При этом образы и признаки с предшествующим *не* обычно у Пастернака начинают строку, строфу и весь текст. Так, в стихотворении «Лето» (сб. «Сестра моя жизнь») они расположены в начале II и IV строф. Апофатическая часть параллели при этом включает признаки, которые можно отнести к разряду обычных, а часть утвердительная отличается метафоричностью и большей «силой» (в понимании Пастернака), ср.: *Не ход часов, но звон цепов С восхода до заката Вонзался в воздух сном шипов* (II); *Не тени — балки месяц клал* (IV) [I: 108]. Стихотворение «Весенний дождь» из того же сборника заканчивается (V и VI строфы) двумя рядами параллелей с серией «отрицательных» образов. Отрицательные ряды находятся в I части параллели в позиции, близкой к началу строки:

*Это не ночь, не дождь и не хором
Рвущееся: «Керенский, ура!»,
Это спящий выход на форум
Из катакомб, безысходных вчера.

Это не розы, не рты, не ропот
Толп, это здесь пред театром — прибор
Заколебавшейся ночи Европы,
Гордой на наших асфальтах собой.*

[I: 85]

Перечислительный ряд образов с отрицанием из VI строфы развивает модально-волевой и эмоциональный план «отрицательной» части параллели V строфы, как бы отражая разбег лирической волны. Вместе с тем простые и ясные образы, апофатическая форма при которых со-

позади, на глубоком горизонте воспоминания» и далее о том, что «искусство интересуется жизнью при прохождении сквозь нее луча силового» [Пастернак 1985/II: 147, 174, 175].

⁴⁴ Далее при ссылках на это издание указывается том и стр.

⁴⁵ Кроме специального исследования сравнений у Пастернака [Ковтунова 2003], см. также [Некрасова 1982; Гаспаров, Поливанов 2005].

общает им характер частной, возникающей на пути создания целостного образа, но отклоняемой ассоциаций, обнаруживают близость с масштабными картинами исторического времени и пространства в утвердительной части параллели⁴⁶. В этом состоит один из путей воссоздания смысловой структуры мира в динамике, к описанию которой привлекаются различные языковые операции.

В составе двух строф второй части стихотворения «Заместительница»⁴⁷ (сб. «Сестра моя — жизнь») обороты с отрицательными сравнениями тоже представляют собой перечислительные ряды и предшествуют утвердительной части:

И объявить, что *не* скажун,

Не шалый шепот гор,

Но эти розы на боку

Несут во весь опор.

Не он, *не* он, *не* шепот гор,

Не он, *не* топ подков,

Но только то, но только то,

Что — стянута платком.

[I: 92]

Градационный принцип расположения образов отрицательной параллели и сгущение во второй из строф (2: 5) отражает нарастание эмоциональной напряженности, динамизм чувств лирического субъекта, нигде не обнаруживающего себя прямо. Это образы природного мира: *скажун*, *шалый шепот гор*, *топ подков* и замещающее их местоимение *он*. Их логическая и смысловая (прямая и метафорическая) связь с общим для обеих частей фразеологизированным предикатом *несут во весь опор* очевидна, тогда как связь образов утвердительной части: *розы на боку*, *...то*, *...то*, *Что — стянута платком*, метонимически замещающих виновницу лирического события, с тем же предикатом не очевидна и ее установление требует выхода в пространство «рождения» новых смыслов, процедуры отождествления противопоставляемых с участием негации образов. Густота и выделенность *не* (в позиции начала строки, строфы),

⁴⁶ Контраст реализуется и в синтаксическом строе частей двух параллелей: однородный перечислительный ряд I ч. противопоставлен осложненной и развернутой конструкции II ч.

⁴⁷ Пример приводится в работе [Ковтунова 2003: 135] в связи с анализом композиционной роли сравнений у Пастернака, их участием в изобразительном ритме стиха.

частота союза *но*, фонически близкого *не* и участвующего в противопоставлении, инерционность их возникновения обостряют господствующую здесь семантику контраста, переходов, динамизма, экспрессии.

В стихотворении «Метель» («В посаде, куда ни одна нога», сб. «Поверх барьеров») формула отрицательного параллелизма вводится с середины 1 строки. Повторяясь во II, IV и VI строфах, она организует пространство всего стихотворения. В составе «отрицательной» части параллели — «минус»-знаки человеческой жизни⁴⁸: *ни одна нога Не ступала*, выражаемые двумя формами отрицания: *не* при глаголе и *ни* с оттенком усиления при слове с количественной семантикой. Положительная часть параллели включает образы зимней стихии, увлекающие в свою круговерть и лирического героя. См. начало:

В посаде, куда *ни* одна нога
Не ступала, лишь ворожен да въюги
 Ступала нога, в бесноватой округе,
 Где и то, как убитые, спят снега, —

Во II строфе компоненты обеих частей параллели частично изменяют свою позицию относительно стихоряда и его границ: *...куда ни одна / Нога не ступала, лишь ворожеи / Да въюги ступала нога...* Для параллели в IV строфе характерны не только структурные сдвиги, но и содержательные: в утвердительной части появляется новый образ: *одни душегубы*. В VI (последней) строфе изменяется состав и структура обеих частей:

Но ты мне шепнул, вестовой, *неспроста*.
 В посаде, куда *ни* один двуногий...
Я тоже какой-то... я сбился с дороги:
 — *Не* тот этот город, и полночь *не* та.

[1: 49–50]

Отрицанием в составе параллели, как можно видеть из последней строфы, апофатизм стихотворения не ограничивается. Наречие *неспроста* и присоединительное перечисление: *Не тот это город, и полночь не та* этой же строфы, аналогичная конструкция из V строфы, фразеологизм *Ни зги не видать* из строфы III уплотняют апофатический фон стихотворения и создают то инерционное пространство, которое изоморфно разгулявшейся метели, преобразующей мир и лирического героя.

⁴⁸ Эти «минус»-знаки жизни человеческой, между тем, призваны в тексте определять имя *посад* ‘пригород, поселок’, т. е. места поселения, жизни людей.

Отрицательный параллелизм, вообще конструкции противопоставления с формами негации играют важную роль в поэзии Пастернака с ее необычными сопоставлениями и контрастами⁴⁹. Переход от отрицательной части к позитивной в составе этих конструкций отражает движение поэтической мысли от природного к человеческому, от частного и конкретного к общему, от простого и близкого к сложному и далекому, от воспринимаемого внешне к внутреннему и существенному, от материального, телесного к духовному и умозрительному⁵⁰, см.: *Ирифма не вторенье строк, Но вход и пропуск за порог; Не нашу дичь, не домыслы втупик Поставленного грека, не загадку, Но предка; Не по любви, своей звезде она — По иве, иве разрыдалась; Счастливые часов не наблюдают, Но те, вдвоем, казалось только спят; Мы не жизнь, не душевный союз, — Обоюдный обман обрубаем; Не плакалась, а пела выюга. Чуть не Как благовест к заутрене; Что это не названия картин, Не сцены, но — разряды матерьялов; Кусты этих чащ Не плющом перевиты, а хмелем; История не в том, что мы носили, А в том, как нас пускали нагишом; Играл не орган, а стена, Украшенная органом; Вернувшись внутрь, он заиграл Не чью-нибудь чужую пьесу, Но собственную мысль, хорал, Гуденье мессы, шелест леса.* В «отрицательной» части конструкций этого типа у Пастернака часто представлен образ или признак из разряда общеизвестных, важных для восприятия многими или характеризующий одного из внутренних адресатов. Образы и признаки утвердительной части в большей степени служат характеристике глубинного «я» лирического героя, поэтому их ценностный статус всегда выше, диапазон действия масштабнее. См.: *Ты не осанка сладкогласца, Ты — лето с местом в третьем классе. Ты — пригород, а не припев* («Поэзия»); *Если губы на замке, Вешай с улицы другой. // Нет, не на дверь, не в пробой, Если на сердце запрет, Но на весь*

⁴⁹ [Ковтунова 2003: 151, 179, 184]; [Гаспаров, Поливанов 2005: 45, 106]; [Гаспаров, Подгасцкая 2008: 64, 90].

⁵⁰ Свое призвание как поэта Пастернак видел в том, *Чтоб не скучали расстоянья, Чтобы за городскую гранью Земле не тосковать одной* («Земля»), чтобы во всем — *дойти до самой сути. В работе, в поисках пути, В сердечной смуте. // До сущности протекающих дней, До их причины, До оснований, до корней, До сердцевины* [1: 415, 422]. Краткость длинной, для иных бесконечной дистанции между низом и верхом, землей и небом, телом и духом и т. д., эта близость далекого, эта поразительная способность угадывать общее в разном, как пишет В. Н. Топоров по другому поводу, очень характерны для определенного типа человека, в котором обе ипостаси — *homo credens* и *homo agens* — как бы сливаются воедино и обнаруживают свои единые истоки [Топоров 1991: 118]. Ср. пастернаковское *Я историческим лицом Вошел в семью лесин* [1: 32].

одной тобой Немути́мо белый свет («Дик прием был, дик приход...»). Конструкции контраста с морфемой *не* участвуют в изображении динамики внутреннего мира субъекта, вообще деятеля: Не спорить, а спать. Не оспаривать, А спать. Не распахивать наспех Окна, где в беспамятных заревах Июль; опять Рожда́ть рыда́нье, но не плакать, Не умира́ть, не умира́ть? Как музыка: века в слезах, А песнь не смеет плакать⁵¹.

В творчестве Пастернака конструкций с *не*, связанных в синтагматике текста с конструкциями утвердительными по типу синонимии и участвующих в выражении близкого в различном, немного, но они заметны и выразительны, см.: Как не в своем рассудке, Как дети ослушанья, Облизываясь, сутки Шутя мы осушали; На Грузию не счесть Одеж и оболочек. На свете розы есть. Я лепесткам не счетчик; Но тишь. И листок не шелохнется; О том ведь и веков рассказ, Как, с красотой не справясь, Пошли топтать не осмотра́сь Ее живую завязь; И дольше века длится день, И не кончается объятье. Встречаются в этом ряду и пограничные случаи, когда в силу действия стиховых факторов в отношениях конструкций с *не* и утвердительного типа обнаруживается и противопоставленность, и близость, см.:

*Не как люди, не еженедельно,
Не всегда, в столетье раз два
Я молил тебя: членораздельно
Повтори творящие слова.*

[I: 48]

В начальных строфах стихотворения «Быть знаменитым некрасиво» (сб. «Когда разгуляется») и в предикативной, и в субъектной позициях негация помогает выразить устремленность лирического субъекта в сферах творчества и общественной жизни к красоте и добру как к чему-то «определенному» в противоположность: *быть знаменитым, архив, шумиха, успех, быть притчей на устах у всех.*

Апофатический синтаксис Пастернака включает инфинитивные предложения, которые называют действие в его восприятии лирическим субъектом и обладают целым спектром модальных и эмоционально-оценочных значений⁵². Как и в других случаях, отри-

⁵¹ Случаи, когда *не* следует за противительным союзом и в иерархии конструкций этого типа содержательно оказывается связанным с позитивной, утверждающей модальностью, у Пастернака редки.

⁵² В РГ-80 они квалифицируются как предложения со значениями невозможности, недопустимости и субъективной предопределенности [II: §2561—

чение расширяет сферу сравниваемых действий-номинаций, усиливает в них модально-волевой компонент и выражает ориентирующую позицию субъекта. Ср.: «Не трогать, свежевыкрашен»; Не спорить, а спать. Не оспаривать, А спать. Не распахивать напех; Да капле из рылец не вылиться; Души не взорвать, как селитрой залежь. Не вырыть, как заступом клад; Начать — не исчислить заслуг Черных имен духоты Не исчерпать! А то почти не снести Пережитого слышащихся жалоб; На Грузии не счесть Одеж и облобочек; Любовью не тронуть сердца; Рождают рыданье, но не плакать. Не умирить, не умирать? Назад не повернуть оглобли, Хотя б и затаясь в подвал. // Судьбы под землю не заямить; Платки, подборы, жгучий взгляд Подснежников — не оторваться; И белой ночи и закату Не разминуться у реки и др.⁵³

Побудительные высказывания с отрицанием у Пастернака встречаются не часто, но с них обычно начинается строфа и/или строка. Они служат поэтическому диалогу, информативны и обладают богатой модальностью, яркой эмоциональностью [Ковтунова 1986: 119], выражая отношение лирического субъекта к ситуации в целом, к внутреннему адресату, его свойствам, поведению. Ср.: Поэзия, не поступайся ширию; Весна моя, не сетуй; Не бойся, приросшая песнь! Не кайся, не завидуй; Тогда не убивайтесь, не тужите; Не волнуйся, не плачь, не труди Сил иссякших и сердца не мучай; Давай не будем больше ссориться; Не пой мне больше старых песен; Не плачь, не морщи опухших губ, Не собирай их в складки; Не стыдись, мы — одни; Не бойся снов, не мучься, брось; Не добрай меня сотым до сотни, Чувствую на корм по частям не кроши и др. Отрицаемое лирическим субъектом связано со сферами эмоциональной жизни, творчества, отношений между людьми — со всем тем в этих сферах, что ослабляет силу жизни, вносит дисгармонию в состояние мира. См. список глаголов, включая фразеологически связанные, в составе этих конструкций: бояться, убиваться, тужить, волноваться, плакать, трудить (иссякшие силы), морщить, мучаться, каяться, завидовать, стыдиться, крошить, добирать сотым до сотни, поступаться ширию, сетовать, петь старые песни и др. Яркий образец концентрации побудительных высказываний

2563]; И. И. Ковтунова, вслед за Л. Ю. Максимовым, отмечает свободу ассоциативных и конструктивных связей инфинитивных предложений [Ковтунова 2002: 220]; А. К. Жолковский — характерное для инфинитивных рядов стирание граней между перволичностью и неопределенно-личностью, субъектом и окружением, глагольностью и безглагольностью [Жолковский 2005: 444–445].

⁵³ В поэзии Вяч. Иванова случаи употребления инфинитивных предложений с отрицанием единичны.

с не можно видеть в заключительных строфах стихотворения «Ночь» (сб. «Когда разгуляется»):

*Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.*

*Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник
У времени в плену.*

Все 7 побудительных высказываний с негацией обращены здесь к внутреннему адресату — художнику, который сравнивается с летчиком, звездой и чье высокое призвание требует деятельности, бодрствования, зоркости, чувства пути.

Признаковые слова с не- у Пастернака включают довольно большую группу прилагательных и причастий с семантикой предельности, интенсивности-градуальности, оценочности⁵⁴. Одни из них имеют своим источником литературный обиход, другие — разговорно-бытовую речь. См.: *несметный* мир (небо), *неслыханная* простота (буря), краса *нежданная*, *незабвенный* сентябрь (и он *незабвенен*), роман *небывалый*, *необоримая*, *непревзойденная* новизна, *непробудная* тоска, *непроходимый* тростник, *неслыханная* вера (простота), *немыслимый* быт, *непостижимый*... запах, *небывалая* участь, *непомерный* дар, *невозможный* взор, бог *неприкаянный*, *неповторимые* черты (пьеса), утайщик *нераскаанный*, *немолчное* злословье, *неизбываемые* дожди, *неизбывное* насилие, *неотпущенная* вина, *непролазная* грязь (мгла), *непроходимый* тростник, *нехорошая* сказка, *нелюдимый* дым (тьма), *неосязаемый* озноб, род *непокорный*, *неудавшийся* пасьянс⁵⁵. Характеризующих прилагательных с не- в поэзии Пастернака значительно меньше, чем у Вяч. Иванова. Среди них встречаются прилагательные, маркирующие социальную сферу, эпоху, время. Ср.: не-

⁵⁴ Метонимические переносы, метафоры-сравнения, в которых получает выражение основополагающий принцип пастернаковской поэтики — принцип «силового луча», способствуют расширению класса прилагательных и причастий со значением оценки. О расширении сферы сочетаемости оценочных определений и параметрических прилагательных с не- см. работы [Арутюнова 1988: 75–77; Апресян 1995: 311–312].

⁵⁵ Их новизна большей частью проявляется в том, к какому явлению действительности выражаемый ими признак прилагается, в какой контекст они введены.

вынутая иголка, невыспавшееся событие, немолчный ропот (плеск), незажившие царапины, незащищенный сад, день непогожий, детская дисциплина, неоторимая рука, недолгий роздых, недвижный Днепр (лавины, вереницы), незнакомя мальва, неведомые вселенные, непотный лед, неубраный бор, раздолья неезженные, непроезжие поля, неубраный беженцев хлеб, непаступивший год, ненадежный элемент, непричастный пингвин, непечатное слово, некрашеное... чрево, темь... неосознающая, неузнаваемая сторона, несгораемый ящик, незадернутые гардины. В силу общей признаковости поэтической речи, имеющей в творчестве Пастернака особо благоприятную почву, прилагательные этой группы также развивают качественный признак, чему обычно содействует ближайший контекст. Ср.: *Всей темью пихт неосознанной / Пьет сиянье звезд частокор; Вокзал, несгораемый ящик / Разлук моих. встреч и разлук.* Низкий порог частоты употребления одного и того же признакового слова с *не-* также отличает Пастернака от Иванова. Так, трижды употреблены поэтом слова *недвижный* и *недышащий*, и все три употребления каждого из слов ограничены одним текстом, включены в систему симметричных повторов. Среди прилагательных, которые встречаются дважды: *незримый, несметный, неслышанный, неповторимый, непролазный, нелюдимый.*

Звукопись стихов Пастернака, то интенсивно-яркая, то умеренная, с явной смысловой мотивацией или, наоборот, укрытой в стиховой ткани текста⁵⁶, отражается и в характере вовлеченности *не* в цепь сходных звукокомплексов, ср.: *На наш незащищенный сад / С остервененьем цалтели (Н-н-не-ени / ...ненье-н), Когда ручки поют романс О непролазной грязи, И вечер явно не про нас Таинственен и черномаз, И неба безобразье (н/не-н/н-не-н/н-енен-н/н).* Занимая позицию начала строки, нескольких строк, строфы, апофатические формы могут определять смысловое и звучащее поле стиха: *Но, правда, ни в слухах нависших, Ни в стойке их сторожевой, Ни в цизко надвицнутых крышах Не чувствовалось ничего; Пока, как запах мокрых цецтифоллий, Не вырвется, не выразится вслух, Не сможет не сказаться поневоле Созревших лет перебродивший дух.* В инерционный звуковой поток, который начинается с *не*, вовлекаются конструкции контраста с союзом *но* или локативы с предлогом *на*, рифменные созвучия, одиночные *н* или комплексы *не/ен*, мерцающие в стиховой ткани. Возникающая в результате плотная набивка текста «*не-н-ен*»- звуками отражает интенсивность и динамизм поэтической мысли, силу чувства, ср.:

⁵⁶ См. [Ковтунова 2003: 125–133; Гаспаров, Поливанов 2005: 82, 108, 120 и др.].

*Не подняться дню в усилиях свистилец,
 Не совлечь зсмле крещенских покрывал. —
 Но, как и зсмля, бывалым обссилец,
 Но, как и снега, я к персти дней припал.*

[I: 469]⁵⁷

Синтаксис Пастернака сочетает структурную и семантическую сложность, с одной стороны [Ковтунова 2003: 158–159], и разговорность — с другой [Иванов Вяч. Вс. 2008]. Стихия разговорности воссоздается в поэзии Пастернака при участии многочисленных конструкций разного типа с различными формами отрицания⁵⁸, связанных со сферой устной разговорной речи, фольклорными жанрами и обнаруживающих разную степень фразеологичности и формульности. Ср.: *Ни слуху не было, ни духу; ни зги не видать*⁵⁹; *И не попадает зуб на зуб; Ни в одном он глазу; сам не свой; Не как люди; Ни души; И ни души; ни дать ни взять, И ни соринки в новых кленах; Не на ком и не с кого; Не ради того и не так; И знаться не хочет ни с кем; Ревность? Но ревность не в счет! Да и труд не такой уж ахти; Вам не до нас; Не его ль? Ни звука; мать — не мать, Что ты — не ты; Ведь не век, не сряду лето бьет ключом. Ведь не ночь за ночью; И вечер явно не про нас; И роцам нет счета; И это не из удалства; Ничего не вижу из-за слез; И не готовит ни к чему такому; Нет, не я, это — вы; Не оглянешься — и святки; Но ты не одинок; Ей нечего там делать; не видно света божья; куда Макар телят не ганивал; И не пускает на порог Кого не надо; Ты ей прямой ответ не в бровь, а в глаз; жизнь прожить — не поле перейти и т. д.*

Утверждение бытия, к которому призван человек творчества⁶⁰, не зависит от форм выражения и языковых операций, но определяется общим смыслом различного:

⁵⁷ Здесь приведена не основная редакция стихотворения. В основной редакции форсированность *н*-звучания ограничена первыми тремя строками, кроме того верхние границы сгущений находятся не в 1 и 4 стихах, а в смежных 2 и 3, см.: *Не поправить дня усилиями свистилец, Не поднять теням крещенских покрывал, На земле зима, и дым огней бессилец Распрямить дома, полегие вповал.*

⁵⁸ С разными структурными схемами, присутствием лексически ограниченного компонента, разной степенью фразеологичности и т. д. См. [РГ-80/II: §2492, 2617, 2620 и др.]; [PPP 1981: 212–213 и др.].

⁵⁹ Употребляется также в вариантах *не видать ни зги, ни признака зги.*

⁶⁰ По свидетельству сына поэта, лирика у Б. Пастернака «всегда хвала Богу, славословие видимого и чувство причастности к творчеству, т. е. ученичество у Творца и соучастие в творчестве мироздания» [Пастернак Е. 1999: 17].

И должен *ни единой долькой*
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

[I: 424]

Сопоставление Вячеслава Иванова и Бориса Пастернака в аспекте поэтики «утвердительности» и ее апофатического ресурса позволяет видеть, что важнее принадлежность, нежели частные сходства, и — «расхождения, поскольку именно по ним можно судить о той глубине, на которой реализуется сопринадлежность столь разных имен к единой линии» [Топоров 1998: 313].

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1990 — *Аверинцев С. С.* Пастернак и Мандельштам: опыт сопоставления // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1990. Т. 49, № 3.
- Аверинцев 1997 — *Аверинцев С. С.* Поэтика византийского средневековья. М., 1997.
- Аверинцев 2001 — *Аверинцев С. С.* «Скворещиц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001.
- Аверинцев 2007 — *Аверинцев С. С.* Духовные слова. М., 2007.
- Альтман 1995 — *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Весселовский 1995 — *Весселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
- Виноградова 1967 — *Виноградова В. Н.* Имена с отрицательными приставками в древнерусском языке XI–XIV вв. Автореф. дис. ... к. ф. н. М., 1967.
- Гаспаров, Поливанов 2005 — *Гаспаров М. Л., Поливанов К. М.* «Близнец в ту-ках» Бориса Пастернака: опыт комментария. М., 2005.
- Гаспаров, Подгаецкая 2008 — *Гаспаров М. Л., Подгаецкая И. Ю.* «Сестра моя жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. М., 2008.
- Грек 2003 — *Грек А. Г.* Дионисийский аспект хаоса в творчестве Вячеслава Иванова // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003.
- Грек (в печати) — *Грек А. Г.* Корнесловный повтор как элемент композиции поэтического текста (на материале творчества Вяч. Иванова). В печати.
- Иванов 1971, 1974, 1979 — *Иванов Вячеслав.* Собрание сочинений. Брюссель. Т. I. 1971; Т. II. 1974; Т. III. 1979.
- Иванов Вяч. Вс. 2008 — *Иванов Вяч. Вс.* Особенности синтаксиса книги «Сестра моя — жизнь» Б. Пастернака // http://www.ruslang.ru/agens.phpid=seminar_fateeva_chronicle.

- Жолковский — *Жолковский А. К.* Об инфинитивном письме Шершеневича // *Жолковский А. К.* Избранные статьи о русской поэзии. Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М., 2005.
- Зализняк 2003 — *Зализняк Анна А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // *Русский язык в научном освещении*. 2003. № 1 (5).
- Зелинский 1917 — *Зелинский Ф.* Вячеслав Иванов // *Русская литература XX века* / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1917. Кн. 8.
- Ковтунова 1986 — *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Ковтунова 2002 — *Ковтунова И. И.* Синтаксис поэтического текста // *Linguistische Poetik*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2002.
- Ковтунова 2003 — *Ковтунова И. И.* Сравнения и метафоры в поэзии Б. Пастернака⁶¹ // *Ковтунова И. И.* Очерки по языку русских поэтов. М., 2003.
- Лихачев 1985 — *Лихачев Д. С.* Борис Леонидович Пастернак. Жизнь // *Пастернак Б.* Избранное: В 2 т. М., 1985. Т. 1.
- Лосский 1991 — *Лосский В.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви // *Мистическое богословие*. Киев, 1991.
- МАС — *Словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981, 1982, 1983, 1984.
- Некрасова 1982 — *Некрасова Е. А.* Сравнения в стихотворных текстах (А. Блок, Б. Пастернак, С. Есенин) // *Языковые процессы в современной русской поэзии*. М., 1982.
- Падучева 1974 — *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева 2006 — *Падучева Е. В.* Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // *Русский язык в научном освещении*. 2005. № 2 (10).
- Пастернак 1985 — *Пастернак Б.* Избранное: В 2 т. М., 1985. Т. I, II.
- Пастернак 2004 — *Пастернак Б.* Письма к родителям и сестрам 1907–1960. М., 2004.
- Пастернак Е. 1999 — *Пастернак Е.* Верность Христу // *Русская мысль*. № 4253. 14–20 янв. 1999.
- РГ 1980 — *Русская грамматика*. М., 1980. Т. I, II.
- РРР 1981 — *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. М., 1981.
- СЛЯП — *Словарь языка Пушкина*: В 4 т. М., 1957. Т. II.
- Срезневский 1893, 1895 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I; 1895. Т. II.
- СРЯ XI–XVII 1986 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 11. М., 1986.
- СУ — *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938. Т. 2.
- Топоров 1991 — *Топоров В. Н.* «Спор» или «дружба»? // *Asquinox*. Сб. памяти о. А. Мснй. М., 1991.

⁶¹ Публикация первого варианта этой статьи «О поэтических образах Бориса Пастернака» была осуществлена в сб. «Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. М., 1995.

- Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Топоров 1998 — *Топоров В. Н.* Древнеиндийская драма Шудраки «Глиняная повозка». М., 1998.
- Топоров 2003 — *Топоров В. Н.* Текст «прохлады» в русской поэзии XVIII века // *Топоров В. Н.* Из истории русской литературы. Т. II. Русская литература второй половины XVIII века. М. Н. Муравьев: введение в творческое наследие. Кн. II. М., 2003.
- Чистяков 1998 — *Чистяков Г.*, свящ. «Язык обитателей Неба»: О природе молчания // *Русская мысль.* №4241 — 15–21 окт. 1998.
- Чистяков 2007 — *Чистяков Г. II.* Мария Дева в гимнологии христианского Запада // *Вестник истории литературы, искусства* / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2006. Т. 2.

Г. И. БЕРЕСТНЕВ

И ДА, И НЕТ: СТРАТЕГИЯ ПАРАДОКСА

Парадокс — хорошо известное явление, используемое прежде всего как средство художественной выразительности. Однако в некоторых сферах культуры (или даже в некоторых культурных традициях) он выполняет не художественную, а иную функцию — когнитивную. В одних случаях благодаря ему задаются некоторые фундаментальные содержания, не имеющие собственных способов языкового выражения. В других случаях обращение к парадоксу способно даже изменить строй человеческой ментальности и придать ей совершенно новые, уникальные качества.

Цель данной работы — показать, что согласие и отрицание являются познавательными операциями, которые осуществляются в рамках логического мышления. Но возможна и трансценденция за его пределы, и эту задачу способен решить парадокс. Такова его стратегическая когнитивная установка.

Теоретическую основу развиваемых в работе идей составляют два положения. Первое, важное для понимания сущности парадокса, было выдвинуто еще Л. Витгенштейном. Это положение о том, что вообще существуют две содержательные действительности. С одной стороны, это действительность языковых смыслов, которая составляет для человека ближайшую познавательную реальность и за пределы которой он в обычных условиях выйти не может. И эта реальность удовлетворяет человека потому, что он просто не знает другой. «То, что вообще может быть сказано, — объяснял общую идею „Логико-философского трактата“ Л. Витгенштейн, — может быть сказано ясно» [Витгенштейн 1958]. С другой стороны, существует содержательная действительность, трансцендентная этим языковым смыслам и потому непосредственно не доступная ни осмыслению, ни языковому выражению. Постигание этих смыслов человек связывает с мистическим опытом (сейчас в этих

условиях мы бы говорили об измененном состоянии его сознания). По поводу этих смыслов Витгенштейн выразился также вполне определенно: «Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно *показывает* себя, это — мистическое» [Там же: 6.522]. Таким образом, в обычных условиях человек пребывает в одной содержательной действительности (т. е. в сфере языковых содержаний), но в исключительных случаях, связанных с изменением состояния его сознания, он погружается в иные содержания, лежащие за пределами языка, и эти содержания он переживает в образах.

Второе положение, позволяющее проникнуть в познавательные функции парадокса, — о том, что человек способен мыслить двумя способами. Первый — логический, опирающийся на закон противоречия («никакое суждение не может быть одновременно истинным и ложным») и закон исключенного третьего («для произвольного высказывания либо оно само, либо его отрицание истинно») ¹. Эти законы

¹ На самом деле эти законы представляют собой проявление в логической сфере универсального принципа парности (принципа единства симметрии и асимметрии), действующего на самых разных уровнях вообще во всем сущем. Он проявляется, например, в физике — как единство двух противоположных зарядов (положительного и отрицательного), как существование частиц и античастиц, как единство центробежных и центростремительных сил, в геометрии — как подобие и различие, в живой природе, как общая симметричность строения организмов, а на более высоком уровне — как существование мужского и женского начал, в нейрофизиологии высших существ — как единство двух полушарий головного мозга. В познавательной сфере этот принцип проявляется как архетип парности, организующий самые разные сферы культурного сознания человека. В частности, он проявляется в языке — как антонимические отношения в лексике. Он просматривается и в различных мифологических, религиозных и философских системах. В частности, его выражением стали мифы, в которых высшие благие существа противостоят злым, разрушительным силам. В идеологическом плане этот архетип проявился в философском дуализме или в дуалистических религиозных системах типа манихейства (например, в древнекитайской философии он выразился в доктрине единства двух мировых начал Инь и Ян). Он же составляет одну из важнейших идейных основ книги Дао Дэ Цзин («Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что добро является добром, появляется и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее приходят в гармонию» [Древнекитайская философия 1972: 115]). В идеологических построениях ломбардских катаров он обозначился как противопоставление Бога и сатаны. Во многих традиционных культурах этот ар-

отчетливо показывают линейность человеческого мышления: окружающую действительность человек осмысляет отдельными квантами, последовательно принимая одно и отрицая другое.

Но предполагается, что такое «квантовое» мышление не является единственно возможным для человека. Существует и мышление «холистичное», при котором единицами становятся смыслы иного, более высокого порядка. Ср. у Витгенштейна: «Созерцание мира с точки зрения вечности — это созерцание его как целого — ограниченного целого. Переживание мира как ограниченного целого — вот что такое мистическое» [Витгенштейн 1958: 6.45].

С этих позиций рассмотрим далее парадоксы в языке. В том или ином виде они представлены в самых разных текстах — в фольклоре (потешках, частушках, сказках), в детских играх и «заумных» считалках, в художественной литературе (например, как оксюморон). Однако мы остановимся на трех на первый взгляд далеких друг от друга случаях, имеющих специальный характер. В сопоставлении они покажут ту общую для них познавательную стратегию, которая реализуется на основе парадокса. Речь пойдет о дзенских коанах, об абсурде у Ионеско и о парадоксе в поэтическом творчестве Д. А. Пригова.

Коаны в структурном и содержательном планах неоднородны [см.: Уотс 1993: 237–238]. Однако при всей этой неоднородности у них есть общие черты: все они представляют собой сформулированные средствами языка задачу или вопрос, невозможные с точки зрения логического мышления. Ср.:

— Все слышали хлопок двух ладоней. Но как звучит одной ладони хлопок?

— По улице идет девушка. Старшая она или младшая сестра?

— Или задача: Прекрати звон на далекой колокольне.

— Один монах (Ме-дзедза) попросил шестого патриарха дзен-буддизма Эно раскрыть ему тайну дзена. Эно ответил ему вопросом: «Каков твой первозданный образ, который ты имел еще до рождения?» (как вариант в преданиях: «...еще до сотворения мира?»).

Что можно сказать о цели размышления над такими формулами? Объясняя ее, дзен-буддисты исходят из того положения, что между человеком и реальностью стоит язык и сформированные им представле-

хетип лег в основу деления общества на две взаимодополняющие друг друга половины [см.: Бидерманн 1996: 78; Иванов 1978].

ния о мире. Человек прибегает к помощи языка в общении и осмыслении окружающего мира, но именно язык мешает ему постичь саму реальность. Язык стоит между нею и человеком и вводит человека в заблуждение, заставляя думать, что знаки реальности — это сама реальность [см., например: Дзен-буддизм 1993: 78]². Также когда мы говорим «да», мы утверждаем, а подобным образом утверждая, мы, по мнению дзенских мастеров, ограничиваем себя. Когда мы говорим «нет», мы отрицаем, а отрицание — это исключение. И то и другое также уводит от реальности, ведет к тому, что человек воспринимает мир ограниченно и условно.

Парадоксальность коанов направлена на то, чтобы разрушить эти иллюзии, освободить человеческое сознание от ограниченных языковых стереотипов, «выбить» его за пределы оппозиции «да / нет» (и вообще всех оппозиций) и открыть ему реальность как таковую. Выполнение этой задачи, чрезвычайно трудное и психологически напряженное, определяется в дзен-буддизме как просветление, пробуждение или сáтори.

Что это такое, по мнению самих дзенских мастеров, определить средствами языка невозможно. Тем не менее процесс обретения сознанием нового качества описывается в дзен-буддизме весьма показательными метафорами, ставшими уже традиционными: «У ведра отламывается дно» или «удар грома», «удар молнии». А состояние просветленности также метафорически называется «распустившимся цветком ума».

Таким образом, обращение к парадоксам в дзен-буддизме имеет целью радикальное и принципиальное изменение сознания человека, перестройку его ментальности. От языкового и условного знакового мышления, которое основывается на оппозициях, человек переходит к безусловному восприятию мира вне оппозиций и в его непосредственной образной данности. Он открывает для себя Абсолютное Настоящее.

Не думая ни о чем, я спокойно сидел за столом в своей рабочей комнате,
Мой порывистый разум становился невозмутимым, спокойным, как вода;
Внезапный улар молнии — и двери разума распахнулись,

И о чудо — там сидит старик во всем своем домашнем уюте [Дзен-буддизм 1993: 173].

² Эта идея близка современным концепциям «промежуточного мира», развиваемым когнитивистами, — см., например: [Колшанский 1976: 12; Jackendoff 1984; Сепир 1993: 227–228; Кубрякова 2004: 61–62].

Второе яркое культурное явление, заслуживающее внимания в связи с познавательной функцией парадокса, — театр абсурда и собственно пьесы Эжена Ионеско. Среди других авторов этого направления его выделяет то, что свою абсурдистскую концепцию он, как и дзенские мастера, возвел на фундаменте языковой теории. Можно даже говорить, что он в этой связи создает собственную философию языка. Основные установки этой философии близки позициям дзен — с той лишь разницей, что Ионеско акцентирует внимание на неудовлетворительности не столько когнитивной функции языка, сколько коммуникативной. В разных своих эссе он постоянно проводит одну и ту же мысль о том, что «слова не нужны, они только вносят путаницу», что они искажают мысль, что язык, на котором говорят люди, неэффективен³.

Все это ведет к тому, что человек теряет чувство реальности, выстраивает вокруг себя некий иллюзорный, ирреальный мир, в котором и живет. Но главное — такой язык разобщает людей, делает невозможным их понимание себя и других.

Абсурд, по убеждению Ионеско, и способен дать выход из этого положения. Реализуя эту идею, он лишает высказывания своих персонажей внутренней логики. Так, в «Лысой певице»⁴ миссис Смит, обращаясь к мужу, произносит такие слова: *А сун, кстати, был чуточку пересолен. В нем соли было больше, чем в тебе. Ха-ха-ха. И чересчур много порея и мало лука* (с. 16). Или: *Йогурт прекрасно действует на желудок, почки, аппендицит и апофеоз* (с. 17).

Подобные логические нарушения проявляются в самых разных аспектах восприятия действительности персонажами. Например, в этой же пьесе мистер Смит прочитал в газете о том, что умер его старый знакомый, Бобби Уотсон, но тут же говорит: *Он вот уже два года, как умер*. Несколько мгновений спустя он произносит по этому же поводу: *Мне уже три года назад говорили о его смерти*. А еще через мгновение, в ответ на реплику жены: *Четыре года, как умер, а был еще теплый* (с. 18). Жену этого Бобби Уотсона — ее, кстати, также зовут

³ В этом Ионеско, также не без доли абсурда, обвиняет лингвистов и науку о языке. Ср.: «Проблема языка уже существовала. Для чего он нужен, чему служит, понимаем ли мы друг друга и существует ли он вообще? Сейчас о языке говорят много, так много, что даже перестают понимать язык о языке, который еще болсе непонятен, нежели сам язык, а уж что касается метаязыка в метаязыке и т. п., то там и вовсе плохо. Лингвистика разрушила язык. Если раньше он был еще хотя бы как-то возможен, то теперь все кончено» [Ионеско 1992: 246].

⁴ Примеры даются по изданию: [Ионеско 1990].

Бобби Уотсон — мистер Смит описывает так: *Черты у нее правильные, но хорошенькой ее не назовешь. Слишком толстенная и большая. Черты у нее неправильные, но она, можно сказать, очень даже хорошенькая. Только чересчур хрупкая и маленькая* (с. 19).

Такая абсурдность высказываний персонажей распространяется и на диалог, в котором логики нет не только внутри фраз, но и между ними.

Миссис Мартин. Дай мне гроб твоего мужа, и я дам тебе шлепанцы моей свекрови.

Мистер Смит. Хлеб — это дерево, но и хлеб тоже дерево, и каждое утро на заре из дуба растет дуб.

Миссис Смит. Мой дядя живет в деревне, но повитухи это не касается.

Мистер Мартин. Бумага для письма, кошка для мышки, сыр для сушки (с. 42).

В таком использовании языка Ионеско практически заново изобретает (или, возможно, имитирует⁵) дзенские коаны. Например, мистер Мартин произносит такие слова:

— Я ехал вторым классом, мадам. В Англии не существует второго класса, но я тем не менее всегда ездю вторым классом (с. 22).

Даже авторские ремарки не избежали подобных нарушений в логике. Вследствие этого абсурдность у Ионеско как бы выходит за рамки спектакля и распространяется уже на авторскую внесценическую действительность. Так, одна из ремарок в «Певнице» имеет следующий вид: *Снова пауза. Часы на стене бьют семь раз. Пауза. Часы бьют три раза. Пауза. Часы бьют ноль раз* (с. 18).

В результате языковая действительность начинает как бы «отслаиваться» в сознании человека от некой метафизической реальности, которая так манит Ионеско и которую он стремится открыть людям.

⁵ Есть основание полагать вообще, что Ионеско был знаком с философией дзен. Например, говоря об идеях и состояниях, воссозданных в «Обрывках дневника», «Настоящем прошлом», «Убийце по призванию», он признается в том, что они повторяют его личный опыт. Ср.: «Я был очень молод, когда переживал эти моменты озарения, мне еще не было и двадцати. И я ощущал тогда не счастье, нет, счастье — посредственно, но огромную радость. Это было Сатори, какое-то озарение, и я сказал себе тогда, что огненные мне уже ничего не страшно, что теперь я буду вспоминать эти моменты и существовать они будут вечно» [Ионеско 1992: 248].

А люди в этих обстоятельствах начинают понимать друг друга — но «ниже слов и рядом с ними» [Ионеско 1992: 245].

Следуя в этом направлении, Ионеско всегда стремился к теоретической ясности своих позиций. «Сквозь абсурд и нонсенс, — писал он по поводу «Лысой певицы», — сквозь словесную неразбериху, несмотря на смех в зале, можно понять драму *всякого языка*. Я бы даже сказал, что в конце концов язык взрывается среди молчаливого непонимания, взрывает тишину, разбивает ее, чтобы возникнуть заново в ином виде. В виде ясного языка, который дошел до предела, до края тишины» [Там же: 353].

Но сам Ионеско идет еще дальше — также в полном соответствии с установками дзен. Он призывает к немому общению и пониманию мира в его прямом и непосредственном восприятии. «Слова могут быть безмолвными, — провозглашает он. — Говорит сама тишина созерцания» [Там же: 359].

И третье культурное явление, которое здесь намечено рассмотреть в связи с вопросом о когнитивной стратегии языкового парадокса, — литература русского постмодернизма и собственно литературное творчество Д. А. Пригова.

Парадоксальность — наиболее яркая его черта (см. об этом: [Берестнев 2001]). Собственно, она определяет собой все другие характеристики творчества Д. А. Пригова — иронию, реализацию в нем смехового начала, игру с логическим сознанием читателя и т. д. При этом у Пригова есть произведения, с одной стороны, чрезвычайно близкие дзенским коанам, а с другой — в точности повторяющие абсурдистские тексты Ионеско. Так, одно из своих «дзенских» стихотворений Пригов предварил замечанием, сформулированным абсолютно в духе Ионеско: «Вот стихотворение, которое потрясло меня в детстве, хотя и было написано на 50 лет позже». В тон этой преамбуле звучит и само стихотворение:

Капля дождя как тварь дрожащая,
Пройдя насквозь зеленый пруд,
Ложится на прохладный лоб
Младенца заживо лежащего
На дне пруда.

[Пригов 1995: 9].

Парадоксальную концептуальную организацию у Пригова могут иметь и отдельные высказывания — ср.: *Много раз, бывало, встречал я себя, попадаясь в самых разных местах...* [Пригов 1997: 279]; *Одевает*

комбинацию — умер наподобье скользящей постоянной узнавания [Пригов 1995: 50]. В первом случае описывается ситуация, которая может быть воспринята либо как проявление болезненной диссоциации личности, либо как свидетельство изощренного парадоксального ума⁶; во втором воспроизводится нечто такое, что вообще должно повергнуть в отчаяние обыденное сознание своей содержательной несвязностью, алогичностью.

В своей обращенности к парадоксу Пригов часто посягает на самые основы восприятия действительности человеком — на его представления о времени и пространстве. Основная цель Пригова в этом случае — разрушить в сознании читателя то и другое и тем самым освободить его от традиционных культурных и познавательных стереотипов (вполне «дзенская» задача).

В частности, разрушая привычное для читателя представление о времени, Пригов в целом ряде случаев описывает ситуации, сознательно лишая их надежных временных координат и тем самым снимая значимость самой мысли о темпоральности бытия. Для этого он вводит в описываемые события реалии или лица, принадлежащие разным историческим эпохам, резко меняет темпоральные ориентиры событий или рассогласовывает их. Например, парадоксальным и фактически неопределенным представлено время в следующем небольшом фрагменте, где временные приметы сменяют друг друга целых пять раз:

Поздней осенью глубоким мартовским времнем жизни мосей, дня 15 апреля бродил по берегам реки московской Москвы, подбивая отдаленной своей ногой прошлогодние листья..., слипшиеся, словно новорожденные, выкинутые на мороз жестоким хозяином-мироедом ласковые мышата-малютки.

⁶ Любопытно, что эта тема двойственного (или даже множественного) Я также нашла отражение в дзенской традиции. В ней стала хрестоматийной, в частности, следующая история.

Некий монах Дзюйган каждый день окликал себя:

— Учитель. — И отвечал: — Да, господин. — Затем прибавлял: — Будь умерснным. — И снова отвечал: — Да, господин. — И кроме того, — продолжал он, — не позволяя себя обманывать другим. — Да, господин, да, господин, — отвечал он себе.

В одном из наиболее известных комментариев этого сюжета говорится о том, что Дзюйган сам перед собой разыгрывает представление, упражняясь в «осознанной глупости». На самом деле он осознает, что и то и другое — всего лишь маска (см.: [Плоть и кость дзен 1992: 115]). Тот, кто держится за любую из своих масок, ошибается — такова глубинная идея этой истории.

И вспомнилось мне как прошлогодним предлетним вечером майской поры того же числа 30 марта ходили мы втроем... — я, а по бокам движения меня — двигались Булатов и другой — Эрик Владимирович [Пригов 1997: 274].

Подобно тому как время оказывается разрушенным из-за парадоксальной смены темпоральных признаков события, пространство у Пригова теряет свою сообразность вследствие демонстративно заявленной разнородности его конкретных обстоятельственных характеристик. Так, сказание о творческой силе Вучетича начинается у Пригова следующим невозможным с точки зрения реальности соединением признаков места:

В небольшой деревушке, в глухой сибирской тайге, неподалеку от города Симбирска, родился нский мальчик [Пригов 1997: 264].

На самом деле Е. В. Вучетич родился в Екатеринославе (ныне Днепропетровск) — крупном областном центре в Европейской части России; город Симбирск (ныне Ульяновск) расположен на берегах Волги и Свияги — совсем не в Сибири; реально Ульяновск расположен в лесостепной зоне (близко к границе лесостепи и степи), и о тайге в этих местах знают лишь понаслышке.

Иногда подобное разрушение пространственных стереотипов мышления осуществляется у Пригова посредством фантастических или гротескных сюжетов, в которых прямо заявляется, что пространство — это условность человеческого сознания. Так, в следующих двух примерах почти реалистически показывается условность имеющихся у нас представлений о пространстве и принципиальная возможность другого его видения:

Такой сюжет. Человек ходит и в любом месте рукой вертикально взрезает пространство. Края разреза чуть скручиваются и оттуда в наш мир вываливаются неведомые обитатели.

Другой человек взрезает пространство рукой горизонтально. Оттуда сыпятся другие обитатели [Пригов 1995: 93–94].

Таким образом, и у Пригова парадокс выступает средством разрушения всякой логики, а таким образом и средством снятия в сознании читателей базовых семантических противопоставлений. Благодаря парадоксу сознание читателя имеет шанс «возвыситься» над привычной познавательной и культурной реальностью и стать свободным.

При этом свобода, к которой Пригов ведет своего читателя, имеет абсолютный характер. Реальность, над которой он стремится возвыситься, — не только «общефилософская», открывающаяся человеку в процессе его языкового освоения мира. Большей частью это реальность повседневного быта, подчиняющего себе человека уже в силу его физиологичности (он ест, пьет, спит, отдыхает, умывается и т. д.), или реальность социальная со всеми ее идеологическими ценностями. Пригова интересует представление о том и другом. Как он сам говорит, он работает «с неким усредненным образом, который существует в культуре, который утвержден не личной волей, а именно общей большой культурой» [Гандлевский 1993]. И так же как учителя дзен-буддизма разрушают обыденное культурное сознание ученика, Пригов обесценивает в сознании читателя «поп-образы», «поп-имиджи», «поп-представления о культуре» и подталкивает его к открытию в себе истинного, высшего сознания.

Однако дзенский принцип отрицания противоположностей у Пригова реализуется в особом плане. Он в первую очередь снимает традиционную культурную оппозицию «в шутку / всерьез». Таким путем в сознании читателя теряют взаимосвязь признаки «значимое / незначимое», а по большому счету и признаки «действительное / иллюзорное».

Парадоксально, но именно благодаря дискурсивным практикам иллюзорное в культурном и языковом сознании человека обнаруживает свою действительность, а действительное — иллюзорность и сомнительность. Иными словами, все, что пишет Пригов, — это только средство, помогающее читателю осуществлять трансценденцию сознания за пределы традиционной культуры, столь высоко ценимой в обществе и тщательно им оберегаемой, но на самом деле удушающей в своих объятиях уже мало-мальски независимое индивидуальное сознание.

Читатель в этих обстоятельствах не просто выступает в соавторстве с Приговым, но в определенном смысле идет дальше, реализуя ту задачу, которая ему только предлагалась. И в этом плане уже личность самого Пригова становится близкой личности дзенского учителя, который находится рядом с учеником, но не лишает его познавательной инициативы, наоборот, всячески стимулируя ее. В «Открытом письме...» он пишет (опять-таки не без разрушительного иронического пафоса): «Милые мои, мы знаем это все, мы знаем их всех, знаем их наружность, внешность, выражения и подноготную. Но мы не знаем себя. Да, да, да, да, да, да! Мы себя не знаем! Кто же, кроме нас, взглянет нам в глаза...».

Итак, вновь возвращаясь к исходному вопросу о стратегии парадокса, мы должны заключить, что парадокс — это мощный инструмент

преобразования человеческого сознания, инструмент его изменения. Благодаря парадоксу осуществляется прорыв человеческой ментальности за пределы того познавательного пространства, в котором эта ментальность в силу своей природной связи с языком пребывает. По сути, сознание человека и есть то познавательное пространство, которое определяется всей совокупностью знаний, закрепившихся в языке. Парадокс же разрушает образующие его стереотипные, ограниченные содержательные схемы (к числу таковых принадлежит и противопоставление «да / нет»).

Но само сознание при этом не разрушается — оно созидательно преобразуется. Каждый человек имеет возможность пережить такое его изменение. Но об этом нельзя будет ясно сказать, поскольку новый содержательный опыт принципиально нацелен на внеязыковую содержательную действительность. Тем не менее этот опыт можно представить в образах, но это уже совсем другая тема для обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

- Берестнев 2001 — *Берестнев Г. И.* Литературный постмодернизм с когнитивной точки зрения // Актуальные проблемы литературы: комментарий к XX веку. Материалы Международной конференции (Светлогорск, 25–28 сентября 2000 г.). Калининград, 2001. С. 32–39.
- Бидерманн 1996 — *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М., 1996.
- Витгенштейн 1958 — *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.
- Гандлевский 1993 — *Гандлевский С.* Дмитрий Александрович Пригов. Между именем и имиджем // Литературная газета. 12 мая 1993.
- Дзен-буддизм 1993 — *Дзен-буддизм. Судзуки Д.* Основы дзен-буддизма. *Кацуки С.* Практика дзен. Бишкек, 1993.
- Древнекитайская философия 1972 — *Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1.* М., 1972.
- Иванов 1978 — *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
- Ионеско 1990 — *Ионеско Э.* Лысая певичка. Пьесы. М., 1990.
- Ионеско 1992 — *Ионеско Э.* Противоядия. М., 1992.
- Колшанский 1976 — *Колшанский Г. В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 5–30.
- Кубрякова 2004 — *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
- Плоть и кость дзен 1992 — *Плоть и кость дзен.* Калининград, 1992.
- Пригов 1995 — *Пригов Д. А.* Явление стиха после его смерти. 1995.

- Пригов 1997 — *Пригов Д. А.* Написанное с 1975 по 1989. М., 1997.
- Сепир 1993 — *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Уотс 1993 — *Уотс А.* Путь дзэн. Киев, 1993.
- Jackendoff 1984 — *Jackendoff R.* Sense and reference in a psychologically based semantics // *Talking minds.* Cambridge (Mass.), 1984. P. 49–72.

М. В. ЛЯПОН

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ЛОГИКА СКРЫТОГО ОТРИЦАНИЯ

Целью всей деятельности интеллекта
является превращение некоторого
«чуда» в нечто постигаемое.

(А. Эйнштейн)

Из утверждения и отрицания рождается
истина.

(Л. Фейхтвангер)

Ткни пальцем в темноту. Невесть
куда. Куда укажет ноготь.
Не в том суть жизни, что в ней есть,
но в вере в то, что в ней должно быть.

(И. Бродский)

Слово *нет* и частица *не*, как все другие знаки естественного языка, подчиняются логике, которую С. Карцевский называл законом асимметричного дуализма языкового знака: поверхностное (эксплицированное) отрицание — лишь один из способов обозначить ‘небытие’, ‘отсутствие’, ‘отказ’, ‘запрет’ и др. подобные смыслы. Означиваемая специальными языковыми единицами негация — в каком-то смысле — экономия вербальных усилий; их использование дает возможность, не повторяя уже сказанного, повернуть смысл в противоположную сторону. Но знак отрицания — это «оборотень» и в другом отношении: этот знак может быть буквально *поверхностным*, т. е. ничего не значащей условностью или компромиссом, — модальностью, колеблющейся между *да* и *нет*, объединяющей в себе и *да*, и *нет*. Кроме того, поверхностное отрицание способно служить формой утверждения.

1. Дискурсивные идиомы с поверхностным отрицанием. Речь идет не только о тех особенных случаях, которые мотивированы специфическим — окказиональным — авторским контекстом. Утвердительный и компромиссный смысл может быть закреплен за синтаксическими клише. Я имею в виду такие двухместные сцепления (фразеосхемы) как, например: «*не успел А, как вдруг В*»; «*слишком А, чтобы не В*»;

Работа выполнена при поддержке грантом РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Текст как отпечаток личности» (№ 05-04-04038а).

«не А, но и не В»; «не то чтобы А, но В»; «(если) не А, то по крайней мере В»; «не проходило (часа), чтобы не» и др. Скрытое, компромиссное и незначимое отрицание встроено в состав дискурсивных знаков, принадлежащих синтаксическому фонду языка. Например, в случаях типа «*Не успели* мы втроем выйти из сада, как за нами хлопнули ворота, и сторож несколько раз повернул в скважине ключ» (Л. Пантелеев) частица *не* оформляет утверждение ('как только мы вышли из сада'). Закономерность, называемая С. Карцевским асимметричным дуализмом, относится и к фактам скрытого отрицания, т. е. негации, которая не обозначена специализированной языковой единицей. Задача статьи — обратить внимание на ту и другую сторону проблемы.

Такие слова как *нет, ничего* (возможно, заполняя смысловой вакуум, заданный их внутренней формой) способны полностью преодолеть негацию. Например, слово *нет* означает и взвешенное (трезвое, чисто логическое) отрицание, и чисто импульсивный возглас, направляемый адресату: *Нет, вы только послушайте (посмотрите, попробуйте!)*. Подобные дискурсивные идиомы категориально безлики: выступая в роли оценочных предикатов, они оказываются средоточием полярных смыслов, совмещая признаки разных частей и частиц речи.

В условиях дискурса частица *нет* обретает коннотации, которые переводят ее в класс междометий. Ср., например, *нет* — как аффективный знак (крик протеста умноженной иллокутивной силы, он может быть не адресованным, при авторефлексии, — как знак внутреннего императива); с другой стороны, существует *нет* как обеззвученное изображение на транспаранте (напр., в агитационной надписи «Нет наркотикам!» и т. п.). В том и другом случае, очевидно, речь идет о перформативной функции в собственном (узком) смысле слова, т. е. о словесном знаке, эквивалентном действию. Ср. также перформатив-возражение: говорящий субъект ничего не отрицает, а просто прерывает собеседника или ход собственных мыслей («*Нет, до чего же обидно!*»).

Абсолютно идиоматичным (полностью утратившим связь с негацией) приходится признать *нет*, используемое «для эмоционального привлечения внимания собеседника к высказыванию. «*Нет, вы только попробуйте, что это за арбуз! Нет, какой негодяй!*» [Объяснительный словарь 2002: 224]. Уточним: не только внимание к оценке самого предмета речи, но одновременно готовность защищать свое мнение; еще ничего не отрицая, говорящий делает предварительную заявку на противослово (возражение). Впрочем, следы негации в подобных случаях не всегда стираются полностью. Например, формула «*Нет, вы только подумайте!*» может быть истолкована как призыв перечеркнуть

всё ранее сказанное и на новом витке рефлексии осмыслить происходящее. Это речение отражает потребность в более углубленном анализе наблюдаемого, случившегося.

Явно идиоматична формула согласия *Почему нет!* (*А почему бы и нет!*), где отвергаемое — след рефлексии субъекта: 'да или нет?' ('быть или не быть?'). Наша интуиция привыкает к немотивированному стереотипу, но в то же время реагирует на алогизм: при буквальном прочтении здесь выявляется конкуренция альтернативных смыслов (согласие / отказ), что дает повод для языковой игры¹.

Лексическая идиома *ничего* (в ответной реплике) прочитывается как сложный знак, который, помимо собственно оценочного смысла, содержит в себе специфически дискурсивную информацию, характеризую стратегические мотивы собеседника: невнятность, недоговоренность, возможно — маскировка неискренности, отказ от однозначной оценки, полуправда, уклончивость, отговорка, лаконизм, скрывающий неявные мотивации, а также нюансы в отношениях между говорящими, расчет на интуицию адресата, нежелание распространяться и др. обстоятельства общения.

В. В. Виноградов, ссылаясь на П. А. Вяземского, обнаруживает у слова *ничего* признаки идеологемы, приоткрывающей особенность русской ментальности: «У некоторых экспрессивных выражений возникает необычная широта смыслового применения. П. А. Вяземский так понимал национальный колорит разговорного выражения *ничего*, которое может быть синонимом разнообразных слов со значением посредственной оценки ('о чем-нибудь не отличным, но и не очень плохом'): «Есть на языке нашем оборот речи совершенно *нигилистический*, хотя находившийся в употреблении еще до изобретения нигилизма и употребляемый доныне вовсе не нигилистами. „Какова погода сегодня?“ — *Ничего*. — „Как нравится вам эта книга?“ — *Ничего*. — „Красива ли женщина, о которой вы говорите?“ — *Ничего* <...> В этом обороте

¹ Двойственность оставляет шанс для отказа от утверждаемого; ср. в приводимых ниже анекдотах:

«Муж говорит жене, которая устроилась работать секретаршей:

— Дорогая, ты ведь скажешь „нет“ на домогательства своего начальника?

— Ну, почему бы и нет?»;

«Диалог двух пенсионеров на прогулке:

— Вот здесь я живу — видишь огонек в окне на третьем этаже? Можно зайти, чайку попить.

— А почсму бы и нет!

— Ну, нет так нет!».

есть какая-то русская, лукавая сдержанность, боязнь проговориться, какое-то совершенно русское себе на уме» [Виноградов 1994: 781] (разрядка моя. — М. Л.).

В этом употреблении улавливается момент раздвоения *ничего* на собственно негацию (отрицание) и негативность: оно выражает идею усредненного качества ('так себе', 'приемлемо', 'сносно', 'терпимо', 'не выходя за пределы нормы'). Заметим, что даже при поддержке интонации, которая регулирует все оттенки и градации 'среднего уровня' (вплоть до 'очень даже ничего!'), оценка остается сдержанной, не достигая превосходной степени ('безупречно', 'превосходно'). В авторском эксперименте находим толкование этого трудноуловимого дейктического смысла при помощи образа. Например, Бродский «безликий» предикат *ничего* (т. е. 'как обычно', 'как всегда', 'нормально') преподносит в виде афористической и специально олицетворенной формулы:

Старик, пишу тебе по-новой,
Жизнь — как лицо у Ивановой
или Петровой: не мурло,
но и не Мэрилин Монро.

[Голышев 2006: 179]

Своей формулой Бродский обозначил две крайние точки: предел безобразия и предел совершенства; между ними расположен смысл 'не-что среднее по качеству', 'ни то, ни се', 'так себе'. Автор дает возможность ощутить компромиссную сущность семантики стандарта (бесцветности, удовлетворительности), уловить грань между собственно негацией ('не есть') и оценочными смыслами, превращающими *не* в *ни-ни*.

К формулам, в которых отрицание не реализует своего прямого значения, относятся устойчивые метатекстовые речения типа *не говоря (уже) о (о том, что...)*; *...хотел(а) сказать* и т. п.² Эти средства явно идиоматичны, поскольку дают возможность — как раз наоборот, — ввести в текст мнимо-отрицаемое.

2. Квази-умолчание. Материал для изучения логики компромиссного и скрытого отрицания дают контексты, в которых номинация заменяется дейктическим словом (*он, тот, там* и т. п.); при этом можно объяснить причину отказа от прямого обозначения:

² Отметим, что при изучении логических функций формулы «не говоря (уже) о...», «не говоря (уже) о том, что...» [Норман 2007] остается без внимания алогизм, на котором сама эта формула построена: *не говоря* — означает отказ от вербализации, тогда как эту установку субъект речи тут же нарушает.

— А узнала я тебя просто... Как тебя не узнать, ты похож!

— На кого?

— Да на отца своего, господи!

— А он... какой? *Я не назвал: «отец». Не мог произнести это чужое слово (А. Приставкин. Кукушата) (выделено мною. — М. Л.).*

Пропущенное может быть легко восстановлено из контекста:

...когда он подымал глаза на ее койку, их взгляды не встречались; он либо видел один матрац, либо же... *но она быстро подобрала их под себя и натянула ослабнувшие чулочки* (Б. Пастернак. Детство Люверс).

Отказ от вербализации Бродский оформляет лексически (*прочерк*, *пропуск*, *зачеркиваю* и т. п.):

Такой-то и такой-то. Сорок лет.

Национальность. Холост. Дети — *прочерк*

[Бродский 2001/II: 304];

Что сказать ввечеру о грядущем, как
вспоминанье в ночной тиши
о тепле твоих — *пропуск* — когда уснула,
тело отбрасывает от души
на стену, точно тень от стула
на стену ввечеру свеча <...>

[Бродский 2001/II: 129];

Проспект был пуст. Из водосточных труб
лилась вода, сметающая окурки.
Он вспомнил гвоздь и струйку штукатурки,
И почему-то вдруг с набрякших губ
сорвалось слово (*Боже упаси
от всякого его запечатленья*),
и если б тут не подошло такси,
остолбенел бы он от изумления).

[Бродский 2001/II: 375] (выделено мною. — М. Л.).

Здесь мы наблюдаем факты лексически поименованного (или метонимического) молчания, при котором приравнивается «отрицательный феномен к положительному, неслучившееся к случившемуся, несказанное к сказанному, а несказанное к выразимому» [Арутюнова 1994: 107]. Заслуживает внимания цитируемый ниже отрывок из «Школьной антологии»:

Женился бы. Но времени в обрез.

И он предпочитает вечеринки,

случайные знакомства, адреса.
«Наш будущий — *улыбка* — инженер».
Он вспоминает сумрачную массу
и смотрит мимо девушек в окно.
Он одинок на собственный манер

[Бродский 2001/II: 320] (выделено мною. — М.Л.).

Виртуозно используя семантику *улыбки*, Бродский замещает нейтральную номинацию³, буквально изображая *мимическим действием* иронию, адресуемую своему персонажу.

Заметим, что для поэта квази-умолчание — один из способов преодолеть сопротивление грамматики и лексикона, одержать победу над диктатом языковой нормы, не отступая от своей стратегии смыслозидания:

Я вас любил. Любовь еще (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги.
Все разлетелось к черту на куски.
Я застрелиться пробовал, но сложно
с оружием. И далес, виски:
в который вдарить? Портила не дрожь, но
задумчивость. Черт! все не по-людски!
Я вас любил так сильно, безнадежно,
Как дай вам Бог другими — — — но не даст!
Он, будучи на многое горазд,
не сотворит — по Пармениду — дважды
сся жар в крови, ширококостный хруст,
чтоб пломбы в пасти плавилась от жажды
коснуться — «*бюст*» *зачеркиваю* — уст!

[Бродский 2001/III: 65] (выделено мною. — М.Л.).

Здесь Бродский создает остроумную комбинацию черновика и окончательного текста; он как бы обсуждает свои колебания в выборе словесной формы, претендующей на рифму, приглашает читателя в со-редакторы⁴.

³ Учитывая ритмическую схему строки и контекст, подразумеваемое слово, по-видимому, *любовник*.

⁴ По свидетельству современников, Бродский в преподавательской практике по русской и сравнительной поэзии поощрял интерес к отвергнутым вариантам: «Я помню, как на своих семинарах в Мичиганском университете, — пишет В. Полухина, — Бродский часто спрашивал студентов, анализируя стихотворение Рильке или Цветаевой: „Как вы думаете, сколько и какие варианты

Как бы то ни было, *зачеркнутое* остается вербализованным, т. е. мы наблюдаем оборачиваемость «да» и «нет». Подобная *негация* (пропуски, прочерки, зачеркивания, пробелы, паузы и умолчания), т. е. якобы неназываемое на самом деле оказывается *органической частью стиха* и, кроме того, — элементом автопортрета пишущего (или проговаривающего) свой текст поэта, такой же необходимой составляющей окончательного варианта, как рука, выводящая строки⁵, или сигарета, выкуриваемая после удачно найденной формулы:

Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером
подышать свежим воздухом, веющим с океана
<...>

Не пойми меня дурно: с твоим голосом, телом, именем
ничего уже больше не связано. Никто их не уничтожил,
но забыть одну жизнь человеку нужна, как минимум,
еще одна жизнь. И я эту долю прожил.

Повезло и тебе: где еще, кроме разве что фотографии,
ты пребудешь всегда без морщин, молода, весела,
глумлива?

Ибо время, столкнувшись с памятью, узнаёт о своем
бесправии.

Я курю в темноте и вдыхаю гнильё отлива.

[Бродский 2001/IV: 64] (выделено мною/ — М. Л.)

Парадоксальные манипуляции *есть* и *нет* у Бродского — один из основных элементов его поэтической техники; главная тема его рефлексии — *бытие и ничто*, причем «логическое ударение, — как справедливо отмечает Т. Венцлова, — может сдвигаться» [Венцлова 2006/I: 323].

Отказ от вербализации выполняет провоцирующую роль, давая возможность углубить осмысление того, что подано автором как якобы

поэт отверг, прежде чем он остановился на том, с которым мы имеем дело?“» [Шолухина 2006/I: 270].

⁵ В полдень можно вскинуть ружье и выстрелить в то, что в поле кажется зайцем, предоставляя пуле увеличить разрыв между *сбившимся напроць с темпа пишущим эти строки пером* и тем, что оставляет следы. Иногда *голова с рукою сливаются, не становясь строкою*, но под собственный голос, перекатывающийся картаво, подставляя ухо, как часть кентавра.

[Бродский 2001/III: 142] (выделено мною. — М. Л.)

не значимое. Рассмотрим особый случай такого провоцирующего молчания у Бродского:

Я говорю с тобой, и не моя вина,
если не слышно. Сумма днсий, намозолив
человеку глаза, так же влияет на
связки. Мой голос глух, но, думаю, не назойлив.
Это — чтоб лучше слышать кукареку, тик-так,
в сердце пластинки шаркающую иголку.
*Это — чтоб ты не заметил, когда я умолкну, как
Красная Шапочка не сказала волку.*

[Бродский 2001/IV: 31] (выделено мною, — М. Л.)

Здесь Бродский нарушает ограничение в употреблении отрицания в придаточном предложении при перцептивном глаголе (*женщина заметила *как он не опускал деньги в кассу*; — пример И. Кобозевой). Интерпретируя это правило, И. Кобозева пишет: «Невозможность *как... не...* после перцептивных предикатов объясняется противоречием денотативных характеристик пропозиции, возникающим в данном случае. Союз *как* актуализирует пропозицию как имеющую статус «события» («представления»). Но отрицательная пропозиция *не Р* при перцептивном предикате не может интерпретироваться как «представление» <...> поскольку физически воспринимаются только события реального мира, а в реальности „отрицательных“ событий не существует» [Кобозева 1988: 87].

Очевидно, Бродский в данном случае сознательно устраивает эксперимент: он делает свою конструкцию (**не заметил... как Красная Шапочка не сказала волку*) грамматически непрозрачной и тем самым привлекает внимание к интригующему месту, специально стимулирует воображение читателя. Эксперимент Бродского достигает цели: он использует классический сюжет, и популярные фигуры парадоксальным образом (путем умолчания «как не сказала») изображают момент превращения бытия в небытие.

В поэтическом контексте известный диалог Красной Шапочки и Волка (диалог, никогда у Бродского не вербализуемый полностью) превращается в усеченную образную формулу, символизирующую страх смерти; см. разговор Горбунова с врачами в гл. IX поэмы «Горбунов и Горчаков»:

«Ну, Горбунов, рассказывайте нам!»
«О чем?» «О ваших снах». «Об оболочке».
«И называйте всех по имснам».
<...>

«Зачем вам это?» «Нужно». «И сполна».
 «Для вашей пользы». «Реплика во вкусе
 вопросов Красной Шапочки. Она,
вы помните, спросила у бабуся
насчет ушей, чья странная длина...».
 «Не бойся», — та в ответ, — «ахти, боюсь».
 «Чтоб лучше слышать внучку!»
 «Вот те на!»
 Не думали о вас мы как о трусе».
 «К тому ж в итоге крошка спасена».
 «Во всем есть плюсы». «Думайте о плюсе».

[Бродский 2001/II: 273]

3. «Рубикон» для хамства. Отдельного толкования заслуживает формула *«слишком... чтобы...»*, представляющая собой контаминацию внутренней негации и причинной обусловленности; логику этой формулы можно описать следующим образом: ‘чрезмерность чревата отрицательным результатом’ (‘чрезмерность обуславливает отрицательный эффект’) ⁶. Интересную иллюстрацию этой модели находим у Бродского в его письме к В. Голышеву:

Не знаю: дело во Всевышнем
 или — физический закон,
 но *разницы лет в двадцать с лишним*
 для хамства — *крупный Рубикон* ⁷.

[Голышев 2006: 180–181] (выделено мною; — М. Л.)

⁶ Значение избыточности, чрезмерности оказывается здесь главным аргументом оборачиваемости смысла. В модели типа *«достаточно... чтобы...»* вторая часть высказывания не меняет исходной модальности (*Я достаточно разумен, чтобы не поучать пожилого человека*).

⁷ Стихотворение «Старик, пишу тебе по новой...» написано 8 декабря 1995 г., за полтора месяца до смерти. Смысл анализируемой формулы более понятен в контексте, включающем несколько непосредственно предшествующих четверостиший:

Вдобавок — близость океана
 ноздрею ловишь за углом.
 Я рад, что этим дышит Анна,
 дивясь Чувихе с Помелом.
 Я рад, что ей стихии водной
 знакомо с детства полотно.
 Я рад, что, может быть, свободной
 ей жить на свете суждено.

Интенсифицирующая часть формулы («слишком») выражена метафорически («крупный Рубикон»), а ирреальность (скрытое отрицание) заключено в предлоге *для* («для того чтобы»). Формула прочитывается как афоризм (максима, мораль, сентенция), но при ее толковании следует учитывать склонность Бродского к самоиронии — он открывает «секрет» счастливого брака, опираясь на личный опыт («я намного старше жены, чтобы она мне хамила»; меняя позиции субъектов, можно обобщить так: «у нас слишком большая разница в возрасте, чтобы хамить друг другу»).

Заметим, что анализируемое четверостишие представлено в модальной рамке: «*Не знаю..., но...*», которая устроена по принципу самопровержения (ее логический надтекст парадоксален: «Я не знаю..., но я все же знаю»; другими словами «я не знаю всей истины, но одна причина мне известна»⁸).

4. Парадокс внутри парадокса. Устойчивые речения со скрытым отрицанием могут быть осложнены встроенной в них (часто неочевидной) рефлексией субъекта, аргументирующего (или маскирующего) свою ментальную стратегию. Они представляют собой своего рода организующие дискурс коды, которые заслуживают адекватного толкования. Заслуживает внимания широко используемая в разговорной речи формула-извинение: *извини(те), но...; прости(те)... но*, которая является вариантом модели «*хотя..., но*». Пример из Бродского:

Такие чувства — плод досуга.

Однако данный материк

тут ни при чем: они — заслуга

четырехстопника, старик.

Плюс — пятилетка жизни в браке.

Представить это тяжело.

Хотя до склоки или драки

покамест дело не дошло.

[Голышев 2006]

⁸ Поверхностное отрицание в модели типа «не знаю..., но» («не помню..., но...»; «не уверен..., но...»; «не понимаю, почему..., но...» и т. п.) факультативно; негация может быть оформлена иносказательно. Ср. у Булгакова: *Она несла в руках отворотительные тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве* («Мастер и Маргарита»). Аналогичную структуру имеют построения «либо/либо..., но...»; «так или иначе..., но...» и под.: первая часть (ввод) выражает *незавершенную рефлексия*, — искомую причину, цель и др. мотивации последующего утверждения, которое звучит как внутренне неоправданное или непредсказуемое.

Прости, Роман, меня, мерзавца!
Дай по лицу!
Но *приключилось нализаться*
вчера певцу,
и потому в твоей гостиной
выл только Юз.
Роман! Я был всегда скотиной
и остаюсь.
Прощенья нет подобной твари!
(Плюс — иудей!)
И нет мне места в «Самоваре»
среди людей!...⁹

Логика самой формулы «прости, но» парадоксальна: в ней соположены две взаимоисключающие модальности 'да' и 'нет' ('Я виноват, но я не виноват'). В иллюстрации этого смысла обнаруживаем еще один — внутренний — парадокс: Бродский строит свою «объяснительную записку» на столкновении двух противоречащих смыслов. *Случай* (приключение, стечение обстоятельств, когда субъект поставлен в безвыходное положение, явное алиби, уважительная причина) снимает вину. Но что же приключилось? Выражение «приключилось нализаться» (ситуация из тех, исход которых полностью под контролем субъекта) обозначает крайнюю степень безволия субъекта.

За комическим эффектом, порождаемым остроумной манипуляцией Бродского, скрываются неявные смыслы и логические выводы: лицемерие вежливости, условность покаяния, самоирония и самоопровержение и т. п. Здесь же прочитывается и намек на русскую национальную идеологию, за которой целый клубок альтернативных алиби: 'виноват или не виноват?'.

Текст Бродского — бесконечная цепь утверждений и самоопровержений, столкновений «да» и «нет» — иллюстрация его же мысли о том, что русский язык — это «язык, жидущийся на хотя» [Бродский 1992: 75]; подробнее в: [Ляпон 2005: 906–907]. Полное отсутствие клише, т. е. «преобразование их в мета-клише» [Венцлова 2006/1 : 323] — универсалия когнитивной стратегии Бродского: не отменяя логических моделей синтаксиса, он показывает неисчерпаемые смыслопродуцирующие возможности этих моделей.

⁹ Стихотворение написано по случаю юбилея Романа Каплана; полный текст см. в: [Штерн 2001: 214–215].

5. Риторический эффект «не сущего»¹⁰. Речь идет об одной гиперболе, которую изобретает Цветаева, используя свою излюбленную оппозицию «бытие/небытие» как конкуренцию двух равноправных смысловых ценностей:

Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира!
«Все плакали, и если кровь болит...
Все плакали, и если в розах — змей»...
Но был один — у Федры — Ипполит!
Плач Ариадны — об одном Тезее!
Терзание! Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо *небывших*!

[Цветаева II, 176]¹¹

Конструкция привлекает внимание загадочной несообразностью. На первый взгляд перед нами явный алогизм: нам предлагают принять фикцию за неоспоримый аргумент. Действительно, кто это такие «когда-либо и где-либо» *небывшие*? Глагол бытия здесь стоит под знаком отрицания (причем выделен самой Цветаевой). Всё остальное подано в утвердительной модальности: «*когда-либо*» ('во все времена'), «*где-либо*» ('повсюду, на всей земле'), «*в счете сбившись*» ('их множество', 'я их пересчитываю и сбиваюсь в счете').

Число этих *небывших* Цветаева представляет как совокупность, используя слово «весь»¹², которое поддерживает неоспоримость ее постулата (подсчет завершен и получена реальная цифра). Между тем речь идет о виртуальном — о всех тех, кто мог бы появиться на свет за время существования человечества, но не родился (скажем, из-за войн, катастроф и т. п.). Заметим, что выбор причинного союза здесь тоже не случаен («Да, *ибо* утверждаю...»): Цветаева использует «магический» знак удвоенной иллокутивной силы, претендуя на истину в последней инстанции; подробнее в: [Ляпон 2007]. Под знаком *ибо* фикция обо-

¹⁰ Рассматриваемый ниже контекст из Цветаевой — одна из иллюстраций каламбура, который прозвучал в докладе Н. Д. Арутюновой: *говорить о сущем словами, несущими не сущее*.

¹¹ Здесь и далее при ссылке на издания: *Цветаева М. Собрание сочинений* в семи томах. М., 1994–1995 в статье указывается том и страница.

¹² Местоимение *весь* (мн.) выступает здесь в своем исходном значении «полный, без изъятия, целиком»; *Все жители Земли* [РСС 1998: 23].

рачивается высшей достоверностью. Цветаева аргументирует свое утверждение, опираясь на «алгебру» причинности (причины имеют дело только с фактами). Под знаком «*ибо утверждаю*» выстраданное на собственном опыте узаконивается как истина высшей инстанции.

Изображая гиперболизированное множество, Цветаева отказывается от стереотипа, и найденная ею астрономическая цифра более точна и более ощутима, чем какое-нибудь клише типа *море цветов, тьма народу, мириады звезд* или (ее же) «*когорты числ*» [III, 144]; «*Были слезы большие глаз / Человеческих и звезд / Атлантических...*» [II, 180]. На фоне стандартных когнитивных гипербола цветаевская (анти-образная) требует взлета интеллектуальной фантазии. Это металогизм особого типа, тот случай, когда, по словам Томашевского, «значение остается таким же, каким было, но приобретает грандиозные размеры» [Томашевский 1983: 236].

Данная парадоксальная гипербола — одно из подтверждений «цветаевского интеллектуализма», о котором писал М. Л. Гаспаров [Гаспаров 1997: 186]¹³, анализируя финал «Поэмы воздуха», где Цветаева использует метафору *когорты числ*:

В час, когда готический
Храм нагонит шпиль
Собственный — и вычислив
Всё, — когорты числ! —
В час, когда готический
Шпиль нагонит смысл
Собственный.

[III, 144]

Цветаева создает формулу трагической любви, роковой утраты¹⁴. Однако конструкция Цветаевой достигает более высокой абстракции:

¹³ Ср. суждение Потебни о сущности гиперболы: «Гипербола есть результат как бы некоторого опьянения чувством, мечтающего видеть вещи в их настоящих размерах. Поэтому она редко, лишь в исключительных случаях, встречается у людей трезвой и спокойной наблюдательности» [Потебня 1990: 254].

¹⁴ Нельзя не согласиться с Р. Войтеховичем, что Цветаева «отбрасывает» счет возлюбленных; «...от числового значения героиня восходит к категориальному: *все* — это недробимая единица <...> Цветаева *перечисляет* героинь, покинутых возлюбленными, — Федру, Ариадну, косвенно — Психею, но, вероятно, важно выявить не определенное значимое число, а некую непрерывную повторяемость, доказать, что событие — вечное» [Войтехович 2005: 297].

речь идет не только об огромности утраты. Ее мысль о роковых не встречах обретает силу грандиозного обобщения: на самом деле речь идет о нереализованном потенциале человечества. Парадоксальная гипербола продуцирует смысл далеко не сиюминутный; при этом свою склонность к парадоксу и преувеличению Цветаева хорошо осознаёт сама.

И. Бродский, оценивая речевой почерк Цветаевой, отмечает ее постоянную оглядку на сказанное, «слежку за самим собой». Действительно, анализируя гиперболу Цветаевой, мы убеждаемся в том, что ее текст риторически безупречен и — силой ее языковой интуиции — застрахован от логической ошибки; ее конструкция как будто создана для лингвистической экспертизы, т. е. лишена какой бы то ни было несообразности, в которой можно было бы уличить автора. *Все когда-либо и где-либо небывшие* становятся реальностью, хотя бы потому что о них говорится как об утрате.

В заключение необходимо отметить, что выражение «никогда не бывшие» в идиолекте Цветаевой наделено особым значением, которое она раскрывает в письме к Р. М. Рильке: «Райнер Мария, ничто не потеряно: в следующем (1927) году приедет Борис [Б. Л. Пастернак] <...> Бориса я знаю очень мало, но люблю его, как любят лишь никогда не виденных (давно ушедших или тех, кто еще впереди: идущих за нами), никогда не виденных или никогда не бывших» [VII, 56] (выделено мною. — М. Л.).

Материал, рассматриваемый в данной работе, при всей своей внешней неоднородности, обращен к целостной проблеме — «Грамматике дискурса», которая изучает структуру моделей и формул, широко используемых в естественном языке как средства стратегического синтаксиса.

В условиях дискурса гибридные словесные единицы и фразеосхемы выполняют роль, которую можно назвать взаимно антропоцентрирующей: они направляют адресата прямо к говорящему субъекту, который управляет логикой аргументации: заявляет (осознанно или произвольно) о своей готовности воздействовать на ваше мнение, отстаивать свою точку зрения. Подобные языковые единицы подсказывают шифры феномена *дискурс*, — то искомое, что отличает *дискурс* от *языка*. Речь идет о реальном фонде риторических формул и лексических идиом, открывающих в условиях дискурса целый люк смыслов, часто трудно объяснимых и не всегда опознаваемых в конкретных текстовых реализациях.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1994 — *Арутюнова Н. Д.* Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Бродский 1992 — *Бродский И.* Набережная неисцелимых. Тринадцать эссе. М., 1992.
- Бродский 2001 — *Бродский И.* Собр. сочинений. Т. I–VII. СПб., 2001.
- Венцлова 2006 — [Интервью] *Венцлова Т.* // *Полухина В. И.* Бродский глазами современников. СПб., 2006. Т. I, II.
- Виноградов 1994 — *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.
- Войтехович 2005 — *Войтехович Р. С.* Стихия и число в композиции цветаевских сборников // Стихия и разум в жизни и творчестве М. Цветаевой. Сб. докладов. М., 2005.
- Гаспаров 1997 — *Гаспаров М. Л.* «Поэма воздуха» М. Цветаевой. Опыт интерпретации // *Гаспаров М. Л.* Избр. труды. Т. 2. М., 1997.
- Голышев 2006 — [Интервью] *Голышев В.* Москва, 2004, сентябрь // *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников. СПб., 2006. Т. II.
- Кобозева 1988 — *Кобозева И. М.* Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Ляпон 1988 — *Ляпон М. В.* Семантические модификации служебного слова в условиях фразеологизированной конструкции // Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Ляпон 2005 — *Ляпон М. В.* Парадокс в контексте личности // Сб. статей. К 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005.
- Ляпон 2007 — *Ляпон М. В.* Причина как предмет рефлексии // Язык как материя смысла. Сб. статей. К 90-летию академика Н. Ю. Шведовой. М., 2007.
- Норман 2007 — *Норман Б. Ю.* Выражение *не говоря (уже) о*: синтаксис, семантика, прагматика // Язык как материя смысла. Сб. статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой. М., 2007.
- Объяснительный словарь 2002 — Объяснительный словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М., 2002.
- Полухина 2006 — *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников. СПб., 2006.
- Потебня 1990 — *Потебня А. А.* Теоретическая поэтика. М., 1990.
- РСС 1998 — Русский семантический словарь. Т. I. М., 1998.
- Томашевский 1983 — *Томашевский Б. В.* Стилистика. Уч. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1983.
- Цветаева 1994–1995 — *Цветаева М.* Собрание соч.: В 7 т. М., 1994–1995.
- Цветаева 2001 — *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. Т. II. М., 2001.
- Штерн 2001 — *Штерн И.* Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. М., 2001.

ПАРАДОКСЫ, В КОТОРЫХ ОПРОВЕРГАЕТСЯ ТО, ЧТО УТВЕРЖДАЕТСЯ

1. Общий принцип некоторых парадоксов. Основной задачей данной работы является демонстрация общего принципа функционирования некоторых логических и языковых парадоксов и объяснение причин их возникновения. На основе анализа возникновения и функционирования парадоксов будут предложены возможные способы предотвращения возникновения данных парадоксов.

Парадоксом принято называть два противоположных, несовместимых утверждения, для каждого из которых имеются кажущиеся убедительными аргументы, но для нашего исследования более приемлемо определение парадокса как неразрешимого противоречия, возникающего вследствие применения к некоторым исходным утверждениям (условиям, правилам) следствий, логически вытекающих из этих утверждений (условий, правил).

Изначально понятие «парадокс» (*παράδοξος*, *παρά τὴν δόξαν*) означало в греческом языке высказывание, противоречащее общепринятому мнению или ожиданию. Например, Аристотель определяет парадокс как «высказывание вопреки общему мнению» и как высказывание, «противоречащее прежде пробужденному ожиданию». В действительности, противоречие общему мнению не является отличительной характеристикой многих парадоксов, их главная черта — это возникновение вследствие «активации» внутреннего противоречия между тем, что заявляется, и исполнением заявленного, а уже потом, как следствие, возникает расхождение с изначальным ожиданием и общественным мнением. Например, суждение, утверждающее, что «**все относительно**», должно быть либо абсолютным, либо относительным. Если оно абсолютно, то не все относительно, если оно относительно, то есть нечто абсолютное. На примере этого суждения видно, что если мы описываем им некие реалии, отличные от данного суждения, то парадокса нет, но тогда, когда мы применяем это суждение к нему же самому, то тут и возникает парадокс утвердительного самоотрицания. Этот, казалось бы, несложный принцип образования парадоксальной ситуации характерен и для многих других известных парадоксов.

Б. Рассел в качестве универсального принципа, позволяющего понять разные типы парадоксов, считал принцип порочного круга. А. А. Ивин также говорит о том, что все парадоксы имеют одно общее свойство — самоприменимость, движение по кругу, приводящее рассуждение к исходному пункту. П. Хагес и Г. Брехт тремя основополагающими признаками многих парадоксов называют противоречивость, авторефлексивность и циркулярность. Такое понимание природы функционирования парадоксов дает исследователю подсказку к их решению. В общей формулировке «решение» многих парадоксов звучит так: необходимо, чтобы совокупность определяемых объектов не определялась объектами, входящими в данную же совокупность. Рассмотрим в качестве примера парадокс, который был открыт Б. Расселом. Предположим, что совет одной деревни определил обязанности парикмахера следующим образом: брить всех мужчин деревни, которые не бреются сами, и только этих мужчин. В этой казалось бы не парадоксальной ситуации парадокс возникает тогда, когда мы применяем это правило к самому парикмахеру, задавшись вопросом: а должен ли он брить самого себя? Если да, то он будет относиться к тем, кто бреется сам, а тех, кто бреется сам, он не должен брить. Если нет, он будет принадлежать к тем, кто не бреется сам, и, значит, он должен будет брить себя.

Практически, парадокс с брадобреем может быть решен просто. Брадобрей может брить себя в нерабочее время, так как в это время он обычный человек. Но если брать идеальную ситуацию (он брадобрей 24 часа в сутки), то задача усложняется. Хотя и ее можно решить путем оформления на работу другого брадобрея. Это позволило бы брадобреям брить друг друга не нарушая правила.

Не менее запутанным является и следующий, актуальный на сегодняшний день парадокс. Представим, что в некую страну *X* приезжает человек из страны *Y*. В своей стране он привык к определенному укладу жизни, поэтому он пытается установить привычные ему обычаи и в новой стране, но ему говорят: **«У нас обычаи не навязывать своих обычаев»**. Это утверждение предполагает, что тот, кому оно говорится, либо последует этому правилу, либо нет. Если он последует этому обычаю, тогда ему этот обычай *навязали* и, следовательно, и требующий, и исполняющий нарушит этот обычай, но если он не последует этому обычаю и будет продолжать устанавливать свои обычаи, то тогда он тоже нарушит этот обычай. Поэтому, последует он этому обычаю или не последует, в обоих случаях он его нарушит.

Выход из данного парадокса — не делать ничего либо не взаимодействовать с людьми другой культуры. Чтобы не создавать данного

парадокса, мы могли бы сказать, что в нашей стране принято не нарушать наших обычаев, но тогда нас могли бы упрекнуть в нарушении правила толерантности. Поэтому приходится выбирать: либо сохранять правило толерантности и, последовав чужим обычаям вопреки своим, нарушить его (по отношению к самим себе), либо отказаться от этого правила и «несправедливо» навязывать свои. В данном парадоксе проявляется также слабая сторона так называемого «Золотого правила этики». Согласно этому правилу, мы не должны делать другому то, чего мы не хотим, чтобы он сделал нам. Но если следовать этому правилу, то мы не должны требовать от человека, который нам навязывает какое-либо правило, исполнять наши правила, ведь мы тогда сами будем делать то, что запрещаем другому (навязывать правила), и, следовательно, сами будем делать то, что нам не нравится в другом. Поэтому, если следовать «Золотому правилу этики», то мы должны подчиниться правилам и обычаям другой культуры, не имеющей традиции толерантности.

На примере данных парадоксов мы опять видим, что парадоксы возникают именно тогда, когда мы применяем требования правила к их носителю или к самому правилу. Каковы же причины возникновения таких парадоксальных ситуаций?

2. Парадоксы и метаязык. По мнению А. Тарского, парадоксальные ситуации связаны с «семантической замкнутостью» естественного языка. Эта «замкнутость» языка связана с тем, что язык для описания себя использует себя же самого, но при этом формальные различия между тем языком, который описывают, и тем, которым описывают, отсутствуют. В результате этого и возникают парадоксальные ситуации одновременного тождества и различия языка в себе самом. Поэтому, чтобы избежать парадоксов, нужно отказаться от употребления семантически замкнутого языка. По мнению Тарского, этого можно достигнуть путем создания искусственных, формализованных языков, допускающих ясное подразделение на язык и метаязык.

В логике, семиотике и языкознании язык, на котором говорят о мире, обычно называют *предметным* или *объектным языком*, а язык, используемый для описания предметного языка, называют *метаязыком*. В естественном же языке метаязыковые и объектные уровни описания трудно различить или уловить переход от одного уровня к другому. Зачастую одно и то же выражение в различных языковых ситуациях может быть *по функции* и метаязыковым и объектным, и описывающим и описываемым, вследствие чего и возникает парадокс.

Например, у нас есть лист бумаги, на одной стороне которого написано: «На другой стороне листа ложное утверждение», мы переворачиваем, а там написано: «На другой стороне истинное утверждение». Возникает парадокс, какому высказыванию верить. А парадокс как раз связан с тем, что метаязыковое высказывание вдруг становится объектным, а объектное высказывает из-под описания и, надстраиваясь над метаязыковым, превращает его в объектное высказывание, а себя в метаязыковое. В обычной ситуации, когда один человек опровергает утверждение другого, такого парадокса не возникает, так как опровержение идет по цепочке, а не по кругу. Хотя в живом общении этот парадокс мог бы выглядеть так:

— Ты говоришь мне неправду, — возмущенно говорит один.

— Да, ты прав, — смиренно соглашается другой,

— Но и тут ты говоришь мне неправду, — возмущается первый,

— Да, и тут ты прав, — не растерялся второй. — Но когда я был все-таки прав: когда „сочрал“ или когда согласился с ложью?

Семантическую замкнутость и возникающую в связи с этим внутреннюю противоречивость языка хорошо иллюстрирует и другой пример. Представим лист бумаги, на котором что-то написано. Перед нами ставят задание на этом же листе сделать описание того, что написано на листе. Когда мы опишем то, что было на листе, то окажется, что там появилось что-то новое и наше описание становится неполным. Тогда мы снова начинаем описывать это же, но с учетом того, что уже было написано, и так до бесконечности.

На данном примере видно, что метаязык, описывающий предметный язык, сам после описания превращается из метаязыка в предметный язык или язык-объект. Многие парадоксы как раз и возникают тогда, когда описываемое подпадает под свое же описание, становясь для самого себя и метаязыком (описывающим языком) и предметным языком (описываемым). Соответственно, чтобы не возникала дурная бесконечность в рассуждениях, мы должны избегать смешения объектного и метаобъектного уровня.

Рассмотрим еще несколько парадоксальных суждений, возникающих по этому же принципу.

Известный парадокс «Лжец» обычно считается характерным примером тех трудностей, которые вызваны смешением двух языков: языка, на котором говорится о лежащей вне его действительности, и языка, на котором говорят о самом первом языке. Ведь если человек говорит «я лжец», то он говорит это о себе словно со стороны, но когда мы начинаем включать описываемое (метаязыковое) суждение в класс

описываемых им самим суждений (то есть делаем само это суждение подмножеством самого себя), возникает парадокс.

Другой пример. Мы утверждаем: «все ложно» («все врут»). Утверждение «все ложно» либо истинно, либо ложно. Если оно *истинно*, то тогда уже *не все* ложно. Но если суждение «все ложно» является ложным, то истинным будет противоположное суждение «все истинно», но оно не может быть истинным, так как суждение «все ложно» являлось ложным.

Аналогичным является пример с утверждением «**никогда не говори никогда**». В этом утверждении говорящий совершает то, что запрещает — говорит «никогда», следовательно, запрет не говорить «никогда» должен распространяться и на сам этот запрет — «никогда не говорить никогда», а значит, иногда можно говорить «никогда». То же самое и с утверждением «**Всякое правило имеет исключения**».

Подытожить анализ приведенных выше парадоксов можно следующим показательным парадоксом. Предположим, что некая библиотека решила составить библиографический каталог, в который входили бы *все каталоги*, но с одним условием — эти библиографические каталоги не должны содержать ссылки на самих себя. Поставленное условие образует парадокс и делает создание этого каталога невозможным, так как, если он включит ссылку на себя, он нарушит условия, а если не включит себя в каталог как один из каталогов, то он будет неполным. Составление каталога всех каталогов, не содержащих ссылки на самих себя, может оказаться бесконечным, никогда не завершающимся процессом, так как один описывающий каталог останется неописанным и для его описания потребуются другой каталог, и так до бесконечности.

Данный пример наглядно показывает, что мы можем избежать возникновения всех приведенных выше парадоксов путем запрета включения некоего множества, образованного тем или иным правилом или суждением, в качестве собственного подмножества. Но при этом само это правило или суждение будет выпадать из-под описания и для его описания или регламентирования потребуются другой метаязык или другое «метаправило», что в некоторых случаях приводит к дурной бесконечности.

Другим удачным примером парадокса, который не водит по «порочному кругу», а уводит в «дурную бесконечность», является парадокс, который был предложен Секстом Эмпириком в связи с анализом происхождения языка. По мнению скептиков, язык либо сотворен человеком, либо не сотворен. Если язык сотворен, то люди должны были договориться о том, как они будут разговаривать. Но чтобы договорить-

ся о языке, нужен другой язык, но чтобы появился этот другой язык, нужно договориться об этом языке при помощи какого-либо другого языка, и так до бесконечности. Значит, язык не мог быть создан человеком. Получается, что для создания языка нужен метаязык, а метаязык в свою очередь должен быть предметным языком для другого метаязыка. Чтобы не уйти в бесконечность, нам нужно признать, что язык существовал изначально, но тогда также нужно признать, что язык может развиваться только из самого себя, то есть он неизбежно должен быть и множеством и подмножеством самого себя. Таким образом, мы не можем преодолеть семантическую замкнутость естественного языка, даже если мы создадим формальный язык для описания естественного языка, ибо этот формальный язык сам будет вынужден описывать самого себя и также окажется семантически замкнутым. В силу этой замкнутости языка и возникают все трудности и парадоксы, вызванные диалектическим тождеством и различием объектного и метаязыкового уровней языка, а поэтому возникновение парадоксов является неизбежным.

3. «Да и нет не говорить...». Рассмотрим теперь некоторые умышленные и неумышленные логические ловушки, при которых ответ «да» или «нет» на определенный вопрос в равной мере приводит отвечающего к логическому тупику или невольному противоречию с реальным положением дел.

1. Человек устраивается на работу. Его спрашивают: «Вы сюда пришли за деньгами?». Если человек говорит «да», то работодатель может сделать вывод: «То есть вам нет дела до работы, вам нужны одни деньги?». Если человек ответит «нет», то работодатель может сказать: «То есть для вас главное работа, зарплата вам не важна (нужна)?». В случае как положительного, так и отрицательного ответа на вопрос человека подводят к выводам, не соответствующим действительности, но логически вытекающим из его ответов.

2. Преподаватель заходит в аудиторию, где сидят студенты:

— Что вы здесь делаете? — спрашивает он.

— Ждем преподавателя, — отвечают студенты.

— А вы знаете, что занятия отменены? — продолжает преподаватель. Если студенты ответят «нет, не знаем», то это будет ложным утверждением, так как они *уже* знают, но если они ответят «да, знаем», то это тоже будет ложным утверждением, так как они сидят в аудитории и ждут занятия.

3. Представитель одной страны спрашивает у представителя другой: «Вы за мирное сосуществование? Да? Тогда разрешите установить

военную базу возле ваших границ во имя дела мира?». Если представитель другого государства отвечает, что он не хочет установки баз, то на это ему могут ответить: «Так значит вы не хотите мира? Значит вы хотите войны? Теперь вы понимаете, почему мы устанавливаем базы? Потому, что вы не хотите мира». Или: «Как? Вы хотите мира? Тогда разрешите нам устанавливать базы, ведь мы, как и вы, хотим мира».

В приведенных примерах вопрошаемому *навязывается* выбор из двух альтернатив. При этом выбор какой-либо одной из них приводит к неверным или ложным следствиям. В таких ситуациях человек сталкивается с необходимостью следовать закону исключенного третьего и закону запрета противоречия, и *формально* человек, поставивший его в логический тупик, прав. Выбраться из этих тупиков можно лишь создав свою ситуацию с другими исходными условиями и альтернативами. Например, при устройстве на работу мы могли бы сказать: «Если вам нужен плохой работник, можете мне не платить, а если вам нужны хорошие результаты, то я рассчитываю на хорошую зарплату». Тем самым мы показываем, что работа и зарплата — это не две исключаящие друг друга альтернативы, а взаимодополняющие. То же самое и с миром — мы можем хотеть войны, чтобы сохранить мир. Война не исключает мира, она создает его для тех, кого притесняют и лишают свободы.

4. Мы знаем, что мы ничего не знаем, или выводы. Как было показано выше, некоторые общие правила или утверждения, непротиворечиво описывающие или регламентирующие некую часть реальности, подпадая под собственное описание или регламентацию, оказываются противоречащими самим себе. В отношении объективной действительности данные суждения или правила не теряют своей актуальности, но создают логические головоломки и возможность для различного рода уловок. *Логически* мы не можем решить данных парадоксов, но *практически* мы их решаем, отступая от правил логики или находя «обходные маршруты» для решения. Причинами возникновения данных парадоксов являются как внутренние противоречия языка, вынужденного в процессе самоописания быть и множеством и подмножеством самого себя, так и объективные противоречия действительности, которые не могут быть устранены логически.

ЛИТЕРАТУРА

Байиф 1983 — Байиф Ж. К. Логические задачи. М., 1983.

Зимбули 2003 — Зимбули А. Е. Парадоксы, парадоксы... // Школа мысли. № 3. 2003.

Ивин 1983 — *Ивин А. А.* По законам логики. М., 1983.

Шмид 2001 — *Шмид В.* Заметки о парадоксе // Парадоксы русской литературы. СПб., 2001.

Эмпирик — *Секст Эмпирик.* Сочинения в двух томах. Т. 1 М., 1976.

Hughes 1975 — *Hughes P. and Brecht G.* Vicious Circles and Infinity: A Panoply of Paradoxes. L., 1975.

О РОЛИ ОТРИЦАНИЯ В ПАРАДОКСЕ

Парадокс в художественном тексте, выступая средством актуализации читательского внимания, имеет ряд отличительных признаков своей структурно-семантической организации, среди которых особо следует выделить наличие эксплицитно выраженного или имплицитно подразумеваемого отрицания. Мысль, формулируемая посредством парадокса, передается не прямо, а на основе выведения на первый план ее противоположности, тем самым парадоксальное суждение утверждает что-либо, внешне одновременно отрицая это. Художественный парадокс, как правило, представляет собой одно или несколько суждений по определенному вопросу, в рамках которых сопоставляются противоречивые аспекты рассматриваемой проблемы, либо некоторая ситуация описывается «одновременно с разных точек зрения» [Ионесян 1990: 33], зачастую противоречащих друг другу.

Исследование парадоксальных высказываний в русле различных направлений лингвистики позволило сформулировать определения парадокса, отражающие разносторонние характеристики рассматриваемой проблемы. Так, парадоксальное высказывание относят к разряду аномальных речевых явлений, основанных на антонимии, в работах, анализирующих лингвокогнитивные механизмы функционирования различных видов дискурса [Жигадло 2006]. Парадокс как алогическое совмещение двух частей в рамках одной синтаксической конструкции, в которой объединяются противоречивые понятия, опровергающие общепринятые мнения, трактуется с позиций стилистики [Семен 1982]. Опираясь на логические символы, Г. Я. Семен схематически наглядно отражает модель построения парадокса: $A \neq B$, а $A = C$, тогда как в логичном предложении $A = B$. Б. Т. Ганеев, детально исследуя понятие парадокса, в свою очередь приходит к выводу о том, что основой всякого парадоксального высказывания выступает противоречие между парадоксальной пропозицией, имплицитно выводимой при сопоставлении двух частей парадоксального высказывания, и ортодоксальной пропозицией, эксплицитно обозначенной или имплицитно подразумеваемой автором и представляющей собой некое устоявшееся фоновое знание реципиента. В то же время весьма важно провести границу между такими схожими понятиями, как парадоксальная противоречивость и противопоставление, первое из которых обязательно относится

к одному и тому же объекту, тогда как второе может характеризовать различные объекты. Таким образом, противоречие, по мнению автора, представляет собой нечто «новое в старом» [Ганеев 2001: 76], а парадоксальность — совокупность трех основных признаков: противоречия, грамматической правильности и «единства объекта характеристики» [Там же: 86].

Неоднозначность трактовок термина «парадокс» в лингвистике очевидна. В связи с этим попытаемся обозначить ряд признаков, на наш взгляд, наиболее ярко отражающих особенности создания и бытования парадокса в художественном тексте. К основным характеристикам художественного парадокса относятся: 1) противоречивость; 2) наличие эксплицитно выраженных или имплицитно подразумеваемых, противопоставляемых друг другу точек зрения; 3) неожиданный подход к трактовке привычного явления, рассчитанный на создание эффекта обманутого ожидания. Вследствие противоречивости проявляется алогичность, еще одна важная характеристика парадоксального высказывания или описываемой в контексте художественного произведения ситуации. Под алогизмом в данном случае подразумевается нарушение логической последовательности, связности и обоснованности высказывания, отсутствие согласованности с действительностью [Кондаков 1971: 26; ФЭС 1989: 22]. Вторая обозначенная выше ведущая характерная черта парадокса — противоречивость точек зрения — отражает противопоставление парадоксальной и ортодоксальной пропозиций (термины Б. Т. Ганеева), следствием чего выступает принцип «одновременной реализации отношений контраста и тождества» [Семен 1982: 6]. Отсюда, парадокс в художественном тексте представляет собой средство актуализации читательского внимания, заключающее в себе противопоставляемые, внешне противоречащие друг другу подходы к анализу какого-либо явления, которые в совокупности создают его более глубокую трактовку, высвечивая данное явление с необычной и неожиданной стороны. Парадокс — это «некоторый озадачивающий вывод, естественным образом вытекающий из предпосылок, которые сами никаких видимых странностей не содержат» [Сидоренко 2002: 80].

Анализ фактического материала показывает, что в соответствии со структурно-семантической организацией парадокса в художественном тексте представляется возможным классифицировать следующие его типы: парадоксы, основанные на противопоставлении или контрасте; парадоксы, основанные на сопоставлении; парадоксы-перифразы, основанные на известных высказываниях. При этом следует отметить, что парадокс способен существовать как на уровне словосочетания,

так и на уровне предложения, а также микроконтекста и контекста всего повествования в целом.

Попытаемся проанализировать значение отрицания и способы его реализации в выделенных типах парадокса на примере цитат, приводимых из текстов художественной прозы на русском и английском языках. Наиболее очевидно противоречие прослеживается в парадоксах, основанных на противопоставлении или контрасте, где акцентируется противоположность сравниваемых сфер. Одним из ярких языковых средств реализации такого парадокса выступает эксплицитно обозначаемое отрицание, то есть «конъюнкция утверждения и отрицания» [Арутюнова 1990: 7]. Средствами экспликации отрицания в парадоксах, основанных на противопоставлении, служат отрицательные суффиксы и префиксы, противительные союзы, но, главным образом, отрицательные частицы и местоимения.

Отрицание в парадоксальном высказывании, заключенном в рамках одного или нескольких предложений, может быть общим или частым. Общее отрицание, отрицание всего суждения, выраженного в предложении, встречается чаще, нежели отрицание, реализуемое посредством использования отрицательной частицы перед определенной частью речи и противопоставляющее последнюю непосредственно какому-либо другому элементу парадоксальной синтаксической конструкции [Семен 1982: 76]. Так или иначе, имплицитно подразумеваемое или эксплицитно выраженное отрицание присутствует всегда, поскольку парадокс ставит знак равенства между противоречащими друг другу понятиями. Например, эксплицитно обозначенное при помощи наречия *never* общее отрицание служит средством создания парадоксальной пропозиции в следующей цитате из повести О. Уайльда *"The Picture of Dorian Gray"*: *"Nowadays most people die of a sort of creeping commonsense, and discover when it is too late that the only thing one never regrets are one's mistakes"* [Wilde 1979: 183]. Парадоксальная пропозиция очевидно противоречит устоявшемуся фоновому знанию читателя, в соответствии с которым о содеянных ошибках обычно сожалеют. Таким образом устоявшееся мнение, фиксируемое ортодоксальной пропозицией *"one regrets one's mistakes"*, противопоставлено парадоксальной пропозиции *"one never regrets one's mistakes"*, где средством противопоставления двух пропозиций и выстраивания парадокса по схеме — $A = \text{не } A$ — выступает отрицательное местоимение *never*.

Противопоставление двух противоречащих друг другу элементов парадоксального суждения нередко осуществляется за счет использования частного отрицания, закрепленного за конкретной частью речи.

Например, в пьесе О. Уайльда “Lady Windermere’s Fan” присутствует следующий парадокс, опирающийся на частное отрицание: “*In this world there are only two tragedies. One is **not getting** what one wants, and the other is **getting it***” [Wilde 1979a: 94]. Именно отрицание, эксплицитно выраженное частицей *not*, делает две части парадоксального суждения элементами контрадикторной оппозиции [Горский 1963], характеризующими одно и то же явление — *tragedies*, тем самым создавая у реципиента непривычное и необычное представление о данном явлении. Таким образом, парадоксы, основанные на противопоставлении, предполагают наличие в своей структуре оппозиции, где отрицание одного из ее членов эксплицитно обозначено (общее или частное отрицание) либо имплицитно прослеживается в противопоставлении антонимов, например: “*The tragedy of old age is not that one is **old**, but that one is **young***” [Wilde 1979: 338]. Эксплицитно выраженные устоявшееся и парадоксальное суждения противопоставлены здесь при помощи антонимической оппозиции и противительного союза *but*.

Ярким примером парадокса, основанного на противопоставлении антонимов, может служить следующая цитата из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»: «*И над сильным властвует подлый и слабый*» [Пастернак 1989: 48], где противопоставляются антонимы *сильный* — *слабый*, при этом лексические единицы *сильный* — *подлый* находятся в данном контексте в отношениях частичной антонимии, то есть частично опровергают друг друга.

В то же время устоявшееся мнение, фоновое знание, присущее опыту языковой личности, или так называемая ортодоксальная пропозиция, может быть не представлена эксплицитно в контексте парадоксального высказывания, но обязательно подразумевается в нем имплицитно. «*Сказочно только рядовое, когда его коснется рука гения*», — эти строки, заключающие в себе основанный на противопоставлении парадокс, мы встречаем в «Докторе Живаго» Б. Пастернака [Пастернак 1989: 218]. Парадокс соответствует схеме $A \neq B$, $A = C$, где компонент *B* подразумевает привычную, ожидаемую читателем лексическую единицу «необычное», а компонент *C* — противопоставляемый ей антоним «рядовое». Первый компонент имплицитен и отражает привычное, устоявшееся мнение, второй — эксплицитен, противопоставляется первому, что создает парадоксальность суждения. Однако важно отметить, что парадокс строится так, чтобы читатель исходя из своего языкового опыта мог легко догадаться о недостающем элементе.

Антонимия является неотъемлемым спутником парадокса, основанного на противопоставлении. В антонимической паре происходит

имплицитно обозначенное или эксплицитно выраженное (посредством отрицательных префиксов и суффиксов) частичное или полное отрицание одного лексического значения другим. Элементарное противопоставление в антонимической паре X — не X , где X — переменная специфическая для каждой пары [Кронгауз 2005: 146], — повторяет формулу парадокса — $A = \text{не } A$, что еще раз подчеркивает возможность реализации парадокса, как на уровне одного или нескольких предложений, так и на уровне словосочетания. В связи с этим предполагается правомерным считать одним из видов парадокса оксюморон, использование в рамках словосочетания единиц, лексическое значение которых взаимно опровергается вторым компонентом логической оппозиции. Противоречивость и необычность противопоставляемых в оксюморе лексических единиц обеспечивает неоднозначность трактовки такого, на первый взгляд, алогичного словосочетания, что отражает столкновение противоположных точек зрения и способствует выработке нового неординарного подхода в восприятии описываемого явления. Все эти характерные особенности свойственны как парадоксу, так и оксюмору. Таким образом, словосочетания, в которых реализуются контрадикторные [Кондаков 1971] отношения между антонимами, с полным правом можно отнести к парадоксам, основанным на противопоставлении. Среди логически противопоставляемых оксюморонов выделяют оксюмороны с разнокорневой антонимией и оксюмороны с аффиксальной антонимией компонентов [Татанова 2006: 11]. В первом случае антонимия предполагает, что лексические значения слов, входящих в состав словосочетания, прямо противоположны и полностью отрицают друг друга. Примерами подобных парадоксальных сочетаний выступают: *victorious failures* [Chesterton 2006: 32], *living death* [Wilde 1979: 338].

Примером парадокса, основанного на противопоставлении, является также взаимодействие выделенных лексических единиц из стихотворения О. Мандельштама, где маркированные в цитате определения усугубляют противоречие между существительными, лексические значения которых взаимно опровергают друг друга: «*Среди немолчного напева // Глубокой тишины ночной*» (А. Ахматова; цит. по: [Сидоренко 2002: 48]).

Аффиксальная антонимия предполагает использование отрицательных аффиксов, результатом чего является противопоставление лексических единиц друг другу, например: *to hope hopelessly*. Лексические единицы выступают в роли «отрицающих друг друга слов», служащих, по мнению Г. Я. Семен, одним из средств создания парадоксальности [Семен 1982: 68]. В то же время способы выражения аффиксальной

антонимии не ограничиваются привлечением отрицательных аффиксов. Лексические значения однокоренных слов могут опровергать друг друга, как, например, в парадоксальных строках из стихотворения Б. Пастернака «Рассвет»: «Я ими всеми *побежден*, и только в том *моя победа*» [Пастернак 1989: 401], где однокоренные антонимы с взаимоисключающими лексическими значениями «побежден — победа» противопоставлены друг другу. Данный парадокс подчеркивает невозможность реализации с точки зрения логики двух противоположных по смыслу действий одновременно. С другой стороны, эксплицитно обозначенное противоречие, сосредотачивая на себе внимание реципиента, активизирует поиск имплицитно подразумеваемых автором смыслов, оправдывающих использование такого обоюдного отрицания и высвечивающих парадоксальность бытия в целом.

Если логическое противоречие тесно связано с отрицанием [Ивин 2002], то для речевого противоречия, выступающего основой парадокса в художественном тексте, наличие эксплицитно выраженного отрицания не обязательно. Однако отрицание, в большей или меньшей степени завуалированное, сопутствует большинству языковых средств создания парадоксальности. Парадоксальность высказывания в художественном тексте может базироваться на полисемии лексического значения, а также антонимии и синонимии лексических единиц. Четыре закона семантики, суммируемые в работе Х. Вайнриха «Лингвистика лжи», раскрывают способность лексического значения слова изменяться и принимать новые оттенки смысла в зависимости от контекстуального окружения лексической единицы. Вариативный потенциал лексического значения слова обусловлен тем, что всякое значение растянуто, неопределенно, социально и абстрактно. Четыре свойства лексического значения, отражающие четыре закона семантики, представляют собой четыре парадоксально взаимосвязанные стороны одного и того же явления. «Поскольку значения слов растянуты, они могут быть неопределенными. Но так как значения являются неопределенными, они используются в некоторой социальной группе. Однако их можно использовать лишь постольку, поскольку они являются абстрактными. Таким образом, значение слова в одно и то же время и бедно, и богато» [Вайнрих 1987: 50].

Особый интерес, на наш взгляд, представляют парадоксы, в которых противопоставляемые антонимы в английском языке встречаются в рамках сравнительной конструкции *so... that*. Сравнительные конструкции, как правило, присущи парадоксам, основанным на сопоставлении. Однако конструкция *so... that* особенна. Проиллюстрируем ее на примере: *"I am the head of the police; I am so public that I can afford to be pri-*

vate” [Chesterton 2006: 39]. Антитеза *public* — *private* как бы следует философскому закону перехода количества в качество, где количество свойств, характеризующих значение слова *public* — общественный (concerning people in general), существующий для общего пользования (for the use of everyone), имеющий отношение к государственным учреждениям (connected with the government and the services), известный в обществе (known to all or to many) — в контексте ее реализации становится настолько значительным, что данное лексическое значение переходит в нечто качественно иное, кардинально меняясь на противоположное — *private* (personal, secret, independent) [Dictionary 1992: 1046, 1062]. Особенности, свойственные первой лексической единице данной антонимической оппозиции, отрицаются в рамках сравнительной конструкции «so... that» противопоставляемым ей вторым антонимом.

Противопоставление значений многозначного слова, конкретизируемых за счет контекстуального окружения, — энантиосемия, также выступает ярким частным случаем реализации антонимии как средства создания парадоксальности. Явление энантиосемии неоднозначно трактуется в научной литературе. Так, М. А. Кронгауз определяет энантиосемию как разновидность антонимии, с тем существенным ограничением, что противоположные значения должны относиться к одной и той же лексеме [Кронгауз 2005: 146]. Б. Т. Ганеев описывает энантиосемию как сферу функционирования парадокса и выделяет два способа создания парадоксальных противоречий внутри слова: словосложение и разложение единого значения слова на ряд значений. По характеру элементов, вступающих в противоречие, автор обозначает три группы внутрисловных противоречий: между формой и значением слова, между лексико-семантическими элементами слова (ненормативное сочетание аффиксов и морфем), а также между значениями одного и того же слова [Ганеев 2001: 40–43]. М. В. Давыдов, наряду с совмещением противоположных значений одного и того же слова, включает в понятие энантиосемии совмещение противоположных коннотаций лексической единицы, возникающих в процессе ее функционирования в контексте [Давыдов 1984: 56]. Помимо этого автор выделяет энантиосемию коммуникативного типа, тесно взаимосвязанную с просодией высказывания, а также энантиосемию, основанную на противоречии между явным содержанием и скрытым намерением в речи [Там же: 54]. Так или иначе, явление энантиосемии способно создавать противоречивые смыслы в процессе реализации конкретных значений многозначного слова. В нашем случае под энантиосемией подразумевается совмещение таких компонентов в рамках одного слова, сочетание которых вле-

чет за собой возникновение противоречия в контексте использования данного слова.

В парадоксах, основанных на сопоставлении, элементы, выступающие средством создания противоречия, не противопоставляются, а сопоставляются или сравниваются друг с другом. Оппозиция таких элементов обозначена менее остро, в этом случае полисемия и синонимия лексических единиц — ведущие средства создания парадоксальности. Попытаемся проанализировать, как комбинаторный потенциал лексического значения выступает средством создания парадоксального смысла. Противоречие между лексическими единицами, входящими в состав ортодоксальной и парадоксальной пропозиций, базируется не на опровержении одного лексического значения другим, а на отрицании ряда сем, которые образуют семантическое поле слов, представляющих собой контрарные по отношению друг к другу понятия. Парадоксальность такого рода словосочетаний, предложений или микроконтекстов обеспечивается скорее за счет «несовместимости семантических компонентов» [Арутюнова 1990: 4] входящих в его состав лексических единиц, нежели за счет противопоставления элементов друг другу.

Например, название одного из рассказов известного американского писателя Шервуда Андерсена — *Untold Lie* («Невысказанная ложь») [Anderson 1998] — представляет собой парадокс, основанный на сопоставлении и реализуемый в словосочетании. Лексическое значение слова *lie* в толковом словаре английского языка и культуры трактуется как «неверное утверждение, сформулированное с целью обмана» — «an untrue statement purposely made to deceive» [Dictionary 1992: 761]. Очевидно, что подобное толкование предполагает наличие в составе лексического значения данного слова семы «переданная информация», то есть «нечто высказанное». Однако этот компонент лексического значения отрицается при использовании слова *lie* в совокупности с лексической единицей *untold*. Таким образом, несовместимость семантических компонентов способствует созданию парадоксальности словосочетания. Аналогичным образом построено парадоксальное словосочетание, используемое Г. К. Честертоном в одном из рассказов из цикла «Неведение отца Брауна»: *successful suicide* [Chesterton 2006: 32], где в противоречие вступают коннотативные компоненты лексических значений слов, входящих в состав словосочетания. С одной стороны, лексическое значение слова *successful* допускает смысловую сочетаемость его со словом *suicide*, однако семантическая валентность слова *successful* предполагает его сочетаемость с лексическими единицами, обладающими положительной коннотацией — *to be successful in per-*

suading smb., successful attempt, successful performance, successful peace talks [Dictionary 1992: 1325]. Сопоставление в художественном контексте лексических единиц с кардинально противоположными коннотациями нейтрализует коннотативные оттенки значений обеих единиц и создает неоднозначность восприятия словосочетания в целом.

Чем очевиднее высвечиваемое в художественном парадоксе противоречие, тем более ярким средством актуализации читательского внимания он выступает. Эксплицитно обозначенное отрицание выполняет функцию акцентирования парадоксального противоречия, основанного на сопоставлении. В следующем примере скрытое отрицание, выступающее основой парадоксальности высказывания, обозначено посредством противоречия между некоторыми семами, составляющими лексическое значение слов *mystery* — *visible*: “*The true mystery of the world is the visible not the invisible*” [Wilde 1979: 104]. Учитывая наличие в лексическом значении слова *mystery* таких сем как *необъяснимость* (*cannot be explained or understood*), *неностижимость*, *секретность* (*a strange secret nature or quality*) [Dictionary 1992: 878], а в лексическом значении слова *visible* присутствие сем *доступное глазу, чувствам или разуму* (*noticeable to the eye..., to the mind or senses*) [Ibid.: 1465], сложно утверждать о полной антонимии сопоставляемых понятий, но правомерно судить о несовместимости сем *необъяснимость* — *доступность разуму*. Таким образом, парадоксальное противоречие реализуется посредством имплицитно подразумеваемого на уровне семантических компонентов отрицания, что обеспечивает логическую несовместимость лексических единиц *mystery* — *visible*. Отрицание, эксплицитно выраженное отрицательной частицей *not* и отрицательным префиксом в лексической единице *invisible*, в данном случае служит лишь средством концентрации читательского внимания на важном в смысловом отношении отрезке текста, подчеркивая парадоксальное противоречие.

Примером реализации основанного на сопоставлении парадокса на уровне предложения может служить также следующая цитата из пьесы Б. Шоу “*The Man of Destiny*”: “*Happiness is the most tedious thing in the world to me*” [Shaw 1958: 122], парадоксальность которой обусловлена необычной сочетаемостью слов *happiness* и *tedious*, основанной на опровержении положительных коннотаций, входящих в состав лексического значения первого слова, отрицательными коннотациями, входящими в семантическое поле второй лексической единицы. Лексическое значение слова *happiness* подразумевает “*the state of being pleased, contented, satisfied, feeling that something is right or good*” [Dictionary 1992:

597], в то время как лексическая единица *tedious* трактуется как “*long, tiring, uninteresting, boring*” [Ibid.: 1359].

Как уже отмечалось выше, лексическим средством создания парадоксов, основанных на сопоставлении, зачастую выступает синонимия лексических единиц. В этом плане весьма интересен парадокс, цитируемый из рассказа О. Генри “*Conscience in Art*”, который имеет цель — сосредоточить внимание читателя на характерных чертах описываемых образов посредством необычного сочетания лексических средств и особой синтаксической организации высказывания: “*They are rough but uncivil in their manners, and though their ways are boisterous and unpolished, under it all they have a great deal of impoliteness and discourtesy*” («Их манеры грубы, но невежливы, и, несмотря на их шумное и не отмеченное каким-либо воспитанием поведение, им в значительной мере свойственны неуважение и неучтивость») [O’Henry 1972: 14].

Мастер короткого рассказа, О. Генри в рамках одного предложения емко характеризует персонажи. При этом вместо использования антонимов в антитезе, отчетливо просматриваемой в цитате благодаря противительным союзам *but* и *though*, автор задействует синонимы (выделено в оригинальном тексте), что нарушает законы привычного построения антитезы, тем самым концентрируя внимание читателя на данном отрезке текста. Таким образом, парадоксальность данной дроби текста основана на сопоставлении лексических единиц со схожим значением в рамках стилистической «фигуры противоположности». Следовательно, характерологический по функциональному признаку, данный пример представляет собой парадокс, основанный на сопоставлении — по семантическому признаку, а также парадокс, реализуемый в микроконтексте — по признаку синтаксической организации.

Парадоксальные суждения, основанные на сопоставлении, в которых анализируемые понятия не противопоставляются, а сравниваются и сопоставляются, могут выступать в качестве не менее действенного языкового средства выражения скрытой авторской интенции. Причиной парадоксальности подобных суждений является «смешение различных видов общностей» [Кронгауз 2005: 26], сопоставление лексических единиц, не являющихся антонимами, но совмещение которых в художественном контексте обращает на себя внимание необычной сочетаемостью, отмеченной знаком противоречивости. Сочетание слов, не противоположных, но мало совместимых по своему лексическому значению, «логически враждующих понятий» [Ионесян 1990: 92], представляет собой один из способов реализации парадоксальности.

Парадоксы, основанные на перифразе пословиц и фразеологизмов, по способу структурно-семантической организации сходны с парадоксами, основанными на противопоставлении. А именно как в первом, так и в последнем случае явно прослеживается оппозиция между компонентами высказывания, выступающая ведущим средством создания парадоксального противоречия. Замена одного из компонентов фразеологической единицы его антонимом — наиболее часто используемый способ создания парадоксов-перифразов. Характерной особенностью парадокса-перифраза является то, что один из антонимов, входящий в состав оппозиции, не выражен явно, а имплицитно подразумеваем. Однако контекст, окружающий противопоставляемый компонент, выступает средством актуализации фонового знания читателя, стимулирующим поиск недостающего элемента оппозиции. В свою очередь так называемая ортодоксальная пропозиция данного вида парадокса инвариантна и «прецедентна» (термин Ю. Караулова) в дискурсе языковой личности.

Особую роль в маркировании парадоксального противоречия играет отрицание. Например, в цитате из повести «Портрет Дориана Грея»: *"It is only shallow people who do not judge by appearances"* [Wilde 1979: 104], прототипом которой является английская пословица *"Never judge by appearances"* [Райдаут 1997: 141]. Эксплицитно выраженное отрицание (использование отрицательной частицы *not* в парадоксе и наречия *never* в оригинале) выступает средством создания аналогии между парадоксальным суждением и оригиналом. Опровержение смысловых основ оригинала базируется на отрицании положительных коннотаций в характеристике людей, которые следуют стереотипной модели поведения, отраженной в пословице. Средством экспликации имплицитно подразумеваемой негативной оценки является использование лексической единицы *shallow*. Так парадокс отражает иную, непривычную точку зрения на устоявшееся привычное мнение, зафиксированное во фразеологической единице. В связи с этим восприятию парадокса, основанного на перифразе, впрочем как и любого другого парадокса, сопутствует эффект обманутого ожидания. А сам парадокс как элемент художественного текста, отрицающий привычную точку зрения, представляет собой средство маркирования значимых для адекватного понимания текста смыслов. Необычность и противоречивость парадоксальных выкладок нередко выглядят аномальными, а «восприятие мира прежде всего фиксирует аномальные явления» [Арутюнова 1987: 8]. Вместе с тем неожиданное отклонение в контексте художественного произведения от норм логики отражает противоречивость многих явлений объективной реальности.

Таким образом, характерным спутником реализации парадоксального противоречия выступает отрицание, очевидно обозначенное на семантическом уровне посредством противопоставления лексических значений слов-антонимов (в парадоксах, основанных на противопоставлении) или имплицитно подразумеваемое на основе опровержения лишь некоторых сем, составляющих лексическое значение сопоставляемых единиц (как правило, в парадоксах, основанных на сопоставлении). Противительные союзы и отрицательные частицы представляют собой эксплицитные средства выражения отрицания, выступающего основой парадоксальности, в то же время они способны проводить аналогию между сравниваемыми или противопоставляемыми единицами (в парадоксах-перифразах). Синтаксической базой подобной аналогии и отрицания, выстраиваемого на его основе, выступает повтор и параллелизм. Взаимодействие лексических единиц вследствие реализации отношений полисемии, синонимии, а главное, антонимии в художественном контексте отражает механизм формулирования парадокса с точки зрения семантики.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н. Д.* От редактора (вступительная статья) // *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста.* М., 1990. С. 4–9.
- Арутюнова 1987 — *Арутюнова Н. Д.* Аномалии и язык // *Вопросы языкознания.* 1987. № 3. С. 3–19.
- Вайнрих 1987 — *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // *Язык и моделирование социального взаимодействия.* М., 1987. С. 44–87.
- Ганесв 2001 — *Ганесв Б. Т.* Парадокс: парадоксальные высказывания. Уфа, 2001.
- Генри 1972 — *Генри О.* Комната на чердаке и другие рассказы: книга для чтения на английском языке. М., 1972. С. 14.
- Горский 1963 — *Горский Д. И.* Логика. М., 1963.
- Давыдов 1984 — *Давыдов М. В.* Звуковые парадоксы английского и их функциональная специфика. М., 1984.
- Жигадло 2006 — *Жигадло Е. Ю.* Парадоксальные высказывания в англоязычном художественном дискурсе: лингвокогнитивный и прагматический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2006.
- Ивин 2002 — *Ивин А. А.* Логика для журналистов. М., 2002.
- Ионесян 1990 — *Ионесян Е. Р.* Противоречивость и точка отсчета // *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста.* М., 1990. С. 33–42.
- Кондаков 1971 — *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971.
- Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. С. 163.
- Кронгауз 2005 — *Кронгауз М. А.* Семантика. М., 2005.

- Пастернак 1989 — *Пастернак Б. Л.* Доктор Живаго: Роман. М., 1989.
- Райдаут 1997 — *Rajdaut P., Уиттинг К.* Толковый словарь английских по-словии. СПб., 1997.
- Семен 1982 — *Семен Г. Я.* Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема парадокса (на материале английского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 1982.
- Сидоренко 2002 — *Сидоренко Е. А.* Логика. Парадоксы. Возможные игры (Размышления о мышлении в 9-ти очерках). М., 2002.
- Татанова 2006 — *Татанова Л. И.* Дискурсивные характеристики оксюморона в англоязычной художественной прозе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- ФЭС — *Философский энциклопедический словарь.* М., 1989.
- Anderson 1998 — *Anderson Sh.* The Untold Lie // Три рассказа для изучающих иностранные языки. СПб., 1998. С. 4–21.
- Chesterton 2006 — *Chesterton G. K.* The Secret Garden // The Innocence of Father Brown. М., 2006. С. 30–58.
- Dictionary — *Dictionary of English Language and Culture.* Longman Group UK Limited, 1992.
- Shaw 1958 — *Shaw B.* The Man of Destiny // Selected Works. Moscow, 1958. P. 95–145.
- Wilde 1979 — *Wilde O.* The Picture of Dorian Gray // Избранные произведения: В двух томах (на английском языке). М., 1979. Т. 1. С. 77–347.
- Wilde 1979a — *Wilde O.* Lady Windermere's Fan // Избранные произведения: В двух томах (на английском языке). М., 1979. Т. 2. С. 75–158.
- Wilde 1979b — *Wilde O.* A Woman of no Importance // Избранные произведения: В двух томах (на английском языке). М., 1979. Т. 2. С. 190–259.
- Wilde 2000 — *Wilde O.* The Importance of being Earnest. М., 2000.

Е. В. ВЕЛЬМЕЗОВА

ДА И НЕТ: ЧАСТИЦЫ ИЛИ МЕЖДОМЕТИЯ? ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКИХ ГРАММАТИК ПРОШЛОГО ВЕКА

Слова *да* и *нет* в грамматиках русского языка трактовались и описывались по-разному — как частицы, союзы, слова, стоящие вне частей речи, и т. д. В частности, авторы отдельных грамматик, созданных в прошлом веке, полагали их *междометиями*. В настоящей статье мы проанализируем аргументы, позволявшие причислить *да* и *нет* к той «неясной и туманной категории», которую, по выражению Л. В. Щербы, и составляют русские междометия [Щерба 1928 (2004¹: 81)]² — как и аргументы тех авторов грамматических описаний, которые не соглашались с этой точкой зрения, полагая *да* и *нет* частицами³.

О междометиях часто пишутся статьи и редко — целые книги. Именно поэтому в истории изучения русских междометий важным событием стал выход в 1966 г. книги А. И. Германовича «Междометия русского языка» [Германович 1966]. Очень кратко представляя в первой части книги «историю изучения междометий в русской грамматике»,

¹ Здесь и далее при несовпадении года выхода в свет издания, на которое мы ссылаемся, с годом первой публикации соответствующей работы год первой публикации указывается непосредственно после фамилии автора, а год цитируемого издания приводится в круглых скобках.

² Анализу понятия *междометие* у Щербы в свете историко-эпистемологических основ его концепции частей речи в целом посвящено наше исследование [Velmezova 2008a].

³ Ограниченный объем этой статьи не позволит нам рассмотреть эту интересную проблематику во всей ее полноте (например, сближение слов ‘да’ и ‘нет’ с междометиями у Л. Теньера, С. Карцевского и других лингвистов); мы ограничимся лишь заявленной в названии проблематикой истории академических грамматик русского языка.

автор называл основным авторитетом в этой области В. В. Виноградова. Что же нового книга Виноградова [Виноградов 1947] вносила в изучение междометий? ⁴ Прежде всего, исследователь выделял неожиданно много (десять) «семантико-грамматических разрядов» междометий, указывая на то, что «основные структурные типы междометий отличаются друг от друга не только интонационно-мелодическими и эмоционально-смысловыми, но и грамматическими особенностями» [Там же: 750] ⁵. Кроме того, к одному из таких разрядов Виноградов относил, помимо прочих, слова *да* и *нет*. В целом же в этот своеобразный разряд междометий входили «междометия, которыми выражается эмоционально-волевое отношение к речи собеседника, реакция на нее, или в которых обнаруживаются аффективные оценки, вызванные репликами собеседника. Это междометия с оттенком модальности, а иногда модальные слова с оттенком междометий. Например: *да! конечно!* (подтверждение); *нет!* (отказ); *вот еще! право!* (уверение); *а? ась? что?* (отклик); *ой ли?* (недоверие) и др.» [Там же: 757]. Далее Виноградов уточнял: «Кроме своеобразия значения и интонирования, междометия этого разряда выделяются тем, что они легко включаются в структуру других предложений в качестве эмоционально-модальных слов» [Там же].

Согласно И. Н. Кручининой, Виноградов сближал междометия с модальными словами «через ступень неизменяемости» [Кручинина 1990: 290] ⁶. Однако сами понятия *формы* / *бесформенности* и *изменяе-*

⁴ Основу книги Виноградова 1947 г. составил второй выпуск его же работы 1938 г. «Современный русский язык. Грамматическое учение о слове» [Виноградов 1938].

⁵ В этом отношении Виноградов имел все основания упрекать специалистов по грамматике предшествующих эпох в отсутствии интереса к классификации междометий. Даже А. А. Шахматов, который, по мнению Виноградова, «внес некоторую ясность в понимание междометий» [Виноградов 1947: 747], не относился к проблемам классификации междометий достаточно серьезно [Там же: 751]. Несущественное различие в трактовке междометий в работах Виноградова 1938 и 1947 гг. состояло в том, что в более раннем исследовании Виноградов сначала говорит о девяти (а не о десяти) «классах междометий» (в книге 1947 г., как упомянуто выше, прежние классы называются «семантико-грамматическими разрядами»). Однако на деле уже в 1938 г. Виноградов выделяет десять классов междометий, подчеркивая, что к последнему, десятому классу относятся слова, находящиеся на периферии междометий и на границе междометия и глагола.

⁶ Проблематика «неизменяемости» междометий затрагивается нами в исследовании [Вельмезова 2006].

мости / неизменяемости у Виноградова заслуживают специальных комментариев. По Виноградову, *бесформенных* слов в русском языке попросту не существует: лексическое значение любого слова подводится под некоторую грамматическую категорию, тогда как грамматическое значение составляет часть смысловой структуры каждого слова и находит свое выражение в употреблении соответствующего слова в речи. Так, модальные слова становятся грамматически оформленными в конкретном предложении: их грамматическая природа определяется отношением их лексического значения к модальности предложения, в которое они вводятся. В то же время междометия, несмотря на свою «неоформленность» в логическом и грамматическом отношениях, могут осознаваться как своеобразный и логически не расчлененный тип эмоционального высказывания. Кроме того, как можно видеть уже из приводимых выше отрывков из книги Виноградова, помимо «неизменяемости» существовали и иные признаки, позволявшие ему объединить *да* и *нет* в одну группу с междометиями. Говоря о частях речи в русском языке, Виноградов выделял четыре основных структурно-семантических типа слов:

- 1) части речи (имеющие номинативную функцию и образующие главный лексический и грамматический фонд языка и речи);
- 2) частицы речи (собственно частицы, предлоги и союзы), у которых лексические значения совпадают с грамматическими, логическими и экспрессивно-стилистическими функциями;
- 3) модальные слова, выражающие либо оценку высказывания, либо способ его выражения;
- 4) наконец, междометия, которые выражают либо эмоции и настроения, либо волеизъявления говорящего [Виноградов 1947: 44].

Частицами в собственном смысле слова (а в некоторых грамматических описаниях русского языка *да* и *нет* относятся к классу модальных частиц [Шведова 1979: 137], см. также далее) Виноградов называл слова, объединенные общими свойствами гибридного — полуграмматического, полулексического — типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами — с другой [Виноградов 1947: 664]. Следовательно, «собственно частицы», совпадающие отчасти с модальными словами, в каком-то смысле пересекаются с междометиями и по значению: общим компонентом их смысловой структуры оказывается их способность выражать оценку высказывания (в случае модальных слов или частиц), что семантически вполне может пересекаться с выражением (междо-

метиями) эмоций и настроений. Наконец, важен был и синтаксический критерий: по Виноградову, *да* и *нет*, как и междометия, могут легко включаться в структуру предложений⁷ как эмоционально-модальные слова (а следовательно, отчасти и частицы) — что непосредственно связывалось как с их формальными, так и с семантическими особенностями [Там же: 757]⁸.

Таким образом, Виноградов объединял слова *да* и *нет* с междометиями на основании не только признака неизменяемости, но и по семантико-синтаксическим критериям. Однако уже отмечавшаяся выше некоторая общность разрядов, с одной стороны, модальных слов и частиц, а с другой — междометий в грамматическом описании Виногра-

⁷ Как известно, полная синтаксическая обособленность междометий была одним из часто повторяющихся в грамматических описаниях критериев выделения их как особого разряда слов ([Овсяннико-Куликовский 1912: 34], [Щерба 1928 (2004: 81)], [Мещанинов 1945: 291], см. об этом также [Velmezova 2008b]) — позже, однако, этот тезис был подвергнут критике со стороны Н. Ю. Шведовой, рассмотревшей междометия как «грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи» [Шведова 1957: 85]. Это повлекло за собой внесение изменений в последующие академические грамматики (к примеру, в «Русской грамматике» 1980 г. в разделе «Участие междометий в синтаксической организации текста» указаны следующие функции междометий: функция эквивалентности предложения; функция модального компонента предложения, с которой смыкается функция усиления качественного или количественного признака, выражаемого знаменательной частью речи; функция члена предложения [РГ 1980/1: 734–735]).

⁸ Отметим, что в тридцатые — сороковые годы прошлого века этот критерий сближения слов *да* и *нет* с междометиями встречался не только в академических, но и в учебных описаниях русского языка. К примеру, в той части русской учебной грамматики С. Г. Бархударова, которая посвящена синтаксису, *да* и *нет* объединяются с междометиями как слова, «грамматически не связанные с предложением» [Бархударов 1938 (1953: 64–65)]. Интересно при этом, что слова *да* и *нет* описываются словами, которыми очень часто говорится о междометиях: они «могут заменять в разговорной речи целое предложение» [Там же: 64] (например, О. Есперсен полагал, что общим свойством тех слов, которые традиционно называют междометиями — сам он междометия частью речи не считал и относил их, наряду с наречиями, предлогами и союзами, в разряд «частиц речи», — является лишь их возможность образовывать отдельное высказывание [Есперсен 1924 (1958: 100)]). Сходными оказываются в том числе и правила пунктуации для междометий и для *да* и *нет* (отделение запятой / запятыми от остальной части соответствующего предложения; восклицательный знак вместо запятой в том случае, когда междометие или слова *да* / *нет* «произносятся с особой силой» [Бархударов 1938 (1953: 64–65)]).

дова, как и подчеркиваемый Виноградовым факт частого перехода русских частей речи из одного класса в другой в принципе позволили бы ему поместить слова *да* и *нет* в разряд «собственно частиц», чего, однако, он не сделал.

Как писал Н. С. Пospelов, комментируя работу Виноградова, «изданная в 1952 году Институтом языкознания Академии наук СССР „Грамматика русского языка“ (т. I) в значительной мере <...> опирается на „грамматическое учение о слове“ академика В. В. Виноградова» [Пospelов 1954: 36]. Насколько это верно в случае междометий и слов *да* и *нет*?

Одно из основных отличий в описаниях русских междометий у Виноградова и в «Грамматике» 1952–1954 гг.⁹ состоит в выделении в последней работе меньшего числа групп междометий по значению: их всего две — междометия, выражающие чувства, и междометия, выражающие волеизъявление¹⁰, причем в составе первой группы выделяются еще три подгруппы. Однако по-прежнему к одной из этих подгрупп (междометия, выражающие отношение говорящего к речи своей или собеседника, а также ее общую эмоциональную оценку) «условно могут быть отнесены слова *да* и *нет*, обычно выступающие в качестве слов-предложений» [ГРЯ 1952–1954, I: 678]. Другое важное отличие грамматики 1952 г. от книги Виноградова состоит в том, что *да* и *нет* эксплицитно приписываются здесь и к разряду частиц¹¹. *Да* (наряду с *так* и просторечным *ага*) относится к разряду утвердительных частиц, употребляющихся при ответе, который подтверждает правильность мысли, наличие факта или явления, согласие на некоторое действие или подтверждение прежде сказанного [Там же: 645]. *Нет* — отрицательная частица, которая, находясь в начале предложения, подчеркивает его отрицательный смысл или выражает отрицание предшествующей мысли [Там же: 646]. Из последнего определения может создаться впечатление, что, употребленные в функции отдельных слов-предложений, *да* и *нет* являются междометиями, тогда как, функционируя как часть предложения, они являются частицами. Однако это предположение опро-

⁹ Автором раздела «Междометия» была Н. Ю. Шведова.

¹⁰ В каком-то смысле это можно считать довольно значительным отступлением от общих принципов подхода к изучению междометий самого Виноградова, возвращением к прежним классификациям междометий, когда, по мнению Виноградова, «основные группы междометий не были выделены» [Виноградов 1947: 750] — за исключением деления междометий на «эмоциональные, императивные и звукоподражательные» [Там же].

¹¹ Раздел «Частицы» был написан Е. М. Галкиной-Федорук.

вергается приводимыми в «Грамматике» примерами. Так, в следующих примерах *да* и просторечное *ага* называются частицами, даже будучи употребленными как слова-предложения:

— [Тетерев] *Да разве я должен влюбиться в вас?* — [Елена] *Да, дерзкий человек! Да, мрачное чудовище! Да! Да!* (М. Горький, «Мещане»);

— *Корытов прислал нам записку о вас, - - слегка улынулся директор.* — *Корытов прислал обо мне записку?* — *Ага* (П. А. Павленко, «Счастье») [Там же: 645; подчеркнуто нами. — Е. В.]¹².

Таким образом, едва ли не в большей степени, чем в грамматическом описании русского языка Виноградова, акцент в «Грамматике»-1952/1954 делался на пересечении классов слов, называемых частями речи, на гибкости самого этого понятия (в живой языковой деятельности постоянно наблюдаются случаи не только передвижения слов из одной части речи в другую, но и употребления слов, принадлежащих к одной части речи, в функции другой части речи [Там же: 20]): в нашем случае *да* и *нет* могли определяться и как междометия, и как частицы¹³.

¹² Если современное русское *да* (выражающее утверждение) и представлено, например, в словаре С. И. Ожегова как частица [Ожегов 1949 (1987: 122)], случай синонимичного ему разговорного/просторечного *ага* более сложен: в одном из своих значений это слово описывается как частица — семантический эквивалент 'да' (*Видишь?* — *Ага, вижу*), тогда как в другом — как междометие, выражающее восклицание с торжествующей интонацией (например, в контексте *Ага! попался!*) [Там же: 19]. Если же вернуться к монографии о междометиях А. Германовича, упомянутой нами в самом начале работы, примеры на междометие *ага* в ней многочисленны, а слово *да* если и не трактуется автором однозначно как междометие, то, по меньшей мере, расценивается как лексема, способная выступать в значении эмоционального междометия. Единственный пример при этом приводится из грибоедовского «Горя от ума» [Германович 1966: 121]:

*Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто? и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние — шутка!*

В словаре Ожегова это значение слова *да*, кажется, и вовсе не принимается во внимание. Впрочем, словарные описания слов *да* и *нет* могли бы стать темой отдельного исследования.

¹³ Такой переход из одной части речи в другую, разумеется, констатировался не только для синхронии, но и для диахронии, где он был еще более заметным. В этом смысле, уже отвлекаясь от «Грамматики»-1952/1954 и книги

Раздел «Междометия» академической грамматики, изданной в 1960 г.¹⁴, практически повторяет ту же главу предыдущей академической грамматики — за практически единственным исключением: из нее исчезает фраза о словах *да* и *нет*, которые условно могут быть причислены к одной из семантических групп междометий. Но, как и в предыдущей грамматике, *да* и *нет* остаются среди частиц (это утвердительная и отрицательная частицы, соответственно) [ГРЯ 1960/1: 643]. Исключение *да* и *нет* из разряда междометий оправдано тем, что междометие определяется как неизменяемая и не имеющая специальных грамматических показателей часть речи, служащая для выражения чувств и волевых побуждений [Там же: 672]. Семантически же *да* и *нет*, конечно, не всегда связываются со сферой эмоций (о волеизъявлениях речь вообще не идет). Хотя в «Грамматике»-1952/1954 междометия определялись так же, *да* и *нет* не выделялись из разряда междометий, скорее всего, потому, что эта грамматика еще во многом опиралась на работу Виноградова. И даже если у самого Виноградова междометия определялись практически так же («Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно — знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений» [Виноградов 1947: 745]), очень подробная классификация междометий в его работе, как и постоянно подчеркиваемые им факты взаимодействия междометий с модальными словами и «частицами речи» должны были позволить ему имплицитно расширять определение междометий, говоря о «модальных словах с оттенком междометий» [Там же: 757].

В «Грамматике современного русского литературного языка», изданной в 1970 г., *да* и *нет* как междометия также уже не представляются. Если междометия называются одной из десяти частей речи русского

Виноградова, интересно было бы обратиться к истории русского языка: показательной кажется судьба праславянского **da*, восходящего к индоевропейскому указательному местоимению **do*. Если в большинстве славянских языков результатом эволюции **da* стали слова, выступающие (например, в болгарском, македонском, сербохорватском, словенском, чешском, нижнеслужижском языках или их диалектах) в функции частицы или союза (в единичном случае, в словацком языке, — в функции наречия), польское диалектное *da* есть эквивалент русского междометия *ой* [ЭССЯ 1977, 180].

¹⁴ Как и в предыдущей академической грамматике, раздел «Междометия» был написан Н. Ю. Шведовой, а раздел «Частицы» — Е. М. Галкиной-Федорук.

языка [ГСРЛЯ 1970: 304], слова *да* и *нет* объявляются стоящими вне частей речи [Там же: 315] — как, заметим, и сами междометия в иных грамматических описаниях¹⁵. Конечно, в «Грамматике»-1970 у междометий и слов *да* и *нет* выявляются иные общие признаки. Как и в книге Виноградова и в предыдущих грамматиках, они, во-первых, образуют (наряду с другими разрядами слов) «неизменяемые слова русского языка» [Там же]. Во-вторых, *да* и *нет* сближаются с междометиями и синтаксически: они «не образуют синтаксических разрядов», под которыми понимаются «грамматические группы слов, объединенных общностью синтаксической сочетаемости. Синтаксические разряды выделяются на основе характера подчинительных связей между словами» [Там же]. Однако двух этих общих признаков — как и в академической грамматике 1960 г. — оказывается теперь мало для того, чтобы говорить об одной и той же части речи. У междометий и у слов *да* и *нет* по-прежнему отсутствует общий семантический признак: междометия выражают либо эмоции, либо призывы [Там же: 313], тогда как *да* и *нет* — не всегда «эмоциональные» «утверждение» и «отрицание» [Там же: 315]. Именно отсутствие признака семантической общности, скорее всего, в очередной раз не позволило объединить междометия и слова *да* и *нет* в одну часть речи.

В академической грамматике 1980 г.¹⁶ слова *да* и *нет* снова вписаны в разряд частиц (модальных). Модальными частицами вообще называются все частицы, способные функционировать как реплики, выражающие утверждение или отрицание, в диалоге [РГ 1980/І: 729]. В состав междометий они больше не входят.

Итак, даже если отвлечься от конкретных, проанализированных выше грамматических описаний русского языка, слова *да* и *нет* с междометиями сближает то, что и те и другие слова порой оказывались своего рода «лингвистическими лишенцами», по выражению исследователя междометий А. П. Романова [Романов 1931]: их могли включать, а могли и не включать в состав частей речи в русском языке. В то же время, как мы видели, сближать их (вплоть до объединения в одну часть речи) могли на основании отнюдь не только формально-морфологических критериев (их неизменяемость), но и семантико-синтаксических (правда, признак семантической общности этих слов оказался са-

¹⁵ «В отечественном языкознании этого взгляда придерживались, например, Ф. И. Бусласв, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. М. Пешковский, Д. Н. Ушаков, в зарубежной науке к нему склонялся Г. Пауль» [Кручинина 1990: 290].

¹⁶ Автором раздела о междометиях в этой грамматике была И. Н. Кручинина; раздел «Частицы» писала Н. Ю. Шведова.

мым проблематичным, что и повлекло исключение слов *да* и *нет* из класса русских междометий). Но даже если точка зрения Виноградова о словах *да* и *нет* как о междометиях не получила однозначного одобрения со стороны современных авторов грамматических описаний русского языка¹⁷, его концепция позволяет в очередной раз вспомнить об условности самого понятия *часть речи*, о многочисленных пограничных случаях, а также о словах, переходящих из одной части речи в другую — как в синхронии, так и в диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов 1938 (1953) — *Бархударов С. Г.* Грамматика русского языка. Часть вторая. Синтаксис. М., 1953.
- Вельмезова 2006 — *Вельмезова Е. В.* Заметка о междометии (из опыта лингвистического анализа перевода художественной литературы) // Типология грамматических систем славянского пространства / Отв. ред. Т. Н. Молошная). М., 2006.
- Виноградов 1938 — *Виноградов В. В.* Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 1–2. М., 1938.
- Виноградов 1947 — *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Германович 1961 — *Германович А. И.* Междометия и звукоподражательные слова русского языка. Автореферат докторской диссертации. Симферополь, 1961.
- Германович 1966 — *Германович А. И.* Междометия русского языка. Пособие для учителя. Киев, 1966.
- ГРЯ 1952–1954 — Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. М., 1952. Т. I; М., 1954. Т. II.
- ГРЯ 1960 — Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. Т. I–II. М., 1960.
- ГСРЛЯ 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова). М., 1970.
- Есперсен 1924 (1958) — *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.

¹⁷ Так, подчеркивая наличие сразу нескольких общих признаков у слов *да* и *нет* и у междометий, ответственный редактор «Грамматики» 1970 г. (где, напомним, междометия и слова *да* и *нет* не объединялись в одну часть речи) Н. Ю. Шведова в собственной небольшой статье справочного характера, посвященной междометиям, утверждала следующее: «В некоторых классификациях к междометиям относят также утвердительные и отрицательные слова (*да*, *нет*); в других классификациях они отнесены в класс модальных частиц. И то, и другое оправданно, т. к. названные слова имеют свойства как междометий, так и частиц» [Шведова 1979: 137].

- Кручинина 1990 — *Кручинина И. Н.* Междометия // Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990.
- Мещанинов 1945 — *Мещанинов И. М.* Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.
- Овсяннико-Куликовский 1912 — *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
- Ожегов 1949 (1987) — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1987.
- Поспелов 1954 — *Поспелов Н. С.* Учение о частях речи в русской грамматической традиции. Материалы к курсам языкознания. М., 1954.
- РГ 1980 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко, Вал. Вас. Иванова, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, Ф. П. Филина. Т. I–II. М., 1980.
- Романов 1931 — *Романов А. П.* Лингвистические лишены // Русский язык в советской школе. 1931. № 2–3.
- Шведова 1957 — *Шведова Н. Ю.* Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1957. № 1.
- Шведова 1979 — *Шведова Н. Ю.* Междометия // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979.
- Щерба 1928 (2004) — *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М., 2004.
- ЭССЯ 1977 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 4. М., 1977.
- Velmezova 2008a — *Velmezova E.* *Éléments primaires du langage humain ou catégories psycholinguistiques propres aux langues? Les interjections chez L. V. Ščerba* // *Cahiers de l'ILSL*. Lausanne, 2008. № 24.
- Velmezova 2008b — *Velmezova E.* Traduire les désignations des parties du discours: le cas de l'*interjection* dans les grammaires slavonnes de la fin du XVIe au début du XVIIe siècle // Traductions scientifiques et transferts culturels 1, Actes du colloque de relève organisé à l'Université de Lausanne le 14 mars 2008 par la Formation doctorale interdisciplinaire / J. Meizoz et P. Sériot, eds.), <http://doc.rero.ch>.

М. А. ДМИТРОВСКАЯ

DA + НЕТ = DEATH

(«ЧЕРНО С БЕЛЫМ НЕ БЕРИТЕ, „ДА“ И „НЕТ“ НЕ ГОВОРИТЕ»:
ОБРАТНЫЙ МАТ У В. НАБОКОВА)

Настоящая статья в ряду предыдущих наших публикаций в качестве методологической посылки отталкивается от существования у В. Набокова мультязыкового анаграмматического кода, который обеспечивает криптограмматичность текстов писателя. Вскрытие кода призвано показать, что тексты Набокова действительно есть «феномен языка», который формирует скрытую содержательную структуру набоковских произведений. Мультязыковой анаграмматический код базируется на использовании Набоковым широкого круга индоевропейских языков (включая древние), а также языков других семей. Настоящее исследование строится в основном на материале романа «Защита Лужина», однако полученные результаты имеют отношение к творчеству В. Набокова в целом.

«Обратный мат» является термином шахматной композиции и обозначает такой тип шахматных задач, когда белые начинают первыми и вынуждают черных поставить себе мат за определенное число ходов. Эти задачи были широко распространены в России в XIX в. и назывались киперганиями (от фр. *qui perd gagne*, букв. 'кто проигрывает, тот выигрывает'). В Предисловии к английскому изданию романа «Защита Лужина» («The Defense») Набоков пишет, что смерть Лужина — это «самоубийство» или, точнее, «постановка им мата самому себе» [Набоков 1997: 53], в оригинале — «Luzhin's suicide, or rather sui-mate» [Nabokov 1990: 8]. *Sui-mate* или *self-mate* — английское название обратного мата. В набоковском Предисловии слово *sui-mate* в контексте предшествующего ему слова *suicide* обнаруживает свои игровые потенции. Вторая часть слова *sui-mate* означает 'мат', но может быть игровым образом возведена и к исп., порт. *matar* 'убивать'. В этом случае *sui-mate* будет полностью синонимично слову *suicide* со значением 'самоубийство'. Набоков, бесспорно, педалирует эту возможность переосмысления. Дело в том, что возвратное значение 'мат самому себе' термина *sui-mate* (*self-mate*) логически шатко, поскольку белые только вынуждают поставить себе мат, но, естественно, не ставят себе его сами. Это делают черные. Для Набокова же важно именно возвратное значение, как в слове *самоубийство*. Лужин ставит сам себе мат в буквальном смысле, то есть сам совершает действие по отношению к самому себе.

Это создает дополнительные сложности в интерпретации шахматного достоинства персонажа. Ясно, что он должен будет представлять в обличье разных фигур, а кроме того, то белой, то черной фигуры.

У Набокова терминологическое значение выражения «обратный мат» обрastaет и другими смыслами. Это связано с возможностью разного понимания слова *mat*. Так, это слово может быть игровым способом возведено к фин. *matka* 'путь', от которого осуществлен переход к польск., чеш. *matka* 'мать', др.-рус. *матька* 'мать', более позднему по отношению к слову *мати* [Черных I: 516]. От русск. *мать*, убирая мягкость последнего согласного, совершаем переход к слову *mat*. Используя рассмотренный переход от фин. *matka* 'путь' к слову *mat*, получаем, что «обратный мат» — это обратный путь, возврат к истокам. (Отметим здесь, что др.-рус. *матька*, помимо значения 'мать', имело также значения 'основа, начало' [Там же: 515].) Рассмотрение обратного пути в романе «Защита Лужина» особенно показательно на фоне других набоковских произведений, где соответствующая семантика не только определяет развитие сюжета, но и прямо заявлена в заглавиях. Смысл 'обратный путь' является инвариантным и может реализовываться по-разному. Так, в рассказе «Возвращение Чорба» описывается физическое движение героя, путь назад как средство проживания прошлого и возвращения в исходную точку. В рассказе «Круг» физического кругового движения нет, оно заменяется движением мысли, воспоминанием. В романе «Защита Лужина» возвращение в прошлое принимает характер самостоятельно складывающейся комбинации, которую пытается разгадать Лужин и выстроить против нее защиту. Но его борьба с повторением прошлого окажется тщетной. В конце романа Лужин возвращается в начало. Роман «Защита Лужина» — развернутая иллюстрация латинской поговорки *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt* 'Судьба ведет того, кто ей повинует, и тащит силой того, кто ей противится'. *Валентинов*, он же *Фати* (так передает его фамилию немецкая горничная) повинует судьбе, что отражено в анаграмматическом характере выражения *volentem fata*. Лужин же внешне противится, хотя на самом деле сам неуклонно идет к возврату в прошлое.

Mat как термин шахматной игры был заимствован из персидского, где слово *mat* значит 'пораженный', 'изумленный'. Первоисточником является араб. *mata* и 'умереть', 'быть убитым', 'погибнуть' [Черных I: 515]. Целью шахматной игры является мат королю противника, то есть его смерть.

Синонимичность слов *mat* и *смерть* позволяет перейти к рассмотрению английского слова *death* 'смерть'. Его использование в различ-

ных анаграмматических вариантах является у Набокова одним из ключевых приемов кодирования главного сюжетного хода: смерти героя в результате обратного мата. Написанное заглавными буквами слово DEATH может быть прочитано как на латинице (в частности, на англ.), так и на кириллице (при этом D рассматриваем как рукописную букву). В сумме это даст четыре согласных звука, которые в кириллической записи можно представить в виде DHTC [днтс]. Буквы, передающие гласные, тоже могут участвовать в анаграмматических переходах, но в любом случае роль согласных — центральная, роль гласных — вспомогательная. Явное сгущение интересующих нас анаграмм имеет место в начале и в конце романа. Смерть Лужина в конце романа в результате обратного мата отсылает к выражению соответствующих смыслов, которые имеют место в начале романа при описании его детства. Смерть наступает в результате совмещения настоящего и прошлого.

В первой фразе романа говорится о том, что отец сообщил мальчику, что с понедельника он будет Лужиным. Чуть ниже, тоже на первой странице, описывается, как француженка читала мальчику роман Дюма «Монте-Кристо», восклицая при этом: «„бедный, бедный Дантес“, при этом „бедный, бедный Дантес“ не возбуждал в нем участия» [Набоков 1990: 5]¹. Имя Дантеса, главного героя романа Дюма, является полной анаграммой слова DEATH. Другая важная деталь — это дважды повторяющееся на второй странице произведения упоминание о зубах мальчика Лужина. В тексте отмечено, что он расчесывает укус комара «с остервенением скаля неровные зубы, — которые *столичный дантист* обхватил *латиновой проволокой*» (с. 6), и пишет диктант «*почти лежа на столе, скаля зубы в металлических лесах...*» (с. 6). Русск. зуб соответствует лат. *dens*, род. пад. которого *dentis* является полной консонантной анаграммой слова DEATH ‘смерть’. То же верно в отношении слова *дантист*. Отметим также, что словосочетание «столичный дантист» с высокой долей вероятности отсылает к чеш. *stolička* ‘коренной зуб’.

Ближе к концу романа в подготовленной для молодой четы квартире отмечается наличие бюста *Данте* (заменитель или аналог *Дантеса*), а последние дни жизни Лужина будут связаны с темой больных зубов и посещением дантиста. Конец совпадает с началом, куда и устремляется Лужин.

При изображении заглавными буквами англ. DEATH представляет собой суммарную анаграмму двух русских слов DA и НЕТ, являющихся основным средством выражения утверждения и отрицания. Набоков

¹ Далее ссылки на роман «Защита Лужина» даются в тексте статьи с указанием номера страницы.

использует эту анаграмму как структурообразующую. Так, в детстве Лужина, когда в доме родителей был устроен концерт по случаю годовщины смерти его деда-композитора, мальчик Лужин впервые видит ящик с шахматами в руках скрипача, который разговаривает по телефону в кабинете отца: *«„Я слушаю“, — сказал господин. <...> „Нет, я уже отыграл“, — сказал он, глядя вверх и что-то трогая на столе белой беспокойной рукой. <...> Потом он <....>, изредка отвечая „да нет может быть“, взял в обе руки то, что он на столе потрагивал. Это был небольшой гладкий ящик, который на днях кто-то подарил отцу»* (с. 20).

Обратим внимание на то, что ответы скрипача *да* и *нет* сопровождаются выражением модальности возможности *может быть*. Именно к устранению модальности возможности к непосредственному соединению «да» и «нет» будет направлено движение жизни взрослого Лужина. Казалось бы, Лужин будет искать спасения от складывающегося повторения, но на самом деле это приведет к возврату в детство.

Сначала проясним шахматную составляющую сюжета романа, начиная со знакомства Лужина со своей будущей женой в немецком санатории. Именно здесь содержатся первые указания на тождество будущего матча, где противником будет Турати, с завязывающейся матримониальной линией. О Лужине говорится, что он приехал в санаторий на отдых и одновременно *«готовился к берлинскому турниру с определенной мыслью найти лучшую защиту против сложного дебюта итальянца Турати...»* (с. 54). Через две страницы после этого говорится о том, какое впечатление произвела на Лужина его будущая жена. Это описание выглядит странно, поскольку Лужину приписывается, в частности, хорошая память на женщин, хотя из других указаний и собственно его поведения мы знаем, что женщинами он совершенно не интересовался. Здесь явственно видна рука самого автора, Набокова, которому это описание нужно в определенных целях, выяснить которые — наша задача. Приведем цитату: *«Стараясь уяснить себе это впечатление чего-то очень знакомого, он совершенно некстати, но с потрясающей ясностью вспомнил лицо молоденькой проститутки с голыми плечами, в черных чулках, стоявшей в освещенной проеме двери, в темном переулке, в безымянном городе. И нелепым образом ему показалось, что вот это — она, что вот, она явилась теперь, надев приличное платье, слегка подурнев, словно она смыла какие-то обольстительные румяна, но через это стала более доступной»* (с. 55–56).

Итак, новая знакомая Лужина оказывается очень похожа на виденную им раньше проститутку и кажется более доступной. Проститутка

здесь появляется не случайно. Консонантный комплекс ПРСТ, составляющий основу этого слова, содержится в лат. *pars*, родит. пад. *partis*. Это многозначное слово в качестве одного из своих значений, при употреблении (преимущественно) в форме мн. числа *partes*, имеет значение 'партия'.

После отдыха в санатории Лужин начинает играть в шахматном турнире, но его партия с Турати оказывается незавершенной по причине развившегося переутомления и болезни. Невеста помещает его в другой санаторий, где Лужин, очнувшись, чувствует себя переместившимся в детство. Играть в шахматы он перестает и через некоторое время вступает в брак.

На первый взгляд кажется, что его партия с Турати просто прервалась, то есть осталась незаконченной. Но на самом деле это не так. Партия продолжается, но уже на другом, жизненном поле. Место Турати теперь занимает жена — «прекрасная турчанка», как она говорит о себе, приняв ванну, надев пижамные штаны и смотрясь в зеркало, перед тем как войти в спальню к мужу в первую брачную ночь. Слово *партия* в русском языке многозначно и означает, в частности, как партию в игре, так и брачную партию. Именно эта многозначность обыгрывается в предсонных обрывках мыслей у жены Лужина: «И почему-то слово „партия“ все проплывало в мозгу, — „хорошая партия“, „найти себе хорошую партию“, „партия“, „партия“, „недоигранная, прерванная партия“, „такая хорошая партия“. <...> „Она могла бы сделать блестящую партию“, — отчетливо сказала мать, проплывая во мраке» (с. 108)². Брачная партия — прямое продолжение шахматной — не завершается сразу, поскольку партнеры не вступают в супружеские отношения. Еще стоя в ванной, «она поняла, что нарочно медлит, стоя в пижаме перед зеркалом. — и холодок прошел в груди, как когда перелистываешь прошлогодний журнал, зная, что сейчас дверь откроется и встанет дантист на пороге» (с. 107). Призрачный дантист как соединение ДА и НЕТ, ведущее к смерти (DEATH), то есть к мату в шахматной партии, материализуется ближе к концу романа, когда комбинация, заключающаяся в повторении прошлого, начнет сгущаться.

Таким образом, партия опять отсрочивается. Первый ход был сделан, когда Лужины сочетались браком и чиновник прочитал им «брачный приговор». Партия завершится, когда будет поставлен мат: ср. англ.

² Отметим, что в англ. переводе романа «Защита Лужина» — «The Defence» в соответствующем фрагменте текста обыгрывается многозначность слова *match* 'противник', 'состязание, матч', 'брак, партия'.

mate — ‘мат’, но и ‘супруг’, ‘супруга’, а также ‘сочетаться браком’. Превращение Лужиных в полноценных супругов и будет означать мат, то есть смерть. При этом, поскольку Лужин, возвращаясь в прошлое, будет все больше демонстрировать признаки психического расстройства, это будет *fool's mate* — ‘дурацкий мат’, т. е. мат со второго хода, а жена его станет супругой дурака (другое понимание выражения *fool's mate*) — тоже со второго хода.

Проследим, как происходит в романе движение к финальному соединению DA и НЕТ.

После прерванной партии с Турати Лужин, находясь на излечении, беседует с доктором и кивает в ответ на его вопросы, но делает это отстраненно: «„Да“, — неуверенно ответил Лужин» (с. 97). Находясь в статусе жениха, Лужин начинает уже охотнее произносить *да*: «Но как Лужин был мягок и мил в эти дни... Как он уютно сидел, одетый в новый костюм и украшенный дымчатым галстуком, за чайным столом и веселиво, если и не совсем впопад, **поддакивал** собеседнику» (с. 102). Далее Лужин начинает удваивать утверждения, часто произнося *да-да*. Беседуя до свадьбы с будущим тестем, он соглашается с его вычислениями: «„Жизнь, мой друг, так устроена. — говорилось в этой беседе, — что за каждую секунду человек должен платить, по самому минимальному расчету, 1/432 часть пфеннига, и это будет жизнь нищенская: вам же нужно содержать жену, привыкшую к известной роскоши“. „Да-да“, — сказал Лужин, радостно улыбаясь и стараясь вывернуть в уме сложное вычисление, сделанное с такой нежной ловкостью его собеседником» (с. 103). Во время венчания: «„Да-да“, — поспешно ответил он на вопрос священника...» (с. 104).

Обратимся к сцене бала, где Лужин встретил своего бывшего одноклассника Петрищева. Что же в их разговоре вызывает у Лужина панический ужас, настолько сильный, что он с женой сразу же уезжает? Это пробное соединение DA и НЕТ. Приведем разговор с сокращениями:

«„Моя фамилия Петрицев. Помните меня? <...> По лицу я вас никогда бы не узнал. Нет, не вас, — тебя. Позволь, Лужин... Твое имя-отчество... Ах, кажется, помню, — Антон... Антон... Как дальше?“ „Ошибка, ошибка“, — содрогнувшись, сказал Лужин. <...> „Ах, кстати, я как будто помню... Ты чем-то таким занимался, когда ушел из школы. Что это было? Да, конечно, — шахматы!“ „Нет-нет, — сказал Лужин. — Ради Бога, зачем это вы...“ „Ну, простите, — добродушно проговорил Петрицев. — Значит, я путаю. Да-да, дела...“» (с. 116). Здесь Лужин произносит «нет-нет» там, где речь идет именно о шахматах. Обратим внимание, что соединение DA и НЕТ происходит

с удвоением каждого слова, то есть по сути дела речь идет о двух матах. Слово *простите* содержит консонантный комплекс ПРСТ и отсылает как к проститутке, так и к шахматной партии. Петрищев помнит фамилию Лужина, но не может вспомнить его имени-отчества. Имя Антон (это имя не Лужина, а героя книги для юношества, написанной Лужиным-старшим), которым в училище дразнили Лужина, Петрищев повторяет дважды, и также дважды Лужин говорит: «Ошибка, ошибка». Этот разговор, как будет видно из дальнейшего, на самом деле — пробная репетиция финальной сцены самоубийства Лужина.

Перед отъездом в путешествие жена Лужина занята оформлением паспортов и лечением зубов супруга. Зубную боль он на самом деле придумывает, чтобы объяснить свою угрюмость в последние дни. Но после разговора с женой, которая говорит о необходимости посещения дантиста, *«он почувствовал, что сейчас разрыдается, слишком уж становилось все это страшно»* (с. 138). Чем вызван этот сильный страх? С одной стороны, материализацией дантиста из детства, с другой, призраком двух матов, вызванным соединением слов «Да-да» (ответ Лужина на вопрос жены о зубной боли) и повторением отрицания «не надо, не надо» в ответ на решение жены.

Скрытый мотив пробных двух матов становится более явным в описании того, как Лужину делают паспорт и лечат зубы. При этом у Набокова фотограф, делающий фотографию на паспорт, превращается в дантиста, а дантист — в человека, выписывающего паспорт. Благодаря этому все эти действия сливаются в одно: *«...Лужин снимался для паспорта, и фотограф брал его за подбородок, поворачивал ему чуть-чуть лицо, просил открыть рот пошире и сверлил ему зуб с напряженным жужжанием. Жужжание прекращалось, дантист искал на стеклянной полочке что-то, и, найдя, ставил штемпель на паспорт, и писал, быстро-быстро двигая пером. „Пожалуйста“, — говорил он, подавая бумагу, где были нарисованы зубы в два ряда, и на двух зубах стояли чернилом сделанные крестики»* (с. 143). В записях шахматных партий крестик означает мат, так что поставленные дантистом два крестика означают два мата. Прием отождествления паспорта и карты дантиста используется потому, что в слове *паспорт* содержится консонантный комплекс ПРСТ. Кроме того, слово *паспорт*, французское по происхождению, состоит из двух частей, *pas* и *port*, и изначально означало пропуск судну на заход в порт. У Набокова фр. *pas* ‘ход’ означает именно ход в шахматной игре, а *port* анаграммирует слово *партия*. Полученный Лужиным паспорт с двумя крестиками на зубах нужен для путешествия за границу — границу жизни и смерти. Тот ход (*pas*), ко-

торый он должен будет сделать, повлечет за собой одновременно два мата в разыгрываемой им партии.

Полечив зубы и получив паспорт, сначала Лужин не чувствует опасности, но в четверг прозревает. Здесь играет роль сам день — *четверг*, название которого означает буквально ‘четвертый’. Для прояснения заложенных в названии этого дня возможностей обратимся к чешскому языку. Чеш. *čtvrtek* ‘четверг’ производно от числительного *čtvrtý* ‘четвертый’, от которого образованы также слова *čtverec* ‘квадрат’, *čtvercový* ‘квадратный’ и *čtvereček* ‘клетка (на ткани, бумаге)’. Эти номинации мотивированы количеством сторон у квадрата. Имеющий паспорт Лужин в четверг попадает на клетчатое поле, где ход становится неизбежным. Он и пытается его сделать, объявив жене, что у него якобы опять заболел зуб и якобы дантист, предусмотрев возможность такой ситуации, пригласил его на *четыре* (!) часа. Но этот ход обманный, нужный только для того, чтобы усыпить бдительность жены.

Перейдем непосредственно к финальной сцене романа.

Лужин приходит домой, где его уже давно ждет жена. У него развивается жажда движений при полном его молчании: он не отвечает на призывы и вопросы. Наконец он останавливается:

«„Единственный выход, — сказал он. — Нужно выпасть из игры“. „Игры? Мы будем играть?“ — ласково спросила она и одновременно подумала, что нужно напудриться, сейчас гости придут.

Лужин протянул руки. Она уронила платок на колени и поспешно подала ему пальцы.

„Было хорошо“, — сказал Лужин и поцеловал ей одну руку, потом другую, как она его учила. „Вы что, Лужин, как будто **прощаетесь**?“ „Да-да“, — сказал он, притворяясь рассеянным. Потом повернулся и, кашлянув, вышел в коридор. В это мгновение раздался звонок из прихожей, — **простосердечный** звонок аккуратного гостя» (с. 149–150).

Итак, Лужин в который раз произносит сдвоенное *да*. Он прощается с женой. Этимологически глагол *прощаться* означает произнесение слова *прости*, в котором содержится консонантный комплекс ПРСТ. Одновременно начинают приходить гости — раздается первый «простосердечный звонок». Слово *простосердечный* состоит из двух частей. Первая часть *просто-* тоже содержит консонантный комплекс ПРСТ. Вторая часть — *сердечный* — для прояснения скрытого в ней смысла требует проведения более тонкого анализа. Слово *сердце*, от которого образовано слово *сердечный*, имеет консонантный состав СРДЦ. Аффрикату Ц можно представить в виде ТС. Получается СРДТС. Читаем полученное на латинице и записываем на кириллице

це. Результат — СПДТС. Теперь вторую букву заменяем письменным вариантом строчной буквы: *SnDTC*. Опять читаем полученное на латинице и записываем на кириллице. Получается СНДТС или, в более знакомой нам форме, ДНТС, где анаграммированы и зубы (англ. *dents*) и дантист, и смерть, англ. *DEATH*. Таким образом, «простосердечные» гости спешат к розыгрышу партии, цена которой — смерть.

Зададимся теперь принципиальным вопросом: почему Лужин выбрасывается из окна? Окно состоит из двух частей: нижняя — матовая, «в верхней чернела *квадратная* ночь с зеркальным отливом» (с. 150). Таким образом, окно состоит из двух квадратов, или клеток (ср. уже упоминавшиеся чеш. *čtverec* ‘квадрат’ и *čtvereček* ‘клетка (на ткани, бумаге)’). Это белая и черная клетки шахматной доски. Связь клеток с окном закреплена в норв. *rùte*, голл. *ruit*, одним из значений которых является ‘клетка (бумаги, материи)’, другим — ‘оконное стекло’. Одновременно эти слова являются анаграммой слова *тура*. Таким образом, нижнее оконное стекло, которое разбивает Лужин, есть тура и одновременно его шахматный противник Турати, а также «прекрасная турчанка», жена Лужина.

Разбивание нижнего, матового стекла — это аналог дефлорации. Именно здесь брачуются Лужин и его жена. Мат (англ. *mate*) влечет за собой их статус как супругов (англ. *mate*). Брак совершается именно здесь. Однако для Набокова характерна и перверсия сексуальных ролей: так, коитус у Лужина совершается не только с «прекрасной турчанкой», но и с Турати, а также с самим собой! Здесь он действительно ставит мат самому себе (*sui-mate* или *self-mate* в своем буквальном значении, которое затемнено у русск. термина «обратный мат»). Для доказательства этого обратимся к особенностям описаний разбиваемого стекла. Как уже говорилось, оно матовое. В этой характеристике актуализируются три значения, присутствующие в омонимичном итал. слове *matto* ‘мат в шахматах’, ‘матовый’, ‘сумасшедший’. Признак сумасшествия, скрыто присутствующий в «матовом стекле», явно присутствует в Лужине. Однако зеркальность Лужина и матового, казалось бы, абсолютно незеркального стекла гораздо более явлена в другой, синонимичной характеристике этого стекла как «будто подернутого морозом» (с. 101). Всего подобных определений в романе три. Но «мороз» окна — это и есть сам Лужин. Слово *мороз* и его фонетические аналоги на других языках включают в себя те же значения, что и итал. *matto*, а также ряд других. Так, аналог значения ‘мат в шахматах’, то есть ‘смерть’, дает др.-греч. *móros* ‘судьба, жребий, смерть’. К значению ‘сумасшедший’ близко др.-греч. *mōros* ‘глупый’. Но самым ярким свидетельством

тождества «морозного» стекла и Лужина являются такие его характеристики, как хмурость и угрюмость (16 и 6 употреблений в романе слов соответствующих словообразовательных гнезд). Они могут передаваться в англ., фр. словом *morose*, нем. *moros* (ср. исп. *morosis* 'мед. меланхолия'). Эти слова имеют латинское происхождение. И, наконец, в метафорах и сравнениях «мороз» стекла означает его матовость, непрозрачность. Итак, на самом деле Лужин и матовое, подернутое морозом стекло являются зеркальными отражениями друг друга.

На первый взгляд, слова *матовый* и *подернутый морозом* однозначно определяют цвет стекла как белый. На самом деле в отношении второго выражения однозначность отсутствует. Дело в том, что близкое по звучанию к слову *мороз* др.-греч. *moróeis* означает 'темноцветный', *moríssō* 'делать грязным, черным', откуда новогреч. *maíros* 'черный'. Подобный переход от матового, то есть белого, к черному позволяет по-разному трактовать и цвет клетки, и цвет шахматной фигуры, которой является Лужин. Здесь одновременно белая фигура стремится поставить мат черной, а черная фигура — белой (в последнем случае это «обратный мат», тогда в первом будет своеобразный «прямой мат»). Итал. разг. *moróso* 'жених', *morósa* 'невеста' от *moróso* 'неисправный (о должнике)' дают дополнительный импульс к рассмотрению разбивания стекла как отсроченного брачного соития.

Лужин в романе выступает в роли различных шахматных фигур. Частое употребление Лужиным двойного утверждения *да-да* дает ключ к установлению шахматного достоинства этого персонажа на момент осуществления действия. Русск. *да-да* в переводе на нем. дает *Ja-Ja*, что фонетически совпадает с тур. *yaya* 'пешком'. Таким образом, будучи турой (турком или турчанкой), Лужин одновременно является пешкой. От нем. *Ja-Ja* и тур. *yaya* легко осуществляется переход к русск. *я-я*. Этот же смысл содержится в тур. *ayaz* 'мороз'. Это слово можно разделить на две части. Первая часть *ay-* в обратном прочтении даст англ. *I* 'я', вторая часть в прямом прочтении даст ст.-слав. *азъ* 'я'. Таким образом, тур. *ayaz* 'мороз' лучше всего отражает идею удвоения и зеркальности. «Пешечное» достоинство Лужина устанавливается также посредством связи лат. *infans*, *-antis* 'ребенок', исп., порт. *infante* 'ребенок-наследник королевского престола' и *infantería* 'пехота'. Однако первое значение лат. *infans*, *-antis* — 'неговорящий'. Соединение смыслов 'ребенок' 'королевская кровь' и 'немота' верно характеризует Лужина, в конце романа постепенно впадающего в детство³, но вместе с тем из инфанта

³ Более подробно см. в нашей работе [Дмитровская 2007].

становящегося немотствующим королем, но одновременно и ферзем, что оправдано шахматно: дойдя до крайнего поля, пешка может стать любой фигурой, кроме короля. Но поставить мат самому себе Лужин может только совмещая в себе признаки мужчины и женщины, то есть в данном случае короля и ферзя.

Во многих современных и.-е. языках слова со значением ‘пешка’ восходят к латинскому корню *pes, pedis* ‘нога’, например, англ. *pawn*, итал. *pedone*, исп. *peón*. Все эти слова имеют исконное значение ‘пехотинец’. Для нас интерес представляют этимологически родственные им слова, восходящие к лат. *pedester, -tris* ‘пеший’, ‘пехотный’. Это англ. *pedestrian*, фр. *pèdestre*, исп. *pedestre* ‘пеший’, итал. *pedèstre* и т. д. с одинаковыми значениями ‘пеший, пешеходный’. Все эти слова содержат консонантный комплекс ПРСТ. Итак, пешка играет свою партию против своего зеркального отражения, тоже пешки. Все перечисленные выше слова имеют большое фонетическое сходство со словом *педерастия* ‘мужеложество, уранизм, гомосексуализм’. В греческом слово имело более узкое значение и означало ‘любовь к мальчикам, мужеложество’. Др.-греч. *paiderastia* состоит из двух корней. Первый корень представляет собой слово *paĩs, paidós* ‘дитя’, ‘мальчик, юноша, сын’, ‘девушка, девица, дочь’. Второй корень — *eráō* ‘любить’. Др.-греч. *paĩs, paidós* в своем первом значении равно лат. *infans, antís*, но по звучанию др.-греч. *paĩs, paidós* поразительно сходно с лат. *pes, pedis* ‘нога’. В слове *педерастия* тоже присутствует комплекс ПРСТ. Это дает еще одну поддержку в пользу интерпретации того обратного мата, который Лужин ставит самому себе, разбивая нижнюю часть окна и вступая в сексуальный контакт с самим собой. Кроме того, слово *педераст* позволяет игровым образом переразложить его как *педераст*. Это объясняет внезапное превращение инфанта / инфанты в короля / королеву (ферзя).

Теперь к удвоенному утверждению *да-да*, предваряющему гибель Лужина, нам надо найти удвоенное отрицание *нет-нет*, что должно доказать, что два мата (DEATH) имели место. Однако если слова *да-да* даны явно, то отрицание является скрытым. Обратим внимание на то, что после прощания с женой Лужин становится совершенно немым — он не произносит больше ни единого звука. Русск. *нем* совпадает по звучанию с венг. *nem* с омонимичными значениями ‘нет’ и ‘пол’ (англ. *sex*). Но поскольку пол у Лужина перверсивен, то логично рассматривать и слово ж. р. *нема*. Оно является анаграммой англ. *name* ‘имя’. Имя Лужина мы узнаем в самом конце романа, когда в ванную комнату врываются люди:

«Дверь выбили. „Александр Иванович, Александр Иванович!“ — заревело несколько голосов» (с. 152).

Имен у Лужина два — это имя и отчество. Через англ. *name* 'имя' и венг. *nein* со значением 'нет' получаем двойное отрицание *нет-нет*. Появление в конце романа имени-отчества Лужина совпадает с его исчезновением. Фигура *нема* и фигуры *нема* (укр.), то есть нет: «Но никакого Александра Ивановича не было» (с. 152).

Став в результате коитуса королем, Лужин не может покинуть шахматное поле: матованный король не удаляется, а кладется на него. Лужину же нужно именно выпасть из игры, уйти из нее вообще. Для этого он раскрывает верхнее окно и выбрасывается оттуда. При этом он нарушает правила игры, англ. *to foul* [faul]. В русский язык это слово заимствовано с фонетическим изменением как *фол*. Но именно так произносится англ. *to fall* (dawn) 'падать (вниз)'. Готовясь разжать руки, Лужин видит, как внизу «собирались, выравнивались отражения окон, вся бездна распадалась на бледные и темные квадраты, и в тот миг, что Лужин разжал руки, <...> он увидел, какая именно вечность угодливо и неумолимо раскинулась перед ним» (с. 152). Итак, внизу лежит шахматная доска, а Лужина ждет вечное повторение и возвращение. Читателю не стоит волноваться за жизнь героя: с понедельника он снова, как сказано на первой странице романа, будет Лужиным.

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитровская 2007 — *Дмитровская М. А.* Алексей или Александр? (А. Лужин между двух иллюзий) // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Материалы международной научной конференции (Москва, ИРЯ РАН, 24–28 мая 2007 года). М., 2007.
- Набоков 1990 — *Набоков В. В.* Собрание соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1990.
- Набоков 1997 — *Набоков В. В.* Предисловие к английскому переводу романа «Защита Лужина» («The Defense») / Пер. М. Маликовой // В. В. Набоков: Pro et contra. СПб., 1997.
- Черных — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
- Nabokov — *Nabokov V.* The Defense. N. Y., 1990.

Д. О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, И. Б. ЛЕВОНТИНА

500 СПОСОБОВ СКАЗАТЬ «НЕТ» (РУССКО-НЕМЕЦКИЕ СООТВЕТСТВИЯ)

Казалось бы, что может быть проще и универсальнее обычного «нет»? Однако «500 способов сказать „нет“», о которых говорил Бернард Шоу, например, русское *нет* и его модификации (*не, не-а, нетушки* и др.), и, соответственно, немецкие *nein, nee, nöö* и др. — не просто фонетические варианты и/или стилистические синонимы, они обнаруживают определенные семантические различия. С другой стороны — и этому посвящена настоящая статья — немецкое *nein* далеко не всегда оказывается естественным переводным эквивалентом для русского *нет* — и наоборот.

Сделаем сначала несколько оговорок. Во-первых, в русском языке есть два относящихся к разным частям речи слова *нет*; ср. *Нет, не пойдёшь* vs. *Нет денег*. Первое *нет*, которое нас, собственно, и интересует, — это так называемая отрицательная частица (это слово называют также междометием, словом-предложением и т. д.). Второе *нет* — это «отрицательный глагол», означающий ‘не есть’. В европейских языках ему соответствует глагол *иметь* с отрицанием или различные синтаксические конструкции (*es gibt kein/nicht... there is no/not..., il n'y a pas...* и т. п.).

Во-вторых, мы оставим в стороне функционирование рассматриваемых слов во фразеологии: естественно, *нет* ничего удивительного в том, что *Нет так нет* не переводится как **Nein so nein*.

При работе с параллельными корпусами обращает на себя внимание, что во многих случаях *nein* переводится не с помощью *нет*, а как-то иначе, а *нет* далеко не всегда переводится как *nein*. Рассмотрим несколько примеров переводов художественных текстов с немецкого на русский¹. Бросается в глаза, что в русском переводе *нет* появляется там, где в немецком оригинале стоит *ja*:

- (1) Und welches sei denn nun die Gestalt und Maske, worin die nicht zugelassene und unterdrückte Liebe wiedererscheine? So fragte Dr. Krokowski und blickte

Работа выполнена при поддержке РГНФ (прект 08-04-00173а) и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (грант НШ-3205.2008.6, рук. — Ю. Д. Апресян).

¹ Примеры взяты в основном из «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru).

die Reihen entlang, als erwarte er die Antwort ernstlich von seinen Zuhörern. Ja, das mußte er nun auch noch selber sagen, nachdem er schon so manches gesagt hatte.

Но каков же тот образ, какова та маска, под которой вновь появляется изгнанная и подавленная любовь? Так вопрошал доктор Кроковский и обводил взглядом ряды слушателей, словно в самом деле ожидал от них ответа. Нет, он должен теперь ответить и на данный вопрос, раз уже сказал столь многое (Т. Манн. Волшебная гора. Здесь и далее — перевод с немецкого В. Курелла и В. Станевич).

- (2) Ja, es ist brillant, daß du gekommen bist, — sagte er, und seine gemächliche Stimme war bewegt!

— Нет, это чудесно, что ты прискал, — заявил он, и в его обычно спокойном голосе прозвучало тайное волнение (Там же).

В переводах с русского на немецкий также встречаются случаи подобных несовпадений. С этой точки зрения богатый материал дают такие тексты, которые имеют по несколько различных профессиональных переводов. Мы взяли текст «Идиота» Достоевского и три его наиболее известных перевода (самый первый полный перевод Е. К. Разин — псевдоним Лисс Керрик, — и два последних: Х. Хербота и С. Гайер)².

- (3) Нет, Рогожин на себя клеветает; у него огромное сердце, которое может и страдать и сострадать.

Ja, Rogoschin verleumdet sich selbst; er hat ein großes Herz, das zu leiden und mitzuleiden vermag (Гайер).

Doch Rogoshin verleumdete sich selbst; er hatte ein weites Herz, das sowohl leiden als auch mitleiden konnte (Хербот).

Nein, Rogoshin verleumdet sich selbst: er hat ein großes, ein so großes Herz, ein Herz, das Leid und auch Mitleid zu empfinden versteht (Разин).

Совершенно естественное в русской фразе *нет* у немецких переводчиков, особенно современных, явно вызвало затруднения, и буквальный перевод с помощью *nein*, во всяком случае в современном немецком языке, по каким-то причинам избегается³.

² Этот параллельный корпус создан в Австрийской академии наук в рамках программы ААС — Корпус австрийской академии.

³ Здесь необходимо учитывать, что С. Гайер, автор последнего, наиболее точного и художественно совершенного перевода, в целом стремится переводить по возможности буквально, и то, что она сочла необходимым поменять *нет* на *да*, показательно.

В таких случаях естественно предположить, что для замен имеются семантические причины. Они должны корениться в семантических различиях между словами *нет* и *nein*. Выявление этих различий — это и есть цель нашей статьи.

Мы попытались определить хотя бы некоторые типы контекстов, для которых подобные несоответствия характерны.

Первый большой круг контекстов, для которых характерно несоответствие *nein* — это императивные контексты. Приимперативное *нет* более типично для русского:

(4) Halt, warte!

Нет, подожди, стой! (Т. Манн. Волшебная гора)

Подобные, весьма многочисленные, примеры заставляют заподозрить, что если русское *нет* имеет очень широкое значение, которое может быть связано как с диктумом, так и с модусом высказывания, то немецкое *nein* несколько уже и в целом более тесно связано с диктумом, с пропозицией.

Чтобы проверить эту гипотезу, мы применили следующую процедуру:

- 1) Мы построили ряд естественных русских высказываний с *нет* в контексте императива;
- 2) Мы перевели их на немецкий язык, употребив *nein* в соответствии с русским *нет*;
- 3) Мы предъявили полученные фразы носителям немецкого языка, а затем обобщили и проанализировали их реакцию.

Мы начали с того, что взяли фразу из перевода Томаса Манна как бы в обратном переводе на немецкий, со словом *nein*:

(5) — Мне пора. — Нет, подожди!

— Ich muss schon gehen. — ?Nein, warte!

Некоторые из опрошенных информантов сочли фразу *Nein, warte!* неудачной, предложив заменить ее на *Warte mal* или *Warte doch*. Другие сказали, что в разговорном языке она допустима.

Здесь уместно остановиться на следующей методологической проблеме. В языке, помимо запретов и ограничений на употребление тех или иных фраз, сочетаний и т. п., существуют еще и предпочтения. Часто бывает так, что то или иное выражение приемлемо, однако в узусе устойчиво предпочитают другие. Эти предпочтения также должны быть семантически мотивированы, однако выявить и описать их гораз-

до труднее, чем семантические запреты. В настоящей работе мы будем иметь дело в основном именно с предпочтениями, а не с запретами.

Еще менее удачной была признана фраза:

- (6) — Auf Wiedersehen! — ?Nein, bleiben Sie doch noch!
— До свидания! — Нет, оставайтесь еще!

То, что эта фраза оказалось менее приемлемой, чем предыдущая, подтверждает нашу гипотезу о более тесной связи немецкого *nein* с пропозициональным содержанием высказывания. Во фразе *Мне пора* есть диктум, который можно оспорить, тогда как речевая формула прощания не подразумевает ничего подобного. В то же время для русского *нет* такой контекст совершенно естественен, поскольку оно выражает любой вид неприятия ситуации — не только несогласие с непосредственно сказанным, но и возражение против самих намерений собеседника, против того, что может из сказанного последовать, против представлений, из которых, по мнению говорящего, исходит собеседник⁴.

Замечательно, что две, казалось бы, очень похожие фразы *Nein, komm doch mit* (*Нет, идем с нами*) и *Nein, du kommst mit* (*Нет, ты пойдешь с нами*) оцениваются совершенно по-разному: фраза с императивом признается недопустимой, в то время как фраза с индикативом вполне нормальна, во всяком случае, в некоторых ситуациях (в частности, если собеседник вдруг пошел в противоположном направлении).

Здесь необходимо остановиться еще на одной проблеме. Приемлемость немецких фраз в значительной степени зависит от просодии. Мы рассматривали везде фразы с неэмфатическим *nein*, за которым не следует пауза. Однако в немецком языке существует еще особое эмфатическое междометие *nein*, образующее отдельное высказывание и выражающее удивление в сочетании с самыми разными эмоциями. На русский такое *nein* часто должно переводиться как *не может быть*.

Ср. следующий диалог по телефону:

- (7) Guten Tag! Hier Dima.
Nein! Dima? Sind Sie in Deutschland?
Здравствуйте! Это Дима.
Не может быть! (букв.: Нет!) Дима? Вы в Германии?

⁴ Оговоримся, что, хотя русское *нет* употребляется при императиве гораздо свободнее, чем немецкое *nein*, в русском тоже есть существенные ограничения на употребление *нет* в императивном контексте. Так, *нет* неуместно, если императив не выражает побуждения к активному действию. Нормально *Нет, не звони*; *Нет, не бери зонтик*, но не *??Нет, не расстраивайся*; *??Нет, не плачь*.

Мы составили еще ряд фраз с *nein* в контексте императива. Рассмотрим некоторые из них:

- (8) Нет, не бери зонтик, дождя точно не будет.

[?]Nein, nimm den Schirm nicht mit, es wird sicher nicht regnen.

Эту фразу информанты с разной степенью категоричности сочли неудачной и предложили опустить *nein*.

- (9) — Ich liebe dich nicht mehr. — [?]Nein, verlass mich nicht!

— Я тебя больше не люблю. — Нет, не бросай меня!

Информанты сочли немецкий диалог абсолютно неприемлемым и нелогичным. В русском же *нет* здесь вполне естественно, поскольку русское *нет* допускает, что человек не оспаривает не само сообщение, а возражает против предполагаемых следствий.

Употребление *нет* в императивном контексте различается в русском и немецком языках еще в одном отношении: повторное побуждение в русском языке практически обязательно маркируется (см. [Левонтина 1999]). В случае эксплицитного отказа повторное требование часто начинается с *нет*, а в немецком это обычно недопустимо. Ср. следующий контекст, содержащий повторное побуждение: после полученного отказа говорящий повторяет свое требование, не желая признавать права адресата на отказ.

- (10) — «Kommen Sie mit!» wiederholte K. jetzt schärfer, als habe er endlich den Gerichtsdienner auf einer Unwahrheit ertappt.

— Нет пойдемте! — уже резче сказал К., словно наконец уличил служителя во лжи (F. Kafka. Der Prozess).

Вторую группу контекстов, для которых характерны расхождения в употреблении *нет* и *nein*, образуют случаи, когда русское *нет* выражает, условно говоря, «ответ на невысказанное». Ср.:

- (11) Zu einem Sterbenden! Das ist doch stark!

Это умирающему-то! Нет, это уж слишком! (Т. Манн. Волшебная гора).

- (12) «Sie war unter die Decke gekrochen!» sagte Joachim. «Stelle dir meine Empfindungen vor!»

— Она заползла под одеяло! — сказал Иоахим. — Нет, ты представь, что я испытывал! (Там же).

- (13) Es ist etwas Bedenkliches um die Musik, meine Herren.

Нет, господа, в музыке есть что-то подозрительное (Там же).

Во всех этих примерах русское *нет* взаимодействует не с пропозицией, а с представлениями говорящего о тех или иных свойствах ситуации в целом. Иными словами, отрицается не сказанное, а «невывысказанное». Так, говоря *Нет, это уж слишком!*, мы, естественно, не даем отрицательный ответ на поставленный вопрос (никто ни о чем не спрашивал), а выражаем свое неприятие обсуждаемого положения вещей. Сходным образом, во многих ситуациях *Нет, ты представь себе!* звучит по-русски естественнее, чем просто *Ты представь себе!*. Говорящий как бы возражает против самой возможности того, что адресат не проявит к его словам должного сочувствия.

Вообще, случаи, в которых переводчик добавляет слово, которого не было в оригинале, очень показательны. Видимо, хороший переводчик идет на это, только если ему кажется, что без такого добавления высказывание будет звучать по-русски неестественно или бессвязно.

Употребление *нет* в контексте (13) мотивировано, видимо, тем, что высказываемая говорящим мысль противоречит, по его мнению, общепринятым представлениям. Такая специфическая семантика, характерная для русского *нет* в его несобственных употреблениях, понятным образом, может отсутствовать у коррелирующих слов в других языках. Контексты (11–13) заставляют предположить, что для немецкого *nein* функция «ответа на невысказанное» нехарактерна.

Проведенный нами опрос информантов подтвердил это предположение. В контекстах (14–16) *nein* было расценено всеми опрошенными как неуместное.

(14) Нет, а что ты лезешь со своими советами!

*Nein, was kommst du mit deinen Ratschlägen!

(15) Нет, а вам какое дело!

*Nein, was geht Sie das an!

(16) — Вы опоздали. И юбка у вас слишком коротка. — Нет, а юбка-то здесь при чем?

— Sie kommen zu spät! Und Ihr Rock ist definitiv zu kurz. — *Nein, was hat denn mein Rock damit zu tun?

При обсуждении контекста (15) немецкие информанты предложили свои — более естественные в соответствующих ситуациях — варианты ответа. Так, наиболее подходящим ответом на немотивированно агрессивное замечание случайного прохожего (ситуация, вполне допускающая употребление *Нет, а вам какое дело!* в русском языке) были признаны высказывания *Haben Sie ein Problem?* ‘С вами что-то не так?’ или *Lassen Sie mich doch in Ruh!* ‘Оставьте меня в покое’.

Единственным высказыванием из этого ряда, в котором употребление *nein* было признано допустимым, является (17).

(17) Нет, а тебя кто спрашивает!

Nein, dich hat doch niemand gefragt!

Возможно, причина в том, что этот контекст содержит отрицание: *niemand*. Тем самым, *nein* коррелирует с *niemand*. Это еще раз подтверждает правильность высказанной выше гипотезы о том, что для немецкого *nein* более характерна связь с диктумом, чем для русского *нет*, которое может взаимодействовать как с высказанным, так и с имплицитными элементами ситуации общения.

Третью и наиболее экзотическую с точки зрения немецкого языка группу составляют характерные для русского непринужденного дискурса контексты, где *нет* вообще никак не связано с идеей отрицания. Приведем несколько примеров (русские фразы были записаны в реальном диалоге и переведены на немецкий):

(18) Почему ты не сдал работу вовремя? Нет, это просто дурь какая-то!

Warum hast du die Arbeit nicht rechtzeitig abgegeben? *Nein, das ist doch blöd!

(19) Смотри! Наш сын убрался. Нет, какой хороший мальчик!

Schau mal! Unser Sohn hat aufgeräumt. *Nein, so ein guter Junge!

(20) — Давай напишем статью вместе! — Нет, я тоже уже об этом думал.

— Schreiben wir einen Artikel zusammen! — *Nein, ich habe auch dran gedacht.

(21) — Поедем лучше на машине! — Нет, да, это намного дешевле.

— Fahren wir lieber mit dem Auto! — *Nein, ja, das ist viel billiger.

(22) — Мне нужно обязательно поесть. Я ведь только вечером окажусь дома. —

Нет, правда. В поезде нормально не поешь.

— Ich muss unbedingt was essen. Denn ich komme erst am Abend nach Hause. — *Nein, stimmt. Im Zug kriegt man nichts Vernünftiges.

(23) — Мы должны позвонить Пете. — Нет, правильно. А то он опоздает.

— Wir müssen noch Peter anrufen. — *Nein, richtig. Sonst kommt er zu spät.

(24) — Он правильно поступил. — Нет, точно. Он молодец

— Er hat richtig gehandelt. — *Nein, sicher. Gut gemacht.

Все немецкие фразы (18–24) были отвергнуты информантами как недопустимые или странные. В некоторых случаях информанты вообще не понимали, что имеется в виду. Очевидно, это связано с тем, что для *nein* фатическая функция не характерна, тогда как для русского *нет* она как раз очень типична.

Парадоксальным образом русское отрицание *нет* в диалоге часто используется для выражения энергичного согласия с собеседником (см. примеры выше). Это можно связать с тем, что человек настолько согласен с собеседником, что торопится перебить его, перехватить инициативу и высказаться⁵. Отрицание, таким образом, в русском непринужденном дискурсе может служить сигналом *turn-taking*.

Интересно, что, хотя немецкое *nein* не может выступать в такой функции, для разговорного немецкого *nee* она возможна. Ср. следующий пример из переводов «Идиота» Достоевского:

(25) — Нет, вы найдите-ка такую красавицу, ура! — кричали ближайшие.

“Nee, such doch mal ’ne zweite, die so schön ist! Hurra!” rief man in den vorderen Reihen.

“So eine Schönheit gibt’s nicht noch einmal! Hurra!” schrien die am nächsten Stehenden.

“Da such, mir einer noch eine zweite solche! Teufel noch eins! Hurra!”

Немецкое *nein* явно было бы здесь неуместно. Более ранние переводчики вообще обошлись без отрицательного слова, а С. Гайер использовала для передачи русского фатического *нет* немецкое *nee*. См. о нем ниже.

Вторая сторона рассматриваемой проблемы — это именно наличие и в немецком, и в русском, помимо слов *нет* и *nein*, других единиц, некоторые из которых можно считать их словообразовательными или фонетическими вариантами. Не все они фиксируются на письме. Например, по-русски можно отрицательно помычать (естественно, с определенной интонацией и жестикующей), или сказать что-то вроде *а-а*, только обязательно со специфической гортанной смычкой, с ударением на первом [а] и чтобы оба [а], особенно первый, были краткими. Вместо [а] могут также быть звуки типа [у], [э], [ь]. Остановимся хотя бы кратко на трех таких единицах со значением ‘нет’ в русском языке: *нетушки*, *неа* (*не-а*) и *нее* (*не*).

Слово *нетушки* явно имеет более узкое значение, чем *нет*. *Нетушки* выражает идею отказа, причем сопряженного с какими-то эмоциями.

Нормально:

(26) — Пойди помой посуду!

— Нетушки, я уже вчера мыл.

⁵ Эту мысль высказала в устной беседе Анна А. Зализняк.

При этом невозможно:

(27) — У нас стаканов-то хватит?

— *Нетушки!

Это слово слегка детское и связано именно с отказом в пустяковых просьбах. Странно, например, ответить *Нетушки* на предложение руки и сердца. Ср. несколько примеров:

(28) Все уже почти сладилось, но Гайка, которая все искоса ловила в большом зеркале свое отражение в профиль, неожиданно взъерепенилась: — **Нетушки!** Машка будет мой жених, а ты бери себе Плишкину! — То есть как? — изумилась Вика. — А так (Л. Улицкая. Встряная оспа, 1998).

(29) — А кто тачку повезет? Снова я? — заныл Дурошлеп. — Нет уж, нет уж, **нетушки!** — Цыц! — прикрикнул на него Горлохвват (Л. Сапожников. Митя Мстелкин в Стране Синих роз, 1988).

(30) Ремонта им ни в жизнь не будет, хотя мать обязана, потому что собственный дом. Не отремонтируешь — погниет и пропадет. Поэтому от злости ее они третий год без крючка. **Нетушки!** Не будет им крючка в уборной будке! (А. Эппель. Леонидова победа, 1990–2000).

Гораздо шире значение слова *не-а*. Оно выражает не только отказ, но и отрицание истинности утверждения или отрицательный ответ на вопрос; ср.:

(31) — Пойди помой посуду!

— Не-а, я уже вчера мыл.

(32) — У тебя же есть такая книга.

— Не-а.

(33) — У нас стаканов-то хватит?

— Не-а!

Оно, однако, невозможно в ряде контекстов, где употребляется *нет* (*Не-а, а юбка-то здесь при чем?; *Не-а, ну какой подлец!). Разумеется, *нетушки* здесь тем более невозможно.

Приведем несколько примеров употребления *не-а*:

(34) — Не-а, в Рублёво-Успенском мне не потянуть. Что-нибудь более реальное: я к тем ниже перечисленным не отношусь (Интернет).

(35) Не-а, не уговоришь, не подпишусь! (Интернет).

(36) — У тебя родители есть? — Были когда-то, — грустно ответила девочка, — потом папка нас бросил, мамка за другого вышла, отчим выпить не дурак, ну и прибил мамку, табуреткой. — Его посадили? — **Неа.** — Почему? — Ленка пожала плечами: — Кто ж знает! (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки, 2004).

- (37) — Не знаю... — Ну / заяц... — Вот это хочешь? — **Неа** / нет. — А что хочешь? — Не знаю (Микродиалоги в магазине электроники, 2005.11).
- (38) Сечешь, к чему я? / **Неа**, не секу. Но подобный анекдот знаю и даже — прикинь — понимаю, в чем там юмор! (Женщина + мужчина: Психология любви // Форум на eua.ru, 2005).
- (39) — Нельзя этого сказать про партию Явлинского? — **Неа**. — Я / честно говоря / даже не знаю (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Москва // ФОМ, 2001.12.04).

Совсем иная ситуация с разговорным *не* в значении 'нет'. По-видимому, разница между *не* и *нет* скорее стилистическая. *Не* используется и в собственно отрицательных контекстах (— *Придешь?* — *Не, неохота*), и в фатических (*Не, ну какой дурак!*):

- (40) И снова раздался тот же дерганный, фальцетистым приступом, смех.
— Не, это я так, — сказал он тотчас (М. Харитонов. Музыка).
- (41) — Недавно видел сообщение о светодиодах на основе органических полупроводников. Уже производятся.
— Не, а при чем тут сверхпроводимость? Р-п переход где?

Не будем сейчас подробно останавливаться на этой единице. Отметим только одно замечательное обстоятельство. Как уже было сказано, в немецком тоже есть свое разговорное *nee*, причем семантически оно отличается от немецкого *nein* и сближается с русским *нет* (*не*).

Nee может, естественно, использоваться в смысле отрицания:

- (42) JUNGE Los, komm mit! <...>
MÄDCHEN Nee, keine Lust.
ЮНОША: Давай, пошли!
ДЕВУШКА: Не, неохота (B. Strauß. *Der Park*. München, Carl Hanser Verlag, 1983).
- (43) GEORG Ich fahre Sie ins Krankenhaus, Helen. Sie müssen sich untersuchen lassen.
HELEN Nee, nee. Laß mal. Ich wasch mich gleich.
— Я отвезу вас в больницу, Хелен. Вам нужно обследоваться.
— Не, не. Брось! Я сейчас умоюсь (Ibid.).

Однако *nee* имеет и фатическое употребление:

- (44) «Ich... ich bin spaziergegangen», log ich. «Nur so... Es ist schön hier!»
«Ja», bestätigte er; «ein schönes Revier... Aber wieso sind Sie so allein? Nee, wissen Sie — in meiner Jugend gingen so propere Mädchen abends nicht allein in den Wald.»

— Я... я просто гуляла, — соврала я. — Просто так...

— Да, — подтвердил он, — красивое место. Но почему вы одна? Не... знаете что, в мое время такие классные девочки одни в лес не ходили (M. Hansjörg. *Blut ist dunkler als rote Tinte*. Rowohlt. Reinbek bei Hamburg. 1990 [Originalausgabe 1970]).

- (45) HARRAS: Das muß ich schon mal irgendwo gehört haben. Kommt mir so bekannt vor. Nee — ich erinnere mich noch viel zu gut an 1918 — wenn man in seiner ausgepumpten Bruchkiste gegen so 'n Dutzend psychologisch unterhöhlter Demokraten anstinken mußte. Und mehr Wasser in der Blase als Benzin im Tank. Scheiße.

Это я уже где-то слышал. Что-то очень знакомое. Не — я еще слишком хорошо помню 1918 год... (Zuckmayer. General).

ЛИТЕРАТУРА

Левонтина 1999 — *Левонтина И. Б.* Стратегии уговаривания: частицы в повторных просьбах // *Язык. Культура. Гуманитарное знание*. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999. С. 188–201.

МЕЖДУ НЕТ И ДА: ПРОБЛЕМЫ КОГНИЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

Познавая окружающий мир, индивид не только его «ословливает», но и высказывает свое к нему отношение, зачастую сопровождаемое оценкой событий, фактов, действий других лиц [Арутюнова 1988]. Такая оценка может иметь определенный эмоциональный заряд, вызванный отсутствием адекватных лексических форм конкретного представления реальности, возможности или желаемости неких событий, явлений, действий, состояний. Бывает также проблематично категоризовать как сам предмет (*дерево :: не дерево; bushes :: not bushes*), так и свои суждения о нем (*Это — интересная книга :: Это — неинтересная книга; It's a funny story :: It isn't a funny story*). В данном случае можно использовать так называемые экстендеры¹ (*вроде, как бы, мина; kind of, sort of*) либо осуществлять мыслительный процесс категоризации «от противного» (*не ягода; not a vegetable*). Причем мы можем прибегнуть как к полной негации (*Это — не животное; It's not an insect*)², так и частичной, «завуалированной» (*Возможно, это — не рыба; Maybe, it's not a fruit*).

Сам же процесс категоризации можно представить как «сегментацию и комбинацию» [Gershkoff-Stowe, Goldin-Medow 2002: 402]. В результате их действия происходит объединение ментальных репрезентаций, которые стоят за познаваемым, в группы (т. е. категории³) открытого характера, с последующим заполнением этих образований новыми сущностями [Medin, Heit 1999: 104], имеющими определенное сходство (функциональное, содержательное, формальное или даже ситуативное [Colcombe, Wyer 2002]), основанное на знаниях онтологии мира и эмпирическом опыте его познания [Болдырев 2003: 54], чувствах, эмоциях индивида [Sobel 2001: 33], наличии причинно-следственной

¹ Вербальные расширители, позволяющие включать несколько сущностей в состав определенной категории [Overstreet, Yule 1997: 92].

² В первую очередь это касается контрастных категорий, которые находятся на одном уровне абстракции и входят в состав единой обобщающей группировки, служащей общим прототипом и являющейся ядром категоризации [Ameel, Storms 2006: 403–404] (например, курица и гусь = птица, автомобиль и велосипед = транспортное средство).

³ Ряд объектов, которые считаются эквивалентными [Rosch 1978: 30].

связи [Rehder 2003] с прототипом ⁴ — наиболее полно отражающим свойства данного ряда и являющимся его характерным представителем [Rosch 1978: 36] в аспекте стереотипизации процесса восприятия и последующей номинации. Собственно благодаря существованию таких мыслительных и языковых категорий происходит познание человеком мира, а также самого себя. Кроме того, индивиды имеют возможность наилучшим образом с помощью ментальных репрезентаций воссоздать структуру реального [Zelinsky-Wibbelt 2000: 13] или возможного мира, увидеть себя и свое место в нем. При этом, какой бы уникальной ни казалась некая сущность, «механизм бытия... ориентируется на универсализирующее понятие» [Лиепинь 1986: 149], поскольку из фокуса внимания выводятся несущественные свойства и качества [Ирисханова 2007: 72].

Однако в повседневной жизни, наряду с четкими (*well-defined*) распространены и нечеткие (*ill-defined*) категории, богатые деталями, которые не всегда могут быть повторены: индивидуальные или существующие только в комбинации, либо представляющие гениталты более высокого уровня абстракции (например, *стиль, интонация, фотоснимок, красота — уродство*) [Homa et al 2001: 469]. Для последних удачным является термин *субъективные* категории, поскольку особую важность для их определения приобретают индивидуально-психологические особенности восприятия мира индивидом (ср. [Григорьев 2004: 40–41; Гуреев 2005]). Отметим и размытость форм ряда объектов, что создает трудности определения их границ (см. подр. [Channel 1994; Morneau 2002]); наличие явлений, процессов, состояний и действий с чертами нескольких категорий ⁵. Данные сущности вызывают особые проблемы в ходе их категоризации, возникающие вследствие особенностей отражения человеком реального или вымышленного мира, а именно получения, обработки и хранения информации ⁶.

⁴ Наиболее существенными признаками для определения понятия *прототип* являются: 1) специфичность — концентрация специфических признаков объекта; 2) способность к воздействию на производные варианты; 3) высокая степень регулярности функционирования [Бондарко 2003: 18]. Поэтому прототип — это эталонный репрезентант, эталонный вариант определенного инварианта среди прочих его представителей (вариантов) [Бондарко 2002: 265].

⁵ Для их категоризации необходим более детальный, возможно всесторонний, анализ (*fine tuning*) рассматриваемых сущностей [Rumelhart, Norman 1978: 47], задействующий разные уровни абстракции [Smith et al 1978: 142–143]. К примеру, это касается *русалки, вампира* и прочих вымышленных существ.

⁶ Именно поэтому можно говорить о категоризации не столько самих объектов, сколько информации о них [Sobel 2001: 33].

Представление о диффузности, т. е. нечетких границах неких сущностей, варьируется в зависимости от контекста и от индивида⁷. При этом речь идет о референциальной нечеткости [Kempson 1977: 124–128], так называемой фазификации [Zhang 1998: 14], отражающей отсутствие четких границ у предмета или явления (*An essay is not bad*; *Встреча прошла целых*). Фазификация возникает в случае неудачи первичной категоризации и приводит к дополнительной, повторной категоризации, когда индивид пытается четче представить контуры некой сущности, выйти из «номинативного тупика». Причем о фазификации можно говорить не только в случае уточнения номинации (*It's kind of a garden*; *Это — вроде фрукт*), но и при обозначении нечеткого, размытого, недискретного количества (*She is about 20 years old*; *Подождите около 20 минут*) или признака (*A girl is fairly pretty*; *Я был немного обижен*). Таким образом, фазифицированное суждение уже включает в себя элемент отрицания⁸, обозначая *нечто* неопределенное, неточно воспринятое или непонятое, которое *не* соответствует имеющимся данным, т. е. отрицается ими. Вместе с тем это *нечто* является подобным или схожим с некой сущностью; близкой либо имеющей отношение к рассматриваемой (*bird-likeness* — «птичность»)⁹, что и составляет основу определенной прототипической категории [Zhang 1998: 15]. Иными словами, наличие обобщающего свойства выступает основой утверждения, что *малиновка*, *курица*, *пингвин* и *летучая мышь* относятся к категории птиц. Однако, из-за особенностей проявления данного свойства у перечисленных видов, можно утверждать, что *малиновка* — это птица; *курица* менее характеризуется как птица; *пингвин* — еще меньше, а *летучая мышь* вообще птицей не является. Корову же, к примеру, никак нельзя отнести к категории птиц на основании отсут-

⁷ Многое в процессе восприятия, осмысления и интерпретации полученной информации зависит от того, что выступает для человека *фигурой* (сознанием), а что *фоном* (подсознанием) [БСЭ 1974: 447], главным и второстепенным профилем [Langacker 1991]. В основе данного процесса лежит как логическая, так и лексическая заданность распределения внимания в контексте [Рахилина 1997: 376]. В случае же с приближительностью происходит *вторичное профилирование*, т. е. сначала происходит выделение одной фигуры, которая схожа с предметом мысли, а затем — на ее основе другой фигуры, которая нечетко структурирована в сознании говорящего и для ее вербализации в лексиконе нет подходящей единицы [Болдырев, Дубовицкая 2006: 56]. Таким образом, происходит лишь приближение к выделенной фигуре.

⁸ Несоответствие норме.

⁹ Ср. *birdy birds* и *vegetabley vegetables* [Aitchison 1998] как наиболее типичные представители категорий.

ствия у нее даже отдаленного свойства, им присущего. Если же идти от отрицания наличия свойств птицы у перечисленных видов, то *корова — совсем не птица, летучая мышь — почти совсем не птица, а пингвин — не совсем птица*. Данная градация отражает сложный механизм категоризации мира, базирующийся на его восприятии.

Основой же когнитивной активности человека выступает взаимодействие реальности и познающего ее субъекта. От четкости восприятия мира зависит, насколько точно отражается фрагмент действительности в языке. Как и все мыслительные процессы, категоризация, как правило, имеет вербальную реализацию, позволяя человеку проявить свою позицию по различным вопросам жизнедеятельности, а также облегчить контакты в рамках социума, поскольку члены общества соотносят знания о существующих категориях в процессе общения, что способствует взаимопониманию между ними. Динамичность же отражаемого мира бросает вызов нашему сознанию и позволяет людям именовать окружающую действительность неточно, т. е. приблизительно, хотя и максимально адекватно нашему восприятию, основанному на жизненном опыте и бытующих этнокультурных и социальных стереотипах. При этом важную роль играет оценка анализируемых предметов и явлений, которая базируется на когнитивных (отражательных) и коммуникативных (отраженных) параметрах индивида как языковой личности. Их взаимодействие проявляется в том, что лишь в процессе коммуникации обеспечивается необходимая передача и сохранение полученной и обработанной информации. Процесс общения при этом представляет результаты познавательной деятельности индивида в вербализованной форме. В частности, во время подготовки информации к вербальной репрезентации индивид использует определенные когнитивные стратегии, тактики и ходы, которые отражают его базовые гносеологические установки; коммуникативные стратегии, тактики и ходы, целью которых является реализация своих интенций в вербализованной форме вместе с привлечением невербальных составляющих процесса передачи информации.

Когнитивные стратегии определяют распределение и систематизацию вербализованной информации за счет выбора и сочетания предикативных единиц, обозначающих определенные концептуальные структуры, положенные в основу формирования пропозиции. Когнитивные же тактики предопределяют выбор и распределение в высказывании единиц, зависящих от сказуемых, с целью отображения внутренней организации концептуальных структур. Когнитивные ходы призваны активизировать определенные элементы концептуальной картины мира носителей соответствующего языка.

В процессе же организации высказывания перечисленные когнитивные операции находят отражение в коммуникативных стратегиях, тактиках и ходах, поскольку от их роли зависит нужная продуценту формулировка высказывания. Без нее может быть искажен смысл отдельных компонентов, а следовательно, и речевого произведения в целом. Коммуникативная стратегия зависит от коммуникативного намерения [Янко 2001: 38], основой которого выступает выбор оптимальных языковых ресурсов [Иссерс 2002: 10]. Активация данных стратегий осуществляется посредством коммуникативных ходов на начальном этапе построения высказывания. Обеспечение стратегических целей процесса общения достигается и на промежуточном уровне, который составляют коммуникативные тактики — приемы, средства достижения целей и линий поведения на соответствующем этапе передачи информации. Коммуникативные ходы, тактики и стратегии являются моделями коммуникативной деятельности индивида в конкретных ситуациях общения.

Именно поэтому умение пользоваться данными процедурами, т. е. представлять понятия, суждения и умозаключения в языковой форме, приобретает особую роль. Речь идет о различных проявлениях компетенции индивида [ср. Хомский 2004]: языковой — уметь подбирать нормативные языковые средства для адекватной формулировки своего мнения; речевой — корректно использовать языковые средства в процессе речи согласно ее норме; коммуникативной — целесообразно употреблять языковые, речевые и невербальные средства коммуникации для максимально полного донесения необходимой информации партнеру по общению. От уровня сформированности данных компетенций, а именно адекватного использования языковых единиц, зависит успешность акта коммуникации, то есть донесение необходимой информации до слушателя / читателя, что особенно важно при передаче оценочных, фазифицированных суждений.

В современном английском и русском языках значительную роль играют средства выражения отрицания, как полного, так и частичного. Они позволяют говорящему передать различные оттенки своего отношения к определенным событиям, фактам и явлениям. Их градуированное отражение и ословливание, с одной стороны, позволяет выявить различные аспекты оценки реальности, а с другой — получить данные об интенции продуцента высказывания. Особое значение в этом ракурсе приобретает выявление маркеров градуирования негации в дискурсе. Среди них выделяются наречия степени, модальные слова, модальные глаголы, формы степеней сравнения прилагательных, наречий (*big — bigger — the biggest*; *быстрый — быстрее — быстрейший*) и условного наклонения,

ряд междометий, словообразовательных элементов (англ. *-ish*, *-y*; русск. *оват*- и др.), обладающих высоким зарядом субъективности. Наличие подобных средств свидетельствует о готовности языка к вербализации нечетких понятий, состояний, признаков неких объектов и явлений. Целый ряд лексических единиц, характеризующихся оценочностью (*gigantic*, *вкусный*, *little*, *attractive*), содержит в своей семантике одновременно диффузность и приблизительность [Kennedy 2007], поскольку, невзирая на существование основ для норм оценки этнокультурного и социального планов, их актуализированное в высказывании значение имеет как субъективный, так и ситуативный подтекст.

Кроме того, целый ряд языковых единиц, обладающих семантикой оценочности и, тем самым, обеспечивающих реализацию определенной модальности, всецело зависит от взаимодействия с другими элементами высказывания. Их актуализация может быть полной лишь при реализации некой конкретной пропозиции, поскольку модусные свойства (средства выражения модальности, в т. ч. оценки) в высказывании тесно переплетаются с диктумными (пропозиционально-содержательными). Они используются как коммуникативные ходы для воплощения интенции говорящего / пишущего.

Так, модальные глаголы в современном английском языке способны передавать градуированную оценку фактивности действия, состояния или признака. Приведем пример отрицательного предложения *He is not a student*, где отмечается полная негация факта. *Can* в отрицательных предложениях, выражая очень сильное сомнение, невероятность, несколько смягчает категоричность (*He can't be a student*). При этом форма *could* в *He couldn't be a student* передает еще меньше конкретности. В вопросительном же предложении *could* добавляет неуверенность и сомнение (*Could he be a student?*). Высказывание же с *can* (*Can he be a student?*) подвергает фактивность меньшему сомнению. Английское *might* привносит предположение, всего лишь допускающее неуверенность (*He might be a student*), а форма *may* свидетельствует о несколько большей уверенности у продуцента в справедливости передаваемой информации (*He may be a student*). Эквивалентны данному глаголу модальные слова *perhaps*, *maybe* (*Perhaps, he is a student*). Отметим при этом, что в русских соответствиях отсутствует языковая реализация отличий между *can* и *could*, *may* и *might* в подобных контекстах. Для вербализации осторожной неуверенности в русском языке употребляются *возможно*, *может быть*, *вероятно* (*Возможно, он — студент*).

Остальные же модальные глаголы современного английского языка добавляют пропозиции значение предположения, допускающего

сильную возможность, практически уверенность, граничащую с положительным утверждением факта (*He must be a student; He ought to be a student; He should be a student*). *Ought to* и *should* вместе с *will*, *would* употребляются крайне редко, в основном в языке официальных документов. Модальные слова *probably*, *apparently*, *obviously*, *evidently*, *certainly* и *of course* синонимичны названным выше модальным глаголам и выступают их заменителями в высказываниях типа *Evidently, he is a student*, соответствуя русским *очевидно*, *по-видимому*, *наверное*, *скорее всего* (*Скорее всего, он — студент*). Таким образом, следующее по логике высказывание (*Он — студент*) звучит категорично, занимая крайнюю позицию на шкале, ведущей от отрицания факта к признанию его существования. Итак, подтверждается мысль И. Б. Шатуновского о том, что всякое отрицание (как, впрочем, и утверждение) требует, чтобы предварительно были заданы альтернативы как возможные положения вещей, исключающие друг друга [Шатуновский 1990: 71].

Заметим, что модальные глаголы в современном английском языке как коммуникативные ходы не употребляются в отрицательных предложениях (за исключением выражения невероятности *He can't be a student*). Для снятия категоричности отрицательного высказывания задействуются модальные слова или модальные глаголы вместе с лексическими единицами с семантикой негации (напр., *to fail*, *to lack*): *He can't have failed to come in time. Could he have failed to see me? He may have failed to meet her. He must have failed to write the test. Maybe, he wasn't busy. Obviously, he didn't pass his exam.*

Наречия степени также занимают место на шкале между *нет* и *да*. Они, являясь маркерами модальности, указывают на способ выбора мира, в котором некая пропозиция истинна, определяя тем самым отношение индивида к действительности [Зеленщиков 2002: 62]. Данные единицы тоже квалифицируют пропозициональное (дескриптивное) содержание на уровне логико-грамматического (актуального) членения предложения. Особое место наречий степени в системе рассматриваемых языковых средств определяется тем, что они объединены семантикой приблизительности, не обозначают конкретных особенностей референтов, указывая на некую степень проявления их свойств (*sort of tired, mildly disappointed, somewhat warm; довольно интересно, почти закончено, немного печальный*). Именно они позволяют действующему субъекту «спрятать» категоричность и точность за приблизительно-стью, которая является чертой их категориальной семантики. Данные единицы также выступают коммуникативными ходами фазификации в процессе передачи вербализованной информации.

Особенно наглядно способность наречий степени, с одной стороны, снимать категоричность суждения, а с другой — редуцировать негатив прослеживается в отрицательных предложениях: *Their descriptions are not altogether reliable* (Good English); *Not entirely lost, however* (A. Huxley); *"Morning, Stanley," he said, not very cheerfully* (J. B. Priestley); *He tried to be off-hand and not too obviously uninterested* (W. Golding); *I do not know quite what happened* (N. Spain); *"I don't very much care," she said, with a flash of gaiety* (W. S. Maugham); *Not this quick! Not as quick as this, Jabe* (T. Williams); *At least not this bad* (E. Leonard).

Этой же цели служат аффиксы градуальности [*He drank a bit, but not overmuch; was attractive to women and had a sense of humour* (A. Christie)], фразеологизмы-интенсификаторы [*The guard was not at all pleased with them* (N. Spain); *This isn't you at all* (E. Leonard); *But they were not at all gay — no, decidedly not gay* (A. Christie)]. В последнем примере содержится негация отрицательного суждения. Причем сначала в некатегоричной форме, а затем отрицанию придается уверенность, усиленная модальным словом *decidedly*.

Обратное явление, т. е. интенсификация негатива, прослеживается в комбинациях отрицательной частицы *not* с наречиями степени, аффиксами градуальности и фразеологизмами-интенсификаторами, указывающими на незначительную меру признака, его минимальное проявление, практически полное отсутствие: *"No problem at the gate?" Wager asked. "Not even a sneeze"* (J. Redgate).

Таким образом, отрицание, стоящее перед наречиями степени с интенсифицирующей функцией, способствует редукции негатива, снятию категоричности высказывания и фиксирует сниженную степень проявления градуированного признака (*не совсем готов; not very clever*). Если же отрицается незначительная степень проявления признака, то происходит обратное явление — интенсификация негатива и фиксация более высокой степени проявления градуированного признака (*недостаточно готов; not a bit clever*).

В результате анализа англоязычных текстов обнаружено, что контактное употребление наречий степени позволяет прибегать к повторной оценке проявления некоего признака¹⁰. Определяющую роль в подобных сочетаниях играет первый компонент, поэтому можно говорить о том, что он модифицирует сочетание «второй компонент + определяемое слово». Таким образом, за исходное мы принимаем сочетание инициального наречия степени с уже модифицированным опре-

¹⁰ Нехарактерно для современного русского литературного языка.

деляемым словом. Такая «двойная» модификация может служить следующим целям: 1) снимать категоричность второго компонента: “*She had a bit too hasty about that note*” (J. B. Priestley); 2) усилить оценку признака, выраженную вторым компонентом: “*I could have done, yes; it just seemed so very tragic, when he was so near success*” (J. le Carré); “*I’ll bet everything the least bit incriminating disappeared yesterday afternoon*” (D. Francis); 3) детализировать оценку признака, выраженную вторым компонентом: “*<...> I damn near fell down*” (J. D. Salinger); “*I’m a bit short of fat*” (P. Abrahams). Таким образом, все сочетание приобретает значение оценки степени, характерной первому компоненту. Если же перед ним стоит отрицательная частица, то негация распространяется лишь на данный компонент: “*The whole thing’s not quite ingenious enough*” (A. Christie); “*The disapproval he feels for certain action is not nearly so strong as his curiosity*” (W. S. Maugham).

Кроме лексико-грамматических средств, имплицитованная негация может передаваться формами условного наклонения [“*Forgive me, Doctor, but couldn’t it possibly be something else?*” “*I wish it could be*” (J. Krantz)]. Обратим также внимание и на придание осторожности и неуверенности вопросу с отрицанием, передаваемым модальным глаголом вместе с модальным словом.

Негация может также передаваться с помощью междометий¹¹, например: *Велика радость! I like that! Держи карман шире! Nuts to you! Журно! That’d be too nice! Очень надо! A fat lot I care! Кукиш! My foot! Thank you and good night!* (отказ); *Боже унаси! For God’s sake! Да нет! Well no! Глупости! Nonsense!* (решительное отрицание); *Вот еще! Hear that! Дудки! Nuts! Ерунда! Rats!* (отрицание, несогласие)¹². Близкими к негации выступают сомнение и безразличное отношение к высказыванию собеседника, поскольку они содержат скрытое, имплицитованное отрицание: *Будто? Oh really? Ой ли? Indeed? Разве? Is that so?* (сомнение, близкое к отрицанию); *Все равно! All the same! Дело хозяйское! Please yourself!*. Как видно из приведенных примеров, многие по структуре не являются отрицательными, что свидетельствует о развитости прагматической транспозиции среди данных языковых единиц, это отражает желание говорящего избежать открытого отрицания, несогласия и отказа, а также придать реплике высокий эмоциональный заряд

¹¹ Источник примеров междометий [Квеселевич, Сасина 1990].

¹² Значительное количество таких междометий содержит инвективы, передает несогласие или отказ в грубой форме и маркирует тактику отрицательного отношения к собеседнику, его унижения, реализуя конфронтативную стратегию коммуникации.

(ср. *You don't say so!* :: *He может быть!* и *What next?* :: *Как можно?*). Заметим, что реализация прагматической транспозиции не всегда совпадает в аналогичных русских и английских высказываниях, передающих отрицание, несогласие, отказ, т. е. содержащих негацию (*The answer is a lemon!* :: *Как бы не так!*, *I didn't fall off the Christmas tree!* :: *Я в своем уме!*).

Суммируя изложенное выше, отметим, что рассмотренные элементы объективной и субъективной модальности в высказываниях с негацией выполняют следующие основные функции: модальную, помогая адресанту выразить свое отношение к фрагменту действительности, исходя из его желательности или достоверности; оценочную, способствуя конкретизации, детализации или, наоборот, вуалированию информации, снятию категоричности, придавая высказыванию элемент субъективности. Также важна роль таких функций, как эпистемическая, которая передает степень уверенности адресанта в достоверности высказывания [*Perhaps they've decided it was suicide after all* (B. Manktelow)], и аффективная, с помощью которой отражается желание адресанта создать и поддержать доброжелательную коммуникативную атмосферу [*Blitz: Why didn't you make a statement? Lindsey: It wouldn't have helped anything. And I think you've enough to sort out. You know — you might be better off without that young woman* (Ch. Hastings)]. Она помогает реализовать тактику негативной вежливости [Leech 1983], когда адресант придает особое значение атмосфере общения, показывая позитивное отношение к собеседнику и реализуя тем самым коммуникативную стратегию кооперации. В то же время междоветия, передающие негацию в резкой форме, маркируют отрицательное отношение к партнеру по коммуникации и/или к информации, содержащейся в инициативной реплике [— *А родные разве тебе не помогли?* — *Черта с два!* (В. Беляев)].

В конкретном контексте определенная языковая форма может принимать участие в создании нескольких коммуникативных тактик, например, заполнения хезитационных пауз, снижения категоричности высказывания [Борисенко 2003: 8]. Например: *Joan: You haven't married? Rex: Good Lord no! I've never seen the necessity. I mean I've just never met the right girl* (B. Manktelow).

Поскольку вербальная коммуникация составляет процесс и результат взаимодействия факторов разной природы (психологических, эмоциональных, когнитивных и социальных), важное значение для ее успешности приобретает уверенность адресанта в истинности передаваемой информации. Именно такая уверенность дополнительно влия-

ет на ментальную сферу адресата и определяет атмосферу общения [Булыгина, Шмелев 1997: 302]. Следовательно, в основе выбора когнитивных и коммуникативных операций при оформлении и передаче информации лежит человеческий фактор, определяющий наши отношения с внешним миром на основе мыслительной и языковой категоризации. При этом рассмотренные языковые единицы помогают индивиду не только высказать отрицательное суждение, но в то же время раскрывают проблемы, возникающие в ходе познания мира или вербализации имеющейся информации, либо позволяют сформулировать высказывание таким образом, чтобы адекватно эксплицировать свое отношение к собеседнику. Вместе с тем существование языковых форм, маркирующих категориально-семантическое пространство между полюсами «*нет*» и «*да*», свидетельствует о наличии между ними четкого противопоставления. При этом следует признать жесткость полюса «*да*» и размытость противоположной позиции, включающей не только формы полного, но и частичного отрицания, которые манифестируют зону неуверенности и сомнения. Таким образом, речь идет о более широком толковании оппозиции «*да*» :: «*нет*» как «*да*» :: «*не да*».

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Болдырев 2003 — Болдырев Н. Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики. Семантика инвариативности / вариативность. СПб., 2003.
- Болдырев, Дубовицкая 2006 — Болдырев Н. Н., Дубовицкая Е. Ю. Когнитивный механизм формирования смысла «приблизительность» (на материале современного английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1 (007).
- Бондарко 2002 — Бондарко А. В. Тезисы значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Бондарко 2003 — Бондарко А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Семантика инвариативности / вариативности. СПб., 2003.
- Борисенко 2003 — Борисенко Н. Д. Гендерный аспект репрезентации персонажной речи в английских драматических произведениях конца XX столетия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2003.
- БСЭ 1974 — Большая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1974.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

- Григорьев 2004 — *Григорьев А. А.* Репрезентация лексических категорий в сознании носителя языка. М., 2004.
- Гуреев 2005 — *Гуреев В. А.* Проблема субъективности в когнитивной лингвистике // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. № 1. Т. 64.
- Зеленищikov 2002 — *Зеленищikov А. В.* Структура категории модальности в английском языке // Когнитивные сценарии коммуникации. Симферополь, 2002.
- Ирисханова 2007 — *Ирисханова О. К.* Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М.; Калуга, 2007.
- Иссерс 2002 — *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.
- Квеселевич, Сасина 1990 — *Квеселевич Д. И., Сасина В. И.* Русско-английский словарь мждометий и релятивов. М., 1990.
- Лиетинь 1986 — *Лиетинь Э. К.* Категориальные ориентации познания. Рига, 1986.
- Рахилина 1997 — *Рахилина Е. В.* Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997.
- Хомский 2004 — *Хомский Н.* Вопросы теории порождения грамматики // Философия языка. М., 2004.
- Шатуновский 1990 — *Шатуновский И. Б.* Аномалия и отрицание (К проблеме «перенесения отрицания») // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Aitchison 1998 — *Aitchison J.* Bad Birds and Better Birds: Prototype Theories // Language. Readings in Language and Culture. N. Y., 1998.
- Ameel, Storms 2006 — *Ameel E., Storms G.* From Prototypes to Caricatures: Geometrical Models for Concept Typicality // Journal of Memory and Language. 2006. № 3. Vol. 55.
- Channel 1994 — *Channel J.* Vague Language. Oxford, 1994.
- Colcombe, Wyer 2002 — *Colcombe S. J., Wyer R. S. Jr.* The Role of Prototypes in the Mental Representation of Temporally Related Events // Cognitive Psychology. 2002. № 1. Vol. 44.
- Gershkoff-Stowe, Goldin-Medow 2002 — *Gershkoff-Stowe L., Goldin-Medow S.* Is There a Natural Order for Exploring Semantic Relations // Cognitive Psychology. 2002. № 3. Vol. 5.
- Homa et al 2001 — *Homa D., Smith C., Macak C., Johovich J., Osorio D.* Recognition of Facial Prototypes: The Importance of Categorical Structure and Degree of Learning // Journal of Memory and Language. 2001. № 2. Vol. 44.
- Kempson 1977 — *Kempson R.* Semantic Theory. Cambridge, 1977.
- Kennedy 2007 — *Kennedy Ch.* Vagueness and Grammar: The Semantics of Relative and Absolute Gradable Adjectives // Linguistics and Philosophy. 2007. № 1. Vol. 30.
- Langacker 1991 — *Langacker R. W.* Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar // Cognitive Linguistics Research 1. Berlin, 1991.

- Leech 1983 — *Leech G.* Principles of Pragmatics. L., 1983.
- Medin, Heit 1999 — *Medin D. L., Heit E.* Categorization // Cognitive Science. San Diego; Calif., 1999.
- Morreau 2002 — *Morreau M.* What Vague Objects Are Like // Journal of Philosophy. 2002. № 7. Vol. XCIX.
- Overstreet, Yule 1997 — *Overstreet M., Yule G.* Locally Contingent in Discourse // Discourse Processes. 1997. № 1. Vol. 23.
- Rehder 2003 — *Rehder B.* Categorization as Causal Reasoning // Cognitive Science. 2003. № 5. Vol. 27.
- Rumelhart, Norman 1978 — *Rumelhart D. E., Norman D. A.* Accretion, Tuning, and Restructuring // Semantic Factors in Cognition. Hillsdale; N. J., 1978.
- Rosch 1978 — *Rosch E.* Principles of Categorization // Cognition & Categorization. Hillsdale; N. J., 1978.
- Sobel 2001 — *Sobel C. P.* The Cognitive Sciences: An Interdisciplinary Approach. L., 2001.
- Smith et al 1978 — *Smith E. E., Balzano G. J., Walker J.* Nominal, Perceptual, and Semantic Codes in Picture Categorization // Semantic Factors in Cognition. Hillsdale; N. J., 1978.
- Zelinsky-Wibbelt 2000 — *Zelinsky-Wibbelt C.* Discourse and Continuity of Reference. Representing Mental Categorization. Berlin, 2000.
- Zhang 1998 — *Zhang Q.* Fuzziness — vagueness — generality — ambiguity // Journal of Pragmatics. 1998. № 1. Vol. 29.

Т. Б. АГРАНАТ

О СВЯЗИ ОТРИЦАНИЯ С АСПЕКТОМ, ЗАЛОГОМ И СЕМАНТИЧЕСКИМИ РОЛЯМИ В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

В большинстве уральских языков отрицание выражается с помощью специального спрягаемого отрицательного глагола, при котором смысловой глагол стоит в нефинитной форме.

В прибалтийско-финских языках выражение грамматических категорий между словоформами отрицательного и отрицаемого глагола распределяется по-разному. Максимальное число показателей в словоформе отрицательного глагола — время, лицо, число. Наклонение обычно выражается в нефинитной форме смыслового глагола, исключение составляет императив, маркируемый в отрицательном глаголе (ср. иерархию глагольных категорий в [Comrie 1981]). Очень большие колебания в распределении выражения грамматических категорий между отрицательным и отрицаемым глаголом могут наблюдаться даже по диалектам одного языка (ср. детальный анализ финских диалектов с этой точки зрения в [Savijärvi 1977]). Наибольшая глубина словоформы отрицательного глагола: время, лицо, число — засвидетельствована в эстонских диалектах, в то же время на другом полюсе находится эстонский литературный язык, где отрицание уже перестало спрягаться и превратилось в частицу; смысловой глагол при этом продолжает оставаться в нефинитной форме, а лицо и число выражаются аналитически с помощью местоимений. Сохраняется, правда, различие форм императива и не императива в отрицании, что согласуется с иерархией глагольных категорий в [Comrie 1981].

Системы грамматических времен в индикативе в целом в прибалтийско-финских языках одинаковы: синтетические — презенс (настояще-бу-

дущее) и традиционно называемое имперфектом (в старых грамматиках — претерит, что представляется более адекватным, так как его формы выражают общую идею предшествования моменту речи без каких-либо аспектуальных характеристик); аналитические — перфект и плюсквамперфект. Для выражения отрицания в так называемом имперфекте (= претерите) прибалтийско-финские языки реализуют две возможности: а) отрицательный глагол стоит в претерите, отрицаемый глагол — в неизменяемой форме; б) отрицательный глагол не содержит показателя времени, за ним следует перфектное причастие смыслового глагола (см. [Honti 1997: 89]).

В качестве иллюстрации приведем эстонский диалектный и финский литературный примеры из [Хакулинен 1953: 232], которые мы дадим здесь с поморфемной нотацией:

1а. эст. диал. <i>e-si-n</i>	<i>anna</i>	1б. финск. <i>e-n</i>	<i>anta-nut</i>
NEG-IPF-1SG	давать	NEG-1SG	давать-PTCP.PF.SG
‘я не дал’		‘я не дал’	

Интересно, что при отрицании в так называемом имперфекте в качестве инфинитной формы используется перфектное (!) причастие, т.е. то же самое причастие, которое употребляется для образования аналитических форм перфекта и плюсквамперфекта. Видимо, здесь можно говорить о нейтрализации аспектуальных противопоставлений, которая скорее всего объясняется тем, что при отрицании становится нерелевантным, отсутствовали процесс действия или его результат. Подтверждением этого может быть совпадение в вепсском и йоканьгском саамском отрицательных форм претерита и перфекта. Вообще, в прибалтийско-финских и саамских языках выражение отрицательного перфекта разделяется на три типа: а) в южно-саамском отрицательный глагол стоит в презенсе без связи перед перфектным причастием смыслового глагола (в этом диалекте отрицательный претерит конструируется из формы претерита отрицательного глагола и неизменяемой формы смыслового глагола; б) совпадение отрицательных форм претерита и перфекта (в вепсском и йоканьгском саамском); в) отрицательный глагол без показателя времени + неизменяемая форма связи и перфектное причастие (см. [Honti 1997: 89–90]).

Приведем отрицательные парадигмы в имперфекте финского, карельского и вепсского языков:

Таблица 1

1. (финск.) ‘рассказывать’	2. (карельск.) ‘давать’	3. (вепсск.) ‘давать’
en kerto-nut	en andan	en andand
et kerto-nut	et andan	ed andand
ei kerto-nut	ei andan	ei anttud
ei kerto-nut	ei anttu	ii andand
		ii anttud

В финской парадигме изменение в форме причастия происходит из-за его согласования с глаголом по числу. В карельском языке, как видим, в 3PL форма причастия отличается от других — это так называемое пассивное причастие, тогда как в единственном числе и в 1 PL и 2PL — активное. В вепсском во множественном числе во всех лицах по аналогии — пассивное причастие. И в карельском, и в вепсском форма отрицательного глагола в 3PL совпадает с 3SG. В карельском и вепсском языках исконная форма 3PL во всех временах и наклонениях совпала со специальной формой имперсонала, вытеснившись последней. Имперсонал в отрицательной парадигме в имперфекте выражался отрицательным глаголом в 3SG и так называемым пассивным причастием¹ смыслового глагола.

В водском языке, в описании, сделанном А. Аלקвистом в середине XIX в., отрицательная парадигма такая же, как в финском языке. Современный полевой материал дает следующую картину: в единственном числе, а также в 1PL и 2PL представлены соответствующие личные формы отрицательного глагола и активное причастие смыслового глагола (причастия практически перестали изменяться по числам), в 3PL — смешанная форма: отрицательный глагол в исконной форме 3PL и пассивное причастие (см. табл. 2).

Таблица 2²

[Ahlquist 1856]		современное состояние	
en uppo-nu	ennmä uppo-nu-t	en uppo-nu	ennmä uppo-nu
et uppo-nu	että uppo-nu-t	ed uppo-nu	että uppo-nu
eb uppo-nu	ewät uppo-nu-t	eb uppo-nu	eväd uppo-stu

В таблице намеренно дан непереходный глагол со значением ‘тонуть’, имеющий, тем не менее, пассивное причастие. В современном языке в отрицании формы имперсонала и 3PL оказали друг на друга взаимное влияние и перестали различаться; как было сказано выше, отрицательный глагол употребляется в исконной форме 3PL, но причастие — пассивное. В водском, так же как и в других прибалтийско-финских языках, имперсонал в отрицательной парадигме в импер-

¹ Пассивные причастия в прибалтийско-финских языках имеются у всех глаголов, независимо от переходности, подробно см. [Агранат 2008].

² Здесь и далее во всех примерах, заимствованных из источников, орфография сохраняется; водские примеры, записанные автором в поле, приводятся в фонематической транскрипции.

фекте изначально выражался отрицательным глаголом в 3SG + пассивное причастие смыслового глагола. Синхронный срез, представленный в [Ahlquist 1856], отражает более архаичное состояние языка:

2. *e-b* *upo-ttu*
NEG-3SG тонуть-PTCP.PF.PASS

‘не тонули’ (имперсонал)

Описание [Ahlquist 1856] составлено на базе вымершего ныне котельского говора. Судя по текстам, в нем вообще формы имперсонала в функции 3PL встречаются спорадически, а исконные формы преобладают:

3. <i>Sōsar-et</i>	<i>ned</i>	<i>seitsemä-ltä</i>	<i>wirssa-lta</i>	<i>puhass-i-wat</i>
сестра-PL	эти	семь-ABL	верста-ABL	корчевать-IPF-3PL
<i>metsä</i>	<i>kõikkki</i>	<i>dai</i>	<i>čünt-i-wät</i>	<i>da čühw-i-wät</i>
лес.GEN	весь	да	пахать-IPF-3PL	да сеять-IPF-3PL
<i>nisü</i>	<i>da</i>	<i>nīt-i-wät</i>	<i>da</i>	<i>tappō-i-wat</i>
пшеница.GEN	да	жать-IPF-3PL	да	молотить-IPF-3PL
<i>da lõunâ-hsi</i>	<i>pīraga</i>	<i>jõwwute-itt-i</i>		
да обед-TR	пирог.GEN	торопить-PASS-IPF		

[Ahlquist 1856: 115–116]

‘Сестры эти на семи верстах выкорчевали весь лес, да вспахали, да посеяли пшеницу, да сжали, да обмолотили, да к обеду пирог поторопили’

В сохранившихся до настоящего времени говорах (кракольском и песоцко-лужицком) омонимия форм 3PL и имперсонала наблюдается в большинстве случаев, при этом старая форма 3PL может встречаться факультативно только у некаузативных глаголов, имеющих каузативный коррелят и только в презенсе индикатива (подробно см. [Агранат 2002]). Анализ текстов, записанных в XIX в. (см. [Mustonen 1883]) на кракольском говоре, дает те же результаты, которые наблюдаются сейчас, в том числе уже перестали различаться отрицательные формы 3PL и имперсонала и образуются они так же, как и в настоящее время³:

4. <i>Raahel</i>	<i>idg-ii</i>	<i>õm-i-a</i>	<i>lahs-i-a</i>
Рахиль	плакать-IPF.3SG	свой-PL-PART	ребенок-PL-PART

³ В [Агранат 2008: 7], к сожалению, ошибочно сказано, что в [Mustonen 1883] ни отрицательный имперсонал, ни отрицание в 3 л. мн. ч. ни разу не встречается.

<i>ja e-b</i>	<i>tahto-nnu</i>	<i>antaa</i>	<i>entä</i>
и NEG-3SG	хотеть-PTCP.PF	дать.INF	себя.PART
<i>uroskoittaa,</i>	<i>siittä nämät ei-vät</i>	<i>öl-lu</i>	
утешить.INF	ибо они NEG-3PL	быть-PTCP.PF.PASS	

(Matf. 2–18) [Mustonen 1883]

‘Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет’

Поскольку отрицание выражается финитным глаголом, оно всегда стоит в вершине предложения. Л. Хакулинен писал, что отрицательное слово относится к сказуемому господствующего предложения и такой способ выражения отрицания является логически неудовлетворительным и в некоторых случаях даже двусмысленным: *Talo ei kuulu vielä olevan valmis* «говорят, что дом еще не готов» (букв.: дом не говорят еще являющимся готовым) [Хакулинен 1955: 252–253].

Но прибалтийско-финские языки имеют и другой способ выражения отрицания, без подъема по дереву, — с помощью каритивных причастий. Каритивные причастия по форме являются абессивом отглагольного имени на *-ma/-mä*. Традиционно в грамматиках прибалтийско-финских языков отглагольные имена называют инфинитивами, и насчитывают их в разных языках от двух до пяти; они способны склоняться, имея разный набор падежей, правда, полной парадигмой не обладает ни одно из отглагольных имен ни в одном из языков. Иногда в грамматических описаниях прибалтийско-финских языков встречаются названия этих форм по их функции: герундии, супины, деепричастия и т. д., но чаще всего, главным образом это касается работ по финскому языку, фигурирует закрепившийся в традиции номер инфинитива и его падеж. Поэтому вместо термина каритивное причастие, например, в исследованиях по финскому языку можно встретить «абессив III инфинитива».

Из всех прибалтийско-финских языков только в финском и карельском различаются формы каритивных причастий, употребляющиеся предикативно и атрибутивно. Последние морфологически более сложные, оформляются дополнительным показателем, а также могут присоединять падежные аффиксы, согласуясь с определяемым. Л. Хакулинен называет их прилагательными.

Каритивные причастия не имеют залоговых противопоставлений, ср. финск.: *näkymätön* ‘невидящий, невидимый’; *tekemätön* ‘неделающий, несделанный’ и т. д. [Хакулинен 1953: 187].

Полевое исследование современного водского языка показало, что каритивные причастия выражают идею несостоявшегося действия. Они могут характеризовать пациенс двухместного предиката:

5 a. Lampad jääti süütä-mättä
'овцы остались *непокормленными*'

b. Roho jäi lüü-mättä
'трава осталась *нескошенной*'

c. Tuli on samuttõ-matta
'огонь *не погашен*'

d. Mõli on maa veel pesse-mättä
'у меня пол еще *не помыт*'

Причем представляется, что важна кореферентность именно семантической роли пациенса, а не ее объектному поверхностному выражению, на это, в частности, указывает пример (6):

6. Tee on čäü-mättä
'дорога *нехоженная*'

Они также могут характеризовать пациенс одноместного предиката:

7. Lahsi jäi nukku-matta
'ребенок остался *неуснувшим*'

Каритивные причастия могут относиться и к агенсу, но только если агенс кореферентен пациенсу (т. е. при рефлексиве):

8. Tämä izze jäi pessi-mättä
'он сам остался *немытым*'

Как уже было сказано, каритивные причастия не имеют залоговых противопоставлений, поэтому в некоторых случаях только контекстное окружение может дать представление о том, является ли актант, которому кореферентно каритивное причастие, пациенсом или совмещает роли пациенса и агенса; это касается причастий от глаголов со значением 'есть' и 'пить'. Каритивные причастия от глаголов *süüvvä* 'есть' и *jüuvva* 'пить', относящиеся к неличным существительным, ведут себя так же, как и от других глаголов:

9. a. Vesi jäi juu-matta
'вода осталась *невыпитой*'

b. Roopa jäi süü-mättä

‘каша осталась *несъеденной*’

Если же они относятся к личным существительным, то агентивное дополнение указывает на то, что другой актант выражает роль пациента (10a), при отсутствии агентивного дополнения единственный актант совмещает обе роли (10b):

10. a. Inimin on süü-mättä karulda

‘человек *не съеден* медведем’

b. Tämä izzä jäi süü-mättä, juu-matta

‘он сам остался *непоевшим, непившим*’

Представляется, что в примере (10b) «агентивность» единственного актанта нерелевантна, как в конструкциях с каритивными причастиями от рефлексивных глаголов, пример (8). Таким образом, вообще для семантики каритивных причастий релевантно отсутствие результата действия, а не наличие/отсутствие самого действия.

Каритивные причастия в спонтанной речи встречаются редко, заменяясь отрицательными конструкциями в перфекте и имперфекте. В текстах, записанных в XIX в., их также обнаруживается очень небольшое количество. Функции их в основном совпадают с описанными выше в современном языке:

11. a. Nõis' ilmä⁴ nõsatta-matta, wisiä wisittä-mättä [Ahlquist 1856]

‘встань *без поднимания*, проснись *без побудки*’

b. ...õlen kõlme päiwä jo sõ-mättä [Ahlquist 1856]

‘я уже три дня *не ем*’

c. ...akanat võtab tämä sutta-mattõma tulõ kukaa põlõtta (Matf. 3–12) [Mustonen 1883]

‘солому сожжет огнем *неугасимым*’

Только один пример неоднозначен:

12. Paikka paika pääl ilma nigla pissä-mättä? — Luukka [Mustonen 1883]

⁴ Предлог *ilmä* имеет значение ‘без’, однако вся конструкция не означает отрицание отрицания, для данного говора характерно в общем избыточное выражение отсутствия чего-либо с помощью данного предлога и абессива имени; отсутствие может выражаться и просто показателем абессива, предлог имеет усилительную функцию. В современном языке абессив уже практически не употребляется, его вытесняет аналитическая конструкция: вышеупомянутый предлог, управляющий именем в паргитиве.

Перевод загадки в тексте не дается, опуская каритивное причастие, переводим: «Заплата на заплатке без иголки [?] — Лук».

Глагол *pissä*, от которого образовано каритивное причастие, в словаре [Vadja 2000] дан с тремя значениями: 1. 'класть' 2. 'колоть' (в том числе безличное) 3. 'резать'. Причем во втором значении в качестве примера как раз приведена эта загадка, таким образом, перевод должен быть: «заплата на заплатке без иголки не колет/не колется», что, вообще говоря, не очень понятно. В сборнике русских загадок с пометой «Псковская губерния», т. е. в близком регионе, находим: «Заплата на заплатке, без иголки не сшить» [Загадки 1995: 120], правда, с отгадкой не «лук», а «кочан капусты», но это, как кажется, не очень принципиально. Таким образом, в словаре [Vadja 2000], возможно, ошибка, и каритивное причастие *pissämättä* означает 'не сшить, не сшитый' и в этом случае кореферентно пациенсу.

В синхронном срезе начала XX в., отраженном в [Ленсу 1930], в целом по говорам употребление каритивных причастий такое же:

13. *nurmõt meile iäivät siis tšülvä-mättä*

'поля у нас остались *незасеянными*'

Исключение составляет диалект деревни Куровицы, где, как видим, расширяется круг возможных семантических ролей актантов, кореферентных каритивным причастиям:

14. *lämit sauna sano-matta, too vesi verka-matta, külvätä ämä selkä küsü-mättä*

'стои баню *без приказа*, носи воду *без распоряжения*, выпарь спину све-крови *не спрашивая*'

Пример этот взят из свадебной песни, язык которой, естественно, более архаичен. Однако в [Ahlquist 1856] также есть свадебные песни, причем они отражают более ранний срез, чем середина XIX в., как писал А. Альквист, «включенные в работу песни, в основном, уже забыты водским народом», тем не менее в них каритивные причастия, которые встречаются редко, кореферентны только пациенсу (ср. взятый из песни пример 11а).

Вообще, куровицкий диалект представляет собой результат контакта водского и ижорского языков, по мнению П. Аристэ, в деревне Куровицы «влияние ижорского языка на водский так велико, что <...> язык, носящий название водского, является в действительности лишь диалектом ижорского языка» [Аристэ 1947: 46].

Анализ образцов ижорской речи, включающих тексты бытового характера, показывает, что в ижорских диалектах каритивные прича-

ствия практически не употребляются, в [Laanest 1966] был обнаружен только один пример:

15. lapsil se oli loppu-matto sõja maito

‘у ребенка этого было постоянно (букв. *некончающееся, бесконечное*) теплое молоко’

В этом единственном примере каритивное причастие кореферентно пациенсу.

В образцах карельской людиковской речи [Баранцев 1978] каритивное причастие также встречается только один раз и оно кореферентно пациенсу:

16. vic meil lehme anda-mata

‘у нас корова еще *не сдана*’

Образцы вепсской речи [Зайцева, Муллонен 1969] также демонстрируют малую употребительность каритивных причастий и их кореферентность только пациенсу:

17. kus sarjakod jades pala-matmad

‘где остаются *несгоревшие* головешки’

Образцы карельской ливвиковской речи [Макаров, Рягоев 1969] свидетельствуют о том, что в данном идиоме каритивные причастия могут быть кореферентны как пациенсу (примеры 18 а и b), так и агенсу (примеры 19 а и b):

18. a. kondian süö-mättäh piäziin

‘я осталась *не съеденная* медведем’

b. clettü valgei, elä-mätöi mustu

‘прожитое — светлос, *непрожитое* — темное’

19. a. kazvatiin ma hänen pakičče-mattah

‘вырастила я его *без попрошайничания*’

b. raadajan kädeh rattu, raada-mattomah kaksi

‘на руке у работающего мозоль, у *неработающего* — две’

В образцах речи тверских карелов [Макаров 1963] каритивные причастия могут быть кореферентны пациенсу (20 а и b), агенсу (21) и стимулу (22):

20. a. lečči-mätöin kibu janduw

‘*невылеченная* болезнь скажется’

b. *duid dui-mattmua vedāw*

‘битый *небитого* везет’

21. *ajarilda küžü-mätä ni midä ei voinun ruadua*

‘без *спроса* (букв. ‘не спрашивая’) помещика ничего нельзя было делать’

22. *elä-mätöin — tiedä-mätöin*

‘непрожитое — неведомое’

Материал финского языка был взят из [Дубровина 1972], сфера употребления каритивных причастий здесь значительно шире, чем в других прибалтийско-финских языках. Они могут быть кореферентны пациенсу:

23. *Vene syntyi veistä-mättä*

‘Лодка возникла без *строгания*’

агенсу:

24. a. *Hän makasi hievahta-matta*

‘он лежал *не шелохнувшись*’

b. ...he saattavat ratsastaa kymmenenkin päivää *nautti-matta* keitettyä ruokaa ja *teke-mättä* tulta

‘они могут скакать верхом десять дней, *не принимая* вареной пищи и *не разводя* огня’.

экспериментеру:

25. *Tuhanet turistit ovat käyneet Kasbekin juurella, näke-mättä* haamuakaan sen huipista

‘Тысячи туристов побывали у подножья Казбека, *не видел* и призрака его вершины’

стимулу:

26. *Rastas ilakoisti, musiikki soi ja lyhdyt tuikkivat kenenkään kuule-matta ja näke-mättä*

‘Дрозд ликовал, музыка играла, и факелы мерцали, но никто этого не слышал и не видел (букв. никем не слышимос и не видимос)’

Встретился такой пример, в котором на поверхностном уровне вообще не выражается актант, которому кореферентно каритивное причастие, его можно вычислить только из предшествующего контекста:

27. *Syö-mättä ja juo-matta oli päivä mennyt*

‘букв. *Не поев, не попив* прошёл день’

Тем не менее очевидно, что на глубинном уровне — актант, совмещающий роли агенса и пациенса.

В статье пока довольно бегло было рассмотрено, как выражение отрицания с помощью отрицательного глагола соотносится с аспектуальными и залоговыми противопоставлениями, а выражение отрицания каритивными причастиями — с семантическими ролями. Представляется, что даже предварительные выводы были бы преждевременны до того, как будет рассмотрена вся система отрицания в прибалтийско-финских языках, возможно, в ее связи и с какими-то другими категориями.

СОКРАЩЕНИЯ

ABL	аблатив	PF	перфект
GEN	генитив	PL	множественное число
INF	инфинитив	PRS	презент
IPF	имперфект	PTCP	причастие
NEG	отрицательный глагол	SG	единственное число
PART	партитив	TR	транслатив
PASS	пассив	1, 2, 3	1, 2, 3 лица

ЛИТЕРАТУРА

- Агранат 2002 — *Агранат Т. Б.* Живые процессы в вымирающем языке // Материалы 3-й международной школы-семинара по лингвистической типологии и антропологии. Москва, 31 января — 6 февраля 2002.
- Агранат 2008 — *Агранат Т. Б.* О двух типах пассивных конструкций в водском языке // Типология аргументной структуры и синтаксических отношений. Труды международного симпозиума LENCA-2. Казань, 11–14 мая 2004. Казань, 2008.
- Аристэ 1947 — *Аристэ П.* Происхождение водского языка // Филологические доклады на конференции по вопросам финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 г. Тарту, 1947.
- Баранцев 1978 — *Баранцев А. П.* Образцы людиковской речи. Петрозаводск, 1978.
- Дубровина 1972 — *Дубровина З. М.* Инфинитивы в финском языке. Л., 1972.
- Загадки 1995 — *Загадки русского народа.* М., 1995.
- Зайцева, Муллонен 1969 — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Образцы венской речи. Л., 1969.
- Ленсу 1930 — *Ленсу Я. Я.* Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Л., 1930.
- Макаров 1963 — *Макаров Г. Н.* Образцы карельской речи. Калининские говоры. Л., 1963.
- Макаров, Рягоев 1969 — *Макаров Г. Н., Рягоев В. Д.* Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л., 1969.
- Хакулинен 1953 — *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. 1. М., 1953.

- Хакулинен 1955 — *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. 2. М., 1955.
- Ahlqvist 1856 — *Ahlqvist A.* Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. V. I. Helsingforsiae, 1856.
- Comrie 1981 — *Comrie B.* Negation and other verb categories in the Uralic languages // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI. Turku, 1981.
- Honti 1997 — *Honti L.* Die Negation im Uralischen I // *Linguistica Uralica*. XXXIII. 2.
- Laanest 1966 — *Laanest A.* Isuri murdetekste. Tallinn, 1966.
- Mustonen 1883 — *Mustonen O. A. F.* Muistoonpanoja. Virittäjä, 1883.
- Savijärvi 1977 — *Savijärvi I.* Itämerensuomalaisten kielten kieltoverbi. I. Suomi. Helsinki, 1977.
- Vadja 2000 — *Vadja keele sõnaraamat IV / Toim. Adler E. ja Leppik M.* Eesti TA KK. AE Signalet. Tallinn, 2000.

Е. Л. ГРИГОРЬЯН

ОТРИЦАНИЕ, СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА И АКТАНТЫ

Анализ высказываний с отрицанием при глаголе позволяет обнаружить некоторые аспекты глагольной семантики, которые обычно скрыты при других употреблениях. Как известно, отрицание зачеркивает не все семы и таким образом дает возможность для выявления семантической структуры глагола. Не случайно отрицание относится к излюбленным приемам компонентного анализа.

При глаголах действия отрицание может затрагивать либо интерпретацию действия (характеристику, заложенную в способе номинации), либо собственно осуществление действия, либо его результат; отрицание также может касаться ответственности агенса или относиться исключительно к актантам.

1. Семантика глаголов и прежде всего глаголов действия, как правило, многослойна. Номинация действия может указывать: (а) на цель действия; (б) на способ его осуществления; (в) на результат. Эти три аспекта не обязательно совпадают. Отрицание, в свою очередь, может затрагивать какую-нибудь из этих сторон, не зачеркивая других. Ср. возможность двух прочтений для фраз типа:

(1) *Он не смешил гостей анекдотами.*

Данное высказывание может значить (а) 'не рассказывал анекдотов' — отрицание осуществления действия; (б) 'рассказывал, но гости не смеялись' — отрицание результата.

(2) *Гости ее не утомляли.*

Это может подразумевать (а) 'вели себя так, чтобы не утомить', т. е. не докучали — отрицание осуществления действия; (б) 'она не утомлялась', т. е. не уставала от гостей — отрицание результата. (Возможно также прочтение (в) 'гостей не было'; последний вариант будет рассмотрен далее).

(3) *Он не растворил сахар в стакане.*

Это может трактоваться как (а) 'не бросал сахар в стакан' — отрицание действия; (б) 'бросил, но сахар не растворился' — отрицание результата.

В таких контекстах существенна видовая форма глагола, ср.:

- (4) *Он их не пугал* — скорее значит «ничего не предпринимал для запугивания» — отрицание цели.
(5) *Он их не испугал* — значит «они его не испугались» — отрицание результата.

В различных контекстах с отрицанием может реализоваться одно из таких прочтений и таким образом могут противопоставляться действие — его цель или осуществление — и его результат, ср.:

- (6) *И вот — оскорблен я не был! Оскорбление было, но я его не почувствовал!* (Достоевский).

В последнем примере отрицается результат, но не само действие, направленное на такую цель. Характерно в данном случае употребление формы пассива, одним из основных значений которой является результативность.

2. Кроме того, отрицание может относиться не к самому факту действия и не к его результату, а к его интерпретации. Ср. пример из детского юмора:

- (7) — *Петя, ты почему обидел Вову?*
— *Я его не обижал, он сам обиделся. Я его только грязной водой облил.*

Петя не отказывается от собственных действий, он отказывается от трактовки обливания грязной водой как нанесения обиды.

Это один из характерных приемов самооправдания: отрицается вина, ответственность. В подобных случаях смысл отрицания не ‘я этого не делал’, а ‘я не виноват’. Аналогичное явление наглядно представлено в следующем английском примере, однако для его понимания необходимо сообщить предшествующий контекст: описывается нашествие ядовитых муравьев; несколько человек, в том числе офицеры, направлены в район бедствия; один из них посылает своего подчиненного инспектировать брошенный корабль, как оказалось, кишасий муравьями; вскоре тот погибает от укусов и перед смертью в бреду называет человека, пославшего его на корабль, убийцей; приводимый пример содержит реакцию последнего:

- (8) *"He says I murdered 'im", he protested. "It is simply absurd. Someone 'ad to go aboard. Are we to run away from these confounded ants whenever they show up? ... It was his place to go... He died in the execution of his duty. What has he to complain of? Murdered!..."* (H. G. Wells).

В данном случае отрицается, что приказ подняться на борт корабля может быть приравнен к убийству¹.

Возможность и степень вероятности такого прочтения отрицания связана с характером семантики самого глагола. Ю. Д. Апресян в докладе на конференции «Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка» в 2005 г. рассматривал, в том числе в связи с отрицанием, так называемые интерпретативы — глаголы, не обозначающие никакого действия, а только его интерпретацию — типа *грешить*, *предать*, *выручать*: в них подразумеваемое конкретное действие относится к пресуппозиции, а его интерпретация составляет ассертивную часть. Таким образом, выражения типа *он не оишбся* выражают несогласие с оценкой, интерпретацией действия, но не отрицают сам факт действия. Но таковы не все глаголы с оценочным компонентом значения. Так, по наблюдению Ю. Д. Апресяна, едва ли возможно *он не ютился* или *он не всучил* в смысле отрицания негативной оценки. Добавим, что такие высказывания прочитываются как отрицание факта самого действия или ситуации, т. е. *он не ютился в коммуналках* значит «не жил в коммуналках».

Однако следует отметить, что интерпретирующие глаголы на самом деле неоднородны и различаются в плане указания на конкретные характеристики действия. Это наглядно выступает в приведенном выше примере *он не ютился в коммуналках*, где явно доминирует денотативная составляющая² «обитать», однако вполне возможно *не ютился, а жил с комфортом* (или *это нельзя назвать словом «ютился»*; *нельзя сказать, что он ютился*) — в качестве ответной реплики, как опровержение сказанного ранее, или предполагаемого, или вытекающего из предшествующего контекста. Аналогично высказывания типа *не всучил* возможны не только в смысле «не отдал», «не смог навязать» (отрицание денотативной составляющей), но также в смысле неуместности такой трактовки действия: *не всучил, а предложил (отдал, продал)*, что иначе можно было бы выразить как «слово „всучил“ здесь неуместно». Ср. также эпизод, описанный в ростовской «Домашней газете» в репортаже о праздновании Пасхи на Дону: несколько «новых русских» во время освящения куличей и других продуктов высказали священнику претензию, что за те деньги, которые они пожертвовали, он мог бы и больше побрызгать.

(9) — *Я не брызгаю, а окропляю*, — ответил батюшка с неудовольствием, однако выполнил их пожелание.

¹ Кстати, отрицание здесь выражено не специфическим способом, т. е. не отрицательной частицей, а повторенное чужое утверждение опровергается последующим контекстом (другой вопрос — насколько убедительно).

² Термин заимствован из работы [Кустова 1992].

Как и в предыдущих примерах, отрицание указывает на неуместность данной номинации, тогда как само действие не отрицается.

Эти два аспекта семантики глагола часто бывает трудно разграничить или установить их соотношение, а возможно, это соотношение может варьировать в разных контекстах. Таким образом, противопоставление интерпретативов другим глаголам часто бывает относительно и условно: многие глаголы сочетают в своей семантике оба компонента или допускают оба прочтения. Глаголы в этом отношении действительно неодинаковы, но не в смысле существования жестких классов, предопределяющих, кроме прочего, семантику отрицания, а в плане предпочтительности одних или других интерпретаций, их большей или меньшей контекстной зависимости.

3. Помимо рассмотренных выше аспектов, отрицание при глаголе может затрагивать актанты; более того, оно может относиться исключительно к актантам, т. е. отрицать само существование соответствующих объектов и не затрагивать содержания самого глагола³. Ср. пример из телепередачи о пиратах:

- (10) *Он не взрывал форт со всеми [имеется в виду: находящимися там] людьми. Никаких людей там не было.*

В изолированном употреблении первое предложение могло бы получить интерпретацию «взрыва не было», т. е. «действие не имело места».

Аналогичный пример из телепередачи, посвященной Тутанхамону:

- (11) *Проломленный череп не был причиной гибели фараона.*

Имеется в виду, что череп, согласно результатам обследования мумии, не был проломлен, и таким образом опровергается одна из существующих версий. В нейтральном контексте предложение (11) скорее всего воспринималось бы иначе — что череп был проломлен, но фараон умер по другой причине⁴.

Во многих случаях отрицание при глаголе может быть с полным сохранением содержания перенесено на актант:

³ Это известное явление, т. н. «смещенное отрицание» (типа фр. *Tout ce qui brille n'est pas or* — «не всё то золото, что блестит», букв. «всё, что блестит, не есть золото»); Я. Г. Тестелец рассматривает его как случай несовпадения синтаксических и семантических зависимостей [Тестелец 2001: 168].

⁴ На самом деле отрицание относится не собственно к актанту, а к сочетанию *проломленный череп*, которое представляет собой свернутую пропозицию; для нас в данном случае существенно, что сфера действия отрицания сдвинута.

- (12) *Преступление не было совершено сумасшедшим = Преступление было совершено не сумасшедшим.*
- (13) *He was a sculptor, not a poet. The shell didn't kill him. It was an aeroplane* (Faulkner).
- (14) *Matches don't start forest fires; people do!* (плакат; приводится по [Nilssen 1973]).

В примерах последней серии действие не отрицается, наоборот, оно как раз утверждается, отрицание же полностью относится к актанту (сумасшедший, снаряд, спички), и все эти предложения могут быть соответственно перефразированы. Также характерно, что пример (13) представляет собой опровержение (вернее, уточнение) предшествующего высказывания в диалоге.

Разумеется, возможно и обратное: отрицание может относиться только к глаголу и не затрагивать актанты, их существование или присутствие в описываемой ситуации:

- (15) *Неизвестно почему, но Киев не нравился Максимилиану Андреевичу, и мысль о переезде в Москву настолько точила его в последнее время, что он стал даже худо спать. Его не радовали весенние разливы Днепра, когда, затопляя острова на низком берегу, вода сливалась с горизонтом. Его не радовал тот потрясающий по красоте вид, что открывался от подножия памятника князю Владимиру. Его не веселили солнечные пятна, играющие весной на кирпичных дорожках Владимирской горки. Ничего этого он не хотел, он хотел одного — переехать в Москву* (Булгаков).
- (16) *Даже двор еще не был огорожен забором, и только с одной стороны начинался новый плетень, с которого еще не успели осыпаться высохшие ореховые листья* (Достоевский).

Ср. возможное (и наиболее вероятное вне контекста) прочтение предложения *Двор не был огорожен забором* как «забора не было».

Итак, отрицание при глаголе может сводиться к отрицанию существования или присутствия в описываемой ситуации какого-либо из названных партиципентов, как в примерах (10), (11), (13), т. е. относиться только к актанту.

Встречаются и такие примеры, когда глагол семантически пуст, точнее, он указывает только на существование (а в отрицательной форме — на несуществование) объекта, обозначенного актантом. Примечательны случаи, когда значение глагола, изначально более содержательное, сводится к чисто экзистенциальному. Этот момент может обыгрываться в некоторых текстах, ср. пример из детской книги Астрид Линд-

грен «Пеппи Длинныйчулок». Описывается ситуация: дети видят в витрине магазина банку с надписью «Вы страдаете от веснушек?». Пеппи врывается в магазин и говорит продавщице, пожилой даме:

(17) --- *Нет, я не страдаю от веснушек!*

Продавщица восклицает: «Милая девочка, но ты же вся в веснушках!» — на что Пеппи отвечает:

— *Ну да, вот именно. Но я не страдаю от веснушек. Наоборот, они мне очень нравятся.*

Аналогичный пример из анекдота:

(18) [Психиатр]: *Вас не мучают ночные кошмары?*

[Пациент]: *Нет, я ими наслаждаюсь.*

Вопрос психиатра фактически значит «Бывают ли у вас ночные кошмары?». Стереотипный отрицательный ответ «Нет» (без комментариев) значил бы отсутствие ночных кошмаров. Однако в ответе пациента отрицание относится не к наличию кошмаров (оно как раз подтверждается), а к глаголу *мучить*, таким образом, оживляется и обыгрывается штамп.

4. Итак, отрицание при глаголе, как правило, неоднозначно, и то или иное прочтение почти во всех случаях подсказывается контекстом. Характерно, что многие из приводимых выше примеров требовали привлечения контекста или объяснения ситуации, о которой идет речь. Это закономерно, т. к. отрицательные высказывания не так независимы, как утвердительные. Отрицается либо то, что выражено в предшествующем контексте, либо нечто ожидаемое, часто — соответствующее привычному ходу событий и стандартным положениям дел.

Так, например, предложения *Дверь была открыта* и *Дверь была не закрыта*, хотя и описывают идентичные денотативные ситуации, с точки зрения прагматики неравноценны: в случае без отрицания просто сообщается некий факт, тогда как в случае с отрицанием сообщается, что наблюдаемое не совпало с ожидаемым.

Эта особенность отрицательных высказываний особенно явно выступает в описательных текстах, где глаголы указывают в первую очередь на существование (присутствие), иногда с некоторыми смысловыми довесками. Совершенно естественно, когда в описательном тексте упоминается то, что предстает перед глазами наблюдателя; но если упоминается отсутствие чего-то, это значит, что данный предмет был ожидаем, что он был бы естественным в этой обстановке, ср.:

- (19) *Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен: в углу, перед тяжелым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт...* (Тургенев).

Не залепляла в данном случае выступает в экзистенциальном значении, т. е. обозначает отсутствие, а не просто «не придавала неряшливый вид»; ср. выше комментарии к случаям типа *ютиться*.

Ср. также типичный пример из пособия для учителей средней школы [Капинос и др. 1994], где предлагается для изложения текст о доме-музее В. М. Васнецова:

- (20) *«Не из камня сложен, — вспоминал Ф. Шалапин, — был срублен из дерева. Внутри не было ни мягких кресел, ни кушеток. Вдоль стен сурово стояли простые дубовые скамьи, в середине — дубовый, крепко сложенный стол, простой, без скатерти, а кое-где расставлены были коренастые табуреты».*

Далее в комментарии для учителя отмечается: «Важную роль здесь выполняют предложения, в которых сообщается об отсутствии кресел и кушеток — этим подчеркивается необычность обстановки» (с. 79). Иначе говоря, в обычном доме должна была находиться мягкая мебель, а стол в типичном случае покрыт скатертью.

В любом тексте, и особенно наглядно в описательном, упоминается то, что привлекло внимание рассказчика или наблюдателя; это в еще большей степени относится к отсутствию.

ЛИТЕРАТУРА

- Капинос и др. 1994 — Капинос В. И., Сергеева Н. Н., Соловейчик М. С. Изложения: тексты с лингвистическим анализом. М., 1994.
 Кустова 1992 — Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действия в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
 Тестелсц 2001 — Тестелсц Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
 Nilsen 1973 — Nilsen D. L. F. The Instrumental Case in English. The Hague; Paris, 1973.

ОТРИЦАНИЕ В ГЛАГОЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ: ПРИ ГЛАГОЛЕ, В ГЛАГОЛЕ И ВО ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Исторически в языке сложились определенные формы жизни концепта «отрицание».

Частица «не» при глаголе — самый распространенный способ выражения отрицания. Глагол, выполняющий функцию предиката в предложении, по-разному выражает негативные смысловые оттенки: очевидным способом — при помощи отрицательной частицы «не» перед глаголом, и неочевидными способами — отрицательными компонентами в структуре глагольного значения. Мы рассмотрим два класса противоположных явлений: 1) редукцию отрицательных компонентов в глагольном значении в свободных и фразеологизированных конструкциях с отрицательной частицей «не» и 2) способы выражения отрицательных компонентов глагольного значения в свободных и фразеологизированных конструкциях без частицы «не».

Эксплицировать жизнь концепта «отрицание» в языке можно с опорой на модель рчеобразования и онтологически присущие языку концепты. Хотя процесс речи мгновенный, симультанный, в когнитивной лингвистике сформулированы некоторые теоретические постулаты о природе речевой деятельности. Приведем те из них, которые являются оправданными в наших рассуждениях. Для нас актуальны слова Э. Бенвениста о том, что смыслообразующим элементом любого высказывания (в том числе и содержащего отрицательную частицу «не») является ассерция: «К грамматической связи, объединяющей члены высказывания, имплицитно добавляется „это есть!“, которое устанавливает связь между языковым рядом и системой действительности» [Бенвенист 1974: 170]. Следовательно, в онтогенезе концепт «отрицание» существует вкупе и во взаимодействии с концептом «утверждение». Человеческий язык изначально служит способом постижения мира, осмысления его, осмысления говорящим качества этого осмысления и способом общения, поэтому каждое высказывание представляет собой коммуникативный образец, который скрывает сложную структуру отношений: а) отношения предикцируемого и предикцирующего компонента; б) отношения семантико-синтаксической структуры высказывания к действительности — с оценкой говорящего; в) отношение го-

ворящего к свойствам пропозиции и к способу выражения. Отрицание может относиться к любому из названных аспектов высказывания, при этом оно проецируется в грамматические категории и отражается в линейном устройстве предложения.

Акт предикации предполагает специфические в каждом конкретном случае параметры аппарата локации — временные и пространственные координаты, которые участвуют в создании смысловой структуры фразы. Мы исходим из того положения, что предикцируемый и предикцирующий компоненты «подготовлены к встрече друг с другом» [Степанов 1981; Hays 1986]. Глагол имеет разветвленную полисемию и различные «наборы» грамматических характеристик, потому что тема высказывания ищет «соответствия», «сочувствия» и «согласия» в глагольном признаке.

В качестве методологического конструкта используем такую схему: концепты «отрицание» и «утверждение» работают как операторы при речеобразовании. Их можно причислить к феномену «познания интуитивного, или когниции <...> когниция и концепт лежат в сфере „интуитивного предпознания“» [Демьянков 2005: 4–5]. Можно предположить, что эти концепты на начальном (довербальном) этапе создания высказывания сосуществуют в базовом концепте, входящем в интенцию говорящего, и соседствуют с оценочными шкалами, образуя стилистический модус высказывания.

«Отрицание» и «утверждение» взаимодействуют со всеми онтологически присущими языку концептами и категориями, прежде всего, с близкими категориями «Бытие» — «Наличие» (где-либо) — «Обладание». Аристотель относил эти категории к высшим сущностям объективного бытия. И в сфере «интуитивного предпознания» эти категории взаимодействуют с категориями «состояния», «действия», «каузации» вкупе с модусными, оценочными компонентами, образуя в линейно организованных конструкциях смысловые структуры с нюансами модальных значений.

Оценка — облигаторный компонент высказывания. Ср.: «Высказывание без оценки не построишь. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация» [Бахтин 1996: 303–323]; «оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 323], т. е. отношение говорящего обусловливает организацию предложения. Ср. также: «К человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению» [Мигунов 1986]; «говорящее сознание» [Бахтин 1998].

Изначально будем различать отрицание при глаголе и отрицательное значение пропозиции [Арутюнова 1988].

В глагольном значении негация может быть представлена с разной степенью очевидности: с использованием отрицательной частицы «не» перед глаголом, а также без частицы, с использованием словообразовательных формантов и их иноязычных аналогов. Исторически сложилась разная орфографическая практика: раздельное написание частицы «не», слитное написание, а также образование префикса *недо-*.

А. ОТРИЦАНИЕ ПРИ ГЛАГОЛЕ

Функция частицы «не» перед глаголом может быть двоякого рода: она может играть роль отрицания предикативного признака; например: *Не жалею, не зову, не плачу* (С. Есенин); *Не думаю, не жалуясь, не спорю* (М. Цветаева) — и она может быть элементом высказывания, в котором доминирует позитивный смысловой квант. В таком случае глагол вместе с частицей «не» является отдельной знаковой единицей, которая входит в синонимический ряд с лексемами без отрицания; например: *У них фрукты не переводятся* («всегда есть»); *На небе звезд не счесть* («много»). Такая модель безличного предложения с «застывшими» морфологическими характеристиками глагола выступает в качестве **усиления утверждения**, семантико-синтаксическая организация предложения сложным образом взаимодействует с лексическими элементами и морфологическими показателями. Схематически предикаты в предложениях с частицей «не» можно изобразить двумя способами:

$$P = \text{«не»} + V$$

$$P = (\text{«не»} + V).$$

Существование синтаксического образца выявляется его регулярной воспроизводимостью. По выражению Г. П. Мельникова, речевое общение — это непрерывная формализация и интерпретация смыслов через значения и значений через смыслы [Мельников 1978: 317]. Это подтверждает важность дискурсного подхода в исследовании, при котором каждое высказывание представляет собой фрагмент речевой канвы подобно элементу особой конфигурации в мозаичной картине.

1. «Лексикализация» отрицания. Частотные синтаксические образцы с частицей «не» при глаголе показывают, что в языке существует экспрессивный способ выражения ассертивного смысла. Историческая устойчивость таких образцов заставляет внести их в перечень средств, которые должны быть учтены при составлении «активной грамматики». Описание подобных типизированных форм выражения необходи-

мо для формирования коммуникативной компетенции; ср.: «...в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому — стереотип: я способен заговорить лишь в том случае, если начинаю подбирать то, что рассеяно в самом языке» [Барт 1989]. Некоторые исследователи для описания таких способов выражения употребляют термин «цитирование» [Kristeva 1980: 66; Гаспаров 1996: 14].

Можно выделить следующие разряды конструкций:

1. Предложения характеристики с отрицанием «не» при глаголе, имеющие общее значение «утверждение отрицательного предикативного признака как свойства, качества субъекта». При этом глагол обнаруживает морфологическую ригидность: как правило, это формы несовершенного вида настоящего времени (реже — прошедшего).

а) Предложения, обозначающие постоянный признак одушевленного субъекта глаголом в абсолютном употреблении в настоящем или (реже) в прошедшем времени; например: *Сосед не пьет, не курит; Куры не летают; Старик не слышал*. Т. В. Булыгина подобные случаи относит к классу примеров с «качественным» значением [Булыгина 1982: 52].

б) Предложения, обозначающие специфический признак одушевленного субъекта глаголом в настоящем времени с обязательным объектным распространителем; например: *Ален Делон не пьет одеколон (шансон); Кошки не едят баклажаны; Она не ест мясо*.

в) Предложения, обозначающие существующий во время произнесения речи признак субъекта; например: *Котята не видят, они недавно родились; Кошка не облизывается: заболела; Трамваи не ходили: было поздно; Стена не мажется, не пачкает(ся): высохла*;

г) Предложения, обозначающие «вневременное» свойство неодушевленного субъекта глаголом настоящего или (реже) прошедшего времени; например: *Эта ткань не мнется; Бумага не салилась; Наши законы не предусматривают обязательной аудиозаписи процесса (не говоря уже о видео)* (МК, 17.10.02).

д) Предложения с отрицательным модальным компонентом в глаголе, характеризующие лицо; например: *Он не водил машину («не умел водить»); Девушка не готовит («не умеет готовить еду»)*.

е) Предложения, обозначающие неисправное состояние механизма, устройства; например: *Машинка не шила; Почта не ходит (по Интернету); Молния не застегивается*.

2. Предложения с глаголами, имеющими значение «отрицательно оцениваемый говорящим признак». Частица «не» сообщает высказыванию положительный смысл.

В конструкциях с некаузативным глаголом. Некоторые глаголы с отрицанием *не*, которое пишется раздельно, преимущественно употребляются как «коммуникативные заготовки» для информации о позитивно оцениваемом положении дел; например: *Время не ждет; Работа не стоит* («Работа продолжается»); *Парень не подкачает; За мной не заржавеет*.

Стереотипные фразы с подчеркнутым положительным модальным компонентом в глаголе: *Он не преминул сказать об ошибках прежнего председателя правления; Они не упускали случая напомнить об обещаниях комиссии*.

Ср. также в предложениях с каузативным глаголом НСВ *переводиться*: *Старуха его работала санитаркой в больнице, поэтому спирт у них никогда не переводился* («всегда был в наличии». С. Соколов).

Глагол *убыть* с отрицанием *не* образует безличную конструкцию с подчеркнутым ассертивным компонентом; например: *Пускай говорит. От его слов тебя не убыдет!* (А. Островский; «ничего плохого не произойдет»).

II. Отрицательные предложения с частицей *не* при глаголе.

1. В предложениях с глаголами, имеющими фактическое значение (*входить, вписываться, идти кому-либо, хватать*), описывается положение дел, наличие чего-либо, отношение соответствия. Противоположное значение в конструкциях с отрицанием при глаголе: *Коробка не входила, не входит в пакет; Кресло не вписывалось, не вписывается в гостиницу, и его поставили в кабинет; Этот цвет ей не шел, не идет, не пойдет; Ей не хватает времени сделать это; Ему не хватало внимания, участия*.

2. В предложениях, имеющих пропозитивный субъект, отрицание *не* при глаголе *идти* в значении «получаться» узуально действует относительно модального компонента. Отрицательные предложения обозначают невозможность осуществления процесса; например: *Продвижение по службе не идет; Роль не идет; Учеба не идет*.

3. Отрицательный модальный компонент присутствует в предложениях с частицей *не* при глаголе *униматься*: обозначается, что нежелательное действие, с точки зрения субъекта речи, продолжает иметь место. При этом наблюдается морфологическая ригидность глагола: в нарративе он встречается в форме настоящего и прошедшего времени; например: *Ветер не унимается* (т. е. «имеет место»), *не унимался*.

4. Глагол *неймется* (простореч.) содержит отрицательный модальный компонент и формирует структуру безличного предложения

(употребляется только в 3 л. ед. ч.): предложения обозначают неконтролируемые, стихийные процессы и состояния, в которых нет места воле субъекта. Так говорят о том, кто не может (не в силах) унять, уговорить; ср.: [Дикой:] *Раз тебе сказал, два тебе сказал... тебе все пойдет!* (А. Островский).

5. Переходный глагол *невзлюбить* содержит отрицание относительно всей компонентной структуры: начальной фазы действия (формант *вз-*) и значения, выраженного корневой лексемой; например: *Я знаю, свекровь Таню невзлюбит.*

Б. ОТРИЦАНИЕ В ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСЕМЕ

Оператор «отрицание» в глагольной лексеме всегда связан с концептами «бытие» — «наличие», взаимодействующими с концептами «акциональность» / «неакциональность», «каузативность» / «некаузативность» и оценочными элементами.

I. Негация присутствует в событийных глаголах, обозначающих нежелательный, с точки зрения говорящего, результат для субъекта действия. Отрицательный квант становится очевидным при анализе словообразовательного значения и при определении доминанты синонимического ряда, в который входит префиксальный глагол. При этом важным фактором оказываются оценочные слова в структуре предложения, поскольку они подчеркивают «градуированность» предикативного признака [Арутюнова 1988: 202].

Различаем глаголы, обозначающие действие, замкнутое в сфере субъекта, и глаголы, имеющие объектные распространители.

1. В предложениях первого типа с глаголами, имеющими префикс *про-*; например: *проиграть*, *пролететь* (прост.), *прогореть* — отрицается положительный результат действия, названного корневым глагольным морфом: *Команда проиграла*. Высказывание является коммуникативным синонимом отрицательного предложения *Команда не выиграла*. Возможно введение отрицательного оценочного наречия; например, *Команда позорно проиграла*. С другими оценочными наречиями предикат не согласуется. Коммуникативный стереотип предложений с глаголом *проиграть* — обозначение итога, «результативного положения дел», поэтому глагольная форма совершенного вида более востребована в узусе, нежели обозначение процесса. Наречие *уверенно* содержит позитивную оценку говорящего, следовательно, следующие предложения являют образцы намеренного нарушения правил лекси-

ческого согласования, претендуют на языковую игру: *Чешская теннисистка *уверенно проиграла молодой спортсменке; Марат Сафин *уверенно проиграл сопернику* (радио, ТВ).

II. В предложениях второго типа описывается нежелательный результат, с точки зрения говорящего, для объекта действия. Оценочные слова невозможны. Если глагол имеет префиксы *о-*, *об-*, *за-*, *с-*, то Я-предложения окказиональны (ср.: **Я его обделил; *Я замучил котенка*), поскольку в них говорящий отрицательно оценивает свои действия. Ср.:

1. *Его ославили, опорочили, оклеветали.* У данных глаголов речи, имеющих негативную оценку говорящего, есть отрицательный компонент значения: «сказать о ком-нибудь то, чего нет в действительности». У мотивирующего глагола *славить* есть два противоположных значения: «хвалить, прославлять» и «хулить, ругать»; в данном случае имеет место второе значение. В формировании негативного значения главную роль играет корневой морф, словообразовательное значение абстрактно — «довести до результата».

2. *Его обнесли* («не дали есть, не подали блюда»); *обделили*; жаргонные выражения: *Его обули; Его одели*. Глагол обозначает «ступенчатое» событие; исходным пунктом события является процесс, конечный пункт — отрицание позитивного результата действия именно для данного объекта.

3. *Дети затаскали котенка; Путники загоняли, заездили лошадей; Врач залечил больного; Они замучили, задержали подчиненных.* Ср. также: *загубить, задушить, заморить, заносить (платье)*. В разговорной речи эти событийные каузативные глаголы СВ с префиксом *за-*, имеющие отрицательный бытийный квант — негативно оцениваемый говорящим исход для одушевленного объекта или итоговое состояние для неодушевленного объекта, довольно употребительны.

Разное значение приставки ведет к квазиомонимии: глагол *заездить* в профессиональной речи обозначает действие, положительно оцениваемое говорящим: «Научить лошадь ходить под седлом, подчиняться ездоку» (МАС); то же, что *объездить*.

III. Третья группа глаголов, сочетающая отрицательный компонент значения с оценкой говорящего, — глаголы восприятия. Их семантика имеет отличительные особенности: отрицательное оценочное наречие при таких глаголах делает высказывание синонимичным предложению с отрицанием «не» при глаголе. По заключению

Н. Д. Арутюновой, онтологически отрицательная оценка близка к отрицанию (Ср.: *Он тебя не слышит* и *Он плохо тебя слышит*): «Глаголы восприятия составляют первую группу предикатов колеблющейся семантики». Оценка нивелирует грамматические характеристики глагола, глаголы теряют морфологическую гибкость: только НСВ, настоящее и прошедшее время. При этом оценка показывает видение ситуации говорящим [Арутюнова 1988: 210–211].

IV. Глаголы с включенным оператором негации и оценочным компонентом.

1. Глаголы с отрицанием акционального значения и метафорическим компонентом, показывающим образное «видение» ситуации говорящим. Так, например, глаголы движения и глаголы локально направленного действия развили релятивное значение: «отрицание движения» — «как будто движение» — локальные отношения; например: *На губах бродила улыбка*; *На лице плавало блаженное выражение*; *Челка лезет на глаза*; *Тропинка ведет в гору*; *Выводы вытекают из результатов эксперимента*; *Комнату заливал мягкий утрешний свет*.

2. Глаголы с префиксом *недо-*, как и с префиксом *не-*, имеют значение «утверждение отрицательного характера предикативного признака», которое может формироваться оператором отрицания относительно модального компонента значения.

Отрицание в глаголах, имеющих префикс *недо-*, — это «отрицательная оценка говорящим последствия действия», связанная со значением глагола «мочь». Оценочное наречие в таких предложениях ненормативно. В этот разряд входят глаголы СВ и НСВ: *В войну дети недоедали*; *Мы недосмотрели за овцами*. Частотны глаголы СВ с результативным значением. Обычно далее описываются негативные последствия действия; например: *Мы недосмотрели за овцами, и они затоптали посевы*; *...В пансионе меня недоучили* (Достоевский).

3. Глагол *недоумевать* в современном русском языке — синоним глагола *сомневаться*. Он также может обозначать состояние человека, вызванное неясностью ситуации (МАС. Т. II). В глаголе скрытый отрицательный компонент; ср.: *Трое бойцов...с укором смотрели на командира, недоумевая, почему он до сих пор еще не открывает огня* (В. Кожевников).

4. Глагол *неистовствовать* имеет сложное значение: «показывать неспособность сдерживать проявление своих чувств». В структуре значения отрицательные модальные компоненты и каузативные компоненты «делать так, что» и «не делать так, чтобы». Высказывания с этим

глаголом имеют позитивный смысл; ср.: *Особенно неистовствовал матрос в рваном бушлате. Он подпрыгивал, хлопал в ладоши...* (Саянов).

V. Отрицание в структуре событийного глагола касается сем экзистенции и наличия. Предложения без очевидной оценки говорящего.

1. Предложения с каузативными переходными глаголами, содержащими отрицательный бытийный элемент значения, допускают пропозитивный распространитель; например: *Бухгалтеры обнуляли разницу; Они уничтожили следы; Его уволили; Его ушли с работы* (разг.); *Проезд запретили; Директора сместили; Вчера отменили приказ; Он разрушил старый сарай; Мы предотвратили осложнение после операции; Комитет запретил проведение соревнования; Письмо развеяло сомнения.*

2. Предложения с каузативными глаголами локально направленного действия, содержащими квант «отрицание», который действует относительно факта наличия объекта в определенном месте. В позиции прямого дополнения конкретное существительное со значением места. Это выявляется в дефиниции глаголов с префиксом *о-*: *освободить, опростать; Очистим двор от снега!*

3. Префиксальные некаузативные глаголы движения содержат бытийный компонент значения; например; ср.: *Сахар вышел* («у кого-л. сахара нет»); *Снег сошел; Тени исчезли; Процесс сошел на нет; Тревога ушла; Враг сгинул.*

Глагол *уйти*, с сильно редуцированным отрицательным компонентом, в просторечии имеет значение «быть реализованным (при продаже)». Высказывания имеют позитивную оценку; например: *Шапки ушли, быстро разошлись.*

4. В предложениях с предикатом *остались* отрицательная оценка говорящим ситуации наличия чего-л.: *Шляпы остались, не идут, не продаются.* Иной порядок слов в предложениях, обозначающих «ограничительное наличие» чего-л.; без отрицательной оценки говорящего; например: *Остались (только) шляпы, кепки.*

В безличных предложениях с отрицанием «не» при глаголе, обозначающих отрицание наличия, обязательна усилительная частица «ни»; например: *Не осталось ни грамма; Не осталось ни одной чашки.*

5. Предложения с глаголом *остаться* содержат модальный компонент и редуцируют отрицание, при этом говорящий создает фоновую картину необладания, ограничения возможностей; например: *Мне осталась одна забава...* (Есенин) — «больше ничего нет». Значение модального компонента «вынужденность» усиливается структурой

безличного предложения: *Ему осталось согласиться с этим предложением; Ему осталось занять эту должность.*

6. Каузативные посессивные переходные глаголы с префиксами *про-*; *с-*, *ис-* содержат негативную оценку. Преобладают результативные конструкции. Н. Д. Арутюнова называет их констатирующими [Арутюнова 1988]; напр.: *Это наследство он тоже проиграет; Опять профукал все деньги; Спустил отпускные; Истратил всю сумму; Мы исчерпали все доводы.*

7. В глагольной лексеме может быть двойное отрицание; например: *Кошку оставили, а котят отдали; Кошку оставим, а котят отдадим.* Глагол имеет значение «отрицание отчуждения собственности». В итоге — «кошка на месте».

8. Посессивный глагол *оставить* в другом значении также имеет двойное отрицание: отрицание продажи; ср.: *Сервиз оставила (для знакомой), не продавай его.*

9. Иноязычные глаголы, словообразовательная структура которых близка глаголам русского языка, также могут содержать отрицательный бытийный компонент значения; ср.: каузативные глаголы *нейтрализовать* и *нивелировать* имеют переносное значение «уничтожить»; напр.: *Нейтрализовать вредное влияние. Нейтрализовать противника. Нивелировать различия.*

10. Иноязычные двувидовые событийные глаголы с префиксами *де-* / *дез-* и *дис-* содержат отрицательный компонент значения, напр.: *дегазировать местность, дешифровать послание, дестабилизировать обстановку, демилитаризировать зону; Придется дисквалифицировать спортсмена.* В предложениях возможны оценочные наречия; например: *Они тщательно дегазировали местность; Мы плохо дешифровали послание.*

В. ОТРИЦАНИЕ В ПРОПОЗИЦИИ

1. По словам Н. Д. Арутюновой, «факт и элементарное событие различны в том отношении, что первый конституирован значением истины, второе — нечеткими актантными отношениями, вставленными в пространственно-временную рамку» [Арутюнова 1988: 157].

Сравним отрицательные предложения с событийным глаголом СВ *пройти* (*прошел, прошли*) в форме прошедшего времени и предложения с фактуальным глаголом. В первом случае возможна синтаксическая парадигма. Предложение с глаголом *пройти* имеет реальный или подразумеваемый пространственный распространитель; например:

Враг не прошел. Враг не пройдет. Спортсмен не прошел (не пройдет, не сможет пройти) к воротам. Иной характер отрицания в бытийных предложениях, оно соседствует с отрицательной аксиологической оценкой: *Дождь не прошел; Отек не прошел; Сердце не прошло.*

В ассертивные предложения с пропозитивным субъектом префикс *про-* привносит негативную оценку: *Каникулы прошли; Лето прошло.*

При описании положения дел, носящих характер закона, в отрицательных предложениях с глаголами НСВ в формах настоящего (реже — прош. или будущего времени) также присутствует негативная оценка говорящего; например: *Аллергия не вылечивается.*

2. Отрицание в предложениях с глаголами ментальной сферы. Отрицание при предикатах пропозиционального отношения (*считаю, полагаю, думаю*) Н. Д. Арутюнова называет внешним отрицанием. Эти глаголы формируют модусную часть высказываний. Они показывают, что говорящий осознает, что описываемое «положение дел» зависит от его взгляда на вещи. По мнению Шатуновского [Шатуновский 1993: 83], они соединяют субъект мнения с объектом, при этом в фокусе внимания говорящего — объект, а не субъект ментального действия; например: *Сосед не считает Андрея классным водителем* («Андрей не является классным водителем»). Отрицание, стоящее перед глаголом, относится к значению пропозиции, а не к модусу.

Отрицание при глаголе *знать*, в отличие от отрицания при других интенциональных глаголах, ограничивает ввод изъяснительных придаточных с союзом *что* в Я-предложениях. Так, например, для фразы: **Я не знаю, что солнце встает в шесть часов* — нужен «тяжелый контекст». Правильное предложение: *Я не знаю, когда встает солнце.*

Г. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Устойчивые синтаксические построения — свидетельство существования стереотипных речевых ситуаций. Такие смысловые блоки свойственны экспрессивной, эмоциональной разговорной речи. Смысл реплик становится очевидным в диалогах и полилогах. Их особенность состоит в том, что они имеют строго определенные константы в плане грамматической семантики, среди которых главным является интонационный рисунок. Это позволяет выражать негативный смысл и подчеркивать отрицательную оценку говорящего в предложениях без частицы «не» и акцентировать позитивную доминанту в предложениях с частицей «не». Именно к синтаксическим фразеологизмам можно отнести высказывание Г. Г. Гадамера: «Языковая форма выражения..., как

бы удачна она ни была, никогда не поспевает за тем, что пробуждается ею к жизни» [Гадамер 1991: 61].

1. Восклицательные предложения как ответные реплики без частицы «не» являются средством выражения отрицания, или утверждения отрицательного компонента; например: — *Покажут тут нам образцы?* — *Покажут!* (т. е. «не покажут»); — *Так я тебе и сказала!* (т. е. «не скажу»).

2. Восклицательные предложения с обязательным местоименным прилагательным *какой, какая, какое, какие* и интонационным рисунком ИК-7 [Русская грамматика]: — *А заработки там были хорошие?* — *Какие там были заработки!* (т. е. «плохие заработки»); — *А он о се-стре заботился?* — *Какое там заботился!*

3. Предложения с ограничительной частицей *только*: *Только и де-лает, что с дедушкой в шахматы играет.* Негация имеет место относительно не выраженных в предложении, но подразумеваемых («всех других») процессов.

4. Устойчивые фрагменты диалоговых взаимодействий с союзом *чтобы* показывают категоричное отрицание; например: *Чтобы он хоть раз соврал!*; *Чтобы мы жалели что-нибудь для собаки!*

5. Восклицательные повествовательные и вопросительные предложения, как правило, представляют отрицательные ответные реплики в диалогах, без частицы «не», с акцентированием значения валентного распространителя глагола; «эксплуатируется» обобщенная семантика местоименного слова; например:

а) *Было бы что защищать!*; *Было бы на что посмотреть!* *Было бы чем заняться!*; *Было бы о ком заботиться.* Предложения содержат категоричное отрицание базового бытийного компонента значения и ироничное отношение говорящего; это подчеркивается ирреальной модальностью — формой сослагательного наклонения глагола.

б) *Когда он выполнял свои обещания?* (т. е. «никогда не выполнял»); *И что она готовит на праздники?* (т. е. «ничего не готовит»).

в) Отрицательная конструкция с подчеркнутым модальным значением: — *Там поля. Он построит площадки для гольфа.* — *И кто у нас играет в гольф?* (т. е. «в гольф никто не играет, так что площадки строить не следует»).

6. Экспрессивные реплики с положительным смыслом, содержащие частицу «не»: — *Для въезда в эту страну теперь нужна виза.* — *А что мы там не видели?*

7. Устойчивые выражения разговорной речи с местоименными словами и с отрицанием «не» при валентном распространителе. Они

используются как средство экспрессивного утверждения; например: *О ком как не о детях заботиться!*; *О чем как не о работе думать!*; *Чем как не футболом мальчишке интересоваться!*; *Где как не дома отдыхать!*

8. Восклицательные ассертивные конструкции с частицей «не», в которых подчеркивается значение актанта; например: *Чего только я не передумала!*; *На войне чего не случается!*; *Где он только не побывал!*

9. Подчеркнутое согласие с собеседником в эмоциональной, семантически «пустой» реплике с отрицанием «не»: *И не говори, совсем морозов зимой не стало!* Ее можно истолковать как элемент уступительного значения.

Вывод. «Ассерция» и «негация» — бинарный концепт. Действует как оператор относительно сем разного уровня в диктумной и в модусной части высказывания; вкупе с оценочной палитрой. Отрицательный элемент значения в семантической структуре глаголов может быть очевидным и скрытым. Семантические нюансы взаимодействия негации с компонентами глагольного значения исторически сложились в стереотипных коммуникативных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1988 — *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // *Прагматика и проблемы интенциональности*. М., 1988. С. 7–44.
- Арутюнова 1988 — *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Барт 1989 — *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Бахтин 1998 — *Бахтин М. М.* Тетралогия. М., 1998.
- Бахтин 1996 — *Бахтин М. М.* Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1996. С. 303–323.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*. М., 1982. С. 7–85.
- Вольф 1985 — *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Гадамер 1991 — *Гадамер Г. Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.
- Гаспаров 1996 — *Гаспаров Б. М.* Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 14.
- Караулов 1987 — *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Демьянков 2005 — *Демьянков В. З.* Когниция и понимание текста // *Вопросы когнитивной лингвистики*. М.; Тамбов, 2005. № 3. С. 5–10.
- Мельников 1978 — *Мельников Г. П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.

- Мигунов 1986 — *Мигунов А. С.* Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопросы философии. 1986. № 7.
- Русская грамматика — *Русская грамматика*. Т. II. Синтаксис. М., 1980.
- Степанов 1981 — *Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Шатуновский 1993 — *Шатуновский И. Б.* Семантическая структура предложения. «связка» и нерелевантные слова // ВЯ. 1993. № 3. С. 76–85.
- Hays 1986 — *Hays D. G.* How many levels should a grammar recognize? // *Language and discourse: test and protest*. Amsterdam; Philadelphia. 1986.
- Kristeva 1980 — *Kristeva J.* Desire in Language. A Semiotic Approach to Literature and Art. New York, 1980. P. 66.

К. В. Антонян

СЕМАНТИКА НЕВОЗМОЖНОСТИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ФОРМЫ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ)

В работе будут рассмотрены формы потенциального наклонения (ФПН) в китайском языке.

Мы используем данный термин вслед за А. А. Драгуновым [Драгунов 1952: 117]. В отечественной литературе используются также термины «формы возможности и невозможности» [Яхонтов 1957: 154–155], «потенциальная конструкция» и «потенциальная форма» [Тань 2002: 314]¹.

ФПН, как правило, рассматриваются как производные от сложных глаголов результативной структуры, образуемые от них с помощью инфиксов *-de-* и *-bu-*. Так, например, от сложного глагола *kan-jian* ‘смотреть’ + ‘видеть’ — ‘увидеть’ могут быть образованы формы *kan-de-jian* ‘можно увидеть, видно’ (утвердительная форма, или форма возможности) и *kan-bu-jian* ‘невозможно увидеть, не видно’ (отрицательная форма, или форма невозможности). Таким образом, ФПН имеют структуру V-de / bu-C, где V — глагол, а C — дополнительный элемент (ДЭ), выраженный глаголом или прилагательным.

Инфиксы *-de-* и *-bu-* этимологически прозрачны. *Bu* представляет собой отрицание, свободно комбинирующееся с предикативами (глаголами и прилагательными) и способное к самостоятельному употреблению, а *de* восходит к полнозначному глаголу *de* ‘достигать, получать’ (и записывается тем же иероглифом).

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-04-00179а).

¹ Подробнее о подходах различных языковедов к анализу ФПН см. [Антонян 2003: 15–18, 53–55].

В ряде языковедческих работ [ср. Cartier 1972: 33] способность к инфиксации *de / bu* рассматривается как основной признак результативных глаголов, позволяющий отличать их от сложных глаголов, построенных по другим моделям.

Следует отметить, что три вышеуказанные формы (*V-C*, *V-de-C* и *V-bu-C*) появились независимо друг от друга и в разное время. Все они восходят к сериальным глагольным конструкциям. Наиболее раннего происхождения — форма *V-C*, возникшая в поздний период древнекитайского языка (III–V вв. н. э.) [Яхонтов 1965: 104]. Формы *V-de-C* и *V-bu-C* впервые фиксируются только в текстах раннего среднекитайского периода (VII–VIII вв. н. э.), причем первоначально форма *V-bu-C* имела не потенциальное, а фактическое значение (аналогично современной форме *mei V-C*, ср. *mei mai-dao* ‘не купил’, ‘не удалось купить’) [Sun 1996: 123, 175].

Отрицательные формы, по наблюдениям целого ряда языковедов [в частности, Яхонтов 1957: 158, Liu Yuehua 1989: 4, 13–14] значительно более употребительны, чем утвердительные². Утвердительные формы употребляются, как правило, в условиях явного или неявного противопоставления отрицательным, в частности, в общем вопросе альтернативной структуры или в риторическом вопросе.

Таким образом, основная сфера функционирования ФПН — вопрос и отрицание.

В дальнейшем изложении мы сосредоточимся в основном на отрицательных формах.

ФПН сложным образом взаимодействуют с модальными глаголами (с одной стороны, делят с ними сферу употребления, с другой — и сами могут комбинироваться с модальными глаголами).

Кратко условия употребления ФПН можно охарактеризовать следующим образом. ФПН употребляются тогда, когда действие как таковое (обозначенное первым компонентом — *V*) осуществимо, а его результат (обозначенный вторым компонентом — *C*) является желательным, и субъект действия прилагает все усилия для того, чтобы достигнуть этого результата. Таким образом, невозможность достижения результата оказывается обусловленной причинами, не зависящими от субъекта действия.

Ч. Ли и С. Томпсон, анализируя употребление формы *tiao* (‘прыгать’)-*bu* (‘не’)-*guoqu* (‘переместиться’) — ‘не быть в состоянии пере-

² В ходе подсчета числа утвердительных и отрицательных форм в произведениях современной художественной литературы на китайском языке нами были получены такие соотношения, как 2:48 и 2:62 [Антонян 1992: 63].

прыгнуть', указывают, что данная ФПН может быть употреблена тогда, когда действие *tiao* 'прыгать' как таковое осуществимо, недостижим лишь результат — *guoqu* 'переместиться', т. е. 'перепрыгнуть'. Если же действие 'прыгать' неосуществимо (например, у субъекта действия сломана нога), должна быть употреблена другая конструкция — с модальным глаголом *peng* 'мочь': *bu peng tiao-guoqu* 'не мочь перепрыгнуть' [Li & Thompson 1981: 57]³.

Если искать функциональные параллели китайским ФПН в русском языке, то можно привести, во-первых, формы простого будущего времени в определенных контекстах, а во-вторых, простые инфинитивные предложения. Приведем примеры того и другого.

«Послушай еще: я ведь не вздор говорю; я согласен, во всем Петербурге не найдешь такого почерка, как твой почерк» (Ф. М. Достоевский). По мнению авторов «Русской грамматики», временное значение в данной форме (*не найдешь*) осложнено модальным значением невозможности осуществления [РГ-1: 630].

«Я сейчас не могу вспомнить, как переживали олепинские жители самый первый увиденный ими фильм, как не вспомню, о чем был этот фильм» (В. А. Солоухин). Анализируя этот пример, авторы «Русской грамматики» пишут: «В сочетании с отрицанием форма будущего простого может употребляться для выражения невозможности осуществления действия в момент речи... Таким образом, в подобных случаях представлена одна из разновидностей настоящего неактуального (эта разновидность... называется настоящим потенциальным)» [РГ-1: 634].

Примеры инфинитивных предложений со значением невозможности: *Ему не разобраться самому; На пароме не протолкнуться; Гостей не счесть; Этот ущерб ни измерить, ни взвесить*. «Русская грамматика» характеризует эти предложения как предложения со значением объективной предопределенности, которое конкретизируется как неизбежность, долженствование, предстояние, вынужденность, возможность или невозможность...» [РГ-2: 373].

Как А. М. Пешковский, так и А. А. Шахматов характеризуют инфинитивные предложения как предложения с оттенком объективной необходимости [Пешковский 2001: 381; Шахматов 2001: 106].

Ср. употребление инфинитивных предложений в стихотворении И. А. Бунина «Да, уж не будет, нет возврата...», написанном в 1922 г.:

³ Тань Аошуан полагает, что в случае, когда субъект не может прыгать вообще, более уместной является форма *bu peng tiao* 'не может прыгать' [Тань 2002: 318].

Да, уж не будет, нет возврата
К тому, чем жили мы когда-то.
Потерь не счесть, не позабыть,
Пощечин от солдат Пилата
Ничем не смыть и не простить,
Как не простить ни мук, ни крови,
Ни содроганий на кресте
Всех убиенных во Христе,
Как не принять грядущей нови
В ее отвратной наготы.

[Бунин 1999: 230]

Инфинитивы обозначают полную, абсолютную невозможность осуществления действия, гораздо более категорическую, чем формы с модальными глаголами (*мы не сможем простить, мы не сможем приять* и т. п.). В значении инфинитива, по сравнению с конструкциями с модальными глаголами, есть оттенок непреодолимости: невозможность события обусловлена некими силами и обстоятельствами, не зависящими от воли действующего лица. Не случайно у этих форм нет симметричных им утвердительных форм. Обозначаемая инфинитивом невозможность — это невозможность, уже не зависящая от воли субъекта действия.

В этом отношении русские инфинитивные предложения очень похожи на китайские предложения со сказуемым, выраженным ФПН.

Выше мы рассмотрели ФПН, которые могут рассматриваться как производные от сложных глаголов (V-C). Однако в китайском языке существуют ФПН других типов, не имеющие «исходного» сложного результативного глагола. (Поэтому некоторые исследователи, в частности Лю Юэхуа, рассматривают ФПН как самостоятельную систему форм.) Эти ФПН образуются от глаголов путем прибавления *de-liao* / *bu-liao*, *de* / *bu-de*, *de-cheng* / *bu-cheng*, *de-qi* / *bu-qi* и некоторых других компонентов [подробнее см.: Яхонтов 1957: 156–157]. Они обозначают не невозможность достижения некоторого результата, а невозможность осуществления действия (обозначенного глаголом) как такового. Все вышеперечисленные формативы различаются по значению, выражая различные аспекты невозможности.

Наиболее общим значением возможности/невозможности (и, соответственно, наиболее широкой сочетаемостью) обладают ФПН, образованные с помощью морфемы *liao* (соотв. *de-liao* и *bu-liao*). Исходное лексическое значение этой морфемы — ‘завершить’; к ней же восходит показатель совершенного вида *le*. По данным, полученным нами по

«Словарю сочетаемости глаголов» [DCYF], с помощью de-liao / bu-liao могут быть образованы формы потенциального наклонения от 71% представленных в данном словаре глаголов (а если считать за один глагол лексико-семантические варианты, представленные в разных словарных статьях — от 74% глаголов).

Авторы словаря DCYF выделяют у ФПН с liao два значения [DCYF: 12].

(1) Есть или нет возможность или способность осуществлять действие, обозначенное глаголом. Ср.:

Fanwen wo fanyi- bu- liao.
санскрит я переводить ИНФ ДЭ
С санскрита я переводить не могу.

Yangrou wo chi- bu- liao.
баранина я есть ИНФ ДЭ
Баранину я есть не могу (здоровье не позволяет).

(2) Есть или нет возможность довести действие, обозначенное оформляемым глаголом, до конца. Ср.:

Zheme duo waiwen ziliao san tian ke fanyi- bu- liao.
так много иностр. языки материалы три дня МЧ переводить ИНФ ДЭ
Так много материалов на иностранных языках за три дня не переведешь.

Cai tai duo le, genben jiu chi- bu- liao.
блюда слишком много МЧ совершенно МЧ есть ИНФ ДЭ
Блюд слишком много, совершенно невозможно их все съесть.

Как уже упоминалось, ФПН могут образовываться и с помощью других формативов. При этом выражаются различные смысловые оттенки. Ср. следующие примеры ФПН от глагола rao 'бежать', образованные с помощью разных ДЭ:

Ta rao- de- liao yi wan mi ma?
он бежать- ИНФ ДЭ один 10 000 метры ВЧ
Он может бежать на десять тысяч метров?

ФПН на de-liao с наиболее общим значением обозначает способность некоторого лица бежать дистанцию десять тысяч метров.

Xiao Chen rao ba bai mi lao rao- bu- hao.
Сяо Чэнь бежать 800 метры всегда бежать ИНФ хороший (ДЭ)
У Сяо Чэня никогда не получалось хорошо пробежать дистанцию 800 метров.

Морфема hao в самостоятельном употреблении имеет значение ‘хорошо’; ФПН на bu-hao выражает значение неспособности обсуждаемого человека пробежать дистанцию хорошо.

Jintian xia da yu, rao bu rao- bu- cheng le.
сегодня идти сильный дождь бегать шаги бегать ИНФ ДЭ МЧ
Сегодня сильный дождь, побегать не придется.

ФПН на bu-cheng (одно из знаменательных значений морфемы cheng — ‘реализовать(ся)’) выражает невозможность осуществления действия rao bu ‘бегать’ в силу наличия неблагоприятных внешних обстоятельств.

Wo niansui da le, rao- bu- dong le.
я возраст большой МЧ бегать ИНФ двигаться (ДЭ) МЧ
Я уже старей, бегать уже не могу.

ФПН образована с помощью морфемы dong ‘двигаться’; подчеркивается то, что действие неосуществимо из-за плохого физического состояния («с места не могу сдвинуться»).

Некоторые ФПН, в частности формы на de-liao / bu-liao, могут быть образованы не только от глаголов, но и от прилагательных. Важно отметить, что ФПН, образованные от прилагательных, могут иметь несколько иное грамматическое значение, чем отглагольные ФПН.

В современном китайском языке прилагательное по своим свойствам чрезвычайно близко к глаголу. А. А. Драгунов и С. Е. Яхонтов объединяют глаголы и прилагательные в системе частей речи китайского языка в одну общую категорию — категорию предикатива [Драгунов 1952: 12, 159; Драгунов 1962: 63–68; Яхонтов 1957: 12–13]. Важнейшими чертами категории предикатива, в противоположность категории имени, являются следующие: способность самостоятельно, без связи, выступать в роли сказуемого; способность сочетаться с отрицаниями bu и mei.

Американский исследователь Чжао Юаньжэнь рассматривает прилагательное как один из подтипов глагола, называя слова этой категории как прилагательными, так и непереходными глаголами со значением качества (intransitive quality verbs). Наряду с этой категорией Чжао Юаньжэнь выделяет также глаголы состояния (status verbs), являющиеся непереходными, и переходные глаголы со значением качества (transitive quality verbs) [Chao 1968: 662–670]. Свойства прилагательных и глаголов состояния оказываются во многом сходными, различаясь в основном типичностью и частотностью.

Вообще говоря, формы потенциального наклонения выражают возможность или невозможность достижения именно нужного, желательного результата. Второй компонент (С) обозначает некоторое положение вещей, к которому стремятся, а первый (V) обозначает способ достижения этого положения вещей. Ср.: kan-de-jian 'видно' и kan-bu-jian 'не видно': второй компонент jian 'видеть' — это то, к чему стремятся, а kan 'смотреть' — способ достичь этого положения вещей (чтобы было видно). По выражению Р. Ильича, как результативные глаголы, так и формы потенциального наклонения являются телеономическими (*téléonomiques*) [Iljic 1989: 50–51]. По мнению Ч. Ли и С. Томпсон, именно ненужность и нежелательность тех или иных положений вещей (результатов) делает формы потенциального наклонения от некоторых РК семантически неприемлемыми, так как людям несвойственно стремиться к таким результатам, как 'устать' или 'умереть' [Li & Thompson 1981: 84].

Как обстоит дело с ФПН на de-liao / bu-liao?

ФПН на de-liao / bu-liao с первым компонентом — глаголом, как и ФПН вида V-de / bu-C, производные от сложных результативных глаголов V-C, являются телеономическими: только, в отличие от ФПН вида V-de / bu-C, целью является не некоторый внешний результат, а осуществление или доведение до конца самого действия, обозначенного первым компонентом. Само осуществление этого действия представляет собой нечто желательное для говорящих, то, к чему они стремятся.

Теперь рассмотрим ФПН на de-liao / bu-liao с первым компонентом — прилагательным.

Если обозначить значение первого компонента (прилагательного) как А, то первое значение ФПН с первым компонентом — прилагательным — 'положение вещей А может / не может наступить', ср.

Ta ziji ye zhidao hao- bu- liao.

Она сама тоже знать здоровый ИНФ ДЭ

Она и сама знала, что не сможет выздороветь (не сможет стать здоровой) [Яхонтов 1957: 157; Горелов 1989: 41].

Положение вещей hao 'быть здоровым' является желательным, но в момент речи не имеет места, для его достижения необходимы и, вероятно, предпринимаются меры.

Такое значение вполне стандартно для ФПН и, по сути, не отличается от первого значения ФПН с первым компонентом — глаголом (см. выше).

Однако ФПН на de-liao / bu-liao с первым компонентом — прилагательным может иметь и другое значение — эпистемическое (оценочное).

Рассмотрим пример, приводимый С. Е. Яхонтовым:

Tamen de shengyin, bi zai huanggua huashang weng-weng fei zhe de mifeng de shengyin **da-bu-liao** duoshao.

Их голоса были ненамного громче (досл. 'не могли стать насколько-нибудь громче') жужжания пчел, летавших над цветами огурцов [Яхонтов 1957: 157].

Заметим, что речь здесь явно идет не о стремлении беседующих людей говорить громче, чем жужжат пчелы, а об оценке говорящим громкости их голосов: голоса говорящих *вряд ли могли быть оценены* как сколько-нибудь более громкие, чем жужжание пчел. ФПН **da-bu-liao**, образованная от прилагательного **da** 'громкий', имеет не телеономическое, а эпистемическое значение.

Как представляется, эпистемическое значение очень характерно для ФПН с прилагательными на **de-liao** / **bu-liao**.

«Словарь сочетаемости прилагательных» (XRCYF) приводит примеры подобных форм практически для всех включенных в словарь лексем. Большинство этих ФПН имеет именно второе — эпистемическое — значение: насколько вероятно то, что имеет место положение дел, обозначенное первым компонентом — прилагательным? Как указывают авторы словаря, наиболее часто эти формы употребляются в вопросительных (форма на **de-liao**) и в отрицательных предложениях (форма на **bu-liao**) [XRCYF: 2].

Приведем примеры.

Jiāglāi zhè ge hái zi **huai- de- liao** ma?

Будущееэтот КЛ ребенок плохой ИНФ ДЭ ВЧ

— **Huai- bu- liao**

Плохой- ИНФ ДЭ.

Неужели этот ребенок сможет вырасти плохим человеком? — Не сможет [XRCYF: 130].

Понятно, что 'стать плохим' не является чьей бы то ни было целью. Собеседники лишь обсуждают вероятность этого события.

Tā de shēncái **ai- de- liao** ma? — **Ai- bu- liao.**

Он АЧ рост низкий ИНФ ДЭ ВЧ Низкий ИНФ ДЭ

— Может ли он оказаться человеком небольшого роста? — Не может [XRCYF: 2].

Речь здесь не может идти о чьих-либо стремлениях и возможности их реализовать (рост человека не зависит от его усилий и желаний; в самом крайнем случае — его можно несколько увеличить, но не уменьшить). Цель этого высказывания — оценка вероятности некоторого положения вещей.

Kan ta de yangzi, gan shenme ye **ben- bu- liao**.

Смотреть он АЧ вид делать что-л. тоже тупой ИНФ ДЭ

Судя по его виду, он с любым заданием справится (букв. 'что бы ни пришлось делать — тупым он не окажется') [XRCYF: 17].

Понятно, что 'быть тупым' не может быть ничьей целью; речь идет об оценке вероятности этого события.

Как представляется, приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что свойства некоторых морфологических конструкций с первым компонентом — прилагательным несколько отличаются от соответствующих глагольных. Так, форма потенциального наклонения на *de-liao / bu-liao* в том случае, если в ней участвует прилагательное, имеет несколько другое значение, чем если в ней участвует глагол. ФПН на *de-liao / bu-liao* с первым компонентом — прилагательным может иметь не только значение возможности/невозможности (как ФПН с первым компонентом — глаголом), но и эпистемическое (оценочное) значение, причем именно оно является более типичным и более частотным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЧ — вопросительная частица	КЛ — классификатор
ДЭ — дополнительный элемент	МЧ — модальная частица
ИНФ — инфлекс	ФПН — формы потенциального наклонения

ЛИТЕРАТУРА

- Антонян 1992 — *Антонян К. В.* Синтаксические функции форм потенциального наклонения глаголов в современном китайском языке // Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы VI Всероссийской конференции. М., 1992. С. 62–66.
- Антонян 2003 — *Антонян К. В.* Морфология результативных конструкций в китайском языке. М., 2003.
- Бунин 1999 — *Бунин И. А.* Стихотворения. Переводы. (Библиотека классической поэзии). М., 1999.
- Горелов 1989 — *Горелов В. И.* Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1989.
- Драгунов 1952 — *Драгунов А. А.* Исследования по грамматике современного китайского разговорного языка. М.; Л., 1952.
- Драгунов 1962 — *Драгунов А. А.* Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962.
- Пешковский 2001 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

- PI-1 — Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
 PI-2 — Русская грамматика. Т. 2. М., 1982.
 Тянь 2002 — *Тянь Аоцунан*. Проблемы скрытой грамматики. М., 2002.
 Шахматов 2001 — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., 2001.
 Яхонтов 1957 — *Яхонтов С. Е.* Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.
 Яхонтов 1965 — *Яхонтов С. Е.* Древнекитайский язык. М., 1965.
- Cartier 1972 — *Cartier A.* Les verbes résultatifs en chinois moderne. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1972.
 Chao 1968 — *Chao Yuen-ren.* A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley: Univ. of California Press, 1968.
 Iljic 1989 — *Iljic R.* A propos des composés verbaux V-O et V₁V₂ en mandarin / J.-J. Franckel (ed.) // La notion de prédicat. Programme "Invariants langagiers". Collection ERA 642 (URA 1028). P.: Université Paris 7, 1989. P. 39–57.
 Li & Thompson 1981 — *Li C. N., Thompson S. A.* Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California press, 1981.
 Sun 1996 — *Sun Chaofen.* Word Order Change and Grammaticalization in the History of Chinese. Stanford University Press, 1996.
- На китайском языке:*
 DCYF — Dongci yongfa cidian. Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 1987 (Словарь сочетаемости глаголов. Шанхай, 1987).
 Liu Yuehua 1989 — *Liu Yuehua.* Keneng buyu yongfa de yanjiu // Hanyu yufa lunji. Beijing: Xiandai chubanshe. 1989. P. 1–28 (*Лю Юэхуа*. Дополнительный элемент со значением возможности // *Лю Юэхуа*. Сборник работ по грамматике китайского языка. Пекин, 1989).
 XRCYF — Xingrongci yongfa cidian. Changsha: Hunan chubanshe, 1993 (Словарь сочетаемости прилагательных. Чанша, 1993).

ОТРИЦАНИЕ В ЯЗЫКАХ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ (КЕТСКОМ, СЕЛЬКУПСКОМ, ЭВЕНКИЙСКОМ)

В статье рассматриваются способы выражения отрицания в селькупских, кетских и эвенкийских говорах бассейнов Среднего и Верхнего Таза и Среднего Енисея (отрицательные словообразовательные и словоизменительные аффиксы, отрицательные частицы, местоимения, наречия и отрицательные глаголы) и употребление каждого из способов в текстах на этих говорах. Рассматриваемые говоры неродственных языков интенсивно контактировали в течение длительного времени, поэтому при сравнении как существующих в них средств выражения отрицания, так и употребления этих средств в текстах возможно выявление некоторых ареальных черт. Материалом служат селькупские, кетские и эвенкийские устные тексты разного жанра (фольклор, рассказы о жизни, охотничьи рассказы)¹.

1. Северные селькупские говоры. В селькупском языке отрицание может выражаться с помощью отрицательных частиц, отрицательных глаголов и специальных словообразовательных и словоизменительных морфем.

Употребление двух исконно селькупских **отрицательных частиц** *ašša* (*aša*, *ašš*, *aš*) и *yky* (по мнению Г. Н. Прокофьева [1935], обе они восходят к глаголам) четко дифференцированно.

Частица *yky* употребляется только с глаголами в форме императива и опатива:

(1)	<i>te</i>	<i>mašip</i>	<i>yky</i>	<i>qat-al-py-nylyt</i>
	ВЫ.РЛ.НОМ	ИСГ.АСС	NEG	царапать-СЕМ1.-ИПФV-ИМП.2.РЛ.СBJ/OBJ

‘Вы меня не трогайте [= не приставайте ко мне]!’

Статья подготовлена в рамках проектов «Взаимодействие сегментного и супraseгментного уровней в фонетике языков Сибири (на материале контактирующих языков среднего течения Енисея и сопредельных территорий)», грант РФФИ 05-06-80234 и «Изменяющаяся Россия в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков», грант РГНФ 07-04-00332а.

¹ Помимо полевых записей автора, сделанных в 1996–2008 гг., использовались также опубликованные тексты: селькупский материал — [Прокофьев 1935; Очерки 1993; Казакевич 2000; 2002; 2008; Казакевич и др. 2008], кетский материал — [Дульзон 1966; 1969; 1972; Казакевич и др. 2008]; эвенкийский материал — [Василевич 1966].

- (2) *yky čūry-lä-k*
NEG плакать-ОПТ-1PL.SBJ

‘Не буду-ка я плакать!’

Частица *ašša* употребляется, прежде всего, со всеми личными формами глагола, кроме императива, оптатива и прошедшего времени индикатива:

- (3) *təp tom-n-ut a ukōn ni'čyk ašša ē-kk-any*
3SG.NOM говорить-PRS-3SG.OBJ а прежде так NEG быть-EVID.3SG.SBJ

‘Он говорит: «А прежде так не бывало [= не бывает], вроде’

- (4) *ily-mp-ṣj soma-k ṇānty aš tōty-mp-ṣj*
жить-PSTN-3DU.SBJ хороший-ADVZ вместе NEG ругаться-PSTN-3DU.SBJ

‘Жили хорошо, друг с другом не ругались’

- (5) *tōt-enD-ak rušy-sa ašš tōt-enD-ak*
ругаться-FUT-1SG.SBJ русский.SG-INS NEG ругаться-FUT-1SG.SBJ
rušy-sa ašš tōt-enD-ak qas-s-ak
русский.SG-INS NEG ругаться-FUT-1SG.SBJ уйти-PST-1SG.SBJ

‘Ругаться я буду с русским (что ли)? Не буду ругаться, ушел я’

Как правило, *ašša* стоит непосредственно перед глагольной формой, но возможна и дистантная позиция со стоящим между частицей и глаголом прямым дополнением:

- (6) *mat tom-n-ak ašša ūčy-qo kyk-ak*
я.NOM говорить-PRS-1SG.SBJ NEG работать-INF хотеть-1SG.SBJ

‘Я сказал: «Не хочу работать!»’

- (7) *ašša šjnty kekk-alt-ent-ak ašša ūčy-qo kyk-ak*
NEG 2SG.ACC мучиться-CAUS-FUT-1SG.SBJ NEG работать-INF хотеть-1SG.SBJ

‘Я тебя не замучаю’

Ašša употребляется и с неличными глагольными формами, выражающими дополнительный предикат в полипредикативных конструкциях — инфинитивом и деепричастием:

- (8) *a šölqum-ira-t-kjnyk kypā ṣtā-lip*
а селькуп-мужчина.SG-GEN-DATALL маленький.AUG олень-PEJ.SG.NOM
qas-y-nity-nt-yṣ. qarj amna-n aša qu-qo-nlō.
оставить-PSTN-EVID-3SG.SBJ вроде голод.SG-GEN NEG умереть-INF-POSS.2/3SG

‘А селькупу маленько оленішек оставил, вроде, чтобы с голоду не умер он’

- (9) *pakä-l' nōqyr tīmāa-sy-t qai-p ašša tēnūmy-lā 5mt-5tyn*
 Чирок-ATR три брат-FAM-PL.NOM что-ACC NEG знать-CVB сидеть-3PL.SBJ/OBJ
 ‘Три брата Чирка, ничего не зная, сидят’

К приглагольному примыкает употребление *ašša* с давним заимствованием из русского языка *nōtna* ‘надо’, всегда используемым предикативно:

- (10) *mākkä nīl'čy-l' iḡkalyt' ima ašša nōtna.*
 я.DATALL так-ATR ленивый женщина.SG.NOM NEG надо

‘Мне такая ленивая жена не нужна’

Возможно также употребление *ašša* с существительными, прилагательными, местоимениями и наречиями:

- (11) *ašša qum jowal na tti-nt-y*
 NEG человек.SG.NOM дьявол.SG.NOM это прийти-EVID.PRS-3SG.SBJ

‘Не человек, дьявол вот пришел, вроде’

- (12) *na ašša on-ty porqy-ty na tō mōrō-qyt*
 это NEG сам-3SG парка.SG.NOM-POSS.3SG это тот конец.SG-LOC

ē-pp-a əsy-n-ty porqy-ty
 быть-PTN-3SG.SBJ отец.SG-GEN-POSS.3SG парка.SG.NOM-POSS.3SG

‘Это не его собственная парка, это в конечном счете была его отца парка’

- (13) *ašša mat ičukəčyka-ḡḡk*
 NEG я.NOM Ичакэчика-VBLZ.1SG

‘Не я Ичакэчика!’

- (14) *aš kunDyk na ē-nD-y puškat*
 NEG долго вот быть-EVID.PRS-3SG.SBJ ружье.SG.NOM

pass-ēj-nt-y.
 лопнуть-PFV.INTS-EVID.PRS-3SG.SBJ

‘Не много времени, вроде, прошло [= недолго, вроде, есть], ружье выстрелило [= лопнуло, бухнуло]’

Частица *ašša* может употребляться и самостоятельно в альтернативном вопросе или при отрицательном ответе на вопрос или просьбу:

- (15) *lōs-ira mōt-qyn-ty tti-kk-any i ija-ja*
 один-раз чум.SG-III-POSS.3SG прийти-NABIT-EVID.3SG.SBJ и мальчик-DIM.SG.NOM
myka-sä sajar-oj-my-mpa-ty qaj cōšy-ḡ qaj ašša
 игла-мужчина.SG-INS пробовать-ATTN-DUR-DUR-3.SG.OBJ ли жир-ADVZ ли NEG

‘Черт-старик в свой дом приходит и мальчика иглой пробует: жирный ли, нет ли’

- (16) *n̄n̄n̄ tōna kana-l' üpsam-sä tū-mpyl' rus*
 потом тот собака-ATR нарта. SG-INS прийти- PPST русский. SG. NOM
n̄il'čyk kät-yty mašip ej šip šūt-äšik
 так сказать-3SG.OBJ 1SG.ACC и 1SG.ACC сшить-IMP. 2.SG.SBJ
n̄n̄n̄ ičakəčyka n̄il'čyk kät-yty
 потом Ичакэчика. NOM так сказать-3SG.OBJ
ašša mat on-äk ipp-enty-ŋ-ak
 NEG 1SG. NOM сам-1SG лежать-IPFV-PRS-1SG.SBJ

‘Потом тот на собачьей нарте приехавший русский так сказал: «Меня тоже (в мешок) зашей!» Потом Ичакэчика так сказал: «Нет, я сам лежу [= лежать буду]»’

В северных селькупских говорах всего два **отрицательных глагола** — *čäŋkyqo* ‘не иметься, отсутствовать’ и *tačalpyqo* ‘не мочь, быть не в состоянии’:

- (17) *Īja-ty mēlty čäŋk-a.*
 ребенок. SG. NOM-POSS. 3SG всегда **иметься**. NEG-3SG.SBJ
 ‘Ребенка ее все нет’
 (18) *qen-p-a uže pity-qonty čäŋk-a.*
 уйгн- PSTN-3SG.SBJ уже нора. SG-LOC. POSS. 3SG **иметься**. NEG-3SG.SBJ
 ‘Ушла уже (лиса), в норе нет (ее)’
 (19) *iraqota sūŋyš-qo tačal-p-a*
 старик. SG. NOM охотиться- INF **мочь**. NEG-DUR-3SG.SBJ
 ‘Старик не может охотиться’

По частоте встречаемости в текстах глагол *čäŋkyqo* на порядок превосходит *tačalpyqo*. Наиболее частотна форма 3 лица единственного числа. Иногда она усекается до *čä*, превращаясь в частицу. И полная, и усеченная форма используются в качестве отрицательной реплики, в том числе и при ответе на вопрос:

- (20) *qaj qūt-anty? čäŋk-a.*
 ли болеть-2SG.SBJ **иметься**. NEG-3SG.SBJ
 ‘«Ты что ли болеешь?» — «Нет!»’
 (21) *təmtɯjəčyk yky qən-äš qurmā-qanty*
 Тэмтыйчик. SG. NOM NEG пойти-IMP. 2.SG смерть. SG-ILL. POSS. 2SG
tulač-čenn-anty čä mat qurma-m tar=aš
 дойти-FUT-2SG.SBJ NEG 1SG.GEN смерть. SG. NOM-POSS. 1SG пока=NEG
ukōŋy ē-ŋ-a
 впереди быть-PRS-3SG.SBJ

‘«Тэмты-Йечик, не ходи! Смерть свою найдешь [=до смерти дойдешь]» — «Нет, моя смерть пока еще далеко [=пока не впереди]!»’

Помимо отрицания факта обладания глагол *čāŋkyqo* служит вспомогательным глаголом для построения отрицательной формы прошедшего времени индикатива. При этом *čāŋkyqo* стоит в форме 3 лица единственного числа настоящего времени, а основной глагол — в лично-притяжательной форме имени действия (показатель *-ptä / -tä*): *ily-s-ōmyt* (жить-PST-3PL.SBJ) ‘мы жили’ — *ily-ptä-myt* (жить-NMIZ.NOM-POSS.1.PL) *čāŋk-a* (иметься.NEG-3.SG) ‘мы не жили’. Следует, однако, отметить, что в последнее время в речи некоторых носителей языка параллельно со старой нестандартной формой образования отрицания глаголов в прошедшем времени стали встречаться отрицательные формы глаголов прошедшего времени, образованные простым прибавлением частицы *ašša*. Приводимые ниже примеры (22, 23) взяты из рассказа о жизни, записанного в 2006 г. в пос. Советская Речка (Туруханский район Красноярского края) от сорокалетнего информанта. В (22) «классическая» форма образования прошедшего времени, (23) демонстрирует инновацию:

- (22) *təp=qos* *nymDy=qos* *ukkur* *pōr* *ūčy-s-any*
 3SG.NOM=то там=то один раз.SG.NOM работать-PST-3.SG.SBJ
ni *ukkur pōr* *i* *ūčy-ptä-ty*
 ни один раз.SG.NOM и работать-NMLZ.NOM-POSS.3SG
čāŋk-a
 иметься.NEG-3SG.SBJ

‘Он-то там-то (хоть) <один> раз работал? Ни разу и **не** работал’

- (23) *tan* *ničyuk* *i* *ašša* *tāty-s-ak*
 1SG.NOM таки NEG привезти-PST-1SG.SBJ

‘Я так и **не** привез’

В примере (22) представлена заимствованная из русского языка частица *ni*, которую в селькупских грамматиках принято относить к отрицательным [см.: Прокофьев 1935; Очерки 1980; Кузнецова и др. 2002]. Частица *ni* довольно часто встречается уже в словаре Ф. Г. Мальцева 1903 г. [Helimski, Kahrs 2001] и в текстах Г. Н. Прокофьева, записанных в 1920-е гг. [Прокофьев 1935] и продолжает активно употребляться сегодня. Считается, что с ее помощью из вопросительных селькупских местоимений и наречий образуются отрицательные: *ni kuty* ‘никто’, *ni qaj* ‘ничто’, *ni kuššat* ‘никогда’ и др. Примечательно, что местоимения и наречия с частицей *ni* употребляются только в предложениях, где уже имеется отрицание при предикате или предикат выражен отрицательным глаголом:

- (24) *man=myqāk tō-qāk toľko i pičča*
 1SG.GEN=y озеро.SG-POSS.1SG.LOC только и щука.SG.NOM
ni=qaj čāŋk-a
 ни=что иметься.NEG-3SG.SUB

‘У меня только, только и (есть) щука, ничего (больше) нет’

- (25) *lōZy-l imakota kor-ty illä cap*
 черт.ATR старуха.SG.NOM амбар.SG.NOM-POSS.3SG вниз лишь
matl-ei-ŋ-yt qaj ni čāŋk-a
 рубить-PFV.INTS-PRS-3SG.OBJ что ни иметься-3SG.SUB

‘Чертова старуха амбар срубила — ничего нет’

Частица *ni* встречается не только с местоимениями и наречиями, она может стоять и непосредственно перед отрицательной частицей *ašša*. В этом случае функция ее скорее усилительная, чем отрицательная:

- (26) *ni qaj-ut ni ašša ni ašš šūt-ty-ŋ-yty*
 ни что-ACC ни NEG ни NEG пить-IPFV-PRS-3SG.OBJ
niľčy nāl'a-ŋ *ε-ppv-nt-y*
 такой дочь.SG.NOM-POSS.3DU быть-PSTN-EVID-3SG.SUB

‘Ничего не сварит, ничего не сошьет — такая дочка у них была’

Возможно, *ni* при местоимениях и наречиях тоже имеет смысл рассматривать не как отрицательную, а как усилительную. Точно так же заимствованный из русского языка соединительный союз *ni... ni* всегда сочетается с отрицательным предикатом (предикатами) и усиливает отрицание, но сам по себе отрицания не выражает:

- (27) *ni wəttu-ty ni qaj-ty čāŋk-a*
 ни след.SG.NOM-POSS.3SG ни что.NOM-POSS.3SG иметься.NEG-3SG.SUBJ

‘Ни следа, ничего нет’

При такой интерпретации частицы *ni* и союза *ni... ni* в селькупском предложении исключается двойное отрицание.

Аффиксальные средства выражения отрицания возможны как в словоизменении, так и в словообразовании. В словоизменении это показатель падежной формы каритива *-kōlyk / -kōl* (*oly-kōlyk* (голова.SG-PRV) ‘без головы’), показатель каритивного причастия *kuñčutyľ* (*qonty-kuñčutyľ*) (спать-PPRV) ‘не спавший, бессонный’ и показатель каритивного деепричастия *kuñčōlyk* (*qonty-kuñčōlyk* (спать-CVBPV) *oryñña* ‘не спя работает’). Приведем пример употребления каритива в тексте:

- (28) *a tap šettyr-qyt tüir-p-a pely-käl*
a 3SG.NOM весна/наст.SG-LOC приходить-PSTN-3SG.SBJ товарищ.SG-PRV
кура не-му.
 маленький существо.SG.NOM-POSS1SG

‘А он весной [= по насту] приходил один [= без товарища] племянник’

В сфере словообразования существует два весьма продуктивных селькупских аффикса, выражающих идею не-обладания (и парные аффиксам обладания): *-kyta* для существительных и *-kytyl'* для прилагательных: *teny* ‘ум’ — *teny-kyta* ‘дурак’ (ср. *teny-syma* ‘умник’) — *teny-kytyl'* ‘глупый’ (ср. *teny-symul'* ‘умный’). Пример употребления в тексте:

- (29) *na ĭja-n əsy ħil'čyŋ əs-a.*
 этот сын.SG-GEN отец.SG.NOM так статья-PRS-3SG.SBJ
mē tap ĭja-nl' pely-kytyl'
 1.DU.NOM этот сын.SG.NOM-POSS.1DU товарищ-PRV-ATR
a tē pely-kytyl' näl'a-l'i.
a вы.NOM.DU товарищ-PRV-ATR дочь.SG.NOM-POSS.2DU
ñenty ɔmty-lty-l-ymyn.
 вместе сидеть-CAUS-OPT-1PL.SBJ/OBJ

‘Этого парня отец так сказал [= стал]: «У нас этот сын одинокий [= без товарища], а у вас дочь одинокая. (Давайте их) поженим [= вместе посадим]»’

2. Кетские говоры. Кетский язык ни в какой степени генетически не связан с селькупским. Сильно различаются эти языки и по грамматической структуре, особенно в части глагольной морфологии. Тем поразительнее наблюдать в них почти полный изоморфизм выражения отрицания.

Как и в селькупском, в кетском языке отрицание может выражаться с помощью частиц, отрицательных глаголов, а также с помощью словоизменительных и словообразовательных аффиксов.

Частица *bāñ* функционирует аналогично селькупской частице *ašša*, с ее помощью можно образовывать отрицание всех форм глагола, кроме императива (опатива в кетском языке нет), она может также стоять перед всеми прочими частями речи: *at' bāñ itperem* ‘я не знаю’; *bāñ ke't* ‘не человек’; *bāñ aqta* ‘не хорошо’; *bāñ kiseŋ* ‘не здесь’.

Отрицание глагола в форме императива строится с помощью частицы *atñ* / *at*: *at(ñ) kasnam* ‘не бери!’ (ср. селькупское *уку*).

Для передачи идеи не-обладания существует глагол с ущербной парадигмой *bāñsaŋ* ‘не имеется’: *abaŋt* (я-ADESS) *iŋGuš bāñsaŋ* ‘У меня

нет дома' (антонимичен ему глагол *uśaŋ* 'имеется': *abaŋt* (я.ADESS) *iŋGuś uśaŋ* 'У меня есть дом').

Г. К. Вернер в [Werner 1997] называет для кетского языка еще два отрицательных глагола со значениями 'не хватать' и 'не хотеть': *talyn ka-jaRə* 'муки не хватает'; *at qəj-eśaŋ bəŋbaRəj* 'Я медведем быть не хочу'.

Как и в селькупской падежной системе, в кетской имеется каритив (показатель **-an**): *ov-an* (отец-CAR.SG) 'без отца' (*ōp* 'отец').

Омонимичный показателю каритива аффикс **-an** образует прилагательные необладания (ср. селькупский суффикс *-kytyl'*): *kul* 'борода' — *kul-an* 'безбородый' (ср. *kul-tu* 'бородатый').

В грамматике Г. К. Вернера [Werner 1997] в кетском языке выделяется также класс отрицательных местоимений, но их 'отрицательная сила' вызывает сомнение, поскольку отрицательное значение эти местоимения приобретают, только находясь в предложении с отрицательной частицей или отрицательным глаголом (совсем как селькупские отрицательные местоимения и наречия):

(30) *Qores tam* (INDEF) *ana* (что) *aana* (FOC) *bəŋ* (NEG) *dimbes* 'Вчера никто не пришел' [=кто-нибудь даже не пришел],

Русское *ни* изредка встречается в кетских текстах, но, как правило, в составе союза *ni... ni*. Зато в текстах в качестве усиления при отрицании в изобилии присутствуют другие русские частицы, самая частотная среди них *уже*:

(31) *a' bəŋ itperet uŋse* 'Я уже не знаю';

(32) *tir uŋse bəŋ daŋaŋəŋə hyttä, əl oŋon* 'Собаку уже не завязал, свободно побежала'.

(33) *Потом уже совсем уже этот ket уже силы bəčči* 'Потом уже совсем этот человек, уже сил нет'.

Интересный пример встраивания в кетский текст русского предлога *без*, выражающего необладание чем-то или отсутствие чего-то, встретился в рассказе о жизни, записанном в 2006 г. в пос. Мадуйка (Туруханский район Красноярского края) от информантки, которой уже далеко за пятьдесят и которая хорошо владеет своим этническим языком. При этом русский предлог *без* дублирует кетский показатель каритива у слова *sār* 'сахар', старого заимствования из русского языка:

(34) *bez sār-an* (сахар-PRV) *bat diŋymnitin* 'Без сахара обычно собираем (ягоду)'.

И наоборот, кетская отрицательная частица *bəŋi* легко соединяется с русским *надо*:

(35) *bu-ryŋə* (она-DAT) *sār bəŋ nado* 'Ей сахара не надо'.

3. Эвенкийские говоры. В отличие от контактирующих с ним языков эвенкийский язык не имеет ни отрицательных частиц, ни словообразовательных либо словоизменительных аффиксов со значением не-обладания. Это тем более удивительно, что этот язык имеет богатейшую словоизменительную морфологию и разветвленную систему словообразования. Средствами выражения отрицания в эвенкийском языке являются отрицательное имя существительное *āčīn* (имеющее форму множественного числа *āčīr* и способное принимать некоторые падежные показатели) со значением 'не имеется' и отрицательные глаголы, прежде всего вспомогательный отрицательный глагол *ə-* 'не быть' [Константинова 1964; Nedjalkov 1997; Bulatova, Grenoble 1999].

Отрицательное существительное *āčīn* употребляется в двух синтаксических конструкциях.

1) Существительное, прилагательное или местоимение, описывающее лицо, предмет или явление, наличие которого отрицается, стоит в именительном падеже и выполняет в предложении функцию подлежащего (субъекта), а *āčīn* является именным предикатом и согласуется с подлежащим в числе: *bəjə āčīn* 'мужчины нет'; *aja āčīn* 'нет ничего хорошего'; *niŋjan āčīn* 'его / ее (здесь) нет':

(36) *əkun-dā m'estə-n āčīn tādū*
что-FOC место-poss.3sg NEG там

'Никакого [= какого-то] места нет там'

(37) *bira-dū kuŋakā-r āčī-r bi-čə-tin*
река-DATLOC ребенок-PL NEG-PL быть-PST-3PL

'Детей у реки не было'

Согласование в падеже не обязательно:

(38) *oro-r āčī-r-du-tin dərumki-d'əŋə-t*
олень-PL NEG-PL-DATLOC-poss.3pl отдохнуть-FUT1-1PL.INCL

'Мы отдохнем, пока нет оленей (букв.: в отсутствие оленей)'

2) Существительное, прилагательное или местоимение, описывающее лицо, предмет или явление, наличие которого отрицается, стоит в винительном неопределенном падеже, *āčīn* согласуется в числе с этим именем, и вся конструкция выполняет функцию определения: *hutə-jə* (ребенок-ACCIND) *āčīn* (NEG) *asī* (женщина) 'бездетная женщина'; *hutə-l-jə* (ребенок-PL-ACCIND) *āčī-r* (NEG-PL) *asā-l* (женщина-PL) 'бездетные женщины'; *dil-ja* (голова-ACCIND) *āčīn* (NEG) *bəjə* (мужчина) 'глупый'. Приведем более развернутый пример:

- (39) *huta-ja āč̣in asī-dū oron-mo anī-čā-w*
 ребенок-ACCIND NEG женщина-DATLOC олень-ACCND дать-PST.1SG
 ‘Я дал оленя бездетной женщине’

Вспомогательный отрицательный глагол *ə-* ‘не быть’ ставится в препозицию к любому глаголу, беря на себя показатели соответствующей финитной (наклонение, в том числе и повелительное, лицо, число) или нефинитной формы, а основной глагол при этом выступает в неизменяемой форме причастия с показателем *-re*:

- (40) *ə-čə-w dōldy-ra bī taiga-dū*
 NEG-PST-1SG слышать-PNEG 1SG тайга-DATLOC
 ‘Не слышу я в тайге’

- (41) *minə ə-čə sərti-w-rə suru-čō-n*
 1SG.ACCND NEG-PANT проснуться-CAUS-PNEG уйти-PST-1SG
 ‘Меня не разбудив, ушел он’

- (42) *amī-w əniə-rə-n mōf̣y-wə ə-čə hig-rə*
 отец-POSS.1SG прийти-NFUT-3SG лось-ACCND NEG-PANT обдирать-PNEG
 ‘Отец мой вернулся, того лося не ободрав’

В современных записях текстов вместо неличной формы глагола с показателем *-re* после отрицательного глагола встречается употребление личной формы основного глагола, что, по-видимому, можно объяснить влиянием русского языка. Вот пример такого инновационного употребления:

- (43) *diɲnīlā-nə loporō-rə-n=nə ə-čə-w tərka-jin-i-m*
 бежать-PPF выскочить-NFUT-3SG=FOC NEG-PST-1SG кричать-SMLF-NFUT-1SG
 ‘Побежав, выскочил он (медведь), не закричал я’

В эвенкийском языке в отрицательном предложении допускается только одно отрицание. Разряд отрицательных местоимений и местоименных наречий в языке отсутствует. При отрицательном глаголе используются местоимения и наречия с усилительной частицей *dā*:

- (44) *tuk-dō bimmin omō-čā-wun ə-wa-n=kə*
 так=FOC целиком оставить-PST-1PL.EXCL что-ACCND-POSS.3SG=FOC
uldə-wə-n ə-čə-wun ga-də ə-wa=də
 мясо-ACCND-POSS.3SG NEG-PST-1PL.EXCL взять-PNEG что-ACCND=FOC
 ‘Так и оставили все это наше, мясо наше, не взяли ничего’

(45) *ī-duk=tə a-tō-m bī ičə-w-rə*
 где-ABL=FOC NEG-FUT-1SG 1SG увидеть-PASS-PNEG

‘Нигде меня не видеть [(Ни)откуда я видна не стану]’

(46) *minə a-wkil a-wkil d'e-w-rə ākun=da*
 где-ABL=FOC NEG-PIAB-PL NEG-PIAB-PL грестII-PASS-PNEG что/кто=FOC

‘Меня не ест, не ест никто’

Помимо основного отрицательного глагола в эвенкийском языке есть еще несколько модальных отрицательных глаголов: *alba-* ‘не мочь’, *dup-* ‘не мочь’, *hā-* ‘не мочь, не смочь’ *bā-* ‘не хотеть’, *mulli-* ‘не уметь’. Эти глаголы образуют аналитические конструкции с глаголами в форме условно-временного деепричастия на *-mi*:

(47) *asatkan pota-wa alba-ra-n ugir-mi*
 девочка выючная.сума-ACC.D не.мочь-Infut-3sg поднять-CVCOND

‘Девочка не может поднять выючную суму’

Подведем некоторые итоги. Из трех контактирующих в Среднем течении Енисея языков два — селькупский и кетский — демонстрируют поразительный изоморфизм средств выражения отрицания как в синтаксисе, так и в морфологии, не будучи при этом ни генетически, ни типологически сколько-нибудь близкими. Весьма вероятно, что это результат длительных контактов этих двух языков. Эвенкийский язык, напротив, стоит особняком, хотя он структурно, да и генетически гораздо ближе селькупскому, чем кетский. Набор средств выражения отрицания в нем беден, полностью отсутствует возможность морфологического выражения отрицания — и это при наличии богатой морфологической системы классического агглютинативного языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL	--- аблатив
ACC	- - аккузатив
ACCD	--- определенный аккузатив
ACCIND	--- неопределенный аккузатив
ADESS	--- адессив
ATTEN	--- аттенциатив
ADVZ	--- адвербиализатор
ATR	--- атрибутивизатор
AUG	--- аугментатив
CAUS	--- каузатив
CVCOND	--- условное деепричастие

CVB	--- деепричастие
CVBPRV	-- привативное деепричастие
DAT	... датив
DATALL	---- датив-аллатив
DATLOC	-- датив-локатив
DU	--- двойственное число
DUR	--- дуратив
EVID	--- эвиденциалис (латентив)
EXCL	-- эксклюзив
FAM	--- показатель принадлежности к одной семье
FOC	--- фокализатор
FUT	--- будущее время
GEN	--- генетив
HABIT	-- хабитуалис
ILL	--- иллатив
IMP	--- императив
INCL	---- инклюзив
INDF	--- неопределенность
INS	--- инструменталис
INTNS	--- интенсив
IPFV	-- имперфектив
LOC	---- локатив
NEG	--- отрицание
NFUT	--- не-будущее время
NMLZ	--- номинализатор
NOM	--- номинатив
OBJ	-- объектное спряжение
OPT	оптатив
PANT	- причастие предшествования
PASS	--- пассив
PEJ	--- пейоратив
PFV	--- перфектив
PHAB	--- причастие обычного действия
PL	--- множественное число
PNEG	-- причастие при отрицательном глаголе
POSS	--- посессивная форма
PPF	--- перфектное причастие
PPRV	--- каритивное причастие
PPST	--- причастие прошедшего времени
PRS	---- настоящее время
PRV	--- каритив (приватив)
PST	--- прошедшее время
PSTN	--- повествовательное прошедшее время
SG	--- единственное число
SMLF	--- семельфактив
VLZ	--- вербализатор

ЛИТЕРАТУРА

- Василевич 1966 — *Василевич Г. М.* Исторический фольклор эвенков (сказания и предания). М.; Л., 1966.
- Дульзон 1966 — *Дульзон А. П.* Кетские сказки. Томск, 1966.
- Дульзон 1969 — *Дульзон А. П.* Кетские сказки и другие тексты // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
- Дульзон 1972 — *Дульзон А. П.* Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1972.
- Казакевич 2000 — *Казакевич О. А.* Автобиографический рассказ как жанр селькупского фольклора // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков. Материалы международной конференции «XXII Дульзоновские чтения». Ч. III. Томск, 2000.
- Казакевич 2002 — *Казакевич О. А.* Жизнь фольклорных сюжетов северных селькупов во времени и в пространстве // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания / Сост. В. А. Илунгян, А. Ю. Урманчиева. М., 2002.
- Казакевич 2008 — *Казакевич О. А.* Селькупский язык // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 2. Тексты и словарные материалы / Под ред. А. Е. Кибрика. М., 2008.
- Казакевич и др. 2008 — *Казакевич О. А., Будянская Е. М., Галямина Ю. Е.* Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов. Публикация первая // Вестник РГГУ. № 6/08. Серия «Языкознание». «Московский лингвистический журнал». № 10. М., 2008.
- Константинова 1964 — *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. М., 1964.
- Кузнцова и др. — *Кузнцова А. И., Казакевич О. А., Грушкова Е. В., Хелимский Е. А.* Селькупский язык / Под. Ред. А. И. Кузнцовой. СПб., 2002.
- Очерки 1980 — *Кузнцова А. И., Хелимский Е. А., Грушкова Е. В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.
- Очерки 1993 — *Кузнцова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 2. Тексты. Словарь. М., 1993.
- Прокофьев 1935 — *Прокофьев Г. Н.* Селькупский (остяко-самоедский язык). Л., 1935.
- Bulatova, Grenoble 1999 — *Bulatova N, Grenoble L.* Evenki. Muencjen: Lincom Europa, 1999.
- Helinski, Kahrs 2001 — *Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal'cev (1903) / U. Kahrs, E. Helinski (Herausgeb.).* Hamburg, 2001.
- Nedjalkov 1997 — *Nedjalkov I.* Evenki. London; New York, 1997.
- Werner 1997 — *Werner H.* Die Ketische sprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997.

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОТРИЦАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УДИНСКОГО ЯЗЫКА)

1. Введение: об использовании нескольких стратегий отрицания. Выражение глагольного отрицания в русском языке не представляет особых трудностей с точки зрения выбора соответствующего показателя: у глагола существует единственная отрицательная морфема — частица *не*, которая всегда располагается в непосредственной препозиции к словоформе¹. *Не* используется с любыми формами глагольной парадигмы, будь то финитные формы индикатива (ср. *Сегодня Коля не пошел на работу*), императив (ср. *Не ходи завтра на работу!*), сослагательное наклонение (ср. *Если не было бы повода, мы бы не встретились*) или различные нефинитные формы (ср. *Не обнаружив дома хлеба, Коля расстроился, Было большой ошибкой не пойти на работу или Коле стало стыдно за невыполненное поручение*).

Вместе с тем имеется значительное число языков, в которых маркирование глагольного отрицания является, так сказать, «расщепленным»: один из нескольких отрицательных показателей выбирается в зависимости от глагольной формы или от типа предложения. Как правило, различных отрицательных морфем бывает не более трех или четырех, а основанием для их противопоставления может служить как грамматическая семантика глагольных форм (ср. выбор разных показателей отрицания в индикативе vs. императиве, в совершенном vs. несовершенном виде), так и синтаксический статус клаузы (ср. главное vs. зависимое предложение, глагольное vs. именное сказуемое и пр.). Примеры языков с несколькими показателями отрицания обсуждаются, в частности, в типологических обзорах [Payne 1985: 222–223, 240–241; Horn 2001: 366–367, 447–452]; ср. также сборник [Kahrel, Berg 1994] с очерками о категории отрицания в 16 языках различных семей и ареалов.

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Социолингвистическое и этнографическое исследование удин и удинского языка в России и Азербайджане», 2006–2008 гг.).

¹ В данном случае мы отвлекаемся от орфографических конвенций, предписывающих отображать *не* отдельно либо слитно.

Языки с более чем одной стратегией выражения отрицания достаточно характерны и для Кавказского ареала, о котором и пойдет речь ниже. Так, в грузинском основным показателем глагольного отрицания является *ar(a)*, однако в запретительной форме используется особая морфема *ni*; имеется также особый показатель *ver(a)*, который выражает значение невозможности, употребляясь с различными глагольными формами [Vogt 1971: 197–198, 218–220]. В армянском языке основная отрицательная морфема — это префикс *č-*, используемый с формами всех времен и наклонений, за исключением повелительного наклонения, в котором используется частица *mi* [Кусикьян 1950: 75, 79]. В адыгейском языке, согласно традиционным описаниям, финитные формы образуют отрицательные эквиваленты при помощи суффикса *-эн*, а нефинитные («инфинитные») — при помощи префикса *мы-*, хотя имеются и некоторые исключения [Рогава, Керашева 1966: 112, 239 и сл.]. Заметим, что три перечисленных языка относятся к разным языковым семьям (картвельской, индоевропейской и западнокавказской соответственно), поэтому сама по себе тенденция к «расщеплению» стратегий выражения отрицания не связана с языковым родством, а в лучшем случае может быть признана ареальным феноменом (хотя вполне вероятно и ее независимое возникновение в разных семьях).

К языкам, имеющим несколько показателей отрицания, относится и удинский, данные которого будут подробнее рассмотрены в этой статье. Удинский язык является представителем восточнокавказской (нахско-дагестанской) языковой семьи, включающей более 30 языков, носители которых проживают главным образом в Дагестане, Чечне и Ингушетии, а также в сопредельных районах на севере Азербайджана и на востоке Грузии. Внутри восточнокавказской семьи удинский входит в лезгинскую группу, занимая в ней наиболее периферийное положение — он первым отделился от пралезгинского языка, что произошло, по разным оценкам, от 3 до 3,5 тысяч лет назад. Его носители исторически проживали на территории Северного Азербайджана, причем территория их расселения постепенно сужалась; в настоящее время основным местом компактного проживания является Нидж — крупный поселок Габалинского района Азербайджана, где живет порядка четырех тысяч удин. Примерно столько же удин (или даже чуть больше) проживает в различных регионах России и в других государствах на постсоветском пространстве; подробнее см. [Майсак и др. 2006; Ганенков и др. 2008].

В основу данной статьи положен материал ниджского диалекта²; при этом были использованы примеры как из удинского букваря [Aydinov, Keçaagi 1996] и опубликованных сборников текстов [Кечаари 1996; Keçaagi 2001] и др., так и из корпуса текстов, собранного Д. С. Ганенковым, Ю. А. Ландером и автором статьи в с. Нидж в 2004–2006 гг. За дополнительные консультации благодарим носителей удинского языка Владислава Дабакова и Дениса Куранхой. Выражаем также признательность Ю. А. Ландеру, чьи замечания к первой версии статьи способствовали ее улучшению.

В настоящее время письменность на удинском языке имеет лишь ограниченное применение, к тому же единого ее варианта не существует. Если в словаре [Гукасян 1974] и сборнике художественных произведений [Кечаари 1996] была использована графика на основе кириллицы (с большим количеством диграфов), то в последующих публикациях Г. А. Кечаари был разработан латинский вариант алфавита (на основе азербайджанской графики), а в недавнем сборнике фольклора [Dabakov 2007] предлагается новая версия латинского алфавита с использованием диакритик (и отказом от диграфов). Ниже примеры из удинского языка приводятся в унифицированной транскрипции, которая в целом соответствует традиции московской кавказоведческой школы (о транскрипции и принципах глоссирования удинских текстов см. также [Ганенков и др. 2008; Майсак 2008a]).

2. Три стратегии отрицания в удинском языке. С точки зрения морфологического устройства структура удинских глагольных форм достаточно проста. Подавляющее их большинство образуется при помощи специальных суффиксов: ср. причастие / деепричастие совершенного вида *boχ-i* ‘сваривший; сварив’, инфинитив *boχ-es* ‘варить’, презенс *boχ-sa* ‘варит’, перфект *boχ-e* ‘сварил’, будущее потенциальное *boχ-o* ‘может быть, сварит’ и т. п.; подробнее см. [Майсак 2008б].

Еще одним важным классом грамматических морфем являются частицы (клитики); их при морфемном членении мы отделяем знаком =, а не простым дефисом. Особые глагольные формы образуют-

² Носители второго диалекта удинского языка — варташенского, или варташенско-октомберийского — проживают главным образом в райцентре Огуз (бывш. Варташен) на севере Азербайджана, в с. Зинобиани (бывш. Октомбери) Кварельского района Грузии, а также на юге России. Заметим, что существующие грамматические описания удинского языка [Дирр 1904; Джейранишвили 1971; Панчвидзе 1974; Schulze 1982] ориентированы прежде всего на варташенский диалект, а не на ниджский.

ся при помощи частицы прошедшего времени $\approx j$ и юссивной частицы $q: a \approx$, к которым мы еще вернемся ниже. Самая же большая группа (полу)автономных частиц — это лично-числовые показатели, наличие которых обязательно в каждой финитной клаузе³. Место расположения лично-числового показателя зависит от коммуникативной структуры высказывания, а отчасти и от конкретной глагольной формы. Так, лично-числовая частица может примыкать к глагольной форме сзади либо внедряться внутрь корня (ср. перфект *boχ-e=ne* либо *bo=ne=χ-e* ‘он(а) сварил(а)’ с частицей 3-го лица ед. ч. $\approx ne$ ⁴, при корне *boχ-* ‘варить’). Кроме того, частица может располагаться на другой словоформе в предложении — а именно примыкать к той составляющей, которая находится в фокусе в данном высказывании (ср. *napan χir:=e boχ-e* ‘мама плов сварила’ — имеется в виду, что сварен был именно плов, а не что-либо иное); подробнее об этом см. [Harris 2002]. Данное свойство лично-числовых клитик представляет интерес и для проблематики, связанной с выражением отрицания, поскольку некоторые из отрицательных показателей способны «перетягивать» на себя эти морфемы, образуя комплексы из двух или трех частиц.

Все три показателя отрицания — каждый из которых будет ниже рассмотрен подробнее — также являются частицами: к ним относятся показатель «финитного» отрицания *te=*, «нефинитного» отрицания *ni=* и отрицания повелительных форм *ta=*. Степень их автономности различна, но в целом все три частицы выступают в большинстве случаев как проклитики и занимают начальную позицию в составе глагольной словоформы либо в составе комплекса из нескольких частиц.

2.1. Отрицание *te=*: основные финитные формы. При помощи показателя *te=* отрицательные эквиваленты образуют основные финитные видо-временные формы, к которым относится презенс, три прошедших времени (претерит и два перфекта) и три будущих времени (различающиеся модальными оттенками). Ср. примеры отрицательного презенса, перфекта и основного будущего времени, а также потенциального будущего, используемого и при описании общих закономерностей:

- (1) *iz čux bazar-e te=ne taj-sa, χoraj te=ne boχ-sa.*
 свой жена базар-Дат NEG=3Sg уходить-PRS суп NEG=3Sg варить-PRS
Его жена и на базар не ходит, и обед не варит.

³ Лично-числовое согласование является в удинском языке инновацией; в подавляющем большинстве других языков лезгинской группы оно отсутствует.

⁴ Показатель 3-го лица ед. ч. имеет варианты $\approx ne \parallel \approx n$ (после гласной) либо $\approx e$ (после согласной).

- (2) cʰicʰikʰ-ä botʰ-atʰan zu sal te=z qʰiʰ-b-ijə.
оспа-ДАТ колоты́ть-ТЕМП я совсем NEG=1SG боя́ться-LV-PERF

Когда делали прививку, я совсем не испугался. [Aydınov, Keçaari 1996: 76]

- (3) ene cʰicʰikʰ te=jan čʰekʰ-al.
еще оспа NEG=1PL высы́пать-FUT

Мы уже не заболеем оспой. [Aydınov, Keçaari 1996: 76]

- (4) tapan bo=ne=š-o, pul te=ne boš-o.
живот насы́щаться=3SG=ST-ПОТ глаз NEG=3SG насы́щаться-ПОТ

Живот может насытиться, глаз не насытится. [Aydınov, Keçaari 1996: 41]

Как легко заметить, лично-числовые клитики при наличии частицы *te=* всегда примыкают к ней справа — какое-либо иное место в предложении они занимать не могут. Это указывает на то, что данный тип отрицания всегда находится в фокусе, поскольку линейное расположение лично-числовых показателей в удинском языке напрямую связано с фокусным выделением; см. [Harris 2002: 47–48]. Что же касается расположения самого комплекса «*te=* + лично-числовой показатель», то он в большинстве случаев непосредственно предшествует глагольной словоформе, хотя иногда может примыкать к ней сзади, либо — подобно лично-числовым частицам в утвердительных высказываниях — располагаться внутри глагольной словоформы, разрывая основу глагола (ср. варианты отрицательного перфекта глагола *bak-* ‘быть, стать’: *te=ne bak-e ~ bak-e te=ne ~ ba=te=ne=k-e* ‘не был, не стал’).

Все глагольные формы, образующие отрицание при помощи частицы *te=*, относятся к финитным — они используются в независимых высказываниях, выражают значения вида, времени и наклонения и имеют обязательную позицию для лично-числового согласования. Вместе с тем существует и ряд глагольных форм, обладающих сходными свойствами, хотя и использующих другие отрицательные морфемы: так, например, для форм условного наклонения обязательно лично-числовое согласование, а повелительные формы используются преимущественно в независимых высказываниях. Это, с одной стороны, заставляет задуматься о самих по себе критериях финитности в удинском языке — ведь эти критерии являются, как известно, далеко не универсальными (см., в частности, обсуждение этой проблемы на материале дагестанских языков в [Kalinina, Sumbatova 2007]). С другой стороны, может оказаться неправомерным жесткое увязывание показателя *te=* с финитным статусом: возможно, «инвариант» употребления этой частицы следует искать в чем-то другом. Поскольку глагольные формы, использующие данный показатель, образуют ядро видо-временной системы индикатива, можно было бы предположить, что *te=* является именно показа-

телем «индикативного» отрицания. Однако данная гипотеза не находит подтверждения в связи с тем, что не все формы, использующие *te=*, могут быть безоговорочно признаны индикативными.

Выше уже говорилось о том, что особая частица прошедшего времени $=j$ образует от всех основных финитных форм производные формы, временная референция которых сдвигается в «план прошлого» по сравнению с исходными. Так, от презенса частица $=j$ образует имперфект (ср. *bo=ne=x-sa* 'варит' ~ *bo=ne=x-sa=j* 'варил'), от претерита и перфектов образуются плюсквамперфекты (ср. *box-e=ne* 'сварил' ~ *box-e=ne=j* 'уже сварил к тому моменту'). Что же касается будущих времен, то присоединение к ним частицы $=j$ приводит к образованию форм, выходящих за рамки индикатива — это формы с контрфактической семантикой, которые употребляются, как правило, в аподосисе ирреальных условных конструкций, ср.:

- (5) *za sa kar=al tad-iji=n=ij, lap iräzi=z bak-o=j.*
 я:ДАТ один сын=& давать-CTRF=2/3SG=PST очень довольный=1SG быть-POT=PST
 (Господь дал мне четырех дочерей.) Если бы дал еще и одного сына, я был бы очень рад. [Кечаари 1996: 13]

При этом отрицательные эквиваленты форм «будущего в прошедшем» таковы же, как и у исходных будущих времен (отрицание другого типа они присоединять не могут), ср.:

- (6) *iz väd-in-e p-iji=t:un=ij, te=z ek-o=j.*
 свой время-О-ДАТ говорить-CTRF=3PL=PST NEG=1SG приходить-POT=PST
 Если бы они вовремя сказали, я бы не пришел.

Таким образом, для определения сферы использования показателя *te=* объяснение в терминах грамматической семантики соответствующих форм (в частности, через понятие наклонения) не подходит. Что же касается объяснения в чисто синтаксических терминах, то оно требует уточнения критериев финитности в удинском языке. К поиску наиболее адекватной интерпретации мы вернемся после того, как рассмотрим употребление двух других отрицательных морфем.

2.2. Отрицание *ta=*: повелительные формы. При помощи префикса *ta=* отрицательные эквиваленты образуют три повелительные формы — императив, гортатив и юссив; заметим, что морфологически эти формы достаточно разнородны и не входят в единую парадигму. Императив 2-го лица ед. ч. всегда используется без личной клитики, при этом во множественном числе выступает стандартный показатель 2-го лица мн. ч.: ср. *ip-a* 'скажи' ~ *ip-a=nan* 'скажите'). Гортатив, выражающий призыв к совместному выполнению действия, имеет особый

показатель и также не содержит лично-числовой морфемы (ср. *taɣ-en* ‘давайте пойдем’). Что же касается юссива, повелительной формы 3-го лица со значением ‘пусть сделает’, то он образуется весьма специфическим способом — от формы претерита на *-i* либо перфекта на *-e* при помощи частицы *q:a=*, за которой всегда следует лично-числовой показатель (ср. *boɣ-i=q:a=n* || *boɣ-e=q:a=n* ‘пусть он(а) сварит’).

В подавляющем большинстве случаев частица *ta=* в отрицательных повелительных формах находится в непосредственной препозиции к глаголу, располагаться после него она не может. При этом в юссиве *ta=* образует единый комплекс с юссивной частицей и лично-числовым показателем, и этот комплекс также практически всегда предшествует глагольной форме⁵. Ср. некоторые примеры:

- (7) č:öš *ta=čur-p-a=nan*, č:ovak-a=nan, arc-a=nan.
 снаружи ПРОН=СТОЯТЬ-LV-IMP=2PL проходить-IMP=2PL сидеть-IMP=2PL

He стойте снаружи, проходите, садитесь! [Keçaari 2001: 50]

- (8) t:ija *ke* *ta=tak-en*.
 туда сегодня ПРОИ=УХОДИТЬ-ПОРТ

Давайте сегодня туда не пойдем!

- (9) häjsä *mi=nc*, äjl-uɣ *ta=q:a=tun* *tac-i* *tara-p-s-a*.
 сейчас холод=3SG ребенок-PL ПРОН=JUSS=3PL уходить-AOR гулять-LV-INF-DAT
Сейчас холодно, пусть дети не ходят гулять!

В отличие от отрицательной морфемы *te=*, определить сферу использования частицы *ta=* проще, причем это можно сделать в семантических терминах: она образует отрицательные эквиваленты от всех повелительных глагольных форм, и только от них. Заметим, что использование в прохибитиве особого показателя отрицания — другого, чем в основных формах индикатива — типологически широко распространено, хотя для западноевропейских языков и не столь характерно. Так, по данным масштабного исследования [Auwera et al. 2005], в выборке из 495 языков мира 327 языков (т. е. 66%) используют в императиве особый показатель отрицания; см. также о данном явлении [Sadock, Zwicky 1985: 175–177; Bernini, Ramat 1996: 112–115; Плунгян 2000: 319–320; Гусев 2005: 55–56]. Из языков Кавказа тенденции к выделению особой прохибитивной морфемы следуют, в частности, уже упоминавшиеся

⁵ Частица *ta=* в императиве и гортативе, равно как и комплекс «*na=* + *q:a=* + лично-числовая клитика» могут также занимать инфиксальную позицию: ср. *u=ta=p-a* ‘не говори’, *ta=ta=k-en* ‘давайте не пойдем’, *bo=ta=q:a=n=χ-i* ‘пусть он(а) не варит’. Префиксальная либо инфиксальная позиции отрицания не влияют на семантику формы и расцениваются как свободные варианты; в целом, формы с инфиксальным *ta=* встречаются гораздо реже.

выше грузинский и армянский языки, а также подавляющее большинство языков нахско-дагестанской семьи.

2.3. Отрицание *ni*=: нефинитные формы. Отрицательный показатель *ni*= более сложен для анализа, поскольку формы, с которыми он употребляется, не образуют гомогенной синтаксической либо семантической группы. Прежде всего, именно *ni*= используется для образования отрицательных эквивалентов прототипических не фин и т н ы х ф о р м — причастий, деепричастий, инфинитива, отглагольных имен и пр. Все эти формы могут возглавлять только зависимые клаузы, которые не имеют лично-числового согласования: ср. в качестве примера употребление отрицательного причастия несовершенного вида *ni=avabakala* ‘не-знающий’, отрицательного деепричастия совершенного вида *ni=akʔi* ‘не увидев’ и отрицательного инфинитива *ni=ukes* ‘не есть’, оформляющего в данном случае сентенциальное дополнение при глаголе ‘мочь’:

- (10) k:al nu=ava-bak-ala amdar k:ači k:inā=ne.
грамота NOT=знать-LV-PART человек слепой словно=3SG

Неграмотный (= грамоту не знающий) человек подобен слепому. [Aydinov, Keçaarı 1996: 51]

- (11) äjl-ov-o nu=ak:i, mälīm t:ɔʔkoʔl-χun
ребенок-PL-DAT NOT=видеть-CONV учитель рядом-ABL
č:ova=nc=k-i.
проходить=3SG=ST-AOR

Не заметив детей, учитель прошел мимо.

- (12) zu χib ki hik:al nu=uk-es ba=z=k-o.
я три день ничто NOT=есть-INF мочь=1SG=ST-POT

Я могу три дня ничего не есть.

Вторую группу форм, всегда использующих отрицание *ni*=, образуют две формы условного наклонения, выражающие, соответственно, реальное и нереальное условие:

- (13) zu nu=εχ-aji=z, za-suz tak-i=nan.
я NOT=приходить-COND=1SG я-бсз уходить-IMP=2PL

Если я не приду, идите без меня.

- (14) zu t:i:ja nu=bak-iji=zu=j⁶, šo-t:-in mo uk:-ala te=nc=j.
я там NOT=быть-CTRF=1SG=PST тот-O-ERG это говорить-DEB NEG=3SG=PST

Если бы меня там не было, он бы этого не сказал.

⁶ Форма нерсального условия всегда включает в свой состав клитику прошедшего времени =j.

В отличие от прототипических нефинитных форм обе условные формы являются «личными» и всегда используются с (суффиксальными) показателями согласования. Вместе с тем их употребление ограничено про-тасисом условных конструкций, т. е. зависимой клаузой. Использование с условными формами «нефинитного» отрицания *ni=* говорит о том, что, несмотря на «личность», эти формы все же ближе к нефинитным — тем самым само по себе выражение лица и числа в клаузе не может считаться в удинском языке достаточным условием для того, чтобы считать эту клаузу финитной. Что же касается выбора отрицательного показателя, то он выступает в данном случае в качестве одного из критериев определения финитного/нефинитного статуса, объединяя в одну группу глагольные формы с различными семантическими и морфосинтаксическими свойствами.

3. «Плавающее» противопоставление отрицательных стратегий. С точки зрения использования одного из трех показателей отрицания подавляющее большинство удинских глагольных форм делится на три непересекающихся группы: так, отрицательный эквивалент презенса всегда образуется при помощи частицы *te=*, отрицательный инфинитив — при помощи *ni=*, а императив — при помощи *ma=*, и т. п. Между тем существуют две формы, за которыми тот или иной показатель отрицания не является жестко закрепленным. Каждая из этих двух форм в зависимости от контекста употребления может иметь один из двух отрицательных эквивалентов: одна с частицами *te=* либо *ni=*, а вторая с частицами *ni=* либо *ma=*. И если, используя аналогию с маркированием синтаксических актантов⁷, противопоставление трех жестко закрепленных показателей можно назвать «расщепленным» выражением отрицания, то выбор показателя в зависимости от значения одной и той же глагольной формы является уже «плавающим». Ниже мы покажем, что выбор от-

⁷ Речь идет, в частности, о различных типах «активной» стратегии кодирования. В ряде языков падежное оформление актанта одноместного глагола зависит от семантики этого глагола и при этом закреплено лексически (например, при агентивных глаголах типа 'идти' или 'работать' актант всегда оформляется эргативом, а при пациенсивных глаголах типа 'умирать' и 'мерзнуть' — номинативом). В других же языках падежное кодирование актанта у одного и того же глагола может варьировать и выбирается в зависимости от передаваемого в предложении значения (например, при глаголе 'падать' используется эргатив, когда имеется в виду намеренное падение, а номинатив — падение случайное, не контролируемое субъектом); см., в частности, [Кибрик 2003: 131–132]. Первая стратегия кодирования в синтаксической типологии называется «жесткой», или «расщепленной» (*split marking*), тогда как вторая — «подвижной», или «плавающей» (*fluid marking*).

рицания в таких случаях вполне мотивирован и подчиняется тем же закономерностям, которые были выявлены выше.

3.1. Зависимый конъюнктив vs. императив 1-го лица ед. ч. Конъюнктив является еще одной неиндикативной формой, которая образует отрицание при помощи *ni=*. Как и две условные формы, конъюнктив имеет обязательную суффиксальную позицию для лично-числового согласования и используется главным образом в различных типах зависимых предложений — например, он оформляет сентенциальные дополнения при нефактивных предикатах ‘возможно’, ‘нужно’, ‘хотеть’, ‘опасаться’, ‘позволять’ и т. п. Такие зависимые нередко присоединяются при помощи союза *=ki* (энклитически примыкающего к главному глаголу), однако показатель зависимости может и отсутствовать, ср.:

- (15) *ba=ne=k-o(=ki)* *nu=св-а=z.*
мочь=3SG=ST-POT(=что) NOT=приходить-SUBJ=1SG

Возможно, я не приду.

- (16) *q:iʔ=za=b-sa* *nana za veʃ=nu=bak-a=ne.*
бояться=3SG=LV-PRS мать я:DAT верить=NOT=LV-SUBJ=3SG

Я боюсь, что мама мне не поверит.

Помимо этого форма конъюктива может возглавлять особый тип независимых высказываний — это своего рода «самопобуждение», когда говорящий предлагает самому себе осуществить некоторое действие, признавая его необходимость, ср.:

- (17) *maṁačɪn-a* *taṁ-a=z,* *сѣ-a=z.*
повитуха-DAT уходить-SUBJ=1SG приводить-SUBJ=1SG

Пойду-ка я и приведу (надо бы мне пойти и привести) повитуху. [Ксчари 1996: 13]

Конъюнктив в повелительном значении допустим только с 1-м лицом ед. ч. (тогда как зависимый конъюнктив имеет полную лично-числовую парадигму). При этом в отрицательных высказываниях с независимым конъюнктивом используется не показатель «нефинитного» отрицания *ni=*, а «прохибитивная» морфема *ta=*, ср.:

- (18) *ek-i⁸* *zu ke* *ma=taṁ-a=z,*
приходить-IMP я сегодня PRON=уходить-SUBJ=1SG
äjč:ä sagala taṁ-en.
завтра вместе уходить-NORT

Давай я сегодня не поеду, поедем завтра вместе!

⁸ Форма императива глагола ‘приходить’ стандартно выступает в единственном языке в повелительных высказываниях в роли грамматикализованной гортативной частицы (типа русск. *давай*).

3.2. Будущее время vs. долженствование. Из трех форм будущего времени в удинском языке две — нейтральное будущее на *-al* и будущее потенциальное на *-o* — при отрицании всегда используют показатель *te=* (ср. примеры (3) и (4) выше). Имеется и третья форма со значением будущего на *-ala*, которая достаточно нейтральна по значению (в отличие от потенциального будущего) и употребляется сравнительно редко (в отличие от нейтрального будущего), при этом она также образует стандартное «финитное» отрицание с частицей *te=*⁹, ср.:

- (19) zu tāk mija čur-k:-ala te=zu.
я в одиночестве здесь стоять-LV-DEV NEG=1SG
Я здесь один *не останусь*. [Keçaaŋi 2001: 123]

Форма на *-ala* интересна тем, что она полисемична и помимо значения будущего времени может выражать и значение долженствования в настоящем, — причем в этом случае ее отрицательный эквивалент образуется при помощи показателя *ni=*. Ср. пример из текста, в котором обсуждаются правила принесения животных в жертву: речь здесь идет о том, что при раздаче жертвенного мяса хозяин обязательно отдает голову животного другим людям:

- (20) bul-a iz k:opžluk-on ni=e⁸χ-l:-ala=ne.
голова-DAT свой хозяин-ERG NOT=брат-LV-DEV=3SG
Голову (животного) хозяин *не должен забирать*.

Как можно заметить, показатель «третьего будущего» / долженствования *-ala* совпадает с суффиксом причастия несовершенного вида *-ala* (ср. его употребление в примере (10)). Тем не менее, даже если это совпадение исторически неслучайно, считать примеры вроде (20) предложениями с отрицательным причастием — со структурой типа «хозяин есть не-забирающий голову» — никак нельзя: субъект переходных глаголов в предложениях со значением долженствования всегда стоит в эргативе (ср. *k:opžluk-on* ‘хозяин-erg’ выше), а не в номинативе, как в предложениях с именным сказуемым.

4. Обсуждение: категория отрицания и тип высказывания. Итак, мы рассмотрели три стратегии образования отрицательных предложений в современном удинском языке (на примере ниджского диалекта). Можно заметить, что в распределении этих трех стратегий играют роль как

⁹ Ср. также пример (14) с использованием отрицательной формы на *-ala* с частицей прошедшего времени в стандартном для «будущих в прошедшем» контрфактическом значении.

семантические, так и синтаксические факторы, хотя сформулировать единый критерий распределения не так просто.

Использование того или иного отрицательного показателя отчасти коррелирует с грамматической семантикой глагольных форм, и прежде всего с их модальным значением: так, морфема *te*= используется с настоящим, прошедшими и будущими временами индикатива, морфема *ta*= с повелительными формами, а *ni*= с формами условного наклонения и конъюнктивом. Тем не менее, данная корреляция не абсолютна: как уже указывалось, среди форм с отрицанием *te*= фигурируют и «будущие в прошедшем», по значению выходящие за рамки индикатива (так же, как и условные формы, они используются в условных конструкциях, только не в протасисе, а в аподосисе). Кроме того, за пределами противопоставления по модальности оказываются нефинитные формы.

Что касается собственно ф и н и т н о с т и, то она также коррелирует с использованием отрицательных морфем — все прототипические нефинитные формы (причастия, деепричастия, инфинитив и др.) обслуживаются единым показателем *ni*= . К ним примыкают и три формы косвенных наклонений (две условные формы и зависимый конъюнктив), которые на шкале финитности занимают скорее промежуточное положение: несмотря на обязательное личное согласование, они используются исключительно в зависимых клаузах. Выбивается из этого ряда лишь бесспорно финитная форма на *-ala*, которая демонстрирует «переменную» стратегию выражения отрицания и принимает показатель *ni*= в значении долженствования. Впрочем, и в этом случае можно говорить о зависимом статусе клаузы, возглавляемой данной формой — однако зависимость эта не синтаксическая (поскольку подчиненность какому-либо поверхностно выраженному предикату здесь отсутствует), а семантическая. По сути дела, пропозиция, выражаемая формой на *-ala*, находится внутри лексически не выраженного оператора долженствования (ср. *eʕxt:-ala=ne* ‘он должен взять’ = ‘должен [взять]’), так что выбор показателя *ni*= может указывать именно на то, что отрицание также занимает в семантической структуре позицию внутри данного оператора, а не находится над ним (ср. *ni=eʕxt:-ala=ne* ‘он не должен брать’ = ‘должен [не [взять]]’).

Наличие глагольных форм, проявляющих «переменную» стратегию выражения отрицания, лишний раз подчеркивает тот факт, что выбор отрицательного показателя происходит не на уровне глагольной формы (как члена глагольной парадигмы), а на уровне клаузы в целом: именно поэтому форма на *-ala* в значении будущего времени используется со

стандартным «финитным» показателем *te=*, а независимый конъюнктив в значении самопобуждения — с «прохибитивным» отрицанием *ma=*. Однако, как нам кажется, более адекватной интерпретацией распределения отрицаний является та, которая опирается не на грамматическую семантику глагольных форм и не на синтаксическую зависимость/независимость клаузы, а на тип высказывания, в составе которого соответствующая клауза употреблена.

Действительно, как легко заметить, все предложения, образующие отрицание при помощи *te=*, выражают суждения — все они имеют истинностную оценку и частица *te=*, соответственно, приписывает суждению отрицательную истинностную оценку. Частица *ma=* используется исключительно при отрицании повелительных высказываний, обращенных к первому, второму или третьему лицу — роль отрицания в данном случае состоит в том, чтобы предотвратить осуществление определенной ситуации. Что же касается клауз, возглавляемых нефинитными формами (в т. ч. зависимыми формами косвенных наклонений), то они самостоятельных высказываний не образуют и в семантической структуре пропозиции выражают зависимые компоненты смысла. Отрицание в данном случае имеет узкую сферу действия и находится под оператором иллокутивной силы, а в рассмотрение вводится ситуация, характеризующаяся негативно (например, 'не знать грамоту' в (10), 'не заметить детей' в (11), 'ничего не есть' в (12) и т. п.)¹⁰.

При таком подходе распределение показателей отрицания является одним из критериев для классификации типов высказываний в удинском языке: мы видим, что декларативные и императивные высказывания противопоставляются наиболее четко. Что же касается такого распространенного типа высказываний, как вопросы, то данный тип в удинском языке не имеет явных морфосинтаксических особенностей (помимо использования вопросительных слов) и выделяется главным образом по просодическим характеристикам¹¹. Вопросительные вы-

¹⁰ Ср. близкий подход к анализу распределения отрицаний в работе [Ландер, Сумбатова 2007], в которой делается вывод о том, что два типа маркирования отрицания в адыгейском языке связаны с противопоставлением ассертивных и пресуппозитивных компонентов высказывания: суффикс *-эн* используется при отрицании всей ассертивной части, тогда как префикс *мы-* — при отрицании части ассерции либо отрицании внутри пресуппозиции. (О традиционном подходе к объяснению распределения показателей через понятие финитности см. выше.)

¹¹ Единственное значимое отличие касается личного согласования — только в вопросительных высказываниях, причем главным образом в частных вопросах,

сказывания не противопоставлены декларативным и императивным, а скорее являются разновидностью внутри данных типов — возможны, в частности, как декларативные, так и императивные вопросы, имеющие ту же структуру (и те же показатели отрицания), что и соответствующие утвердительные высказывания, ср.:

(21) *hun hālā xoraǰ box-i te=nu?*
ты еще суп варить-AOR NEG=2SG
Ты еще не сварил суп?

(22) *ke ma=ek-a=z zu?*
сегодня PRON=приходить-SUBJ=1SG я
Мне сегодня не приходиться?

(23) *bul-a iz kionǰluk-on nu=eʰχ-ti-ala=ne?*
голова-DAT свой хозяин-ERG NOT=брат-LV-DEV=3SG
Голову (животного) хозяин не должен забирать? (Ср. (20))

Таким образом, удинский язык отчетливо демонстрирует, что именно различия в стратегиях глагольного отрицания могут служить одним из важнейших параметров при семантической классификации глагольных форм и, шире, типов высказывания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	NOT — «нефинитное» отрицание
AOR — аорист	O — показатель косвенной основы
COND — реальное условие	PART — причастие несов. вида
CONV — деепричастие сов. вида	PERF — перфект
CTRF — контрфактическое условие	PL — множественное число
DAT — датив	POT — будущее потенциальное
DEV — будущее / долженствование	PRON — «прохибитивное» отрицание
ERG — эргатив	PRS — презент
FUT — будущее нейтральное	PST — прошедшее время
HORT — гортатив	SG — единственное число
IMP — императив	ST — часть глагольной основы, отделяемая клитиками
INF — инфинитив	SUBJ — конъюнктив
JUSS — юссив	TEMP — временное деепричастие
LV — служебный глагол (в сложных лексемах)	& — частица 'тоже, даже'
NEG — «финитное» отрицание	

может выступать особый показатель 3-го лица ед. ч. =a (вместо =ne || =e). ср. *fikirbsun=e lazim* 'нужно подумать' vs. *hik:ä besun=a lazim?* 'что нужно сделать?'.

ЛИТЕРАТУРА

- Ганенков и др. 2008 — *Ганенков Д. С., Ландер Ю. А., Майсак Т. А.* Удинский язык (ниджский диалект) // *Малые языки и традиции: существование на грани*. Вып. 2: Тексты и словарные материалы / Под ред. А. Е. Кибрика. М., 2008.
- Гукасян 1974 — *Гукасян В. Л.* Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
- Гусев 2005 — *Гусев В. Ю.* Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Джейранишвили 1971 — *Джейранишвили Е. Ф.* Удийский язык: Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Тбилиси, 1971. [На груз. яз.]
- Дирр 1904 — *Дирр А.* Грамматика удинского языка // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. XXXIII. Тифлис, 1904.
- Ксчаари 1996 — *Нана очьал* / Сост. Ж. Ксчаари. Баку, 1996. [На удин. яз.]
- Кибрик 2003 — *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кусикьян 1950 — *Кусикьян И. К.* Грамматика современного литературного армянского языка. М.; Л., 1950.
- Ландер, Сумбатова 2007 — *Ландер Ю. А., Сумбатова Н. Р.* Адыгейские отрицания // *Кавказский лингвистический сборник*. Вып. 18. М., 2007.
- Майсак и др. 2006 — *Майсак Т. А., Ландер Ю. А., Ганенков Д. С.* Удинский язык в переходный период (Филологические чтения — 41) // *Вопросы филологии*. 2006. № 3. С. 106–108.
- Майсак 2008а — *Майсак Т. А.* Варианты удинской орфографии и транскрипции (краткий обзор) // *Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка* / Отв. ред. М. Е. Алексеев, Т. А. Майсак. М., 2008.
- Майсак 2008б — *Майсак Т. А.* Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // *Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка* / Отв. ред. М. Е. Алексеев, Т. А. Майсак. М., 2008.
- Панчвидзе 1974 — *Панчвидзе В. Н.* Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1974. [На груз. яз.]
- Плунгян 2000 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Рогав, Керашева 1966 — *Рогав Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966.
- Auwera et al. 2005 — *Auwera J. van der, Lejeune L., Goussev V.* The Prohibitive // *The World Atlas of Language Structures* / Ed. by M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil, B. Comrie. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Aydınov, Keçaari 1996 — *Aydınov Y. A., Keçaari J. A.* Əlifba (Tletlir). Bəkü, 1996.
- Bernini, Ramat 1996 — *Bernini G., Ramat P.* Negative Sentences in the Languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 1996.
- Dabakov 2007 — *Udiğoy folklor: Nağılxo. Legendoox* / Сост. V. V. Dabakov. Астрахань, 2007. [На удин. яз.]
- Harris 2002 — *Harris A.* Endoclititics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002.

- Horn 2001 — *Horn L. R.* A Natural History of Negation. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Kahrel, Berg 1994 — Typological Studies in Negation / Ed. by P. Kahrel, van den R. Berg. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Kalinina, Sumbatova 2007 — *Kalinina E., Sumbatova N.* Clause Structure and Verbal Forms in Nakh-Daghestanian Languages // *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations* / Ed. by I. Nikolacva. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Keçaari 2001 — *Keçaari K.* Orayin. Bakı, 2001.
- Payne 1985 — *Payne J.* Negation // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. I / Ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Sadock, Zwicky 1985 — *Sadock J. M., Zwicky A. M.* Speech Act Distinctions in Syntax // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. I / Ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Schulze 1982 — *Schulze W.* Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982.
- Vogt 1971 — *Vogt H.* Grammaire de la langue géorgienne. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.

ОТРИЦАНИЕ В ТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Тайские языки — это приблизительно 25 языков и 90 миллионов говорящих на них в Таиланде, Лаосе, Китае, Вьетнаме, Мьянме и даже в Индии. Их генетические связи остаются неопределенными. Одни по традиции относят их к сино-тибетской языковой семье, другие связывают их с австронезийскими языками, наконец, третьи, в том числе автор этих строк, считают их самостоятельной семьей без сколько-нибудь четко выраженных связей с другими языковыми семьями региона.

По типологической классификации ТЯ принадлежат к языкам изолирующего строя с ярко выраженным аналитизмом. Характерной особенностью ТЯ является то, что подавляющее большинство слов/морфем, выражающих отношения между словами или передающих дополнительные значения, сопровождающие в тексте полнозначные слова, являются более или менее семантически прозрачными. В результате чего тайский аналитизм приобретает четко выраженную лексическую окраску.

Основная цель данной работы состоит в том, чтобы показать средства и способы выражения отрицания в ТЯ и представить механизм реализации данной категории в языках данного типа.

Отрицание в ТЯ является глагольной категорией, которая выражается аналитически, т. е. посредством специальных морфем-частиц. Тайские морфемы-отрицания, как правило, односложны и не этимологизируются.

В ТЯ используются десятки разных отрицательных частиц, внешне заметно отличающихся друг от друга. В большинстве языков бывает несколько таких частиц, при этом одна бывает наиболее нейтральной, общеупотребительной, а другие отягощены дополнительным значением, чаще всего аспектального, модального или стилистического характера. Например, в языке буи наряду с общеупотребительным отрицанием *mi2* имеется частица *vi6*, которая значит 'больше не': *vi6 teng1 tam6* 'больше не подвергался затоплению'. В языке тай-дэхун отрицание *paj1* приобрело дополнительное значение повеления: *maj2 paj1 haan4 pheew1* 'Ты не ленись!' В том же языке, как свидетельствует Прани Кунлаванит, из трех отрицаний одно *jang2* присуще разговорному языку, второе *am4* наоборот свойственно письменной речи, а его сокращенный вариант *m1* превалирует в языке младшего поколения

[Kullavanijaya 2001: 86]. Иногда внешне разные отрицания на самом деле являются либо фонетическими вариантами одного, как *am2*, *həm2*, *m2* в языке шан, или позиционными вариантами, как *m4*, *n4*, *ng4* в языке кхамти. Наконец, в некоторых случаях многообразие отрицаний объясняется диалектной раздробленностью языка. Наиболее ярким примером этого может служить язык ли, в каждом диалекте которого имеется свое отрицание. Этот язык также известен тем, что в нем имеется несколько слов, которые можно назвать либо модальными отрицаниями, либо отрицательными глаголами, это: *gwaj2* 'не быть', то есть супплетивная связка, *?wenj3* 'не иметь(ся)', *ai3* 'не желать (делать что-либо)', *rooj1* 'не уметь', *ka2* 'не мочь'.

Большинство отрицательных частиц, встречающихся в ТЯ, в предвительном порядке могут быть сведены в четыре основные группы:

1. *bə*, *baw*, *bo*, *bow*, *mə*, *maw*, *mbou*, *bay*
2. *mi*, *me*, *mie*, *mw*
3. *m*, *n*, *ng*
4. *?am*, *kam*, *həm*, *эм*, *шм*

Все слова 1-й группы представляют собой диалектные варианты одной морфемы. Это подтверждается корректностью соответствий рифм и регулярностью перехода лабиального *b-* в *m-* или наоборот. Сравни: Лунчжоу *bjook2*, Дэхун *mək2* и Лы *dək2* 'цветок'. Соответствие рифм в морфемах 2-й группы также не вызывает сомнений.

Морфемы 3-й группы только внешне похожи на самостоятельную группу, но на самом деле они относятся ко второй группе. Член этой группы, назализованная морфема *m*, по всей вероятности, представляет собой редуцированный вариант одной из морфем второй группы. Это подтверждается взаимозаменяемостью полной и кратких форм в соответствующих языках. Редукция рифмы является следствием безударности отрицательной частицы, которая в фонетическом плане представляет собой проклитику. Что касается других членов этой группы, морфем *n* и *ng*, то это всего лишь комбинаторные варианты первой, их распределение определяется характером инициали последующего ударного слога. Последняя предполагает, что предшествующее ей отрицание по своей фонетической реализации должно принадлежать к фонемам иного локального ряда, нежели она сама. Иными словами, отрицание и последующая инициаль должны быть представлены гетерогенными звуками. Явление диссимилиации такого рода наблюдается в языках кхамти, шан, тай-дэхун и других. Некоторые языки обходятся только одним отрицанием, представленным назализованной согласной *m*.

Морфемы, входящие в 4-ю группу, похоже, также не оригинальны. В конечном счете они, скорее всего, производны от морфем второй группы. В данном случае мы, кажется, имеем наглядное подтверждение того, что в языке ничто не исчезает бесследно. В результате редукции рифмы морфема *m* оказалась фонетически невыразительной, трудно выделяемой в потоке речи. Для преодоления этого недостатка понадобился протетический элемент в виде нейтрального центрального гласного /ə/, который вместе с положенной в этом случае в начале слога гортанной смычкой постепенно фонемизировались и сформировали на базе бывшей инициали слоги *?am*, *kam*, *həm*.

Вышеназванные отрицательные частицы, очевидно, так или иначе имеют отношение к отрицательным частицам китайского языка. По мнению Ло Юнсяня, тайские отрицательные частицы, состоящие из эксплозивного смычного и гласного заднего ряда (здесь частицы первой группы) находятся в родстве с отрицательной частицей китайского языка *bu*, а отрицательные частицы с губным сонантом в качестве инициали (здесь частицы второй группы) соответствуют китайской отрицательной частице *wu* [Luo Yongxian 1995]. Ло Юнсянь видит в этих соответствиях свидетельство общего происхождения этих слов. Но на мой взгляд, речь может идти и о заимствованиях, поскольку тайские формы соответствуют поздним китайским формам, а рефлексов других форм тайских слов, которые соответствовали бы более ранним китайским формам, не обнаружено.

Кроме упоминавшихся выше отрицательных частиц в ТЯ используется еще некоторое количество функционально аналогичных морфем большей частью неизвестной этимологии и неизвестного происхождения. К ним относится морфема *jang / cang / njang* etc., которая встречается в географически удаленных друг от друга языках тай-ныя и тай-нунг. Прани Кунлавани [Kullavanijaya 2000: 88] предполагает, что это старое тайское слово, выражавшее отрицание, но приведенные в подтверждение этой мысли факты представляются недостаточно убедительными.

Среди отрицательных частиц в ТЯ любопытная история отличает морфему *maj3* 'не' в ст. тай. Она образовалась в результате стяжения старой отрицательной частицы *mi4* и глагола *dai3* 'мочь', т. е.: *maj3* < *mi4 dai3*, приблизительно в середине XVIII в. и спустя сто лет стала стандартным средством выражения отрицания, вытеснив на периферию все остальные отрицательные частицы. Как видно из примера, в процессе слияния двух слов от первого компонента сохранился начальный согласный, а от второго компонента — рифма. Это типичный способ преобразования словосочетаний в простые слова в ТЯ. Интересно отметить, что

в языке буи сочетание этих же морфем дало *mjaɟ3*, употребляющееся в роли запретительной частицы: *mjaɟ3 yaɟ4 lo1* 'Не стреляй!'

По форме тайские отрицания обычно одинарные. Иногда в конце отрицательного предложения присутствует усилительная частица, но ее употребление факультативно, поэтому она не может считаться вторым отрицанием. Двойное отрицание зафиксировано только в нескольких языках, причем в большинстве случаев не в качестве единственного, а только альтернативного, стилистически обусловленного.

Ст. тай

1a) *khaw5 haa5 daj3 phon5 dii1 maj3*
они Отр2 достигать результат хороший Отр1

'Они не добились положительного результата'.

В этом предложении отрицание выражено расчлененной конструкцией *haa5... maj3*, в которой первый компонент, восходящий к глаголу со значением 'искать', является ее обязательным структурным компонентом и может быть обозначен как Отр2, а второй компонент *mi4* 'не' выступает основным отрицанием Отр1. Это предложение можно рассматривать как конвертированный вариант 1б:

1б) *khaw5 maj3 daj3 phon5 dii1*
они не добиваться результат хороший

'Они не добились положительного результата'.

Конструкция с двойным дополнением идет от теперь устаревших экзистенциальных предложений типа:

2) *raa2 nii4 haa5 maj4-sak2 mi4 daj3*
лес этот искать тик не мочь

'В этом лесу нет тиковых деревьев'.

Как отмечалось ранее, сочетание отрицательной частицы *mi4* 'не' с глаголом *daj3* 'мочь' со временем превратилось в *maj3* 'не', хотя и прежняя форма сохранилась на правах синтаксического варианта в определенном окружении. Но это всего лишь частный момент. Главное заключается в том, что эта конструкция перестала использоваться лишь для выражения экзистенциального отношения, но и стала наполняться иным содержанием, а глагол *haa5* 'искать' вместе с отрицательной частицей превратились в единое отрицание. Предложение с двойным отрицанием по содержанию тождественно соответствующему предложению с одинарным отрицанием, ср. 1a) с 1б), но они различаются коммуникативной направленностью. Благодаря отрицательной рамке, охватывающей всю рематическую часть, последняя оказывается в центре внимания.

Этот вид двойного отрицания встречается преимущественно в центральном, южном и северных диалектах тайского языка и реже в лао.

Другой вид двойного отрицания зафиксирован в некоторых диалектах языка чжуан, в том числе в диалекте дэбао, где двойное отрицание является нормой. Оно состоит из заимствованной из китайского языка отрицательной частицы *mej4* 'не' перед глаголом (Отр1) и усиленной частицы *naw2* в конце предложения (Отр2), например:

- 3) *ie4 mej4 kej1 naw2*
он Отр1 старый Отр2

'Он не старый!'

Аналогичное явление наблюдается и в некоторых других ТЯ. Но в них такая частица обычно является факультативной, что дает основание квалифицировать ее как усиленную частицу в отрицательных предложениях и только, как в ст. тай:

- 4) *mai3 pai2 dɔɔk2*
не идти Усилит

'Не пойду!'

Совершенно оригинальное сложное отрицание существует в тайском диалекте в провинции Петбури (Таиланд), описанное тайландской лингвисткой Дарани Критсанапхан [Krytsanaphant 1995]. В этом диалекте одно отрицание выражается сегментной единицей — *maj3* 'не' или ее алломорфом — назализованным *m*, которые занимают позицию после глагольно-актантной группы, а другое выражается супraseгментной единицей — особой тонемой (ультравысокий тон), реализующейся путем повышения основного тона предикативного глагола. Причем, если исходить из принципа обязательности / факультативности, то основным экспонентом отрицания (Отр1) будет супraseгментная тонема, так как ее присутствие обязательно, а сегментная морфема, хотя и редко, может отсутствовать. Примером такого предложения может быть следующее:

- 5) *piɪ1 nii4 chan5 tham6 naa1 maj3*
год этот я обрабатывать поле не
phrɔ̃ khum6 khaa3 jaal khaa3 puɟ5 m
так как окупать стоимость химикаты стоимость удобрения не

'В этом году я ничего не сажаю, так как (доходы от урожая) не покрывают расходы на химикаты и удобрения'.

Здесь в главном предложении отрицание выражено тонемой Т6 (ультравысокий тон) при глаголе *tham* 'делать, обрабатывать' вместо тонемы Т1 (средний ровный тон) в словарной форме и отрицательной частицей *maj3* 'не', а в придаточном предложении это значение выра-

жено также гонемой Т6 при глаголе *khum* 'окупать' вместо тонемы Т4 (высокий тон) в словарной форме и морфемой *m3*, являющейся алломорфом отрицательной частицы *maj3*.

Как говорилось выше, отрицание в ТЯ рассматривается здесь как глагольная категория. Ее показатели сочетаются только с глаголами и другими предикативными словами, то есть признаковыми словами, способными самостоятельно выступать в роли сказуемого предложения. Напомню, что класс глаголов в ТЯ включает если не все, то подавляющее большинство признаковых слов, которые в других языках, исходя из их лексического значения и грамматических свойств, распределяются по разным классам — глаголам, прилагательным, причастиям и т. п. Маркеры отрицания всегда находятся в позиции непосредственного предшествования глаголу. Перед существительным они встречаются только в идиоматических выражениях и фразеологизмах. Это свойство отрицательных частиц используется лингвистами для разбивки лексики на части речи или грамматические классы: слова, сочетающиеся с отрицанием — глаголы, а слова, не сочетающиеся с отрицанием — имена.

Это обстоятельство служит подтверждением того, что в сознании носителей ТЯ сохраняется представление об окружающем мире как совокупности сущностей и акциденций, предметного и признаков, о чем говорили великие философы древности. Сущности — постоянные, которые нельзя отрицать, а признаки — это переменные, которые могут быть, а могут и не быть, могут появляться и могут исчезать, и поэтому могут утверждаться или отрицаться. Такое восприятие мира тайцами подтверждается также тем, что в ТЯ, кроме нескольких, попавших под влияние европейских языков, нет абстрактных существительных, являющихся именами действия, типа 'хождение', 'чтение', 'управление' и т. д. Тайцам трудно представить себе признаковое понятие самостоятельным предметом мысли, субстанцией, о которой можно говорить. Тайская речь, как правило, предметно направленная.

Но это не значит, что тайи не могут отрицать, отторгать предметные понятия, выраженные именами. Это возможно, но при этом каждое такое понятие должно быть представлено в виде отдельной пропозиции. Например, предложение русского языка 'Он разводит не кур, а уток' в лаосском языке выглядит так:

6) laaw2 bɔɔ5 liang3 kaj5 (laaw2) liang3 pet1
он не разводить куры (он) разводить утки

В отрицательном предложении ТЯ обычно присутствует лишь одно отрицание, которое занимает позицию перед первым знаменательным глаголом (об исключениях речь пойдет ниже). Оно охватывает всю

актантно-предикатную структуру, включающую основных участников ситуации, но не распространяется на второстепенные члены предложения, не являющиеся строевыми членами предложения. Это можно хорошо видеть на примере из ст. тай:

- 7) khaw5 maj3 kin1 phak2 thii3 mai3 suk2
 он не есть овощи Отн. не спелый

‘Он не ест неспелые овощи’.

В этом предложении имеется два отрицания: одно общее, охватывающее глагол с дополнением, и второе побочное, входящее в состав определения к дополнению. Такое положение вещей стало возможным лишь потому, что второе отрицание относится к нестроевому члену предложения.

Для тайского предложения характерно наличие нескольких глаголов. Это проистекает, во-первых, из того, что значительная часть отношений между глаголом и связанными с ним актантами выражается не специализированными средствами, например, предлогами, а глаголами, и, во-вторых, из того, что так называемые морфологические категории, сопровождающие основной предикативный глагол, также выражаются глаголами. Эти глаголы могут находиться в отношении сочинения, цели, назначения и т. д. Такие последовательности глаголов называют сериальными конструкциями, глагольными цепочками и так далее. Но какой бы длины ни были эти конструкции или цепочки, отрицание обычно занимает место перед первым глаголом и охватывает всю конструкцию, контролируемую данным субъектом. Исключение составляют результирующие глагольные конструкции, речь о которых пойдет ниже. Примером отрицательных предложений с сериальной глагольной конструкцией могут быть следующие:

Бун

- 8) ta5-nguan2 ka6 mi2 taj5 pjaaj1 po1
 солнце тогда не исходить вершина гора
 ?o3 taw3 lew4
 выходить подниматься свершаться

‘Солнце тогда еще не поднялось из-за горы’.

Лао

- 9) phənp4 yang2 bəɔ5 than2 daj3 aw2
 он еще не успеть удаваться брат
 maak5-maj3 paj2 saj5 tuu3-jen2
 фрукты идти класть холодильник

‘Он еще не успел убрать фрукты в холодильник’.

По существу данные предложения являют собой полипредикативные конструкции, содержащие в себе несколько коррелятивных признаков, ориентированных на определенный субъект. А морфемы *bəɔ5* и

mi2 здесь выступают одновременно и маркерами отрицания, и кванторами общности, указывающими на то, что все предикаты нереальны.

В зависимости от способа реализации категории отрицания Даниэла Айсэк предлагает делить все языки на два типа: языки с согласованием по отрицанию (Negative concord languages) и языки без согласования по отрицанию (Nonnegative concord languages). Первые — это языки, в которых оператор отрицания ведет себя произвольно, связывая неограниченное количество переменных, а вторые — это языки, в которых оператор отрицания действует избирательно, связывая всего лишь одну переменную, причем какую-то определенную [Isac 1996: 145]. Очевидно, что тайские языки принадлежат ко второму типу.

Особый вид отрицательных предложений в тайских языках представляют предложения со значением невозможности реализации действия. Если в обычных отрицательных предложениях отрицательная частица была равнозначна выражению ‘неправда, что...’, то в этом типе она свидетельствует лишь о том, что акция могла бы иметь место, но она оказалась безрезультатной, либо не была доведена до конца, либо оказалась невозможной. В этих предложениях один глагол по своей семантике и свойствам принадлежит к непредельным глаголам, а другой, напротив, относится к предельным, эффе́ктивным глаголам. Показатель отрицания в этих построениях занимает позицию перед эффе́ктивным глаголом, как в следующих предложениях:

Буи

10) *te1 ða1 kə2 kə3 mi2 ðan1*

он искать место не видеть

‘Он не знал куда спрятаться’.

Лао

11) *baan3 haw2 liik5 phaj2 heeng6-leeng3 bəə5 phon3*

деревня мы избегать беда засуха не миновать

‘Нашей деревне не удалось избежать засухи’.

Ст. тай

12) *phom5 aan2 laaj1-miut1 khəəng5 khaw5 maj3 oək2*

я читать почерк Притяж. он не выходить

‘Я не разбираюсь в его почерке’.

В примерах 10) и 11) смысловая связь между глаголами, находящимися по разные стороны от маркера отрицания, более или менее прозрачная, но во многих случаях она чисто условная, конвенциональная, как в 11). Наиболее употребительным из всех так называемых предельных глаголов является глагол *daj3* или один из его местных вариантов. Этот глагол изначально имеет лексическое значение ‘получать’, ‘достигать’, ‘добиваться’

и т. д. Обладая широким спектром значений и регулярно употребляясь в результативных конструкциях с разными глаголами он стал стандартным средством выражения способности или возможности осуществления действия приобрел значение деонтического модального глагола 'мочь'. Теоретически он способен замещать если не все, то большинство предельных глаголов, но практически это невозможно, так как противоречит узусу. Он лишен той образности и выразительности, которой обладают другие предельные или эффективные глаголы в сочетании с другими глаголами.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в результативных отрицательных предложениях предикативная связь между субъектом и действием, названным в неопределенном глаголе, сохраняется, но она реализуется не так, как предполагалось или даже ее реализация почему-то стала невозможной. Сфера действия отрицания ограничивается указанием на отсутствие результата. При этом результат следует понимать широко. Результат может быть нулевым, неполным, ошибочным, не соответствующим поставленной цели и т. д.

Рассматриваемые предложения фактически представляют собой конструкцию, состоящую из двух стянутых в одно предложений. Например, 11) включает две пропозиции: *baan3 liik5 phaj2...* 'деревня избегает засуху' и *baan3 bɔɔ5 phon1 phaj2...* 'деревня не миновала засуху'. В процессе слияния двух пропозиций во второй отпали тавтологические компоненты и сохранились только отрицание и предельный глагол, которые указывают на то, что действию, названному в первой пропозиции, не суждено реализоваться.

Особенность рассматриваемых предложений состоит в том, что они в большинстве случаев не могут быть обращены в утвердительные, скажем, путем снятия отрицания. Иначе говоря, они не являются антиподом соответствующих утвердительных. Кроме того, в этих предложениях преимущественно выражается объективная невозможность реализации действия. Все вышесказанное, на мой взгляд, говорит о том, что отрицательные результативные предложения являют собой особый вид отрицательных предложений в ТЯ.

В заключение считаю нужным коснуться вопроса о квантитативах и словах, означающих минимальные величины, или о *negative polarity items*, как их называют в англоязычной литературе, поскольку иногда, особенно в учебной литературе, встречаются высказывания о том, что в тексте они якобы могут приобретать отрицательное значение. Для этого предлагаю рассмотреть пример из языка шан.

13) *phu3-jing4 le phu3-saaj4 naj5*

Женщина и мужчина Выделит.

phajl am2 mjaɬ3 se1 phajl phajl am2 tem2 se1 phajl
кто не плохой Сравн. кто, кто не хороший Сравн. кто

‘Никто, не женщина, не мужчина, не хуже и не лучше друг друга’.

Местоимение *phajl* ‘кто’ сохраняет свое референциальное значение ‘один человек’ или ‘все люди’ и не приобретает в приведенном контексте никакого отрицательного значения. Оно приписывается ему извне по аналогии с языками, в которых существуют отрицательные местоимения и т. п. В тайских языках нет такого рода квантификаторов и, следовательно нет проблемы взаимосвязи между квантификаторами и маркерами отрицания. В тайском предложении достаточно одного отрицания для представления пропозиции как реально не существующей.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко 1983 — *Бондаренко В. Н.* Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.
- Есперсен 1958 — *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
- Яхонтов 1965 — *Яхонтов С. Е.* Древнекитайский язык. М., 1965.
- Dahl 1979 — *Dahl O.* Typology of Sentence Negation // *Linguistics*. 1979. № 17.
- Givon 1978 — *Givon T.* Negation in Language: Pragmatics, Functions, Ontology / Peter Cole (ed.) // *Pragmatics (Syntax and Semantics)*. V. 9. N. Y., 1978.
- Haegeman 1995 — *Haegeman L.* The Syntax of Negation. Cambridge university press, 1995.
- Isac 1996 — *Isac D.* Negative concord and negative quantifiers // *Revue Roumaine de Linguistique*. T. XL1. № 3-4.
- Krytsanaphant 1955 — *Krytsanaphant D.* Thai Dialects in Phetburi province (in Thai) // *Science of Language*. № 7. Bangkok, 1955.
- Kullavaijaya 2000 — *Kullavanijaya P.* Phasaa Tai-Nya (Northern Tai). Bangkok, 2000 (in Thai).
- Li Fangkuei 1977 — *Fangkuei Li.* A Handbook of Comparative Tai // *Oceanic Linguistics Special Publication*. № 15. The University Press of Hawaii, 1977.
- Liangmin, Zhang Junru 1996 — *Liangmin, Junru Zhang.* An Introduction to the Kam-Tai Languages (in Chinese). Beijing. China Social Sciences Press, 1996.
- Luo Yonxian 1995 — *Yonxian Luo.* Negation in the Tai Languages in the Historical-Comparative Perspective // *Proceedings of the International Conference on Tai Languages and Cultures*. Bangkok.
- Takahashi, Thepkanjana 1967 — *Takahashi Kiyoko, Thepkanjana Kingkarn.* Negation in Thai Serial Constructions. A Pragmatic Study // *South East Asian Linguistic Studies in Honor of Wichin Panupong / Arthur S. Abramson (ed.)*. Bangkok, 1967.
- Vangli 1989 — *Vangli.* Historical Grammar of Chinese (in Chinese). Beijing, 1989.
- Warotamasikkhadit 1996 — *Warotamasikkhadit U.* Thai Reference Grammar (in Thai). Bangkok: Thammasat University, 1996.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МОРФОЛОГИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА В ВОДСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа посвящена частному явлению, зафиксированному в одном из еще живых говоров почти уже исчезнувшего водского языка (прибалтийско-финская ветвь финно-угорских языков). Это явление связано с образованием отрицательной формы у нескольких слов: вопросительно-относительных местоимений *tšen* 'кто' и *mikä* 'что' и схожих с ними по функциям неизменяемых слов: *kuhg* 'куда', *kuza* 'где', *kussä* 'откуда', *kens* 'когда'¹. Несмотря на очевидную локальность данного явления и немногочисленное число примеров (что объясняется ограниченностью данного класса слов), эти отрицательные формы заставляют задуматься над некоторыми вопросами, связанными с устройством языковых механизмов, действие которых проявляется во всей системе водской парадигматики.

Сам факт наличия отрицательных форм у местоимений известен. В грамматике [Ariste 1968: 61] (написанной на материале уже вымершего котельского говора) отмечается: «A series of indefinite pronouns, such as the negative pronouns are derived by means of certain affixes, e. g. *eb_mitāiD* (dialectally *eb_mittāD*, *Mati*) 'nothing', *ep_tšennīD* 'nobody', *eb_ühsīD* 'no one', *eb_miltineīD* 'no kind, no sort'. These pronouns are declined so that the emphatic negative suffix *-iD* always remains at the end of the word, e. g. *en taho miltissāiD_mahsua* 'I do not want any kind of payment', *tämä eb_juellu tšelleiD* 'he did not tell anyone', *emmä pajata tšenessāiD* 'we are not talking about anyone'». Описанной ситуации в большей или меньшей степени соответствуют данные одного из двух сохранившихся говоров западноводского диалекта — кракольского. В этом говоре мы наблюдаем отрицательные формы, образован-

Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ № 05-04-04051а и Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

¹ Эти слова нередко считают наречиями (см., например, [Ariste 1968: 108]), однако и по происхождению, и по функциям они имеют много общих черт с местоимениями. Тут можно было бы говорить об особом классе наречий, но мы воздержимся от обсуждения статуса этих слов, поскольку этот вопрос не имеет прямого отношения к теме данной статьи.

ные при помощи описанного суффикса: *mittäjt* 'что:PART:NEG'², *tšettäjt* 'кто:PART:NEG', *kuzajt* 'где:NEG'³ и т. п.

Однако второй из сохранившихся ныне западноводских говоров — песоцко-лужицкий — демонстрирует совсем другую картину. В нем отсутствует суффикс *-it/-(a)jt/-(ä)jt* (или аналогичный ему), в результате чего рассматриваемые формы выглядят по-другому⁴. Немногочисленность примеров, на основе которых строятся все дальнейшие рассуждения данной работы, позволяет привести эти примеры почти в полном объеме (естественно, мы не приводим примеры с одинаковыми формами в разных контекстах — нас интересуют лишь формы как таковые).

1. *miä mittä en nae* 'Я ничего не вижу'
2. *mikkä eB avita* 'Ничто не поможет'
3. *tšetä tämä suvvaB* 'Кого он любит?' *tämä tšettä eB suvva* 'Он никого не любит'
4. *hü jo tehti üs koto i nütt vanaZ tšenni eB elä* 'Они уже построили новый дом, и теперь в старом никто не живет'

² Мы намеренно отказываемся от использования таких переводов как 'ничто', 'никто' и пр. Поскольку рассматриваемые отрицательные формы практически всегда сопровождаются отрицательным глаголом, вопрос о том, кто собственно является носителем отрицательной семантики — глагол сам по себе или же местоимение вместе с глаголом — не имеет абсолютно однозначного ответа. Более того, как будет видно из последующего текста, есть серьезные основания полагать, что отрицательные формы используются лишь как сопровождающие отрицание, выраженное глаголом, а не являются собственно носителями отрицания.

³ Появление *-j* (в отличие от *-i* у П. Аристе) в рассматриваемом суффиксе объясняется исключительно различиями в системе транскрипции. Оглушаемый звонкий *-D* в данном суффиксе не был зафиксирован в краковском говоре (ему соответствовал глухой *-t*). Заметим также, что отрицательные формы слов *kuhe* 'куда', *kuzä* 'где' и *kussä* 'откуда' в грамматике [Ariste 1968] не отмечены.

⁴ Из четырех диалектов водского языка (западного, восточного, кривинского и куровицкого) на данный момент сохранились только два говора западного диалекта (песоцко-лужицкий и краковский — оба из нижнелужского арсала) и куровицкий диалект (он же — говор деревни Куровицы). Число представителей каждого говора очень мало. Устройство отрицательных форм в куровицком диалекте похоже на то, что мы наблюдаем в описываемом песоцко-лужицком говоре. Похожие формы отрицательных местоимений встречаются и в соседствующих идиомах, например, курголовском ингерманландском финском и в ряде ижорских говоров. Однако в данной статье мы ограничиваемся исследованием песоцко-лужицкого материала.

5. *tšellä siä anniD kojra* 'Кому ты дал собаку?' *en tšellä antennu* 'Никому не давал'
6. *tšeltä tämä vetti rahha* 'У кого он взял/брал деньги?' *eB tšeltä* 'Ни у кого'
7. *tšenessä tšä pajatetti* 'О ком вы говорили?' *emma tšenessä* 'Ни о ком'
8. *kase on tšene lahsi* 'Это чей ребенок?' *eB tšene ~ eB tšenne* 'Ничей'
9. *tšene-ka siä tšäJD mettsä* 'С кем ты ходил в лес?' *eB tšene-ka ~ eB tšenne-ka* 'Ни с кем'
10. *kuhe tämä meni* 'Куда он ушел?' *eB kuhhe* 'Никуда'
11. *kuza siä eliD* 'Где ты был?' *en kuzza* 'Нигде'
12. *kussä siä tuliD* 'Откуда ты пришел?' *en kussa* 'Ниоткуда'
13. *kens siä kaze iēD* 'Когда ты это сделаешь?' *en kensa* 'Никогда'

Все встречающиеся в примерах формы можно разделить на три класса:

1) Отрицательная форма образована при помощи геминии согласного в основе слова. Это формы *mittä* 'что:PART:NEG' (от *mitä* 'что:PART'), *mikkä* 'кто:NOM:NEG' (от *mikä* 'кто:NOM'), *tšettä* 'кто:PART:NEG' (от *tšetä* 'кто:PART'), *tšenni*⁵ 'кто:NOM:NEG' (от *tšen* 'кто:NOM'), *kuhhe* 'куда:NEG' (от *kuhe* 'куда'), *kuzza* 'где:NEG' (от *kuza* 'где'), которые представлены в примерах 1, 2, 3, 4, 10, 11 соответственно;

2) Отрицательная форма образована при помощи прибавления *-al/-ä* (здесь и далее через косую черту приводятся сингармонические варианты аффиксов), который вытесняет конечный гласный исходной позитивной формы, если она заканчивается на гласный. Это формы *tšellä* 'кто:ADALL:NEG' (от *tšella* 'кто:ADALL'), *tšeltä* 'кто:ABL:NEG' (от *tšelta* 'кто:ABL'), *kussa* 'откуда:NEG' (от *kussä* 'откуда'), *kensa* 'когда:NEG' (от *kens* 'когда'), представленные в примерах 5, 6, 12, 13.

3) Отрицательная форма ничем не отличается от позитивной (например, форма *tšenessä* 'кто:ELAT:NEG' и 'кто:ELAT' из примера 7)⁶.

⁵ Причины появления конечного *-i* нам не совсем ясны. Возможно, это рудимент суффикса *-ii* (так, в соседнем кракольском говоре эта же форма выглядит как *tšenni*), который сохранился из-за соображений благозвучности. Поскольку непохоже, что *-i* здесь можно трактовать как специальный показатель, мы считаем, что *tšenni* не имеет суффикса.

⁶ Естественным образом возникает вопрос о том, насколько полный список возможных отрицательных форм представлен в примерах. Абсолютно однозначного ответа на этот вопрос мы дать не можем. В некоторых случаях нам просто не удалось получить контекст, который бы требовал употребления отрицательной формы. Во многих случаях специальной отрицательной формы не появлялось, то есть отрицательная форма совпадала с позитивной (случаи такого рода не представляют особого интереса, и поэтому мы иллюстрируем их лишь одним примером).

Иногда наблюдается варьирование форм: либо отрицательная форма не отличается от позитивной, либо она образуется при помощи геминии согласного: (формы *tšene* ~ *tšenne* 'кто:GEN:NEG', *tšene-ka* ~ *tšenne-ka* 'кто:GEN:NEG-COM' из примеров 8 и 9⁷).

Слова, отрицательные формы которых образуются при помощи прибавления гласного *-a/-ä*, имеют фонетическую структуру, отличную от слов, использующих геминию. У вторых последний согласный одиночный и негеминированный, у первых же он либо геминированный, либо в сочетании с другим согласным. И геминированный согласный, и пара согласных не допускают образования отрицательной формы при помощи геминии⁸. Таким образом, структурно обусловленным является распределение двух типов отрицательных форм: отрицательной формы на *-a/-ä* в случае, когда согласный в основе не допускает геминии, и отрицательной формы с геминией в основе, но без показателя *-a/-ä*. Причин, которые бы объясняли, почему в каких-то случаях отрицательная форма не образуется, похоже, не существует (например, отрицательная форма от *tšenessä* 'кто:ELAT' могла бы выглядеть как **tšenessa* 'кто:ELAT:NEG', однако она не признавалась носителями языка как правильная)⁹.

Выскажем некоторые соображения по поводу описанного языкового факта.

Первый вопрос, который возникает при анализе этого языкового материала, касается проблемы разграничения лексем и словоформ. Никогда не вызывал сомнения тот факт, что местоимения *mikä* 'что' и *tšen* 'кто' — это склоняемые слова с полноценной парадигмой. Конечно, существует ряд различий между парадигмами этих местоимений и парадигмами обычных имен: во-первых, у рассматриваемых

⁷ В принципе, можно считать, что тут мы имеем дело лишь с одной варьирующей формой — формой генитива, поскольку комитатив не является полноценным падежом и по ряду параметров комитативный показатель *-ka* вполне может рассматриваться как специфический послелог, управляющий генитивом (см., например, [Маркус 2007]).

⁸ Вообще консонантный кластер, состоящий из двух согласных, второй из которых является геминированным, в водском языке возможен, например, *nurkk* 'угол:НОМ'. Однако тот тип геминии, к которому мы относим геминию в отрицательных формах (он называется вторичной геминией — подробнее см. ниже) невозможен для неединичных согласных.

⁹ Возможно, что для этой формы препятствием становится избегание омонимии: форма **tšenessa* очень близка по звучанию к терминативной форме *tšene-ssä*. Этот аргумент подходит и для транслатива *tšenessi*. Однако для инессива и иллатива (*tšeneZ*, *tšenne*) никакой омонимии не возникает.

местоимений парадигма множественного числа дефектная (во множественном числе существует только форма номинатива), во-вторых, некоторые формы нельзя считать регулярными: у местоимения *tšen* во внешнеместных падежах и в номинативе множественного числа основа оказывается сокращенной (*tše-* вместо ожидаемого *tšene-*); у обоих местоимений форма партитива образуется нестандартно (*tšetä* и *mitä* не укладываются в обычные правила образования партитива). Такого рода отклонения (вполне характерные для местоименных систем) не могут все же вызвать сомнений в самом факте существования парадигмы. Однако отрицательные формы создают серьезную проблему. Тривиальный вариант описания, при котором мы можем постулировать наличие отрицательного местоимения со своей парадигмой, не подходит для данной ситуации (в отличие, например, от русского; ср. две лексемы: *кто* с формами *кто, кого, кому, кого, кем, о ком* и *никто* с формами *никто, никого, никому, никого, никем, ни о ком*). Приведем для местоимения *tšen* 'кто' список позитивных и отрицательных форм¹⁰.

Падежи и их показатели ¹	Позитивная форма	Отрицательная форма
NOM (Ø)	<i>tšen</i>	<i>tšenni</i>
GEN (Ø)	<i>tšene</i>	= ² ~ <i>tšenne</i>
PART (-tə/-a/-ä)	<i>tšetä</i>	<i>tšettä</i>
ILL (Ø)	<i>tšenne</i>	=
INESS (-Z)	<i>tšeneZ</i>	=
ELAT (-ssə)	<i>tšenessə</i>	=
ADALL (-llə)	<i>tšellə</i>	<i>tšellä</i>
ABL (-ltə)	<i>tšeltə</i>	<i>tšeltä</i>
TRANS (-ssi)	<i>tšenessi</i>	=
COM (-ka)	<i>tšene-ka</i>	= ~ <i>tšenne-ka</i>

Примечания.

¹ Мы приводим показатели, которые типичны для форм единственного числа существительных (то есть регулярные падежные показатели). Местоимение *tšen* 'кто' обладает такой же системой показателей (только у партитива сохранился архаичный вариант *-tə*, из которого впоследствии образовались современные регулярные варианты).

² Знак «=» означает, что в контекстах, где обычно появляется отрицательная форма, использовалась обычная падежная форма местоимения (что может интерпретироваться либо как отсутствие отрицательной формы, либо как совпадение отрицательной формы с неотрицательной). Знак «~» обозначает возможность варьирования.

¹⁰ В таблице не приведена единственная форма множественного числа *tšed* 'кто:PL.NOM', поскольку нам не удалось подобрать контексты, в которых могла бы появиться соответствующая отрицательная форма. В спонтанной речи отрицательная форма множественного числа также никогда нами не наблюдалась.

Несложно заметить, что отрицательные формы никак не укладываются в парадигму с привычными падежными показателями. То есть либо мы должны постулировать нерегулярное образование практически всех отрицательных форм, либо просто отказаться от идеи существования некоторого отрицательного местоимения со своим набором падежных форм и считать каждую отрицательную форму отдельной лексемой. Оба подхода выглядят странно или даже абсурдно. В первом случае приходится вводить набор падежных показателей, специфичных для каждого слова. Например, сопоставив всего три формы *tšenne* 'кто:GEN:NEG', *tšettä* 'кто:PART:NEG' и *tšellä* 'кто:ADALL:NEG', мы приходим к тому, что у генитива появляется падежный показатель *-nne* (при том, что у генитива единственного числа в рассматриваемом говоре вообще нет специального показателя), у партитива появляется показатель *-ttä* (вместо обычных *-ta*, *-a/-ä* либо архаичного *-tä*), а в адессиве-аллативе возникает *-llä* вместо *-lla*)¹¹. Если же принять второй вариант, то становится невозможно уложиться в привычную схему организации грамматики, в которой подразумевается, что от некоторого слова при помощи словообразовательных аффиксов образуются дериваты (отдельные лексемы), а каждая лексема обладает набором словоформ, составляющих ее парадигму. Действительно, вместо ожидаемой схемы получается, что от ряда падежных форм местоимения образуются (причем разными способами!) дериваты, представляющие собой отдельные неизменяемые лексемы (от *tšen* образуется лексема *tšenni*, от партитива местоимения *tšen* образуется лексема *tšettä* и т. д.). Обсуждаемая проблема достаточно актуальна, хотя бы потому, что от ее решения зависит вопрос организации лексики в словаре. Так, например, в словаре [Vadja keele sõnaraamat 1996] отрицательная форма *mikää ~ mikkää ~ mikkä*¹² дается как отдельный вход (не связанный с позитивной формой *mikä*), в котором отмечается также форма партитива *mitää ~ mittää*. При этом как два отдельных входа выделяется *mitää*: в одном случае со значением 'ничего; вообще (нет)' (также дается вариант *mittä*), в другом случае просто с отсылкой к *mikää* 'ничто'. Здесь наблюдается явная непоследовательность: по непонятным

¹¹ Выделение основ слова каким-либо другим образом не упростит описываемую ситуацию.

¹² Здесь и далее, цитируя источники, мы сохраняем транскрипцию, принятую в них. Расхождения в записи форм могут быть обусловлены как различием транскрипций (например, мы обозначаем вторую часть дифтонга как «j» вместо традиционно используемого «i»), так и варьированием формы в разных говорах.

причинам *mitää ~ mit'ää* разделяется на два варианта (практически с одинаковой семантикой!), один из которых считается партитивом от *mikää ~ mikkää ~ mikkä*, другой — независимой лексемой. К сожалению, пока что незавершенное издание последних томов словаря не позволяет выяснить, как авторы решили вопрос с местоимением *tšen*, которое явно создает еще более серьезные проблемы из-за большего числа отрицательных форм.

Представление отрицательных форм как независимых лексем неудобно также из-за того, что в этом случае приходится вводить деривативный суффикс *-a/-ä*, располагающийся после словоизменительных падежных аффиксов¹³.

По-видимому, единственным решением описанной проблемы становится квалификация отрицательных форм как результата «операции», т. е. некоторого семантически мотивированного изменения формы, осуществляемого по определенным правилам, но не сводящегося к прибавлению форматива с четким словообразовательным или словоизменительным статусом (через понятие операции нередко описываются, например, редуцированные формы, не укладывающиеся в привычную схему словообразовательных и словоизменительных аффиксов с постоянным сегментным составом). При таком решении мы признаем, что отрицательные формы не являются независимыми лексемами, но и не требуем от них быть организованными в виде парадигмы с привычными падежными показателями.

Другая проблема касается статуса не самих отрицательных форм, а тех языковых механизмов, которые эти формы образуют. Как было отмечено выше, таких механизмов два: добавление показателя *-a/-ä* или геминация согласного. Первый из них может рассматриваться как обычный суффикс. Является ли он результатом сокращения суффикса *-ajD/-äjD ~ -ajt/-äjt*, наблюдаемого в других говорах, или же наоборот,

¹³ Конечно, встречаются разного рода нерегулярности, нарушающие универсалию, постулирующую, что словообразовательные суффиксы находятся ближе к корню, чем словоизменительные. Например, водские неопределенные местоимения образуются при помощи форматива *-le(B)* (образовавшегося из формы бытийного глагола будущего времени [Ariste 1968: 61], ср. с русским *-нибудь*), в ряде форм не имеющего четкой позиции — иногда он располагается перед падежным показателем, иногда после (подобного рода «плавающие» суффиксы встречаются в агглютинативных языках, ср., например, с показателем множественного числа в марийском языке). Но при образовании отрицательных форм *-a/-ä* не является «плавающим» суффиксом, равно как и результатом грамматикализации какого-либо слова.

суффикс *-ajD/-äjD* ~ *-ajt/-äj* сформировался из двух формативов *-a/-ä* и *-jD* ~ *-jt* (и в рассматриваемом говоре используется только первый из них) — принципиально только с точки зрения истории языка и не сказывается на морфологическом статусе показателя *-a/-ä*¹⁴. Значительно интереснее обстоит дело со вторым механизмом — геминацией согласного. Очевидно, что геминация как таковая может иметь в языке разный статус. Во-первых, она может быть фонетическим явлением. Это происходит тогда, когда фонетическая структура слова требует от согласного в определенной позиции изменить свои фонетические характеристики (длительность и интенсивность) и выступать в виде геминаты. Во-вторых, гемината может обладать фонологическим статусом. В таком случае возможно парадигматическое распределение форм, одни из которых содержат геминированный согласный, другие — негеминированный. Соотношение геминированного и негеминированного согласных становится по сути одним из видов чередования и должно рассматриваться как явление из области морфонологии¹⁵. В-третьих, геминация может быть морфологическим средством, т. е. единственным (или, по крайней мере, основным) способом маркирования морфологических оппозиций внутри парадигмы.

Мы выдвигаем следующие два утверждения:

1. Геминация в водских отрицательных формах — это яркий пример геминации, которая является морфологическим средством, хотя она приобрела этот статус не сразу.

¹⁴ Тут обращает на себя внимание ряд мелких фактов, которые, возможно, не связаны друг с другом, но заслуживают того, чтобы быть упомянутыми: 1) один из двух основных алломорфов показателя партитива единственного числа выглядит как *-a/-ä*; 2) в кракольском говоре во множественном числе у партитива показатель *-t*, а в песочно-лужицком говоре он нулевой, например, *kalaj-t* 'рыба:pl-part' (Краколье), но *kalaj* (Пески-Лужицы). Ср. с формами отрицательных местоимений: *tšennit* 'кто:ном:NEG', *tšettäit* 'кто:part:NEG' (Краколье) и соответственно *tšenni*, *tšettä* (Пески-Лужицы); 3) появление форм со вторичной геминацией наиболее характерно именно для партитива; 4) партитив — это падеж, оформляющий объект во всех отрицательных предложениях.

¹⁵ Мы исходим из представления, что в область морфонологии попадают все процессы, описывающие отклонения фонемного состава реальной формы от некоторого абстрактного идеала, определяемого формулой «фонемный состав формы является конкатенацией последовательности фонем корня и последовательности фонем аффикса (аффиксов)». Очевидно, что в общем случае этого определения может быть недостаточно, однако для темы данной работы оно вполне функционально.

2. Будучи морфологическим средством, геминация должна рассматриваться как редупликация.

Прежде чем переходить непосредственно к доказательству этих утверждений, опишем вкратце, что известно про геминацию, которая представлена в водских отрицательных местоимениях.

В некоторых говорах водского языка наблюдается ряд форм, где геминация согласного возникла как чисто фонетическое явление (геминировались согласные перед конечным долгим гласным или дифтонгом, подробнее см. [Kettunen 1930: 119–122]). Данное явление было названо вторичной геминацией (чтобы отличить новообразованные геминаты от геминат, существовавших еще на уровне прибалтийско-финского единства), см. [Viitso 1964: 24]: «Считая изначальной такую фонетическую геминацию, которая прослеживается, по крайней мере, в гипотетическом прибалтийско-финском праязыке, под вторичной геминацией мы понимаем здесь фонетическое геминирование изначального одиночного согласного после краткого гласного предшествующего слога перед долгим гласным». В некоторый момент новообразованные геминаты фонологизировались и вторичная геминация потеряла статус чисто фонетического явления, приблизившись по своим функциям к механизму чередования ступеней согласных¹⁶.

Таким образом, в водском языке существуют два механизма, связанные с варьированием консонантных кластеров основы в парадигме слова. Во-первых, это чередование ступеней (характерное для многих финно-угорских языков, в частности, для всех прибалтийско-финских), например, *lejpä* ‘хлеб:PART’ — *lejä* ‘хлеб:GEN’, *johsma* ‘бежать:INF2’ — *johzen* ‘бежать:PRS:1SG’, *tokkua* ‘падать:INF1’ — *tokun* ‘падать:PRS:1SG’. Во-вторых, это вторичная геминация, появляющаяся в определенных формах (в водском кроме отрицательных форм местоимений она существует в иллативе и партитиве единственного числа некоторых имен, в презенсе, императиве и обоих инфинитивах некоторых глаголов), например, *jeki* ‘река:NOM’ — *jekkia* ‘река:PART’, *tšülä* ‘деревня:NOM’ — *tšüllä*

¹⁶ Вокруг понятия вторичной геминации возникали научные споры (см. [Alvre 1967, Viitso 1967]), которые все же не привели к достаточно четкому разграничению вторичной геминации и чередований ступеней согласных. Некоторые из рассматриваемых в нашей работе форм приводились именно как примеры вторичной геминации. Так, в работе [Viitso 1967: 28] указаны отрицательные формы *tšētä* ~ *tšētäiD*, *mittä* ~ *mittäiD*, *kuzzaiD*, *kuzzei*, а также (по-видимому, по ошибке) *kussait*, которая образована от слова *kuss(u)* ‘откуда’, уже исходно содержащего геминацию.

‘деревня:ILL’, *suvata* ‘любить:PRS:3PL’ — *suvvama* ‘любить:INF2’ — *suvvan* ‘любить:PRS:1SG’ — *suvva* ‘любить:IMP’, *aja* ‘гнать:IMP’ — *ajja* ‘гнать:INF1’. Чередование ступеней и вторичная геминация выполняют практически одну и ту же функцию¹⁷. В такой ситуации возможны два способа описания водской парадигматики. В одном случае чередование ступеней и вторичная геминация могут рассматриваться как морфонологические чередования, лишь сопровождающие аффиксацию. Это соответствует историческому подходу (и тот и другой механизм возникли как фонетическое изменение консонантного кластера, определяемое, в частности, изменением фонетической структуры формы при прибавлении аффикса), но меньше соответствует синхронному состоянию языка, поскольку сейчас мы можем наблюдать оппозиции форм, различающихся консонантными кластерами основы, но не аффиксами, например, *kala* ‘рыба:НОМ’ ~ *kalila* ‘рыба:ПАРТ’, *pehko* ‘куст:НОМ’ ~ *pehgo* ‘куст:ГЕН’.

При другом подходе можно считать, что имеются два равноправных средства противопоставления форм: одно из них аффиксация, другое — варьирование консонантных кластеров основы, причем оба они действуют параллельно (существуют как словоформы, различающиеся и аффиксами, и консонантными кластерами, так и словоформы, различающиеся одним из этих маркеров, ср., например, *revo* ‘лиса:ГЕН’ ~ *reppoa* ‘лиса:ПАРТ’, *nāpuri* ‘сосед:ГЕН’ ~ *nāpuria* ‘сосед:ПАРТ’, *pojga* ‘сын:ГЕН’ ~ *pojka* ‘сын:ПАРТ’)¹⁸. Тот факт, что большинство форм в парадигмах имен и глаголов все-таки различается не только консонантными кластерами основы, но и аффиксами, позволяет исследователю выбрать любой из этих двух способов описания¹⁹.

¹⁷ В результате в водском языке наблюдаются тройные противопоставления консонантных кластеров, например, *jaga* ‘делить:IMP’ — *jakama* ‘делить:INF2’ — *jakka* ‘делить:INF1’, *jege* ‘река:ГЕН’ — *jeki* ‘река:НОМ’ — *jekkia* ‘река:ПАРТ’, что в принципе позволяет на синхронном уровне рассматривать их как единый механизм. Тем не менее для описания парадигматики разграничение вторичной геминации и чередования ступеней может оказаться удобным, поскольку существуют определенные распределения этих механизмов как по формам, так и по задействованным консонантным кластерам.

¹⁸ Подобного рода дилемма наблюдается нередко. Ср., например, с русским языком, где на сегментные отличия форм накладываются различные акцентуационные типы.

¹⁹ Подобного рода проблемы выбора метода описания (коррелирующие с пониманием того, где проходит граница между морфонологией и морфологией) существуют во многих языках. Естественно, они вызвали различные дискуссии (см., например, [Касевич 1986; Кубрякова, Панкрац 1983; Толстая 1998]), однако для темы данной статьи это несущественно.

Однако в рассматриваемых отрицательных формах между механизмами аффиксации и вторичной геминации наблюдается дополнительная дистрибуция (отрицательная форма отличается от неотрицательной либо аффиксом, либо геминацией, но не тем и другим одновременно), что уже никоим образом не позволяет рассматривать вторичную геминацию как морфонологическое чередование, сопутствующее аффиксации. Очевидно, что геминация становится вполне самостоятельным морфонологическим маркером. Таким образом, первое из высказанных выше утверждений (т. е. то, что геминация в отрицательных формах — это морфонологический механизм) не должно вызывать сомнения.

Доказательство второго утверждения (о том, что геминация в отрицательных формах должна рассматриваться как редупликация) требует ответа на несколько вопросов (первый из которых касается удобства предложенного подхода, остальные — его правомерности), а именно:

1. Почему исследователю было бы удобнее рассматривать геминацию в отрицательных формах как редупликацию?

2. Может ли геминация в принципе считаться редупликацией?

3. Насколько естественно выглядит ситуация, когда одни отрицательные формы образуются при помощи редупликации, а другие при помощи аффиксации?

4. Насколько семантика рассматриваемых форм близка к тем значениям, для выражения которых обычно используется редупликация?

Ответим на эти вопросы.

1. Удобство предложенного подхода очевидно: редупликация традиционно рассматривается как операция²⁰. Если не вводить понятие операции (которое может быть применимо не только к лексемам, но и к их словоформам), то остается неясным, как рассматриваемые отрицательные формы могут быть встроены в обычную схему «к корню добавляются словообразующие аффиксы и получаются новые лексемы, а последующее присоединение к ним словоизменительных показателей создает словоформы» (см. выше). Введение же операции «редуплика-

²⁰ Конечно, попытки рассматривать редупликацию как специфическую систему аффиксации предпринимались неоднократно. Однако все эти попытки были, с нашей точки зрения, несудачными. Действительно, введение аффиксов, не имеющих ни постоянного сегментного состава, ни четко определяемой позиции в словоформе, да к тому же иногда состоящих из нескольких морфем (редупликации может подвергаться не только одна морфема, см., например, [Рожанский 2000]), делает определение термина «аффикс» крайне аморфным. Поэтому мы позволяем себе отказаться от такого подхода, как от заведомо провального.

ция согласного (или добавление форматива *-a/-ä*) со значением отрицания» позволяет выстроить более стройную систему и объединить в единую парадигму как неотрицательные, так и отрицательные формы.

Попытка же рассматривать геминацию в отрицательных формах как морфонологическое явление, сопутствующее аффиксации, выглядит довольно неубедительно. Как уже было сказано выше, геминация в отрицательных формах наблюдается там, где аффиксации как таковой нет, а аффиксация есть там, где нет геминации. Можно, конечно, считать, что у форм с геминацией существует нулевой аффикс (иначе становится непонятно, что является маркером отрицательности, например, в форме *kühhe* 'куда:NEG'). Никаких причин, принципиально запрещающих такой подход, нет, но, очевидно, что более простой способ описания — это введение операции редупликации.

2. Обычно, когда говорят о редупликации, неискушенный лингвист сразу представляет случаи редупликации слова (типа «культур-культу») либо, по крайней мере, слога (как, например, в древнегреческом перфекте). Идея того, что возможна редупликация лишь одной фонемы, часто вызывает недоверие. В действительности же такая ситуация встречается во многих языках. Например, в арабском языке при помощи редупликации противопоставляются породы глаголов (ср. *farada* 'быть единственным, отделять' и *farrada* 'выделять', *kasara* 'разбивать' и *kassara* 'разбивать много раз или на мелкие части', *salata* 'вытаскивать' и *sallata* 'вытаскивать что-либо много раз'), в фула редупликация согласного используется как словообразовательное средство²¹. Таким образом, редупликация одной фонемы не является чем-то исключительным.

3. Для редупликации и аффиксации крайне характерно переплетаться как в пределах одной формы, так и распределяясь по различным формам (более подробные иллюстрации этого явления см., например, в [Рожанский 2000, Рожанский 2008]).

4. Ответ на вопрос о редупликации как маркере отрицания наименее тривиален. Существуют языки, где редупликация выражает отрицание, например, в ицаринском диалекте даргинского языка (см. [Sumbatova, Mutalov 2003: 61–62]) отрицательные глагольные формы некоторых времен образуются именно при помощи редупликации: *b=urX̄ärX̄-* 'толкать:PERF:NEG' от *b=urX̄-* 'толкать:PERF', *irX̄ērX̄-* 'рвать:IMPF:NEG' от

²¹ См. [Коваль, Зубко 1986: 39]: «Полная редупликация как словообразовательный прием особенно часто используется в восточных диалектах <...> Более часто — и при этом во всех диалектах — отмечается частичная редупликация, которая обычно представлена геминацией конечного согласного корня».

ir̄X̄- ‘рвать:IMPF’, *luḡaḡ-* ‘наряжать:IMPF:NEG’ от *luḡ-* ‘наряжать:IMPF’. Однако собственно выражение отрицания нельзя отнести к числу типичных функций редупликации. Значительно чаще редупликация возникает лишь как средство усиления отрицания при том, что само отрицание выражается специальными маркерами. Даже приведенные даргинские примеры образовались за счет «растворения» отрицательного показателя, в других же даргинских говорах он сохранился (в редуплицированной форме он занимает место между ее двумя частями), и тем самым редупликация оказывается средством, сопровождающим отрицание. Приведем еще один пример этой функции редупликации. В работе [Минлос 2002], где рассматривается неточная мотивированная редупликация, отмечается: «Эта редупликация довольно часто выступает в контексте отрицания, например в турецком: *dergi mergi okumuyor* ‘он не читает журналов или чего-то подобного’; <...>; в урду: *deco bacce-wacce kukh nahihn pahluhnga* ‘Послушай, я не буду воспитывать всяких там детей’, *darahsl baht yah hai merah kohih cacah-wacah nahihn* ‘В действительности дело в том, что у меня нет **никакого** дялюшки’». Усиление же как таковое является функцией, для редупликации вполне характерной²² и соответствующей ее иконической сущности. Рассматриваемые в данной статье водские формы также следует квалифицировать как сопровождающие отрицание, а не выражающие его. Действительно, в приведенных примерах мы всегда наблюдаем наличие отрицательного глагола (*e-*), а случаи появления отрицательных слов без него для водского языка нетипичны²³.

Таким образом, можно утверждать, что существуют вполне веские причины, чтобы считать геминацию в отрицательных формах редупликацией. И именно отрицательные формы, образующиеся всего от нескольких слов, показывают, каким образом в водском языке смог развиться новый языковой механизм.

²² Ср., например, следующие предложения в разговорном испанском: *Soy de Madrid* ‘Я из Мадрида’ и *Soy de Madrid Madrid* ‘Я именно из Мадрида (а, например, не из пригорода)’.

²³ В отличие, например, от русского языка, где отрицание дублируется только в полном предложении, краткий же вариант может обходиться только отрицательным местоимением: — *Кого ты видел?* — *Никого не видел* ~ — *Никого*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL — аблатив	PL — множественное число
INF2 — второй инфинитив	IMP — императив
ADALL — адессив-аллатив	PRS — презенс
NEG — отрицательная форма	IMPF — имперфект
COM — комитатив	TRANS — транслатив
NOM — номинатив	INESS — инессив
GEN — генитив	1SG, 2SG, 3SG, 1PL, 2PL, 3PL — показате- ли лица и числа в глагольных формах
PART — партитив	INF1 — первый инфинитив
ELAT — элатив	
PERF — перфект	
ILL — иллатив	

ЛИТЕРАТУРА

- Касевич 1986 — *Касевич В. Б.* Морфонология. Л., 1986.
- Коваль, Зубко 1986 — *Коваль А. И., Зубко Г. В.* Язык фула. М., 1986.
- Кубрякова, Панкрац 1983 — *Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г.* Морфонология в описании языков. М., 1983.
- Маркус Е. Б. 2007 — *Маркус Е. Б.* О статусе комитатива и терминатива в водском языке // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской. Москва, 12–16 ноября 2007 г. Тезисы. М., 2007. С. 155–162.
- Минлос 2002 — *Минлос Ф. Р.* Неточная редупликация как средство выражения значений репрезентативной множественности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международного семинара Диалог'2002. Т. 1. Теоретические проблемы. М., 2002. С. 291–295.
- Рожанский 2000 — *Рожанский Ф. И.* Редупликация в Западной Африке // Основы африканского языкознания. Морфемика. Морфонология. М., 2000. С. 344–412.
- Рожанский 2008 — *Рожанский Ф. И.* Редупликация как словообразовательное средство в языках Западной Африки // Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М., 2008. С. 495–530.
- Толстая 1998 — *Толстая С. М.* 1998. Морфонология в структуре славянских языков. М., 1998.
- Alvre 1967 — *Alvre P.* Kas fantaasia või faktid? // Keel ja Kirjandus. Nr. 2. Tallinn, 1967. Lk. 106–110.
- Ariste 1968 — *Ariste P.* A grammar of the Votic language. Bloomington; The Hague: Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 68. 1968.
- Kettunen 1930 — *Kettunen L.* Vätjan kielen äännehistoria. Toinen, uusittu painos. Helsinki, 1930.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — *Sumbatova N., Mutalov R.* A Grammar of Icarí Dargwa. [LWM 92]. München; Newcastle, 2003.

- Vadja keele sõnaraamat 1996 — Vadja keele sõnaraamat III (L–M) / Toim. Elena Adler & Merle Leppik. Tallinn, 1996.
- Viitso 1964 — *Viitso T.-R.* Hilisgeminatsioonist vadja keeles // Труды по прибалтийско-финским и волжским языкам. Академия наук Эстонской ССР. Институт языка и литературы. Töid läänemeresoome ja volga keelte alalt. Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Keele ja Kirjanduse Instituut / Toim. E. Pajusalu-Adler. Таллин, 1964. Lk. 24–36.
- Viitso 1967 — *Viitso T.-R.* Recontra: Hilisgeminatsioonist ja sellega seotust // Keel ja Kirjandus. Nr. 2. Tallinn, 1967. Lk. 103–105.

Н. В. СОЛНЦЕВА

ОСОБЕННОСТИ ОТРИЦАНИЙ В ЯЗЫКАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

(НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Языки данного ареала образуют языковой союз (*sprachbund*), в котором их объединяют общие черты. Общими чертами характеризуются и отрицания в большинстве языков союза.

Для языков Восточной и Юго-Восточной Азии (В. и ЮВА) характерно наличие большого числа отрицаний. В этих языках отрицания подразделяются на две группы. Отрицания первой группы обслуживают только именные части речи, отрицания второй группы непосредственно сочетаются только с глаголами и прилагательными, т. е. с предикативами, а также с наречиями. Так, например, в китайском языке отрицание 不 *bu*⁴ «не, нет» в сочетании со связкой 是 *shi*⁴ «есть, являться» употребляется с существительными и с личными местоимениями.

Это же отрицание — 不 *bu*⁴, но без связки входит в число отрицаний, обслуживающих предикативы.

Подобное подразделение отрицаний по признаку отнесенности к разным частям речи отмечено в древних и современных языках региона. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы экспедиционного обследования языков народов, населяющих Вьетнам [см. Материалы экспедиции 1986; 1987; 1990; 2001].

Как известно, в языках В. и ЮВА произошла смена морфологических систем. Во многих языках в настоящее время существует только новая морфология. В некоторых древних языках, которые функционируют и поныне, сосуществуют две морфологические системы — старая и новая (например, в языке рук). Третьи языки либо сохранили остатки от старой морфологии, либо рефлексы элементов старой морфологической системы.

О смене морфологических систем также можно судить по произведениям древнекитайского языка *вэньянь*. Такую возможность дают тексты и древнекитайского языка, а также и тексты предшествующих эпох. Самые ранние сохранившиеся тексты — это тексты на панцирях черепах и костях животных, относящихся ко второй половине эпохи Шан-Инь (XIV–XI вв. до н. э.). Они написаны предками древних китайцев [Крюков 1973]. Затем идут тексты произведений трех эпох древне-

китайского языка в его письменной форме вэньянь: доклассического древнекитайского (XI–V вв. до н. э.), классического (V в. до н. э. — II в. н. э.) и позднего древнекитайского (II–VI вв. н. э.) [Яхонтов 1965].

Морфологические системы иньского языка и древнекитайского языка обнаруживают либо следы, либо рефлексy от протокитайского языка, который многие синологи, на основании произведенных ими реконструкций фонетического звучания этих языков, считают флективным языком¹ [Karlgren 1920, Ван Ли 1957, Pulleyblank 1959 и др.]. В этих языках есть и фузии, и флексии, и агглютинация. Древнекитайский язык — изолирующий, а иньский язык сохраняет многие черты флективности.

Морфологическую систему древнекитайского языка сменила система современного языка в его письменной форме байхуа. Современный китайский язык — последовательно изолирующий, с преобладанием агглютинативной техники.

Практически, большинство языков региона после смены морфологических систем также стали последовательно изолирующими, в которых агглютинация тоже занимает господствующее положение.

В соответствии со сменой морфологических систем, как правило, происходила и смена отрицаний.

В современном китайском языке системообразующие, или основные, отрицания представлены материально другими единицами², отличными от тех, которые использовались в древнекитайском и иньском языках. Однако они сохранили и значения, и функции отрицаний языка предшествующих эпох.

При сменах отрицаний, как в китайском, так и в других языках В. и ЮВА, неизменным оставалось *деление* отрицаний на именные и предикативные.

Следует отметить, что, когда А. А. Драгунов успешно применил синтаксические критерии для выделения частей речи в китайском языке, он в качестве одного из основных критериев употребил именно данное деление отрицаний на именные и предикативные [Драгунов 1952].

Другая важная особенность отрицаний в языках В. и ЮВА состоит в том, что предикативные отрицания наделены значениями вида и наклонения.

¹ Примечательно, что выводы о флективности протокитайского языка были сделаны с учетом характера функционирования и звучания отрицаний и личных местоимений трех лиц. Согласно исследованиям Э. Дж. Пуллибланка, звучания двусложных отрицаний сохранились вплоть до V–II вв. до н. э., хотя степень представленности этих отрицаний значительно сократилась к этому времени.

² От древнекитайского и иньского языка сохранилось отрицание 不 bu.

Э. Дж. Пулиблэнк [Pulleyblank 1959: 106] отмечал, что и в древнекитайском, и в иньском языке отрицания также наделены этими категориальными значениями.

Основных, или системообразующих, предикативных отрицаний в языках В. и ЮВА обычно насчитывают от 3-х до 4-х единиц.

В современном китайском языке (состоящем из двух подсистем — байхуа и вэньянь), так же как и в древнекитайском, в качестве основных используются три отрицания ³:

1. Отрицание 不 *bu*⁴ «не, нет» употребляется для указания на отсутствие реального действия или состояния. Вид 不 *bu*⁴ несовершенный ⁴. Наклонение изъявительное.

2. Отрицание 没有 *mei*² *you*³ «еще, [еще] не» (этимологическое значение «не имеется»), как указывает китайский лингвист Люй Шусян, отрицает сам факт возникновения реального действия. Вид совершенный, наклонение изъявительное [Xiandai hanyu 1996].

В качестве варианта данного отрицания используется отрицание 没 *mei*², обладающее рядом особенностей.

3. Отрицание 别 *bie*² «не» (запретительное) (этимологическое значение «не надо, не следует») и отрицание 甬 *beng*² (этимологическое значение «отговаривать, убеждать не делать») выражают: а) запрещение совершения действия, б) предостережение от совершения действия. 甬 *beng*², кроме того, указывает на отсутствие необходимости совершения действия. Вид двух отрицаний несовершенный, наклонение сослагательное, время будущее.

Все эти значения отрицаний указаны в научной литературе, в учебниках для иностранцев, изучающих китайский язык [Хрестоматия 1986], а также в словарях (см., например, [Словарь 1979])⁵.

Наличие у названных выше трех отрицаний значений наклонения и вида подтверждается их употреблением в вопросительных предло-

³ Следует отметить, что в современном китайском языке имеется ряд отрицаний из древнекитайского языка, которые либо функционируют в сфере словообразования, либо являются малоупотребляемыми синонимами основных отрицаний.

⁴ Может употребляться в настоящем, будущем времени, а также в качестве отрицания обычного действия (*habitualis*).

⁵ Следует отметить, что согласно китайской языковедческой традиции, в которой отсутствует собственно теория грамматики, именно в словарях давались толкования служебных единиц. Так, в указанном словаре отрицанию 没有 *mei*² *you*³ дается следующее толкование: «выражает отрицание того, что уже/некогда было».

жениях общего и альтернативного вопроса. Предложения общего вопроса включают две части. В первой части содержится высказывание, на которое требуется дать либо утвердительный, либо отрицательный ответ. В этом высказывании глагол или прилагательное всегда выступает в форме определенного вида. Во второй части вопросительного предложения ставится только одно отрицание: либо 不 bu^4 , либо 没有 $mei^2 you^3$, которое отрицает содержание высказывания, выраженного в первой части предложения. Например, 吃了没有? $chi^1 le^0 mei^2 you^3$ «Поел?» (букв. есть + показатель совершенного вида 了 le^0 + отрицание 没有 $mei^2 you^3$ «еще нет»).

Отрицание 不 bu^4 «не, нет» употребляется аналогичным образом, но только в диалектах. 他现在身体好不? $ta^1 xian^4 zai^4 shen^1 ti^1 hao^3 bu^4$ «Он сейчас здоров?» (букв. он + сейчас + самочувствие + хороший + отрицание 不 bu^4 «нет»).

В литературном языке при общем вопросе во второй части ставится отрицание 不 bu^4 «нет» вместе с глаголом или прилагательным: 你吃不吃? $ni^3 chi^1 bu^4 chi^1$ «Ты будешь есть?» (букв. ты + есть + отрицание 不 bu^4 «не» + есть). Аналогичным образом употребляется при общем вопросе и отрицание 没 mei^2 : 你吃没吃? $ni^3 chi^1 mei^2 chi^1$ «Ты ел?» (букв. ты + есть + отрицание 没 mei^2 «еще не» + есть).

Названные выше отрицания образуют парадигму отрицаний. В языках В. и ЮВА отрицания аналогично китайскому языку также составляют парадигму.

Следующая особенность отрицаний — собственно, самая главная — состоит в том, что все отрицания парадигмы в этих языках коррелируют с маркерами (показателями) морфологической видовременной категории. Между каждым отрицанием и соответствующим показателем существует взаимосвязь и взаимообусловленность.

Отрицания и маркеры в совокупности формируют в этих языках общую целостную систему выражения видовременных значений.

В этой системе маркеры и отрицания образуют несколько корреляций, обладающих присущими только им общими признаками.

Отрицания могут коррелировать с одним из маркеров или несколькими. Наибольшее число корреляций в китайском языке у отрицания 没有 $mei^2 you^3$ «не, [еще] нет».

Оно ⁶ образует корреляцию с показателем совершенного вида 了 le^0 , который передает три подвидовых значения: значение совершенности,

⁶ Отрицание 没 mei^2 также является коррелятом показателя совершенного вида.

указывая на предел действия, значение перфекта и значение однократности. Глаголы этой формы преимущественно употребляются в прошедшем времени, хотя могут выступать во всех временах.

Отрицание 没有 *mei² you³* «не, [еще] нет» также коррелирует с показателями прогрессивного вида: 正 *zheng⁴* «как раз», 正在 *zheng⁴ zai⁴* «как раз находясь в...», 在 *zai⁴* «находиться в...». Данный вид характеризует действие как находящееся в процессе развития. Наклонение изъявительное. Глаголы данного вида могут относиться к любому временному плану.

Отрицание 没有 *mei² you³* образует корреляцию с формой длительного вида на суффикс 着 *zhe⁰*. Первые две корреляции относятся к нейтрализуемым⁷. Это — нейтрализация плана выражения, что проявляется в опущении маркеров: маркера совершенного вида 了 *le⁰* и маркеров прогрессивного вида 正 *zheng⁴*, 正在 *zheng⁴ zai⁴*, 在 *zai⁴*. Опущение маркеров в этих случаях обязательно. Это грамматическое правило.

Некоторые ученые считают, что подобное неупотребление маркеров является свидетельством их факультативности и, следовательно, свидетельством отсутствия видовременной категории в китайском языке. Однако, как ясно из вышеизложенного, подобного рода утверждения неправомерны, ибо «нейтрализация усиливает связь между коррелятами» [Журавлев 1990: 244] и подчеркивает системный характер показателей как членов морфологической категории.

В китайском языке существуют еще две нейтрализуемых корреляции плана выражения. Это коррелятивные пары с запретительными отрицаниями и глаголами побудительного наклонения, действия которых относятся к будущему времени. У этих корреляций при наличии отрицания не ставится показатель будущего времени 将 *jiang⁰*.

Помимо нейтрализуемых корреляций в китайском языке в рамках видовременной системы есть и не нейтрализуемые корреляции, когда в отрицательных структурах ставятся и отрицание, и показатель вида. К их числу относятся корреляция нулевой формы и отрицания 不 *bu⁴*, корреляция формы длительного вида на 着 *zhe⁰* и отрицания 没有 *mei² you³*, а также корреляция формы на 过 *guo⁰* и отрицания 没有 *mei² you³*.

Отнесенность этих корреляций к разряду не нейтрализуемых объясняется тем, что показатели видовременной категории, входящие в эти корреляции, находятся в эквиолентной оппозиции к показателям, входящим в нейтрализуемые корреляции. Так, формы на 了 *le⁰* и на 过 *guo⁰*

⁷ К разряду нейтрализуемых также относится коррелятивная пара с отрицанием 没 *mei²* и маркером совершенного вида. См. пример на с. 524.

противопоставлены по набору разных подвидовых значений. Форма на 过 guo^0 передает значение многократности (испытанности) и имперфекта, а форма на 了 le^0 , как отмечалось выше, передает значение перфекта и однократности. Форма на 了 le^0 противопоставлена форме на 着 zhe^0 , выражающей длительность и отсутствие предела действия.

Сам факт того, что показатели из не нейтрализуемых корреляций находятся в эквивалентных отношениях с показателями из нейтрализуемых корреляций, предопределяет их обязательное присутствие в отрицательных предложениях. Так, суффиксы 过 guo^0 и 着 zhe^0 обязательно ставятся при отрицании 没有 $mei^2 you^3$ «не, [еще] нет». Одновременное использование отрицания и показателей в этих случаях позволяет избежать двусмысленности, ибо пропуск названных показателей при наличии отрицания 没有 $mei^2 you^3$ даст структуру нейтрализуемой корреляции, которая образуется в результате опущения показателя совершенного вида 了 le^0 при отрицании 没有 $mei^2 you^3$.

Можно, таким образом, сказать, что регуляторами употребимости различных форм с отрицанием прежде всего является сама система видовременной категории, а также свойства отрицаний, которые наделены видовыми значениями и значениями наклонения.

Описанные выше корреляции характерны для большинства современных и древних языков В. и ЮВА. В подтверждение сказанного приведем ряд высказываний исследователей древнекитайского языка. Как пишет С. Е. Яхонтов, отрицание 未 wei^4 «еще не» «соответствует в положительном предложении показателю прошедшего предшествующего времени...», и «перед показателем давно прошедшего времени... также употребляется только отрицание 未 wei^4 «еще не» [Яхонтов 1965: 77].

Относительно древнекитайского отрицания 无 wu^2 у С. Е. Яхонтова сказано, что оно «употребляется в повелительных предложениях, т. е. выражает запрещение» [Там же].

По мнению В. А. Добсона, а также Э. Дж. Пулиблонка, в доклассическом древнекитайском языке отрицание 亡 $wang^2$ передавало значение сослагательного наклонения в позиции перед глаголом [Dobson 1962: 44].

По мнению М. В. Крюкова, в иньских записях (но не в вопросах вана и ответах гадателя) это отрицание «фиксирует реально происшедшие события» [Крюков 1973: 108].

В языках В. и ЮВА названные корреляции, их корреляты и, прежде всего, морфологические показатели видовременной категории взаимосвязаны с определенными типами предложений: отрицательными, вопросительными общего вопроса, а также вопросительными предложениями с альтернативным вопросом. Данная взаимосвязь

проявляется в том, что показатели видовременной категории обязательны и в отрицательных предложениях, кроме случаев нейтрализации, и в вопросительных предложениях общего и альтернативного вопросов.

Из сказанного следует, что в принципе неверно характеризовать морфологические элементы языков В. и ЮВА как факультативные и также неверно на этом основании отрицать существование морфологических категорий. Следует сказать, что употребление видовременных показателей облигаторно также и в повествовательных предложениях. Некоторые из случаев облигаторности описаны [Солнцев, Солнцева 1965]. Описан также ряд случаев, когда постановка показателей вообще не нужна [Хрестоматия 1986].

И хотя совершенно очевидно, что в языках В. и ЮВА морфологические категории реально существуют, необходимо продолжать дальнейшие исследования причин и случаев их неупотребления в языках региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Ли 1957 — *Ван Ли*. Очерк истории китайского языка. Т. I. Пекин, 1957 (на кит. языке).
- Драгунов 1952 — *Драгунов А. А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. М.; Л., 1952.
- Журавлев 1990 — *Журавлев В. К.* Нейтрализация // Энциклопедический лингвистический словарь. М., 1990.
- Крюков 1973 — *Крюков В. М.* Язык иньских надписей. М., 1973
- Материалы экспедиции 1986 — Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Вып. I. Язык лаха. М., 1986.
- Материалы экспедиции 1987 — Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Вып. II. Язык мыонг. М., 1987.
- Материалы экспедиции 1990 — Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Вып. III. Язык ксингмул. М., 1990.
- Материалы экспедиции 2001 — Материалы российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Вып. IV. Язык рук. М., 2001.
- Словарь 1979 — *Xiandai hanyu cidian*. Beijing, 1979 (Словарь современного китайского языка).
- Солнцев 1956 — *Солнцев В. М., Солнцева Н. В.* Опыт экспериментального исследования функционирования морфологических показателей в изолирующих языках // Спорные вопросы строя китайского языка. М., 1956.
- Хрестоматия 1986 — *Practical Chinese Reader. Book I*. Beijing, 1986 (Хрестоматия практического китайского языка).
- Яхонтов 1965 — *Яхонтов С. Е.* Древнекитайский язык. М., 1965.

- Dobson 1962 — *Dobson W. A. C. H.* Early Archaic Chinese. Descriptive Grammar. Toronto, 1962.
- Karlgren 1920 — *Karlgren B.* Le proto-chinois — langue flectionnelle? // *Journal Asiatique*. 1920.
- Pulleyblank 1959 — *Pulleyblank E. G.* Fei 非, wei 未 and certain related words // *Asia Major*. Separatum: *Studia Serica Bernhard Karlgren Dedicata*. London, 1959.
- Pulleyblank 1960 — *Pulleyblank E. G.* Studies in early Chinese grammar: Part I // *Asia Major*. London, 1960.
- Xiandai hanyu 1996 — *Xiandai hanyu babai ci*. Beijing, 1996. (Восемьсот слов современного китайского языка / Под ред. Люй Шусяна).

Н. Г. Брагина

«ОТРАЖЕННАЯ» СЕМАНТИКА ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ИМЕН: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СЛОВО НЕПОНИМАНИЕ

Вступление. Толкование имен отрицательной семантики часто осуществляется «от противного», с помощью апофатических определений: *отсутствие... Р, лишенный Р, не Р* и некоторых других. В роли семантически мотивирующего слова (*Р*) выступает имя положительной семантики, например: *тьма* ‘отсутствие света, освещения, мрак’ [СУш].

Семантические описания имен отрицательной семантики, таких как *тьма, хаос*, оказываются противопоставленными их мифологической интерпретации. Толкования отрицательных имен осуществляются с опорой на антонимично противопоставленные им слова с положительными коннотациями. Если принимать во внимание миф о творении мира, то свету предшествовала тьма, космосу — хаос. В словарных интерпретациях они представлены как вторичные по отношению к именам положительной семантики¹. Это позволяет говорить о «семантической подчиненности» имен отрицательной семантики, о позитивной в целом идеологии толковых словарей, а возможно, и вообще мышления человека о мире.

Префиксы *не-, без-*: грамматические и лексикографические интерпретации. Семантика производных отрицательных имен. Обращение к семантике производных имен, образованных с помощью префиксов *не-* и *без-*, проявляет с еще большей очевидностью «позитивную семантическую доминанту». У данных слов в грамматиках и толковых словарях не фиксируются специфически релевантные семантические

¹ То, что в мифологии *космос, порядок* рождаются из *хаоса*, а в языке *хаос* рождается из *порядка*, уже отмечалось [Брагина 2003].

признаки. В силу постулируемой «отраженности» эти слова не представляют собой особого лексикографического интереса.

Академическая грамматика так определяет эти имена: «существительные с префиксом *не-*: называют отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом: *непорядок, неудача, нелюбовь, неправда*» [АГ-80: 228]. Аналогичное определение получают существительные с префиксом *без-* [Там же].

Толковые словари выделяют следующие значения у приставки *не-*: придает слову 1) новое противоположное значение, *неправда (ложь), неприятель (враг)*, иногда с оттенком умеренности, смягченности качества: *неглупый* (недостаточно умный), *неумный* (глуповатый); 2) значение противопоставления (слову без «не»), отрицания (отсутствия того, что заключено в слове без «не») *некрасный, несемейный* [СУш/3: 473]. В примечании сказано: «Так как слова с приставкой „не“ во 2 знач. очень легко образуются и вполне понятны, то в словаре далее приводятся только наиболее употребительные слова с приставкой „не“ в этом значении» [Там же]. Другие толковые словари [МАС 1981–1984, Ожегов, Шведова 1995] такой оговорки не делают, в словаре под ред. С. А. Кузнецова [Кузнецов 2001] семантическое описание приставки *не-* отсутствует (в отличие, например, от приставки *без-*).

Асимметрия в способах описания имен положительной и отрицательной семантики приводит к определенным лексикографическим искажениям. Некоторые имена, активно используемые в современном языке, не включены в словник толковых словарей. Например, отсутствуют в качестве заголовочных такие слова как: *непонимание* [Ожегов, Шведова 1995]; *неискренность, несвобода* [СУш; Ожегов, Шведова 1995; Кузнецов 2001] и др. Толкования «от противного» указывают на отсутствие семантической специфики у отрицательных имен, что, однако, не вполне очевидно, если обратиться к анализу их употреблений.

Семантическая специфика отрицательных имен с приставками *не-* и *без-*. Отрицательные имена с приставками *не-* и *без-* имеют набор специфических семантических свойств, требующих отдельного описания. В первую очередь это относится к концептуальным именам. Концептуальные слова положительной и отрицательной семантики не тождественны друг другу. Образованное от концептуального слова с помощью приставок *не-* или *без-*, новое слово имеет выраженную тенденцию к концептуализации и формированию своего концептуального поля. Семантическая специфика отрицательного слова-концепта проявляется, прежде всего, в оценочных коннотациях; в устойчивых

метафорических словосочетаниях; в оксюморонных употреблении; в особенностях сочетаемости. Рассмотрим общий принцип образования коннотаций у имен отрицательной семантики.

Концепты *любовь, свобода, понимание, искренность* положительно маркированы². Они описывают такие эмоциональные, ментальные, а также социальные состояния, ситуации, положения, которые могут иметь или не иметь места. В максимах наивной этики [Апресян 1995] возможна такая формулировка: 'Хорошо, если имеет место: свобода, любовь, понимание, искренность. Плохо, если она/оно отсутствует'. Свобода, любовь, понимание, искренность могут, таким образом, становиться целями, которых человек стремится достичь (если исходить из положения, что он стремится к хорошему). Эти цели желанны, на это указывает сочетаемость, например: *страстно хотеть, желать, жаждать, мечтать о, надеяться на, быть готовым(ой) на все ради... любви, свободы, искренности, понимания*.

Присоединение префикса *не-* к концептуальным словам *любовь, свобода, понимание, искренность* означает недостижение ситуации, которая имеет положительную маркированность и, как правило, желанна: '*Р* не имеет места, и это плохо'. Это недостижение получает различные мотивировки: «так устроен мир», «так сложились обстоятельства», «так устроен(а) я» (я так хочу, мне так нужно). Первые две относятся к области экзистенциального, третья — к области волитивного недостижения.

'Недостижение *Р*' относится к разным областям человеческой деятельности: психологической (интеллектуальной, эмоциональной), эстетической, этической, утилитарной, нормативной. Концептуальные слова отрицательной семантики связаны с философским, политическим, литературным, повседневным и другими типами дискурса. Как и другим концептам, им свойственно нарративное ожидание, которое выражается с помощью вопроса: *Что есть Р?* (*Что есть нелюбовь, несвобода, непонимание, неискренность?*). Они являются мировоззренческими концептами. Возможно появление таких гуманитарных областей как философия либо эстетика *нелюбви, непонимания, неискренности, несвободы* (об этом также будет сказано ниже).

Особенности семантического развития и сочетаемости отрицательных имен обуславливают концептуальную асимметрию между ними и именами положительной семантики. Для имен отрицательной семантики характерны: 1) сочинительные конструкции, образуемые при

² Общим свойством большинства культурных концептов быть амбивалентными (подробнее об этом [Брагина 2006]) в данном случае мы пренебрегаем.

участии других слов отрицательной семантики, что приводит к «сгущению» отрицательных смыслов; 2) развитие коннотаций на основе импликаций; 3) развитие метафоричности (часто это вариации одной-двух базовых метафор); 4) дискурсивная активность слова, т. е. частотное его использование в текстах разных типов дискурса.

Рассмотрим области семантической симметрии и асимметрии имен положительной и отрицательной семантики на примере концептуальной пары *понимание — непонимание*.

Понимание — непонимание: семантическая симметрия. Если определить *понимание* и *непонимание* как взаимосвязанные ментальные действия, то процесс перехода от *непонимания* к *пониманию* проявляет осмысление, присвоение и приятие (интеллектуальное, психическое, эмоциональное, социальное) какого-л. явления, события, чьего-л. поступка и т. д. Наоборот, переход от *понимания* к *непониманию* (ситуация, когда что-то, что было понято, или казалось понятным, вновь становится непонятным) обнаруживает утрату смысла и отчуждение от какого-л. явления, события, чьего-л. поступка и т. д.

Собственное непонимание может осознаваться: *Я ничего не поняла! Это выше моего понимания!* — или не осознаваться. Во втором случае оно выражается в репликах других: *Ты [так] ничего [и] не поняла!* Плохо сказать: **Я не поняла, что я ничего не поняла*. Теоретически эта фраза возможна, если речь идет о прошлом, а к моменту говорения субъект речи осознает собственное непонимание какого-л. события прошлого: *В тот момент я не поняла, что я ничего не поняла, поскольку, на первый взгляд, все казалось очевидным*.

Таким образом, *понимание* и *непонимание* обнаруживают симметрию: осмысление VS утрата смысла; присвоение и приятие VS отчуждение. Непонимание, как правило, предшествует пониманию. Осознание собственного непонимания кого-чего-л. может стимулировать интеллектуальную и эмоциональную деятельность человека, сделав достижение понимания основной целью.

Семантическая симметрия *понимания* и *непонимания* проявляется также в словарных дефинициях: *непонимание* толкуется как 'отсутствие понимания, невозможность понять' [СУш]. Сходные толкования дают МАС и толковый словарь под ред. С. А. Кузнецова [Кузнецов 2001].

Обращение к семантической структуре глагола *понять*, подробно рассмотренной Б. Л. Иомдиным [Иомдин 2006: 526], также показывает семантические соответствия между значениями глагола и отглагольного существительного, образованного с помощью приставки *НЕ-*.

Таблица

Структура полисемии глагола <i>понимать</i>	Соотносительная структура существительного <i>непонимание</i> (Б. Л. Йомдин)
1. ОСОЗНАВАТЬ (понимание-знание)	1. ОСОЗНАНИЕ (непонимание-незнание)
1.1 'осознавать положение дел': <i>Понимаю, что ты прав;</i> <i>Мы оба понимали необходимость нашей встречи</i>	1.1 <i>непонимание, что он прав;</i> <i>непонимание ситуации,</i> <i>важности чего-л.</i>
1.2 'осознавать смысл': <i>Он понимает мои слова</i>	1.2 <i>непонимание текста</i>
1.3 'владеть языком': <i>плохо понимать по-немецки</i>	1.3 <i>непонимание немецкого</i>
1.4 'разбираться': <i>хорошо понимать в военном деле</i>	1.4 <i>полное непонимание техники</i>
1.5 'сочувствовать': <i>Меня никто не понимает;</i>	1.5 <i>У друзей он встретил полное непонимание</i>
1.6 'знай!' (разг., эмоц.-усил.): <i>Пойми, я должен был так поступить!</i>	1.6 —
1.7 'слышишь?' (разг.-сниж., эмоц.-усил.): <i>Нельзя, понял?</i>	1.7 —
2. СЧИТАТЬ (понимание-мнение)	2. ПОЛАГАНИЕ (непонимание-мнение)
2.1 'интерпретировать': <i>Вы не так поняли мой жест</i>	2.1 <i>непонимание жестов представителей другой культуры, межкультурное непонимание</i>
2.2 'считать': <i>Лингвисты понимают язык по-разному</i>	2.2 —
2.3 'подразумевать': <i>Под X-ом автор понимает искомую величину</i>	2.3 —

Как видно из приведенной таблицы, несколько значений, таких как 'знай!' (разг., эмоц.-усил.) и 'слышишь?' (разг.-сниж., эмоц.-усил.) — первый блок и 'считать', 'подразумевать' — второй блок у лексемы *непонимание* отсутствуют.

Таким образом, на первый взгляд, можно сказать, что семантика *непонимания* есть отраженная семантика *понимания*, поскольку у *непонимания* не зафиксированы самостоятельные значения. Это, однако, не соответствует реальному положению дел.

Специфика семантики *непонимания*. В семантической структуре глагола *понимать* выделено значение 1.5. — ‘сочувствовать’, которое определяется следующим образом: *А понимает В* ‘*А* хорошо знает и представляет мысли, чувства и качества *В*, и поэтому говорящий считает, что отношение *А* к *В* лучше, чем отношение других людей к *В*’ [Июдин 2006: 549]. У *непонимания* (‘отсутствие сочувствия’), которое можно определить как ‘незнание, слабое и/или ошибочно сформированное представление о мыслях, чувствах и качествах *В*, что, по мнению говорящего, травмирует *В*, наносит ему вред’, активно развиваются оценочные коннотации. Этому способствует употребление оценочных слов не по отдельности, а в окружении других отрицательных имен (часто в составе сочинительных конструкций), что в целом типично для имен отрицательной оценки. Их свойство «притягивать» к себе другие оценочные имена ведет к сгущению отрицательной оценочности и закреплению отрицательных коннотаций.

1) Сгущение отрицательной оценочности.

Непонимание часто встречается в контекстном окружении: 1) с именами отрицательных чувств: *злорадство и непонимание; испуг... непонимание... ярость; страхи, неуверенность* <...> *эмоциональные переживания, непонимание в семье; в плену у зависти, страха, ненависти, ревности, в плену взаимного непонимания*; 2) с оценочными словами отрицательной этики: *непонимание и унижение; непонимание, это нелепость. — это преступление; обиды, непонимание, несвобода; непонимание или отчуждение; одиночество, непонимание, боль утрат, расизм и предрассудки; непонимание, злобные наветы завистников, грязные инсинуации; непонимание и пренебрежение; душевная мука, физическое страдание, ужас непонимания, отверженности, предательства*³. Ср. также:

- (1) ...*злорадства и непонимания* Эраст хватил немало и продолжает до сих пор получать по полной программе (О. Новикова. «Мужской роман»).
- (2) Именно ощущение *запоз — обид, непонимания, несвободы* — эмоционально преобладает в повести (Г. Кремер. «Осколки детства»).

³ Здесь и далее используются примеры из «Национального корпуса русского языка».

- (3) Это породило **непонимание**, злобные наветы завистников, грязные инсинуации («Студенческие традиции»).
- (4) ...сбрасывая все путы, держащие нас в плену: **в плену у жадности, в плену у зависти, страха, несправедливости, ревности, в плену взаимного непонимания, сосредоточенности на себе** — потому что мы живем пленниками самих себя... (Антоний (Блум), митрополит Сурожский. «Прошное воскресенье»).
- (5) Сюжетом фильма, собственно, и является тот путь, по которому Летиша Масгроув и Хэнк Гротовски идут навстречу друг другу, **преодолевая одиночество, непонимание, боль утрат, расизм и предрассудки** (М. Кувшинова. «Хочешь, я подарю тебе бензоколонку? „Бал монстров“ в российском прокате»).

2) Оценочные коннотации: 'Отсутствие сочувствия' ⇒ 'одиночество, отчужденность'.

У лексемы *непонимание*, употребляемой в значении 'отсутствие сочувствия, сопереживания', образуются имплицативно связанные со значением оценочные коннотации: 'одиночество' и 'отчужденность', ср.:

- (1) Но вне круга близких друзей их ждало **непонимание и унижение** (Е. Ханга. «Про все»).
- (2) ...именно он [Горбачев. — Н. Б.] — практически в одиночку, **встречая сопротивление и непонимание** как у себя дома, так и в других странах, — положил конец «холодной войне» и противостоянию двух систем (А. Собчак. «Дюжина ножей в спину»).
- (3) **Бойтесь** малейшего начала **непонимания или отчуждения** («Семейные ценности Царицы Александры»).
- (4) Это **одиночество** разовьётся дальше, **в страшном непонимании даже со стороны Его учеников** (Антоний (Блум), митрополит Сурожский. «Верное воскресенье»).

Похожие коннотативные ряды сформированы у слова *непонятый*: 'отсутствие сочувствия' ⇒ 'недооцененность', а также: 'отсутствие сочувствия' ⇒ 'одиночество, отчужденность' ⇒ 'загадочность'.

При этом коннотации 'одинокый', 'отчужденный' могут соединяться с коннотацией 'недооцененный' — связь имплицативного свойства — (следствие неправильного / недостаточного осмысления феномена какой-л. личности и его творчества). Ср. наиболее часто встречающиеся словосочетания: *непонятый гений, талант, поэт, порыв поэта*, а также по персоналиям: *непонятый Малевич, Дали, Пушкин, Лермонтов, Шаляпин, Владимир Соловьев, Столыпин, Чаадаев...* и т. д.

Часто встречаются также сочетания: *непонятный и непонятый*; *непонятый и неоцененный*. Сочетания, проявляющие квантор всеобщности: *непонятый людьми, всеми, всем миром*).

Особо следует отметить, что у *непонятого* сформирована импликация 'загадочный', благодаря чему *непонятый* часто используется в заголовках текстов массмедиа, стратегия которых, как известно, заинтриговать читателя: «Непонятый Шалапин», «Непонятый Пушкин» и т. д. К этой же стратегии можно отнести и использование *Непонятый* в качестве псевдонима.

3) Эвфемизация. 'Отсутствие сочувствия' \Rightarrow 'осложнение коммуникации' \Rightarrow 'конфликт'.

Сочувственное отношение к другому — одно из важных условий построения диалога и успешного осуществления коммуникации. В дисциплине, названной *межкультурная коммуникация*, например, базовым термином является эмпатия. Формирование эмпатийных свойств у собеседников — залог успешности коммуникации. Наоборот, отсутствие сочувствия ведет к осложнению коммуникации, создает поле агрессии, чреватое конфликтами, ср., например: *конфликт на почве непонимания*.

Непонимание кого-чего-л. кем-л. часто вызывает негативную реакцию у собеседника, выражаемую словами с отрицательной семантикой (*злость, раздражение, протест, обвинение, упрек, тяжёлый вздох*), например: *он злится, негодует, поражается моему непониманию <...> нервничает, бросает на стол карандаши; непонимание встречает <...> раздраженный протест; Чего гляди, обвиняют в национализме и непонимании кадровой политики партии; смысл <...> сводился к упрекам в непонимании <...> значения «Пирамиды»; раздражился таким непониманием Митрохин; вздохнул от такого непонимания*.

Имплицитные характеристики *непонимания* позволяют использовать его в качестве эвфемизма таких слов как *разногласие, конфликт, несогласие, отказ* (преимущественно в массмедийном типе дискурса). Слово-сочетания *вызывает, выражает непонимание, встретило непонимание* часто выступают как эвфемизмы *несогласия*, в ряде случаев *несогласия, чреватого конфликтом* (пример 1). Слово-сочетание *между А и Б возникло непонимание* используется как эвфемизмы *разногласия, конфликта* (пример 2). Слово-сочетания *встретить, наткнуться на жестокое непонимание* используются как эвфемизмы *отказа* (пример 3)⁴. Ср.:

⁴ В ряде контекстов *понимание* синонимично *согласию, соглашению, договору*, ср.: *стороны пришли к взаимному пониманию, достигли понимания, между нашими странами всегда царило понимание* и т. д. В данном случае между *пониманием* и *непониманием* наблюдается семантическая симметрия.

- (1) Вице-премьер Сергей Иванов **выразил «удивление, непонимание и озабоченность»** в связи с высказыванием нового командующего Силами обороны Эстонии Антса (www.rg.ru/2006/12/06/ivanov-estoniya.html).
- (2) «Газпром и ЕС: энергетическое **непонимание**» (www.politcom.ru/article.php?id=2610).
- (3) И если раньше робкие просьбы российского правительства об очередной реструктуризации внешних долгов **патыкались на жесткое непонимание** кредиторов (мол, у вас такой экономический рост, а вы прибедняетесь), теперь косить под нищих станет сподручнее (С. Новопрудский. «Барельеф. Фишки. Что было»).

В смягченной форме эвфемизации используется слово *недопонимание* — ‘неполное / недостаточное понимание’. Перечислим некоторые особенности его употребления.

Недопонимание часто употребляется при описании ситуации разногласия между имеющими разный статус партнерами по коммуникации: *мешает недопонимание со стороны правительственных чиновников; некоторое недопонимание со стороны начальства; недопонимание родителей; недопонимание со стороны заказчика; избежать конфликтов и недопонимания между руководителями и их подчиненными*.

В контекстных употреблениях *недопонимание* может дополнительно смягчаться за счет: 1) усиления неопределенности: *некоторое, какое-то, какое-нибудь... недопонимание*; 2) постановки кавычек, указывающих на цитатность и/или эвфемизацию: *президент Путин ни разу не столкнулся с «недопониманием» его политики в Чечне* (Л. Велехов. «Багдад за Чечню»); *Афганские власти расценили инцидент как «недопонимание сторон в создавшейся ситуации»*. («Происшествия»); [высшее военное руководство] *часто жаловалось в ЦК на «недопонимание» той или иной редакцией негативных последствий критики Вооруженных сил* (В. Баранец. «Генштаб без тайн»).

Недопонимание часто используется в сочинительных конструкциях в сочетании со словами, образованными: а) с помощью приставки *противо-*: *возникнет недопонимание и противодействие; на протяжении долгих десятилетий противостояния и недопонимания; всякое недопонимание, всякое противоречие*; б) с помощью приставки *недо-*: *здесь нет недосказанности, недопонимания; сплошные недоразумения и недопонимания; они разошлись не по недоразумению или, допустим, с чьей-либо стороны недопониманию; говорить о каком-то недопонимании или, точнее, невзаимопонимании — недостойно серьезного описания; эта критика <...> сводилась к обвинениям в недомыслии или недопонимании «верного учения»*.

Связь с полем агрессивности у *недопонимания* ослаблена по сравнению с *непониманием*, хотя сохраняется и осознается, ср.:

Чаше всего **враждебность базируется на недопонимании, закрытости, неизвестности, откуда и берет начало чувство угрозы и стремление заранее и агрессивно себя защитить** (А. Шубин. «Путь к благополучию»).

4) Прагматика речевого общения. 'Отсутствие сочувствия' ⇒ 'осложненные коммуникации' ⇒ 'конфликт'.

Непонимание может интенционально согласовываться с *угрозой*, *удивлением*, *досадой*, *недоумением* и др. Это проявляется в речевых клише, сентенциях, выражающих либо имитирующих *непонимание*: *Непонятно, зачем! Не позл! Не пойму я тебя! Вообрази, я здесь одна, никто меня не понимает... Ты меня совсем не понимаешь / не хочешь понять! Ну-ка, ну-ка, еще раз, пожалуйста! Дело ясное, что дело темное... Никто ничего не понял!* Достаточно четко выражено в речевых клише ироническое *непонимание*: *Где нам, дуракам, чай пить! Где уж / куда уж нам!* Таким образом, формы речевой агрессии связаны с *непониманием* (*Не позл! Я вас не понимаю! Я этого не понимаю*).

5) Устойчивые метафорические словосочетания: образ препятствия.

Образ 'препятствия' характеризует метафорические употребления *непонимания*, такие как *стена, тупик, завеса, барьеры, рифы ... непонимания*⁵. *Препятствие* мешает / затрудняет действие, продвижение, обуславливает необходимость дополнительных усилий для преодоления помех. У *препятствия* можно выделить следующие смысловые компоненты, которые служат основанием для метафоризации: 'то, что преграждает', 'то, на что наталкиваются', 'то, что отграничивает'.

Стена относится к базовым метафорам *непонимания* ('жесткая', 'непроницаемая', 'отграничивает другого / другое', 'служит препятствием для взора, разговора'), ср.: *между нами выросла стена непонимания, натолкнуться на стену непонимания, разрушить стену непонимания, пробить стену непонимания* и др., ср.:

- (1) Все говорили с ней громко, как с глухой, наивно пытаясь **разрушить этим стену непонимания** (И. Муравьева. «Документальные съемки»).
- (2) И всюду было не только празднично, но и страшно трудно — **пробить стену непонимания, противодействие властей и стереотип публики** (А. Вознесенский. «На виртуальном ветру»).

«Антикоммуникативность» метафоры *стены* проявляется также в словосочетаниях: *стена молчания, стена недоверия* и др. Метафоры,

⁵ О препятствии в ментальном пространстве см. также [Рябцева 1999: 124].

таким образом, обнаруживая антикоммуникативные свойства *непонимания*, способствуют закреплению коннотативного ряда данной лексики: 'несвобода', 'одиночество', 'отчужденность'.

В социальных стратегиях непонимание может быть *демонстративным* — имитация кем-л. непонимания чего-л., и *каузируемым* — сознательное затемнение смысла. Обе стратегии имплицативно связаны с образом искусственно созданного препятствия, затрудняющего понимание, ср.:

- (1) Повсела нервно плечами Ленусик, с **нарочитым непониманием** позлядела на дверь комнаты мужа. — Нет, понимаешь. Отлично понимаешь, Ленусенька. И мне это все не по душе (Е. Маркова. «Тайная вечеря»).
- (2) Вместе с тем большинство русских развитых людей, — не ослепленных бессильной по отношению к нему злобой и **умышленным непониманием**, — может сказать вместе с поэтом: «Сей старец дорог нам, он блещет среди народа» (А. Конн. «Лев Николаевич Толстой (Статьи и воспоминания о писателях)»).

Стратегия демонстративного непонимания, а также незнания широко представлена в нарративных фразеологизмах: *прикинуться дурачком, протаском, валенком, шлангом, чайником; строить из себя невинность, сделать вид, что не понял(а)* и др.

Стратегия каузированного непонимания описывается с помощью словосочетаний: *вводить в заблуждение, затемнять смысл, темнить, напускать туману* и др.

Обе стратегии применяются для различных целей: сокрытие чего-л.; скрытый отказ; скрытая враждебность; нежелание вступать в коммуникацию с чужими (непосвященными); попытка завладеть дополнительной информацией и др.

6) *Непонимание* как 'невозможность осознать смысл чего-л.' Развитие значения.

Понимание, как и *осмысление*, является процессуальным: оно может градуироваться. Градации показывают меру приближения к осознанию сути вещей⁶. Мы говорим о *неполном понимании*, о *недопонимании*, о *том, что было не вполне / не до конца понято*, о *том, что предстоит понять* и т. д. Соответственно отдаление от осознания сути вещей, невозможность (экзистенциальная или волевая) к ней приблизиться определяется как *непонимание*.

⁶ Один старый мудрый человек дал такой совет юной жене начинающего художника: «Никогда не говори ему, что тебе не нравится его картина. Скажи так: „Дорогой, ты много думал перед тем, как написать ее. Я ее еще не поняла. Мне тоже для этого нужно время“».

Непонимание маркирует границы понимания. Область *непонимания* объективирована. Человеку не дано быть субъектом полного понимания сути вещей. Он также не готов демонстрировать полное понимание, а следовательно, приятие того, что отрицает сложившиеся представления о нормах (этических, эстетических, психологических и др.). За пределами понимания оказываются области непонятого в их экзистенциальном смысле: невозможность понять, например, невыразимое [Арутюнова 2005], а также области, субъективно отвергаемые и отторгаемые: непонимание как неприятие. Рассмотрим их последовательно и покажем, как они видоизменяют значение.

Экзистенциальное непонимание. Значение *непонимания* модифицируется в зависимости от типа объекта. Возможны три модификации. Объект должен быть понят однозначно (А); допускает некоторое множество интерпретаций / пониманий (Б); предполагает иррациональное понимание (В).

(А) Объекты, в отношении которых не достигается понимания, предполагают однозначность интерпретации. Значение *непонимания* как 'невозможности осознать смысл чего-л.' реализуется в словосочетаниях *непонимание текста, смысла сказанного* и т. д. Пресуппозицию можно сформулировать так: 'существует однозначная, единственно верная интерпретация *P*' (*P* — текст, смысл сказанного и т. д.).

(Б) Объекты, в отношении которых не достигается понимания, могут допускать множественность интерпретаций, т. е. содержать элементы невыразимого как неоднозначного, например: *непонимание жизни, красоты, искусства, природы, поэзии*... Пресуппозиция меняется: 'существует некоторый набор интерпретаций *P*, который может определяться как истинностный' (*P* — жизнь, красота, искусство, природа, поэзия и др.). *Непонимание* в этом случае определяется как 'невозможность осознать истинностный, с точки зрения говорящего, смысл чего-л.'. Словосочетаниям: *непонимание жизни, красоты*... могут быть противопоставлены фразы: *У каждого свое понимание жизни, красоты*... Ср. также:

- (1) В параллель этому **непониманию такой первейшей вещи, как чувство собственного достоинства**, можно поставить, мне кажется, лишь **непонимание**, чуть не всем интеллигентным европейским веком нашим, **свободы, в чем состоит она**, — но об этом потом (Ф. Достоевский. «Дневник писателя»).
- (2) Бунт «Эвклидова ума» против Бога связан с отрицанием свободы, с **непониманием свободы** (Н. Бердяев. «Мирозерцание Достоевского»).
- (3) «Интеллект характеризуется **естественным непониманием жизни**», — мысль Бергсона, повторенная вслед за Ницше <...> (П. Кузнецов. «Русский Феникс, или Что такое философия в России»).

(В) Объекты, в отношении которых не достигается понимания, предполагают интерпретацию, основанную на иррациональном осознании: интуиция, предвидение, понимание душой, сердцем. Пресуппозиция может быть выражена следующим образом: 'существует иррациональное, сверхчувственное осознание *P*' (*P* — судьба, свой путь, вера, предназначение и т. д.). *Непонимание* может быть истолковано как 'невозможность осознать сердцем, восчувствовать *P*'. Ср.:

- (1) А чтоб не погибнуть в отчаянии от **непонимания путей и судеб своих**, от убеждения в таинственной и роковой неизбежности зла, человеку именно указан исход (Ф. Достоевский. «Дневник писателя»).
- (2) Требования, которые обычно предъявляют скептики к вере, поражают своей нелепостью, своим **непониманием природы веры** (Н. Бердяев. «Философия свободы»).
- (3) Мучась **непониманием себя**, Андрей Андреев становился в это утро всё раздраженнее (А. Славовский. «Либель гитариста»).

(Б) и (В) могут быть синкретичны, например, во фразеологизме *непонимание своего народа*. Рассмотрим его подробнее.

В языке и в социуме отношения между отдельной личностью / социальной группой и народом культурно маркированы. Они имеют два полюса: единство, единение с народом и отчуждение, оторванность от народа, ср.: *выходец из народа*; *связь с народом*; *Вышли мы все из народа*; *Народ и партия едины*; vs *оторванность от народа*; *оторваться от народа*; *Страшно далеки они от народа*. Близость к народу / оторванность от народа имеют ценностные коннотации и маркированы положительно / отрицательно соответственно. Это также сохраняется в клише: *понимание своего народа*, воспринимаемое как гражданское служение и *непонимание своего народа*, воспринимаемое как отчуждение, отступничество, забвение корней, ср.:

- (1) Желание свободы и **непонимание народа**, неуважение к нему (Д. Самойлов. «Памятные записки»).
- (2) Вообще эта идея о народе нашем как о любителе подлых ругательств, по моему мнению, укоренилась в интеллигентном слое нашем, главное, уже тогда, когда уже произошел окончательный, нравственный разрыв его с народом, кончившийся, как известно, со стороны интеллигентного слоя нашего **совершенным непониманием народа** (Ф. Достоевский. «Дневник писателя»).

С другой стороны, как оценка и как угроза звучит высказывание: *Народ этого не понял*; *Народ это не поймет*. Ср. также: *Я хочу быть понятой родной страной, // а не буду понятой — что ж, // по родной стра-*

не пройду стороной, // как проходит косой дождь... (В. В. Маяковский «Домой!») — заключительная строфа, впоследствии исключенная автором). Здесь актуализируется коннотация 'непонимание как отчужденность': тот, кто не понят — посторонний. В определенном типе дискурса так происходило «отлучение от родины».

Волятивное непонимание. То, что понимание ограничено и имеет некоторый предел, показывают фразы: *Это вне / выше моего понимания, Это за границами моего понимания, Это просто в голове не укладывается, Это невозможно понять*. Говорящий с их помощью выражает раздражение, возмущение, неприятие чего-л. Здесь важную роль играет имплицативная связь *понимания с приятием*. Например фраза *Это выше моего понимания* означает, что говорящий не может что-л. принять. Понимание здесь отождествляется с приятием.

К области непонимания (невозможность рационального понимания) относятся чудовищные, находящиеся за пределами любой логики и любых допущений, злодеяния. Они могут различаться числом вовлеченных в него участников: индивидуальные, коллективные, массовые — мировые катастрофы. Непонимание в этом случае показывает, что событие *P* никогда и ни с какими оговорками не может быть принято. Оно вытесняется в область непонятого, которое может быть либо предано забвению, либо оговариваться, сохраняя статус непонятого.

Например, в Германии прошла дискуссия историков (*Historikerstreit*), в ходе которой была сформулирована позиция «невозможности понять», как могли образованные офицеры, включая высший командный состав армии, приказывать проводить акции против мирного населения. Некоторые историки считают также, что уничтожение национал-социалистами евреев было необъяснимым преступлением, стоящим за «гранью понимания» (см.: Н. Löwy (Hg.). *Holocaust: Die Grenzen des verstehens. Eine Debatte über die Besetzung der Geschichte* Reinbek, 1992) [Здравомыслов 2003]. *Непонимание* в этом случае оказывается в области *непостижимо*го, т. е. события, которое невозможно воспринять ни рационально, ни иррационально.

Герменевтику можно охарактеризовать как *философию понимания*. *Философия непонимания* на данный момент отсутствует, хотя вероятность ее появления, как это видно из примеров, велика.

Заключение. Имена отрицательной семантики, часто толкуемые в словарях посредством апофатических определений и описываемые как семантические отражения имен положительной семантики, требуют к

себе более внимательного отношения и зачастую отдельного описания. Характерным примером, на мой взгляд, служит слово-концепт *непонимание*, которое следует отдельно описывать и осмыслять.

ЛИТЕРАТУРА

- АГ-80 — Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова 2005 — *Арутюнова Н. Д.* Нсвыразимос — подвластно ль пониманию? // Понимание в коммуникации. 2005. Тезисы докладов Международной научной конференции (28 февраля — 1 марта 2005 г., Москва). М., 2005. С. 1–2.
- Брагина 2003 — *Брагина Н. Г.* «Мифологический» Хаос (Культурный след в языке) // Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2003. С. 18–31.
- Брагина 2006 — *Брагина Н. Г.* Метафоры игры в описаниях мира человека (Межличностные отношения) // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2006. С. 120–143.
- Здравомыслов 2003 — *Здравомыслов А. Г.* Немцы о русских на пороге третьего тысячелетия. М., 2003.
- Иомдин 2006 — *Иомдин Б. Л.* Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 517–612.
- Кузнецов 2001 — Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 2001.
- МАС 1981–1984 — Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А. И. Евгеньева. М., 1981–1984.
- Ожегов, Шведова 1995 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995.
- Рябцева 1999 — *Рябцева Н. К.* Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна» 1999. С. 119–137.
- СУш — Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Гл. ред. Д. Н. Ушаков. М., 1935–1940.

О СЕМАНТИКЕ НЕПОНИМАНИЯ

В данной статье речь идет о непонимании в бытовой коммуникации, т. е. о значении языковых единиц, которыми пользуются говорящие на русском языке для выражения своего непонимания.

Предметом данной статьи является следующая проблема. Всякий человек, говорящий на русском языке, сталкивался с тем, что фраза *Я не понимаю* и, в особенности, *Я этого не понимаю* может выражать не отсутствие понимания, а нечто совсем другое (а именно дистанцирование от позиции собеседника или какого-то третьего лица и ее осуждение), и представляет собой стандартный прием в дискурсивной войне.

Это осуждение особого типа: оно может быть в том числе моральным: *Я не понимаю, как можно...* (напр. в лицо говорить приятное, а за глаза — гадости), но может и не иметь отношения к морали, ср.: *Я не понимаю, что за удовольствие* (возиться в огороде, париться в бане, лежать целый день на пляже, ездить на машине на работу и чтобы часами стоять в пробках, и т. п.)

Другое свойство оценки, выражаемой словами *не понимаю* — что она сама по себе довольно агрессивна. Человек может сказать *Я не люблю ловить рыбу* — это нейтральное утверждение. Но когда человек говорит *Я не понимаю, как можно часами просиживать с удочкой* — это уже позиция, и достаточно жесткая.

Обсуждаемое значение выражения *не понимаю* может быть приблизительно передано как ‘я этого не понимаю, потому что я умный/хороший, а это глупо/дурно’. Точнее, здесь имеются три схемы: I, II и III, различающиеся композицией смысловых компонентов (1), (2) и (3).

Я этого не понимаю:

- (1) я этого не понимаю
- (2) это глупо/дурно
- (3) я умный/хороший

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 05-04-04026а и Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи»). Примеры из Национального корпуса русского языка имеют помету «ruscorpora»; примеры из Интернета приводятся без ссылки.

- I. (1), потому что (2) + (3).
- II. (2), потому что (1) + (3)
- III. (3), потому что (1) + (2)

В случае (I) утверждается то, что буквально сказано ('я этого не понимаю'), к которому достраивается некое обоснование — из смысловых компонентов (2) и (3). В случаях (II) и (III), соответственно, компонент (2) или (3) оказывается смысловым центром высказывания, т. е. тем «скрытым смыслом», ради передачи которого и делается высказывание, составляющее часть конфликтного диалога. Здесь действует механизм, похожий, хотя и не в точности тот же, что прием «лингвистической демагогии», описанный Т. М. Николаевой [Николаева 1988] (когда смысловой компонент, формально составляющий презумпцию высказывания, на самом деле является главным смыслом, который говорящий стремится «передать»).

Однако ничего этого может и не происходить. Человек может сказать *Я этого не понимаю* исключительно и только чтобы выразить смысл, что он чего-то не понимает, ср.: *я не понимаю, как решить эту задачу; этого хода в твоём рассуждении я не понимаю*. Но тогда, скорее всего, это значит, что он хочет понять. Обобщить эти два случая можно следующим образом. Поскольку состояние непонимания дискомфортно, находясь в этом состоянии, человек либо стремится из него выйти (т. е. понять), либо переосмысляет его в свою пользу (а именно что он не понимает не потому, что он недостаточно проницателен, а потому, что предмет этого недостоин).

Итак, задача в том, чтобы различить два случая — обычное непонимание и «агрессивное» (включающее все три описанных выше варианта). В частности, хотелось бы понять, какого рода правилами пользуется слушающий, чтобы декодировать это «агрессивное» значение — во избежание коммуникативного провала. Касаются ли они лишь прагматики высказывания в целом или семантики глагола *понимать*? Существуют ли какие-то объективные признаки, по которым слушающий может распознать смысловое задание говорящего (и в том числе установить, является ли оно оскорбительным).

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к семантике глагола *понимать*. Начнем с того, что идиоматическое сочетание с отрицанием характерно для многих предикатов пропозициональной установки, включающих оценку: сами оценочные предикаты *хорошо* и *плохо* сочетаются с отрицанием идиоматически, ср.: *нехорошо* ≅ 'плохо', а не 'неверно, что хорошо'; *неплохо* ≅ 'хорошо', а не 'неверно, что плохо'. Аналогичный эффект наблюдается у глаголов типа *любить*, *правиться*,

хотеть, *хотеться*. Глагол *любить* допускает как простое, так и идиоматическое отрицание, ср.: *Он не любит свою жену* = ‘не испытывает любви’ и *Он не любит свою тещу* = ‘испытывает неприязнь’. При этом простое отрицание и идиоматическое взаимодействуют с разными значениями глагола *любить*: в значении чувства эффект отрицания обычный, а в значении вкуса-пристрастия — идиоматический (см. об этом [Богуславский 1985: 35; Зализняк 2006: 379]). Для других, собственно оценочных, предикатов внутреннего состояния идиоматическое отрицание является единственно возможным, ср.: *мне не нравится ее прическа*; *мне не хочется туда идти* и т. п.

Естественно предположить, что нечто подобное происходит и с глаголом *понимать*. Действительно, у этого глагола различаются два значения, одно из которых соотносится с неким ментальным состоянием, соединяющим мнение и знание и релятивизованным к истине (см. об этом ниже), а другое — с оценкой (нечто вроде ‘я это одобряю’). Обратим внимание на то, что во втором случае эффект взаимодействия с отрицанием — типичный для оценочных предикатов, а именно изменение знака на противоположный (‘я это не одобряю’ в смысле ‘осуждаю’).

В первом случае объектом понимания является пропозиция (или совокупность пропозиций, составляющих некую интеллектуальную конструкцию, например, доказательство теоремы), а во втором — ментальный объект иной природы, включающий индивидуальный моральный (эстетический, гедонистический и т. д.) выбор и тем самым подверженный оценке со стороны другого лица. Понимание в этом случае означает одобрение этого выбора, а непонимание — неодобрение. В частности, именно об этом втором типе понимания говорят *Понять значит простить*. Заметим, что это афоризм, т. е. нетривиальное и отчасти противоречащее здравому смыслу утверждение. Действительно, «нормальной» является ситуация, которая описывается примером на значение *понимать 1* в статье [Богуславский 1984]: *Разумом я понимаю его мотивы, но согласиться с ними не могу*. Такое понимание, очевидно, не только не равнозначно прощению, но вообще относится к другой области психики. То понимание, о котором идет речь в упомянутом афоризме, соответствует значению *понимать 2* из той же работы. Приведем (в слегка упрощенном виде) оба толкования:

Понимать 1

Х понимает Y — ‘То, что X обработал разумом факты, связанные с Y-ом, каузировало то, что X имеет в своем сознании истинную информацию Z о существенных свойствах Y-а’ (*Он понимает, что его обманули*).

Понимать 2

Х понимает Y — ‘Х понимает 1 мотивы действий Y или действий лица Y и считает, что у Y есть основания для таких действий’. Примеры: *Я его просто не понимаю*; *С княжной Марьей нельзя было представить будущей жизни, потому что он не понимал ее, а только любил* [Л. Толстой, Война и мир]; *Вообрази: я здесь одна, Никто меня не понимает* [Пушкин, Евгений Онегин].

В первом приближении это и есть искомое семантическое противопоставление. Уточнить его можно следующим образом. *Понимать 1* (это значение является, очевидно, основным для данного глагола) описывает ментальное состояние, объединяющее свойства знания и мнения. От знания в понимании имеется компонент истинности; соответственно, глагол *понимать* в основном классе употреблений является фактивным: из *Он понимает, что его обманули* следует, что говорящий знает (= ‘считает, что он знает’), что его обманули¹. К области мнени я в понимании относятся все те смысловые наращения, которые отличают *понимать* от *знать*. Действительно, понимание — это «освоенное» знание, включающее представления о причинах, следствиях, а также о «смысле» обсуждаемого факта, которые относятся скорее к области мнений — ср. приводимый Ю. Д. Апресяном пример: *О том, что все беды в России пошли от атеизма, я знал давно, з н а л от Достоевского, а вот п о н я л окончательно только недавно* (Ю. Карякин, Время «склеивать позвонки») ² [Апресян 1995: 414]. Как известно, фактивная презумпция в глаголе *понимать* может утрачиваться, ср.: *Ты меня не так понял; он так понял, что...* Объяснение этому факту состоит именно в тех смысловых наращениях, которые имеются в понимании по сравнению со знанием и принадлежат сфере мнения: как частный случай мнения, понимание обладает самостоятельной ценностью, независимо от истинности. Отсюда — возможность *различных пониманий*, и равная их ценность — для одного и того же семиотического объекта. Ср. также выделяемое у обсуждаемого глагола в [Иомдин 2006: 557] значение ‘считать’, иллюстрируемое примерами типа *Он понимает свободу как осознанную необходимость*.

Итак, *понимание 1* можно приблизительно охарактеризовать как «освоенное и осмысленное субъектом представление об устройстве фрагмента мира, трактуемое им как истинное». Парадигматическим

¹ Такое понимание фактивности было предложено в [Зализняк 1992: 57].

² Заметим, что здесь сам глагол *знать* имеет сдвинутое употребление, так как его объектом является не факт, а мнение.

для понимания 1 является единичный пропозициональный объект, ср.: *Я понимаю, как работает трансформатор; Теперь я наконец понял, как решать эту задачу; не понимаю, как он сюда попал*. Вокруг этого ядра имеется периферия, образуемая пропозициональными объектами других типов *Ты не понял, что я хотел сказать; Я не понял, куда я должен ехать* и т. п.; *Он понял, что не знает, куда идти; Он понял, что должен попросить у нее прощения*, а также объекты сложной природы (*понимать теорию вероятностей; понимать по-французски; понимать музыку*).

Обратимся теперь к пониманию 2 (см. примеры выше; это значение мы будем называть оценочным). Его объектом является некоторый фрагмент ментального мира другого человека: какое-то его представление или комплекс представлений, а также какое-то пристрастие или даже (сознательно выбранный) образ жизни. Формальным объектом в *понимать* 2 может быть как имя лица, так и обозначение обсуждаемого фрагмента его ментального мира, ср.: *Никто меня не понимает* и: *я понимаю его нежелание <что-либо делать>, стремление <к чему-то>, страх <чего-то>* и т. д.; *не понимаю твоей страсти к приключениям, привязанности к этой женщине, любви к русской бане (к жарким странам, к острым ощущениям)* и т. п.³. *Понимаю* в этом случае выражает некоторую оценку обсуждаемого внутреннего состояния или свойства другого человека. Исходный пункт для формирования этой оценки наиболее точно может быть охарактеризован формулой 'могу себе представить'⁴; соответственно *не понимаю* = 'не могу себе пред-

³ В работе [Иомдин 2006: 550] у глагола *понимать* выделяется близкое значение 'сочувствовать', где объектом может быть только лицо (*Счастье — это когда тебя понимают*). Однако, как представляется, для разведения значения понимания другого человека и понимания чужих взглядов нет достаточных оснований (так как имя лица в реальности метонимически обозначает ментальный мир этого лица или его фрагмент); в пользу такого решения свидетельствуют, в частности, примеры типа (3), где фактически одна и та же ситуация обозначена как *его не понимаю* и как *этого не понимаю*. Ср. также аналогичную многозначность глагола *сочувствовать* <кому-то>; <чьим-то взглядам, убеждениям>.

⁴ Использование метаязыковой единицы «представлять (себе)», предложенное в [Апресян 1995: 414] для толкования глагола *понимать*, является, на мой взгляд, весьма плодотворным как для этого глагола, так и для других предикатов внутреннего состояния (ср. толкования для *сознать* и *сочувствовать* в [Зализняк 2006: 93; 389]). Ср. также семантический примитив *imagine*, который входил в одну из ранних версий «естественного семантического метаязыка» А. Вежбицкой [Wierzbicka 1972].

ставить'. Итак, приблизительное толкование для *понимать* 2 выглядит следующим образом: 'я сам, возможно, так не думаю (не чувствую, не делаю), но могу себе представить, что я так думаю, чувствую или делаю, и представляя себе это, не чувствую неприятия'. Соответственно, *Не понимаю* означает либо 'не могу себе представить', либо 'представляя, чувствую неприятие'. Ср., соответственно, (1) и (2):

- (1) *Не понимаю*, как можно не любить мужа? [Ну как на свете без любви прожить! // «Сельская новь», 2003, ruscorgpora]
- (2) Но я, например, тоже *не понимаю* рыбаков, которые сутками могут сидеть перед этой дыркой во льду и что-то там ждать, пока клюнет [Анна Карабаш. Быть Vasey Strelnikoff // «Домовой», 2002.03.04, ruscorgpora]

Не понимаю в этом случае выражает тип установки, очень близкой к той, которая обозначается глаголом *не люблю* в контексте пропозиционального объекта (см. [Зализняк 2006: 377–380]), ср.: *Я люблю стоять перед зеркалом и гримасничать* (В. Драгунский) — *А я не люблю этого: не понимаю, что за удовольствие — стоять перед зеркалом и гримасничать*.

Вернемся теперь к фразе *Я этого не понимаю*. В принципе такую конструкцию допускают оба значения глагола *понимать*. В Национальном корпусе русского языка (где она встречается более 200 раз) в абсолютном большинстве случаев она имеет оценочное значение. Например:

- (3) — Я решительно не понимаю его, — сказал Вронский. — Если бы после твоего объяснения на даче он разорвал с тобой, если б он вызвал меня на дуэль... но *этого я не понимаю*: как он может переносить такое положение? [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878), ruscorgpora]
- (4) *Не понимаю я этого*, как можно на свою кровинушку злобу таить [Лариса Буланкина. Дом без сыновей // «Работница», 1988, ruscorgpora]

В конструкции *Я этого не понимаю* местоимение *это* может иметь антецедентом высказывание, выражающее некоторое мнение или жизненную установку, ср.:

- (5) «Я не умею», — *я этого не понимаю* и понимать не хочу [Лидия Смирнова. Моя любовь (1997), ruscorgpora]

Единственный бесспорный пример употребления этой фразы в значении 'непонимания 1' в Национальном корпусе русского языка — из повести А. Солженицына «Случай на станции Кочетовка»:

- (6) — А вы номер вагона не помните? — Нет, — улыбнулся Тверитинов. — Вагон — двухосный или четырёхосный? — *Я этого не понимаю.* — Ну как не понимаете! Маленький или большой? На сколько тонн?

Тем самым, очевидно, фраза *Я этого не понимаю* является в русском языке конвенционализированным способом выразить неодобрение (по отношению к взглядам, вкусам, жизненным установкам и даже поступкам собеседника или третьего лица) — наряду с многочисленными другими способами косвенного выражения отрицательной оценки (ср. *Хорошенькое дело!* и т. п.). Таким образом, в том случае, когда говорящий хочет сказать, что он чего-то не понимает «в буквальном смысле», он должен, во избежание коммуникативного провала, принимать специальные меры.

Итак, эффект фразы *Я этого не понимаю* складывается из трех факторов: семантики, прагматики и узуса. Семантический фактор состоит в том, что в этой фразе реализуется особое «оценочное» значение глагола *понимать*, обладающее рядом специфических свойств, в том числе идиоматическим взаимодействием с отрицанием. Прагматический фактор состоит в том, что говорящий — видимо, в силу своего «прагматического приоритета» над слушающим и третьим лицом (ср. [Бергельсон, Кибрик 1987]) — обращает формулу ‘не могу себе представить’ в свою пользу, т. е. трактует ее как обнаруживающую недостаток другого лица и свое преимущество над ним. (Интересно, что когда человек говорит *Тебе этого не понять*, то здесь тоже «одерживает верх» говорящий — который в данном случае, наоборот, оказывается тем, кто *понимает*. Тем самым получается, что *Я этого не понимаю*, потому что я умный, а *Ты этого не понимаешь*, потому что ты глупый.) Если говорящий не участвует ни на одной из сторон, оценочная составляющая (и, соответственно, смыслы самоутверждения, агрессивности и т. п.) исчезает или, по крайней мере, существенно ослабляется, ср.: *сытый голодного не понимает*. Ср. также:

- (7) Тем, кто сидит в креслах, ест попкорн и попивает пиво, *не понять* того, что происходит с теннисистами на корте [Роман Средиземский. Основной инстинкт // «Известия», 2001.07.31, ruscroga]

Наконец, фактор узуса сказывается в том, что фраза *Я этого не понимаю*, теоретически неоднозначная, в реальности употребляется почти исключительно в значении *понимать* 2.

Лингвистический механизм эффекта *Я этого не понимаю* состоит в следующем.

Имеется два противопоставления:

1. 'Понимать 1' — 'понимать 2' (чисто семантическое, см. выше). В ядерной зоне имеется дополнительное распределение по объектам, соответствующее исходному различию двух типов понимания, соответственно, устройство фрагмента внешнего мира (как работает трансформатор) и устройство фрагмента ментального мира другого субъекта (его мнения, эмоции, пристрастия, жизненные установки). Однако имеется и область пересечения, куда относятся все языковые произведения, от слова до текста, а также теории устройства фрагментов мира, выраженные на языке. Сюда же относятся произведения несловесных искусств (т. е. все, имеющее «смысл»: понимание — это обретение смысла).

2. Нейтральное — аксиологически окрашенное значение. (Под аксиологической окрашенностью я понимаю отрицательную оценку объекта непонимания: *Я не понимаю, как ты можешь это терпеть.*)

Эти два противопоставления априори независимы друг от друга. Тем самым возможны все четыре комбинации. Однако в реальности одна комбинация, а именно 'понимание 2' без оценки, встречается очень редко; пример такого редкого употребления:

- (8) Она кого полюбит, так навсегда; а *я этого не понимаю*, я забуду сейчас.
[Л. Н. Толстой. Война и мир. Том 2 (1867–1869), русского]

Таким образом, 'понимание 2' прочно (хотя и не однозначно!) соединено с оценкой, в особенности при отрицании. Когда человек говорит *Я тебя очень хорошо понимаю: мне тоже утром очень тяжело проснуться* или, как Евгений Онегин, *Не всякий вас, как я, поймет*, то здесь помимо легкого положительного импульса, которое дает любое понимание (ср. усиление именно этого позитивного момента в восклицании *Как я тебя понимаю!*), никакой положительной оценки объекта понимания нет. Что же касается предложения с отрицанием, то здесь отрицательная оценка объекта, хотя и не является встроенной в значение 'понимать 2', но прагматически очень естественно возникает (с чего мы начали).

Теперь необходимо сделать некоторое уточнение относительно значений 'понимать 1' и 'понимать 2' и вообще структуры полисемии глагола *понимать*.

По-видимому, глагол *понимать* значит всегда одно и то же, но содержит одну переменную (Y), за счет которой возникают разные значения: 'субъект (A) имеет в сознании представление (X), адекватное чему-то (Y)'. Это «что-то» (т. е. переменная Y) может быть:

1. а. Положение дел в реальном мире ⁵: *куда положил ключи; как работает трансформатор*; б. Собственное представление субъекта (А) об истине. То есть это истинное, с точки зрения субъекта, мнение (*Понимаю, что должен извиниться*).

Пункты (а) и (б) различаются тем, что в (а) речь идет о верифицируемой пропозиции (т. е. о фактах), а в (б) — о неверифицируемой (т. е. о мнениях). Однако фактически они различаются обязательствами говорящего (и тем самым, только в не 1-м лице; в 1-м лице никаких лингвистически релевантных различий между этими двумя типами ситуаций нет, ср.: *я понял, откуда он это знает* и *я понял, что мне делать* и т. п.). В случае (а) говорящий либо считает подчиненную пропозицию истинной, либо не имеет никакого мнения по этому поводу — но не может иметь противоречащего мнения или знания: *я не могу сказать Он понял, куда она вчера ходила*, если я знаю, что он понял неправильно. Между тем, когда я говорю *Он понял, что должен уйти с этой работы*; *понял, что должен перед ней извиниться* и т. п., т. е. в случае (б), я могу не иметь никакой позиции по названным вопросам.

Заметим, что это различие существует только для глагола сов. вида *понял*, но не для несов. вида *понимает* (т. е. *понял* ориентируется на внутреннее состояние субъекта, а *понимает* описывает ситуацию более объективно). В работе [Булыгина, Шмелев 1989: 42] было показано, что глаголы *понять* и *понимать* обладают различными сочетаемостными ограничениями ⁶. И действительно, предложение с *понимает* в несов. виде возлагает ответственность на говорящего и в случае (б), так, высказывание *Он понимает, что должен перед ней извиниться* означает, что его автор тоже так считает, иначе он должен был бы сказать *Он считает, что должен перед ней извиниться*. Ср. также: *Он понимает, в чем его ошибка*: если говорящий имеет иное мнение относительно ис-

⁵ В работе [Иомдин 2006: 526] основное значение глагола *понимать* передается формулой ‘осознавать положение дел’. Однако, судя по приводимым примерам (*что крепостничество изжило себя; что власть как таковая — это неплохо* и т. п.), речь идет не о фактах, а о мнениях, так что выбранная формулировка, сама по себе удачная, по отношению к данному типу употребления представляется неточной.

⁶ Впрочем, не со всеми постулируемыми в этой статье запретами можно согласиться. Так, очевидно, можно не только *знать маршрут*, но и *понимать* его (если он сложный или нетривиальный); можно сказать *Я понимаю, куда они уехали* (если обсуждаемое представление получено путем каких-то интеллектуальных операций, а не из чьего-то сообщения); можно сказать *Он прекрасно понимает, чьим он золотом платил за свой ночлег* (перифраза из стихотворения Л. Мартынова).

точника обсуждаемой ошибки, он должен сказать *Он считает, что он понял* или *Он считает, что его ошибка в том-то и том-то*.

Тем самым для глагола несов. вида *понимать* случаи (а) и (б) не различаются.

2. В качестве переменной *Y* может выступать значение языкового знака или смысл текста, вложенный в него его автором. Ср.: *Я не понимаю этого слова* = 'не имею представления (*X*), адекватного значению слова (*Y*)'; *Ты не понимаешь* (= 'неправильно понимаешь') это слово (= 'твое представление *X* не адекватно *Y*'; *Ты меня не понял* (= 'не понял того, что я хотел сказать'): представление, которое имеет в сознании субъект *A* (т. е. *X*) не адекватно (в данном случае просто не совпадает) вложенному говорящим в свое высказывание смыслу (т. е. *Y*).

Возвращаясь к противопоставлению двух значений глагола *понимать*, обратим внимание на то, что они обнаруживают также разный эффект взаимодействия с оператором *мочь*. Для *понимать* 2 выражение *не понимаю* имеет пресуппозицию 'могу понять' (например, в предложении *Я не понимаю его доказательства этой теоремы* то, что я *могу его понять*, входит в презумпцию, иначе оно было бы бессмысленно). Соответственно, фразы *могу понять доказательство* и *понял доказательство* означают разные вещи, ср.: *могу поднять 100 кг* и *поднял 100 кг*. Что же касается значения *понимать* 2, то здесь сочетание *могу понять* значит практически то же самое, что *понимаю*, ср.: *Я могу понять* (\cong *понимаю*) *его желание отделаться от этого человека, но зачем было хамить, не понимаю*. Иными словами, 'понимать 2', в отличие от 'понимать 1', обладает свойством идиоматического сочетания не только с отрицанием, но и с модальным оператором *мочь* (ср. [Зализняк, Падучева 1989: 93]).

Другой показательный пример:

- (9) *Я могу понять русских помещиков тридцатых годов, возвращавшихся из чужих краев, корча буржуа и фабрикантов, с умилением смотревших на французский либерализм; я еще большие понимаю поклонение к Германии русских ученых, которые из Берлина привозили нам в сороковых годах живое слово науки и тайком передавали его нам* [А. И. Герцен. Русские немцы и немецкие русские (1859), ruscorpora]

Что касается выражения *не могу понять* (с отрицанием), то оно практически синонимично *не понимаю* в обоих значениях, ср: *не понимаю решения этой задачи* и *не могу понять решения этой задачи* ('понимать 1'); *не понимаю, как ты это терпишь* и *не могу понять, как ты это терпишь* ('понимать 2'), однако значение сочетания с глаголом

мочь здесь различно. В частности, лишь для первого значения реакция типа «А ты постарайся» является осмысленной. Для второго значения возникнет эффект каламбура, аналогично тому, который вызывает выражение *не могу поверить* в диалоге из «Алисы в Стране чудес», обсуждаемом в [Падучева 1982/97: 218]:

— Не может быть! — воскликнула Алиса. — Я этому *поверить не могу*.
 — *Не можешь?* — повторила королева с жалостью. — *Попробуй еще раз:*
 вдохни поглубже и закрой глаза.

Два вида непонимания, о которых идет речь, обнаруживают некоторые различия в употреблении фразеологических единиц. Так, выражения *ума не приложу*, *уму непостижимо* <куда я мог положить ключи; почему он так поступил; как ему удалось избежать наказания> могут выражать только ‘непонимание 1’ (т. е. допускающее «попытку понять», ср.: *Я все пытаюсь понять, почему он так поступил, и не могу: уму непостижимо*) и означают ‘не знаю’ плюс некоторый смысловой довесок.

- (10) *Ума не приложу*, что теперь делать [Жажда наживы — подруга жулья // Аргументы и факты, 2001.04.04, ruscorpora]
- (11) В чем смысл политической поддержки, *ума не приложу* [Александр Лившиц. Сегмент нестабильности // «Известия», 2001.08.16, ruscorpora]
- (12) Как он про них забыл, я *ума не приложу*: [Ольга Кабанова. Безупречный Игнатович. Классик советской фотографии получил музейные почести // «Известия», 2002.06.14, ruscorpora]
- (13) И как его только, лежебоку, дармоедину, Матерь Святая до генерала дотянула — *ума не приложу!* [Н. А. Тэффи. Покаянное (1910), ruscorpora]

Выражение *уму непостижимо* имеет два режима употребления; нас интересует только тот из них, где это выражение обозначает ‘совершенно непонятно’ (*уму непостижимо, как он сюда попал*). Существует другой режим употребления, при котором это выражение используется для обозначения высокой степени отрицательной оценки — ср. следующие примеры из Интернета (на грани нормы, но хорошо иллюстрирующие тенденцию семантического развития):

- (14) Спам. Как же он достал! *Уму непостижимо* (= ‘очень сильно’).
- (15) Нет, ну я понимаю, что мне здесь не нравится, но чтобы так не нравилось как сегодня — это *уму непостижимо* (= ‘очень сильно’).

С другой стороны, имеются фразеологические единицы, которые выражают преимущественно значение ‘непонимание 2’; они не сочетаются с указанием на «попытку понять» и означают ‘считаю, что нель-

зя', ср.: *это мне (для меня) непостижимо; это не укладывается у меня в голове* <как можно так жестоко обращаться с животными; как можно терпеть такое положение>.

Приведем некоторые примеры из НКРЯ:

- (16) Жизнь молодому человеку поначалу кажется скучной, и он ищет внешних приключений, ибо *в голове* его решительно *не укладывается*, что если даст Бог, то и ему когда-нибудь стукнет 30, 40, 50 и т. д. Представить такое в юности — невозможно [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997), ruscorgora]
- (17) Я *понять не могу*, *в голове не укладывается*, как у такого здорового баганны могут быть какие-то нелады с сердцем [Виталий Мелик-Карамов, Татьяна Тарасова. Красавица и чудовище (1984–2001), ruscorgora]
- (18) *В голове не укладывается*, как пропаганда либеральных идей и низких налогов сочетается у СПС с предложениями, годными для семнадцатого века [А. Винг. Россиян могут заставить платить за воздух // «Красноярский рабочий», 2003, ruscorgora]

Выражение *это находится за пределами моего понимания*, по-видимому, может использоваться для обоих типов понимания, ср. примеры:

‘понимать 1’:

- (19) «Это же вздор!» Затем, чтобы отвлечься, он решал задачи, часами сидя за столом, заполняя один лист за другим алгебраическими формулами. Будто пытался извлечь «корень зла» и спасти погибающего сына. Все происходящее оставалось *за пределами его понимания*. Иван Гаврилович намеревался написать Сталину. Возможно, он это и сделал. И временами были у старика проблески надежды, что вернется Николай, — ведь сам Сталин ценил его так высоко [Анна Ларина (Бухарина). Незабываемое (1986–1990), ruscorgora]
- (20) В свете этого хочется отметить еще одно выходящее *за пределы моего понимания* явление — шум вокруг банального приобретения прав на поддержку русской части ЖЖ компанией «Суп».

‘понимать 2’:

- (21) Мне совершенно не нравятся группы вроде Portishead, Radiohead или Travis, их так называемая музыка находится *за пределами моего понимания*.
- (22) Кто же мне интересен? Тот, кто НЕ похож на меня, но находится *в пределах моего понимания*. Вот так, кажется...

Таким образом, противопоставление двух типов понимания довольно последовательно проводится русским языком.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Бергельсон, Кибрик 1987 — *Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.* Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка // *Кибрик А. Е. и др.* Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- Богуславский 1984 — *Богуславский И. М.* Словарная статья *понимать* // *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка. Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 14. Wien, 1984.
- Богуславский 1985 — *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.
- Булыгина, Шмелев 1989 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов.* М., 1989.
- Зализняк 1992 — *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния // *Slavistische Beiträge.* B. 298. München: Otto Sagner Verlag, 1992.
- Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Зализняк, Падучева 1989 — *Зализняк Анна А., Падучева Е. В.* Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов.* М., 1989. С. 92–115.
- Иомдин 2006 — *Иомдин Б. Л.* Языковая модель понимания / Ю. Д. Апресян (ред.) // *Языковая картина мира и системная лексикография.* М., 2006.
- Николаева 1988 — *Николаева Т. М.* «Лингвистическая демагогия» // *Прагматика и проблемы интенциональности.* М., 1988. С. 154–165.
- Падучева 1982/97 — *Падучева Е. В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // *Семиотика и информатика.* Вып. 35. М., 1997.
- Wierzbicka 1972 — *Wierzbicka A.* Semantic primitives // *Linguistische Forschungen.* B. 22. Frankfurt/M., 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

<i>Н. Д. Арутюнова. Коммуникативная реакция на истинностное значение высказывания Другого</i>	5
---	---

АССЕРЦИЯ И НЕГАЦИЯ:

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

<i>Е. М. Верецагин. Апофатическое богословие sub speciae glottologiae</i>	11
<i>Е. Г. Драгилина-Черная. Онтология отрицания: присутствие отсутствия vs. отсутствие присутствия</i>	25
<i>М. В. Малинович, Ю. М. Малинович (Иркутск). Ассерция. Негация. Причинность: взаимодействие категорий</i>	34
<i>Е. В. Москалева (Мичуринск). Психолингвистический анализ выражения отрицания аффиксами в английских и русских неологизмах</i>	44
<i>В. И. Постовалова. «Блаженны нищие духом...»: концепт «смирение» в православном мирозерцании</i>	53
<i>И. Ф. Рагозина (Дубна). Отрицание и опровержение</i>	75
<i>Т. Б. Радбиль (Нижний Новгород). «Онтологизация негации» как аномалия языковой картины</i>	89
<i>Н. К. Рябцева. Отрицание — запрет — оправдание: от структуры дискурса к «алгебре совести» (по В. А. Лефевру)</i>	103
<i>Е. Б. Яковенко. «Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня...» (семантика отрицания и отречения в Библии)</i>	120

ОТРИЦАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

<i>В. Б. Борщев, Е. В. Падучева, Б. Х. Парти, Я. Г. Тестелец, И. С. Янович. Синтаксическое, семантическое и прагматическое отрицание в русском языке</i>	129
<i>Н. В. Гатинская. История одного показателя ассерции в русском языке: конечно</i>	144
<i>В. А. Матвеев. Отрицательные приставки в переводном древнерусском памятнике</i>	162
<i>А. Д. Шмелев. «Незначащее» и «невывраженнос» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии)</i>	173

СПЕЦИФИКА ОТРИЦАНИЯ В РАЗНЫХ ВИДАХ ДИСКУРСА

<i>И. Кор-Шаин, Е. В. Рахилина.</i> Чего не хватает глаголу <i>хватать</i> ?	203
<i>Н. Г. Мед</i> (Санкт-Петербург). Экспрессивное отрицание в диалоге (на материале испанской и португальской разговорной речи).....	214
<i>Е. Я. Шмелева.</i> Ассерция и негация в русском анекдоте	221

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТРИЦАНИЯ

<i>Н. Б. Мечковская</i> (Минск). Отказ: что определяет диктум и модус в отрицательных реакциях на побуждение?	230
<i>С. Ю. Семенова.</i> Об отрицании в контексте счастья и печали	245
<i>В. М. Труб</i> (Киев). Отрицание как негативная оценка истинности.....	256

АССЕРЦИЯ И НЕГАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

<i>Н. М. Азарова.</i> Грамматика отрицания и авангард	271
<i>А. В. Белова.</i> Утверждение и отрицание как средство создания образности в поэтике Н. Гумилева	285
<i>М. В. Гаврилова.</i> Никто, Ничто и Кто Угодно: «апофатика» Ю. Буйды	297
<i>А. Г. Грек.</i> Отрицание как элемент «утвердительной» поэтики: Вяч. Иванов и Б. Пастернак	305

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ НЕГАЦИЯ

<i>Г. И. Берестиев</i> (Калининград). И да, и нет: стратегия парадокса	330
<i>М. В. Ляпон.</i> Парадоксальная логика скрытого отрицания.....	342
<i>А. В. Суховерхов.</i> Парадоксы, в которых опровергается то, что утверждается	357
<i>Е. А. Яшина</i> (Мичуринск). О роли отрицания в парадоксе.....	365

ДА И НЕТ: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ — ОТРИЦАНИЕ

<i>Е. В. Вельмезова</i> (Москва—Лозанна). <i>Да и нет</i> : частицы или междометия? Из истории академических грамматик прошлого века	378
<i>М. А. Дмитриовская</i> (Калининград). DA + NET = DEATH («черно с белым не берите, „да“ и „нет“ не говорите»: обратный мат у В. Набокова).....	388
<i>Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина.</i> 500 способов сказать «нет» (русско-немецкие соответствия)	400
<i>А. Э. Левицкий</i> (Киев). Между <i>нет</i> и <i>да</i> : проблемы когнитивной и коммуникации.....	411

ОТРИЦАНИЕ В РЯДУ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

<i>Т. Б. Агранат.</i> О связи отрицания с аспектом, залогом и семантическими ролями в прибалтийско-финских языках	424
--	-----

<i>Е. И. Григорьян</i> (Ростов-на-Дону). Отрицание, семантическая структура глагола и актанты.....	436
<i>Е. М. Лазуткина</i> . Отрицание в глагольном предложении: при глаголе, в глаголе и во фразеологизированных конструкциях.....	443

НЕГАЦИЯ И АССЕРЦИЯ В «ЭКЗОТИЧЕСКИХ» ЯЗЫКАХ

<i>К. В. Антонян</i> . Семантика невозможности в китайском языке (формы потенциального наклонения).....	457
<i>О. А. Казакевич</i> . Отрицание в языках Среднего Енисея (кетском, селькупском, эвенкийском).....	467
<i>Т. А. Майсак</i> . Синтаксис и семантика в распределении показателей отрицания (на материале удинского языка).....	480
<i>Л. Н. Морев</i> . Отрицание в тайских языках в типологическом аспекте.....	496
<i>Ф. И. Рожанский</i> . Отрицательные формы как свидетельство формирования нового морфологического механизма в водском языке.....	506
<i>Н. В. Солнцева</i> . Особенности отрицаний в языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (на примере китайского языка)	521

ПОЙМИ НЕПОНИМАНИЕ

<i>Н. Г. Брагина</i> . «Отраженная» семантика отрицательных имен: концептуальное слово <i>непонимание</i>	529
<i>Анна А. Зализняк</i> . О семантике непонимания	544

Научное издание

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА
АССЕРЦИЯ И НЕГАЦИЯ

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Л. Е. Коритысская*

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: **+7 495 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
35,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 729

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

